A 282
339
T 2

А 282
339

В. Розановъ

ОКОЛО ЦЕРКОВНЫХЪ СТѢНЪ

А пророки ея все замазываютъ грязью, видятъ пустое и предсказываютъ имъ ложное, говоря: „такъ говоритъ Господь Богъ“, — тогда какъ не говоритъ Господь.

Іезекіиль, XXII, 28.

Въ двухъ томахъ

Томъ второй 2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., № 71—6
1906

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., 2 л., д. 13

(„Литературная Книжная Лавка“)

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

I. Историческій отдѣлъ.

Батюшковъ, Ѳ. Д.

В. Г. Короленко, какъ человѣкъ и писатель, по его произведеніямъ. Съ портретами и иллюстраціями **(№ 13)** [печатается].

Богучарскій, В.

Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами. Спб. 1904 г. **2** р. **(№ 4).**

Бороздинъ, А. К.

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ (№ 1).

Томъ I. Съ 8 портретами. Спб. 1903 г. **1** р. **75** к.

Томъ II. Съ 18 портретами.— **Вып. I.** Съ 13 портретами. Спб. 1905 г. **1** р. **75** к.—**Вып. II.** Съ 5 портретами [печатается].

Брюкнеръ, А.

Исторія польской литературы. Переводъ С. Штернъ **(№ 18)** [печатается].

Буркгардтъ, Яковъ.

Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. Перев. съ нѣм. *С. Бриліанта*, съ 8-го изданія, переработаннаго Людвигомъ Гейгеромъ. Въ 2 тт. Спб. Ц. за оба тома **5** р. **(№ 7)**

Вандаль, Альбертъ.

Возвышеніе Бонапарта. I. Происхожденіе брюмерскаго консульства. Конституція III года. Переводъ съ XI-го фран. изд. *З. Н. Журавской.* Спб. 1905 г. **2** р. **(№ 16).**

Каутскій, Карлъ.

Томасъ Моръ и его Утопія. Переводъ съ нѣм. *М. А.* и *А. Г. Генкель.* Спб. 1905 г. **1** р. **25** к. **(№ 14).**

Лемке, Мих.

Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Съ 19 портретами и 81 каррикатурою. Спб. 1904 г. **3** р. **(№ 2).**

Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ. Съ 5 портретами. Спб. 1904 г. **3** р. **(№ 3).**

Милюковъ, П.

Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. 2-е изд. Спб. 1905 г. **3** р. **50** к. **(№ 5).**

Никитенко, А. В.

Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ“. Записки и дневникъ (1804—1877 гг.). Съ портретомъ автора. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное *по рукописи*, подъ редакціей, съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ *М. К. Лемке.* Въ двухъ томахъ. Спб. 1905 г. Ц. за оба тома **7** р. **(№ 12).**

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка.

Статьи и матеріалы *В. И. Семевскаго, В. Богучарскаго* и *П. Е. Щеголева* **(№ 11).** Томъ I. **Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель.** Съ 3 геліогравюрами. Спб. 1905 г. **5** р.

Пименова, Э.

Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Съ 10 портретами. Спб. 1904 г. **2** р. **(№ 6).**

Выписывающіе изъ Склада за пересылку не платятъ.—Каталогъ высылается за 7-микоп. марку по первому требованію.

А 282
339
ф 1-79
1507

ОКОЛО ЦЕРКОВНЫХЪ СТѢНЪ

Томъ второй

В. Розановъ

ОКОЛО ЦЕРКОВНЫХЪ СТѢНЪ

А пророки ея все замазываютъ грязью, видятъ пустое и предсказываютъ имъ ложное, говоря: „такъ говоритъ Господь Богъ“, — тогда какъ не говоритъ Господь.

Іезекіиль, XXII, 28.

Въ двухъ томахъ

Томъ второй

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій [illegible]
1906

2007041717

Содержаніе II тома

стран.

Предисловіе . . . . . IX—X

Огни священные 1

Еще о „святыхъ огонькахъ". *Еврея-сіониста* . . . 11

Объ „отпущеніи грѣховъ" у христіанъ и евреевъ *Г. Бернштейна* 12

Статистика преступности у христіанъ и евреевъ . 13

Аскоченскій и архим. Θеод. Бухаревъ 15

Четыре письма *Анны С. Бухаревой* 39

Раздвоенность жизни. *Свящ. А. Устьинскаго* . . . 48

Папская „непогрѣшимость", какъ орудіе реформаціи безъ революціи 55

Споръ объ апокрифахъ.

Апокрифическій соръ въ „благословляемыхъ къ печатанію" церковныхъ книгахъ. *Евгр. Быжанова* . 71

Открытое письмо объ „Апостольскихъ постановленіяхъ". *Проф. А. Бронзова* 74

Гдѣ-же границы апокрифичности? *В. Розанова* . 75

Еще объ „Апостольскихъ Постановленіяхъ". *Проф. А. Бронзова* 78

Отвѣты не на тему. *В. Розанова* 79

Разъясненіе недоразумѣній. Письмо В. В. Розанову. *Проф. А. Бронзова* 81

Кому-же вѣрить, Петербургу или Москвѣ? *В. Розанова* 82

По поводу полемики объ „Апостольскихъ Постановленіяхъ". *А. Паткова*. 84

стран.

Печальное „resumé“ 85

О книгѣ проф. Н. Суворова: „Учебникъ церковнаго права“ 88

Свѣточи церковной жизни, какъ руководители церковнаго сужденія. Письмо *Вл. Еремѣева*. Съ примѣчаніями *В. Розанова* 91

Оптина Пустынь 95

Благой старецъ о постѣ и объ облегченіяхъ въ немъ. 126

Между свѣтомъ и тьмою.

Народныя чтенія въ Петербургѣ 131

Въ іюльскіе дни. Какъ нарушилась „суббота“ и что изъ этого вышло 140

Кто задерживаетъ обновленіе Церкви? 143

О духовенствѣ въ отношеніи его къ свѣтскому обществу. *Софьи Д—ской*. 146

Вѣра безъ Церкви или Церковь безъ вѣры? Исповѣданіе духовнаго христіанина. *Бориса В—ва*. Съ примѣчаніями *В. Розанова* 152

О состраданіи къ животнымъ 157

Майскій союзъ *А. Полотебновой* 162

Къ паденію башни св. Марка въ Венеціи . . . 165

Среди человѣческихъ слезъ 169

Маленькій Іовъ на гноищѣ 173

Разсказъ бабушки 175

Забытое село 186

Духовенство въ училищахъ.

Письмо—*Скорбящаго* 188

О преподаваніи законоучителей и о проповѣдничествѣ іереевъ *А. Русинова* 190

Духовенство на богослуженіи 193

Отношеніе епископа къ священникамъ 195

Новый свѣтъ изъ „Маяка“. Общество ревнителей VII-й заповѣди 179

Левъ XIII и католичество 203

стран.

Церковь „прежде почившихъ“ и Церковь живыхъ. 225

О „соборномъ“ началѣ въ Церкви и о примиреніи Церквей 243

Изъ католическаго міра 251

Мистицизмъ и хлыстовскія теченія въ католичествѣ. Письмо изъ Кракова *Ж—ча*. Съ примѣчаніями *В. Розанова* 253

Какую „Церковь“ основалъ Іисусъ Христосъ, и точное значеніе слова „каѳолическій“. Письмо *Литовика*. Съ примѣчаніями *В. Розанова* 257

О культѣ Дѣвы Маріи и догматѣ „непорочнаго зачатія“ ея. Письмо изъ Франціи *Ѳ. Р—цева* . . . 263

О взаимномъ отношеніи Католической и Православной Церквей. Письмо *проф. N. N* 266

О нарядности и нарядныхъ дняхъ календаря. . . 271

Исповѣданіе священника. Почему мы не входимъ въ мірскія радости? *Свящ. Н. Дроздова*. Съ примѣчаніями *В. Розанова* 299

Любите-ли вы человѣка? 309

Выносъ кумировъ 317

А. С. Хомяковъ и Вл. С. Соловьевъ.

Памяти А. С. Хомякова 343

О славянофилахъ и объ г. Николаѣ Соколовѣ. . 361

Объ одной особенной заслугѣ Вл. С. Соловьева. 367

Внутри ограды церковной.

Прекрасный Іосифъ и его братья 387

Воздыханцы 395

Слово о Страшномъ Судѣ и современныхъ событіяхъ. *Антонія, епископа Волынскаго* 401

Почему я не вѣрю? Исповѣданіе атеиста. *А. К—ра*. 411

Религія, какъ чудо и очевидность. Примѣчанія къ размышленіямъ невѣрующаго. *В. Розанова*. 411—434

О священствѣ и „благодати“ священства 437

Объ основномъ идеалѣ Церкви 444

О древнихъ и новыхъ жертвахъ 447

Объ отлученіи гр. Л. Толстого отъ Церкви 451
Объ а-догматизмѣ христіанства 455
Таблица вопросовъ религіозно-философскихъ . . 473
О странности понятій „ветхаго“ и „новаго“ въ Словѣ Божіемъ . . . . . „
О „преданіи“ въ Церкви, и невольныхъ „новизнахъ“ въ ней 474
Какъ была находима Церковью „истина“? . . . 475
„Святые“ и „духовенство“ въ Церкви 471
Духъ—вѣяніе—законъ въ Церкви 477
Недостатокъ реалистическихъ началъ въ Евангеліи . . . . . „
Изъ какой необходимости произошли „таинства“ въ Церкви и „культъ“ ея 478
Въ чемъ скрыта метафизика христіанства . . . 479
О монашествѣ и св. мощахъ . . . . . „
Побѣда христіанства надъ жизнью и надъ смертью . 480
Церковь въ ея минувшихъ задачахъ 483
„Ветхіе“ тезисы и „новые“ антитезисы.
Сопоставленіе требованій „Исхода“, „Второзаконія“ и „Числъ“ съ 3-мъ и 4-мъ „Апостольскими правилами“ о принесеніи „предъ Господа“, въ Храмъ, начатковъ плодовъ земледѣлія, и всего „перворождающагося“ 485
Іоанна Златоуста—„Слово о Синайскомъ законодательствѣ и Завѣтѣ Бога съ Авраамомъ“. Съ примѣчаніями *В. Розанова*. 486
Іоанна Златоуста — „Слово о ветхозавѣтныхъ праздникахъ“. Съ примѣчаніями *В. Розанова*. 491
Заключеніе 497

Во 2-ой томъ я ввелъ, довольно обширно, нѣсколько размышленій на тѣ самыя темы, какимъ посвящена книга — *со стороны*, людей иного склада религіозной мысли, иного бого-отношенія, бого-ощущенія, чѣмъ какимъ живетъ авторъ. Такимъ образомъ богословскій монологъ мѣстами развѣтвляется у меня въ *діа*-логъ и даже *поли*-ологъ (рѣчи *многихъ*), какъ-бы ведущійся возлѣ церковныхъ стѣнъ и объ этихъ самыхъ стѣнахъ. Въ разные годы я былъ счастливъ получить нѣсколько поразительныхъ какъ-бы „исповѣданій сердца“: 1) о вопросахъ культа христіанскаго (см. „Вѣра безъ Церкви или Церковь безъ вѣры?“—письмо на стр. 152—157), 2) объ особенномъ, отрицательно-скорбномъ отношеніи духовенства къ міру и мірскимъ утѣхамъ (стр. 299—309) и, наконецъ, 3) о мотивахъ полнаго отверженія всякой вообще религіи (стр. 411 — 434) и проч., и теперь дѣлюсь этими „исповѣданіями“ съ читателями, съ вѣрующими, съ мудрецами. Каждому будетъ здѣсь довольно предметовъ для мысли. Кромѣ того, нѣсколько католиковъ, мнѣ вовсе почти неизвѣстныхъ (съ двумя изъ нихъ видѣлся по разу, и лишь съ однимъ разговаривалъ болѣе или менѣе сложно), повѣдали мнѣ въ письмахъ о такихъ сторонахъ католицизма, которыя вовсе неизвѣстны намъ, русскимъ, и которыя являютъ совершенно неожиданныя стороны бого-ощущенія (стр. 253 — 263). Все это любопытно для мысли. Наконецъ изъ моихъ собственныхъ статей здѣсь многія

появляются впервые въ печати („Объ основномъ идеалѣ Церкви", стр. 444 и слѣд., „О древнихъ и новыхъ жертвахъ", стр. 447 и слѣд.). Въ „Таблицѣ вопросовъ религіозно-философскихъ" (стр. 473 и слѣд.), также впервые появляющейся, я формулирую томительныя недоумѣнія вообще о всемъ пространствѣ нашей вѣры, не могущія не представиться у каждаго, кто долго и съ размышленіемъ бродилъ и бродитъ по пажитямъ этой вѣры. Я тутъ сказалъ *невольное*. Но глубоко ошибся-бы тотъ, кто подумалъ-бы, что это сказанное доставляетъ мнѣ самому хоть какое-нибудь удовольствіе. Нѣтъ и нѣтъ. И я люблю солнце, сухую погоду, покой. Но „послѣ грѣхопаденія" мы, повидимому, обречены только странствовать и странствовать, подъ непогодою, подъ дождями, усталые и идя къ цѣли, которой вовсе не видимъ. И будетъ-ли отдыхъ усталымъ костямъ? Обѣщанія этого есть (Исаія, Апокалипсисъ), исполненія—никто не видѣлъ. И я сжимаю руку читателя, не какъ увѣренный, но какъ очень усталый — усталымъ-же спутникамъ.

6-го марта
1906 г.

В. Р.

„И въ давнія времена христіанство кому было непонятно, кому ненавистно; но сдѣлать его отвратительнымъ и смертельно-скучнымъ — это лишь теперь удалось".

Влад. Соловьевъ. Сочиненія, т. VIII, стр. 528.

Всякій, дѣйствительно вѣрующій, и тѣмъ самымъ свободный отъ этихъ излишествъ тупоумія, малодушія и безсердечности, — долженъ съ искреннимъ расположеніемъ смотрѣть на прямого, откровеннаго, словомъ — *честнаго* противника и отрицателя религіозныхъ истинъ. Вѣдь это, по нынѣшнимъ временамъ—такая рѣдкость, и мнѣ трудно вамъ передать, съ какимъ удовольствіемъ я гляжу на явнаго врага христіанства. Чуть не во всякомъ изъ нихъ я готовъ видѣть будущаго апостола Павла, тогда-какъ въ иныхъ ревнителяхъ христіанства поневолѣ мерещится Іуда предатель.

Ibid., стр. 554.

Не замѣчали-ли вы, въ своихъ жизненныхъ странствіяхъ, что какъ только понѣжнѣе человѣкъ, поглубже, поутонченнѣе, то на него не только сыплются разныя неожиданныя бѣды, но даже — и это особенно поразительно—валятся на него самыя болѣзни, частыя, трудныя, страшныя, неисцѣлимыя. А толстокожіе—они и сыты, и почтены, и наконецъ даже почему-то рѣдко и легко хвораютъ!! Магія, что-ли? Но только какъ это было до Р. Х., такъ осталось и послѣ Р. Х.

Ignotus.

ОГНИ СВЯЩЕННЫЕ.

— У васъ на Пасху стоятъ со свѣчами?

— Да.

— Со свѣчами идутъ потомъ вокругъ церкви, по улицѣ? И несутъ иконы?

— Да. Да.

— Пожалуйста, возьмите меня съ собой. Это такъ красиво. Я слышала еще въ дѣтствѣ, въ Митавѣ.

Такъ просилась у насъ бонна взять ее къ православному торжеству. И вспомнилъ я свое дѣтство, въ Костромѣ. Бывало выбѣжишь на дворъ и обведешь вокругъ глазами: нѣтъ, все черно въ воздухѣ, еще ни одинъ огонекъ не зажегся на колокольняхъ окрестныхъ церквей! Переждешь время—и опять выйдешь.—„Начинается“... Вотъ появились два — три — шесть — десять, больше, больше и больше огоньковъ, на высокой колокольнѣ Покровской церкви; оглянулся назадъ—горитъ Козьмы и Даміана церковь; направо—зажигается церковь Алексія Божія человѣка. И такъ хорошо станетъ на душѣ. Войдешь въ теплую комнату. А тутъ на чистой скатерти, подъ салфетками, благоухаютъ куличъ, пасха и красныя яички. Поднесешь носъ къ куличу (ребенкомъ былъ)—райскій запахъ. „Ахъ, какъ все хорошо! И какъ хорошо, что есть вѣра, и какъ хорошо, что она—съ куличами, пасхой, яйцами, съ горящими на колокольняхъ плошками, а, въ концѣ концовъ—и съ нашей мамашей, которая теперь одѣвается къ заутренѣ, и съ братишками, и сестренками, и съ своимъ домикомъ“.

У насъ былъ свой домикъ. И вотъ все это бывало представляешь вмѣстѣ и нераздѣльно.

Что же, развѣ это иллюзія? Вотъ теперь я взрослый. Сколько съ тѣхъ поръ передумалъ! И также пойду къ заутренѣ. И также зажгу отъ сосѣдней свѣчи свою свѣчу. Какъ это хорошо, что въ церквѣ всѣ мы братья. И пойдемъ вмѣстѣ, за хоругвями, придерживая ладонью огонь свѣчи отъ дуновеній вѣтра. И будемъ слушать пѣніе. Да, какъ хороша религія въ звукахъ, въ краскахъ, въ движеніяхъ, съ иконами, съ большими непремѣнно иконами, въ золотыхъ ризахъ, а еще лучше—въ жемчужныхъ, какъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, и съ огнями. И пусть огни будутъ въ рукахъ, передъ образами, на улицѣ, особенно на колокольняхъ...

Если бы, я думаю, съ облака посмотрѣть въ эту ночь на землю—вдругъ представилось бы, точно небо упало на землю, но упало и не разбилось, а продолжаетъ пылать звѣздами. Можетъ быть бѣсы и смотрятъ на землю въ Пасхальную ночь, смотрятъ и злятся, что люди не забыли своего Бога, что они сумѣли свести на землю небо. Да, огни въ религіи, лампады и свѣчи, я думаю, имѣютъ въ основаніи эту идею, эту мечту или философскую догадку: „попробуемъ устроить на землѣ, какъ на небѣ“, „яко же на небеси—и на землѣ“. И вѣдь посмотрите, какая таинственная связь души съ огнемъ: зажглись огоньки въ храмѣ—и храмъ, дотолѣ холодный и внѣшній, согрѣлся. Войдите въ храмъ днемъ, не во время службы, безъ свѣчъ и лампадъ—и вы увидите только архитектуру и живопись, вы не будете въ немъ молиться, вы не сумѣете въ немъ молиться. Сколько разъ это впечатлѣніе я испытывалъ, осматривая знаменитыя церкви во внѣ-служебное время. Но я продолжу о связи души съ огнемъ: Пасхальная ночь вся и чудна

обиліемъ огней уже не только внутри храма, но и снаружи его, по карнизамъ, по окнамъ, а наконецъ даже и по улицамъ (горящія плошки). И какъ хорошо это движеніе народа съ горящими свѣчами въ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ: можеть быть у себя вы не замѣчаете, но если не подалеку есть другая церковь, и вы, идя съ крестнымъ ходомъ вокругъ своей церкви, увидите издали другую народную толпу, идущую со свѣчками же вокругъ тамошней церкви—вы умилитесь. „О, на этотъ день мы всѣ братья и всѣ одинаково поступаемъ“...

Въ эту минуту, какъ я пишу, у меня миръ въ сердцѣ—и вѣка и народы сдвигаются въ него безъ раздѣленія и вражды. Я думаю о благородномъ человѣкѣ, который никогда не хотѣлъ остаться безъ религіи. Все онъ любилъ и не любилъ. Но религію онъ только любилъ, кромѣ минутныхъ пароксизмовъ цивилизованной одичалости. Но Господь съ ними, съ этими пароксизмами, и имъ я не хочу говорить сейчасъ упрека. Прекрасна картина всемірная, какъ человѣкъ на разныхъ концахъ земли, человѣкъ-дикій, человѣкъ - ребенокъ что-то думаетъ, склонивъ голову, усиливается, гадаетъ: а когда поднялъ голову—глаза его сіяютъ и онъ уже *вѣритъ*. Нѣтъ народовъ безъ вѣры. Нѣтъ народовъ безъ Бога. Много ли, мало ли онъ о Богѣ знаетъ, но что *есть* Богъ, *существуетъ*—это онъ знаетъ. Прекраснѣйшее изъ всѣхъ знаній, глубочайшее изъ всѣхъ знаній. Но вотъ что до послѣдней степени трогательно и удивительно: что какъ только онъ узнаетъ, что *есть* Богъ—онъ зажигаетъ Ему лампаду или свѣчу, но вообще—*огонь*.

Я вспомнилъ на аркѣ Тита, близь Колизея, въ Римѣ, изображеніе римскихъ воиновъ, несущихъ, въ числѣ дру-

гихъ трофеевъ, знаменитый свѣтильникъ изъ разрушеннаго Соломонова храма. И тутъ, значитъ—*свѣтъ, огонь.* Извѣстно, что свѣтильникъ имѣлъ семь лампадъ. Днемъ горѣла только одна, а ночью, *когда въ Храмѣ никого не было*—зажигались всѣ семь. Ясно, что свѣтъ нуженъ былъ не человѣку, но Богу. Вообще нужно различать священный свѣтъ отъ обыкновеннаго. Послѣдній разсѣиваетъ тьму, освѣщаетъ мѣсто, даетъ человѣку видѣть, что нужно. Онъ утилитаренъ. Священный свѣтъ вовсе не утилитаренъ. Онъ изображаетъ что-то, онъ волнуетъ человѣка; онъ есть какая-то связь человѣка съ Богомъ. Какая? Въ чемъ? Что мы знаемъ объ этомъ! Мы уже только подражаемъ чужимъ свѣтамъ, болѣе древнимъ. Но древніе не разсказали намъ, что именно чувствовали они передъ тѣмъ, какъ зажечь лампады, какая мысль толкнула ихъ зажечь огни. Но они сдѣлали нѣчто вѣрное, потому что и мы, зажигая свои лампады, волнуемся священнымъ чувствомъ, хотя опредѣлить и выразить его не умѣемъ.

Я думаю—это въ точности подражаніе звѣздѣ, звѣздамъ, звѣздному небу. Мы всѣ говоримъ „Богъ на небѣ“. Боже, что̀ мы понимаемъ въ этомъ—никто не умѣетъ выразить. Астрономы разложили небо въ созвѣздія, вычислили съ точностью до секундъ всѣ тамъ движенія; все исчислили, все смѣряли; все казалось бы раціонализировали, но мы, не слушая ихъ, твердо говоримъ: „Богъ—въ небѣ“. Да, вотъ чего астрономы не поняли и не доказали: отчего же звѣзды не потухли?! Когда онѣ созданы? „Билліоны вѣковъ назадъ“,—по ихнему счету. Всѣмъ извѣстно, что межзвѣздныя пространства имѣютъ чуть не тысячу градусовъ холода, ниже нуля. Стужа невѣроятная. И какъ ни велика каждая звѣзда, она все-же пылинка, именно какъ видится

намъ, сравнительно съ объемлющимъ ее небеснымъ ледянымъ пространствомъ. Позвольте, мы глазомъ своимъ видимъ звѣздочку-пылинку, а около нея тѣмъ же самымъ глазомъ и съ того же разстоянія видимъ версты неба. Итакъ—огненная, пусть въ милліонъ градусовъ теплоты, пылинка, но положенная (употребимъ сравненіе) между двухъ подушекъ со льдомъ тоже въ милліонъ градусовъ холода. Вотъ отношеніе. Конечно—пылинка вся излучится, остынетъ отъ холода, и даже очень скоро. А если остынетъ—то умретъ, погаснетъ. Но небо не умерло, не гаснетъ! А какъ при Геродотѣ и Аристотелѣ, такъ и сейчасъ горитъ, ни малѣйше не ослабѣвая въ силѣ. Это отъ того, что небо живо и звѣзды суть въ точности живыя существа: ибо мы только единственную знаемъ температуру не стынущую, сохраняющуюся на одномъ градусѣ при всѣхъ перемѣнахъ окружающей среды—напримѣръ, температуру своего тѣла въ 37°, и вообще температуру живыхъ, живущихъ, дышащихъ существъ, которая остается та же, все равная, пока въ тѣлѣ есть жизнь. Такимъ образомъ совершенно невозможно объяснить себѣ, именно съ точки зрѣнія новѣйшей термодинамики, и вообще принимая всю науку во вниманіе—*горѣнія звѣздъ* иначе, какъ черезъ *жизнь звѣздъ, біологичность* звѣздъ. Нѣтъ костра, нѣтъ огня, какой угодно силы, величины, какого угодно состава веществъ, который въ билліонъ лѣтъ „отъ сотворенія міра“ (легко сказать!!) не погасъ бы. Кромѣ какъ если это... просто свѣтъ живого существа, свѣтъ и блескъ и теплота. Мои глаза свѣтятъ, блестятъ, имѣютъ температуру 37 град. вотъ уже 46 лѣтъ; 46 лѣтъ не прогоритъ никакой костеръ; зажгите лѣсъ и тотъ сгоритъ въ годъ. Въ 46 лѣтъ сгорятъ всѣ лѣса земного шара. А мой глазъ еще не сгорѣлъ. Не очевидно ли, что звѣ-

зды суть тоже какія-то „очи“ неба, мерцающія, прекрасныя, величественныя, совершенно непостижимыя, но *живыя*! Астрономы смѣряли ихъ разстоянія—вѣрю; взвѣсили—вѣрю же. Всему вѣрю, всей наукѣ, но и вся наука не отвѣтила и не отвѣтитъ на вопросъ: „что же однако такое небо со звѣздами“. А если я скажу:—„безконечность съ очами, теплая, свѣтлая, живая, святая! для меня святая!!“—то они меня не смогутъ ничѣмъ опровергнуть.

Вотъ откуда можетъ быть и инстинктъ въ религіи—„зажечь огни“, „зажечь лампады“. И вотъ отчего огни свѣчъ или лампадъ на улицѣ, въ воздухѣ сильнѣе волнуютъ, чѣмъ въ зданіи. Море воздуха и среди его точки огней, пожалуй, были первымъ изображеніемъ Бога, первою статуею, первымъ „образомъ“. Это „какъ небо“. А „небо“ или „въ небѣ“, это... „богъ“, „Богъ“. Имени мы Его не знаемъ. Хотя если богъ—Единъ, то Онъ долженъ бы называться собственнымъ, а не нарицательнымъ существительнымъ. Мы знаемъ только нарицательное, а не собственное,—имя признака, а не названіе Лица. Слово „богъ“, „боги“ употреблялось вездѣ, и если мы напишемъ его съ большой буквы, все же выйдетъ не собственное имя, а древнее нарицательное. Въ Библіи имя Божіе никогда не произносилось; читая Библію, древніе обходили имя и, видя четыре буквы, Его обозначавшіе, выговаривали не ихъ, а другое слово, именно который нибудь изъ эпитетовъ. Такимъ образомъ самое звуко-произношеніе подлиннаго и личнаго, собственнаго и единственнаго Имени Божія мало-помалу утратилось, забылось, потерялось во мглѣ вѣковъ; хотя буквенные знаки его и сохранились. Но какъ въ древне-еврейскомъ языкѣ писались только согласныя буквы, а гласныхъ не писалось и они подразумѣвались,

но, разумѣется, тѣмъ, кто „зналъ разумѣть“,—то теперь вотъ эти-то гласныя буквы въ имени Божіемъ никто и не умѣетъ вставить, а посему никто назвать Бога по *собственному* Его имени и не можетъ. Но это подробность. Я заговорилъ о небѣ, звѣздахъ, огняхъ; приведу самое древнее извѣстіе о возженіи священныхъ горящихъ точекъ на землѣ. Оно находится у Геродота и относится къ Египту, древней странѣ, которая ранѣе всѣхъ народовъ образовала важнѣйшія религіозныя представленія: о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра, о безсмертіи души и о загробномъ судѣ за наши грѣхи:

„...Во время праздника въ Бузирисѣ *), послѣ жертвоприношенія, всѣ мужчины и женщины, въ числѣ многихъ десятковъ тысячъ, сокрушаются въ слезахъ; по комъ они сокрушаются—грѣшно было бы говорить“ (*какъ и у евреевъ*, —имя не названо)... „А на праздничномъ собраніи въ городѣ Саисѣ всѣ участвующіе зажигаютъ въ одну изъ ночей множество лампадъ подъ открытымъ небомъ, вокругъ дома, причемъ лампадами служатъ чашки, наполненныя солью и масломъ; сверху плаваетъ свѣтильня. Лампады горятъ цѣлую ночь, и самый праздникъ называется Возженіемъ Лампадъ. Тѣ изъ египтянъ, которые не попадаютъ на торжество, все-таки соблюдаютъ эту праздничную ночь, и сами возжигаютъ лампады; благодаря этому, огни горятъ не въ одномъ только Саисѣ, но по цѣлому Египту. Ради чего эта ночь освѣщается и почитается, объясняется въ одномъ священномъ сказаніи“ (кн. II, гл. 62).

Прекрасныя дѣти земли, столь раннія и столь умныя! Въ чемъ бы „священное сказаніе“, о которомъ умалчиваетъ Геродотъ, ни заключалось,—до чего вѣренъ былъ этотъ инстинктъ: повторить на землѣ небо, зажечь и отъ нея „умныя очи“, которыя бы взглянули на небо

*) Городокъ въ дельтѣ Нила.

такъ, какъ небо смотритъ на землю! Что такое „общеніе человѣка съ Богомъ", какъ ни простираніе къ Богу рукъ, которымъ отвѣтно Богъ простираетъ Свои руки; не смотрѣніе очами... въ очи Его? что̀ такое иначе и молитва и Откровеніе? И какъ значитъ хорошо, что огни на землѣ, какъ повтореніе звѣзднаго неба, были избраны въ символъ общенія человѣка съ Богомъ и пронесены въ исторіи на такомъ неизмѣримомъ пространствѣ временъ, какія отъ Геродота протекли до сего дня! Лампадки не загасли, какъ не умѣетъ гаснуть небо. Огонь, огонь, священный огонь... онъ вошелъ во всѣ безъ какого-нибудь исключенія храмы, соединилъ— пусть единственною ниточкою—всѣ религіи, связалъ людей, какъ братьевъ: и младенцевъ на Нилѣ, и насъ позднихъ стариковъ на Невѣ. Но, будучи послѣдышами, не забудемъ тѣхъ первыхъ дѣтей исторіи. Они неумѣлымъ языкомъ лепетали тоже: „Богъ... Промыслъ... Создатель міра.. благой... Святой".

Все мѣнялось въ вѣрѣ, все угасало; но не угасъ огонь, не перемѣнился;—и также дрожитъ сейчасъ передъ лицомъ человѣка, то угнетеннымъ, то сіяющимъ радостью, въ дни всенародныхъ торжествъ и въ молчаніи ночи, какъ это было двѣ тысячи и, можетъ быть, пять тысячъ лѣтъ назадъ.

1902.

Изъ *подробностей* узнается истина. Чѣмъ мы убѣдимъ другихъ, если и убѣждены сами, что русской душѣ, можетъ быть, близка еврейская душа, или еврейской—русская? Если бы мы и привели въ примѣръ матеріальное благодѣяніе, намъ отвѣтили-бы насмѣшливо: „Это онъ благодѣтельствовалъ *въ ожиданіи процента*,

наивный вы, человѣкъ!" „Процентъ" этотъ задушилъ все, зажалъ всѣмъ рты... „Жидъ"—вѣчный процентщикъ, и не было у него ни пророковъ, ни идиллій; уже не бабки его Рахиль и Лія, Ревекка и Сара; и *за что* „такое проклятое племя" избралъ Богъ—не постижимо вовсе никому. Вотъ почему я сохранилъ черезъ годы, а теперь и печатаю письмо невѣдомаго мнѣ жидка, который разсказалъ, какъ онъ „побѣжалъ къ русскому мужику дѣлиться чувствами"... надѣюсь—вещь совершенно безкорыстная.

Рославль, См. губ., 22/4 1902 года.

Премногоуважаемый Г-нъ Розановъ!

Я не могу не выражать Вамъ своего глубокаго уваженія, къ Вамъ—автору статей „Священные огоньки" и „Маленькій фельетонъ". Ручьемъ потекли слезы изъ глазъ моихъ—я умилился, въ сердцѣ моемъ водворились миръ и спокойствіе. Я съ одушевленіемъ читалъ эту статью предъ нѣкоторыми изъ знакомыхъ—и—увы! меня осмѣяли. Господи, Боже мой! Я—горячій приверженецъ сіонизма -и готовъ во всякое время жертвовать жизнью ради этой идеи—которую я считаю общечеловѣческой.

Стоя на краю пропасти, съ которой я вотъ-вотъ долженъ упасть внизъ и разбиться вдребезги, я бы не ощущалъ такого горькаго чувства, какъ въ то время, когда мнѣ назвали „Священные огоньки" ерундой... Я пришелъ въ такое изступленіе, что готовъ былъ побить хоть самого себя. Но счастливая мысль пришла мнѣ въ голову... Пойду-ка почитаю простому, но благородному крестьянину. Его чистой душѣ, пожалуй, болѣе доступны святыя словеса... Ну и что Вы думаете? Пименъ—такъ зовутъ крестьянина—пришелъ въ такой восторгъ отъ этой статьи, горячія слезы закапали изъ глазъ его. Я не могъ не обнять этого милаго, чистосердечнаго старика, и расцѣловать его. Съ совершеннымъ почтеніемъ *Хаимъ-Элья Абрамовичъ Кляцкинъ.*

Еще чуточку, крошечку—въ отвѣтъ на этотъ-же больной вопросъ о „жидѣ" и „христіанинѣ". Отъ ано-

нима, мнѣ лично и всячески неизвѣстнаго, я получилъ разъ толстую книгу, на нѣмецкомъ языкѣ, его умершаго друга. У автора письма только-только вотъ былъ сожженъ стеклянный заводъ. Настроеніе особенное, потрясенное. И, какъ поджигатель былъ нашъ русскій мужикъ, то онъ и высказываетъ нѣсколько словъ о *разномъ* отношеніи къ грѣху-преступленію евреевъ и христіанъ. Я уже приводилъ изъ „Талмуда“ изрѣченіе: „если кто грѣшитъ съ мыслью: *потомъ покаюсь*,—то нѣтъ тому покаянія, и грѣхъ его не отпускается въ День Судный“. Едва-ли, зная эту подробность „Талмуда“, авторъ письма тоже говоритъ о „легкомъ покаяніи“—какъ орудіи постояннаго и страшнаго развращенія народа:

Многоуважаемый В. В.!

Посылаю вамъ книгу. Авторъ ея лишилъ себя жизни. Это, кажется мнѣ, единственное его произведеніе напечатанное. Рѣшаетъ онъ вопросы (метафизики) половой любви и психологіи женщины умомъ, а вы—сердцемъ. Кто изъ васъ правъ—судить не берусь, но съ вами лучше—теплѣе. Писали мнѣ въ прошломъ году: „жаль евреевъ (Кишиневъ)“. Бросьте! Знаю многихъ антисемитовъ, перемѣнившихъ свои взгляды послѣ Кишинева. Правда въ жизни если торжествуетъ—то на крестѣ, только въ мелодрамѣ (она?) канкарируетъ. Вотъ васъ такъ мнѣ жаль! Слишкомъ много пишете, теряете ароматъ свѣжести, часто трудно понять, чего хотите. Если бы въ ученіи Христа было меньше неясностей, сколько горя и боли [1])... Ученіе Христа—Кишиневъ—о. Іоаннъ. У меня въ имѣніи (я изъ жидовъ хлѣбопашцевъ) стеклянный заводъ. Работаетъ человѣкъ 300. Заводъ часъ тому назадъ сгорѣлъ. Люди безъ хлѣба, мнѣ убытка тысячъ сорокъ. Какъ думаете, кто поджегъ,—жидъ? Всю-то жизнь грѣхъ на душѣ носить, кому мило? Жидъ къ ксендзу не пойдетъ;

[1]) Цѣлая строка точекъ. Вѣроятно мысль автора: „если бы было меньше неясностей, то отъ сколькаго горя и отъ какой боли мы были-бы избавлены“.—*В. Р-въ.*

грѣха ему *(ксендзъ)* не „отпуститъ“? Такъ и забылъ: неграмотный. Подпоговъ нѣтъ и то хорошо. Богъ нуженъ! Вы Его понимаете, я знаю; пишите и намъ о Немъ яснѣе.

Вашъ *Г. Бернстейнъ.*

Имѣніе Воля-Окржайская. 1902 г.

Добавимъ къ этой маленькой жалобѣ фундаментальную статистику, надъ которою задумается и христіанинъ:

„По отчету оффиціальныхъ Jahresbe richt, въ Германіи за 1886 г. на 10.000 человѣкъ каждаго исповѣданія, было преступниковъ:

изъ лютеранъ . . . . . 62,7.
„ католиковъ . . . . . 35,8.
„ евреевъ . . . . . 1,2 (sic!!)“.

1905 г.

Мудрому—достаточно.

АСКОЧЕНСКІЙ и АРХИМ. ѲЕОД. БУХАРЕВЪ.

I.

Всякій, вѣроятно, помнитъ прелестный эпизодъ изъ „Анны Карениной“, гдѣ разсказывается, какъ отецъ-Каренинъ начинаетъ давать уроки Закона Божія сыну-ребенку, какъ онъ объясняетъ ему необыкновенную важность предмета, и въ то же время сынъ-ребенокъ замѣчаетъ, что отецъ и наставникъ самъ сбивается при разсказѣ исторіи Авраама и вообще „патріарховъ старшихъ и младшихъ“. Здѣсь очень тонко подмѣчена всегдашняя почти приподнятость словъ „о такомъ важномъ предметѣ“ и вмѣстѣ поверхностная ознакомленность „съ такимъ важнымъ предметомъ“ особаго типа людей, къ которымъ принадлежитъ старѣющій и несчастный Каренинъ. По вялости и деликатности темперамента, по добропорядочности всей прошлой жизни, онъ не сложился въ законченный типъ ханжи. Но краевые оттѣнки этого типа въ немъ есть. Наполните біографію этого человѣка всяческимъ гноемъ въ ея первой половинѣ, придайте ему горячій темпераментъ—и вы получете „кающуюся Магдалину“ во фракѣ или мундирѣ, иногда кающуюся Магдалину въ рясѣ. Извѣстные Фотій и Голицынъ въ царствованіе Александра I, Магницкій и Руничъ тогда же—суть фигуры ханжей, возросшія до историческаго значенія. Такимъ въ началѣ царствованія Александра II былъ Аскоченскій, къ которому даже и нельзя не примѣнить эпитета „знаменитый“. Дайте имъ тремъ власть

Петра Великаго, и вы получите типъ западно-европейскаго инквизитора, который на разстояніи вѣковъ, въ освѣщеніи погаснувшихъ костровъ, покажется намъ даже чѣмъ-то романтичнымъ, грустнымъ или величественнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это злое явленіе, вѣроятно, представляло собою чудовищную смѣсь невѣроятной загрязненности души съ безпросвѣтною темнотой ума. Поставивъ въ качествѣ освѣщающихъ лампъ около этихъ фигуръ съ одной стороны Каренина, путающагося въ исторіи Авраама, мы поставимъ другою лампою около нихъ знаменитыхъ германскихъ и французскихъ историковъ церкви, которые не только знали хорошо исторію Авраама, но, можно сказать, говорили на языкѣ Авраама, какъ на своемъ родномъ языкѣ, и знали всѣхъ друзей и сосѣдей Авраама съ интимностью своихъ друзей. Эти свѣтила науки, для которыхъ не осталось ничего сокровеннаго въ исторіи вѣрованій, не только не готовы были зажечь костра для кого-нибудь, но, сохраняя великую любовь и уваженіе къ предмету многолѣтнихъ своихъ думъ и изысканій, можно сказать, всякое разномысліе съ собою встрѣчали такъ, какъ Авраамъ встрѣтилъ Мельхиседека, „служителя Бога Вышняго“, не смотря на то, что тотъ не получилъ отъ Бога завѣта и стоялъ одинъ и въ сторонѣ отъ большихъ путей религіознаго устроительства человѣчества, отъ „церкви Божіей на землѣ“.

Всего на дняхъ появилась въ Казани брошюра заслуженнаго профессора казанской духовной академіи П. Знаменскаго: „Богословская полемика 1860-хъ годовъ объ отношеніи Православія къ современной жизни“, посвященная разсказу о нѣкоторыхъ знаменитыхъ эпизодахъ нашего историческаго ханжества. Для неспеціалистовъ сообщу, что авторъ этой брошюры въ началѣ

девятидесятыхъ годовъ минувшаго вѣка издалъ „Исторію казанской Духовной академіи". Какъ извѣстно, „исторіи" нашихъ учебныхъ заведеній большею частью состоятъ изъ исторіи разныхъ канцелярскихъ дѣлъ при этихъ учебныхъ заведеніяхъ или объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, и изъ хроники разныхъ подпольныхъ и надпольныхъ интригъ и борьбы честолюбій изъ-за полученія въ нихъ такого-то мѣста, оклада жалованья или казенной квартиры. Все это составляетъ „историческія дѣянія" университета, корпуса или академіи, въ своемъ родѣ acta sanctorum русской науки и просвѣщенія. Профессоръ Знаменскій съ тою талантливостью, которою часто отличаются у насъ люди духовнаго образованія, взялъ темою не эту канцелярскую и бюрократическую сторону исторіи Казанской Духовной академіи, а личную и бытовую. И, вмѣсто пересказа содержанія разныхъ циркулирующихъ бумагъ, далъ изумительныя, по яркости и типичности, изображенія ректоровъ, профессоровъ и, сколько онъ могъ собрать и прослѣдить по частной перепискѣ и воспоминаніямъ, изображенія чѣмъ-либо выдавшихся питомцевъ академіи. Мертвецы возстали изъ гробовъ. Не могу передать лучше своего впечатлѣнія отъ этой книги, какъ сказавъ, что разъ во время засѣданія педагогическаго совѣта гимназіи, взявъ ее изъ рукъ одного товарища, который былъ самъ питомцемъ этой академіи, я до того увлекся ея чтеніемъ, что ничего не слышалъ изъ происходившаго на совѣтѣ и не принялъ никакого участія въ его преніяхъ. Трудъ этотъ, столь спеціальный по предмету, столь мало обще-русскій, являлъ собою столько выдающихся качествъ, что московскій университетъ по собственной иниціативѣ даровалъ автору степень почетнаго доктора исторіи. Отличіе рѣдкое, исключительное.

Новая книжка его (102 стр.) посвящена изложенію чрезвычайно оживленнаго и знаменательнаго періода нашей религіозной мысли, обнимавшаго конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ.

„Наша богословская наука и всеобщее церковное учительство“,—говоритъ онъ,—„держалось до сихъ поръ очень изолированно отъ движенія свѣтской науки и отъ явленій дѣйствительной мірской жизни. Всячески соблюдая цѣлость Православія, богословская наука не допускала ни малѣйшаго отступленія отъ принятыхъ догматическихъ формулъ, опредѣленій и самыхъ терминовъ, не только установленныхъ православною Церковью, но даже выработанныхъ послѣ, напримѣръ во время схоластики, и боязливо останавливалась передъ всякимъ проявленіемъ самостоятельной мысли и какимъ-нибудь новымъ выводомъ изъ тѣхъ же освященныхъ давнимъ церковнымъ употребленіемъ формулъ. Прикладная, практическая часть духовной науки, проявлявшаяся во всякаго рода церковно-нравственномъ учительствѣ, упорно витала въ однѣхъ высшихъ сферахъ совершенно отвлеченной, ни къ кому и ни къ чему въ частности не относящейся морали, и притомъ морали большею частью сурово-аскетическаго характера, опускавшей изъ виду обыденную жизнь, обыкновенныхъ мірскихъ людей. Спуститься съ этихъ высотъ поближе къ живымъ людямъ и современной дѣйствительности церковный учитель считалъ чѣмъ-то для себя неприличнымъ и даже унизительнымъ для самой Церкви; это запрещалось ему даже самой наукой церковнаго проповѣдничества—гомилетикою, „да не возглаголютъ уста его ни дѣлъ ни пустыхъ мнѣній человѣческихъ“.

Такъ характеризуетъ авторъ положеніе нашей „духовности“ къ концу 50-хъ годовъ. Само собою понятно, что положеніе это не только не связано сколько-нибудь съ христіанствомъ, съ Евангеліемъ; но даже не связано и съ греческою церковью, которая въ золотые дни отъ Константина до Юстиніана волновалась всѣми вопросами текущей дѣйствительной жизни. Въ положеніи

этомъ слежалось и застыло вовсе даже не Православіе, а печальнѣйшая академическая и семинарская схоластика, перенесенная къ намъ, чрезъ юго-западныхъ ученыхъ XVII в., изъ іезуитскихъ латинскихъ школъ. Помѣсь этой латинской схоластики съ протестантствующими порывами Ѳеофана Прокоповича, позднѣе, въ реакціонную часть царствованій Екатерины и Александра I и во все время царствованія Николая I, подернулась какой-то испуганностью. Наверху, въ высшихъ областяхъ управленія, шла глухая борьба между чиновниками и монахами, документальныя подробности которой вскрываются только въ историческихъ изданіяхъ нашихъ дней. Но какъ одни, такъ и другіе боролись орудіемъ одного и того же ханжества, и, обыкновенно, кто кого переханжитъ, тотъ того и побѣдитъ. Вѣрѣ ясной, пламенной, чистой тутъ уже не было никакого мѣста. Копались авторитетъ подъ авторитетъ; оборонялись, придумывали орудія нападенія. Чиновная власть была едино-главна, и силой этого единства, внутренней нераздѣленности, обычно побѣждала всегда раздѣленныхъ и въ мелочахъ соперничествующихъ духовныхъ сановниковъ. Взаимное послѣднихъ соперничество сдѣлало ихъ робкими, неувѣренными во всякомъ шагѣ. Подъ этими оробѣвшими вождями станъ всего духовенства, въ рядовой священнической части, былъ окончательно парализованъ. Священникъ превратился въ самое запуганное, самое безправное чиновное существо, но съ тою убавкою противъ обыкновеннаго чиновника, что послѣдній хоть въ частной-то и въ личной жизни принадлежитъ себѣ и распоряжается собою, да и на службѣ если и связанъ, то все же ограниченнымъ свѣтскимъ закономъ. Бѣдный русскій священникъ былъ похожъ на муху, на которую поставленъ Монбланъ; на его личность, на его частную

жизнь, которая вытянута была въ струнку „уставности", давили такія непомѣрныя тяжести, какъ „соборовъ", „святыхъ отцовъ", „Церкви", въ которой онъ не умѣлъ, да и не смѣлъ разобрать, что́ принадлежитъ въ точности вселенскому собору, что—какому-нибудь кіевскому схоласту XVII вѣка, а то есть и просто заимствованіе отъ лютеранъ смѣлаго Псковскаго архіепископа (Ѳеофана Прокоповича). Нужно не упрекать наше праведное священство, а еще дивиться, какъ оно подъ этою страшною тяжестью не потеряло окончательно „образъ и подобіе Божіе", а временами даже и выдвигало изъ себя могучіе умы и характеры, однако большею частью не поддерживаемые, а задавливаемые собственною же духовною средою. Можно только одно сказать, почти съ отчаяніемъ: что свѣтъ подлинной религіозности, „ношеніе Бога въ груди", „хожденіе передъ Богомъ" (выраженіе Библіи объ Энохѣ) почти вовсе изсякло въ этихъ потемкахъ. Въ „Письмахъ къ духовному юношеству" покойный С. А. Рачинскій борется, съ печалью, противъ бытовой, ходячей фразы, почти присловья нашего духовнаго сословія: „ложь есть конь во спасеніе". Слово это взято изъ неточнаго перевода по-славянски котораго-то псалма. Но невѣрный этотъ переводъ какъ бы „ударилъ по сердцу" духовенства. Бѣдное, замученное, во всякихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ оно садится на этого историческаго „коня" и поспѣшаетъ въ сторону отъ силы, но и вмѣстѣ, конечно,—отъ истины. Что по близости такого „коня" Богу и религіи уже нѣтъ „скиніи"—этого не нужно объяснять.

Съ порывами обновленія, а въ сущности съ порывами только вернуться къ Церкви, къ христіанству, къ Евангелію изъ гнуснѣйшихъ латино-нѣмецкихъ объятій схоластики, въ началѣ 60-хъ годовъ выступилъ рядъ

духовныхъ журналовъ, перечисляемыхъ проф. Знаменскимъ: „Православное Обозрѣніе“, „Странникъ“, „Душеполезное Чтеніе“, „Руководство для сельскихъ пастырей“, „Духъ христіанина“, Духовный Вѣстникъ“ и „Труды Кіевской духовной академіи“. Къ великому сожалѣнію, отсутствіе единомыслія между главами высшей духовной іерархіи не допустило дружнаго всхода прекраснаго историческаго посѣва. Напримѣръ, митрополитъ московскій Филаретъ долженъ былъ защищать въ письмахъ къ митрополиту Исидору „Православное обозрѣніе“ (см. стр. 42 и слѣд.) отъ нападеній, высказываемыхъ Аскоченскимъ, но которымъ довѣрялъ Исидоръ. И по поводу того-же журнала онъ отписывался и передъ оберъ-прокуроромъ св. Сѵнода, гр. Толстымъ. Здѣсь мы должны припомнить Каренина, который путался въ исторіи Авраама. Впередъ всего и безъ всякаго сердечнаго упрека, мы должны выдвинуть эту важнѣйшую для пониманія дѣла истину, что силы человѣка—не всеобъемлющи, и что необозримая и очень отвѣтственная, а слѣдовательно и очень нервная духовно-административная дѣятельность, за рѣдчайшими исключеніями (къ каковымъ принадлежалъ Филаретъ), вовсе отнимаетъ досугъ и возможность сосредоточиться на богословскихъ вопросахъ: а поэтому даже такое лицо, какъ митрополитъ, вовсе не имѣетъ богословской компетентности. И это надо принять какъ фактъ, не содержащій въ себѣ никакого укора. Извѣстно, что Арія побѣдилъ Аѳанасій Великій, выступившій противъ него еще въ чинѣ діакона, когда уже епископы и патріархи были во множествѣ увлечены аріанствомъ. Всякое вѣдѣніе требуетъ спеціализаціи. Кутузовъ могъ знать математику хуже множества ему подчиненныхъ артиллерійскихъ офицеровъ. И тонкости и правильность богословскихъ

мнѣній могутъ знать лучше священники данной епархіи, имѣющіе досужные у себя вечера, нежели епархіальный ихъ архіерей, уже сорокъ лѣтъ ломающій голову надъ запутанностями однихъ только житейско-консисторскихъ дѣлъ. Что относится къ архіерею, относится и къ высшимъ іерархамъ Церкви, спеціализація которыхъ—управленіе, а не мышленіе. Въ перепискѣ Филарета, приведенной у Знаменскаго, послѣдній долженъ былъ защищать „Православное Обозрѣніе“ въ его совершенно правильныхъ, вѣрующихъ и православныхъ мысляхъ, которыя были совершенно неосновательно и, такъ сказать, некомпетентно заподозрѣны митрополитомъ Исидоромъ. А въ подробнѣйшемъ разборѣ богословской системы архимандрита Ѳеодора Бухарева, котораго Аскоченскій выставлялъ и затравилъ какъ потрясателя православія и Церкви, проф. Знаменскій показываетъ, что ученая компетентность и правильность православныхъ воззрѣній были на сторонѣ Бухарева, Аскоченскій былъ очень поверхностный богословъ, просто—не очень свѣдущій. Но его „тронуло“ благочестіе Каренина; а самъ онъ былъ вовсе не того тихаго и деликатнаго характера, какъ изображенный Толстымъ государственный человѣкъ, но грубый и безчеловѣчный: и онъ поднялъ скандалъ на всю Россію, смутилъ іерарховъ, заставилъ митрополита Филарета, не только цѣнившаго, но и любившаго Бухарева, отступиться отъ него, и погубилъ въ лицѣ его одно изъ свѣтозарнѣйшихъ явленій нашей богословской мысли за XIX вѣкъ, и вмѣстѣ—тихое, прекрасное существо, истинное украшеніе своего сословія.

Въ книжкѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ вышедшей „Печальное 25-лѣтіе“, проф. П. Знаменскій разсказываетъ подробно біографическую сторону исторіи Бухарева,

профессора преемственно въ Казанской и въ Московской духовныхъ академіяхъ, а въ настоящей книжкѣ „Богословская полемика", разбираетъ богословскую его систему и исторію журнальнаго противъ нея похода знаменитаго Аскоченскаго:

„Это былъ Герценъ съ другой стороны, Герценъ—на изнанку" —характеризуетъ онъ послѣдняго. „Онъ заговорилъ въ *Домашней Бесѣдѣ* совсѣмъ новымъ, неслыханнымъ въ духовной литературѣ языкомъ. Дѣйствительно сильные аргументы и явно недобросовѣстные софизмы, горькія истины и клеветы, перетолкованія чужихъ словъ и преувеличенія, благочестивыя сѣтованія и ругательства, вульгарныя остроты и тексты Священнаго Писанія, грязныя обличенія тономъ древнихъ пророковъ и балаганныя насмѣшки—все это сливалось въ его рѣчи въ какую-то пеструю смѣсь, оригинальную, постоянно-ядовитую, необыкновенно задорную и раздражавшую всѣхъ его читателей".

Онъ ругалъ Пирогова за отрѣшенность педагогическихъ его идей „отъ началъ православія," Буслаева, Костомарова, почему-то Шевченко, далѣе— Пушкина, Гончарова. Въ одной статьѣ, за 1867 годъ, изображая очную ставку Православія съ матеріализмомъ, послѣ изложенія православнаго ученія—онъ пишетъ:

„Довольно. Теперь, вы, шуты, на сцену! Ты кто такой? Бюхнеръ? Знаемъ—отецъ нашихъ полуумныхъ нигилистовъ. Ну, говори!" Бюхнеръ оправдывается и, конечно, безсильно передъ Аскоченскимъ: „Хорошо! Ступай за рѣшетку!"—приговариваетъ его судья и редакторъ. „Дальше. Ты кто? Фейербахъ? Знаемъ—воспреемникъ нигилистовъ отъ болота невѣрія. Ну, что ты скажешь?" Робко говоритъ Фейербахъ. „Глупо! За рѣшетку". И т. д.

Такой можно сказать дикій оселъ топтался не годъ, а долгіе годы въ оградѣ Православія, и какъ онъ топтался успѣшно, съ побѣдой, какъ его имѣли неблагоразуміе поддержать главы Церкви („онъ былъ хорошо

принятъ въ Петербургѣ и у митрополита Григорія и у митрополита Исидора"... „ходили слухи, что *Бесѣда* получала значительныя субсидіи отъ нѣкоторыхъ высшихъ духовныхъ лицъ" говоритъ проф. Знаменскій),—то у всего общества, созерцавшаго этотъ скандальный союзъ явнаго литературнаго негодяя съ церковными іерархами, образовался трудно разсѣиваемый предразсудокъ, что вообще внутри этой ограды все мѣсто какое-то темное, ослиное и ѣдущее на афоризмѣ: „ложь есть конь во спасеніе". И подите-ка, одолѣйте вотъ сейчасъ этотъ предразсудокъ толпы. Одинъ митрополитъ дружилъ съ Аскоченскимъ. Нужно пяти митрополитамъ подружить съ кѣмъ-нибудь въ родѣ Пушкина, чтобы засыпать черную яму этихъ припоминаній.

Въ этомъ отношеніи, можно сказать, оказываютъ золотую услугу Церкви такіе ученые, какъ Знаменскій, выясняющій вотъ уже во второй разъ благородную личность Бухарева. „Вѣрующая и младенчески-чистая", этотъ эпитетъ онъ непрестанно къ нему прилагаетъ. Вполнѣ мы признаемъ (хотя Знаменскій этого не говоритъ), что Бухаревъ слишкомъ далеко зашелъ, когда гонимый несчастіями, получивъ запрещеніе печатать любимѣйшіе свои труды, травимый Аскоченскимъ, а главное—видя отступничество отъ себя даже любившихъ его, но запуганныхъ Аскоченскимъ *) лицъ, снялъ

*) Аскоченскій, травившій „Православное обозрѣніе", издававшееся подъ присмотромъ Филарета, въ пріѣздъ свой въ Москву долго не рѣшался представиться митрополиту, ожидая сурового пріема. Но митрополитъ принялъ его ласково, „благословилъ иконой" и далъ сто рублей. Такъ какъ въ то же время Филаретъ упрашивалъ митрополита Исидора какъ-нибудь унять Аскоченскаго, то явно, что онъ былъ напуганъ и ста рублями думалъ хоть помазать по губамъ этого господина. Между про-

съ себя санъ архимандрита и монашество,—при чемъ, уже мстительно, было отнято у него и званіе магистра богословскихъ наукъ—и возвратился, какъ прописали ему въ паспортѣ, „въ сына дьякона, разстригу“. Это было слишкомъ. Надо было потерпѣть, какъ и совѣтовалъ ему Филаретъ. Но однако вспомнимъ, что совѣтовавшіе ему терпѣніе ничего не сдѣлали для умаленія его страданія,—ничего фактическаго, кромѣ ласковыхъ и успокоивающихъ словъ. Между тѣмъ что̀ такое былъ Бухаревъ? Среди огромныхъ, подкапывающихся другъ подъ друга авторитетовъ, онъ вышелъ въ сіяніи, какъ священникъ изъ алтаря, съ вѣрой наивной и твердой, и заговорилъ о Богѣ, о Христѣ, о его искупительной за грѣхи міра жертвѣ. „Въ Апокалипсисѣ ты мерцаніе свѣта усматриваешь“, сказалъ ему многодумно и съ одобреніемъ Филаретъ. „Толкованіе на Апокалипсисъ“, одобренное уже духовною цензурой къ напечатанію, вслѣдствіе поднятаго Аскоченскимъ заранѣе скандала, было запрещено къ выпуску самимъ Синодомъ. Синодъ потребовалъ трудъ къ себѣ и положилъ въ архивъ. Это былъ многолѣтній и самый любимый трудъ архимандрита Ѳеодора. Наивно преданный монашескимъ обѣтамъ, онъ сказалъ, что не можетъ не роптать, не можетъ долѣе выдерживать монашескаго обѣта „послушанія“—и, какъ потрясенный въ этомъ обѣтѣ, снялъ иночество. И тутъ вынесла на плечахъ своихъ потерпѣвшаго кораблекрушеніе моряка русская самоотверженная женщина. „Разстрига“ и „сынъ дьякона“, безъ средствъ, кому онъ былъ нуженъ? Но къ нему привязалась дочь мѣстнаго (Владимирской губер-

---

чимъ Аскоченскій разъ изъ-за недоплоченныхъ ему одною редакціей трехъ рублей поднялъ печатную брань.

ніи) помѣщика, образованная институтка, и соединила съ нимъ свою судьбу. Старушка-вдова его, кажется, жива и до сихъ поръ, и ея воспоминанія о мужѣ, въ сущности о замѣчательномъ историческомъ дѣятелѣ, были бы любопытны. Сколько у насъ есть исторій о храбрыхъ генералахъ; между тѣмъ этотъ кроткій и тихій монахъ вынесъ жизненную качку и видѣлъ побѣды (внутреннія) и пораженія, передъ которыми зажмурились бы многіе генералы. Погодинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ „Простыхъ рѣчей о мудреныхъ вещахъ“ говоритъ, что зналъ въ своей жизни только трехъ истинныхъ христіанъ, и какъ одного изъ нихъ —называетъ Бухарева; проф. Знаменскій пишетъ, что, и оставивъ иночество, онъ во всемъ обиходѣ жизненномъ остался по прежнему чистымъ и наивнымъ инокомъ.

II.

Вернемся къ полемикѣ Аскоченскаго и арх. Ѳеодора Бухарева.

Насколько Аскоченскій былъ человѣкъ міра сего, человѣкъ „плотяной“ (=„плотскій“, спеціальный духовный терминъ), до извѣстной степени даже пропитанный Бюхнеромъ и Фейербахомъ и разошедшійся съ ними не въ методѣ и міросозерцаніи, а лишь въ заключительномъ выводѣ, въ послѣднемъ аккордѣ „исповѣданія“, настолько архимандритъ Ѳеодоръ былъ какимъ то чудомъ занесенный въ нашъ вѣкъ аскетъ-созерцатель вѣка VI или IX христіанства. Сопоставимъ ихъ въ слѣдующей выдержкѣ объ ихъ полемикѣ проф. П. Знаменскаго:

„Бухаревъ въ одномъ мѣстѣ пишетъ, что на каждаго человѣка, какъ созданнаго *по образу Божію*, можно смотрѣть

какъ на досточтимую *икону Божію*". Аскоченскій восклицаетъ: „Какъ? стало-быть, и цыганки, и проститутки, и жиды, и канканьерши—все это досточтимыя иконы самого Бога? Господи помилуй! Вѣдь это открытое иконоборство, договорившееся до послѣдняго слова".

По такой мысли арх. Ѳеодора видно, что онъ вынесъ свое чувство какъ бы изъ пустынь Ѳеваиды, изъ лѣсовъ Сергія Радонежскаго; что его воображеніе чисто и ему въ голову не приходили рубрики Аскоченскаго; между тѣмъ изъ самаго подлаго слога Аскоченскаго такъ и чувствуется, что дѣвочки замучили его во снѣ и что „канканьерши" для него не одинъ миѳъ. Думается, порыться бы въ его схоластической библіотекѣ, можно бы отыскать въ ней соблазнительныя неожиданности. Аскоченскій—весь „современность"! Это Бюхнеръ изъ Бюхнеровъ, только окончившій случайно ученіе не въ Германіи и не на естественномъ факультетѣ, а въ Кіевѣ и въ Духовной академіи, но къ духовнымъ предметамъ совершенно примѣнившій ухватки, нечистоплотность и „изгарь" (его терминъ) самаго грубаго матеріализма и совершенно безбожія. Бухаревъ изъ созерцаній своихъ, изъ вѣчнаго богоустремленія души вынесъ цѣлую систему (проф. Знаменскій накидываетъ ея большой очеркъ), которую невозможно было образовать умомъ, а можно было только выткать изъ любви къ Богу. Изъ того, что о ней пишетъ проф. Знаменскій, можно заключить, что едва-ли среди русскихъ, по крайней мѣрѣ просвѣщенныхъ, рождалась еще въ комъ такая нѣжность почти видящей и осязающей любви къ Богу. Напримѣръ, Христа онъ всегда называлъ: „Единородный", и въ Академіи, когда случалось увѣщать студентовъ, мирить, приводить къ раскаянію, всегда онъ заговаривалъ и побѣждалъ упорную волю „Единороднымъ". Тутъ въ

самомъ переименованіи столь всѣмъ привычнаго имени сказывается огромность сердечной работы, неустанной мысли, непрестаннаго любованія.

„Свою основную идею „о сообразованіи съ Единороднымъ“ арх. Ѳеодоръ старался практически проводить даже въ своей инспекторской дѣятельности въ Казанской духовной академіи. Смотря на свое инспекторское служеніе, какъ на богослуженіе, и „сообразуясь“ по своей религіозной системѣ „Единородному“, онъ самъ, такъ сказать, принималъ на себя зракъ студента, старался жить одною со студентами жизнью, какъ членъ одного съ ними тѣла, одной маленькой церкви, смотрѣлъ на все студенческое, какъ на свое и Христово, самыя вины студента считалъ своими собственными, какъ проявленія своей собственной мертвенности вслѣдствіе „удаленія отъ Единороднаго“, страдалъ за нихъ, какъ за свои вины, плакалъ, „распинался за нихъ Христу“, „во гробъ полагался“ до тѣхъ поръ, пока не находилъ исхода своимъ скорбямъ или въ исправленіи студента, или даже въ собственной уступкѣ виновному изъ любвеобильнаго страха: не ломаетъ-ли онъ эту молодую вѣтвь своею строгостью въ чемъ-нибудь подъ свою произвольную мѣрку, не подавляетъ-ли чего-нибудь въ молодомъ человѣкѣ добраго, „Христова“. Студенты съ своей стороны любовно берегли этого любящаго ихъ инспектора, щадили его нервную и хрупкую натуру и старались по возможности рѣже его огорчать“ („Истор. Казанск. дух. акад.“, т. I. стр. 178).

Но это все вытекало не изъ прелести характера; арх. Ѳеодоръ представляетъ поразительный примѣръ *переработки самой натуры человѣка подъ дѣйствіемъ извѣстной религіозной мысли;* и вообще біографія его полна самаго поучительнаго матеріала именно въ смыслѣ воздѣйствія духовности человѣка, думъ и думъ его, на весь его „плотяной составъ“.

Здѣсь невозможно излагать его систему. Проф. П. Знаменскій передаетъ ее, руководясь отчасти разборомъ, сдѣланнымъ извѣстнымъ ученымъ Лебедевымъ,

бывшимъ впослѣдствіи протоіереемъ петербургскаго Казанскаго собора. Въ центрѣ системы лежала идея о полномъ преодолѣніи грѣха и всего смертнаго могуществомъ Божіимъ; о задачѣ человѣка провести свѣтъ религіозный черезъ всѣ фибры своего земного существованія, ввести его во все житейское; объ искупительномъ значеніи жертвы Христовой, „жертвы Агнчей“, искупившей всѣ грѣхи міра. „Какъ, неужели и философскіе грѣхи, и заблужденія Гегеля и Фейербаха“?! воскликнулъ въ полемикѣ Аскоченскій. Когда арх. Ѳеодоръ отвѣтилъ, что „и разумъ человѣческій и его великія пріобрѣтенія, какъ, впрочемъ, и заблужденія, понесены на раменахъ своихъ Спасителемъ“, то это вывело изъ себя редактора „Домашней Бесѣды“. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ о „прощеніи грѣховъ“, то мы всегда при этомъ разумѣемъ какую-то отвлеченную „блудницу“, варіантъ Маріи Египетской,—разумѣемъ спеціальный грѣхъ противъ седьмой заповѣди, въ искупленіи какового состоитъ и имъ ограничивается „искупленіе отъ грѣха, проклятія и смерти міра“; такъ что, по мнѣнію нравственныхъ пуристовъ à la Аскоченскій, чуть-ли Спаситель и приходилъ на землю не спеціально для того, чтобы облегчить страданія души засиживающихся въ кафе-шантанахъ господъ. Ничего серьезнаго, мірового они при этомъ не разумѣютъ.

Идеи арх. Ѳеодора своевременно было бы пересмотрѣть въ наше время. Онъ далъ церковную форму, церковное выраженіе тѣмъ идеямъ и движеніямъ души, которыя гораздо позднѣе нашли свѣтское и притомъ геніальное выраженіе въ Достоевскомъ. Родство ихъ такъ и мелькаетъ тамъ и здѣсь. Множество идей у нихъ—совершенно общихъ, и идей центральныхъ, а не краевыхъ. И, должно быть, лежало нѣчто провиден-

ціальное въ томъ, что въ своей собственной средѣ архимандритъ Ѳеодоръ былъ затоптанъ, не пощаженъ; а миссія его, на нѣсколько лѣтъ какъ бы скрывшаяся подъ землю,—какъ есть подобные истóчники въ горахъ,—вышла наружу и потекла уже неодолимою рѣкою въ мѣстѣ совершенно иномъ, въ станѣ другихъ людей—въ литературѣ и свѣтскомъ обществѣ. Можно сказать: соединись русская высшая іерархія съ арх. Ѳеодоромъ, а не съ Аскоченскимъ, поддержи его митрополиты Исидоръ и Филаретъ, привейся его идеи въ нашей церковной литературѣ и привейся онѣ вдохновенно и свободно,—и Церковь русская миновала бы благополучно нѣсколько опасныхъ подводныхъ камней, она побѣдно прошла бы множество затруднительныхъ моментовъ, затруднительныхъ положеній, которые теперь, можно сказать, „раздираютъ ризы церковныя“, какъ камни или льды сѣверные обдираютъ обшивку корабля (сектантство, расколъ, равнодушіе къ состоянію Церкви образованныхъ классовъ, „вольномысліе“ многихъ отдѣльныхъ свѣтскихъ людей, которые *религіозны*, но уже не *церковно*-религіозны).

Сдѣлаемъ одинъ философскій коментарій къ полемикѣ арх. Ѳеодора и Аскоченскаго. По поводу проповѣди профессора богословія Н. А. Сергіевскаго 12 января 1861 г. въ московской университетской церкви: „О значеніи вѣры въ человѣчествѣ“, Аскоченскій обвинилъ послѣдняго за то, что онъ говорилъ въ ней передъ профессорами и студентами о „вѣрѣ христіанской“, даже вообще о „религіозной вѣрѣ“, а не въ частности о „православіи“. Аскоченскій отрывалъ православіе отъ христіанства; незамѣтно для себя, онъ впадалъ въ чудовищное еретичество мысли, что слово хвалебное *христіанству* уже *не нужно православію*, что оно даже *разрушительно для православія*.

„Болитъ душа невыносимою скорбью при чтеніи бесѣды о. Сергіевскаго", писалъ ханжа. „Ищетъ сладкаго и отраднаго сердцу слова: *православіе*, а вмѣсто того натыкается на слова о какой-то *религіозной вѣрѣ*".

Что̀ это за фактъ отдѣленія и противопоставленія? Аскоченскій былъ религіознымъ эстетомъ, въ томъ дурномъ смыслѣ, какъ это слово „эстетъ" употребляется иногда для людей, стоящихъ въ (насмѣшливомъ значеніи) „по ту сторону добра и зла". Человѣкъ можетъ и въ Бога слабо вѣрить, или вовсе не вѣрить, а какая-нибудь черточка религіознаго культа его невообразимо волнуетъ эстетически, со всѣмъ фанатизмомъ художественной особливой школы. „Въ будущую жизнь я не вѣрю, а какъ услышу: *Со святыми упокой*—плачу". Тутъ музыка—независимо отъ вѣры сердечной. Для Аскоченскаго и для множества ему подобныхъ людей суть христіанства смѣшалась такъ-сказать „съ домашнимъ бытомъ русскаго духовенства"; ихъ отношеніе къ христіанству и чувство христіанства выразилось и ограничилось строжайшимъ соблюденіемъ множества частностей, подробностей, которыя выткало около креста и Евангелія изъ нѣдръ своихъ наше духовное сословіе. Ну что̀ догматическаго въ томъ, чтобы у діакона былъ басъ, и громкій, грубый, во всякомъ случаѣ сильный, а чтобы у священника былъ теноръ, и притомъ слабый, замирающій, увѣщательный? А подите, сколько есть людей, которые откажутся ходить къ обѣднѣ въ ту церковь, или неохотно пойдутъ и безъ восхищенія выслушаютъ службу, гдѣ голоса діакона и священника поставлены наоборотъ сказаннаго. И вотъ является ревность эстета. Аскоченскій ничего не помнитъ ни о Христѣ, ни о Евангеліи. По всѣмъ идеямъ его, это есть истинный Іуда, продавшій все Христово за... эстетическое наслажденіе умильнымъ

теноркомъ такого-то отца Петра въ такой-то Крестовоздвиженской церкви. „Нѣтъ загробной жизни, а рыдательные возгласы пѣвчихъ на отпѣваніи кладутъ меня плашмя на полъ“; „нѣтъ, можетъ быть, и Бога, но золотой крестъ надъ церковью, и эти пять маленькихъ главокъ вокругъ большой, но звонъ къ вечернѣ... падаю! лежу!.. истекаю въ слезахъ“! Такихъ нынѣ множество: да и всегда они были; въ отличіе отъ строгаго древняго поклоненія „Богу Вышнему“ незнаемо откуда вышедшаго Мельхиседека, отъ „хожденія передъ Богомъ“ Эноха,— этихъ сѣдыхъ тѣней древности, впервые заговорившихъ о Богѣ безъ напоминанія со стороны о Немъ, еще безъ крестовъ, панихидъ, безъ вещественности, безъ всякихъ символовъ. Я не защитникъ этой бѣдности вѣры. Но та была вѣра настоящая, и я только объ этомъ то „настоящемъ“ и говорю, отмѣчая Аскоченскаго, какъ „культуртрегера“ *подробностей религіозныхъ*, безъ всего „настоящаго“ въ себѣ, безъ религіозно-настоящаго.

Второй философскій вопросъ: отчего же, въ концѣ-концовъ, арх. Ѳеодоръ, съ „настоящимъ“ въ душѣ своей, былъ побѣжденъ этимъ легкомысленнымъ культуртрегеромъ религіозныхъ подробностей? Гдѣ ключъ всего положенія вещей? Замѣчательно въ полемикѣ слѣдующее: Аскоченскій билъ арх. Ѳеодора не только нагло, но ходко, удачно, легко, безъ трудности. Слова такъ сами и сыпались ему въ полемику, а арх. Ѳеодоръ въ запутанной тяжеловѣсной полемикѣ все искалъ словъ, натуживался, думалъ и придумывалъ: подъ руками у него ничего не было, и всю полемику онъ творилъ отъ себя, и полемика эта показалась высшимъ іерархамъ и множеству читателей чѣмъ-то новымъ и лично арх. Ѳеодору принадлежащимъ. Читая интересную брошюру Знаменскаго, въ одномъ мѣстѣ я нашелъ выраженіе, поразив-

шее меня смысломъ. Нужно замѣтить, ядъ полемики весь вытекъ изъ сборника статей арх. Ѳеодора подъ заглавіемъ: „О православіи въ отношеніи къ современности". Какъ борецъ противъ „современности", Аскоченскій и объявилъ арх. Ѳеодора „ренегатомъ православія". „Человѣкъ, одновременно ратующій и за православіе, и протягивающій руку нашей цивилизаціи—есть трусъ, ренегатъ и измѣнникъ вѣры", — писалъ онъ. Это—вообще. А вотъ частное мѣсто, меня поразившее:

> „Аскоченскій (въ такомъ-то своемъ писаніи)", — пишетъ профессоръ Знаменскій, — „выражаетъ полное недоумѣніе и даже непониманіе того: что̀ значитъ это возвращеніе плодовъ цивилизаціи Христу, что выйдетъ, напримѣръ, изъ того, если мы объявимъ собственностію Христа барометры, пароходы и пр., и на что они Ему, для котораго жертва—духъ сокрушенъ и смиренъ".

При всей любви къ арх. Ѳеодору и отвращеніи къ Аскоченскому, невозможно не разсмѣяться, потомъ—не удивиться, а, наконецъ, и не задуматься, что вѣдь Аскоченскій дѣйствительно былъ правъ самой очевидной правотою;—и отъ этого-то онъ и находилъ всѣ слова полемики подъ рукою, а арх. Ѳеодоръ, дѣйствительно, говорилъ что-то странное, новое на взглядъ митрополита Исидора: и палъ по совершенной неосновательности своей защиты. Дѣло въ томъ, что побѣда арх. Ѳеодора и пораженіе Аскоченскаго лежатъ *внѣ* поля ведшейся между ними полемики, а въ слѣдующемъ верхнемъ этажѣ, куда, однако, не только Аскоченскій, но и арх. Ѳеодоръ не входилъ; а въ томъ полѣ сраженія, гдѣ они бились, кромѣ его добраго сердца у арх. Ѳеодора не было другихъ аргументовъ, не было умственныхъ и, наконецъ, даже просто умныхъ аргументовъ. Вотъ-вотъ, уже на дняхъ, исполнится 200-лѣтіе основанія

Петербурга. Къ Петру Великому мы относимъ изъ религіозныхъ идей только одну, обычно порицаемую, это—церковно-административныя преобразованія Ѳеофана Прокоповича. Между тѣмъ, на Петербургской сторонѣ находится смиренный и прекрасный, лично преобразователемъ основанный и первый въ Петербургѣ *Троицкій* соборъ. Россія въ любимыхъ своихъ храмахъ прошла цѣлую исторію: въ княжескій періодъ свой, въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, она воздвигала храмы излюбленно „Софіи, — премудрости Божіей"; въ царскій періодъ, въ Москвѣ, является новый объектъ излюбленной мысли, преимущественнаго религіознаго вниманія — „Успеніе Пресвятой Богородицы", и храмъ, какъ памятникъ этой материнской скорби. Поразительно, что Петръ Великій не повторилъ которой-нибудь изъ этихъ идей, а началъ третью, воздвигнувъ храмъ во имя „Пресвятой *Троицы*". Вотъ если бы изъ петербургскаго своего унынія гонимый арх. Ѳеодоръ взглянулъ на этотъ храмъ, если бы въ лѣтнюю задумчивую ночь онъ подошелъ къ его стѣнѣ и спросилъ себя о какой-то провиденціальной неясности, понудившей Петра *первому* храму въ новой столицѣ дать *новое имя*, онъ нашелъ бы ключъ позиціи въ спорахъ своихъ съ Аскоченскимъ, слова стали бы трудны для послѣдняго, а у арх. Ѳеодора они посыпались бы, какъ изъ рога изобилія. Ну, дѣйствительно, на что Христу барометры и пароходы? При всѣхъ усиліяхъ ума согласиться съ Бухаревымъ, мы соглашаемся съ Аскоченскимъ. Но неужели же Аскоченскій побѣдилъ, и вся темь „Домашней Бесѣды" — безъ разсвѣта, безъ надеждъ впереди—есть настоящее и разумное религіозное состояніе Европы?! Ибо вопросъ о „барометрахъ" принципіаленъ, такъ какъ вмѣсто барометра мы можемъ подставить „Гегеля", „искусство", что угодно: и

отвѣтъ, полученный о барометрѣ, въ сущности повторится о всѣхъ частяхъ цивилизаціи, а затѣмъ и о ней всей въ цѣломъ. Если „Христу не нужны барометры“, не болѣе ихъ нужна и философія. Но поведшій къ морю Россію Петръ произнесъ: „Троица“... Этимъ именемъ перемѣняется все, открывается верхній этажъ религіознаго созерцанія, гдѣ Аскоченскій и „иже съ нимъ“ умаляются до нуля, падаютъ въ безсиліи, а арх. Ѳеодоръ, примирявшій религію „съ современностью“, получаетъ скалу подъ ноги. Да, „Христу не нужны пароходы, ни барометры“, но *Духу Святому* и *Богу Отцу* не нуженъ ли и океанъ, и надежды мореплаванія, и вся жизнь, играющая и многоцвѣтная? Не нужно ли это „бытіе“,— возьмемъ объединяющій терминъ,—Ему, Который Самъ есть Первоисточникъ всякаго бытія, Законодатель его всего, безъ исключенія и барометровъ и пароходовъ. Ибо и ртуть и паръ являютъ въ себѣ дивные законы. Архимандритъ Ѳеодоръ хваталъ въ подтвержденіе нѣкоторыя евангельскія выраженія, какъ „Духъ дышетъ, идѣже хощетъ“, но вообще Аскоченскій болѣе тамъ находилъ выраженій въ подтвержденіе, что „жертва Богу—духъ сокрушенъ“. Въ самомъ Евангеліи содержится, конечно, свѣтъ всѣхъ трехъ Ипостасей, но мы совершенно запутаемся въ пониманіи его, какъ запутались чрезвычайно многіе, если не станемъ различать въ немъ выраженій, гдѣ свѣтитъ свѣтъ *одной второй* Ипостаси, и гдѣ свѣтитъ то либо одна третья („Духъ дышетъ, идѣже хощетъ“), то *одна первая* („въ домѣ Отца Моего обителей много“) и, наконецъ, *всѣ три* „нераздѣльно“. Не держась этого метода, погрѣшили въ разъясненіяхъ отношенія религіи къ цивилизаціи, частнѣе — христіанства къ цивилизаціи и, наконецъ, уже совершенно конкретно—Церкви къ цивилизаціи, даже самые великіе

ученые. Невозможно, напримѣръ, не замѣтить, что въ трактатахъ объ искусствѣ и наукѣ сталъ повторять Аскоченскаго... и Толстой!! Да, да, ибо логика непобѣдима и его „барометры вовсе не нужны Христу“ — это очевидно не для одного Аскоченскаго. Петръ далъ имя *Троицкому* собору, но философіи около него не создалъ. Между тѣмъ, философія эта—есть; и все чаще и чаще поднимающіеся вопросы: какъ же сочетать нашу *жизнь* съ *вѣрой* и остаться богоугоднымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ быть неустрашимымъ морякомъ, нудятъ къ положенію первыхъ камней этой новой философіи. Обыкновенно съ христіанствомъ, напримѣръ, мореплаваніе „мирилось“ черезъ то, что сзади моряку какъ бы привѣшивался мѣшокъ съ добрыми христіанскими дѣлами: „морякъ этотъ былъ милостивъ къ матросамъ, обходителенъ съ товарищами, а посему онъ былъ христіанинъ“. Мѣшокъ этотъ за спиною слабо привязанъ и болѣе затушовываетъ вопросъ, чѣмъ его разрѣшаетъ. Ибо, вѣдь, вопросъ-то состоитъ въ томъ, что̀ же есть собственнаго и спеціальнаго въ морякѣ, а также въ художникѣ, въ поэтѣ, въ ученомъ и мыслителѣ, что связывалось бы... съ религіей?! Да *самое бытіе* ихъ, сочное и полное, безъ отрицанія мотивовъ, страстей, капризовъ или генія, входитъ всею полнотою полнотъ въ волю Отца небеснаго, о Которомъ и Сынъ сказалъ, что „безъ нея волоса не падаетъ съ головы человѣка“. Поэтъ и морякъ можетъ-быть не были „благочестивы“ привычнымъ благочестіемъ („домашній бытъ духовенства“ вмѣсто „христіанства“), можетъ быть они даже были не очень смиренны (категорія второй Ипостаси, „жертвы Агнчей“), и все же вполнѣ они могутъ остаться возлюбленными Божіими дѣтьми, Отчею тварью — по „образу и подобію“ или орла летящаго или льва „Пе-

редъ Престоломъ Божіимъ“ (видѣнія пророка Іезекіиля, видѣнія апостола Іоанна въ Апокалипсисѣ).

Возводя же все только къ „жертвѣ Агнчей“, арх. Ѳеодоръ не имѣлъ почвы подъ ногами; онъ какъ бы не касался пола своего этажа, въ которомъ такъ свободно расхаживалъ Аскоченскій, и не доходилъ, однако, до второго этажа, гдѣ сокрыты религіозные *законы міра*, какъ нѣчто совсѣмъ разнородное, нежели его моральныя заповѣди. Тутъ уже начинается храмъ, куда входитъ и зодіакъ, и созвѣздія, и вся исторія, и всѣ надежды человѣческія; гдѣ сближаются, какъ лѣтнія зори, и „іудей и эллинъ“, мерцаетъ свѣтъ и Вавилона и Египта; и гдѣ совершенно перестаетъ быть слышенъ „слабенькій теноръ нашего приходскаго священника“, какъ главная суть отношеній нашихъ къ Богу, и вообще оканчивается „домашній бытъ русскаго духовенства“, какъ единое пристанище вѣрующаго сердца. Не отрицается и онъ, ибо „въ дому Отца Небеснаго обителей много“; но получаетъ онъ границы, опредѣленія,—небольшія, тѣсныя, хоть и прекрасныя.

1902 г.

Четыре письма Анн. С. Бухаревой.

Въ духовной—религіозной и умственной—исторіи Россіи не только *богословская система* архимандрита Ѳеодора Бухарева, но и его *личность* и *біографія* имѣютъ большое значеніе. Какъ выразился о немъ священникъ А. П. Устьинскій (см. письмо его, напечатанное въ моей книгѣ: „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“, статья „Бракъ и христіанство“) онъ „выходомъ изъ монашества и вступленіемъ въ бракъ снялъ монополію спасенія у монашества“. Навсегда, поэтому, останется интереснымъ вопросъ именно объ этомъ центральномъ и принци-

піальномъ поступкѣ его жизни, и вмѣстѣ страдальческаго, гонимаго житія. Ибо именно за семью онъ былъ гонимъ, разомъ лишившись положенія, содержанія, должности и даже ученой степени доктора богословія!! Былъ ли это въ жизни его случай, увлеченіе, минута? или было тутъ сознаніе, а, наконецъ, и убѣжденіе? Было-ли Божіе благословеніе надъ нимъ и семьею его? Вотъ отчего личность его супруги, Анны Сергѣевны Бухаревой, имѣетъ значеніе; и сохраняютъ цѣнность звуки ея голоса, въ которомъ, какъ у писателей въ ихъ стилѣ, всегда слышится душа. Въ 1902 и 1904 г.г. она обмѣнялась со мною нѣсколькими письмами, и я позволю себѣ привести отрывки изъ нихъ. Замѣчу, что о. архимандритъ Ѳеодоръ послѣ снятія монашества принялъ имя „Александра", и въ письмахъ вездѣ именуется супругою „А. М." или „Александръ Матвѣичъ".

I.

Многоуважаемый В. В.

Тысячамъ читателей повѣдали вы о трагической судьбѣ моего покойнаго мужа, и его образъ окружили такимъ сіяніемъ, какъ образъ человѣка съ чистой и пламенной вѣрой,—но за такую вѣру и пострадавшаго. Глубоко признательна и за оцѣнку профессора Знаменскаго, который такъ много положилъ безкорыстнаго труда на то, чтобы возстановить правду по отношенію къ человѣку, умершему слишкомъ 30 лѣтъ назадъ: вѣдь изучалъ онъ его систему, собиралъ матерьялы, и такъ много потрудился надъ этимъ. Одинъ почтенный старецъ писалъ мнѣ по поводу профессора Знаменскаго: „Слава Богу, правда не изсякла еще на Руси".

Анна Бухарева. 16 Декабря 1902 года.

Переславль-Залѣсскій.

II.

Многоуважаемый В. В.

Пришло ваше письмо, такое любезное и такое сочувственное. Постараюсь отвѣтить на сдѣланные вами мнѣ вопросы. Боюсь,

мое письмо не было бы слишкомъ длиннымъ, но хочется мнѣ отвѣтить вамъ на все подробно и обстоятельно.

Вы спрашиваете, есть ли у меня какія-нибудь записки о моемъ мужѣ, Александрѣ Матвѣевичѣ? — Форменныхъ, такъ сказать, воспоминаній нѣтъ у меня. Но въ моихъ письмахъ къ одному очень близкому человѣку, священнику Лаврскому, есть, кажется, всѣ матерьялы для воспоминаній, какіе только могла я дать отъ себя. О. Валерьянъ Викторовичъ Лаврскій,—соборный протоіерей въ Самарѣ въ настоящее время—былъ любимѣйшимъ ученикомъ Александра Матвѣевича, по Казанской академіи, и дружба съ нимъ продолжалась у мужа до самой смерти. А послѣ его смерти отецъ Лаврскій, кажется, каждыя двѣ недѣли писалъ мнѣ изъ Варшавы, гдѣ былъ законоучителемъ при гимназіи. Письма его, большія и очень содержательныя, были тогда моимъ единственнымъ утѣшеніемъ,— такъ что и я писала ему много и, конечно, мои письма были полны воспоминаніями. Послѣ того я уже не думала писать воспоминаній—знала, что разсказала все, что только могла разсказать, и знала, что о. Лаврскій сохранитъ это, какъ матерьялъ для воспоминаній или біографіи моего мужа. Но нѣсколько лѣтъ назадъ о. Лаврскій, подъ вліяніемъ особенно удрученнаго состоянія духа, съ предчувствіями близкой смерти—перепроводилъ профессору Знаменскому мои письма, вмѣстѣ съ имѣющимися у него рукописями Ал. М-ча, тоже имъ полученными отъ меня. Это было послѣ того, какъ Знаменскій написалъ „Печальное 25-лѣтіе“.—Кажется, и теперь это все находится у Зн—го. Три года назадъ были у меня еще записки, которыя знаетъ и о. Александръ Устьинскій *). Онѣ написаны были по поводу письма Знаменскаго къ г-жѣ Лебедевой, дочери протоіерея Лебедева. Онъ ей писалъ, что по отношенію къ Александру Матвѣевичу занимаютъ его слѣдующіе вопросы: 1) Кто обманулъ его монашествомъ; 2) процессъ его психическаго развитія; 3) когда слагалось его міросозерцаніе и, наконецъ, 4) обстоятельства его дѣтства. Предположивъ, что онъ хочетъ опять писать объ Ал. М-чѣ, я взялась, какъ могла, отвѣтить на эти вопросы, и при этомъ еще постаралась изложить одну изъ основныхъ идей Ал. М-ча—съ помощію цитатъ, взятыхъ буквально

*) Соборный протоіерей въ Старой Руссѣ, теперь настоятель церкви въ Новгородскомъ Десятинномъ женскомъ монастырѣ. *В. Р—въ.*

изъ его книги „О Православіи въ отношеніи современности". Послѣдне сдѣлала я имѣя въ виду г. Лебедеву, которая, казалось мнѣ, тогда еще недостаточно понимала его.—Посылала я эти записки о. Александру Устьинскому. Онъ былъ радъ и по своему горячему сочувствію къ о. Александру Матвѣевичу и ко мнѣ, расхвалилъ и даже настоятельно совѣтовалъ отпечатать ихъ гдѣ-нибудь.

Но вотъ я недавно ихъ перечитывала и мнѣ очень не понравилось, а для печати и совсѣмъ не годится; можетъ только развѣ служить нѣкоторымъ матеріаломъ, но никакъ не въ томъ видѣ, какъ это написано. Цѣлые длинные годы ни съ кѣмъ, кромѣ книгъ, не приходилось мнѣ бесѣдовать по душѣ, а потому и стиль у меня получился словно дѣланный, совсѣмъ не живая рѣчь,—писала я спѣшно, лихорадочно, въ приподнятомъ настроеніи,—и отъ давно скопившихся чувствъ — невысказанныхъ — самый тонъ какой-то постоянно приподнятый. А при отсутствіи таланта, или даже простого умѣнья, всякій пафосъ, хотя бы самый искренній, отзываетъ риторикой,—что, конечно, расхолаживаетъ впечатлѣніе *). Я это чувствовала и тогда, какъ писала, но ничего не могла съ собой сдѣлать: когда хотѣла писать проще, выходило у меня что-то до крайности безсвязное и тупое... Потому совсѣмъ это не годится для печати (не говоря уже о томъ, что нѣтъ никакого плана), если бъ даже и представилась возможность напечатать. Такъ какъ вы интересуетесь моимъ мужемъ, то я попрошу о. Устьинскаго переслать вамъ мои записки для прочтенія,—онѣ у него есть. Надо впрочемъ сказать, что такимъ запискамъ дается вѣдь мало и вѣры; обыкновенно въ такихъ случаяхъ говорится: „жена вѣдь писала"... Другое совсѣмъ дѣло воспоминанія человѣка посторонняго. А есть такія воспоминанія и хотѣла бы я, чтобы вы и о. Устьинскій ихъ прочитали. Это—воспоминанія все того же о. Лаврскаго. Онъ ихъ писалъ въ годъ смерти моего мужа, но онѣ у него остались на рукахъ, такъ какъ некуда ихъ было помѣстить. Тутъ же приводятся письма одного студента академіи къ своимъ роднымъ, то есть выдержки изъ его писемъ,

---

*) Какая тонкая и вѣрная оцѣнка,—въ пору самому зрѣлому писателю. Съ тѣмъ вмѣстѣ „приподнятый патетическій тонъ "вдовы слишкомъ говоритъ о томъ, что она нашла въ мужѣ своемъ духовнаго героя, которому служила съ чисто женскою самоотверженностью. *В. Р—въ.*

посвященныя о. Ѳеодору. Студентъ этотъ былъ самъ В. В. Лаврскій и его письма полны о. Ѳеодоромъ. Особенно дорого это тѣмъ, что писалось подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ.

О. Лаврскій человѣкъ очень даровитый. Вамъ, можетъ быть, что нибудь извѣстно объ А. В. Потаниной, женѣ извѣстнаго путешественника. Послѣ ея смерти (въ 90-хъ годахъ) о ней много писали въ газетахъ и журналахъ. Такъ вотъ это ея братъ. Онъ былъ другомъ, и товарищемъ по семинаріи, Добролюбова. Когда-то я читала въ „Современникѣ“ дневникъ послѣдняго, гдѣ упоминаетъ онъ о В. В. Лаврскомъ, какъ о человѣкѣ съ умомъ блестящимъ, но крайне скептическимъ, такъ что онъ, Добролюбовъ, по временамъ принужденъ бывалъ отъ него отдаляться, чтобы сохранить дѣльными свои вѣрованія. Но вотъ такого скептицизма и признака нѣтъ въ его письмахъ къ роднымъ,—такъ восторженны его отзывы объ о. Ѳеодорѣ.—Въ 1871 году онъ присылалъ мнѣ свои воспоминанія, а два года назадъ я ихъ видѣла въ рукахъ у Е. А. Лебедевой,—побывавшей въ Самарѣ, и вновь ихъ перечитывала. Чрезвычайно хорошо. Къ несчастію, судя по его рѣдкимъ письмамъ, опять онъ въ удрученномъ состояніи духа, къ тому же боленъ; но спрошу его, что онъ хочетъ дѣлать съ своими воспоминаніями. Да, впрочемъ, я уже написала ему.

Вы еще спрашиваете меня,—трудно ли мнѣ было *). Но мнѣ кажется, что ко всякому подвигу любви,—любви настоящей, вполнѣ приложимы слова Спасителя: „Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть“. Я могу съ полной искренностью сказать, что всѣ трудности проходили какъ бы мимо меня. Съ родными, конечно, была борьба жестокая, особенно съ отцомъ—матери не было въ живыхъ.

У меня было небольшое имѣньице, лично мнѣ принадлежавшее, но, по желанію Ал. М-ча, я отказалась отъ него, выходя за него замужъ. И за все время моей жизни съ Ал. М-чемъ я не получила ни гроша отъ отца.

---

*) Т. е. я спрашивалъ: трудно ли ей было, дворянкѣ, помѣщицѣ, институткѣ—соединить судьбу свою съ человѣкомъ великой души, но который разомъ и злобно былъ извергнутъ изъ своего сословія, сана и даже лишенъ ученой степени?! Вѣдь это было похоже на „изуродованнаго“ Абеляра, похоже и на обезчещеннаго Дрейфуса! А женщины—всѣ злословятъ ихъ—тщеславны, и не выносятъ „пѣтуха безъ оперенья“. *В. Р—въ.*

Своихъ родныхъ у меня нѣтъ теперь; есть, правда, двоюродные, но я съ ними не вижусь. Но съ родными мужа у меня отношенія самыя лучшія. Въ прошломъ году лѣтомъ я гостила въ селѣ у одного священника, женатаго на родной племянницѣ Ал. М-ча, и отлично чувствовала себя въ этой родственной семьѣ.— Матерьяльныя мои обстоятельства не блестящія, но нужды нѣтъ у меня никакой.

Что касается портрета моего мужа, то были у него карточки, когда былъ еще монахомъ. Есть одна такая и у меня, но на мой взглядъ не особенно похожа. У него было одно изъ тѣхъ нервныхъ лицъ, которыя мало удавались въ фотографіи, особенно въ прежнее время, когда такъ долго надо было позировать. Но есть у меня карточка болѣе похожая, хотя снята была она уже съ мертваго. Я закажу по ней другія, а когда будутъ готовы, непремѣнно перешлю одну вамъ, а другую о. Устьинскому. А что вы говорите о немъ, объ о. Александрѣ Устьинскомъ,—это совершенно вѣрно. Одно воспоминаніе о немъ наполняетъ мнѣ душу умиленіемъ и горячей къ нему признательностью.

Въ заключеніе хочется мнѣ вамъ передать одно воспоминаніе, такъ сказать, характерное, которое пробудили у меня ваши слова о дѣтяхъ.

Былъ у насъ ребенокъ, дѣвочка; умерла она 11 мѣсяцевъ. Александръ Матвѣевичъ, предчувствуя, что самъ недолго наживетъ, говорилъ не рѣдко со мной о томъ, какъ я должна ее воспитывать. Онъ говорилъ мнѣ: „Вотъ ты любишь книги, складъ характера у тебя мечтательный, а она, возможно, будетъ не такая, со складомъ болѣе практическимъ, или будетъ любить веселье, удовольствія, танцы. Такъ ты смотри: не ломай ее. Научи ее любить Бога, людей, *но не ломай, ради Бога не ломай.* (Подчеркнутыя слова я буквально запомнила). Давай свободно развиваться тому, что заложено въ ея природѣ". Но вотъ не суждено мнѣ было воспитывать свою дочку. *А. Бухарева.* 29 декабря 1902 г.

III.

Многоуважаемый В. В.

Буду съ вами говорить съ полной искренностью, чѣмъ могу только доказать свое къ вамъ довѣріе и уваженіе. Я васъ искренно благодарила, когда появилась первая половина вашей статьи

отъ 12 Декабря,—благодарила искренно и за продолженіе ея... Но, конечно, вы сами знаете, многоуважаемый В. В., что концомъ ея я не могла быть довольной. Однако, удовольствіе отъ первой половины пересилило неудовольствіе отъ второй, и я всетаки поблагодарила васъ отъ чистаго сердца. Хотѣла я вамъ возразить въ своемъ письмѣ къ вамъ, но не была въ силахъ этого сдѣлать, больше... чувствовала, какъ надо бы возразить, а мыслей своихъ не могла привести въ ясность. Теперь слышу, что нѣкоторые почитатели моего мужа хотятъ возражать вамъ; думаю, что возраженіе будетъ дѣльное, судя по одному человѣку, который хочетъ писать—и думаю, что вы ничего противъ этого не будете имѣть, такъ какъ это можетъ только послужить къ выясненію дѣла и поддержанію интереса къ личности Александра Матвѣевича и къ дѣлу его мысли.

Знаете-ли? Въ тѣхъ запискахъ, что посылала я о. Устьинскому, видѣли по мѣстамъ неправославный образъ мыслей,—тогда какъ почти буквально составлены онѣ изъ цитатъ, выписанныхъ изъ сочиненій Ал. М—ча. Но это меня не трогаетъ, такъ какъ дѣло тутъ въ единичныхъ случаяхъ, а я твердо знаю, что ни на іоту не исказила ученіе моего мужа.

Съ истиннымъ уваженіемъ *А. Бухарева.* 20 Января 1903 г.

IV.

Многоуважаемый В. В.

Съ большимъ удовольствіемъ я прочитала въ іюньской книжкѣ „Новаго пути“ добрый вашъ отзывъ о статьяхъ О. Свѣтлова—въ связи съ признаніемъ заслугъ В. Соловьева передъ богословской наукой. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что *Богословскій Вѣстникъ*—лучшій изъ нашихъ духовныхъ журналовъ. Мнѣ говорили, что если-бъ не *Богословскій Вѣстникъ*, то статьи О. Свѣтлова такъ и не увидѣли бы свѣта: въ другихъ духовныхъ журналахъ ихъ не хотѣли принимать. Правда, есть здѣсь статьи, не отвѣчающія общему свѣжему направленію,—которое, говорятъ, зависитъ много отъ людей, стоящихъ во главѣ редакціи—но это, пожалуй, и неизбѣжно въ журналѣ академическомъ, гдѣ каждый профессоръ имѣетъ право на помѣщеніе своей статьи. Вотъ, кстати, я хочу разсказать вамъ, какъ я была возмущена статьей проф. Тарѣева „О нравственномъ значеніи Христова воскресенія“ (Богословскій

Вѣстникъ за прошлый годъ), гдѣ онъ съ рѣшительностью возстаетъ противъ вѣрованія въ Воскресеніе Христа во плоти. Статья написана въ тонѣ, не допускающимъ возраженій. Главнымъ образомъ меня возмутилъ его спиритуализмъ, которымъ хочетъ онъ затемнить широкіе горизонты, имѣющіе открываться съ развитіемъ ученія о Боговоплощеніи. Противъ него выступилъ было въ Мис. Обоз. прот. Лаврскій, но Тарѣевъ отвѣтилъ ему сердитой отповѣдью, гдѣ говоритъ о невозможности для ученаго богослова сказать свое новое слово, безъ того, чтобы ретроградная критика не накинулась на него. Но спиритуализмъ въ богословской литературѣ у насъ нисколько не новость, и не даромъ же самъ онъ ссылается на богословіе Макарія. Хотя олимпійство Тарѣева и производитъ нѣсколько комичное впечатлѣніе, но все-таки я не могу относиться равнодушно къ его статьямъ по важности вопросовъ, которыхъ онъ въ нихъ касается. А какъ потускнѣлъ бы Свѣтлый нашъ Праздникъ, если бы православное наше представленіе о воскресеніи Христа отвѣчало спиритуалистическому представленію Тарѣева,—не чувствовалъ бы народъ этого праздника такъ, какъ чувствуетъ его теперь, не чувствовалъ бы такъ и пасхальной утрени, когда на возгласъ священника: „Христосъ воскресъ“, какъ изъ одной груди—вырывается радостное: „во истину воскресъ“. Я только на дняхъ прочитала отповѣдь Тарѣева о. Лаврскому и мнѣ живо теперь вспоминается та первая его статья, послужившая поводомъ къ полемикѣ,—такъ что, начавъ писать вамъ и зная, съ какимъ вниманіемъ вы относитесь къ вопросамъ вѣры, я не могла утерпѣть, чтобы не говорить о томъ, что меня въ эту минуту занимаетъ и возмущаетъ *)...

Душевно вамъ преданная *А. Бухарева*. 16 мая 1904 г.

---

*) Проф. Тарѣевъ—одно изъ свѣтилъ нашей богословской или, точнѣе, религіозно-философской литературы. Онъ не „спиритуалистъ“ по трафарету, и если сдѣлалъ ссылки на Макарія, то лишь чтобы защитить себя отъ обвиненія въ „худоуміи“ (монашескій терминъ): на самомъ дѣлѣ онъ въ *себѣ* самомъ всегда имѣетъ фундаменты бо̀льшіе, чѣмъ какіе могъ бы почерпнуть изъ всевозможныхъ ссылокъ и цитатъ. Но въ данномъ пунктѣ старушка-вдова покойнаго Бухарева, мнѣ думается, права: а что она такъ поняла житейскую важность философскаго тезиса проф. Тарѣева—показываетъ, до чего она вдумалась, а не вчиталась только въ систему своего мужа, и

Темы о сочетаніи *реальной дѣйствительности* съ идеаломъ *религіозной святости*, поднятыя о. архимандритомъ Ѳеодоромъ Бухаревымъ, прекрасно разработаны въ одной не напечатанной, хотя предназначавшейся къ печати, статьѣ священника *А. П. Устьинскаго.* Я позволю себѣ предложить ее вниманію моихъ читателей: такъ-какъ о. Ал. У—скій пишетъ тверже и яснѣе, нежели я, на многія общія у насъ обоихъ темы. Къ тому же по статьѣ „Бракъ и христіанство“ и вообще по книгѣ „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“ мы уже сплелись, духовно и литературно, съ нимъ въ одно. Вотъ оно:

какъ система эта, и мужа ея, архимандрита Ѳеодора, и ея самой (по усвоенію) сплелась съ личностью и жизнью ихъ обоихъ. *Спиритуалистъ* Тарѣевъ говоритъ, что въ *воскресеніи* Христа было только воскресеніе его души, а *тѣлеснаго* воскресенія не было вовсе. Между тѣмъ, вѣдь душа, даже наша, и при смерти, при убійствѣ нашего тѣла, не умираетъ. Душа *не воскресаетъ*, потому что она *не умираетъ*. *Воскресеніе* есть именно фактъ тѣла; всегда было предметомъ сомнѣнія или спора возможность *для него* воскреснуть. Христосъ „побѣдилъ смерть“ — именно тѣлесную, по законамъ природы, физики и химіи; и черезъ то далъ надежду и намъ всѣмъ воскреснуть *физически.* Это со стороны факта. Но Анна Сергѣевна возмущается самою его тенденціею: зачѣмъ профессору это ученіе? Онъ *возвышаетъ духъ на счетъ тѣла*, т. е. путемъ его уничиженія (монашеская тенденція): и она, сливая личный свой подвигъ и правду своего мужа (разрывъ съ монашествомъ), возстаетъ за *права* тѣла жить вѣчно съ духомъ, за возможность *для него* воскреснуть просвѣтленнымъ, за озареніе *тѣла* новымъ свѣтомъ, павшимъ на него изъ воскресенія Христа. Тутъ—точка поворота міросозерцанія, точка *отворота* его отъ неистовствъ аскетизма и гордыни его откуда уже начинается великое признаніе міра, природы, радостей земныхъ, и усиленно -признаніе рожденія, семьи, брака. „Все это—правда, великая, святая, не меньшая, чѣмъ содержащаяся въ лукавомъ, гордомъ, самонадѣянномъ спиритуализмѣ“.] Отъ себя добавлю, что женщина и мать и *не можетъ* говорить иначе. „яко та есть мать жизни“ (въ Бытіи—О Евѣ).—*В. Р—въ.*

Раздвоенность жизни.

Человѣкъ съ двоящимися мыслями не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ. Іак. I, 8.

Жизнь человѣческая тогда только идетъ впередъ бодро и увѣреннымъ шагомъ, когда человѣкъ успѣлъ и сумѣлъ подвести ее подъ одинъ какой-либо опредѣленный принципъ, освѣтить ее лучемъ какого-либо одного нравственнаго идеала. Чѣмъ опредѣленнѣе поставленъ идеалъ жизни и чѣмъ увѣреннѣе человѣкъ въ истинности своего идеала, тѣмъ онъ тверже и рѣшительнѣе во всѣхъ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ. Безъ объединяющаго дѣйствія принципа, безъ свѣтящагося впереди идеала жизнь превращается въ постоянное, повседневное крушеніе духа. „Не можете пить чашу Господню и чашу бѣсовскую; не можете быть участниками въ трапезѣ Господней и въ трапезѣ бѣсовской“ (1 Кор. 10, 21).

Но владѣетъ-ли русское православное общество такимъ объединительнымъ принципомъ жизни? Сведены-ли всѣ явленія личной, семейной, общественной и церковной жизни православнаго христіанина къ одному общему началу? Освѣщены-ли они свѣтомъ, одного и при томъ самаго возвышеннаго и дорогаго, самаго благороднаго и свѣтлаго идеала,—идеала святости? Увы, можно смѣло сказать, что у подавляющаго большинства русскаго общества такого объединительнаго принципа нѣтъ, такимъ лучезарнымъ идеаломъ оно не обладаетъ. Какъ на подтвержденіе этого своего утвержденія, я укажу на два факта,—одинъ изъ области литературы, другой изъ обыденной жизни.

Вотъ что передаетъ Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ въ своей книгѣ „О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни“: „Мнѣ разсказывала одна свѣтская дѣвица, какъ она мучила себя и терзала, убивала свою духовную жизнь въ своемъ нравственномъ раздвоеніи: то примется за книги духовныя, начнетъ ходить какъ можно чаще въ церковь, усердно молиться, всего опасаться какъ нечистаго, соблазнительнаго; то, увлекшись какою-либо свѣтскою книгою, броситъ все духовное, схватится за романы, за свѣтскія развлеченія, и все это съ такимъ расположеніемъ и мыслями, что уже все равно погибать. Эта барышня была не только не испорченная, но и неспособная обманывать и усыплять

свою совѣсть фальшивымъ міромъ между тѣмъ, что она считала добромъ, и тѣмъ, что признавала худомъ. Не смотря на это, въ своемъ мучительномъ для ея совѣсти раздвоеніи то на свѣтскую жизнь, то на благочестіе, она естественно доходила до такой ужасной мысли во глубинѣ своей души, что „*хорошо было бы жить на свѣтѣ*, еслибы не отравляла всего въ жизни мысль о будущей жизни, *еслибы не было Бога*“ (стр. 112, курсивъ мой).—Что можетъ быть правдивѣе и нагляднѣе разсказанной въ этихъ словахъ исторіи! Но то, что пережила и переиспытала въ своей совѣсти указанная Бухаревымъ свѣтская дѣвушка, не есть-ли въ сущности внутренняя душевная драма каждой русской дѣвушки и каждаго русскаго юноши, серьезно подумывающихъ о спасеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшившихся однажды навсегда порвать свои связи съ міромъ и заключиться въ какой-нибудь пустынной обители?

А вотъ случай изъ обыденной жизни. Иду я разъ по городской улицѣ. Мнѣ навстрѣчу попадаются не знакомые мнѣ *молодой кавалеръ* и *молодая барышня*. Они оживленно между собой разговаривали. До моего слуха въ моментъ встрѣчи изъ ихъ разговора ясно и отчетливо донеслись слѣдующія фразы:

— Ахъ, вѣрно, спасаться хотите, говорилъ кавалеръ.

— Нѣтъ ужъ, куда мнѣ, отвѣчала дѣвушка.

Я не только хорошо разслышалъ тонъ голоса, когда произносились эти вопросъ и отвѣтъ, но успѣлъ отчетливо уловить и выраженіе физіономій у молодыхъ людей во время ихъ разговора. *Кавалеръ* предлагалъ свой вопросъ въ скептическомъ тонѣ. На лицѣ его играла легкая ироническая насмѣшка. Дѣвушка произнесла свой отвѣтъ въ какомъ-то заунывно-грустномъ тонѣ. Завѣдомо слышалось въ тонѣ ея голоса сомнѣніе о чемъ-то дорогомъ и желанномъ, но не достижимомъ. Ея настроеніе, отобразившееся въ тонѣ ея голоса, отпечатлѣлось и на ея физіономіи. „Все это хорошо, все это прекрасно и желательно, но увы, все это не для насъ, не по нашимъ силамъ“—было написано на лицѣ ея.

Но вѣдь это явленіе не единичное. Напротивъ, это всеобщій типъ нашей русской жизни. Не всѣ-ли русскіе дѣвушки и юноши таковы? Не всѣ-ли русскіе отцы и матери таковы? Исключенія ничтожны.

Откуда же такое настроеніе въ русскомъ обществѣ? Оно создалось вѣками, вслѣдствіе преобладанія въ обращеніи аскетической

литературы, въ которой всегда и постоянно господствовалъ идеалъ дѣвственности, монашества и отшельничества, и въ которой ни разу, въ качествѣ идеала христіанскаго совершенства, не была выставлена христіанская семья. Всюду развѣвался монашескій флагъ, и нигдѣ и никогда флагъ христіанской семьи.

Беру въ руки „Лѣствицу“ Преподобнаго Іоанна Лѣствичника, открываю первую страницу и нахожу: „Слово первое, объ отреченіи отъ міра“. Меня нѣсколько инстинктивно передергиваетъ. Беру творенія преподобнаго Исаака Сиріянина, открываю первую страницу и встрѣчаю: „Слово первое, объ отреченіи отъ міра и о житіи монашескомъ“.—Боже! восклицаю я въ отчаяніи: да кто же скажетъ намъ о святости семейнаго житія? Беру бесѣды преподобнаго Макарія Египетскаго, перелистываю и глаза мои падаютъ на слѣдующее изреченіе: „Кто хочетъ придти къ Господу, сподобиться вѣчной жизни, стать жилищемъ Божіимъ и удостоиться Святаго Духа,—тотъ, чтобы ему быть въ состояніи неукоризненно и чисто творить плоды по заповѣдямъ Господнимъ, долженъ положить такое начало. Во-первыхъ, *должно ему* твердо увѣровать въ Господа, всецѣло посвятить себя словесамъ заповѣдей Его, *во всемъ отречься отъ міра, чтобы умъ совершенно не былъ занятъ ничѣмъ видимымъ*“ (Слово 1, о храненіи сердца, гл. 13). Выходитъ,—завяжи глаза и бѣги въ пустыню. Да, права, при такихъ условіяхъ, въ своихъ воззрѣніяхъ встрѣтившаяся со мною на Волховскомъ мосту молодая дѣвушка.

Что же, однако, въ концѣ концовъ? Слѣдовательно, все это правда?—Да, совершенная правда, но только съ одной стороны. Мы должны твердо помнить, что Новозавѣтный идеалъ жизни не единиченъ, а двойственъ. Быть можетъ, гораздо правильнѣе и истиннѣе было бы мыслить и утверждать, что Новозавѣтный идеалъ жизни тройственъ, по образу трехъ Лицъ Пресвятой Троицы; но я пока указываю лишь на двойственность этого идеала, руководствуясь при этомъ категорическимъ и разъ навсегда даннымъ изреченіемъ Христа Спасителя: „Не *вси* вмѣщаютъ словесе сего (о дѣвственной жизни), но *имъ-же дано есть*“ (Мѳ. 19, 11). Для всякаго совершенно ясно и очевидно, что ученики и послѣдователи Христа, этимъ словомъ Его, раздѣляются на два класса, или на двѣ категоріи. Къ первому классу относятся тѣ, о которыхъ сказано: „не всѣ вмѣщаютъ словесе сего“. Ко второму тѣ, о которыхъ сказано: „но имъ-же дано есть“. Послѣдніе—это дѣвственники,

монахи, пустынники. Первые—это люди семейные, живущіе въ мірѣ. Историческое христіанство (православіе и католичество) въ продолженіе двухъ тысячъ лѣтъ было преимущественнымъ, почти исключительнымъ развитіемъ лишь одной половины христіанскаго идеала жизни, именно идеала дѣвственности. Всѣ тѣ, которые оставались въ остаткѣ за вычетомъ „могущихъ вмѣстить", т. е. семейные послѣдователи Христа, стояли въ исторіи христіанства въ тѣни и нимало не заботились о выработкѣ и осуществленіи идеала семейной христіанской жизни. По крайней мѣрѣ, я всю жизнь свою искалъ и ни разу и нигдѣ не нашелъ ни одного слова подъ такимъ приблизительно заглавіемъ: „Слово *о святости семейной жизни*", или „Слово *о христіанской семьѣ*, какъ *идеалѣ* христіанскаго *нравственнаго совершенства*" и т. под. Отсюда и составилось убѣжденіе русскихъ людей: что если хочешь спасаться, то иди въ монастырь; а если остался въ мірѣ, то позабудь думать о святости *).

Но это есть лишь недосмотръ, или односторонность. Дѣвственность есть лишь *особенность* Новаго Завѣта, но не *исключительный* идеалъ христіанства. Христіанство приняло, вобрало въ себя и весь Ветхій Завѣтъ, съ укладомъ его исключительно семейной жизни. Да еще и какъ рѣшительно, какъ неотразимо! Такъ что сынамъ Новаго Завѣта, а въ томъ числѣ, конечно, и дѣвственникамъ, вмѣняется лишь въ особенное счастье, что они въ Царствіи Божіемъ возлягутъ вмѣстѣ и наравнѣ съ сынами Ветхаго Завѣта, ведшими семейную жизнь. „Говорю вамъ, что многіе придутъ съ востока и запада, и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ Царствѣ Небесномъ" (Матѳ. 8, 11).

По скольку сыны Новаго Завѣта остаются въ условіяхъ семейной и общественной жизни, они напоминаютъ и повторяютъ собою сыновъ Ветхаго Завѣта. А предъ этими послѣдними, хотя всѣ они поголовно вели семейную жизнь, поставленъ былъ во всей его силѣ

*) Это ходячее воззрѣніе русскихъ людей нигдѣ съ такою силою, типичностью, краткостью и истинностью не высказано, какъ въ неподражаемо-точномъ и неопровержимо-правильномъ изреченіи Д. С. Мережковскаго: „Одни говорятъ: нельзя быть *живымъ*, не отрекшись отъ *Христа*. Другіе: нельзя быть *христіаниномъ*, не отрекшись отъ *жизни*. Или жизнь безъ Христа, или христіанство безъ жизни" (Нов. Путь, Мартъ, стр. 161).

и неотразимости идеалъ святости. „И сказалъ Господь Моисею, говоря: объяви всему обществу сыновъ Израилевыхъ и скажи имъ: святы будьте, ибо святъ Я, Господь, Богъ вашъ“ (Лев. 19, 1, 2). Эту же заповѣдь о святости повторилъ св. ап. Петръ и сынамъ Новаго Завѣта (Пет. 1, 15, 16).

Поэтому чрезвычайно страннымъ и неповятнымъ кажется, что семейные сыны Новаго Завѣта совершенно утеряли и утратили всякое понятіе объ идеалѣ святости. Страшно слышать изъ устъ молодой христіанской дѣвушки, что спасеніе существуетъ не для нея. Вѣдь она дочь христіанскихъ родителей. Вѣдь она воспитанница христіанскихъ учебныхъ заведеній. Родители! гдѣ же плоды вашего христіанскаго воспитанія?! Учители и воспитатели! гдѣ же плоды вашего христіанскаго обученія?!

Всѣ истинные и неподдѣльные сыны Новаго Завѣта, изъ группы семейныхъ, должны повторить вмѣстѣ съ Д. С. Мережковскимъ: „Мы хотимъ, чтобы жизнь была во Христѣ и Христосъ въ жизни“ (Ibidem). Всѣ, во множествѣ разсѣянныя по страницамъ нашей аскетической литературы, слова объ отреченіи отъ міра, суть дѣйствительный призывъ къ иноческой жизни. И тѣ изъ христіанъ, на которыхъ слова эти произвели рѣшающее дѣйствіе, пусть вдохновенно идутъ въ пустыни и обители. Благословенъ путь ихъ! И да поддержитъ и да подкрѣпитъ ихъ Благое Провидѣніе въ ихъ святомъ подвигѣ! Но мы, оставшіеся въ мірѣ, что же мы такое? Развѣ мы уже и не сыны Новаго Завѣта? И развѣ всѣ новозавѣтныя обѣтованія уже не для насъ существуютъ? Или намъ остается безнадежно опустить руки, въ той мысли, что спасеніе существуетъ не для насъ? Тысячу разъ нѣтъ и нѣтъ. Возведите очи ваши и посмотрите на необозримые сонмы ветхозавѣтныхъ праведниковъ, которые даже и понятія не имѣли объ отреченіи отъ міра, а между тѣмъ точно также входятъ въ составъ Небесной Церкви, какъ и сыны Новаго Завѣта, воспитавшіеся и взросшіе въ отреченіи отъ міра. Посмотрите, передъ нами первосвященникъ Ааронъ съ лучезарно сіяющей на челѣ его надписью: „Святыня Господня“. Эта надпись да будетъ истиннымъ и безсмѣннымъ флагомъ и для тебя, семейный христіанинъ. Да будетъ она твоимъ всегдашнимъ знаменемъ, подъ которымъ бы ты неизмѣнно стоялъ. Когда ты, семейный христіанинъ, вѣрно и твердо будешь стоять подъ знаменемъ ветхозавѣтнаго первосвященника, тогда и Новозавѣтный вѣчный Первосвященникъ—Христосъ откроетъ для

тебя двери Царствія Своего, и уже никто не сможетъ затворить ихъ предъ тобою (Апок. 3, 8).

„По примѣру призвавшаго васъ Святаго, и сами *будьте святы во всѣхъ* поступкахъ“ (1 Пет. 1, 15). Это писалъ св. ап. Петръ семейнымъ христіанамъ. „Читающій да разумѣетъ“ (Мѳ. 24, 15). Итакъ, семейный христіанинъ да не будетъ въ твоихъ семейныхъ и общественныхъ поступкахъ ничего „нечистаго“ (Апок. 21, 27). Озари, освѣти, окружи ореоломъ святости всѣ твои *семейные* и общественные поступки, безъ всякаго исключенія. И ты будешь воистину сыномъ Царствія Божія.

Русская дѣвушка, конечно, съ щемящей болью въ сердцѣ, говоритъ: „*хорошо* было бы жить на свѣтѣ, если бы *не было Бога*“. Такимъ образомъ, для ея сознанія *счастье* жизни стоитъ *внѣ Бога, въ сторонѣ* отъ Бога, какъ бы *за границей* Его *присутствія*. Какое продолжительное и глубокое паденіе истинныхъ понятій должно совершиться въ душѣ, чтобы могла образоваться въ ней подобная фраза! А между тѣмъ это общее и повсюдное настроеніе русской молодежи. Но перенесемся на минуту за Атлантическій океанъ и посмотримъ, какъ отразилось Евангеліе Христово на сознаніи Американской молодежи. Вотъ восемнадцатилѣтній американскій юноша говоритъ: „*Религія* для меня есть только другое названіе *счастья*“ (книга: „Вильямъ Чаннингъ, біографическій очеркъ“, стр. 16). Какая неизмѣримая разность въ настроеніи и въ воззрѣніяхъ! Да, поистинѣ намъ приходится учиться у американцевъ не только техническимъ изобрѣтеніямъ, но и религіозному благочестію.

Семья есть святыня не только въ Ветхомъ Завѣтѣ, но точно также и въ Новомъ. „Я и *домъ* мой будетъ служить Господу (Іис. Нав. 24, 15), говорилъ нѣкогда Іисусъ Навинъ. Но это есть вѣчный и неизмѣнный законъ и для всякаго новозавѣтнаго семьянина. Въ самомъ семействѣ своемъ и самымъ семействомъ своимъ христіанинъ призывается служить Единому Господу, а не какимъ-либо инымъ божкамъ и кумирамъ.

„Что значитъ служить Богу въ семьѣ? Служить Ему въ семьѣ значитъ стремиться прославить Его во всѣхъ этихъ сладкихъ, дорогихъ отношеніяхъ прежде, чѣмъ думать о своемъ личномъ счастьѣ,—дать семьѣ благородную, возвышенную цѣль, находящуюся внѣ насъ,—научить ее, что она, какъ и отдѣльная личность, не должна жить для себя, что конецъ ея и назначеніе ея въ Богѣ“ (Христіанская семья Прессансэ, стр. 13).

Пасторъ Дю-Туа, изложивъ средства и способы къ постепенному достиженію блаженнаго соединенія съ Богомъ, прибавляетъ: „Замѣтьте притомъ, что средства сіи ни мало не мѣшаютъ внѣшнимъ должностямъ, и всѣ они совмѣстны съ обыкновенными упражненіями и даже съ позволенными удовольствіями, необходимыми по слабости нашей природы“ („Божественная философія“, кн. 5, стр 14, примѣчаніе). Повѣримъ въ данномъ вопросѣ свидѣтельству человѣка, сердце котораго съ четырнадцатилѣтняго возраста воспламенилось любовію къ Богу, и который послѣднія семь лѣтъ своей жизни провелъ въ совершенномъ уединеніи, подобно нашему недавному затворнику—епископу Ѳеофану.

Русскіе семейные христіане! Доколѣ вы будете хромать на оба колѣна (3 Цар. 18, 21)? Доколѣ вы будете дѣлить, раскалывать и раздвоять свою семейную жизнь на служеніе Христу и на служеніе Веліару? Не должна-ли ваша семейная жизнь быть единымъ нераздѣльнымъ лучемъ свѣта Христова, единою безраздѣльною пѣснію Безсмертной Троицѣ?!

Протоіерей *А. Устьинскій.*

ПАПСКАЯ „НЕПОГРѢШИМОСТЬ“,
КАКЪ ОРУДІЕ РЕФОРМАЦІИ БЕЗЪ РЕВОЛЮЦІИ.

Въ интересной статьѣ г. А. Кирѣева „Новая энциклика папы“ высказано нѣсколько такихъ словъ о положеніи Церкви, не только одной католической, хотя преимущественно ея, которыя заслуживаютъ вниманія и нѣкотораго истолкованія. И въ этой же статьѣ впервые въ нашей литературѣ сдѣланъ намекъ или вырвалась догадка объ истинномъ смыслѣ знаменитаго догмата о „папской непогрѣшимости“, никогда и ничего у насъ не вызывавшаго, въ томъ числѣ и у г. А. Кирѣева въ его прежнихъ трудахъ и даже частью въ данной статьѣ, кромѣ глумленія. Онъ говоритъ, упомянувъ объ этомъ догматѣ:

> „Несомнѣнно, что современная богословская мысль и у насъ начинаетъ тяготиться схоластическими оковами, въ которыхъ ее держали немало времени, что она начинаетъ протестовать противъ такого ярма. Это не только ея законное право, но и существенное условіе ея преуспѣянія. Современный человѣкъ не можетъ довольствоваться однѣми ссылками на тексты, на „правило“ такое-то; его не убѣждаетъ фактъ, что такъ молъ magister dixit. Онъ требуетъ еще и другого, большаго: онъ ищетъ еще и иныхъ доказательствъ. Можетъ быть онъ иногда идетъ и далѣе должнаго, но все же онъ во многомъ правъ. Между нашими наставниками есть многіе, которые сознаютъ, что старые пріемы отжили свой вѣкъ, что имъ нельзя держаться за ихъ излюбленное „magister dixit“; которые видятъ, что ихъ аргументы не выдерживаютъ современной многосторонней критики“. И т. д.

Замѣтимъ, что въ терминологіи автора слово „правила“ можетъ быть отнесено только къ „апостольскимъ

правиламъ", что едва ли входило въ мысль автора; или къ „правиламъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ" или, наконецъ, къ „правиламъ святыхъ (нѣкоторыхъ, напримѣръ Василія Великаго) отцовъ". А „magister dixit" можетъ относиться только къ „мнѣніямъ древнихъ Отцовъ и учителей Церкви", за праведную жизнь канонизованныхъ. Чтобы понять это въ устахъ такого осторожнаго и охранительнаго писателя, какъ г. А. Кирѣевъ, слѣдуетъ, конечно, пріучиться различать, что „святые" суть святые „по жизни", а не по infallidilitate сужденія. Они были разумомъ и въ сочиненіяхъ своихъ какъ и всѣ смертные—погрѣшимы. Иначе они не умерли бы, засвѣтились бы, какъ боги, вышли бы изъ первороднаго грѣха, что недопустимо и прежде всего этого не допуститъ Церковь. Къ нимъ всѣмъ приложимо то, что Златоустъ сказалъ объ ап. Павлѣ: „хотя и Павелъ, однако же человѣкъ", и невозможно имъ приписывать всевѣдѣнія или безгрѣшности сужденія и знанія—свойствъ Божіихъ. Они въ трудахъ своихъ *доказываютъ*, построяютъ *аргументы*, дѣлаютъ *историческія справки*, проводятъ *параллели* и *аналогіи*, и, словомъ, употребляютъ всѣ пріемы *логическаго* и *историческаго разсужденія*, наконецъ пріемы въ ихъ время распространеннаго краснорѣчія, вовсе не употребительные, напримѣръ, у боговдохновенныхъ пророковъ, рѣчь которыхъ мѣстами восходитъ до непостижимости, неуразумѣваемости, или въ боговдохновенныхъ псалмахъ Давида, мѣстами превышающихъ всякое истолкованіе. Отцы и учители древности суть *болѣе* могучіе и *менѣе* могучіе: а Духъ Св. одинъ и слѣдовательно боговдохновенность *одна* (вездѣ одинакова). Мы ясно *предпочитаемъ* Златоуста другимъ, потому что эти другіе и Златоустъ имѣли *разныя мѣры* человѣческой устной красоты и силы. Василій Бла-

женный—праведникъ, а не догматикъ. Святые суть свѣточи жизни, бытія, а не творцы непремѣнно руководственныхъ книгъ, не „папы мнѣній“, позволю себѣ выразиться такъ. Между тѣмъ въ исторіи произошла не столько ошибка, сколько мало-по-малу развилась привычка, очень сходная съ заблужденіемъ простого нашего народа въ отношеніи къ Николаю Чудотворцу. Храмовъ и иконъ послѣдняго едва ли на Руси не больше, чѣмъ самого Спасителя. А въ исторіи европейскихъ народовъ Евангеліе и Библія совершенно заволоклись разсужденіями, мнѣніями, доказательствами, въ сущности наукою и письменностью, философіею и краснорѣчіемъ „свѣточей жизни“, „святыхъ въ подвигѣ“ людей, къ которымъ наивность, болѣе народная и застарѣлая, чѣмъ догматическая, прикрѣпила опредѣленія „непогрѣшимости“, infallibilitatis. Совершенно нѣтъ догмата о „непогрѣшимости и непоправимости opera omnia Patruum Ecclesiae“. Но вѣкъ за вѣкомъ и компиляторъ за компиляторомъ все ссылаются, все цитуютъ ихъ; и вотъ мгла множества цитатъ выросла въ гору убѣжденія: „святыя мнѣнія“, „непогрѣшимые взгляды“. Мы увидимъ ниже, что приблизительно такого взгляда держался митрополитъ московскій Платонъ, къ мнѣнію котораго совершенно позволительно пристать намъ.

„Папская непогрѣшимость“ созрѣла въ умахъ іезуитовъ, и ими же была проведена на Ватиканскомъ соборѣ. Это люди весьма практическіе и далеко не мистики и не „святоши“. Подумать, что они предложили папѣ „непогрѣшимость“, въ видѣ комплимента или въ цѣляхъ подслуживанія—просто пошлость: они сами до извѣстной степени держатъ въ рукахъ папу, и скорѣе навязали ему догматъ, облекли его насильно „непогрѣшимостью“, нежели подслужились черезъ нее къ Пре-

столу. Что же это за явленіе? Уже Паскаль въ „Provinciales“ громилъ іезуитовъ за ихъ странную и чрезмѣрную свѣтскость, за отсутствіе въ нихъ ожидаемаго и обычнаго добрымъ христіанамъ вида тихой святости и скромной богоугодности. Это—революціонеры католицизма, безпощадные къ средневѣковымъ католическимъ орденамъ францисканцевъ, бенедиктинцевъ, доминиканцевъ, миноритовъ и разныхъ бѣлыхъ, красныхъ и желтыхъ „братьевъ“. Ничто сантиментальное или піэтическое не присуще іезуитамъ. Изъ нихъ былъ патеръ Секки, свѣтило астрономіи и физики XIX вѣка, едва ли особенно преданный Ѳомѣ Аквинскому или Пію IX, но, какъ и прочіе іезуиты, требовавшій однако „непогрѣшимости Пія IX“. Замѣтимъ, что іезуиты вовсе не составляютъ ни ордена, ни монастыря, ни священства; это просто „Societas Jesu“, „общество“, „кружокъ“, какъ бы „Армія спасенія“ Бутса или наше старое „казачество“,—растянувшееся у подножія стараго, сѣдого и чуть-чуть мѣстами заплесневѣвшаго (къ XVI вѣку) Апостолическаго Римскаго Престола. За 3½ вѣка жизни и фантастической по упорству дѣятельности іезуиты съѣли папство и совершенно (внутренно) преобразили католицизмъ; все они подсказывали, все вели за собою; всему придали новый смыслъ, а главное —какъ фагоциты, пожирали всякіе застарѣлые и отработавшіе свое дѣло останки средневѣковаго строя. Католики не-іезуиты ненавидятъ еще болѣе іезуитовъ, чѣмъ протестанты или наши славянофилы. Ибо они чуютъ удары ихъ на спинѣ своей, тогда какъ мы только желчно разговариваемъ съ ними.

Что это—люди, не брезгающіе никакими средствами, разумѣется само сабою и также объяснимо въ нихъ, какъ и въ „партіи Горы“ (монтаньяры) во французскомъ конвентѣ 1793 года. „Святымъ“ въ своей средѣ они

предоставили быть святыми; и внѣ всякаго спора тихіе, кроткіе, мученики за вѣру, чистѣйшіе евангелики были и есть и навсегда между ними останутся—въ раздробь. „Но не въ этомъ дѣло“, рѣшили они. Вѣдь и вездѣ главою администраціи церковной становится не первый святой своего времени, но первый умница своего времени. Вотъ и они, предоставляя „святымъ“ „спасаться“, въ центрѣ дѣла рѣшили стать „первыми умницами“ католицизма. Но переходимъ къ „непогрѣшимости папъ“.

Мы, русскіе, ужасно смѣшно понимаемъ этотъ догматъ, воображая, что въ немъ содержится мысль о какомъ-то чуть ли ни „непорочномъ зачатіи“ папъ; что они—безъ грѣха, внѣ первороднаго грѣха, безъ возможности дурныхъ поползновеній и проч. Ничего подобнаго! Левъ XIII снимаетъ фотографіи и, вѣроятно, негативы у него выходятъ не всегда хорошо, „погрѣшительно“. Папа можетъ быть влюбленъ, гнѣваться, хитрить, дипломатничать. А „непогрѣшимость“ остается. Дѣло въ томъ, что самый терминъ „непогрѣшимость“ принадлежитъ только русскимъ и есть пріемъ полемики. Догматъ читается: „Первоверховный Пастырь, когда онъ говоритъ ex cathedra, т. е. всякій разъ, когда онъ во исполненіе своей должности утверждаетъ касающіеся вѣры и нравственности ученія, какъ подлежащія принятію всею Церковью, то съ божественною помощью, обѣщанною ему въ лицѣ св. Петра, онъ обладаетъ тою безошибочностью (infallibilitate), какою Спаситель надѣлилъ Церковь на всѣ случаи при утвержденіи ученія о вѣрѣ и нравственности, и потому такія опредѣленія его сами по себѣ, а не черезъ согласіе Церкви, суть непреложны“. Это есть просто завершеніе монархизма въ мнѣніи, въ ученіи,—подобно тому, какъ государь московскій, лишивъ независимости удѣльныхъ князей, осно-

валъ—ужъ какъ хотите, благодѣтельный или неблагодѣтельный — фактъ „Москва“. Но въ догмѣ и ученіи Церкви характеръ „повелительности къ принятію“, обязательности рѣшенія для сонмовъ вѣрующихъ и, вообще, имперіализмъ ученія всегда, съ самыхъ первыхъ вѣковъ, развивался съ такою непобѣдимостью, какъ никогда и никакая въ земныхъ дѣлахъ политическая власть. Собственно для меня напр., мірянина, котораго все равно не спрашиваютъ, одинаково безразлично, повиноваться-ли повелѣнію одного „папы“, или „собору“ трехсотъ епископовъ, которые суть дроби папы и ни малѣйшей въ себѣ не несутъ дроби мірянина, мірского человѣка, меня или моего читателя. Олигархія тоже не очень хороша, а больше, чѣмъ олигархіи, никогда ничего и не давалось въ сторону міра и сонмовъ вѣрующихъ.

Но для чего іезуитамъ понадобилась эта вещь? Церковь сосредоточила абсолютъ свой въ одномъ и *притомъ живомъ лицѣ*, на которое можно дѣйствовать, съ которымъ можно уговориться, которому можно въ тайнѣ посовѣтовать и притомъ внимательно подумавъ посовѣтовать,—тогда какъ до сего момента этотъ абсолютъ покоился въ гробахъ сотни уже усопшихъ лицъ, qui dixerunt („изрѣкли“) и которымъ больше невозможно ничего сказать, никакого аргумента въ гробъ закричать, ни заплакать надъ ихъ могилами, чтобы они услышали и сказали въ самонужнѣйшемъ случаѣ и въ роковой исторіи часъ „да“ на мѣсто „нѣтъ“, и „нѣтъ“на мѣсто „да“. Вотъ объ этомъ г. А. Кирѣевъ и говоритъ, только какъ-то недоговаривая. Обладая „infallibilitate ex cathedra“, папа вдругъ покачнулъ или in potentia сдѣлалъ возможнымъ качаніе, — конечно не безъ причины, и притомъ кроваво-нужной — всего тысячелѣтняго зданія Ecclesiae Romanae. Теперь Лютеръ не бу-

детъ нуженъ, и даже возможенъ, ибо онъ самъ теперь loquitur excathedra Лютеръ есть дробь папы, сидитъ въ немъ in potentia. Лютеръ захотѣлъ жениться; но если бы роковымъ образомъ въ христіанствѣ споры о бракѣ пошли такимъ образомъ, что идеалъ дѣвства universaliter пришлось бы признать случаемъ и ненужностью, то папа и можетъ это сдѣлать безъ всякаго потрясенія Церкви. Современное, praesens, заговорило громами изъ Ватикана, а на прошедшее и давнопрошедшее, perfectum и plusquamperfectum, своей собственной исторіи папа наступилъ пятою, приказавъ замолчать. „Папская непогрѣшимость“ есть полная отмѣна „преданія“ въ Церкви, утѣшительнаго и возвышеннаго,—въ интересахъ новыхъ дней. Это—сломъ усадьбы Татьяны Лариной въ интересахъ построенія ситценабивной фабрики, при положеніи, что всѣ крестьяне умершей „Танюши“ обнищали и ходятъ съ голыми пузами, босые и голодные, нищіе.

Вотъ что такое въ истинномъ мотивѣ своемъ „непогрѣшимость папъ“. А что таково и было намѣреніе, видно изъ того, что преемникъ же Пія IX повернулъ „ничто же сумняся“ на радикально новый путь, порвалъ со сгнившими королевствами разныхъ Людовиковъ и Наполеоновъ и даже протянулъ руку соціализму. „Infallibilitas ex cathedra“ дѣйствуетъ. Теперь никакіе вздохи доминиканцевъ и францисканцевъ, ничто „милое и прекрасное“ въ прошломъ папства и даже вообще Церкви или даже, общѣе—христіанства—не удержитъ ватиканскаго льва; и онъ преспокойно можетъ вырыть изъ могилы и проклясть кости Борджіа-развратника, который, какъ „*умершій* папа“, былъ непоправимъ и не судимъ ни для какого своего преемника вплоть до Ватиканскаго собора, можетъ признать систему Коперника, осудить инквизицію (чего до сихъ поръ не сдѣлано и невозможно

было сдѣлать, ибо жгли „святые“), признать въ полномъ объемѣ истину науки, и вообще выдти и вывести христіанство на совершенно новые пути, рѣшительно недостижимые тамъ, гдѣ владычествуетъ 300 или 3,000 усопшихъ „монарховъ мнѣнія“. Повторяемъ: изъ perfectum'а абсолютъ перенесенъ въ praesens—вотъ и все; а какъ абсолютъ этотъ именовался „святостью“, „непогрѣшимостью“ и „непреложностью“: то принудительно необходимо было и для папы принять именно титулъ „еще болѣе непогрѣшимаго и святого, чѣмъ всѣ прежніе святые“. Иначе и невозможно было повернуть дѣло. И сколько нужно было наивности, чтобы увидать въ этомъ или лесть іезуитовъ, или что папа „зазнался“, или что это какое-то воскрешеніе археологіи, возвратъ къ среднимъ вѣкамъ и ореолу Гильдебрандта и Иннокентія III! Напротивъ—это совершенно новая вещь, крупповская пушка, имѣющая замѣнить „орудія каменнаго вѣка“; бронированный сталью мониторъ, входящій во флотъ деревянныхъ парусныхъ судовъ,—конечно не для того, чтобы съ ними плыть, а чтобы ихъ сдѣлать... ненужными или безвредными.

Мнѣ хочется привести одинъ вздохъ на Востокѣ, вздохъ именно о недостаткѣ у себя такой infallibilitatis, которая невозбранно позволила бы искренно сказать вслухъ истину, о которой теперь по безсилію приходится молчать. Это — знаменитое мнѣніе митрополита Платона, изложенное имъ на обложкѣ одной ему поданной раскольничьей тетрадки. Въ свое время резолюція эта была напечатана Владиміромъ Соловьевымъ въ одной статьѣ его (не припомню названія, но любители и знатоки Соловьева могутъ вспомнить) въ „Вѣстникѣ Европы“, но вообще она мало извѣстна или нераспространенно извѣстна, а съ полнотой обстановки своей и

историческаго происхожденія помѣщена во 2-мъ томѣ „Собранія сочиненій“ Н. П. Гилярова-Платонова, изд. К. П. Побѣдоносцева, Москва, 1900 годъ, т. 2-й, стр. 282—283. Маститый іерархъ русской Церкви подъ своимъ руководствомъ повелѣлъ составить, въ цѣляхъ единовѣрія, „Увѣщаніе Вселенскія Церкви ко всѣмъ отлучившимся ея“, которое своимъ мягкимъ тономъ тронуло нашихъ старообрядцевъ; но, пуще всего преданные старинѣ, они въ томъ же мягкомъ тонѣ написали подробный и прямо геніальный по обстоятельности разборъ „Увѣщанія“, подъ заглавіемъ: „О преданіяхъ церковныхъ“, и подали митрополиту Платону. Дальше мы цитируемъ слова Гилярова-Платонова:

„Прочелъ митрополитъ Платонъ книгу („О преданіяхъ церковныхъ“), почувствовалъ ея жало, и на первомъ ея листѣ, передъ заглавіемъ, начерталъ:

„Церкви Христовой пастырю, и самому просвященному не возможно имѣть съ раскольниками преніе и ихъ въ заблужденіи убѣдить. Ибо въ преніяхъ съ обѣихъ сторонъ должно быть едино начало или основаніе, на которомъ бы утверждались всѣ доказательства. Но ежели у одной стороны начало будетъ иное, а у другой другое, то согласиться никогда не будетъ возможно. Богопросвѣщенный христіанскій богословъ для утвержденія всѣхъ истинъ вѣры Христовой не иное признаетъ начало, какъ едино Слово Божіе или Писаніе Ветхаго Завѣта и Новаго Завѣта; а раскольникъ, кромѣ сего начала, которое и мало уважаетъ, ибо мало понимаетъ, признаетъ еще за равносильныя Слову Божію начала и всякія правила Соборовъ, и всякія писанія Церковныхъ Учителей, и всякія повѣсти въ книгахъ церковныхъ обрѣтаемыя, да еще ихъ и болѣе уважаетъ, нежели Слово Божіе, ибо они для него понятнѣе. Но какъ и правила Соборовъ или относились къ тѣмъ временамъ, или писаны по пристрастію и непросвѣщенному невѣжеству, и въ писаніяхъ Церковныхъ Учителей много погрѣшительнаго, и съ самими собою и съ Словомъ Божіемъ несогласнаго, а въ повѣстяхъ

и зѣло много басней, небылицъ и безмѣстностей,—то и слѣдовало бы „Правила“ Отцевъ и повѣсти не иначе принять, какъ когда они согласны съ Словомъ Божіимъ и служатъ тому объясненіемъ. Но раскольникъ сего не пріемлетъ и почитаетъ хулою, когда-бъ ему открыть, что Соборы и́ли Отцы въ иныхъ мнѣніяхъ погрѣшили, а повѣсти многія невѣроятны. „Какъ“,—воскликнетъ онъ,—„Отцы Святые погрѣшили? Да мы ихъ святыми почитаемъ, они чудеса творили, ихъ писанія суть богодухновенны“. Что на сіе богословъ? Легко можетъ возразить, но не посмѣетъ: дабы не только раскольниковъ, но и своихъ малосмысленныхъ не соблазнить и не сдѣлать зла горшаго. „Вотъ“,—провозгласятъ,—„Отцевъ Святыхъ не почитаетъ, Соборы отвергаетъ, повѣстемъ церковнымъ смѣется!“ И такъ богословъ богопросвѣщенный молчи, а раскольникъ ври и другихъ глупыхъ удобно къ себѣ склоняй“ (Н. П. Гиляровъ-Платоновъ: „Сочиненія“, изд. К. П. Побѣдоносцева, т. 2, стр. 282—283).

Вотъ и на Востокѣ вздохъ по infallibilitate, живой и личной, принадлежащей praesenti, которою можно было бы поправить въ своемъ родѣ папство прошлаго, авторитетъ могилъ, „непререкаемость“ христіанскихъ perfectum'овъ. Иногда подымается голосъ о созывѣ Вселенскаго Собора. Для чего? Не для новаго творчества, или не для него впереди остального, а именно для того, чтобы создать новую и живую, теперь думающую infallibilitas, авторитетъ мощнѣйшій, нежели, напримѣръ, авторитетъ Московскаго собора 1666—67 г.г., породившій нашъ печальнѣйшій расколъ. Въ своемъ настоящемъ мы не имѣемъ достаточнаго авторитета,—и похожи на переписчиковъ XVI — XVII вѣка, переписывающихъ ошибку изъ тетрадки въ тетрадку. Но въ XVI—XVII вѣкахъ это дѣлалось съ наивною вѣрою, которой у насъ, напримѣръ у митрополита Платона, нѣтъ. Между тѣмъ религія, горѣніе души къ Богу, конечно, должна быть прежде всего *искренна*; вѣра есть *увѣренность*;

и когда нѣтъ у насъ не только увѣренности, но и полнаго „просвѣщеннаго знанія“объ ошибкахъ perfectum'овъ, то, вводя неискренность, принужденную молчать о предметахъ вѣры, мы, такъ сказать, подсѣкаемъ самое существо въ себѣ вѣры. И, охраняя ея увядшіе листья, губимъ и корень ея и стволъ.

Митрополитъ московскій Филаретъ, узнавъ о существованіи приведенной резолюціи митрополита Платона, потребовалъ къ себѣ тетрадь и вырѣзалъ листъ, на которомъ была надпись,—„и притомъ очень аккуратно, такъ что верхняя полоска бумаги, гдѣ не было Платоновой руки, осталась“ (Гил.-Плат., стр. 284). Какой странный поступокъ! Не хотѣлъ ли имъ сказать Филаретъ: „и я такъ думаю, но это надо скрыть“? -Да. Иначе бы онъ поднялъ шумъ, обвинилъ бы Платона, котораго не весьма любилъ, поднялъ бы вопросъ объ арестѣ его „Сочиненій“, отмѣнѣ всѣхъ его распоряженій и преданіи его суду церковному за мнѣніе столь опасное. Такъ и поступали съ ошибающимися людьми и ошибочными мнѣніями въ древніе вѣка, когда судили и живыхъ и мертвыхъ, напримѣръ осудили умершаго уже Арія. Но Филаретъ скрылъ. Однако, исполнился глаголъ, что Богъ знаетъ тайныя помышленія наши и раньше или позже, тѣмъ или инымъ путемъ, выводитъ ихъ въ-явь. Именно, самому Филарету пришлось повторить вздохъ Платона, вздохъ въ сущности о той же немощи поправить прошлое. Въ началѣ царствованія Александра II, въ пору ожидаемыхъ во всѣхъ отрасляхъ отечественной жизни реформъ, ожидались онѣ и въ духовномъ вѣдомствѣ. Извѣстный А. Н. Муравьевъ составилъ обширную записку о желаемыхъ и должныхъ здѣсь перемѣнахъ. Митрополитъ Филаретъ, по прочтеніи записки (мы цитируемъ историка), „отмѣтилъ трудность и почти не-

осуществимость церковной реформы“. „Несчастіе нашего времени“, писалъ онъ Иннокентію, „въ томъ, что количество погрѣшностей и неосторожностей, накопленное не однимъ уже вѣкомъ, едва ли не превышаетъ силы и средства исправленія“ („Богословскій Вѣстникъ“, 1901 годъ, іюль, стр. 396).

Такимъ образомъ даже и этотъ охранительнѣйшій изъ охранительныхъ умовъ тоже хотѣлъ бы и уже не можетъ „исправить“. Совершилось, но только не въ области переписки, но въ гораздо высшей области, умственной и сердечной, расхожденіе принудительно-*должной* вѣры и пріемлемо-*возможной* вѣры. До какой степени здѣсь запутались дѣла, я испыталъ сейчасъ, наводя справки для настоящей статьи, и приведу фактъ, такъ сказать, въ его трепетной живости. Приведя въ началѣ статьи слова г. А. Кирѣева о необходимости поправить „Правила и Постановленія“, и зная, что таковыя идутъ отъ Апостоловъ и Вселенскихъ Соборовъ, я вписалъ: „конечно, не о Постановленіяхъ Апостольскихъ говоритъ А. Кирѣевъ“. Мнѣ показалось неудобнымъ говорить о послѣднихъ. Для справки я, однако, открылъ статью „Православной богословской энциклопедіи“, изд. подъ ред. проф. А. П. Лопухина, Спб., 1900 г., подъ рубрикою „Апостольскія постановленія“, и вотъ что прочелъ здѣсь:

> „Выражаемое нѣкоторыми желаніе видѣть Сборникъ этотъ переведеннымъ на русскій языкъ съ разумными комментаріями и *пропусками* нельзя не признать весьма основательнымъ: такъ какъ сборникъ этотъ является замѣчательнымъ памятникомъ какъ по своей маститой древности, такъ и по историческому значенію въ исторіи права Восточной Церкви“.

Такимъ образомъ не то, чтобы „нарушить“ эти постановленія нельзя: но перевести ихъ *опасно* или воз-

можно только съ пропусками и комментаріями: до того *они уже нарушены*! А, между тѣмъ, въ апостольскій вѣкъ и вообще первое время Церкви „онъ (сборникъ Апостольскихъ Постановленій) ставился на-ряду съ священными книгами Новаго Завѣта“ (см. тамъ же) и въ немъ мѣстами прямо стоитъ: „я, Петръ, вамъ говорю“— и далѣе слѣдуютъ „постановленія“; въ него вставлены древнѣйшія молитвы, пѣснопѣнія, повторяющіяся сейчасъ на литургіи.

А мы иногда споримъ, благочестиво-ли пересмотрѣть „Уставъ духовныхъ консисторій“, критикуема-ли „Кормчая“ и проч. Увы, между III и XV вѣкомъ такъ усердно „критиковали“, что до насъ дошли только обрѣзки первоначальнаго. Фотій, патріархъ константинопольскій, въ „Bibliotheca“ пишетъ:

> „Постановленія Апостольскія“ подлежатъ порицанію по тремъ причинамъ: во-1-хъ — за худой вымыселъ, который впрочемъ не трудно отличить, во-2-хъ — за оскорбительные отзывы о Второзаконіи, которые еще легче устранить, и, въ 3-хъ—за аріанство, которое можетъ отбросить въ нихъ каждый“ (тамъ же).

Если принять, напр., во вниманіе „аріанство“, появившееся гораздно позднѣе Апостольскихъ Постановленій, то вѣдь очевидно, что не апостолы заимствовали изъ III-го вѣка аріанство, но что аріанство опиралось на эти „постановленія“; и чтобы его низвергнуть, надо было низвергнуть Постановленія, отчего и повернулось все дѣло такъ, что они „виновны въ аріанствѣ“. Sapienti sat... Такъ поднимать-ли намъ, какъ это дѣлаютъ иные святоши патріаршескаго періода, рѣчь о „Духовномъ регламентѣ“ и многихъ новыхъ и новѣйшихъ постановленіяхъ, что они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „не очень каноничны“:—вѣдь они поправляютъ поправки и даже

исправляютъ поправки поправокъ, подъ которыми рѣшительно и дна не различишь... А сегодняшній нашъ день въ вѣрѣ есть просто нашъ и только нашъ день. Вѣра есть чистосердечіе. И не возродить ее „патріарху московскому“, который принесетъ съ собой пышность „и велелѣпіе“, безсиліе поправить, увеличеніе силы „охранить“ именно нуждающееся въ поправкахъ;—и въ шуршащемъ шлейфѣ одѣяній котораго мое бѣдное сомнѣвающееся сердце все равно поволочется жалко, какъ сухой листъ выкинутаго въ переднюю вѣника. Нѣтъ. Или Соборъ, или папа: но не полъ-папы, ни неудачный папа, каковыхъ мы видѣли отъ Годунова до Петра. Или оставьте мое „интеллигентное“ сердце, какъ сейчасъ—въ покоѣ и на свободѣ... Можетъ быть послѣднее всего удобнѣе, и потому оно такъ крѣпко исторически и держится.

Но кончимъ о Западѣ, въ связи съ восточными „разъясненіями“. Приведеннымъ вздохомъ Платоновъ, Филаретовъ, Фотіевъ и удовлетворила „infallibilitas“ папъ. „Теперь все будетъ ясно“, „теперь вамъ будетъ чему вѣрить“ сказалъ „ватиканскій левъ“, указавъ на себя. Удѣльно-вѣчевой періодъ мнѣнія конченъ, и поднялась безспорная, а главное—удобная Москва.

Мнѣ кажется, всего этого не видитъ г. А. Кирѣевъ и не увидѣли наивничающіе старо-католики, эти сантименталисты среднихъ вѣковъ.

1902 г.

Споръ объ апокрифахъ.

Статья о „папской непогрѣшимости“ вызвала нѣсколько писемъ ко мнѣ и печатную полемику, которая вся вращается около неправильности или недостовѣрности употребительныхъ духовенствомъ текстовъ, т. е. *апокрифовъ* съ значеніемъ, силою и авторитетомъ *какъ-бы достовѣрныхъ и подлинныхъ*. Полемика эта, конечно, есть зерно большой книги и страстной полемики, которая обязана начаться и обязана быть написана. Ибо апокрифы эти суть тѣ книги, по которымъ мы не только „поемъ и читаемъ“, но по которымъ *насъ судятъ и нами управляютъ*. Вотъ одно изъ этихъ писемъ:

Христосъ Воскресе! Милостивый государь, В. В.

Въ вашей статьѣ (о папской непогрѣшимости) помѣщена резолюція митр. Платона, въ которой онъ, между прочимъ, выразился такъ... „но раскольникъ сего не пріемлетъ“... „когда бы ему разъяснить“, и проч. Кто же будетъ ему разъяснять? Мірскіе люди за неимѣніемъ времени не могутъ изучать Св. Пис. основательно. Большая ихъ часть ограничивается въ этомъ случаѣ тѣми свѣдѣніями, которыя выносятся ею изъ церковныхъ службъ. Нѣкоторые знаютъ, конечно, больше, но не за свое дѣло не возьмутся. Для такого дѣла у нихъ имѣются люди, посвятившіе всю свою жизнь на изученіе Слова Божія,—пастыри церкви. Они то и разъясняютъ имъ все, что нужно, и внушаютъ слѣпо вѣровать въ пастырское слово: „не испытуй, но вѣрь“,—кто изъ христіанъ не слышалъ этихъ словъ въ храмахъ и училищахъ еще издѣтства? Не мірскіе же люди додумались до того, что церковныя и прочія книги духовнаго содержанія, наполняющія библіотеки десятковъ тысячъ церквей нашего отечества,—тѣ самыя книги, на которыя ссылаются раскольники,—„писаны по содѣйствію Св. Духа“. Всѣ эти книги из-

даются „по благословенію Св. Пр. Синода“. По нѣкоторымъ изъ нихъ отправляются церковныя службы въ продолженіе всего года, а другія предназначены христіанамъ для ихъ внѣбогослужебнаго чтенія и назиданія. Виноваты ли міряне, что вѣрятъ своимъ пастырямъ? Кто же бы, кромѣ пастырей, сталъ разъяснять мірянамъ, что въ большей части церковныхъ книгъ находится много „несообразностей, безмѣстностей, басенъ, небылицъ и другихъ нелѣпостей?“ Но пастыри не будутъ говорить про себя, что до сего времени они питали пасомыхъ камнями вмѣсто хлѣба и змѣями вмѣсто рыбы. Объ этомъ также „богопросвѣщенный богословъ“ долженъ молчать и даже скрывать отъ мірянъ *); „дабы тоже не соблазнить хотя единаго отъ малыхъ сихъ“. Пусть-де „несмысленные“, ничтоже сумняшеся, продолжаютъ вкушать во славу Божію ту же пищу, ею же преизобильно услаждались и насыщались ихъ отцы, дѣды, прадѣды и т. д. еще издревле. Какъ видно, отеческая забота пастырей о маломъ не оставляетъ имъ времени подумать о большомъ. Не извѣстно еще, смутились или не смутились бы „малосмысленные“ (если бы и смутились, то не надолго, а если надолго, то бѣды большой не будетъ): но что отъ самого молчанія „богопросвѣщенныхъ богослововъ“ смущаются люди, обладающіе достаточнымъ смысломъ, что церковь оскудѣла вѣрующими, что христіане сдѣлались „притчею во языцѣхъ“, и что, наконецъ, остановилось на землѣ распространеніе дѣла Христова,—то все вѣрно.

Каждый пастухъ, завидѣвъ волка еще вдалекѣ отъ стада, немедленно громко призываетъ своихъ помощниковъ, указываетъ имъ на хищника, чтобы общими силами прогнать его подальше отъ стада или вовсе убить. А какой же это будетъ пастухъ, который, видя волка проникшаго уже въ стадо и зная, что отъ каждой минуты пребыванія такого гостя въ стадѣ гибнутъ десятки овецъ, не только самъ не предпринимаетъ противъ него ни какихъ мѣръ, но и другимъ запрещаетъ предпринимать**),—и тѣмъ покровительствуетъ волку, какъ желанному и дорогому благопріятелю? Для Церкви же ложь хуже, нежели волкъ для стада. Волкъ убиваетъ бездушныхъ существъ, а ложь—тѣла и души людей.

Добрый пастырь издалека замѣтитъ (какъ пастухъ волка) ложь,

---

*) Какъ, „тайну цареву“ (Тов.). Примѣч. *Е. Быхъ—ва.*

**) Къ счастію подлинныхъ безсловесныхъ, у нихъ такихъ пастуховъ не бываетъ. Примѣч. *Е. Быхъ—ва.*

какъ-бы она ни маскировалась. Онъ тотчасъ-же, никого и ничего не боясь, громко обличитъ ее, а не будетъ, во вредъ истинѣ, стоять безгласнымъ передъ нею. Зачѣмъ пастыри плачутся о томъ, что нѣтъ средствъ выбросить ложь изъ ихъ небольшого района, когда въ ихъ распоряженіи имѣется такое могучее средство, которымъ можно стереть ложь съ лица всей земли, въ какомъ-бы видѣ она ни проявлялась. Но для той лжи, съ которою, по словамъ митр. Филарета, трудно бороться, не нужно употреблять даже малой доли такого сильнаго средства (изъ пушки по мухѣ не стрѣляютъ); достаточно для того будетъ одного только добросовѣстнаго отношенія пастырей къ своему дѣлу. Если они единодушно и публично указали бы только на ложь, „велегласно“ назвавъ ее по имени, то отъ одного сотрясенія воздуха она разсыпалась бы въ прахъ и навсегда исчезла бы изъ Церкви, „яко исчезаетъ дымъ“. Оставалось бы только вымести до-чиста соръ,—накоплявшійся въ Церкви въ продолженіе многихъ вѣковъ,—чтобы Церковь была „чиста и непорочна“: такъ какъ малѣйшее грязное пятно (ложь) подъ микроскопомъ (при свѣтѣ Евангелія) кажется большою безобразною грудою (грѣхомъ). Выметать-же соръ—дѣло не трудное.

Ясно, что не Евангеліе стало мало примѣнимо въ борьбѣ съ ложью, но „соль земли потеряла свою силу“ (Матѳ. 5,13), свѣтильники Церкви не свѣтятъ міру, а только чадятъ, и „называющіе себя мудрыми—обезумѣли“ (Рим. 1, 22). Ложь же, покровительствуемая пастырями, возрасла, усилилась, расширилась среди христіанъ до того, что они, одурманенные ядовитыми парами, изумили весь языческій міръ своими злодѣяніями. Теперь не христіане уже учатъ язычниковъ милосердію къ ближнему (любви ко всѣмъ), а язычники посылаютъ христіанамъ окружныя посланія, напоминающія имъ о забытыхъ началахъ ихъ вѣры (см. „Новое Время“ 3 янв. 1901 г.). Но не теперь только наступила у христіанъ такая темная, духовная ночь; давно уже она продолжается и (судя по нѣкоторымъ Евангельскимъ признакамъ) чувствуется приближеніе полуночи, когда явится Христосъ и произведетъ судъ, начиная со служителей дома Божія (1 Петр. 4, 17).

Мы живемъ наканунѣ великаго, всеобщаго мірового обновленія, когда на землѣ не станетъ разновѣрцевъ и разномыслящихъ, а всѣ народы увѣруютъ во Христа: „и будете одно стадо и Одинъ Пастырь“ (Іоан. 10, 16).

Гор. Ливны, Орловской губ. *Евгр. Быхановъ.*

Открытое письмо объ „Апостольскихъ постановленіяхъ".

М. г. Покорнѣйше прошу редакцію „Нов. Вр." напечатать нѣсколько строкъ по поводу разсужденія В. В. Розанова: „Папская непогрѣшимость, какъ орудіе реформаціи безъ революціи" (Нов. Вр.", № 9326).

Не касаясь другихъ мѣстъ этой статьи, требующихъ подробнаго разбора, я ограничусь здѣсь только двумя. Почтенный авторъ: 1) говоритъ, что будто-бы „въ апостольскій вѣкъ... сборникъ Апостольскихъ Постановленій *ставился на ряду съ Священными книгами Новаго Завѣта*"... Этого быть не могло по той причинѣ, что въ апостольскій вѣкъ, т. е. въ *первый* христіанскій, не существовало и названнаго „*Сборника*". Послѣдній—не апостольское произведеніе. Это—„компиляція, происшедшая къ началу V вѣка, по всей вѣроятности, въ Сиріи или Палестинѣ", и, въ крайнемъ случаѣ, не раньше „средины IV столѣтія". Такъ рѣшается данный вопросъ въ новѣйшей патрологической литературѣ, напр. въ трудахъ Bardenhewer'a и др. Отсюда 2) слѣдуетъ зачеркнуть и другія слова В. В. Розанова: „Если принять, напр., во вниманіе аріанство, появившееся гораздо позднѣе *Апостольскихъ постановленій*, то вѣдь очевидно, что не апостолы заимствовали изъ IV вѣка аріанство, но что аріанство опиралось на эти *Постановленія*", и проч. Арій, какъ извѣстно, былъ преданъ осужденію на 1-мъ Вселенскомъ Соборѣ (325 г.) за свою ересь, которой онъ естественно не могъ оправдывать ссылками на несуществовавшій еще въ то время „сборникъ"... Слѣдуетъ различать между „источниками", легшими въ основу данной компиляціи и относящимися извѣстною своею частью къ предыдущей эпохѣ, и самымъ „сборникомъ". Устарѣлыя мнѣнія о болѣе раннемъ возникновеніи послѣдняго, въ его цѣломъ (что я имѣю въ виду), въ настоящее время не могутъ быть оправданы (таковы мнѣнія Alzog'a, Nirschl'я, архіеп. черниг. Филарета и др.)

Профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи
Александръ Бронзовъ.

28 февр. 1902 г.

Гдѣ-же границы апокрифичности?

Замѣтка проф. А. А. Бронзова относительно времени происхожденія и авторитетности „Апостольскихъ Постановленій“ влечетъ за собою нѣкоторые вопросы, которые позволяю себѣ предложить почтенному ученому:

1) Проф. А. А. Бронзовъ признаетъ этотъ памятникъ компиляціею пятаго вѣка.

2) Онъ признаетъ его таковымъ на основаніи трудовъ Bardenhewer'a и еще нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей: тогда какъ Alzog, Nirschl, архіепископъ черниговскій Филаретъ и друг. относили его ко времени гораздо болѣе раннему.

Но:

3) Патріархъ Константинопольскій Фотій, при коемъ только началось раздѣленіе Церкви на Восточную и Западную, высказавъ приведенное мною порицательное о данномъ памятникѣ сужденіе, какъ равно всѣ вѣка и цѣлое тысячелѣтіе, относившіеся къ „Постановленіямъ“ столь же отрицательно, никакъ не могли знать „новѣйшихъ изслѣдованій Bardenhewer'a“ и порицали памятникъ, *имѣя о древности его и авторитетности* по крайней мѣрѣ *то сужденіе*, какъ архіепископъ Филаретъ или какъ ученые авторы и редакторы „Православно-богословской энциклопедіи“, изданной въ 1901 г., проф. А. П. Лопухинъ и другіе. И это есть единственное, что имѣетъ значеніе для развиваемой въ моей статьѣ о папской непогрѣшимости мысли: что *авторитетъ прошлаго*, столь связывающій въ настоящее время духовную іерархію и насъ, мірянъ, *не имѣлъ связующаго и*

затрудняющаго значенія для представителей духовной іерархіи среднихъ вѣковъ, распоряжавшихся съ самыми авторитетными (въ ихъ глазахъ) памятниками весьма свободно.

4) Если, какъ говоритъ проф. А. А. Бронзовъ, „Апостольскія Постановленія" только *изложены отъ имени апостоловъ*, а ихъ *въ апостольскій вѣкъ вовсе и не существовало*, то какъ же отнестись намъ къ факту, излагаемому въ „Энциклопедіи" проф. А. П. Лопухина слѣдующимъ образомъ:

> „Литургія, изложенная въ 8-й книгѣ „Апостольскихъ Постановленій", *послужила основаніемъ литургіямъ Василія Великаго и Іоанна Златоустаго;* многія молитвы сборника *донынѣ употребляются въ церковномъ богослуженіи*, а нѣкоторыя правила и постановленія вошли въ нашу славянскую *Кормчую*: таковы *Апостола Павла 17 правилъ, Обоихъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла 17 правилъ*, и *Всѣхъ святыхъ апостоловъ правила 2* (2-я, 3-я и 4-я гл. 1-й части *Кормчей*)".

Слѣдовательно, все это надо признать *апокрифическимъ*??!.. Но это есть *живыя части* нашей сейчасъ *вѣры, молитвы* и церковныхъ *законовъ*!!

5) Какъ принять за время происхожденія „Сборника" пятый вѣкъ (утвержденіе проф. Бронзова), когда въ „Энциклопедіи" 1901 года эта древность утверждена на такихъ—не допускающихъ, казалось бы, возраженія—основаніяхъ:

> „По *времени* (курс. „Энциклопедіи") происхожденія *всѣ* (курсивъ нашъ) источники *Апостольскихъ Постановленій* относятся ко II и III вѣкамъ и вообще ко времени до Константина Великаго. Доказательство этого видятъ, во первыхъ, въ томъ, что въ нихъ о гоненіяхъ на христіанъ *вездѣ* (курс. нашъ) говорится, какъ о явленіи современномъ; во-вторыхъ, что изъ ересей упоминаются ими *только* (курс. нашъ) существовавшія во II и III вѣкахъ; въ-третьихъ, что въ нихъ

упоминается требованіе перекрещиванія еретиковъ, какъ это требовали въ половинѣ III вѣка Фирмиліанъ Кесарійскій и Кипріанъ карѳагенскій; въ-четвертыхъ, что есть упоминаніе объ аскетахъ, появившихся еще во II вѣкѣ, но нѣтъ упоминанія о монашествующихъ; въ-пятыхъ, что іерархическое устройство Церкви представляется въ нихъ соотвѣтствующимъ устройству ея въ половинѣ III вѣка; въ-шестыхъ, что *ни въ одномъ* (курс. нашъ) изъ источниковъ нѣтъ упоминанія о христіанскихъ императорахъ" (стр. 974 „Энциклопедіи").

6) Я думаю, что вообще „новѣйшія критическія изысканія"—плодъ науки, отнюдь не вошедшей и не вбираемой Церковью, теперь живущею, въ свое вѣроученіе—не должны быть выдвигаемы „contra" какого-либо церковно-требовательнаго тезиса, разъ не допускается брать эти „новыя изысканія" и „pro" (Тюбингенская школа). Духовно-религіозный укладъ Европы безъ науки жилъ и прожилъ тысячелѣтія: такъ для чего ее выдвигать и какъ именно можно было бы ее выдвинуть духовно-ученными руками противъ какого-нибудь мнѣнія, напр. моего? Чтобы доказать, что „*Апостольскимъ Постановленіямъ* основательно не придается теперь значенія", проф. А. А. Бронзовъ ссылается на самыя послѣднія изысканія Барденхевера; но что, если, *на почвѣ его же пріема,* я пойду далѣе и обопрусь на Баура? Позволительное ему, будетъ позволено и мнѣ. И если онъ отрицаетъ *Апостольскія Постановленія*, то не поколеблется-ли отъ такихъ критическихъ пріемовъ еще важнѣйшее?

Прошу редакцію дать мѣсто моему настоящему разъясненію, ибо голое утвержденіе А. А. Бронзова, не обставленное подробностями, дастъ поводъ читателямъ думать, что я не отношусь достаточно серьезно къ вопросамъ столь большой серьезности.

1902.

Еще объ „Апостольскихъ Постановленіяхъ".

М. г. В. В. Розановъ на страницахъ „Нов. Врем." (№ 9338, 4-го марта) помѣстилъ нѣсколько строкъ по поводу моего письма въ редакцію (№ 9334, 28-го февраля), вызваннаго его статьею о „Папской непогрѣшимости" (№ 9326, 19-го февраля). Прежде всего мой собесѣдникъ нѣсколько неточно передаетъ мои слова. О происхожденіи „Апостольскихъ постановленій" я говорилъ, что „это компиляція, происшедшая къ началу V вѣка... и въ крайнемъ случаѣ не раньше средины IV столѣтія"; слѣдовательно, я не утверждалъ лишь того, что этотъ сборникъ произошелъ „не ранѣе V вѣка", какъ угодно было уважаемому В. В. Розанову передать мои слова въ послѣднемъ его письмѣ. А это, между тѣмъ, не маловажный пунктъ въ настоящемъ дѣлѣ. Затѣмъ въ настоящее время въ патристической литературѣ признаются болѣе авторитетными труды по данному вопросу, изданные Функомъ („Die Apostolischen Konstitutionen". Rottenb. 1891. „Das achte B. der Ap-n H—n"... Tübing. 1893 и др.). Его взгляды принимаются какъ наиболѣе обоснованные. Изъ новѣйшихъ патрологовъ-авторовъ курсовъ по данной наукѣ безусловно выдѣляются съ научной стороны Bardenhewer (см. его „Patrologie", 2 Aufl. Freib. im Br. 1901). У нихъ мы находимъ выводы, изъ числа которыхъ, ради краткости своей рѣчи, приведу здѣсь, напр., слѣдующіе. 1) Приблизительно четверть содержанія главы 47-й послѣдней книги „Сборника" „заимствована изъ постановленій Антіохійскаго собора 341 года". Слѣдовательно, имѣемъ дѣло уже не съ „до-аріанскою эпохою". Затѣмъ, 2) „все сочиненіе" (т. е. данный сборникъ въ его цѣломъ) „отъ начала до конца" говоритъ объ одной и той же рукѣ компилятора или какъ тамъ ни называли бы его (не въ этомъ дѣло), и „не заключаетъ въ себѣ различныхъ сочиненій изъ различнаго времени, какъ это" (ошибочно) „обыкновенно прежде полагали". Въ пользу этого второго вывода говорятъ: „и рукописный матеріалъ", нынѣ изучаемый, „и внутренняя связь отдѣльныхъ частей" сборника, „и литературное родство всѣхъ" его „книгъ" и проч. Слѣдовательно, если часть произошла позже 341 года, то это же надлежитъ сказать и объ остальныхъ отдѣлахъ сборника. Далѣе: 3) „по внутреннимъ признакамъ *Апостольскихъ Постановленій* должно" считать этотъ Сбор-

никъ „происшедшимъ къ началу V или къ концу IV вѣка“ (я въ прошломъ письмѣ находилъ возможнымъ сдѣлать уступку даже до половины этого послѣдняго столѣтія). Почему? Потому что „на это именно время указываютъ упоминаніе о праздникѣ Р. Х. 25-го декабря (кн. V, 13, кн. VIII, 33) и сопоставленіе субботы съ воскресеньемъ, какъ церковнымъ праздничнымъ днемъ (кн. V, 20; кн. VII, 23; кн. VIII, 33, 47, прав. 66)“. А вѣдь утверждено въ наукѣ, что „праздникъ Р. Х. 25-го декабря установленъ на Востокѣ не ранѣе и не позднѣе послѣдней четверти IV столѣтія или въ восьмомъ десятилѣтіи этого столѣтія (377—380)“. Смотри объ этомъ въ докторской диссертаціи архіепископа Сергія: „Полный мѣсяцесловъ Востока“ (т. II, изд. 2-е, Владиміръ. 1901 г., стр. 521—522). Опять, слѣдовательно, дѣло идетъ не о „до-аріанской эпохѣ“. Подобное же надлежитъ сказать и относительно „воскресенья“ (см. у Барденхевера). Но, съ „другой стороны“ игнорированіе сборникомъ „несторіанскихъ споровъ“ не позволяетъ идти дальше „начала V вѣка“ (Несторій, какъ извѣстно, былъ „константинопольскимъ патріархомъ 428—431 гг.“, см. у арх. Сергія, ibid., стр. 681). Дѣло выходитъ ясно, какъ Божій день. Съ новѣйшими выводами авторитетнѣйшихъ спеціалистовъ считаться мы обязаны тѣмъ болѣе, что эти выводы и сами по себѣ слишкомъ краснорѣчивы. Надѣюсь, что отъ отжившаго свой вѣкъ мнѣнія мой собесѣдникъ наконецъ откажется. „Столь общее утвержденіе“, о которомъ говоритъ В. В. Розановъ, оказывается не раздѣляемымъ строгою наукою.

Профессоръ *А. Бронзовъ.*

Отвѣты не на тему.

(Письмо проф. А. А. Бронзову).

„Самыхъ послѣднихъ изслѣдованій“ (Функа и Барденхевера) о времени составленія „Апостольскихъ постановленій“ ни патріархъ константинопольскій Фотій, ни вообще всѣ іерархи церковные отъ X до XX вѣка—не читали. Они *думали о древности и авторитетности* „Постановленій“ то самое, что я думалъ и сказалъ о ней въ статьѣ о папской непогрѣшимости на основаніи

статьи „Православно-Богословской Энциклопедіи“, изданной въ 1900 году профессоромъ С.-Петербургской духовной академіи. И для меня *важно не подлинное время составленія* этого „Сборника“, какъ думаетъ проф. А. А. Бронзовъ, но исключительно то, что *высокое* (хотя и ложное по новымъ открытіямъ) *представленіе о его древности и авторитетности не помѣшало сдѣлать отъ него отступленія столь важныя*, что теперь представляется возможнымъ перевести ихъ, напр., на русскій языкъ лишь „съ пропусками и надлежащими разъясненіями“ (слова „Энциклопедіи“). Вотъ эту *независимость отношенія къ древнему памятнику письменности*, при отсутствіи подозрѣнія въ его подлинности, независимость отъ X вѣка до изслѣдованій Функа и Берденхевера, я и указывалъ въ своей статьѣ, *основывая на ней право и нашихъ дней сохранять то же отношеніе къ памятникамъ полной достовѣрности*. Дабы не только десятый вѣкъ, но и вѣкъ двадцатый имѣлъ свое „sic volo, sic jubeo“ въ дѣлахъ самонужнѣйшихъ, и не только буквально исполнялъ древніе памятники, а *творилъ мужественно новую правду въ обстоятельствахъ новыхъ*. Проф. А. А. Бронзовъ всѣмъ тономъ и, такъ сказать, упорными точками своей полемики даетъ чувствовать, что онъ подозрѣваетъ меня въ аріанствѣ и въ желаніи опереть на „Постановленія“ аріанство. Но я такой мысли не имѣлъ, и къ аріанству не только сердечнаго участія, но и археологическаго интереса не питаю. Буду очень радъ, если, высказавъ полное согласіе съ ученою стороной его замѣчаній, получу vice versa согласіе почтеннаго профессора на мои замѣчанія, болѣе относящіяся къ будущему, чѣмъ къ прошлому.

1902. *В. Розановъ.*

Разъясненіе недоразумѣній.

(Письмо В. В. Розанову).

Боюсь, что злоупотребляю любезностью редакціи „Новаго Времени“, прося ее напечатать еще одно мое письмо В. В. Розанову. Свою переписку съ нимъ я считалъ покончennою, но вижу изъ заключенія послѣдняго письма моего собесѣдника (№ 9343, марта 9-го), что онъ былъ бы „радъ“ услышать отъ меня „согласіе на“ его „замѣчанія, болѣе относящіяся къ будущему, чѣмъ къ прошлому“. Ограничусь оттѣненіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ. 1) Никто не споритъ, что Фотій изъ IX в. не читалъ ни Функа, ни Барденхевера—нашихъ современниковъ. Но, что Фотій и „вообще всѣ іерархи церковные... думали о древности и авторитетности постановленій то самое, что... сказалъ о ней въ статьѣ о папской непогрѣшимости“ В. В. Розановъ,—съ этимъ согласиться нельзя. Дѣло въ томъ, что „церковный приговоръ“ издавна отвергъ авторитетность „сборника“ этихъ *постановленій*. „Пято-шестой Соборъ 692 г.“ (до Фотія) вторымъ правиломъ своимъ отвергъ *Постановленія*, какъ содержавшія много „не-подлинныхъ и благочестію противорѣчившихъ еретическихъ вставокъ“. „Западъ“, въ свою очередь, относился къ *Сборнику* точно такъ же (чит. у Bardenhewer'а). Не ясно ли? Оказывается, что В. В. Розановъ напрасно желаетъ укрыться за „іерархами церковными“. Никакого „высокаго представленія“ о Сборникѣ никогда и не существовало, какъ видимъ; слѣдовательно, нечего и говорить съ изумленіемъ объ „отступленіяхъ отъ него важныхъ“. Исторія Сборника не оправдываетъ такого изумленія. 2) Я вовсе не думалъ и не думаю, что для В. В. Розанова „важно подлинное время составленія сборника“. Заговорилъ я объ этомъ потому только, что Сборникъ, не признанный древнею церковью, происшедшій въ IV—V вв., не могъ пользоваться „на ряду съ книгами Н. З.“ уваженіемъ „въ апостольскій вѣкъ“, т.-е. въ I-ый, какъ это изволилъ сказать В. В. Розановъ. Эту ошибку его я только и устранилъ—не больше. 3) Мнѣ и въ голову не приходило обвинять собесѣдника въ аріанскихъ тенденціяхъ (объ аріанствѣ шла рѣчь по поводу лишь рѣшенія вопроса о времени происхожденія Сборника). Наконецъ, 4) по поводу моего мнѣнія о „замѣчаніяхъ“ В. В. Розанова, „болѣе относящихся къ будущему, чѣмъ къ прошлому“, я считаю долгомъ заявить, что, какъ это видно было еще изъ моего

перваго письма, разсмотрѣніе всей статьи В. В. Р—ва по существу мною отложено до будущаго времени, что я и сдѣлаю, получивъ нѣкоторую возможность при моихъ многосложныхъ прямыхъ обязанностяхъ. Тогда я и выскажу свое мнѣніе съ откровенностью и искренностью, въ признательность за „полное согласіе“ В. В. Розанова „съ ученой стороной“ моихъ „замѣчаній“. А пока воздержусь отъ всякой дальнѣйшей съ В. В. Розановымъ переписки по данному вопросу.

Профессоръ *А. Бронзовъ.*

Кому же вѣрить, Петербургу или Москвѣ?

(*Послѣдній отвѣтъ проф. А. А. Бронзову*).

Я ограничусь только краткимъ и самымъ необходимымъ отвѣтомъ проф. А. А. Бронзову. Читатель его писемъ въ „Нов. Вр.“ видитъ, что почтенный этотъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи не признаетъ ни древности, ранѣе IV вѣка, ни авторитета „Апостольскихъ постановленій“; и признаетъ книгу эту не существовавшею въ I-мъ вѣкѣ, т. е. ни въ какомъ случаѣ не вышедшею отъ Апостоловъ. За такими книгами, приписываемыми тому-то, а въ дѣйствительности ему не принадлежащими, усвоено имя „апокрифическихъ“. Какимъ же образомъ посмотрѣть на то, что въ то время какъ это пишется въ Петербургѣ, профессоръ Московской духовной Академіи Н. А. Заозерскій въ статьѣ: „На чемъ основывается церковная юрисдикція въ брачныхъ дѣлахъ“, въ февральской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“, полемизируя съ „Церковнымъ Вѣстникомъ“ по поводу его взглядовъ о возможности передать процессуальную сторону развода въ вѣдѣніе свѣтскихъ судовъ, приводитъ на своихъ страницахъ длинныя выдержки изъ „Апостольскихъ постановленій“, именно на стр. 308—изъ книги VIII, главы 32, на стр. 309 изъ книги

IV, 1—2, на стр. 310—311 изъ кн. I, гл. 3 и 8, на стр. 314 изъ кн. VII гл. 27—28, на стр. 317, кн. III и IV, и при этомъ ни однимъ словомъ не оговариваетъ, что памятникъ, изъ котораго онъ приводитъ цѣлыя страницы, не достовѣрный, не древній, но апокрифическій. Надо ученымъ людямъ пощадить читателей. Надо бы профессорамъ разныхъ академій списываться, согласовываться и не убѣждать въ Москвѣ въ томъ, въ чемъ въ Петербургѣ разубѣждаютъ. Ибо читатель „Нов. Вр.“ можетъ не читать „Богословскаго Вѣстн.“ и вѣрить А. А. Бронзову, а читатель „Богосл. Вѣстн.“ можетъ не читать „Нов. Вр“ и вѣрить Н. А. Заозерскому. Независимо отъ ошибокъ, какія отсюда проистекаютъ для вѣрующихъ мірянъ-простецовъ, позволимъ себѣ указать и болѣе серьезное послѣдствіе: проф. Заозерскій полемизируетъ противъ статей „Церк. Вѣстн.“ за ихъ мысль о передачѣ развода въ свѣтскіе суды и пытается остановить важную государственную мѣру. Онъ ссылается на „Апостольскія постановленія“, заглавіе которыхъ, приводимое послѣ цитаты подъ страницею, слишкомъ много о себѣ говоритъ и парализуетъ всякое желаніе и возможность спора. Хорошо въ этомъ 1902-мъ году, что случайная полемика проф. Бронзова раскрываетъ читателямъ глаза на памятникъ,—и статья проф. Заозерскаго о невозможности передать государству церковную юрисдикцію не убѣдитъ чиновниковъ-практиковъ, ведущихъ мѣру, проектирующихъ законъ. Но можно спросить: а сколько разъ въ прошедшія десятилѣтія и въ прошедшихъ вѣкахъ добрыя и заботливыя мѣры государства на смежной между государствомъ и Церковью линіи были останавливаемы какъ печатными статьями, такъ и особенно писаными „докладами“ со ссылками безъ оговорокъ напр. на „Апостольскія постановленія“

или подобный памятникъ, о которыхъ только спеціалисты знаютъ, что сама Церковь ихъ значеніе полу-признаетъ, полу-отвергаетъ и, вообще, ихъ правильнымъ руководствомъ не считаетъ.

Я писалъ о папской непогрѣшимости и не могу не вспомнить изъ исторіи „возвышенія“ папъ ссылокъ на „декреталіи“ испанскаго епископа Исидора, тоже очень поздно оказавшіяся „недостовѣрными“. Осторожные да будутъ осторожнѣе... *В. Розановъ.*

По поводу полемики между гг. Розановымъ и Бронзовымъ объ „Апостольскихъ Постановленіяхъ“.

Въ своей послѣдней замѣткѣ: „Кому же вѣрить, Петербургу или Москвѣ?“ („Нов. Время“, № 9345) г. Розановъ, отвѣчая профессору С.-Петербургской духовной академіи Бронзову, затрогиваетъ весьма важный вопросъ—объ умѣстности ссылки въ ученыхъ сочиненіяхъ по каноническому праву на такія постановленія (каноны), которыя отвергнуты Церковью, а потому и не могутъ служить подтвержденіемъ положенія, защищаемаго ученымъ канонистомъ. По возбужденному г. Розановымъ вопросу считаю съ своей стороны умѣстнымъ заявить, что въ нашей литературѣ по каноническому праву (кромѣ приведенной г. Розановымъ статьи) встрѣчаются примѣры такихъ ссылокъ—именно на „Апостольскія постановленія“, „отложенныя“, какъ извѣстно, 2-мъ правиломъ VI вселенскаго собора,—въ защиту выставляемыхъ авторами положеній.

Такъ, въ сочиненіи іеромонаха Михаила „Законодательство римско-византійскихъ императоровъ о внѣшнихъ правахъ и преимуществахъ Церкви“ (Казань, 1901 годъ), на стр. 125, въ подкрѣпленіе положенія о томъ, что право распоряженія церковнымъ имуществомъ перешло къ епископамъ (въ первыя времена христіанства) авторъ ссылается на каноническій сборникъ „Книгу правилъ св. апостолъ“, и тутъ же дѣлаетъ ссылку на „Постановленія апостольскія“, т. е. на книгу, отвергнутую Вселенскимъ Соборомъ, причемъ при сопоставленіи этихъ правилъ усматривается,

что въ первыхъ изъ нихъ, признаваемыхъ Церковью, это право дается епископу съ оговоркой о полной неприкосновенности этого имущества, предназначеннаго для христіанской благотворительности, и съ требованіемъ о рѣшительномъ отдѣленіи личной собственности епископа отъ церковной, а во вторыхъ „Правилахъ", отвергнутыхъ Церковью, говорится уже о безотчетномъ и безконтрольномъ (со стороны мірянъ) правѣ епископа надъ церковною собственностью. Тотъ же пріемъ доказательствъ, безъ критической оцѣнки источниковъ, употребленъ и въ сочиненіи П. Соколова „Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи (1896 г.)". Именно, на стр. 215 и 216, гдѣ высказывается положеніе о свободномъ управленіи епископомъ церковными имуществами во время гоненій, въ подкрѣпленіе этого положенія дѣлается заурядъ ссылка и на „Книгу правилъ св. |апостолъ" и на „Постановленія апостольскія".

Такіе пріемы, встрѣчающіеся въ ученыхъ сочиненіяхъ по каноническому праву, положительно повергаютъ въ большое недоумѣніе лицъ, занимающихся церковно-общественными вопросами, и весьма было бы желательно получить авторитетное и безпристрастное разъясненіе по этому недоумѣнію.

А. Папковъ.

Печальное „resumé".

Весь приведенный споръ довольно важенъ, и отнюдь не въ археологическомъ отношеніи. У Лекки въ „Исторіи раціонализма въ Европѣ" записано о добросовѣстномъ средневѣковомъ судьѣ, который, сжегши нѣсколько сотенъ „вѣдьмъ" (истеричныхъ женщинъ), которыхъ онъ распознавалъ по нечувствительности ихъ кожи къ уколамъ иглы въ нѣкоторыхъ точкахъ тѣла (признаки истеріи, въ то время казавшіеся „волшебными"), кончилъ тѣмъ, что нашелъ у себя самого „признаки колдуна", и, тревожимый совѣстью—предалъ себя въ руки суда и, конечно, былъ сожженъ. Героическія и правдивыя времена! Другіе „станы людей", столь-же варварскіе, не

отличались этой наивной жестокостью къ себѣ, и вотъ причина до нашего времени „аки живья“ апокрифовъ. Каждому ясно, какое должно произвести впечатлѣніе на всякаго христіанина книга, на заглавномъ листѣ которой, безъ оговорокъ, примѣчаній и „ученыхъ изслѣдованій“ *тутъ-же на титульной страницѣ*,—значится просто и только:

АПОСТОЛЬСКІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ,

или даже

АПОСТОЛЬСКІѦ ПОСТАНОВЛЕНІѦ

и каково должно быть *дѣловое* рѣшеніе очень авторитетнаго свѣтскаго лица, государя или „области-начальника“, когда въ затруднительномъ случаѣ ему дѣлаютъ ссылку, раскрываютъ страницу—подчеркиваютъ строки какой-то ему неизвѣстной книги, а затѣмъ, отвернувъ назадъ страницы, съ безмолвнымъ упрекомъ указываютъ на титулъ:

АПОСТОЛЬСКІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ,

съ которыми онъ, въ нѣкоторомъ родѣ несчастный и „грѣшникъ“, не согласовалъ и даже и теперь колеблется согласовать свое рѣшеніе!! Не могу я не припомнить случившійся въ царствованіе государя Николая Павловича эпизодъ съ мелкимъ чиновникомъ Повало-Швейковскимъ. Чиновникъ этотъ, женившійся на дѣвицѣ Ваулиной „въ неправильной степени родства“ (о каковыхъ степеняхъ въ Евангеліи нѣтъ ни слова, а въ Библіи онѣ установлены вовсе не тѣ, какія приняты на католическомъ западѣ и у насъ), и уже въ счастливомъ супружествѣ прижившій шесть человѣкъ дѣтей—подвергся доносу злого человѣка въ мѣстную Новгород-

скую консисторію, которая 1) расторгла его бракъ, 2) дѣтей, въ немъ рожденныхъ, признала „незаконнорожденными“ и лишенными какъ фамиліи отца или матери, такъ и правъ наслѣдованія послѣ родителей; 3) а „женѣ Повало-Швейковскаго повелѣно вновь именоваться и быть дѣвицею Ваулиною“. Сунодъ скрѣпилъ рѣшеніе. Въ отчаяніи чиновникъ этотъ ринулся къ милости Государя: и на прошеніи, имъ поданномъ на Высочайшее имя, государь начерталъ взволнованно: „браки, скрѣпленные благословеніемъ Церкви, расторгать послѣ того, какъ они уже заключены съ ея дозволенія, я не считаю ни справедливымъ, ни удобнымъ“. Нельзя представить всего волненія, каковое вызвало въ высшемъ духовномъ управленіи нашемъ таковая резолюція. Дѣло было взято для „поправленія и разсмотрѣнія“ и проч. въ Сунодъ. Держалось здѣсь долго. И когда черезъ долгое время было вновь доложено Государю,— то онъ, прочитавъ разъясненія Сунода, уже удержался повторить свое милостивое рѣшеніе, и бракъ былъ расторгнутъ. Получилось шестеро сиротъ, дѣвица и холостой человѣкъ—въ замѣнъ счастливой семьи. Все это разсказано подробно въ „Исторіи оберъ-прокуроровъ Сунода“ проф. Казанской Дух. Академіи Благовидова; и удивительно, какъ этотъ профессоръ не замѣтилъ всей многозначительности, принципіальной и житейской, приведеннаго имъ факта. Государь отказался отъ своего рѣшенія, и вотъ, можемъ-ли мы быть вполнѣ увѣрены, чтобы въ этомъ случаѣ или въ другомъ аналогичномъ, когда авторитетъ іерарховъ или „милость Церкви“ вдругъ заподозривалась съ высоты Престола,— чтобы въ сей важный мигъ, въ сію критическую минуту не была вынута изъ библіотеки ветхая книга въ авторитетномъ кожаномъ переплетѣ, съ компетентными

мѣдными застежками, и Государю не было указано на заголовокъ—

АПОСТОЛЬСКІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ,

между тѣмъ какъ мы съ Бронзовымъ знаемъ, а теперь, послѣ нашей полемики на страницахъ распространенной газеты, множество читателей съ изумленіемъ узнаютъ-же, что это—апокрифъ, полный *титулъ* котораго *долженъ-бы пропечатываться:*

ПОСТАНОВЛЕНІЯ

ЛОЖНО ИМЕНУЕМЫЯ

АПОСТОЛЬСКИМИ,

или даже

ЛЖЕ-АПОСТОЛЬСКІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

Не требовала-ли бы, не говоримъ „святая истина“, не говоримъ даже „истина“, а простая добропорядочность, безъ которой не допускаются продавцы на рынокъ, не принимается въ услуженіе прислуга,—и *ставить въ титулъ то, что есть въ содержаніи?*

Н. Суворовъ. *„Учебникъ церковнаго права“*. Изданіе второе, вновь переработанное. Москва. 1902.

„Учебникъ“, второе изданіе котораго вышло недавно, принадлежитъ профессору каноническаго права въ Московскомъ университетѣ, преемнику по каѳедрѣ знаменитаго нашего канониста А. С. Павлова.

Названіе „учебника“ дано ему по скромности, такъ какъ ни изложеніе, ни объемъ не говорятъ объ учебно-руководственномъ назначеніи книги, излагающей скорѣе науку церковнаго права въ твердо установленныхъ,

не проблематическихъ рамкахъ. Въ содержаніи ея есть очень много подробностей, волновавшихъ въ послѣднее время и общую печать. Такова глава вторая—„Исторія источниковъ церковнаго права отъ IV вѣка до раздѣленія церквей Восточной и Западной", въ которой г. Суворовъ устанавливаетъ, что 1) основою каноническаго права на Востокѣ служатъ постановленія Трульскаго церковнаго Собора 692 года, 2) запретившаго апокрифическій сборникъ *Апостольскихъ постановленій*, аріанскаго и вообще не православнаго происхожденія; 3) тогда-какъ этотъ сборникъ признанъ священною каноническою книгою въ 85-мъ пунктѣ „Апостольскихъ Правилъ", которыя тѣмъ-же Трульскимъ Соборомъ объявлены *основною каноническою книгою*. Это такая связь и отношеніе вещей, которая устраняетъ мысль о достовѣрности которой либо части. Вмѣстѣ съ тѣмъ (что̀ едва ли вполнѣ замѣчаетъ проф. Суворовъ) самый предметъ и все содержаніе его учебника является весьма и весьма проблематичнымъ. Учебникъ *„Церковнаго права, основаннаго на апокрифахъ"!*... Далѣе, мы можемъ положительно посѣтовать на профессора Суворова, что года два назадъ, когда сперва въ печати, а затѣмъ и въ законодательствѣ начало колебаться неосновательное и жестокое ученіе о не законнорожденности, и въ связи съ этимъ стало опредѣляться существо разныхъ деталей брака, онъ не изложилъ во всеобщее свѣдѣніе, черезъ общую печать, слѣдующія истины своей науки, могшія бы утѣшить тысячи волнующихся сердецъ, и строго юридически вернуть права тѣмъ, у которыхъ они узурпированы:

> „По католическому ученію, всякое таинство имѣетъ матерію и форму; и, что касается таинства брака въ особенности, то матерію его составляетъ взаимная передача себя вступающихъ въ брачный союзъ лицъ другъ другу, а форму таинства

составляютъ тѣ слова, дѣйствія и знаки, которыми въ моментъ передачи выражается взаимное согласіе на вступленіе въ бракъ. Съ этой точки зрѣнія, *формальное участіе духовнаго лица или органа церкви въ заключеніи брака несущественно для таинства*, ибо все, что принадлежитъ къ существу брака—и матерія, и форма—исполняется самими брачущимися, а не третьимъ какимъ-либо лицомъ. Другими словами, *совершители таинства суть сами супруги*. Отсюда выводится, что всякій вообще бракъ, заключенный между христіанами въ христіанскомъ духѣ, безъ противорѣчія требованіямъ христіанства, или, иначе, брачный союзъ между лицами, получившими благодать крещенія—не можетъ не быть таинствомъ".

Принимая во вниманіе, что таинство брака одно въ католической церкви и въ нашей, и что множество объясненій католическихъ богослововъ, да и нѣкоторые обычаи, какъ, напр., введенный папою Иннокентіемъ III обычай окликовъ передъ бракомъ, позаимствованы были православными отъ католиковъ,—невозможно думать, чтобы и это тонкое растолкованіе существа брака не могло быть также усвоено на Востокѣ.

„Въ Восточной Церкви", продолжаетъ авторъ, „прежде еще чѣмъ сдѣлалась извѣстною западная конструкція таинствъ, различавшая форму и матерію и принимавшая *самихъ супруговъ за совершителей таинства*, фактически существовала масса браковъ, которые въ качествѣ христіанскихъ браковъ должны были разсматриваться *какъ таинство*, а между тѣмъ были *заключены безъ церковнаго брачнаго священнодѣйствія*. Да и вообще до изданія законовъ греческаго императора Льва Мудраго, въ концѣ IX вѣка, и Алексѣя Комнена, въ концѣ XI вѣка, *для силы брака не требовалось церковнаго брачнаго священнодѣйствія*, такъ что и вообще между христіанами, вступавшими и въ первые браки, это возможно было безъ церковнаго священнодѣйствія. Только съ IX вѣка, когда съ одной стороны законъ сталъ требовать для дѣйствительности брака церковнаго вѣнчанія, а, съ другой стороны, установилась извѣстная обрядовая форма вѣнчанія, какъ

особаго церковнаго чинопослѣдованія, въ вѣнчаніи же стала *) поставляться и сущность таинства. Хотя западная богословская разработка не осталась безъ вліянія на Востокъ и отразилась не только на сочиненіяхъ отдѣльныхъ восточныхъ богослововъ, напр. Гавріила Филадельфійскаго, но и на произведеніяхъ, получившихъ церковное признаніе, каково, напр., Православное исповѣданіе Петра Могилы и 50-я глава Кормчей книги о тайнѣ супружества: но *по новѣйшей византійской и русской теологіи получилъ господство взглядъ, что не самый бракъ, какъ союзъ, есть таинство, а церковное священнодѣйствіе*" (стр. 352—353).

Такимъ образомъ, вовсе не по опредѣленію Церкви, а, во-первыхъ, по не имѣющимъ священнаго значенія распоряженіямъ двухъ греческихъ царей, IX-го и XI-го вв., появившимся послѣ того уже, какъ *окончились всѣ Вселенскіе Соборы* и все догматическое зданіе церкви было установлено *и поправкамъ и измѣненіямъ не подлежало*, и, во-вторыхъ, по „новѣйшей византійской и русской теологіи"—создалось современное церковное отношеніе къ браку. И достаточно устранить изъ русскаго законодательства перенесенныя въ него распоряженія Льва Мудраго и Алексѣя Комнена, чтобы покончить совершенно съ ученіемъ о „внѣ-брачныхъ" и „незаконнорожденныхъ дѣтяхъ" и вернуть имъ права, неотъемлемо принадлежащія имъ. Желательно, чтобы по этому вопросу кратко и вразумительно высказался *въ общей печати* кто-нибудь изъ ученыхъ канонистовъ.

Почт. ст. Богушевичи. Пн. 18 мар. 1902 г. Простите, М. Г., что я, и оставаясь даже въ невѣдѣніи относительно вашихъ имени и отчества, пишу вамъ нижеслѣдующую замѣтку относительно вашей статьи о „папской" и вообще „священнической" и „свято-

*) *Т.-е. обычно, а не догматически.* В. Р.

отеческой непогрѣшимости". Меня побудилъ къ этому живой обмѣнъ мыслей, возникшій послѣ появленія вашей статьи, и удивило то, что до сихъ поръ не замѣчена ваша ошибка относительно „непогрѣшимости" Свв. Отцевъ и Учителей Церкви. Вы пишете, что „святые" суть святые „по жизни, а не по infallibilitate сужденія". Конечно, *полная* infallibilitas принадлежитъ лишь Іисусу Христу и даже лишь Богу Отцу, но относительно многаго она есть достояніе Церкви [1]), а въ отдѣльности и великихъ Ея представителей, которые до сихъ поръ были и ученѣйшими людьми своего [2]) времени (Три святителя) и вмѣстѣ съ тѣмъ *высоко-нравственными*. Но одна ученость не гарантируетъ безъошибочности сужденія даже относительно простѣйшихъ истинъ Вѣры, если она не сопровождается „подвигомъ", если ея обладатель не „свѣточъ жизни" [3]).

---

[1]) Какъ суммы отжившихъ людей? или, также и притомъ автономно—какъ *суммы сейчасъ живущихъ*] вѣрующихъ?! Вотъ этого-то и не различаютъ духовные люди, хороня живыхъ ради мертвыхъ, изъ жизни совершая гекатомбу гробу.—*В. Р—въ.*

[2]) Ранняго, архаическаго, младенческаго. Для чего-же автору, *въ подпору своему тезису*, упомнпать: „были ученѣйшими",—еслибы *все* основывалось здѣсь на „благодатномъ дарѣ свыше"? А если онъ назвалъ „ученость"—какъ *плюсъ* въ рѣшеніи вопроса, то и я въ правѣ положить сюда тотъ *минусъ*, который лежитъ въ *наивности* тогдашней „учености".—*В. Р—въ.*

[3]) И „подвигъ" и „свѣточъ жизни" имѣютъ *ограниченное приложеніе*, именно только въ моральной, и притомъ въ *лично*-моральной, а не въ *соціально*-моральной жизни. Приведу здѣсь разсказъ, который заставилъ меня когда-то улыбнуться. Былъ въ семинаріи о. инспекторъ—монахъ святой жизни, незлобивой души и младенческаго опыта. Разъ вернулись семинаристы позднѣе обыкновеннаго: и одинъ изъ нихъ не былъ вполнѣ трезвъ. На вопросъ инспектора онъ отвѣтилъ, улыбаясь, что „правда, выпилъ двѣ бутылки пива".—„Двѣ бутылки"?! изумился старецъ: „и ты остался живъ"?! Никогда не пробовавшему аскету, это „зелье" казалось огненнѣе пороха. Не таковы-ли же, напр., „правила" одного древняго Отца Церкви „о бракѣ", съ вѣчною присказкою: „аще кто соблудитъ—семь лѣтъ да не причащается" и пр. Между тѣмъ какъ и въ его время, и позднѣе, и вѣчно—„блудили" и „блудятъ" и люди, и монахи, и священники (см. „Чинъ исповѣданія монаховъ" и

Ересіархи всегда бываютъ порочны [1]), и если въ нихъ нѣтъ на виду тѣхъ обычныхъ проступковъ, которые обыкновенно называются пороками, то всегда въ нихъ есть „гордыня“,—„начало грѣха“ (Арій и Л. Толстой въ его послѣднихъ произведеніяхъ), „гордыня“ не человѣческая, а прямо-таки замѣчательная иногда [2]). Наоборотъ, вдумайтесь въ характеры „столповъ“ Церкви, и вы увидите нѣчто противоположное: святость жизни, соединенная со смиреніемъ (поступокъ Николая Чудотв. противъ Арія, отвергаемый, впрочемъ, исторіей, не противорѣчитъ этому смиренію). Вообще: только умъ, просвѣщенный *вѣрою*, т. е. если обладатель его живетъ такъ, какъ требуетъ вѣра, т. е. стремится къ святости жизни,—будетъ правильно мыслить и разбираться въ богословскихъ вопросахъ; но одно знаніе, безъ проникновенія вѣрою, не спасаетъ отъ грубѣйшихъ ошибокъ и лишь помогаетъ искусителю продолжать его работу„ (Протестантство). И наоборотъ: святая, благочестивая жизнь восполняетъ недостатокъ богословскаго образованія (см. „Дѣянія I вс. собора“, изд.; кажется, казанское, года не помню: споръ одного неученаго епископа съ философомъ). Да и апостоламъ, которымъ некогда было учиться, обѣщано, что ихъ научитъ Св. Духъ всему. Конечно, это не исключаетъ необходимости учиться; но хочу лишь сказать, что наука не должна быть дѣломъ одного ума, но и воли, и чувства: иначе она не достигнетъ цѣли; и величайшіе богословы нынѣшняго времени способны грубѣйшимъ образомъ ошибаться, если забудутъ, что наука должна быть сопряжена со свя-

---

„Чинъ исповѣданія священниковъ“)—также мало „умирая“ и „погибая“ отъ этого, какъ семинаристъ отъ двухъ бутылокъ пива.

В. Р—въ.

[1]) Ну, тутъ грубая историческая ошибка: даже въ „Православно-Богословской Энциклопедіи“, къ статьѣ „Арій“—сказано, что это былъ человѣкъ изумительно добродѣтельной жизни, строгій къ себѣ, мягкій къ людямъ, воздержанный, трезвый, скромный и пр. А „ересіархи“ Католической Церкви — Кальвинъ, Лютеръ, Савонаролла? а нашъ Аввакумъ? Что-же, все это были „блудники“ и „пьяницы“? Но съ какой увѣренностью авторъ произнесъ свой жестокій тезисъ?! „Будьте *и въ другомъ* осторожнѣе“,—хочется сказать ему, подчеркнувъ эту ошибку.—*В. Р—въ.*

[2]) Ну, ну... „Онъ добродѣтеленъ, это правда, не споримъ,—но... но... онъ *гордъ* этою добродѣтелью, и *гордъ* умомъ, гордъ образованіемъ... сущій Сатана!—въ огонь его“. Добренькая психологія.—*В. Р—въ.*

тостью жизни, какъ было у оо. Церкви, ученіе которыхъ поэтому „богоглаголиво“ и согласно съ преданіемъ Церкви (см. догм. 7 вс. соб., кн. правилъ, стр. 7. М. 93 изд. in 8°) и „которые были *свѣтилами въ мірѣ, содержа слово жизни*“ [1]), (ib. стр. 70, втор. столб.).

Владиміръ Еречневъ.

---

[1]) Все это глубоко вѣрно, но... и молясь можно разбить лобъ. Само собою разумѣется, должна быть *цѣлость человѣческаго состава*; и мы склонны не довѣрять разсужденіямъ злого или самолюбиваго, напыщеннаго человѣка, а даже къ коротенькому и наивному замѣчанію „святого простеца“ прислушаемся. Все это—такъ. Но прежде всего: зачѣмъ эти противопоставленія и раздѣленія? Мудрые не лишены привилегіи доброты (Ньютонъ, Пастеръ, Кантъ, Шеллингъ, да и вообще—за *рѣдчайшими исключеніями*, съ изумленіемъ отмѣченными историками—„мудрые“ и „ученые“ вообще суть въ тоже время и добрые); съ другой стороны „неученые“, „простецы“ нисколько не застрахованы отъ злобы, своеобразнаго тщеславія, лживости. „Кулаки“ по деревнямъ не блистаютъ ученостью, а весьма умѣютъ „жать масло“ изъ мужичковъ. Оставимъ, однако, эти споры. Да, за простымъ и добрымъ мы послѣдуемъ скорѣе, чѣмъ за умнымъ властолюбцемъ. Но не искусилъ-ли насъ сатана? „Простое и доброе“, чему мы добровольно послѣдовали вчера и третьяго дня, вдругъ сегодня уже требуетъ, чтобы мы „вольно или невольно“ слѣдовали за нимъ; на насъ атукаютъ со всѣхъ сторонъ, чтобы мы слѣдовали непремѣнно за нимъ, и только за нимъ; и, наконецъ, выростаетъ „infabillitas“, „непререкаемость“ сужденія и даже философіи „простого и добраго“—и вотъ тутъ оно вдругъ находитъ у себя въ котомкѣ ту „гордыню“, которую *само* всегда считало признакомъ „искушенія сатаны“, и притомъ въ такой ужасающей степени, до какой не досягали міровые завоеватели, всемірные честолюбцы, какая не брезжилась первѣйшимъ геніямъ, поэтамъ и мудрецамъ. Все никнетъ „передъ добренькимъ старичкомъ“, благословляющимъ міръ... Осторожная оговорка (см. начало письма): „infabillitas принадлежитъ лишь I. Христу и даже лишь *Богу Отцу*“ куда-то проваливается; и авторъ письма *самъ, самъ* потребуетъ, съ клещами и огнемъ, поклониться старичку, особенно изъ почившихъ—*именно* какъ Богу-Отцу. И только и можно ухватиться за *несокрушимый* Ветхій-Завѣтъ, съ его предостереженіемъ: „станете *яко бози*“...

В. Р—въ.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ.

I.

Изъ темнаго лѣса на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный...
Пушкинъ.

Совѣты могутъ быть глупые: это—тѣ, которые вытекаютъ изъ настроенія лица, дающаго совѣтъ; и—умные, вытекающіе изъ обстоятельствъ лица, которое проситъ совѣта. Въ девяти десятыхъ случаевъ, въ недоумѣніи душевномъ или въ трудныхъ житейскихъ обстоятельствахъ, ища у „ближнихъ“ помощи, мы встрѣтимъ только пропагандистовъ разныхъ душевныхъ настроеній: они будутъ пользоваться временною нашей слабостью, „паденіемъ“, чтобы перевести насъ съ нашей дороги на ихъ собственную. И лишь изъ десяти случаевъ въ одномъ найдемъ настоящаго добраго и настоящаго мудраго человѣка, который, разобравшись въ нашихъ собственныхъ обстоятельствахъ, укажетъ изъ нихъ выходъ въ предѣлахъ нашего же собственнаго пути. Первые совѣты, которые мы назвали неумными, вытекаютъ изъ душевной мелочности, безграничнаго эгоизма, ко всему глухого, и изъ инстинкта безграничнаго, такъ сказать, душерасширенія: совѣтчикъ хотѣлъ бы своею душою расшириться и вытѣснить всѣ другія разнородныя души. Вторые совѣты, мудрые, вытекаютъ изъ необыкновенной зоркости совѣтчика, его душеумаленія и

безграничнаго интереса къ миріадамъ чужихъ душъ, чужихъ жизней.

Однажды мнѣ пришлось пересѣкать по желѣзной дорогѣ Калужскую губернію, и, дремля въ вагонѣ, я услышалъ разговоръ двухъ мѣщанъ-ли, торговцевъ-ли о дѣлахъ душевныхъ и житейскихъ. Одинъ все молчалъ, а другой все говорилъ. Говорившему было лѣтъ около пятидесяти; онъ былъ толстъ, красенъ и до такой степени дикъ видомъ, голосомъ, а также выражавшимися въ разговорѣ понятіями, что какъ будто его предковъ никто не стригъ, не чесалъ и не умывалъ отъ временъ печенѣговъ и татарщины. Онъ былъ виноторговецъ. Жадность къ деньгамъ, скотское безучастіе къ людямъ, полная душевная запущенность, нераспаханность сказывались въ стилѣ рѣчи. Но, на ряду съ этимъ, что-то въ немъ было серіозное. Очевидно, онъ все сильно переживалъ, сильно чувствовалъ,—и сталъ сильнымъ торговцемъ на томъ основаніи, что „сильно восчувствовалъ деньгу“, и не плюшкински, не мелочно, а скорѣй какъ рыцарь-разбойникъ среднихъ вѣковъ. Съ чрезвычайнымъ волненіемъ и удивленіемъ онъ разсказывалъ молчаливому своему собесѣднику о томъ, что вотъ уже много лѣтъ (хотя не излишне много, не всю жизнь) онъ состоитъ подъ духовнымъ водительствомъ о. Амвросія Оптинскаго (тутъ я насторожился), старца „дивнаго разума и богоугодности“. Имя этого старца было не только хорошо извѣстно, но какъ бы наполняло приблизительно три смежныя губерніи: Калужскую, Орловскую и Рязанскую,—гдѣ рѣдко кто изъ туземныхъ жителей не разсказывалъ чего-либо о его словѣ или о его поступкѣ. Я сталъ внимательно прислушиваться къ разсказу проѣзжаго. Онъ и теперь направлялся въ Оптину, чтобы получить отъ старца пері-

одически необходимое благословленіе и слова два „напутствія“. По всему видно было, что торговецъ былъ человѣкъ, что называется, пламенной вѣры, но нѣсколько каменистой,—не нѣжной (какъ бываетъ у нѣкоторыхъ), но твердой, рѣзкой. Такъ, я думаю, вѣровали первые новгородцы и древляне, принявшіе въ X вѣкѣ крещеніе. Богъ—это абсолютное съ одной стороны, но съ другой—столь же абсолютною остается ни мало не сдвинувшаяся со своего корня прежняя жизнь, еще до крещенія, лѣсная, торговая, дикая, самоуправная, жесткая къ сосѣду и къ родному. Можно было-бы думать, что встрѣча старца съ кабатчикомъ, святого человѣка съ грѣшникомъ выразится въ драмѣ борьбы, что старецъ начнетъ будить въ торговцѣ „Власа“:

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ..

Ничего подобнаго не было. Оказалось, изъ разсказовъ его, что старецъ вошелъ „духовнымъ окомъ“ во всѣ подробности его матеріальнаго и семейнаго устроенія, почти вплоть до распланировки избы и выправки „на тотъ годъ“ еще болѣе крупнаго патента на болѣе крупную виноторговлю. Подробности за двѣнадцать лѣтъ я забылъ, но храню ярко то впечатлѣніе свое, что, не переучивая и не передѣлывая, очевидно, крѣпкаго мужика, старецъ какъ бы только сталъ съ нимъ въ сосѣдство, придвинулъ свою келію къ его кабаку. „Вотъ, когда-нибудь, можетъ быть, и взглянешь; будетъ тихій вечеръ, миръ у тебя на душѣ, и ты вмѣсто привычнаго сквернаго ругательства — возьмешь и перекрестишься“. Съ тѣмъ вмѣстѣ, по колориту разсказовъ видно было, что со стороны старца не было и никакого мирволенья кабаку, никакого вхожденія въ жадные и хищные вкусы

мужика. Онъ ихъ не прощалъ, но онъ о нихъ молчалъ. Онъ только вошелъ въ міръ (душевный) хищничества и грубости святою статуею, но недвижною; прибавилъ къ суммѣ жесточайшихъ обстоятельствъ вѣяніе мудрой и наставительной и кроткой души своей: какъ бы весенняго вѣтра, внесеннаго въ обстоятельства зимы. „Гдѣ можно растаять—растаетъ; а гдѣ не растаетъ—тамъ растопитъ Богъ, когда придетъ время, и средствами большими, чѣмъ располагаетъ человѣческая мудрость".

Старецъ Амвросій въ городахъ Орловской губерніи, гдѣ я жилъ десять лѣтъ, назывался „прозорливымъ", и мнѣ извѣстенъ одинъ поразительный случай этой прозорливости, вмѣстѣ очень трогательный. Я выслушалъ разсказъ, какъ съ дочерью одного именитаго купца, дѣвушкою образованною, но скромною, провинціальною случился „грѣхъ": она полюбила одного начинающаго профессора университета (его имя раза 2—3 мнѣ потомъ встрѣчалось въ газетахъ), но была имъ почему-то оставлена, а между тѣмъ по неосторожности уже должна была стать матерью. Разъяренный купецъ выгналъ ее изъ дома ни съ чѣмъ,—на всѣ четыре стороны. Переправилась она въ сосѣдній городокъ, разрѣшилась тамъ отъ бремени, передала ребенка какой-то мѣщанкѣ, обѣщаясь платить, а затѣмъ, какъ и всѣ въ этихъ губерніяхъ растерянные люди, направилась въ Оптину пустынь къ старцу Амвросію „за прощеніемъ и совѣтомъ" (раскаяться и получить наставленіе). Къ посѣтителямъ, которыхъ собирались большія толпы, старецъ выходилъ въ четыреугольникъ, обнесенный веревкою: пришедшіе стояли около веревки, дожидаясь очереди, когда онъ каждаго позоветъ (и многіе ждали по нѣсколько дней, что всегда „незримо указывало на нѣчто"), а старецъ ходилъ внутри квадрата, то погруженный въ задумчи-

вость, то заговаривая съ тѣмъ или другимъ, то вызывая къ себѣ внутрь квадрата. Въ толпу эту вмѣшалась и молодая женщина. Намъ совершенно понятно, что по красотѣ ея, молодости и, вѣроятно, взволнованному особенному виду, 60-лѣтній опытный старецъ могъ и до признанія о всемъ догадаться. Во всякомъ случаѣ, она-то сама считала себя отъ всего свѣта укрытой и готовилась къ тяжелой, стыдливой исповѣди. Каково же было ея недоумѣніе и смущеніе, когда, минуя ближнихъ, онъ позвалъ ее издали; и едва она къ нему подошла и привычно поклонилась до земли, какъ онъ ласково и участливо (а голосъ его бывалъ и сердитъ) спросилъ ее, гдѣ она оставила рожденнаго ею младенца? Конечно, все это ей показалось „прозорливостью“, и она, имѣя какъ бы вотъ святость передъ собою –все разсказала въ слезахъ. Тогда онъ ей указалъ немедленно вернуться назадъ, взять отъ женщины ребенка, вернуться въ отцовскій городъ, „а деньги на пропитаніе Богъ пошлетъ“. Совѣты его всѣми, ихъ спрашивавшими, уже исполнялись какъ неминуемый законъ: считалось какъ бы неповиновеніемъ Богу—ослушаться ихъ. Она такъ и поступила. До сихъ поръ я передаю слышанное, а остальное уже видѣлъ своими глазами.

Во второмъ классѣ гимназіи учился высокій, худенькій и необыкновенно оживленный мальчикъ; вѣчныя шалости, но необыкновенно наивныя, невинныя, такъ что безъ его шалостей было бы скучнѣе въ классѣ. И всѣ шалости были деликатныя, тихія, скорѣе остроумныя. Онъ былъ очень пугливъ, впечатлителенъ, а вмѣстѣ—открытъ. Въ немъ не было вовсе того маленькаго нахальства и назойливости, безъ которыхъ, къ сожалѣнію, почти не встрѣчается русскихъ дѣтей въ возрастѣ 13-ти лѣтъ. Ставлю я разъ ему баллъ въ журнальчикъ и вижу, что

за предыдущую недѣлю „удостовѣреніе въ просмотрѣ балловъ“ подписано фамиліей не его, а другою.

— Отчего же ты родителямъ не далъ подписать,— спросилъ я машинально.

— Это подпись мамы.

— Какъ мамы?

И я указалъ на разность фамилій. У него выразилось на лицѣ чрезвычайное удивленіе: очевидно, этого никогда ему въ голову не приходило.

— Вѣрно твоя мама второй разъ замужемъ и по второму мужу и носитъ эту (не сходную съ фамиліей мальчика) фамилію?

— Нѣтъ, я вѣрно знаю, что моя мама не второй разъ замужемъ.

Тутъ только я сталъ догадываться, что въ семейномъ положеніи ученика есть ненормальность. Выставивъ ему баллъ и посадивъ на мѣсто, я потомъ, пользуясь веселостью и открытостью ученика, и какъ часто имѣлъ привычку дѣлать почти со всѣми учениками, сталъ его разспрашивать, гдѣ же и какъ и чѣмъ онъ съ родителями живетъ. Всѣ отвѣты были, такъ сказать, удивляющи, а вмѣстѣ составили продолженіе приведеннаго мною выше разсказа, слышаннаго мною какъ разъ незадолго до случая съ этимъ мальчикомъ.

„Мама моя рисуетъ“, „только образа пишетъ — больше ничего“; „вамъ она образа не напишетъ, потому что на постороннихъ людей не дѣлаетъ, а какъ напишетъ—отвозитъ къ батюшкѣ“.

— Какому?

— Батюшкѣ Амвросію, въ Оптину пустынь.

— Какъ же она его знаетъ?

— Мы съ нимъ давно знакомы. Онъ такой добрый, какъ никто.

— И ты его видѣлъ?

— Меня-то онъ особенно и любитъ. Мы въ годъ раза два къ нему бываемъ. И всякій разъ онъ поведетъ къ себѣ въ келью, и ласкаетъ-ласкаетъ меня, и всегда мнѣ даетъ гостинцевъ. И веселый онъ превеселый, постоянно шутитъ и смѣется, мнѣ же позволяетъ все дѣлать у себя, и я у него какъ у себя въ домѣ.

Между тѣмъ изъ другихъ разсказовъ было мнѣ очень и очень извѣстно, что о. Амвросій бываетъ серіозенъ, наставителенъ, а временами даже суровъ („онъ меня ударилъ—не больно—посохомъ по спинѣ, но, говорятъ, это хорошій знакъ"). Очевидно, здѣсь связь была исключительная. Старецъ спасъ своимъ совѣтомъ молодую женщину, спасъ и мальчика: и возлюбилъ ихъ особенною любовью, какъ свое творенье, усыновилъ ихъ себѣ, а благодарная женщина вся отдалась именно благодарному религіозному чувству, выразившемуся въ писаніи иконъ для Пустыни. Какъ я разспросилъ и узналъ, суровый отецъ ей выдавалъ немного денегъ на содержаніе, но въ домъ ее не впускалъ, и самъ и семья его сношеній съ ней не имѣли.

Этимъ случаемъ въ свое время я былъ восхищенъ. Хотя теперь думаю: quod privatum est bonum — bonum publicum. Зачѣмъ же личной волѣ становиться выше (святѣе) закона? Или о. Амвросій долженъ былъ прогнать съ глазъ своихъ эту женщину, если законъ объ отдѣленности незаконныхъ дѣтей отъ родителей былъ (до 1902 г.) государственно и *церковно основателенъ;* а если онъ хорошо поступилъ, приласкавъ и соединивъ мать съ ребенкомъ, то *отчего онъ вслухъ и отчетливо,* для направленія самаго закона, не высказался о подобныхъ случаяхъ? И, въ частности, отчего не наложилъ эпитимью на жестокосерднаго отца дѣвушки, или не

написалъ и не сказалъ всѣмъ таковымъ отцамъ поученія? Вообще, правда келейно и публично должна быть одна. Или о. Амвросій худо поступилъ, или онъ не додѣлалъ хорошаго дѣла, не произнесъ „слова и дѣла“—не „царева“ только, а „Богова“—о всѣхъ аналогичныхъ фактахъ. Но я долгіе годы въ прежнее время умилялся на этотъ случай изъ жизни о. Амвросія, на его деликатность, его мудрость. Читатель замѣтитъ, что здѣсь „руководство“ велось уже совершенно иначе, чѣмъ въ отношеніи грубаго кабатчика. Другой человѣкъ, другія обстоятельства—и старецъ говорилъ инымъ голосомъ, иныя рѣчи. Мудрый старецъ!

Конечно совѣты, приблизительно какъ его, могъ давать и другой человѣкъ. Но не было такого авторитета: и отъ равнаго ума или доброты не получилось бы равной пользы. Въ городкѣ, гдѣ я жилъ, нѣкоторые, даже изъ образованныхъ, поступали подъ водительство старца. Никто ихъ къ этому не нудилъ. Они начинали это, когда хотѣли, и оканчивали—когда хотѣли же. Но, обыкновенно, разъ обратившійся уже никогда не хотѣлъ отойти вслѣдствіе явной пользы совѣтовъ, основывавшихся единственно на обстоятельствахъ того, кто просилъ совѣта, а не настроеніи самого старца. Между прочимъ обращались къ нему люди въ безвыходно трудномъ матеріальномъ положеніи. И вотъ я наблюдалъ, что въ этихъ случаяхъ совѣтъ всегда былъ разсчитанъ на терпѣніе и чувство надежды совѣто-вопрошателя, и на увѣренности самого старца, что семь бѣдъ сразу не приходятъ и что вскорѣ обстоятельства перемѣнятся. Извѣстно, какъ успѣшно лѣчатъ доктора, не подавляющіе духъ больного, а поднимающіе духъ больного,—и для которыхъ неисцѣлимыхъ болѣзней точно не существуетъ. Старецъ дѣйствовалъ на подобіи такого доктора, только въ сферѣ

нравственной, въ бытовой и частью матеріальной. „Домъ и думать не смѣй продавать“, сказалъ онъ одной осиротѣвшей женщинѣ, оставшейся съ дочерью и внучкой вовсе безъ всякихъ средствъ, безъ пенсіи и помощи. За домъ можно было получить тысячи двѣ и начать перебиваться; на первое бы время хватило. Но старецъ разсчиталъ не первое время, а именно далекое. Запретъ его былъ равенъ закону. Жили три сироты въ холодномъ и голодномъ домикѣ: но помогли на первые мѣсяцы родные, а затѣмъ нашелся жилецъ, сталъ на „хозяйскій харчъ“, и семья перебивалась десятый уже годъ, съ трудомъ, но не впавъ въ разореніе и нищенство, которыхъ-бы безъ дома не избѣжать. Другой совѣтъ мнѣ извѣстный: взрослый сынъ, уже учительствовавшій въ городской школѣ, пропадалъ отъ пьянства. Пьянство это было такъ неудержимо и вмѣстѣ для всѣхъ несносно, что отецъ и вся родня давно не хотѣли ни видѣть молодого человѣка, ни даже впускать его въ чистый и благообразный домъ. Только одна мать отъ него не отступалась. За выгономъ изъ дома, онъ уже ночевалъ на огородѣ, въ банѣ; находили его пьянымъ на улицѣ, и, вообще, сраму было много. Между тѣмъ, въ рѣдкія трезвыя минуты, несчастный былъ разуменъ, привѣтливаго со всѣми обращенія, застѣнчивый и скромный. Пить его пріучили въ юности худые товарищи по семинаріи. Приходившая въ отчаяніе его мать возила его нѣсколько разъ къ „батюшкѣ Амвросію“,—и вотъ ее-то, эту заботливѣйшую и неистощимую въ терпѣніи мать, онъ и стукалъ посохомъ по спинѣ; съ пьянчужкою же обращался непрерывно ласково „и удостоивалъ слова“. Думали сына уже въ солдаты сдать, что можно было и по кроткому его характеру, и потому, что пьянство было очевидная неисправи-

мая болѣзнь. Но это запретилъ старецъ, а матери онъ указалъ неизмѣнно беречь его, о немъ же самомъ „предсказалъ дивную судьбу, что онъ священникомъ станетъ возносить молитву передъ Престоломъ Божіимъ". Таковое предсказаніе даже расхолодило желаніе обращаться дальше къ нему за совѣтами: пившій молодой человѣкъ не былъ даже посвященъ хотя бы въ псаломщики, а проходилъ учительскую службу, главное же—былъ въ такомъ безобразномъ видѣ! Но попрежнему ходила за нимъ мать; а тамъ—женила; а тамъ жена свезла пьянаго мужа къ какому-то мужику-начетчику, вѣрно лѣчившему гипнозомъ, и онъ дѣйствительно „какъ рукой снялъ съ него пьянство". Дальше открылось послѣ смерти отца дьяконское мѣсто, онъ посвятился: и, когда я слушалъ разсказъ, онъ былъ уже дѣйствительно священникомъ, и разсказывавшая мать жила у него въ дому и распоряжалась всѣмъ обильнымъ хозяйствомъ и няньчила двухъ его сыновей и дочь!! Такими путями, каждаго своимъ, старецъ Амвросій возводилъ мелкихъ и ослабѣвавшихъ людей все въ гору, все къ лучшему,—и, очевидно, самъ цвѣлъ и жилъ этимъ возраставшимъ благополучіемъ.

Онъ, собственно, вошелъ твердою волею въ хрупкую волю обыкновенныхъ людей. Я сказалъ выше, что такіе совѣты могли бы и другіе давать, но не было авторитета. Въ томъ смыслъ и значеніе старчества и состоитъ, что, воскресивъ въ себѣ какъ бы „волхва древняго", который „съ волею небесною друженъ", старецъ входитъ въ жизнь людей добрымъ волшебствомъ, съ магическою заклинательною силою: заклинательною противъ дурного и какъ бы открывающею рогъ изобилія для хорошаго. „За старцемъ не пропадешь",—это становилось всеобщею увѣренностью. Хрупкія воли, перемѣнчивыя

желанія, разъ они попадали въ руководство старца, выглаживались, выравнивались, получали одно стойкое направленіе. Надежда ободряла несчастныхъ. И изъ пропасти, рва или небольшой ямки они выцарапывались на свѣтъ Божій.

II.

Козельская Введенская пустынь, гдѣ подвизался этотъ старецъ, не только вошла, такимъ образомъ, богатымъ и нужнымъ факторомъ въ народную жизнь, но съ нею завязались, единственно изъ всѣхъ нашихъ монастырей, живыя и прочныя литературныя связи. Расположенная на берегу маленькой сплавной рѣки Жиздры (впадаетъ въ Оку), Пустынь отдѣляется ею отъ города Козельска, лежащаго всего въ 3-хъ верстахъ отъ нея. Это тотъ самый городокъ, который за упорное и кровавое сопротивленіе Батыю получилъ отъ него прозвище „Злого города“. Вверхъ и внизъ отъ Пустыни по песчаному, неудобному для хлѣбопашества грунту, тянутся на много десятковъ верстъ сосновые лѣса.

Двое Кирѣевскихъ, Иванъ Васильевичъ и Петръ Васильевичъ, имѣя помѣщичьи свои владѣнія невдалекѣ отсюда, подолгу живали въ этомъ монастырѣ. Затѣмъ они организовали при немъ переводъ важнѣйшихъ греческихъ аскетическихъ писателей. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы только монастырь давалъ литературѣ. Скорѣй онъ былъ первоначальною доброй почвой, но съ хорошо отстоявшейся тамъ аскетической атмосферой, съ прекраснымъ настоящимъ духомъ монастыря, къ которому эти два замѣчательные дѣятеля нашей литературы и просвѣщенія уже отъ себя привили литературные вкусы. Проживая подолгу здѣсь, они не только сами трудились

надъ переводами, но организовали это дѣло, привлекли къ нему нѣкоторыхъ образованныхъ монаховъ. Такимъ образомъ начатое ими дѣло не остановилось и съ ихъ смертью. Ученый, литературный трудъ привился въ монастырѣ; и онъ выработалъ тѣ вкусы, понятія и языкъ, съ которыми уже возможно было взаимодѣйствовать образованнымъ людямъ. Здѣсь они находили привычную почву образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ знакомились съ бытомъ и характеромъ той монастырской жизни, которая въ теченіе восьми вѣковъ свѣтила народу русскому какъ единственная форма духовной дѣятельности, какъ идеалъ, какъ свѣточъ. Монастырь для московской и кіевской Руси былъ и университетомъ и парламентомъ; здѣсь единственно обсуждались далекія мірскія дѣла; обсуждалось отечество; его состояніе; высказывалось сужденіе о каждомъ текущемъ царствованіи; жили надежды на грядущее, хранились воспоминанія о прошломъ. Здѣсь, наконецъ, учились, — большею частью словомъ, устно, но мало-мальски и письменно. Всякому краю и времени своя судьба, свой путь: и мы вторично настаиваемъ, что чѣмъ для Англіи и Франціи среднихъ вѣковъ были ихъ universitas и les états („штаты", „собраніе сословій", начало парламента), тѣмъ для лѣсной и степной Руси временъ Мстиславовъ, Іоанновъ и Василіевъ были эти пустыньки и пустыни. Нужно замѣтить, монастырскимъ колоритомъ была подернута вся Русь. „Пустыньки" не имѣли оффиціальнаго положенія: онѣ не учреждались оффиціально; о ихъ существованіи не требовали отчетовъ въ Москву, въ Кіевъ, какъ позднѣе стали требовать этихъ отчетовъ въ Петербургъ. Онѣ зарождались сами собою, безъ всякой формы, безъ регламента; около рѣдкой церкви въ глухомъ городкѣ не ютились стари-

ки, старицы, бездомные, сироты, бобыли, уже ранѣе монастыря жившіе монашескою жизнью. При случаѣ эти одиночки отходили въ сторону, иногда въ составѣ 2—3—5 человѣкъ, и основывали пустынь, никого не спрашиваясь. Въ лѣсу они находили свободу, независимость, безпрепятственность для молитвы; кой-какая работа давала кой-какой кормъ. А затѣмъ ихъ жизнь, спокойное созерцаніе и случайное мудрое слово влекли сюда людей. Образовались какъ бы уединенные островки умной духовной жизни, вмѣстѣ и глубоко народной, даже государственной; и—въ нашемъ смыслѣ—если угодно даже и уединенно-кабинетной (затворнической).

Только что вышедшее изъ печати довольно обширное „Историческое описаніе козельской Оптиной пустыни“, сдѣланное ею самою, знакомитъ со множествомъ любопытныхъ подробностей въ ея существованіи, частью обще-русскаго значенія. Напримѣръ, замѣчательно, что „старчество“, начавшее появляться въ первые годы XIX вѣка, сперва въ монастыряхъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ, встрѣтило самое раздраженное сопротивленіе, какъ со стороны мѣстной административной монастырской власти, такъ и со стороны епархіальнаго начальства. „Пастырь остался безъ паствы“, замѣчаетъ составитель „Описанія“ объ одномъ игуменѣ, даже приближенные котораго ничего не дѣлали безъ благословенія старца; „съ прибытіемъ старцевъ нарушился обычный порядокъ и миръ обители“ (жалоба игумена Валаамскаго монастыря Иннокентія митрополиту петербургскому Амвросію); но „святое буйство ихъ оказалось выше мудрости человѣческой“ (стр. 69), резюмируетъ положеніе дѣлъ авторъ-монастырь. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что антагонизмъ между старчествомъ и официальною епархіальною властью не прекратился до конца. Такъ,

старецъ Амвросій, о которомъ мы говорили, пользуясь вниманіемъ такихъ іерарховъ, какъ митрополитъ кіевскій Іоанникій, и получая просьбу о совѣтѣ нѣкоторыхъ епархіальныхъ владыкъ, въ самый даже годъ смерти имѣлъ безпокойства отъ своего епархіальнаго начальства. Его заботами и трудами, и на средства, жертвуемыя по его указанію, воздвиглась въ 12-ти верстахъ отъ Оптиной пустыни Шамординская женская обитель, что то, кажется, на 300 сестеръ, какъ я слышалъ объ этомъ въ свое время. Здѣсь шли энергичныя постройки. Любившій это дѣло, какъ свое твореніе, свое дѣтище, о. Амвросій въ одинъ изъ теплыхъ осеннихъ дней 1891 г. поѣхалъ сюда; но неожиданно наступили холода, и старецъ, едва уже двигавшійся и притомъ никогда не выносившій комнатной температуры ниже 18 градусовъ тепла, никакъ не могъ вернуться въ Оптину пустынь. И вотъ

„отъ 7 октября канцелярія епархіальнаго Владыки извѣстила от. настоятеля, что Его Преосвященство предполагаетъ на сихъ дняхъ выѣхать въ епархію и намѣревается въ Оптиной пустынѣ имѣть ночлегъ. А калужскій губернаторъ 8 числа октября извѣстилъ козельскаго исправника телеграммою, что епископъ Виталій прибудетъ въ Оптину пустынь въ пятницу 11 октября. Исключительная цѣль поѣздки преосвященнаго въ Оптину пустынь была водвореніе больного о. Амвросія въ Оптину пустынь. Но цѣль оказалась невыполнимою. Старецъ о. Амвросій почилъ о Господѣ 10 октября. И преосвященному Виталію пришлось исполнить передъ о. Амвросіемъ послѣдній долгъ — устроить погребеніе“.

Шамординская община телеграммою испросила у Первоприсутствующаго въ Сунодѣ разрѣшеніе сдѣлать погребеніе старца на мѣстѣ его смерти, т. е. въ Шамординѣ, но Высокопреосвященный отклонилъ отъ себя это разрѣшеніе, предоставивъ его мѣстному епархіальному.

Епископъ Виталій, ссылаясь на 47-е правило VI вселенскаго Собора: „Ни жена въ мужскомъ монастырѣ, ни мужъ въ женскомъ да не спитъ“ („т. е. не погребается“, добавляетъ почему то отъ себя составитель „Описанія“), воспретилъ его похороны въ Шамординѣ, и останки старца при огромномъ стеченіи народа были перенесены (за 12 верстъ) въ Оптину пустынь. Не можемъ не спросить съ недоумѣніемъ: почему же въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ и въ таковомъ же петербургскомъ похоронено множество мужчинъ? Авторъ приводитъ толкованіе Вальсамона на приведенное правило VI Собора. Вальсамонъ говоритъ, что правило это дано для „пресѣченія неблаговиднаго и воспрепятствованія прелести, которая черезъ самое зрѣніе вкрадывается въ души и полагаетъ начало паденію. Поэтому пусть всѣ повинуются этому закону, и пусть ни мужчины не полагаются въ могилахъ женскихъ монастырей, ни женщины пусть не зарываются въ мужскихъ монастыряхъ“ (стр. 145). Но это правило, подобно многимъ другимъ, очевидно, вышло изъ употребленія: никто теперь не опасается, чтобы „не вкралась прелесть въ души“ умершихъ и не повлекла ихъ къ прелюбодѣянію.

III.

К. Зедергольмъ, А. К. Толстой, К. Н. Леонтьевъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Л. Н. Толстой—вотъ писатели, которые или посѣтили Оптину пустынь или живали при ней послѣ Кирѣевскихъ, Шевыревыхъ и Гоголя, этой, такъ сказать, старѣйшей линіи посѣтителей и почитателей Пустыни. Въ библіотекѣ ея сохраняются два письма Гоголя: одно—малозначительная записочка къ игумену Моисею:

„Такъ какъ всякій даръ и лепта вдовы пріемлется, то примите и отъ меня небольшое приношеніе по мѣрѣ малыхъ средствъ моихъ: двадцать пять рублей на строительство Обители вашей, о которой пріятное воспоминаніе храню всегда въ сердцѣ своемъ".

Другое письмо отъ 26 іюля 1850 года очень значительно:

„Ради Самого Христа—молитесь обо мнѣ, отецъ Филаретъ! Просите вашего достойнаго Настоятеля, просите всю братію, просите всѣхъ, кто у васъ усерднѣе молится и любитъ молиться—просите молитвъ обо мнѣ. Путь мой труденъ, дѣло мое такого рода, что безъ ежеминутной, безъ ежечасной и безъ явной помощи Божіей не можетъ двинуться мое перо; и силы мои не только ничтожны, но ихъ нѣтъ безъ освѣженія свыше. Говорю вамъ объ этомъ не ложно. Ради Христа обо мнѣ молитесь. Покажите эту записочку мою отцу игумену и умоляйте его вознести свои молитвы обо мнѣ грѣшномъ, чтобы удостоилъ Богъ меня недостойнаго повѣдать славу Имени Его, несмотря на то, что я всѣхъ грѣшнѣйшій и недостойнѣйшій. Онъ силенъ, Милосердый, сдѣлать все; и меня, чернаго какъ уголь, убѣлить и возвести до той чистоты, до которой долженъ достигнуть писатель, дерзающій говорить о святомъ и прекрасномъ. Ради Самого Христа, молитесь: мнѣ нужно ежеминутно, говорю вамъ, быть мыслями выше житейскаго дрязгу, и на всякомъ мѣстѣ своего странствія быть какъ бы въ Оптиной пустынѣ. Богъ да воздастъ вамъ всѣмъ за ваше доброе дѣло. Вашъ всею душею Николай Гоголь".

Письмо слишкомъ явно своею тревогою говоритъ объ утратѣ великимъ человѣкомъ всякаго душевнаго равновѣсія. Что это былъ за червь, точившій Гоголя,—никому неизвѣстно. Можно только сказать, что и впечатлѣніе Оптиной пустыни, и знаменитыя увѣщанія от. Матвѣя, ржевскаго протоіерея, пали на душу Гоголя, какъ брызги совершенно невинной воды на раскаленную заслонку топящейся печи. Дѣло въ томъ, что ранѣе всякихъ богословскихъ знакомствъ у совершенно моло-

денькаго Гоголя, въ пору „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, появляются эти самыя покаянныя, тревожныя ноты:

— „Отецъ, молись! молись!—вскричалъ вбѣжавшій: молись о погибшей душѣ моей!“

„Святой схимникъ перекрестился, досталъ книгу, развернулъ: но въ ужасѣ отступилъ назадъ и выронилъ книгу.— „Нѣтъ, неслыханный грѣшникъ! Нѣтъ тебѣ помилованія! Бѣги отсюда, не могу молиться о тебѣ“.

Это совершенно тонъ приведеннаго письма Гоголя отъ 1850 года. Между тѣмъ это взято изъ „Страшной мести“, юнаго его произведенія. Очевидно, у Гоголя было что-то вродѣ врожденной маніи преслѣдованія. Мы указываемъ на симптомы явленія, какъ бы парализующаго душу, неустранимаго, безпричиннаго, мучительнаго,—*ни мало не приписывая писателю этой болѣзни.* Мы указываемъ *на аналогію* и этимъ ограничиваемся.

Гр. А. К. Толстой, В. С. Соловьевъ, Ѳ. М. Достоевскій и гр. Л. Н. Толстой только пріѣзжали въ Оптину пустынь. А. К. Толстой, останавливаясь въ Козельскѣ, часто приходилъ въ монастырь пѣшкомъ. Для любителя природы и охотника три версты разстоянія, конечно, не представляли собою серіознаго разстоянія. Кто знаетъ, можетъ быть отсюда онъ взялъ нѣкоторыя картины для своего „Іоанна Дамаскина“:

Благословляю васъ, лѣса,
Благословляю горы, долы...

Какъ могъ взять отсюда-же и прелестные тоны для изображенія монашеской жизни, монашеской „уставности“ въ этомъ его прелестномъ стихотвореніи. Эстетикъ Леонтьевъ такъ передавалъ свое впечатлѣніе отъ скита старца Амвросія:

„Все необыкновенно и оригинально здѣсь; лѣсъ, уединеніе, скитъ, розовый цвѣтъ св. воротъ (ведущихъ въ Пустынь), напѣвы, вдохновенный свыше Старецъ, совершенно безстрастный,—даже къ музыкальнымъ звукамъ пѣвцовъ. И все существующее здѣсь составляетъ необходимую принадлежность, чтобы среди всего этого проявлялся и возросъ о. Амвросій“ (стр. 124).

Самого Леонтьева въ скиту обыкновенно звали просто „консуломъ“. По пріѣздѣ изъ Салонникъ, еще не покидая этой должности, онъ пріѣзжалъ въ Оптину пустынь, чтобы пожить близъ о. Амвросія и пользоваться его бесѣдами. Причиною его удаленія съ консульской службы было то, что онъ, не испросивъ отпуска и не передавъ никому должности, уѣхалъ на Аѳонскую гору и чуть-ли не прожилъ здѣсь полгода. Конечно, это было нарушеніемъ всякихъ „уставовъ о службѣ“, и онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Къ концу жизни онъ и совсѣмъ переселился въ Оптину пустынь.

Составитель „Историческаго описанія“ приводитъ разсказъ о троекратномъ посѣщеніи Оптиной пустыни гр. Л. Н. Толстымъ. Нужно замѣтить, что въ основанномъ о. Амвросіемъ женскомъ монастырѣ, въ Шамординѣ, живетъ сестра знаменитаго писателя, Марія Николаевна Толстая, постригшаяся въ монашество. Первый разъ Толстой былъ съ Н. Н. Страховымъ 22 іюля 1877 года, второй разъ былъ incognito съ конторщикомъ своимъ и съ учителемъ въ 1881 году, а третій разъ въ 1890 году съ супругою, тремя дѣтьми и названною выше сестрою. Въ 1881 году онъ пришелъ сюда пѣшкомъ (отъ Ясной Поляны до Оптиной пустыни 200 верстъ). Былъ вечеръ, звонили въ монастырскій колоколъ къ ужину, когда путники добрались до обители. Они были всѣ въ крестьянскихъ одеждахъ и въ лаптяхъ, такъ что ихъ не

пустили въ чистыя комнаты къ трапезѣ, а помѣстили въ третьей комнатѣ, съ нищими. На утро Л. Н. зашелъ, между прочимъ, въ монастырскую книжную лавку. Слышитъ онъ, какъ какая-то баба проситъ Евангеліе за пятачекъ, а монахъ отказываетъ: „Потому“,—говоритъ,—„что дешевыя Евангелія всѣ вышли, остались только дорогія“. Узналъ Л. Н., что баба хочетъ купить Евангеліе для сына своего, взялъ съ прилавка Евангеліе, заплатилъ за него 1½ цѣлковыхъ и отдалъ бабѣ. „Вотъ возьми,—говоритъ,—сама читай и сына своего учи, потому Евангеліе утѣшаетъ нашу жизнь“ (стр. 127). Узнанный, Л. Н. долженъ былъ посѣтить и игумена и о. Амвросія. Выйдя отъ послѣдняго, онъ радостно сказалъ: „Этотъ о. Амвросій совсѣмъ святой человѣкъ. Поговорилъ съ нимъ и какъ-то легко и отрадно стало у меня на душѣ. Вотъ когда съ такимъ человѣкомъ говоришь, то чувствуешь близость Бога“.

Въ 1890 г., пріѣхавши сюда съ семействомъ, Л. Н. отпустилъ дѣтей и Софью Андреевну къ старцу о. Амвросію, а самъ пошелъ въ скитъ къ своему родственнику, бывшему здѣсь добровольнымъ послушникомъ. Онъ его разспрашивалъ о скитскихъ правилахъ, одобряя постъ и воспрещеніе входа въ скитъ женщинъ; коснулся также вопроса о цѣли жизни,—„для чего мы живемъ“? Послушникъ, слышавшій изъясненіе объ этомъ за церковной службой, сказалъ, что „по волѣ Создателя мы должны восполнить число падшихъ ангеловъ на небѣ“. -„А кто это тебѣ сказалъ“? переспросилъ Л. Н.—„Да я слышалъ въ церкви“, отвѣчалъ послушникъ.

Возвратясь въ гостиницу, Л. Н. встрѣтилъ свою семью, возвращавшуюся отъ о. Амвросія въ очень довольномъ расположеніи духа, и рѣшилъ побывать и самъ у о. Амвросія. Послѣ свиданія съ о. Амвросіемъ,

Л. Н. зашелъ къ К. Н. Леонтьеву, какъ къ старому знакомому. „Какъ это ты, образованный человѣкъ, сдѣлался вѣрующимъ и рѣшился тутъ жить?“ сдѣлалъ Л. Н. вопросъ Леонтьеву. Тотъ отвѣчалъ: „Поживи здѣсь, такъ самъ повѣруешь“...—„Еще бы, запрутъ тебя здѣсь“, возразилъ Л. Н.,—„такъ поневолѣ повѣруешь!!“ —„Я твою философію, братъ, не читаю, а только бел-летристику“,—выразился Л—въ;—пиши, братъ, пиши; въ старости и отъ 80-лѣтнихъ авторовъ выходили знаменитыя творенія“. Во время чая разговоръ коснулся старца о. Амвросія: „Вотъ человѣкъ хорошій! Я былъ у него и завтра думаю опять побывать. Онъ преподаетъ Евангеліе, только не совсѣмъ чистое, а вотъ—мое Евангеліе“,—при этомъ взялъ изъ своего кармана книжку и подалъ Леонтьеву. Въ это время у Леонтьева была брошюра Елеонскаго, въ которой доказана тожественность и неповрежденность Евангелія и отвергались противныя мнѣнія Толстого. Леонтьевъ подалъ ее Л. Н—чу, но онъ сказалъ: „Брошюра дѣльная, она рекламируетъ и мое Евангеліе“. Тутъ Леонтьевъ не сдержалъ себя, вспыхнулъ и сказалъ: „Какъ это возможно, чтобы здѣсь въ Пустыни быть, гдѣ такой старецъ какъ о. Амвросій, и говорить о *своемъ* Евангеліи? Это можно развѣ въ какой-нибудь глуши, въ Томскѣ что-ли?“ Замѣчаніе это задѣло гордость Л. Н. Онъ рѣзко отвѣтилъ: „Что жъ, у тебя много знакомыхъ, пиши въ Петербургъ: можетъ-быть, сошлютъ меня въ Томскъ“. Затѣмъ ушелъ въ гостиницу и уѣхалъ въ Ясную Поляну, не побывавъ у старца. На другой день Леонтьевъ попросилъ Е. узнать отъ о. Амвросія подробности о его бесѣдѣ съ Толстымъ, но о. Амвросій одно только велѣлъ передать Л—ву, что Толстой былъ у него около часа. „При входѣ Толстого въ мою келью, я благословилъ его и онъ поцѣловалъ мою руку.

А когда сталъ прощаться, то, чтобы избѣжать благословленія, поцѣловалъ меня въ щеку". Разсказывая это, старецъ едва дышалъ,—такъ сильно утомила его бесѣда съ графомъ. „Гордъ очень", добавилъ о. Амвросій (стр. 128 „Историческаго описанія").

Какъ намъ приходилось слышать, и не изъ однихъ устъ, сестра Л. Н., Марія Николаевна, сдѣлавшаяся монахинею и нынѣ благополучно здравствующая, пользуется глубокимъ уваженіемъ знаменитаго своего брата. Невозможно не замѣтить, что женщины вообще имѣютъ въ себѣ религіозное чувство большей степени напряженія, чѣмъ мы, и притомъ всегда пластичнѣе и конкретнѣе выраженное. Онѣ любятъ молитву, тогда какъ мы любимъ философствовать. Мы можемъ философствовать и въ кабинетѣ, а онѣ ищутъ храма. Это особенно замѣчательно въ виду того, что всею организаціей своею женщина какъ бы нѣмѣе насъ (меньше у нихъ воображенія и словеснаго творчества), болѣе насъ придавлена, приплющена къ землѣ. Вѣрно, земля имѣетъ свою тайну къ Богу: и кто къ ней ближе—больше и о Богѣ думаетъ. Еще замѣчательнѣе, что, несмотря на это религіозное чувство у женщинъ,—онѣ, бѣдныя, все-таки какъ бы отодвинуты въ сторону въ нашихъ церковныхъ представленіяхъ. Въ сельскихъ храмахъ я видалъ зрѣлище, раздражавшее меня: всю переднюю часть его занимали мужики, среди нихъ ни одной бабы; бабы всѣ столпились у задней стѣны, западной, и не все слышатъ въ службѣ, а видятъ едва-ли что-нибудь. И, между тѣмъ, самыя-то горячія молитвы—отсюда. Грубость семейнаго нашего быта едва-ли не вытекаетъ изъ того нагляднаго для мужика факта, что онъ послѣ всякаго тяжкаго грѣха, и даже выпивши, можетъ войти въ алтарь: но сюда не можетъ войти 12—8-лѣтняя дѣвочка. „Курица—не птица

баба—не человѣкъ", думаетъ мужикъ. И соотвѣтственно треплетъ свою „половину".

Въ свое время было передано въ печати, будто о Вл. Соловьевѣ старецъ Амвросій выразился, что „онъ не вѣритъ въ будущую жизнь". Составитель настоящаго „Историческаго описанія" отрицаетъ возможность этого опредѣленія. „Намъ лично",—говоритъ онъ,—„о. Амвросій сказалъ, когда шла полемика К. Н. Леонтьева съ Соловьевымъ о теоріяхъ и трудахъ Н. Я. Данилевскаго: „спроси-ка Соловьева, какъ онъ думаетъ о вѣчныхъ мученіяхъ". „Уже самое заданіе этого вопроса"—справедливо разъясняетъ авторъ,—„указываетъ, что у о. Амвросія не было никакого сомнѣнія о вѣрѣ Соловьева въ загробную жизнь: иначе не для чего было бы напоминать о подробности этой жизни". Позднѣйшіе труды Соловьева: „Оправданіе добра" и „Три разговора подъ пальмами", разсѣиваютъ всякія сомнѣнія относительно религіи и философіи Вл. Соловьева.

IV.

Изъ прочныхъ пріобрѣтеній Оптиной пустыни, кромѣ К. Н. Леонтьева, надо назвать еще К. Зедергольма. Надо замѣтить, что слава о. Амвросія переступила даже границы Россіи. Такъ къ нему обратилась однажды за совѣтомъ одна француженка (католичка) изъ Женевы (о. Амвросій зналъ пять языковъ). Его посѣщали въ Оптиной и католики и протестанты. Такъ въ 60-хъ годахъ сюда пріѣзжалъ реформатскій суперъинтендентъ гор. Москвы, Карлъ Зедергольмъ. У него былъ сынъ Константинъ, учившійся въ Московскомъ университетѣ. Сынъ этотъ былъ особенно пораженъ всѣмъ, видѣннымъ въ Оптиной; онъ подолгу бесѣдо-

валъ съ о. Амвросіемъ, и закончилъ тѣмъ, что перешелъ въ православіе, а затѣмъ и принялъ монашество подъ именемъ Климента. Онъ помогалъ о. Амвросію въ веденіи его обширной частной переписки по практическимъ и нравственнымъ вопросамъ и принялъ дѣятельное участіе въ переводѣ древнихъ восточно-греческихъ аскетовъ на русскій языкъ. Впослѣдствіи К. Н. Леонтьевъ написалъ его біографію и характеристику: „О. Климентъ Зедергольмъ, іеромонахъ Оптиной пустыни". Самъ Леонтьевъ былъ, такъ сказать, безпощадный эстетъ. Монашество взяло его только подъ свою мантію, но не „забрало за-душу", какъ выражаются. „Скажутъ, что нельзя соединять монашество съ чтеніемъ вольтеріанцевъ. Отчего-же? Ничто такъ не волнуетъ, какъ поразительные контрасты: и я нигдѣ съ такимъ удовольствіемъ не перечитываю острыя шутки Вольтера надъ христіанствомъ, какъ именно въ тѣ мѣсяцы, когда приводится мнѣ жить въ святыхъ обителяхъ". Такимъ образомъ, монашество, такъ сказать, не отбило вкуса у него отъ житейскаго, отъ земного, даже отъ французскаго. Онъ въ этомъ отношеніи былъ вовсе не похожъ на фанатичнаго и узкаго Зедергольма.

Въ „Историческомъ описаніи", несмотря на официальное происхожденіе книги, проскальзываютъ мѣстами намеки какъ будто на что-то недоговоренное въ біографіи о. Амвросія, напр.: „его совѣты были краткіе, практичные, мудрые, утѣшающіе, съ присущимъ ему юморомъ. Изъ любви къ ближнимъ *оставилъ онъ схимническій затворъ, схимническія правила*" (стр. 131); „совѣты его *рѣдко касались предметовъ догматики,* относясь преимущественно къ вопросамъ нравственности" (тамъ-же); „передъ отъѣздомъ (предсмертнымъ) своимъ изъ скита въ Шамордино, о. Амвросій приказалъ унич-

тожить бо̀льшую часть своей обширной переписки, а по его кончинѣ уничтожены и всѣ оставшіяся въ его кельѣ письма и бумаги" (стр. 140). Здѣсь ясно есть что-то не договоренное: для чего обыкновенному „уставному" монаху уничтожать бумажныя свидѣтельства своей дѣятельности, прославляемой во всей Россіи? Еще послѣдняя странность: „вскорѣ по рукоположеніи въ іеромонахи о. Амвросій впалъ въ неизлѣчимую болѣзнь (въ другомъ мѣстѣ сказано, что онъ „сильно въ осень простудился и впалъ въ неизлѣчимую болѣзнь"), *въ богослуженіяхъ не участвовалъ* и, наконецъ, по указу Св. Сунода, зачисленъ былъ въ 1848 г. въ число заштатныхъ іеромонаховъ" (стр. 106). Итакъ, отъ 1848 по 1890 г. онъ несъ въ сущности огромные труды, ѣздилъ за 12 верстъ въ Шамордино, все оставаясь „неизлѣчимо-больнымъ, въ богослуженіяхъ не участвуя" и (см. выше) „отложивъ въ сторону ради любви къ человѣчеству исполненіе схимническихъ правилъ!" Картина—поразительная, вызывающая бездну вопросовъ, которые, можетъ быть, такъ же „несвоевременно опубликовывать", какъ и „нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни" (послѣднія слова—біографовъ).

Закончимъ нашу характеристику передачей общаго и зрительнаго впечатлѣнія отъ знаменитаго Старца.

„Объ о. Амвросіѣ я ничего прежде не знала и только наканунѣ встрѣчи съ нимъ слышала, что въ скиту есть іеромонахъ о. Амвросій, который часто болѣлъ и рѣдко выходилъ изъ скита и который очень умный. Больше ничего не знала: и самыя понятія о монастырской жизни, полученныя мною въ міру, были крайне не ясны. Итакъ, мое впечатлѣніе ничѣмъ не было подготовлено. Я увидѣла его подлѣ скита въ старой-старенькой накидкѣ, съ палочкой въ рукахъ. Онъ шелъ легко и имѣлъ видъ совсѣмъ не такой, какъ другіе монахи: онъ шелъ, казалось мнѣ, не касаясь земли. Я была

сзади его; но онъ вдругъ обратился въ нашу сторону и благословилъ меня. Впечатлѣніе моего сердца было такое, что это, должно быть, духъ Ангела во плоти. Я ничего ему не сказала".

„Все, что до сихъ поръ было напечатано объ о. Амвросіѣ меня совсѣмъ не удовлетворяетъ; впрочемъ, полагаю, что меня никогда ничто не удовлетворитъ, хотя бы потому, что теперь еще многаго нельзя о немъ писать... (многоточіе разказчицы). Что вы скажете или какъ выразите чувства того, кто лично пришелъ къ Старцу съ негодующимъ помысломъ на него самого, и въ мучительномъ раздумьѣ, какъ бы побѣдить нерѣшительность и высказать ему этотъ самый помыселъ свой? Что вы скажете, если Старецъ самъ избавилъ отъ этого непріятнаго чувства, отъ пересказа такого помысла: встрѣтивъ меня, онъ улыбнулся и положилъ свою руку себѣ на голову, изображая кающагося человѣка! Такія таинственныя душевныя движенія, эту жизнь души—никакъ невозможно положить на бумагу"! (стр. 119).

Все это очень характерно. О. Амвросій, очевидно, принадлежалъ къ тому порядку людей, которыхъ мы назвали бы „озаренными". Представьте на верху горы группы людей: раннимъ утромъ свѣтло уже и въ долинѣ, но сѣро-свѣтло, безъ блеска. Все можно видѣть, все ощупать руками можно, не ошибешься. Но фигуры стоящихъ на горѣ свѣтятся не такимъ свѣтомъ, а совершенно особеннымъ, съ блескомъ и игрою. Онѣ „озарены";—и вотъ если такое физическое озареніе отъ поднимающагося солнца переложить на психологическіе термины, то мы и получимъ опредѣленіе этихъ людей, „ноги которыхъ какъ-бы не касаются земли", которые при первомъ на нихъ взглядѣ даютъ впечатлѣніе „Ангела во плоти", и угадываютъ и знаютъ, во всякомъ случаѣ, больше обыкновеннаго. Есть горные люди, есть долинные люди. Констатировали же юристы и медики присутствіе въ человѣчествѣ почти не подлежащаго исправленію и лѣченію „преступнаго типа". Если есть

долина, значитъ—есть гора; гдѣ минусъ—тамъ возможенъ и плюсъ. Историкъ и психологъ можетъ договорить то, что не договорено юристомъ и медикомъ. Разъ врожденно и неисправимо существуетъ „преступный типъ“,—существуетъ столь же неодолимо, и при томъ постоянною составною единицею въ человѣчествѣ, „святой типъ“. Принадлежащіе къ нему праведность *не пріобрѣтаютъ*, а *имѣютъ*. И если врожденный “преступникъ“ имѣетъ печать своего „минуса“ на лицѣ, такъ что антропологи зарегистрировали ихъ въ серіяхъ фотографій, въ обширныхъ атласахъ, а при встрѣчѣ мы поражаемся неблагообразіемъ ихъ,—то совершенно слѣдуетъ допустить особенное и мгновенное впечатлѣніе, даваемое лицомъ „врожденнаго святого“ на зрителя, на встрѣчнаго. Въ разсказахъ о нихъ нѣтъ никакого преувеличенія. Какая неизмѣримая разница между молоденькимъ учителемъ Липецкаго духовнаго училища Гренковымъ, который, никому не сказавшись, не взявъ даже отпуска, отправляется тайно въ Оптину пустынь и здѣсь постригается въ монашество съ новымъ именемъ „Амвросій“, испрашивая сейчасъ же у епархіальнаго владыки прощенія въ своевольствѣ и благословенія на новый путь,—и между его сверстниками-современниками во всей Россіи, описанными Помяловскимъ въ „Очеркахъ бурсы“. Вѣдь это—то же время, одна эпоха! Но какая разница въ дѣятельности, въ образѣ! „Святой типъ“ есть непремѣнно лѣчащій, цѣлебный въ человѣчествѣ типъ. Благодѣяніе отъ него льется духовное, да, наконецъ, и физическое. Всѣ поднимаются духомъ, только взирая на него, какъ это явно записано объ о. Амвросіѣ. Самые проницательные люди посѣщали его: Толстой, Достоевскій, Леонтьевъ, Вл. Соловьевъ, и никто не сказалъ ничего отрицательнаго. Золото

прошло черезъ огонь скептицизма и не потускнѣло. „Святой“ типъ,—я сказалъ—есть *цѣлебный* типъ. Это какъ бы разлитый въ человѣчествѣ „Лурдъ“, откуда исходятъ здоровье, веселье, облегченіе жизненныхъ тяготъ: веселье кроткое, веселье нравственное; ибо есть другое—безнравственное и буйное, патологическое. И какъ, намъ думается, „преступный типъ“ не только несетъ угрозы человѣчеству, но и самъ въ себѣ являетъ паденіе къ смерти („вырожденіе“), такъ „святой типъ“ содержитъ какой-то намекъ на „возрожденіе“. Не есть ли это отблескъ, свѣтлая тѣнь (простите за выраженіе), откинутая назадъ, на землю, грядущею „вѣчною жизнью“, „безсмертіемъ души“, загробнымъ существованіемъ? „Святой человѣкъ“ есть совершенно обыкновенный, но съ плюсомъ у него этого „загробнаго сіянія“, „вѣчной жизни“. Отъ этого онъ производитъ впечатлѣніе Ангела (въ противоположность преступнику). Да вѣдь и откуда у человѣчества взялась сама идея объ „ангелѣ“, живописная, эстетическая, религіозная? Не поразительно-ли, что никогда „ангела“ не рисуютъ старцемъ, а всегда юношею; не рисуютъ даже въ нашихъ церквахъ, гдѣ всѣ святые—старцы, и все угодное Богу—старообразно. Но ангелъ, т. е. нѣкоторый плюсъ передъ всякою святостью, изображается юнымъ, безбородымъ, и вмѣстѣ не дѣтскимъ (не наивнымъ). Юное—жизненно: а жизнь, можно сказать, боговдохновенна. „И вдунулъ въ лицо его (Адама) дыханіе *жизней*, душу *безсмертную*“. Такъ что біологическій принципъ есть вмѣстѣ божественный. Отсюда избытокъ, чрезмѣрность, какъ-бы Лурдъ жизни и производитъ впечатлѣніе „богоподобности“.

„Меня поразила его святость, которую я чувствовалъ не разбирая, въ чемъ она,—и та непостижимая бездна любви,

которая, какъ слѣдствіе его святыни, была въ немъ",—пишетъ объ о. Амвросіи извѣстный писатель, скрытый подъ псевдонимомъ „Поселянинъ".—„И я, смотря на него, сталъ понимать, что значеніе старцевъ—благословлять и одобрять жизнь и посылаемыя Богомъ радости, учить людей жить счастливо и помогать имъ нести выпадающія на ихъ долю тягости, въ чемъ бы онѣ ни состояли".

Отъ ранняго утра и до поздняго вечера толпы народа ежедневно шли къ о. Амвросію, „шли монашествующіе, пріѣзжіе и мірскіе люди, дворяне, купцы и простой народъ обоего пола". Кто искалъ разрѣшенія своихъ религіозныхъ сомнѣній, кто исцѣленія отъ грѣховъ и тѣлесныхъ болѣзней, кто утѣшенія въ скорби, кто совѣта въ житейскихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, кто просто пособія; и, съ тѣмъ вмѣстѣ, всѣ просили молитвъ и благословенія св. Старца на христіанскую жизнь. Съ отеческою любовью и ласкою встрѣчалъ всѣхъ и провожалъ Старецъ. „Въ серіозныхъ случаяхъ принималъ уединенно посѣтителей въ своей кельѣ, а высокопоставленныхъ лицъ—въ отдѣльномъ зальцѣ". Всѣ, входившіе къ Старцу, выходили отъ него довольными, утѣшенными, не исключая и тѣхъ изъ духовныхъ дѣтей его, которыхъ приходилось вразумлять не только строгимъ внушеніемъ, но и костылемъ или палочкой, или легкой плеткой. Почти ежедневно о. Амвросій выходилъ изъ своей келіи по вечерамъ въ теплыя сѣни и зальце на такъ называемое „общее благословеніе". Всѣ—и сидѣвшіе на стульяхъ, лавкахъ, на полу, и стоявшіе—становились обыкновенно на колѣни при вѣсти: „Старецъ идетъ". По выходѣ изъ кельи, Старецъ молился на икону Божіей Матери и проходилъ въ тѣсной толпѣ, благословляя народъ (въ полутьмѣ) направо и налѣво; вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчалъ на просьбы простыми крат-

кими, но вдохновенно мудрыми отвѣтами, въ которыхъ, кромѣ текстовъ Св. Писанія, удачно пользовался вразумительными пословицами и притчами. Изъ сѣней Старецъ переходилъ другими сѣнями въ такъ называемую хибарку (изъ которой выходъ за ограду скита), гдѣ ожидали его благословенія женщины; тамъ, въ хибаркѣ, о. Амвросій точно такъ же благословлялъ и отвѣчалъ на вопросы.

„Когда Старецъ садился въ зальцѣ или хибаркѣ на диванчикъ, тогда всѣ посѣтители становились на колѣни и съ глубокимъ вниманіемъ слушали его бесѣды и наставленія. Всегда радостный, онъ умудрялся на предлагаемые вопросы отвѣчать безобидно, съ присущимъ ему юморомъ. Многія посѣтительницы на женской половинѣ такъ любили слушать отвѣты и наставленія о. Амвросія, что съ особымъ любопытствомъ ходили на пріемы и записывали его изрѣченія и отвѣты. Въ теплые лѣтніе дни Старецъ выходилъ за ограду скита, на свѣжій лѣсной воздухъ; появленіе его было радостію для всѣхъ, томившихся ожиданіемъ пріема. Опираясь на костыль, онъ шелъ, въ сопровожденіи келейника, по дорожкѣ, въ бѣломъ подрясникѣ, мѣховой рясѣ и въ теплой на ватѣ камилавкѣ, преподавая точно такъ же и благословеніе всѣмъ по ряду, по временамъ останавливаясь и отвѣчая на вопросы, которые обращали его вниманіе. Въ этомъ разговорѣ съ народомъ старецъ почти всегда утомлялся до изнеможенія и отправлялся въ келью не столько на отдыхъ, сколько для другого труда—отвѣтовъ на письменные вопросы. Народъ по обычаю толпился вокругъ него, шумѣлъ, нѣкоторые хватались даже за края его одежды, чтобы, остановивъ его на секунду, сказать ему „словечко“. Нерѣдко, выбираясь изъ толпы народа, оставлялъ онъ въ рукахъ народа и верхнюю рясу, которую потомъ келейники его приносили въ келью“.

Такъ описываетъ дѣло историкъ и вмѣстѣ очевидецъ. Уберемъ съ фона русской жизни эту картину—и фонъ обѣднѣетъ, потускнѣетъ. На этомъ пространствѣ

эти же люди сложатся совершенно въ другія сцены,—злобы, пьянства, драки, преступленія—слишкомъ обычныя наши сельскія картины. Мы не убрали маленькихъ подробностей изъ разсказа; зальца получше „для высокопоставленныхъ посѣтителей“. Это черта русская, историческая, бытовая; ничему она не мѣшаетъ, и не будемъ смотрѣть на нее завистливымъ взглядомъ демократіи. Что ничему не мѣшаетъ, пусть все останется. Иногда заходятъ рѣчи о монастыряхъ и ихъ преобразованіи въ болѣе утилитарномъ направленіи. Можетъ-быть это настанетъ. Но не станемъ торопить событій. Пусть *сами* монастыри пробудятся къ новымъ задачамъ, даже къ новому духу; но не повеземъ туда механично, холодно больныхъ съ ордеромъ на бумагѣ: „приказано принять столько-то“. И въ томъ видѣ, наивно-кроткомъ, нѣсколько бездѣятельномъ, нѣсколько созерцательномъ, какъ они существовали восемь вѣковъ, монастыри принесли неисчислимую тайную пользу. „Тихая обитель“ есть такое же прекрасное и народное явленіе, какъ народныя былины, какъ русскіе „духовные стихи“, какъ наши пословицы и сказки. Въ ней выразилось *бытовое* творчество безсознательныхъ историческихъ силъ,—которому почти помѣшалъ „уставъ“, „штатъ монаховъ“ и т. п. новѣйшія распоряженія. Аскетизмъ прекрасенъ,—если онъ не официаленъ, не „по-должности“, а есть личное біографическое явленіе, цѣломудренно-скромное и непритязательное.

1903 г.

Благой старецъ.

„Господинъ Розановъ!

„Ваша статья въ „Новомъ Времени“ 19 сего Декабря понудила меня написать вамъ одинъ знаменательный фактъ въ моей жизни,

надъ которымъ я, неоднократно, задумывался и искалъ объясненій—и вы, мимоходомъ, дали мнѣ это объясненіе теперь.

„Было это лѣтъ 28—30 тому назадъ, когда покойная моя мать повезла меня на первой недѣлѣ великаго поста въ Обитель Преподобнаго Сергія—Троицкую лавру. Мать моя была женщина набожная, воззрѣній своего вѣка, очень добрая, отзывчивая.—Отъ Сергія Преподобнаго мы проѣхали въ Вифанію, обитель Московскаго митрополита Платона. Тамъ прожилъ, какъ сейчасъ его вижу—сѣденькій, худенькій старичокъ, отецъ-казначей Серафимъ—покойный. Отецъ Серафимъ два раза въ годъ пріѣзжалъ къ намъ въ Москву, на Рождествѣ и Пасхѣ. И мнѣ больше другихъ всѣхъ священниковъ и монаховъ, бывавшихъ въ нашемъ домѣ, нравился этотъ симпатичный старецъ—очень нѣжный, добрый, отнюдь не походившій на другихъ монаховъ, какихъ мнѣ приводилось знать. А его протяжный монашескій напѣвъ праздничныхъ тропарей—приводилъ меня въ молитвенное настроеніе.

„Отецъ мой, какъ помнится, говаривалъ мнѣ, что „Отецъ Серафимъ, окончивъ Московскій университетъ въ очень молодые годы, поселился въ Вифаніи и былъ по скромности своей исключительной личностью“!

„И вотъ къ благословенію отца Серафима повезла меня моя мать. Была *пятница первой недѣли Великаго Поста*. Послѣ панихиды на могилѣ владыки Платона, отецъ Серафимъ предложилъ чай въ своей кельѣ. И когда послушникъ подалъ все нужное и сервировалъ чай, отецъ Серафимъ сказалъ ему: „поди на скотный дворъ и принеси ему“—указывая на меня—„молочка“. Мать моя пришла въ ужасъ. А смиренный Старецъ просилъ ея разрѣшенія для меня: „Я въ моихъ молитвахъ за него буду просить прощенія у *Всевышняго*, а вы разрѣшите—какъ мать“. И я съ торжествомъ и съ особеннымъ удовольствіемъ принялся за чай съ молокомъ и съ вкусною монастырской просфоркою.

„Этотъ эпизодъ послужилъ въ моей жизни къ тому, что не разъ въ нашей семьѣ возникали споры *о грѣхѣ пѣсть въ постъ скоромное*. Я авторитетно напоминалъ, что отецъ Серафимъ *въ Чистую Пятницу* разрѣшилъ мнѣ молоко, самъ предложилъ мнѣ его въ своей иноческой кельи. Значитъ онъ зналъ, что мнѣ нужнѣе молоко, чѣмъ постная пища.

„Что, зачѣмъ и почему—я оставляю этотъ вопросъ безъ объясненія. Вглядываясь въ перспективы за 30 почти лѣтъ назадъ, могу

сказать лишь одно, что много было разумныхъ, честныхъ, свѣтлыхъ людей. Миръ Твоему Праху, Отецъ Серафимъ![1])

1903 г.

---

[1]) Прислано мнѣ было по поводу статьи моей о желательности официальнаго отъ Церкви дозволенія и благословенія употреблять въ пищу младенцамъ до 2-хъ, 3-хъ лѣтъ молоко. Статья была написана, когда въ самомъ концѣ 1903 года образовалось „Общество борьбы съ дѣтскою смертностью“.—Основная причина великой по деревнямъ смертности дѣтей, указывалъ я тамъ, есть лишеніе ихъ молочной пищи. Дозволеніе Старцемъ молока 7—8 лѣтнему *здоровому* мальчику въ *Великую Пятницу* устраняетъ, мнѣ кажется, всякое затрудненіе. И „разрѣшеніе“, мнѣ думается, потому слѣдуетъ поторопиться дать, что, очевидно, очень скоро начнется повсемѣстное употребленіе молока и „*безъ* разрѣшенія“. Благоразумнѣе предупредить.—*В. Р—въ.*

МЕЖДУ СВѢТОМЪ и ТЬМОЮ.

Народныя чтенія въ Петербургѣ.

Никогда я такъ не уставалъ, какъ въ минувшій праздникъ Благовѣщенія. Говорятъ—„птица гнѣзда не вьетъ“ въ этотъ день, т. е. отдыхъ царитъ во всей природѣ; и я, зная съ дѣтства это благородное повѣрье, предавался всегда этотъ день исключительной лѣни. Такъ я разсчиталъ и нынче. Но вышло наоборотъ.

— Не хотите ли посмотрѣть и послушать чтенія для народа?

— Какія? Гдѣ?

— Для этого надо быть готовымъ къ шести—семи часамъ дня. Въ седьмомъ часу мы будемъ въ залѣ Артилерійскаго училища, потомъ—въ манежѣ Мраморнаго дворца, потомъ въ залѣ Нобеля на Выборгской сторонѣ. Въ послѣднемъ мѣстѣ народный концертъ, въ первыхъ двухъ—чтенія священника Петрова.

Дѣлать нечего. Пусть птица не вьетъ гнѣзда, а публицисту надо смотрѣть, думать и разсказывать. И въ самый сладкій часъ обычнаго сна, т.-е. въ самомъ плохомъ настроеніи духа, я былъ въ залѣ Артилерійскаго училища. Великолѣпный залъ шелъ амфитеатромъ; по всему вѣроятію—это физическая аудиторія. Начиная съ пола, отъ ногъ оратора, и до самаго потолка были ряды головъ. Во множествѣ были воспитанники Артилерійскаго училища. Много было простонародья. Были и образованные.

Кто знаетъ многочисленныя книжки и брошюры священника Петрова, для того чтеніе его не представляло новизны. Я думаю, читая три раза въ недѣлю въ народныхъ аудиторіяхъ, и не наберешь на каждый разъ новизны. Да добрый пастырь очевидно и любитъ не себя, а простой народъ. Образованный, просвѣщенный, и притомъ европейскимъ просвѣщеніемъ, а не одною академическою схоластикою, онъ имѣлъ мужество убрать изъ своихъ темъ, изъ своихъ оборотовъ рѣчи все „интеллигентное", все сколько-нибудь затруднительное для пониманія простецовъ, и бредетъ могучей рѣчью, громовымъ голосомъ въ нравственномъ „буки-азъ-ба", въ самомъ начальномъ „молочкѣ", которое одно и усвоимо для младенца. Я дремалъ. Что мнѣ было слушать? И часъ былъ сна, моего дорогого. Священникъ объяснялъ чудную молитву Ефрема Сирина: „Господи, Владыко живота моего". Но дремля и устремивъ стеклянные глаза на тысячную толпу, я, не имѣя себѣ пищи въ чтеніи, думалъ о читающемъ. Его „Евангеліе какъ основа жизни" вышло на дняхъ восьмымъ изданіемъ. Одинъ мой родственникъ, пріѣзжавшій изъ провинціи, сказалъ мнѣ: „Я усталъ возить на родину тюки его книгъ: такъ велико и непрерывно требованіе" (въ провинціи есть маленькій книжный складъ при благотворительномъ учрежденіи). Можно безъ преувеличенія сказать, что вовсе не Толстой и Максимъ Горькій одни царятъ на книжномъ рынкѣ, но и священникъ Петровъ,— любимѣйшій въ Петербургѣ проповѣдникъ, любимый и чернымъ народомъ, и собирающій огромную образованную, даже частью ученую и литературную, толпу на свои четверговыя собесѣдованія при церкви Артилерійскаго училища.

Что же соединило ученаго и мужика около священ-

ника Петрова? Его евангелизмъ и полное изгнаніе изъ чтеній схоластики, заученныхъ и едва ли не притворныхъ оборотовъ рѣчи, заученныхъ и надоѣвшихъ темъ, какія обычно и повсемѣстно встрѣчаются въ подобныхъ чтеніяхъ и стали непереносимы для вкуса, какъ чеснокъ у жида, рѣдька у русскаго и финики у араба; всего этого приторнаго, заношеннаго, тысячелѣтняго онъ избѣгъ въ своихъ бесѣдахъ, какъ избѣгъ и заносящейся въ облака „образованности". Основная въ ораторѣ черта, скорѣе инстинктъ—это какъ бы нравственная очарованность Ликомъ Христа, и зовъ, но не приторный, а бодрый, сильный, великорусскій къ подвигу „во слѣдъ" Христу; и подвигу опять же не словесному, а почти мужицкому, уличному, мускулистому, вещественному. Въ тонкости „душевной музыки" христіанства, такъ разработанной аскетами, онъ не входитъ. Изреченія Исаака Сирина: „какъ могу любить брата, когда люблю Бога? во имя Бога—ухожу отъ тебя, братъ мой", или: „если не ожесточитъ кто собственнаго сердца своего и не будетъ съ усиліемъ удерживать милосердія своего такъ, чтобы стать далекимъ отъ попеченія о всемъ дальнемъ, тотъ не можетъ быть свободнымъ отъ смущенія и заботы и пребывать въ безмолвіи", и т. д.,—этотъ тонкій и обольстительный и болѣзненный наркозъ аскетизма просто не входитъ въ разсмотрѣніе, въ соображенія свящ. Петрова. Для него быть христіаниномъ—значитъ въ маломъ и слабомъ видѣ, въ миніатюрѣ силъ человѣческихъ повторять Христа. Но что Христосъ творилъ? Больныхъ исцѣлялъ, слабымъ помогалъ, съ грѣшниками былъ, все благое творилъ, отъ всего злого удерживалъ. И вотъ, быть христіаниномъ—для свящ. Петрова и значитъ, какъ бы идя по-среди улицы народной, направо и налѣво кидать мѣшечки съ добромъ,

или, еще точнѣе, въ собственной своей душѣ растить, безъ всякихъ хитростей, пожеланія добраго благорасположенія и, срывая съ него вѣчныя зерна, бросать ихъ въ жаждущую и алчущую толпу. Кто-нибудь скажетъ, что тутъ мало философіи? А не есть-ли тутъ самая большая философія, окончательная философія, -та философія христіанства, дальше которой опасно идти? И свящ. Петровъ не идетъ дальше просто какъ здоровый человѣкъ, который хочетъ прожить долго какъ Авраамъ и не желаетъ рисковать ни физическимъ, ни душевнымъ своимъ здоровьемъ.

Но я окончательно спалъ. Меня толкнули въ бокъ, и я поѣхалъ въ манежъ Мраморнаго дворца. Тутъ было народу тысячъ пять, не менѣе, уже совершенно простолюдиновъ. На 20 мужчинъ приходилась одна женщина. И я не видѣлъ стариковъ: слушатели—между 18 и 30 годами. „Всѣ были бы пьяны, если бы не здѣсь стояли", подумалъ я. Это были мастеровые, фабричные. Плечи—сильныя, лица— многія истощенныя, худыя, частью недобрыя.

— Мнѣ „По стопамъ"! Мнѣ „По стопамъ"!

Десятки рукъ протягивались къ служителю съ позументомъ, продававшему новую книжку свящ. Петрова— „По стопамъ Христа", которая продавалась здѣсь безъ коммиссіонныхъ, безъ магазинной накидки на цѣну, т. е. за 25 коп. вмѣсто 40 коп. Руки тянулись непрерывно. Это такая жажда чтенія, жертва гривенниками! Продавалась тутъ же книжка объ „Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ" г. Хитрова, „Къ свѣту" и друг. книжки Петрова, и Библія. Эта спрашивалась рѣдко,—по трехрублевой ея цѣнѣ. Вышелъ, наконецъ, регентъ со скрипкой. Далъ тонъ. И почти тысячная толпа чрезвычайно, къ удивленію, стройно пропѣла „Отче нашъ", „Царю небесный",

Символъ вѣры, начальныя молитвы литургіи. Часа 1½ народъ стоялъ стѣной, ожидая проповѣдника. Я пріѣхалъ слишкомъ рано и отыскалъ себѣ уголокъ, гдѣ покурить.

Курилъ и генералъ, оказалось—изъ Варшавы. Онъ былъ взволнованъ, удивленъ:

— Знаменіе времени! Какое знаменіе времени!!—повторилъ онъ, указывая на народъ.

— А что?

— Что дѣлается! Я пятнадцать лѣтъ живу въ Варшавѣ, а раньше жилъ въ Петербургѣ. Сюда пріѣхалъ на нѣсколько дней. Только-что былъ въ Артилерійскомъ училищѣ и вотъ поѣхалъ сюда посмотрѣть и послушать. Что дѣлается?!

— Да что же именно дѣлается?

— Еще немного лѣтъ назадъ Русь въ свободный часъ сидѣла по трактирамъ, горланила пьяныя пѣсни. Священника нигдѣ не было видно, кромѣ какъ въ церкви за службой. А теперь?! Вѣдь народъ бѣжитъ сюда, вѣдь онъ вотъ второй часъ стоитъ. Не присядетъ. Не волнуется, не ропщетъ. И это чтобы услышать нѣсколько поучительныхъ словъ, вовсе не поразительныхъ,—словъ обыкновенныхъ. Какая, значитъ, жажда быть наученнымъ у народа! И на эту-то жажду, на эту знойную пустыню ожиданія бывало росы не капнетъ. Священники сидѣли по своимъ квартиркамъ. Но, слава Богу, взялось наше духовенство за разумъ. Пора, давно пора было. Много оно всякихъ минутъ проспало: пашковщина, разныя секты—все родилось во время его сна! А теперь,—что тутъ найдетъ себѣ Пашковъ?! Еще немного лѣтъ, и священникъ станетъ другомъ народа: а до сихъ поръ народъ очень печально смотрѣлъ на священниковъ.

— Ну, а въ Варшавѣ какъ?

— У нашихъ? Полная апатія. Да и вездѣ еще апатія, кромѣ этого удивляющаго меня Петербурга. „Отслужилъ—и съ колокольни долой“, какъ сложилась поговорка.

— А у поляковъ?

— У поляковъ ксендзъ есть все. Онъ владѣетъ женщиной, женой, любовницей, а она владѣетъ мужемъ, любовникомъ. Я говорю это потому, что во всей Польшѣ чрезвычайно развиты внѣ-брачныя связи. Ксендзы этого не осуждаютъ, лишь бы полячка не принадлежала москалю.

— А можетъ-быть принадлежала-бы ксендзу? спросилъ я, зная секреты католической исповѣди.

— Можетъ-быть.

— Ну, еще бы! Нѣсколько тысячъ, такъ-сказать, монашествующихъ гусаровъ, безъ правъ женитьбы. Передъ такой гвардіей у женщинъ всякаго племени голова закружится! Черезъ этихъ черныхъ Адонисовъ папа и держитъ въ рукахъ нити міра. „Цѣли“ измѣнились съ христіанствомъ, а колесо средствъ, система рычаговъ какъ и „до Р. Х.“, такъ и „послѣ Р. Х.“ осталась та же. Озирисъ и озиріанство не побѣдимы, неистребимы.

Свящ. Петровъ вошелъ. Онъ началъ говорить страшно повысивъ голосъ и видно, что голосъ этотъ достигалъ крайнихъ угловъ огромнаго, въ два свѣта, зала, болѣе похожаго на небольшую площадь, одѣтую и крытую камнемъ, чѣмъ собственно на комнату. Говорилъ онъ страшно рѣзко произнося слова. Тутъ я болѣе слушалъ: время моего обычнаго сна проходило. Рѣчь его была полна примѣрами изъ жизни тѣ народной, тѣ своей, тѣ своихъ знакомыхъ,—полна жизни текущей, жизни

сегодняшней. Онъ, такъ-сказать провѣрялъ „стопами Христа“ наши ошибочные кривые шаги въ жизни. Мужикамъ онъ говорилъ, какую цѣльную и прекрасную душу приносятъ они въ городъ, приходя изъ деревни въ нагольномъ тулупѣ; здѣсь въ городѣ тулупъ на нихъ таетъ, и душа уродуется, дѣлается пошлою, нищею, безъ Бога и совѣсти: ибо приходящіе не знаютъ, чего искать въ городѣ, и бросаются на падаль цивилизаціи, а не на жемчугъ цивилизаціи. Хорошъ очень былъ эпизодъ рѣчи его о грамофонѣ. Очевидно, онъ человѣкъ съ воображеніемъ. Мысль его постоянно работаетъ. И на чтеніяхъ онъ частью передаетъ мысли, мелькнувшія у него на дняхъ. Не надо объяснять, до чего это оживляетъ, одушевляетъ чтеніе. Грамофонъ поразилъ его случайно, въ магазинѣ поразилъ несоотвѣтствіемъ мудрѣйшаго чудеснаго изобрѣтенія съ тою пошлостью и плоскостью, какая закрѣпляется въ немъ. Въ магазинѣ тысячный грамофонъ пѣлъ „голосомъ Аделины Патти“ (пишу для примѣра) какую-то шансонетку. Быстро ораторъ перекинулся къ Помпеѣ, засыпанной Везувіемъ, но которая являетъ свѣжія краски двухтысячелѣтней старины. И вотъ,—мелькнуло у оратора,—мы были бы такъ же засыпаны и такъ же открыты черезъ двѣ тысячи лѣтъ:

„Тронули бы штифтикъ у чудеснаго инструмента, и онъ запѣлъ бы нашимъ голосомъ передъ будущими обитателями земли! Какое чудо!! Какой геній!! Живые звуки, подлинные, индивидуальные сохранились въ машинкѣ, по мудрости своей являющей почти начало человѣка! Слушатели приникли бы ухомъ, взяли бы словарь, грамматику, чтобы разобрать волшебное слово, которое предки полу-боги закрѣпили въ изумительный приборъ. И что же они услышали бы?! Мало приличную чепуху грошоваго содержанія!“ –Примѣръ былъ ярокъ

и волновалъ мысль. Въ примѣрѣ была истина, больная, унизительная,—до корней которой добраться не легко.

Въ манежѣ Мраморнаго дворца от. Гр. Петровъ читаетъ каждое воскресенье въ восемь часовъ вечера. Повторяю,—говорить здѣсь страшно трудно, по уличной почти величинѣ помѣщенія. Невозможно сомнѣваться, что грудь и голосъ священника не могутъ проработать здѣсь долго,—и треснутъ просто по несоотвѣтствію зала и человѣка. Онъ могъ бы говорить тише. Но тогда не будетъ никакого смысла, и онъ не хочетъ и, конечно, не будетъ говорить тише.

А свящ. Петровъ дорогъ для Петербурга и его надо бы сохранить. Тутъ нуженъ другой залъ, гораздо меньше, втрое; или Петрову не слѣдуетъ читать здѣсь чаще раза въ мѣсяцъ. Иначе черезъ три года отъ него, отъ его голоса ничего не останется. Попробуйте войти на дворъ, и часа полтора безъ перерыва кричать такъ, чтобы наполнить голосомъ дворъ и часть сада. Это утомленіе страшное, это сверхъ-человѣческое напряженіе силъ.

Но Г. С. Петровъ сознаетъ, что онъ нуженъ народу, что онъ любимъ народомъ: и это одушевляетъ его, и онъ все идетъ и идетъ впередъ, точно гребетъ могучими руками въ волнахъ народной темноты. Отсюда онъ поѣхалъ на Выборгскую сторону, въ залъ г. Нобеля (керосинозаводчика), выстроенный на Ньюштадской улицѣ, среди фабричнаго населенія, и служащій для народа чѣмъ-то въ родѣ клуба, гдѣ простолюдинамъ читаютъ, поютъ, разсказываютъ. Маленькій хоръ, изъ фабричныхъ же состоящій, давалъ концертъ въ свою пользу: билеты были по гривеннику, включая и „благотворительный сборъ“ изъ 2-копѣечныхъ марокъ на каждый билетъ, и далъ что-то около 100 рублей. Это

—въ помощь той бѣднотѣ, которая составляетъ хоръ, мужской и женскій. Они очень мило пѣли, почти исключительно молитвы, а въ антрактахъ мальчики и дѣвочки живописно садились на крытую сукномъ огромную эстраду, и выступали чтецы. Студентъ медикъ, г. С—цовъ, продекламировалъ чрезвычайно выразительно „Князь Репнинъ“ (съ акомпаниментомъ рояля) гр. А. Толстого, пропѣлъ: „Во Францію два гренадера изъ русскаго плѣна брели“, и еще что-то. Голосъ у него, какъ у маленькаго Мазини, конечно,— для народа. Народъ ему восторженно хлопалъ. Выступилъ студентъ здѣшней духовной академіи (фамиліи я не помню) и то же декламировалъ громовымъ голосомъ, кажется что-то изъ г. Вейнберга и изъ Надсона. Все было чувствительно, сладко, ходко,—и толпа упивалась, кричала „еще“ и „еще“, а ораторы и пѣвуны только и ждали этого „еще“ и „еще“, и не знаю, кому было пріятнѣе, пѣвунамъ или слушателямъ. А всего пріятнѣе, пожалуй, было смотрѣть на это содружество между учениками высшихъ учебныхъ заведеній и рабочимъ людомъ подъ руководствомъ священниковъ. Я забылъ упомянуть, что хоръ этотъ—изъ небольшой мѣстной церкви.

О студентѣ С. мнѣ тутъ же разсказали трогательную подробность. Въ клиникахъ умирала женщина, и въ бреду передъ смертью все говорила: „Мой Коля! Мой Коля! Куда пойдетъ мой Коля?!“. Это былъ сирота-малютка, остававшійся у нея дома. Студентъ послѣ смерти ея отыскалъ ея квартиру, и какъ слышалъ ея предсмертныя восклицанія, то взялъ къ себѣ малютку на воспитаніе. И вотъ уже пятый годъ живетъ съ нимъ поитъ, кормитъ, одѣваетъ, учитъ въ своей одинокой студенческой квартирѣ. Во время концерта я видѣлъ этого крошечнаго еще мальчика, тоже на эстрадѣ. Ко-

гда говорилъ свящ. Петровъ прекрасную по глубокомыслію рѣчь о Гоголѣ (покаянный моментъ въ русской душѣ, въ русской литературѣ, въ существѣ каждой религіи), мальчикъ этотъ наивно всталъ почти въ плотную около него и, разинувъ ротъ, все смотрѣлъ въ ротъ оратору, конечно, ничего не понимая изъ рѣчи и вѣрно дивясь, какъ такія непонятныя слова такъ долго выходятъ изъ человѣка. Вѣрно онъ наслаждался имъ какъ грамофономъ. Мальчикъ былъ прехорошенькій. Однако запѣли „Боже, Царя храни", было 11 часовъ ночи и, схвативъ шапку, голодный, безъ чаю, безъ сна—я поспѣшилъ домой. Во всякомъ, случаѣ,—большое спасибо, народное и историческое, здѣшнимъ петербургскимъ священникамъ.

1902 г.

Въ іюльскіе дни.

Жарко. Душно. Пыль. Камень. Дымъ фабрикъ, запахъ начинающей портиться провизіи. Вотъ впечатлѣніе столицы сейчасъ. Даже извозчики безсильно повалились головами на бокъ, и спятъ сидя, поставивъ пролетку въ тѣнь. Ломовики ѣдутъ сонно и натыкаются на легковыхъ извозчиковъ. И вспомнилъ я поэта:

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій мимо саду
Бредетъ по жаркой мостовой.
Кто смотритъ вскользь, черезъ ограду,
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Какъ-бы хотѣлось сказать сильное, яркое слово, такъ сказать, „пророчески" загремѣть, чтобы... разжалобить и, наконецъ, принудить хозяевъ магазиновъ и лавокъ

дать же наконецъ воскресный отдыхъ сидѣльцамъ въ нихъ, приказчикамъ, подъ-приказчикамъ и, наконецъ, „мальчикамъ“. Право, я хотѣлъ бы быть Магометомъ и написать „сутру“ въ пользу приказчиковъ. Что за жестокость! И покупателей нѣтъ. Торговля теперь слабая, безсильная. Въ шесть дней недѣли рѣшительно каждый можетъ всѣмъ запастись: и къ поздней обѣднѣ, въ воскресенье, къ десяти часамъ утра столица можетъ умереть, замереть торгово. „Ступайте, миленькіе, гуляйте: вотъ вамъ домъ царя-батюшки на Петербургской сторонѣ, вотъ Зоологическій садъ—десять копѣекъ входъ—и звѣри и деревья. А еще лучше поѣзжайте за пять копѣекъ на острова, въ Лѣсной, въ Озерки, куда-нибудь, съ дѣтишками и маленькой закуской, на весь день“. Право, хорошо бы это сказать. Нѣтъ — хорошо бы это повелѣть, ибо гг. купцовъ „розсказнями не научишь“.

Отъ кого это зависитъ? Не знаетъ-ли кто? Городъ, что-ли? или какое либо министерство? Да въ чьемъ вѣдѣніи „воскресенье“ находится? Хоть бы они пожалѣли народъ и поучили властительно, что седьмой день данъ человѣку и человѣчеству на отдыхъ, на радость, на совершенное исключеніе труда — даже до запрещенія собирать дрова для топки. Невозможно восемь дней трудиться. Богъ этого не указалъ. Богъ это запретилъ. Объ этомъ должно быть сказано твердое слово.

Мы начали съ того, что разрѣшили трудъ *благотворительный* въ седьмой день. „*Добро* можно сдѣлать и въ седьмой день“. Но что изъ этого вышло!! Пришелъ купецъ и сказалъ: „Я тоже добрый человѣкъ; есть, мало-ли, кто нуждается въ товарѣ, кто въ хлѣбѣ, кто въ огурчикѣ: вотъ у меня и возьметъ. Я никого не обременяю, я самъ посижу въ своей лавочкѣ“. Онъ „самъ“ посидѣлъ. А сынъ его разбогатѣлъ, нашелъ дачу

а о лавочкѣ сказалъ приказчику: „Ваня, посиди, ты молодъ. Хоть и седьмой день". Ваня—молодъ. Но смѣнилось еще поколѣніе, и уже молодой богатый хозяинъ ѣдетъ на рысакахъ въ субботу съ вечера на дачу, а робкому старику-приказчику наказываетъ: „Ты, Иванъ Семенычъ, посиди воскресенье".

И сидитъ старикъ.

И сидитъ мальчикъ.

И сидятъ — потому что бѣдны и зависимы.

Началось съ того, что овцу вытащили въ седьмой день изъ ямы, а кончилось тѣмъ, что стали въ седьмой день людей сталкивать въ яму.

Вотъ отчего и разсказано въ Св. Писаніи: „И привели къ Законодателю одного человѣка, собиравшаго сучья древесные для топки, въ седьмой день, и спросили: „что̀ дѣлать съ симъ человѣкомъ, отпустить или наказать?" И сказалъ Законоучитель: „выведите этого человѣка за границу стана и побейте его камнями, потому что онъ нарушилъ седьмой день" *(Исходъ)*.

Никогда я этого не могъ понять. Всегда мнѣ это представлялось чудовищно и жестоко.

Только смотря теперь на Петербургъ, я догадался, до чего это было человѣколюбиво и народно. Мысль того жестокаго дня раскрылась въ вѣкахъ.

Одинъ — погибъ. А милліоны спаслись. И погибъ, что не послушался съ абсолютностью непонятной ему (обнаружилась въ вѣкахъ) правды заповѣди Божіей. Гдѣ Божье слово, тамъ ужъ дрожжи, не „анализируй", а дѣлай.

Вотъ о чемъ я думаю теперь, ходя по городскимъ улицамъ Петербурга. Войдешь въ лавочку, спросишь семикопѣечную марку, а онъ подаетъ городскую. Спятъ, больны отъ утомленія.

1902 г.

Кто задерживаетъ обновленіе Церкви?

Со времени напечатанія моихъ „Римскихъ впечатлѣній", и въ письмахъ и устно мнѣ многіе выражали сожалѣніе и досаду, что я „заразился" католичествомъ; это подозрѣніе отчасти повторяетъ теперь и г. Кирѣевъ, говоря, что я, какъ и Вл. Соловьевъ, „указываю на Западъ и Римъ для уврачеванія нашихъ мѣстныхъ недостатковъ". Всѣ эти подозрѣнія болѣе, чѣмъ неосновательны. Италія, которую я хотѣлъ бы еще разъ посмотрѣть, такъ-сказать, „отворила двери" моего религіознаго созерцанія, но только отворила, а не повлекла куда-нибудь. Стало просторнѣе на душѣ. Не выѣзжавъ никогда изъ Россіи, я со словомъ „русскій" и „руссизмъ" сливалъ понятія: „христіанинъ", „вѣрующій", „христіанство", „вѣра". Переваливъ черезъ Альпы, я прямо изумился увидѣнному. „А, такъ вотъ *какъ* еще можно вѣрить, думать, молиться, созерцать—*оставаясь христіаниномъ;* а когда *такъ* можно, то еще можно и *по-третьему*", подумалъ я. Признаюсь, звѣздочки *внутри церквей* на потолкахъ (у насъ никогда нѣтъ), проведеніе *на полу церкви* линіи римскаго меридіана, и на полу же церкви, (около термъ Діоклетіана) солнечной эклиптики со всѣми фигурами Зодіака — „Стрѣлецъ", „Водолей" и проч., болѣе меня заняло и привлекло мое вниманіе, чѣмъ всякіе ихъ „Miserere", органы и мужскіе сопрано. Мнѣ кажется, эпоха догматическаго существованія вообще прошла и выступаетъ эпоха скорѣе художественныхъ воплощеній отношенія къ Богу, эпоха скорѣе пѣвческая, нежели умственно-конструктивная (догматъ). Больше всѣхъ догматовъ католическихъ мнѣ понравился напр. обрядъ изготовленія епископскихъ палліумовъ: монашки одного монастыря воспитываютъ совершенно бѣлаго

ягненка; въ годовалomъ возрастѣ его вносятъ въ Латеранскій соборъ, во время литургіи, которую служитъ папа. Ягненочка ставятъ на престолъ алтаря. Папа остригаетъ его бѣлую шерсть, и монашенки того же монастыря ткутъ изъ нея палліумы (ленты), которые папа посылаетъ епископамъ при возведеніи ихъ въ санъ. Это прелестно,—почти какъ животныя въ Соломоновомъ храмѣ. Затѣмъ я поклонялся преспокойно мощамъ апостоловъ Петра, Матвѣя, Павла, и ничего ни къ кому враждебнаго не чувствовалъ. Но родную русскую березку въ сердцѣ носилъ, т. е. не забывалъ, что я русскій и что каждый человѣкъ имѣетъ только одну родину. Вообще „раздѣленія церквей при Фотіи“ я не чувствовалъ, но и новаго синтеза не производилъ. Просто мнѣ до этого дѣла не было, и не хотѣлъ я быть „въ кулачкѣ“ у іерарховъ, ни нынѣшнихъ, ни минувшихъ. Я свободный христіанинъ и мнѣ вездѣ просторно. Думаю, что это вполнѣ отвѣчаетъ идеѣ „древней Церкви“.

Г. Кирѣеву и г. Папкову и проф. Бронзову, вообще всѣмъ „чающимъ движенія воды“ въ нашей Восточной русской Церкви, мнѣ хотѣлось бы сдѣлать одно практическое указаніе. Главный тормозъ истины, правды, праведнаго очищенія отъ старыхъ историческихъ нагаровъ, какъ я убѣдился и убѣждаюсь все болѣе, изъ слуховъ, изъ разговоровъ, лежитъ вовсе не въ консерватизмѣ іерархическихъ слоевъ Церкви, очень просвѣщенныхъ и вовсе не враждебныхъ критикѣ, а въ несносномъ ханжествѣ самого общества русскаго, именно нѣкоторыхъ „любителей церковныхъ дѣлъ“ въ немъ. Будучи незнакомы ни съ исторіей Церкви, ни съ церковнымъ правомъ, ни—основательно съ Св. Писаніемъ, но въ то же время любя „читать“ напр. „Требникъ“ или вообще церковныя книги, любя разговаривать съ приходскимъ своимъ

священникомъ, вообще—„бесѣдовать по душѣ“, они вырабатываютъ въ себѣ типъ старообрядческаго „начетчика“, безъ метода и науки, проникаются всѣмъ особеннымъ фанатизмомъ „любителя домашнихъ спектаклей“, и начинаютъ слѣдить вообще за церковными дѣлами, отмѣчая „ногтемъ“ всякія новшества и отступленія отъ ихъ „начитанности“. Это люди безъ вѣры, безъ правды, безъ огня; тутъ очень много отставныхъ чиновниковъ, старыхъ помѣщиковъ, генераловъ „съ мундиромъ и пенсіей“, а всего больше барынь; тутъ стѣной стоитъ купечество. Вотъ изъ этого стана невѣжества постоянно сыплются частныя письма съ предложеніемъ вамъ „исправиться“, „исправить мысли свои“, почитать, что они читали. Разговоръ съ ними не имѣлъ бы конца, ибо имъ нужно съ начала всему учиться. Для нихъ не только „Апостольскія постановленія“, апокрифичность которыхъ и относительная новизна такъ своевременно и кстати разъяснена проф. А. А. Бронзовымъ, но и рѣшительно всякая строчка какого-нибудь средневѣковаго іерарха, иногда изъ полемическаго сочиненія или изъ частнаго письма, представляется какою-то „XI заповѣдью“ въ ковчегѣ Православнаго спасенія. Какъ мнѣ передавали духовные лица, эти ханжи постоянно сплетничаютъ „по начальству“ на священниковъ или на писателей; а высшая іерархія, чувствующая всю свою отвѣтственность за соблюденіе принципа: „да житіе тихое и безмолвное поживемъ“ (прошеніе на эктеніи), рѣшительно пугается возможнаго отсюда скандала, шума, жалобъ, инсинуацій. Эти невѣжественные ханжи прямо опредѣляютъ политику Церкви и ведутъ къ тому затаиванію истины, памятникомъ которой служитъ надпись на раскольничьей рукописи митрополита Платона, приведенная мною въ статьѣ о папской непогрѣши-

мости. Чрезвычайно пріятно, что эти ханжи могли очень много новаго для себя узнать какъ изъ сентенціи митр. Платона, такъ и изъ послѣдней статьи А. А. Кирѣева и писемъ проф. Бронзова. Но вообще нужно пожелать, что бы повседневная печать, очень теперь распространенная, разрѣдила эти ряды „старообрядцевъ", „старопечатниковъ" господствующаго исповѣданія, показала бы и и убѣдила ихъ, что собственная притча Спасителя повелѣваетъ намъ растить „древо" изъ горчичнаго зерна Евангелія, что сущность христіанства и христіанина есть чистое сердце—передъ Богомъ, и правое дѣло—въ рукахъ: а „печатью старой и новой" Спаситель не занимался и ею заниматься намъ не завѣщалъ. Вообще проницаніе критическихъ лучей вотъ въ это полу-образованное общество настоятельно нужно. Тогда они перестанутъ держать за концы платій людей гораздо болѣе ихъ высокихъ по положенію и просвѣщенныхъ. И желаемыя перемѣны могутъ настать скорѣе, чѣмъ мы помирились думать.

1902 г.

О духовенствѣ въ отношеніи его къ свѣтскому обществу.

Мнѣ кажется, что примиреніе духовенства съ свѣтскимъ образованнымъ обществомъ (иначе „интеллигенціей") возможно при общеобразовательномъ началѣ, когда вѣсы знанія той и другой стороны будутъ уравновѣшены. Когда въ старое прошлое время, до Петровской эпохи, монастыри и духовныя училища были разсадниками образованія народной темной массы, то и духовенство стояло на высотѣ своего призванія. Но когда вскорѣ за тѣмъ свѣтское образованное общество отпало отъ „буквы" духовнаго образованія, сдѣлалось самостоятельнымъ и, конечно, опередило эту букву: то „живая жила" въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ, жившемъ подъ вліяніемъ Пушкина, Достоевскаго, Тургенева, Толстого и другихъ, и интересовавшемся въ тоже время и исторіей

Церкви,—эта „жила“ подъ вліяніемъ Запада хоть немного и отшатнулась отъ Истины, но для того, чтобы съ новымъ взглядомъ, съ новою силой энергіи познать Истину (ученіе древняго философа Спинозы, основанное на отрицаніи: „чтобы постичь Божество, надо отречься отъ Него—чтобы съ новой силой познать Его“). Свѣтское образованное общество стремится тоже познать Истину, и все въ жизни стремится къ ней же: но только это идетъ съ другой стороны. Оживить „мертвую букву“—вотъ задача нашего времени, и въ частности—открывшихся въ Петербургѣ Религіозно-философскихъ собраній. Со времени Петра духовенство наше стало падать и падаетъ до сего времени,—что замѣтилось и почувствовалось свѣтскимъ образованнымъ обществомъ. Гдѣ же причина паденія его? Это вопросъ, надъ которымъ слѣдуетъ задуматься. Паденіе его совершилось фатально и неодолимо. Въ настоящее время вмѣсто пастырей Церкви, ревнителей Православія мы видимъ чиновниковъ, облеченныхъ въ рясу, исполняющихъ свои обязанности небрежно и халатно. Конечно, есть исключенія, но ихъ такъ мало, что они почти теряются въ общей массѣ: много-ли у насъ проповѣдниковъ, краснорѣчивыхъ ораторовъ? одинъ, два, да и обчелся. Между тѣмъ мало мальски образованный религіозный свѣтскій человѣкъ можетъ (не можетъ потому только, что не постриженъ) отслужить литургію, знаетъ наизусть всенощное бдѣніе [1]). Почему такъ? Потому, что свѣтское образованное общество живо интересуется всѣмъ, что задѣваетъ его интересы, что составляетъ его духовную пищу. Оно жаждетъ познанія, живой Истины. За примѣрами ходить не далеко: возьмемъ недавно нашумѣвшій и оставшійся открытымъ вопросъ о бракѣ. Если бракъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть таинство,—то, какъ и каждое таинство, оно должно быть *чисто* [2]) и только

---

[1]) Вотъ отвѣтъ о. Никону въ его невѣжественно-самонадѣянномъ сужденіи объ образованномъ обществѣ, какъ „атеистическомъ“ См. статью „Два стана“ въ томѣ I-мъ, стр. 396—403.—*В. Р—въ*

[2]) Вотъ истина, на которой сходятся всѣ „безбожники“ свѣтскіе, и которой никакъ не могутъ понять и не хотятъ признать „праведные“ Никоны и прочіе „небесные человѣки“ (именованіе себя монахами): *таинства должны быть чисты*. Этотъ первый тезисъ духовные признаютъ, не предвидя вытекающихъ изъ него послѣдствій. Въ консисторскихъ бумагахъ постоянно ex officio повторяется „сквернымъ“ мірскимъ человѣкамъ: „*блюдите* святость брака“. Это не риторично? Тогда разъ *уже фактъ загрязненія со-*

чистотой [1]) освящается всякое таинство. Что же на самомъ дѣлѣ мы видимъ? Человѣкъ, мужчина не разъ „познавшій“ и не одну можетъ быть женщину, не разъ имѣвшій временныхъ „подругъ

вершился, fait accomplit, какъ говорятъ французы: то не вытекаетъ-ли отсюда, что и *таинство разрушилось, его больше нѣтъ?* — „Что вы“, испуганно отвѣчаютъ духовные: „это ведетъ къ разводу по первой волѣ самихъ супруговъ, разлюбившихъ или ненавидящихъ другъ друга и, implicite, хоть и невидимо, уже начавшихъ измѣнять одинъ другому, мысленно и затѣмъ осязаемо? Допустить же для отворачивающихся другъ отъ друга супруговъ разводъ—значитъ снять съ нихъ крестъ терпѣнія, упразднить Голгоѳу: развѣ же мы уже не христіане?! Не можемъ, не смѣемъ,—повинуяся Христу, указавшему *тѣсную дверь* въ Небесное Царство. Будучи разведены, пожалуй бы, они полюбили другого и другую, т. е. стали счастливы: но вѣдь это—язычество!!! Гдѣ же крестъ и терпѣніе? Властію, намъ данною черезъ Апостоловъ—запрещаемъ, не приказываемъ разводиться и разводить. Пусть, если ужъ не могутъ жить другъ съ другомъ—идутъ въ монастырь“.—„Прекрасно“,—отвѣчаетъ міръ на это: „несемъ Голгоѳу, но любопытствуемъ: какъ же *чистота таинствъ* и *чистота таинства брака?* Вѣдь уже фактъ, что онъ злобенъ, внутренно (или и внѣшне, но потаенно) прелюбодѣенъ, обманенъ, лживъ“?—„На это и *благодать, чтобы очищать зло*: безъ зла и вѣчнаго его преодолѣнія не нужны бы и дары благодати, таинства. Для этого-то и *вѣнчаніе*, и бракъ *какъ таинство*“.—„Но вѣнчаніе *было*, а *теперь*, черезъ шесть лѣтъ, въ наличности *распутство*: какъ же теперь-то? Таинство таковое сожитіе или не таинство? состоятъ тайно распутствующіе супруги въ *законномъ бракѣ*, въ бракѣ какъ таинствѣ, или—вышли изъ него“?—Увы: то, что такъ ясно для мірянъ—для духовенства никакъ не умѣетъ стать яснымъ; и потому собственно, что обращаются изъ алмазовъ въ простой уголь (углеродъ тамъ и здѣсь) всѣ ихъ прекрасныя слова, о бракѣ, что выпадаетъ тогда изъ рукъ авторитетъ, „неводъ“ Петра и „улóвы“ его. Вотъ источникъ гніенія міра въ развратъ (безлюбовная семья, семья—звѣриное логово), и того, что къ семьѣ, этому эдему человѣчества, болѣе и болѣе хладѣютъ люди. Монахи при этомъ потираютъ руки: „мы и всегда объясняли, да насъ не слушали,—что семья есть гадость, сожитіе—мерзость, плотское влеченіе половъ—беззаконіе и грѣхъ“.—*В. Р—въ.*

[1]) Когда бы такъ, все бы зависѣло отъ міра, мірянъ:—„Причемъ

жизни", вступаетъ предъ алтарь Всевышняго, цѣлуетъ крестъ и Евангеліе, заключаетъ и закрѣпляетъ законными узами бракъ, и.. и, конечно, оскверняетъ чистоту таинства, въ чистый сосудъ вливаетъ помои; и духовенство, закрывши уши, молчитъ! Далѣе, 60-ти лѣтній отживши́й, выжившій изъ ума старый „дурень" сочетается законнымъ бракомъ съ молодою дѣвицею; и опять таки наши духовные отцы спятъ [1])! Пойдемъ далѣе. Въ храмѣ Божіемъ велегласно произносится: „И Господу Богу нашему напаче поспѣшити" и т. д.—ектенія *на враговъ*; а Евангеліе учитъ „любите *враговъ* вашихъ, молитеся за ненавидящихъ васъ и творящихъ вамъ зло": какъ *соединить* эти двѣ *разно*-гласныя, *разно*-видныя формулы!? Я не берусь на это отвѣтить. Въ храмѣ Божіемъ произносится даже „анафема": и это меня невольно удивляетъ и должно удивлять всякаго. Гдѣ отвѣтъ на эти вопросы въ „мертвой буквѣ" нашего духовенства? Бывая въ нѣкоторыхъ священническихъ домахъ и зная нѣсколько обстановку и жизнь и взгляды ихъ, хочу подѣлиться съ вами тѣмъ впечатлѣніемъ, которое на меня эта обстановка ихъ производитъ. Конечно, я не имѣю права и считаю для себя излишнимъ и неудобнымъ раскрывать здѣсь семейную сторону жизни нашихъ пастырей Церкви; но укажу нѣкоторые взгляды ихъ. Во-

---

же мы останемся?" испуганно говорятъ духовные: „Бракъ, напротивъ, основывается *на нашемъ скрѣпленіи*, на записи его нами въ *священныя церковныя книги*, сей небесный нотаріатъ. А если на чистотѣ и любви бракъ основывать: то вѣдь онъ тогда и возникалъ бы, гдѣ любовь, а гдѣ ея нѣтъ болѣе—исчезалъ бы; т. е. любовь автономировалась бы, становилась свободною!! Нѣтъ, нѣтъ: потрясается Голгоѳа и крестный путь".—*В. Р—въ.*

[1]) И первый, и второй случай, конечно, требуютъ бо́льшаго и спокойнѣйшаго разсужденія, чѣмъ какое дается авторомъ. Но онъ восклицаетъ, удивляется, негодуетъ, кричитъ: когда въ духовномъ лагерѣ такъ тихо! „Въ безмолвіи пребываемъ"...—„Отчего въ безмолвіи"?—„Не наше дѣло, *ихъ* (супружащихся) совѣсть"...—„Однако, штундисты, молокане"?.. „А, это—*наше* дѣло: тутъ уменьшается наша паства; нашъ интересъ"... Такъ и запомнимъ, что въ *счастьи* и *чистотѣ* семейной „вашего интереса" нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ: не собрано ни статистики, не объяснены мотивы, не разсказана судьба таковыхъ „нечистыхъ" браковъ и браковъ старыхъ въ духовной литературѣ. А о „неядѣніи масла и молока въ постъ"—какая литература!!—*В. Р—въ.*

первыхъ, всѣ духовные люди — крайне тяжелаго, односторонняго взгляда на вещи. Спорить съ ними не составляетъ интереса.—„Батюшка, да вы читали-ли Толстого?“ приходилось мнѣ спрашивать. И въ отвѣтъ получаю:—„Да, перелистывалъ; стоитъ ли ломать голову“. Этотъ наивно-дѣтскій отвѣтъ, къ прискорбію—фактъ. Онъ характеренъ. Только одного изъ знакомыхъ мнѣ батюшекъ, и то въ окрестностяхъ Петербурга, почти сельскаго, я могу назвать „умницей“, всесторонне образованнымъ и полу-свѣтскимъ человѣкомъ. Съ нимъ я спорила много, и споръ былъ и мнѣ, и ему также пріятенъ. Но, можетъ быть, я заблуждаюсь, можетъ быть судьба меня познакомила именно съ такими пастырями? Можетъ быть и мой взглядъ невѣренъ? Но какъ бы тамъ ни было, споръ съ знакомыми мнѣ батюшками не представлялъ никакого интереса и мой противникъ скоро уставалъ. Теперь интересуетъ меня одинъ вопросъ: изъ устъ пастырей Церкви, а также и многихъ свѣтскихъ людей мнѣ приходилось слышать, что сельскій батюшка вынуждается жизнью и одиночествомъ своимъ „омужичиться“ — если можно такъ выразиться. Правда ли это? Если правда, то отчего же сельскій учитель не „омужичивается“, а, наоборотъ, просвѣтляетъ народъ? Возьмемъ въ примѣръ Рачинскаго. Счастье нашего народа по отношенію къ духовенству въ томъ, что темный людъ вѣритъ ему, уважаетъ его; и сельская миссія нашихъ пастырей могла бы приносить и должна приносить плодотворные и цѣлебные результаты. Мнѣ возразятъ, что наше сельское духовенство матеріально не обезпечено, и съ этимъ я вполнѣ согласна; но на помощь имъ должны явиться монастыри и сытое городское, особенно столичное духовенство, во имя христіанской братской любви къ меньшому брату. Теперь коснусь я и „Толстовской исторіи“, а съ нею и неразрывно связанныхъ въ своемъ началѣ и возникновеніи Религіозно-философскихъ въ Петербургѣ совѣщаній. „Резюме“ на Толстого, этого величайшаго учителя и пророка будущаго, я понимаю такъ: „Духовенство омыло свои руки и не желало входить въ излишнее словоизліяніе; поэтому прямо и категорически, безъ разбора постановило: *такъ* и *такъ*—молъ“? И, конечно, оно обвинило только себя самого и скомпрометировало въ глазахъ свѣтскаго образованнаго общества. Иначе и быть не можетъ. „Народился какой-то Толстой и онъ можетъ подорвать религію“: но гдѣ же пастыри церкви, сохраняющіе словомъ и нравственнымъ авторитетомъ эту религію? Ихъ нѣтъ, такихъ не видно, не слышно. Почтенный предсѣдатель Петербургскихъ Религіозно-философскихъ

собраній, архимандритъ Сергій, Церковь называетъ „тѣломъ Христовымъ“. Оно выходитъ какъ то „буквенно“.—Реальнѣе и звучнѣе сказать: „Церковь — это союзъ душъ вѣрующихъ, ищущихъ, жаждущихъ, познающихъ Бога, живого Бога любви“. Оно по сути одно и тоже; но какъ то лаконичнѣе. Теперь, въ завершеніе, почтенный критикъ и судья моихъ мнѣній, къ вамъ обращусь съ нѣкоторыми указаніями: надо настоять, чтобы Синодъ разработалъ и издалъ Евангеліе на понятномъ для насъ, православныхъ, русскомъ *народномъ* языкѣ. Эта—священная книга, гдѣ все съ начала до конца безконечно важно, и она служитъ настольною книгою каждой образованной и религіозной семьи. И, между тѣмъ, мѣстами въ ней прямо теряешься. Вѣдь возьмемъ Библію и „Іудейскія древности“ Іосифа Флавія; мнѣ помнится, я какъ будто читала Библію—не вспомню теперь хорошенько—изданную съ пространными объясненіями, кажется въ царствованіе Николая I, преосвященнымъ Макаріемъ; дай Богъ памяти; и маститый старецъ пострадалъ за это объясненіе. Но времена перемѣнчивы и теперь самое время обратить на это серьезное вниманіе. Желаю успѣха Религіозно-философскому обществу [1]), и дай Богъ разрѣшеніе его миролюбивой задачи. Пусть свѣтское образованное общество вольетъ хоть каплю живого бальзама въ „мертвую букву“ узкихъ понятій нашихъ пастырей Церкви, а пастыри Церкви пусть обсудятъ, обдумаютъ, что и въ пиджакахъ и въ сюртукахъ могутъ быть религіозно-вѣрующіе, — что и подъ клобукомъ можно имѣть дурные помыслы и поведенія быть не тактичнаго.

PS. Я пропустила одно: ни у одного знакомаго мнѣ батюшки я не встрѣтила серьезной свѣтской (не въ смыслѣ сальной) порядочной библіотеки,—и, что же мы видимъ: у свѣтскаго образованнаго общества совершенно наоборотъ!

Еще добавлю: прочитала всего Толстого, какъ здѣсь изданное и цензурою дозволенное, такъ и заграничное. Но это не помѣшало мнѣ остаться вѣрующей, потому что съ дѣтства заботами родителей я тверда въ ней.

Софья Д—ская.

Духовнымъ это письмо слѣдуетъ обсудить. *В. Р въ.*

---

[1]) Петербургскія Религіозно-философскія собранія, подъ предсѣдательствомъ епископа Сергія, собирались, по два раза въ мѣсяцъ, въ 1902 и 1903 гг. Протоколы ихъ печатались въ журналѣ „Новый Путь“, за 1903—1904 г.г.

Вѣра безъ церкви или Церковь безъ вѣры?

Позвольте высказать нѣсколько горькихъ истинъ, навѣянныхъ всѣмъ, что вы пишете, и, въ частности, протоколами Религіозно-философскихъ собраній.

Церковь—хранительница вѣры, но она и губительница ея [1]). Во мнѣ вѣру погубила Церковь, первая служба [2]) въ ней. Я шелъ молиться, вознестись къ Богу помыслами [3]),—но обрядъ убилъ во мнѣ настроеніе... [4]). Въ церкви среди внѣшнихъ знаковъ я утратилъ [5]) внутренній инстинктъ, внутреннее предчувствіе, что тамъ

---

[1]) Все письмо очень рѣзко и самоувѣренно. Читатель безъ труда увидитъ здѣсь логику и особенно психологію нашего *штундизма*: и для философа, какъ и для богослова любопытно увидѣть, *гдѣ* же родникъ и *въ чемъ* паѳосъ этого штундистскаго, точнѣе — общепротестантскаго движенія.—*В. Р—въ.*

[2]) Вотъ—борьба противъ *культа*, стремленіе къ чистой *духовности:* но въ качествѣ какой-то первоначальной *врожденной* инстинктивности. Не таковы ли были знаменитые „іессеи" при Христѣ,—противоположность фарисеямъ-„обрядовцамъ"? Тогда мы имѣемъ цѣлую *категорію* религіозныхъ чувствъ, религіозныхъ отношеній къ Богу: и нашъ штундизмъ, какъ и нѣмецкое лютеранство, суть явленія этой вѣчной и слѣдовательно неуничтожимой, зачѣмъ то нужной Богу, *существующей въ природѣ* категоріи души.—*В. Р—въ.*

[3]) Вотъ! Человѣкъ какъ бы *безтѣлесенъ*: такъ они чувствуютъ себя, такова *категорія*. Но, вѣдь, на *самомъ*-то *дѣлѣ*, фактически, у этой категоріи людей *есть*, конечно, *тѣло:* мускулы, кровь, *слухъ*, *обоняніе*—требующіе *звуковъ* и *фиміамовъ*, т. е. *службы, культа*?! Это, т. е. всемірная человѣческая *тѣлесность*, и есть *критеріумъ*, показующій ошибочность приводимыхъ сужденій, и всего вообще іессео-протестантско-штундистскаго ропота и тенденцій.—*В. Р—въ.*

[4]) Вотъ! Но это—паталогія, ненормальность: *обрядъ* **усиливаетъ** настроеніе, для этого и этимъ путемъ-дорожкою онъ и *родился, и развился, окрѣпъ.*—*В. Р—въ.*

[5]) Если „утратилъ"—то для чего же онъ пришелъ въ церковь? Зачѣмъ даже *вздумалъ* пойти туда? Ему и дома было хорошо; онъ въ храмъ пришелъ изъ *любопытства* или съ *враждою*. Просто, ошибся человѣкъ адресомъ: пришелъ булки спрашивать въ часовой магазинъ, и—ну ломать все, потому что ему не подали булки.—*В. Р—въ.*

на небѣ Богъ. Небесную мечту я потерялъ среди земныхъ знаковъ... Навсегда потерялъ! Икона не смогла меня приковать къ Богу, привязать къ Нему:—Бога я уже не видѣлъ, я видѣлъ только икону. Говорятъ, что всякое чувство, всякая мысль яснѣе, когда онѣ выражены внѣшнимъ образомъ, а по мнѣ—знакъ затуманиваетъ духовное ощущеніе [1]). Христосъ погибъ въ страданіяхъ за людей. Ясная идея. Его распяли, терзали Его тѣло, лилась Его кровь.. Но почему вино и хлѣбъ—Кровь и Тѣло [2])? Моя мысль теряется, не можетъ это воспринять. Когда мнѣ даютъ вино, я думаю о винѣ, о вкусѣ его, но не о Христѣ [3]), не о незабвенной кончинѣ Его. На меня дѣйствуютъ подавляюще католическіе соборы, они душатъ [4]) меня торжественной мрачностью, въ нихъ я себя чувствую жалкимъ, безпомощнымъ червемъ, но чувствую такъ себя не передъ Бо-

---

[1]) Во всякомъ случаѣ съ психологіей этою надо считаться. Я могу сказать „она—*не моя*“, но и корреспондентъ можетъ сказать мнѣ: „это что-то—*не мое*“. Остаются автономныя права (на самовыраженіе у меня и у него. Изъ тона письма этого всего лучше понимаешь, до чего *болѣзненно, паталогично* принужденіе въ религіи, *не естественна* унитарность, одновидность въ вѣрѣ: но вся Вселенная безчисленными языками и въ безчисленныхъ видахъ должна принести хвалу Создателю своему, какъ Ему-же несетъ эту хвалу природа необозримо-прекрасною картиною бытія своего.

В. Р—въ.

[2]) Боже,—да *потому, что* Христосъ объ *этомъ* намъ и именно *такъ* сказалъ! Вѣдь вѣритъ же авторъ, что „Христосъ пострадалъ за насъ“ и пр., т. е. онъ религіозенъ, христіанинъ, поклоняется Богу-Христу: зачѣмъ же онъ борется противъ *божьяго слова?!—В. Р—въ.*

[3]) Передразнивая автора, могу сказать: „когда мнѣ говорятъ о Христѣ и Евангеліи—я вижу *только переплетенную въ голубенькій бархатъ книгу*“; и даже: „когда мнѣ говорятъ о штундистѣ-толстовцѣ—я ихъ не вижу, а вижу только двѣ ноги и голову, больше ничего... ей-ей!!“ Глупо! Но какъ есть ослы въ породѣ лошадей, и приносятъ пользу, и они суть красота Вселенной, такъ надо оставить и этихъ ословъ „духовныхъ“. *В. Р—въ.*

[4]) Да, ради Бога—не ходите въ нихъ! Зачѣмъ вы бродите все по чужимъ мѣстамъ? Что за любопытство, или—апріорное негодованіе?! А вѣдь авторъ готовъ воевать. Такъ то и вышли „Тилли и Густавъ Адольфъ“ въ исторіи, борьба осла съ лошадью. *В. Р—въ.*

гомъ Его я въ катедраляхъ не ощущаю—а передъ чѣмъ то стихійнымъ, карающимъ, передъ фатумомъ. И я готовъ перекреститься—духовно перекреститься при выходѣ изъ собора на воздухъ въ природу [1]), подъ синее небо, подъ теплоносное солнце. Какъ легко, точно подъ Богомъ ходишь, точно Онъ тутъ въ этомъ солнцѣ, въ ароматѣ воздуха, въ журчаніи ручья [2])... И вдругъ встрѣтишь католика истово крестящагося на соборъ, изъ котораго ты бѣжалъ. Опять ядъ сомнѣнія близко: неужели въ этомъ усердномъ, полу-смѣшномъ крестномъ знаменіи то Великое для меня, что я зову вѣрою. Я зналъ простыхъ людей, которые ревностно исполняли всѣ обряды, посѣщали всѣ церковныя службы, но они мнѣ не казались вѣрующими, близкими къ Христу [3])... Вѣра для нихъ вся выражалась въ обря-

---

[1]) Чудное объясненіе *язычества*: вотъ *его* голосъ, живой и не уничтожимый *крикъ*, даже—его истина!! Да! Да! И *небеса* — храмъ! Если такъ, мы беремъ назадъ свои окрики на „осла“.—*В. Р—въ.*

[2]) Вотъ, вотъ! это—пантеизмъ, т. е. то, что ученые называютъ этимъ коротенькимъ и выдохшимся словомъ, но что когда-то было живымъ цвѣткомъ, да и кое-гдѣ или кое-въ-комъ не обронило послѣднихъ лепестковъ. Это—религія до бого-*словія*, до формулъ. Споръ между нимъ и теперешними или вообще позднѣйшими *культовыми, наружными, осязательными* религіями—тоже, что споръ между ночными грезами музыканта и тѣмъ, что онъ играетъ въ концертѣ съ эстрады, или что споръ между любовью Пушкина къ Керн или Розетти—и стихотвореніями, которыя онъ посвятилъ имъ.—*В. Р—въ.*

[3]) Все-таки это любопытно и даже поразительно какъ *наблюденіе*. Все-таки *точно* есть фактъ, что люди, исполняющіе *всѣ обряды*—не только *безъ* Христа но и *внѣ* орбиты всемірной, всемірно-*братской* религіозности. „Зарѣзалъ человѣка, глядь въ карманѣ его колбаса: былъ голоденъ, да вспомнилъ, что *среда* и отшатнулся: развѣ я нехристь, чтобы оскоромиться въ среду“. Мнѣ, въ толпѣ миссіонеровъ, гдѣ я разъ былъ и съ грустью заговорилъ объ *обрядности*,—который-то изъ нихъ, и тоже грустя, покаялся этимъ анекдотомъ-ли, легендой, или случаемъ, но только—*былью*. Дѣйствительно, обрядъ можетъ быть и свѣжъ былъ въ пору своего рожденія и недолго послѣ него. Но затѣмъ онъ остался какъ фетишъ въ коллекціи фетишизма, и уже ничего не будитъ, ни съ чѣмъ не связанъ, а есть просто *бездушная вещь*. Былъ идолъ для бурята: и и тогда-то онъ былъ не важная вещь, но еще съ „душкомъ“ сер-

дахъ, вся выливалась въ нихъ, а для дѣлъ — вѣра безъ нихъ мертва—ея не хватало. Между исповѣдью и причастіемъ они скорѣй пошли бы на смерть, чѣмъ съѣли бы кусокъ хлѣба: но согрѣшить въ это время, наругаться, налгать—ихъ такъ и толкало...[1])

дечныхъ чувствъ. Но для его пра-пра-правнука онъ просто палка, чурбанъ, доска: и надо бы его на полѣнья сжечь—анъ онъ все еще валяется въ его имуществѣ и переходитъ по наслѣдству отъ дѣда къ внуку. Но, Боже: неужели такъ палъ и Соломоновъ храмъ, ветхозавѣтный культъ? Нѣтъ—его *отстаивали*, за него лилась *кровь*; о *томъ* культѣ этого нельзя сказать. Да тамъ вѣдь и не было (было *запрещеніе*) деревяшекъ, а только образы и фигуры приносимыхъ жертвъ. Кровь, *живая кровь* (жертвъ)—а, это уже не фетиши, а мистицизмъ! „Идоловъ у евреевъ не было", пишутъ историки. А „святыя жертвы", „святыня жертвъ"? „Вкушайте" или „не вкушайте" въ такой то день „святыни", т. е. *части* — не сожженныя — жертвенныхъ животныхъ. *Они* и были живыми и поклоняемыми, какъ наши „учители церковные" или какъ „ангелы" (живопись на стѣнахъ храмовъ) „идолами" ветхозавѣтнаго культа. Ничего новая археологія не поняла въ древнихъ религіяхъ.—*В. Р—въ.*

[1]) Поразителенъ былъ разсказъ мнѣ преосвященнаго Антонина: „приходитъ ко мнѣ священникъ и спрашиваетъ, какъ ему поступить съ однимъ — покаявшимся или не покаявшимся, трудно сказать—мирянином. Онъ былъ изъ торговцевъ мѣщанъ. Исповѣдался послѣ вечерни. На завтра бы причащаться; но торговецъ приходитъ послѣ утрени къ ставшему опять за вѣроисповѣдную ширмочку священнику и проситъ исповѣдовать его вторично. Тотъ удивленъ, не хочетъ или колеблется.—„Да что такое"? — „Да я въ ночь эту (послѣ исповѣди!!) со скотиной согрѣшилъ". Священникъ окончательно оторопѣлъ: а лавочникъ, видя колебаніе, говоритъ: „мнѣ некогда, я долженъ по дѣламъ выѣхать сегодня изъ города, такъ мнѣ надо поскорѣе—не ровенъ часъ въ дорогѣ помру, безъ исповѣди и причастія".—Священникъ окончательно отказалъ. Совѣтъ преосвященнаго былъ: прогнать его съ глазъ долой. Замѣчательно, что и преосвященный, посѣтивъ меня и садясь на кресло, въ присутствіи жены моей разсказалъ объ этомъ совершенно просто, когда я былъ такъ пораженъ. Очевидно, въ духовномъ мірѣ извѣстны и постоянно передаются такія вещи, какія „и не снились нашимъ мудрецамъ" отъ Шекспира до Достоевскаго.—*В. Р— въ.*

Я бывалъ въ церкви и наблюдалъ за народомъ—всюду было поклоненіе передъ обрядомъ, почти нигдѣ выраженія истинной, изъ души идущей [1]), вѣры. Казалось бы, потерявъ вѣру—и жить больше нельзя [2]), нѣчѣмъ: вѣдь не земной сутолокой поддерживаться можетъ наша жизнь. Но и безъ вѣры живутъ и въ суетѣ находятъ забвеніе [3]). Нѣкоторые дѣлаютъ добрыя дѣла *на тотъ случай, если есть* Богъ! А большинство удовлетворяется обрядовой стороной: обѣдню отстоялъ, значитъ—„все ладно", иди и грѣши... Говоря о Церкви—губительницѣ, я говорю не о Церкви—сокровищницѣ религіи, а о Церкви—внѣшней, о совокупности внѣшнихъ знаковъ,

---

[1]) Дѣйствительно—невозможно не замѣтить, что *мотивъ* присутствованія и *волненія* присутствующихъ на богослуженіи бываютъ: 1) эстетическій или 2) испуганно-надѣющійся. Первые просто *смотрятъ* и наслаждаются привычнымъ—*лично* и старо-давнимъ тысячелѣтнимъ обрядомъ. Это какъ переплеты и миніатюры на старыхъ венеціанскихъ манускриптахъ. Другіе *плачутъ*, дрожатъ, подымаютъ глаза съ невыразимой *мольбой* на образъ: эти ждутъ *чуда* исцѣленія отъ болѣзни близкаго, облегченія нужды своей, и проч. Но гдѣ же „изъ души идущая", не экзальтированная и *спокойная* „вѣра", какъ вотъ видѣніе Бога, Его ощущеніе? Дѣйствительно—этого нѣтъ!—*В. Р—въ.*

[2]) Вотъ какъ говоритъ человѣкъ, котораго я почти назвалъ „осломъ". Не поворотить ли на себя эпитетъ? Не даромъ сказано: „кто скажетъ ближнему своему ракá, что значитъ глупый человѣкъ—тотъ подлежитъ геенѣ огненной".—*В. Р—въ.*

[3]) Да; вѣдь возможна жизнь совершенно и окончательно безъ Бога. Не такова ли жизнь теперешняго общества? „Велосипедисты побѣдили", какъ мелькнуло у меня въ Мюнхенѣ, при разсматриваніи средневѣковаго каѳедрала и тутъ же, вблизи его, проѣзжающихъ беззаботныхъ велосипедистовъ. Но и вотъ еще вопросъ: дѣйствительно, „велосипедисты" никакъ бы не „побѣдили" то вотъ чувство живое и глубокое, возбуждаемое ежедневно небомъ, звѣздами, деревомъ и ручьемъ, которое такъ искренно исповѣдалъ авторъ. Но остался „музей фетишевъ", „среда безъ скоромнаго": почему же *это* не побѣдить велосипедизму? Боялись нарушить среду этотъ годъ, боялись слѣдующій: а на третій годъ взяли да и поѣхали на велосипедахъ, и все *сразу* забыли, потому что, въ сущности, *ничего* давно и не было (музей фетишей).—*В. Р—въ.*

обрядовъ... Обряды губятъ вѣру, а Церковь позволяетъ это [1]). Она не о вѣрѣ думаетъ, не о томъ, чтобы вѣру за людьми сохранить, потому что въ вѣрѣ ихъ спасеніе,—а о себѣ, какъ бы себя сохранить. Отсюда—антагонизмъ между Церковью и наукой... Что̀ можетъ дать неразвитой священникъ—интеллигентному атеисту: растолковать ему обряды, да разсказать ему, что они изображаютъ? Но *вернуть* его къ Богу—никогда... Догматы мертвы безъ жизни, а духовной, особенной жизнью не всѣ духовные пастыри могутъ похвастаться. Богъ есть, но путь къ Нему затерялся; обрядами да знаками дорога, какъ мохомъ да валежникомъ, заросла и завалилась... Рубить надо—и тогда свѣтъ взойдетъ: и вмѣсто *Церкви безъ вѣры* будетъ *вѣра... безъ Церкви* [1]).

Борисъ В—въ.

О состраданіи къ животнымъ.

Рѣдко, но всегда съ удовольствіемъ я наблюдалъ въ Петербургѣ такую сцену: сѣдокъ на извозчикѣ махаетъ руками, останавливаетъ лошадь, что-то кричитъ. Всѣ смотрятъ на него съ удивленіемъ. Но онъ занятъ своимъ дѣломъ: замѣтилъ нумеръ ломовика, нещадно колотившаго лошадь на какой-нибудь колдобинѣ, погрозилъ ему кулакомъ, выругался—и поѣхалъ дальше. Это членъ „Общества покровительства животнымъ“. И признаюсь и, пожалуй, извиняюсь передъ читателемъ, что всякаго

---

[1]) Очевидно, есть гдѣ-то граница этого, въ чемъ-то авторъ не правъ и въ чемъ-то онъ правъ. Богословской наукѣ, и вообще духовной литературѣ, надо бы посвятить разбору этого замѣчательнаго въ искренности и мѣткости письма—свои силы, статьи. Очевидно, обрядъ долженъ быть *живъ*: т. е. *личенъ* что ли, *индивидуаленъ*? Не вижу ясно... Можетъ быть обрядъ долженъ больше *задѣвать за душу*, не быть столь *гладко*-эстетическимъ? Онъ, можетъ быть, долженъ быть больше *трагическимъ*? Нельзя не замѣтить, что въ *древнія жертвы* (ихъ были десятки всякій день, въ торжественныхъ случаяхъ—сотни) это *трагическое* входило... Это, вѣдь, была печаль и смерть, не человѣка—но все равно потрясающая!—*В. Р—въ.*

такого члена я считаю какъ бы своимъ другомъ. Когда лѣтъ шесть-восемь назадъ я ѣздилъ на службу съ Петербургской стороны къ Адмиралтейству на общественныхъ саняхъ, тащимыхъ ужасными клячами, худыми и голодными, то пассажиры, ругаясь на Общество, покупающее для трудной работы такихъ лошадей, тѣмъ не менѣе никогда не торопили кучера. Напротивъ, какъ только отъ легкаго понуканья онъ переходилъ къ битью лошади, нервному, жестокому,—его немедленно останавливали. Это бывало всегда, и я не помню исключеній. Значитъ, сердце русское въ зародышѣ доброе...

Да, въ зародышѣ; въ ожиданіи, въ возможности. А на практикѣ, въ широкомъ эмпирическомъ развитіи далеко не такъ. Не безъ нѣкотораго ужаса я прочелъ въ № 9356 „Нов. Вр.“ („Въ защиту кошекъ“) о томъ, какъ кошатники въ Вятской губерніи расправляются съ симъ домашнимъ животнымъ. Ради мѣха своего, оно составляетъ товаръ. „Кошкодеръ“ (хорошо названіе!) всѣхъ снесенныхъ къ нему съ деревни кошекъ одурманиваетъ такъ: беретъ ее за заднія лапы и бьетъ головой о телѣгу или сани и потомъ бросаетъ въ возъ. А въ предупрежденіе побѣга кошекъ, не достаточно одурманенныхъ, онъ руками переламываетъ у кошки всѣ четыре ноги. Съ такимъ полуживымъ, издыхающимъ нѣсколько дней товаромъ возъ ѣздитъ по селамъ, пока не наполнится. Переломъ и одурманеніе настолько „удается“ или „не удается“, что множество кошекъ корчатся въ конвульсіяхъ отъ ужасныхъ мукъ въ случаѣ неловкаго перелома костей торговцемъ.

Вотъ „Обществамъ покровительства животнымъ“, чѣмъ по-одиночкѣ отстаивать ту или иную измученную лошадь, и слѣдовало-бы обдумать, проектировать, а, наконецъ, и практически провести въ жизнь какія-нибудь

мѣры менѣе варварскаго умерщвленія кошекъ. Очевидно, промысла уничтожить нельзя. Его и не слѣдуетъ уничтожать, въ виду того, что и охота, и всякіе виды звѣроловства и, наконецъ, убой молочнаго скота на пищу— существуютъ. Нужно уничтожить именно варварство, муку, длительность страданій. Уколъ шиломъ въ продолговатый мозгъ, на подобіе колотья рогатаго скота, безъ мукъ умерщвлялъ бы и кошекъ. Мнѣ непріятно и это писать. Но большее страданіе замѣнить меньшимъ— это предложить я долженъ.

Очевидно, дикое колоченье кошекъ разсчитано на то, что торговецъ именно собираетъ ихъ нѣсколько дней, и ему нужно, чтобы онѣ не умерли и не загнили въ эти дни. Калѣчатся онѣ, чтобы не убѣжали; а не убиваются— чтобы жили. Но здѣсь дѣйствуетъ лѣность и халатность. „Обществамъ покровительства животнымъ“ совершенно возможно добиться полицейскихъ мѣръ, запрещающихъ такой сборъ товара прасолами; и чтобы вмѣсто этого тотъ же самый товаръ сносился къ опредѣленному пункту. Здѣсь не будетъ причинъ заставлять его жить нѣсколько дней, и убой будетъ происходить нормальнымъ способомъ. Скажутъ, „лѣнь нести кошку такъ далеко, верстъ за пять, за семь“. Ну, ужъ это пустая отговорка, и во всякомъ случаѣ для прекращенія такой лютой муки, и притомъ хронической, и множества животныхъ, пусть „царь природы“ немного потрудится ногами. Вообще это прекратить можно и слѣдуетъ.

И какіе мы лицемѣры и увертливые въ словѣ люди. Еще на памяти моего дѣтства водили по городамъ медвѣдей. Татаринъ (а часто русскій мужикъ) и медвѣдь жили дружно. А дѣтямъ и простецамъ это доставляло невыразимое, незамѣнимое зрѣлище. Вотъ „ведутъ медвѣдя“ — и весь околотокъ въ тревогѣ и возбужденіи.

Коровы немного тревожатся по дворамъ, за то ребятишки ликуютъ. Издали слышенъ маленькій барабанъ поводаря, иногда двухъ-трехъ поводарей съ двумя-тремя медвѣдями, молоденькими и старымъ, главнымъ. Выбѣгаешь къ концу улицы и смотришь все удовольствіе. Или съ ажитаціей ожидаешь у воротъ приближенія процессіи. И вотъ ей-ей же, тѣ медвѣди въ относительной свободѣ были далеко не то, что въ звѣринцахъ, въ зоологическомъ саду, скучные, вялые. Тотъ медвѣдь шелъ свободно и разумно, какъ второй и страшный человѣкъ за татариномъ. У, какія лапищи! Походка! Бедра, уши, маленькій хвостъ—все необыкновенно! Лѣсомъ пахнетъ. И съ медвѣдемъ бывало такъ и пахнетъ на околотокъ лѣсомъ и его сказками, лѣсомъ и его фантазіями. И чего-то, чего-то послѣ ухода медвѣдя не намечтаешь объ этомъ лѣсѣ, его диковинкахъ, страхахъ, о бывалыхъ тамъ „разбойникахъ“... А „разбойники въ лѣсу“ — это ужъ эпопея,—и вотъ, бывало, развиваешь эту эпопею, и когда придетъ ночь, то жмешься крѣпче въ одѣяло и страшишься выйти за дверь.

— Отчего теперь нѣтъ медвѣдей? – спросилъ я не безъ тоски и удивленія, ставъ взрослымъ и вернувшись на родину.

— Нигдѣ нѣтъ. Запрещено. Какъ же, жестоко продѣвать въ губу кольцо.

Такъ тогда я съ этимъ и помирился; и только теперь могу подобрать аргументъ, что вѣдь продѣваютъ же дѣвушки серьги въ уши, для чего тоже дѣлается, и притомъ человѣкомъ и добровольно, проколъ. Между тѣмъ удовольствіе съ медвѣдемъ, вѣрьте, роднило съ лѣсомъ, пробуждало чувство природы, а тѣмъ вмѣстѣ и сближало чудесно и сказочно съ животнымъ эпосомъ. А это-то чувство природы и родство съ животнымъ эпосомъ

опять же, повѣрьте, и есть фундаментальное противоядіе технической жестокости съ животными, товарнаго отношенія къ нимъ, которое и проявилось напр. въ звѣрскомъ калѣченьи кошекъ. Губу медвѣдя мы пожалѣли, не замѣтивъ, что это игра и притомъ прелестная дѣтская и вмѣстѣ народная игра. А на одну пощаженную губу медвѣдя пришлось по сотнѣ кошекъ, приведенныхъ въ безпамятство ударомъ головы о колесо. Какая дичь! Какое можетъ быть сравненіе между игривой и гуманной стариною и между техническимъ „живодерствомъ“ болѣе просвѣщеннаго времени.

Я далекъ отъ того, чтобы настаивать на возстановленіи „медвѣдей“. Что прошло, тому вѣрно слѣдовало пройти. Я припомнилъ ихъ, какъ одну изъ подробностей вѣчно милаго дѣтства. Я хорошо знаю, что былъ бы нѣсколько бѣднѣе воображеніемъ, если бы ихъ въ дѣтствѣ не видѣлъ. Но вотъ, въ заключеніе, моя серьезная мысль, моя давнишняя и упорная догадка: что человѣкъ не научится любить *человѣка* иначе, какъ *черезъ путь любви къ животному* домашнему, дикому, какому-нибудь, но вообще животному. Научись понимать простѣйшее, элементарное; замѣть проблески характера, нрава, т.-е. во всякомъ случаѣ „души“ у коровы, собаки, кошки, попугая, канарейки; полюби кролика, заведи на кухнѣ кошку — и чуть-чуть твой характеръ смягчится, округлится и скажется въ болѣе веселомъ и спокойномъ тонѣ съ прислугою, большею ласкою съ дѣтьми, а, наконецъ, и лучшимъ отношеніемъ къ человѣку. Я вѣрю, что семья, гдѣ есть хоть одно комнатное животное, добрѣе той, гдѣ выметены изъ комнатъ всѣ остатки „животнаго эпоса“ и остались служба, деньги, успѣхъ и слава. Послѣдніе люди — худые люди, злые люди или черствые, сердитые. Заведеніе домашнихъ животныхъ есть добрый обычай,

обычай доброты народной. Животное мирное и покорное, всегда ласковое къ человѣку, какъ-то страшно побить. А если въ одномъ и въ другомъ случаѣ вы пожалѣете животное, когда-нибудь въ непредвидѣнномъ случаѣ вы пожалѣете и человѣка.

Богъ не даромъ жертву Авеля-скотовода принялъ, а Каина-огородника отвергъ. Растеніе „такъ далеко отъ насъ, что уже не пробуждаетъ къ себѣ сочувствія, чутья, пониманія. Хотя и здѣсь оно возможно, но трудно. А къ животнымъ чувство невольно, неизбѣжно. И оно содѣлываетъ человѣка добрымъ. Рѣшительно невозможно себѣ представить и Эдема безъ животныхъ. Мѣра грѣха человѣческаго выражается въ удаленіи отъ животныхъ, въ отстраненіи отъ себя животныхъ; а степень невинности и чистоты, дѣтства — въ сближеніи съ ними. Вотъ почему распространеніе любви къ животнымъ и культивированіе ея есть одна изъ серьезныхъ сторонъ серьезнаго просвѣщенія.

1902.

Майскій союзъ.

Майскій союзъ, одно изъ прекраснѣйшихъ человѣческихъ учрежденій, ведетъ свое начало для насъ, русскихъ, съ Финляндіи. За границей, говорятъ, онъ возникъ раньше, но для нашей родины это не важно. Учредитель его въ Финляндіи былъ поэтъ и собиратель народныхъ сказокъ Топеліусъ, и въ Финляндіи союзовъ этихъ сразу возникло много. Союзъ состоитъ въ томъ, что дѣти сельскаго населенія соединяются въ „общество“, обѣщающее не мучить и не убивать птицъ и всячески заботиться объ охранѣ ихъ яицъ и птенцовъ. Поставивъ прежде всего на видъ тотъ вредъ, который мы приносимъ и полямъ, и садамъ избіеніемъ полезныхъ птичекъ, поѣдающихъ вредныхъ насѣкомыхъ, Топеліусъ перешелъ потомъ къ безкорыстному чувству состраданія, которое должно заставить насъ любить и беречь беззащитныхъ птичекъ и всѣхъ вообще звѣрьковъ, наполняющихъ для нашей радости Божій міръ.

О культурномъ значеніи любви и состраданія къ животнымъ говорилъ еще Достоевскій въ „Дневникѣ писателя“; но, оставя въ сторонѣ эту прямую пользу для человѣческаго самовоспитанія, мнѣ кажется, что любовь къ животнымъ должна быть вложена въ каждое неиспорченное сердце, и нужно только удивляться, какъ могутъ считать себя культурными государства, гдѣ можно безнаказанно истязать и мучить нашу меньшую братію.

Казалось бы, что уже разъ такая свѣтлая мысль, какъ соединеніе дѣтей въ Майскіе союзы, проникнетъ къ намъ хоть отъ чужихъ людей, она будетъ принята съ восторгомъ, займетъ самое видное мѣсто въ воспитаніи нашихъ дѣтей,—а между тѣмъ жизнь показала иное: кое-гдѣ Майскіе союзы даже учредились, напримѣръ въ Псковской губерніи для сельскихъ дѣтей, въ Одесскомъ округѣ—для сельскихъ и городскихъ, и все-таки Майскій союзъ остался чуждымъ для насъ учрежденіемъ,—про него просто никто ничего не знаетъ, значитъ, никто и не хочетъ знать: намъ, вѣроятно, показалось это слишкомъ незначительнымъ, не стоющимъ нашего вниманія,—пожалуй еще сантиментальнымъ и смѣшнымъ и, заботясь о наполненіи сельскихъ библіотекъ романами Всеволода Соловьева и Саліаса, мы ничего не сказали сельскимъ дѣтямъ о томъ, что темная душа животнаго есть такое-же прекрасное созданіе Божіе, какъ долженъ былъ-бы быть человѣкъ.

О томъ, какъ именно учреждать Майскіе союзы, могутъ существовать различныя мнѣнія: всякій постарается, конечно, административно устроить ихъ такъ, чтобы они наиболѣе соотвѣтствовали данной средѣ, а потому, мнѣ кажется, общихъ положеній можетъ быть только немного. Но дѣло, конечно, не въ уставахъ, а ужасно бы хотѣлось, чтобы идея эта стала русскимъ родной, чтобы на нее взглянули не съ насмѣшкой и почти недоброжелательствомъ, но съ искреннимъ сочувствіемъ, чтобы она стала необходимостью нашихъ школъ. Не надо слишкомъ много благоразумныхъ возраженій: „Это хорошо для селъ и деревень, но что же могутъ для животныхъ городскія дѣти?“ Кто знаетъ о жестокости городского люда къ животнымъ, о безчисленныхъ протоколахъ, составляемыхъ членами Общества Покровительства Животнымъ за истязаніе лошадей, собакъ и кошекъ, тотъ пойметъ, что, если Майскій союзъ научитъ ребенка хотя только тому, чтобы видѣть въ истязаніи животнаго противозаконный и отвратительный фактъ,—то цѣль его будетъ уже наполовину достигнута, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, гдѣ знакомство съ жизнью и характеромъ животныхъ можетъ

лучше всякихъ нравоученій развить въ сердцѣ ребенка простую и теплую любовь къ окружающей насъ шумной и разнообразной животной жизни. Почему мы съ большимъ удовольствіемъ ведемъ нашихъ дѣтей въ циркъ смотрѣть на безобразное кривлянье клоуновъ и на печальное доказательство того, что умъ животныхъ во многихъ случаяхъ стоитъ выше ума человѣческаго,—чѣмъ доставляемъ имъ простое и разумное удовольствіе чтеніемъ интересныхъ разсказовъ изъ жизни природы, которые можно дополнить и оживить соотвѣтствующими картинами волшебнаго фонаря?! Насколько удовольствіе это болѣе духовно здорово, болѣе соотвѣтствуетъ возрасту,—и какія хорошія сѣмена, быть можетъ, заложитъ оно въ сердцахъ дѣтей! А, вѣдь, подобныя чтенія составляютъ одну изъ заботъ Общества Покровительства Животнымъ, обладающаго и библіотекой и волшебными фонарями для подобныхъ дѣтскихъ гуманитарно-научныхъ развлеченій. Но мы объ этомъ ничего не знаемъ и, вычеркнувши природу изъ собственной жизни, продолжаемъ безжалостно и беззаконно вычеркивать ее и изъ жизни нашихъ дѣтей.

Занимаясь 6-й годъ новой постановкой школьнаго дѣла путемъ устроенной мною въ моей квартирѣ Безплатной Воспитательной школы, находящейся въ Вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, я вошла въ сношенія съ Обществомъ Покровительства Животнымъ, какъ наиболѣе подходящимъ по своимъ задачамъ способствовать осуществленію одной изъ важнѣйшихъ моихъ цѣлей—сближенію дѣтей съ природой, и нашла въ Предсѣдателѣ Общества, Иванѣ Ивановичѣ Назимовѣ, необходимую мнѣ поддержку и большое сочувствіе моимъ идеямъ. Черезъ мою просьбу Предсѣдателю, Общество хлопотало о разрѣшеніи для моей школы Майскаго союза, который въ настоящее время получилъ утвержденіе и разсмотрѣніемъ „Устава“ котораго Общество займется въ непродолжительномъ времени.—Не могу не выразить своей благодарности тому дѣятельному участію, которое приняло Общество Покровительства Животнымъ и его Предсѣдатель Иванъ Ивановичъ Назимовъ въ дѣлѣ устройства Майскаго союза; тѣмъ болѣе, что за всѣ 6 лѣтъ существованія школы я не видала ни отъ одного благотворительнаго учрежденія, ни отъ педагогическихъ кружковъ, ни отъ публицистовъ, ни отъ частныхъ филантроповъ—ни малѣйшаго участія и помощи моему новому и трудному дѣлу.

1904 г. *А. Полотебнова.*

Къ паденію башни св. Марка въ Венеціи.

Весь міръ, всесвѣтная печать ахнули, когда телеграфъ принесъ и разнесъ траурную вѣсть о паденіи одной изъ величайшихъ архитектурныхъ, историческихъ и религіозныхъ святынь Европы—башни св. Марка въ Венеціи. „Страна святыхъ чудесъ“, „святыя тамъ могилы“—молвили русскіе лирики-мыслители. Но не всѣмъ это такъ кажется... И не всѣ заскорбѣли о паденіи венеціанскаго колосса. Вѣдь мы „юроды“, кажущіеся „эллинамъ безумными и іудеямъ соблазнительными“, и такъ ужъ это рѣшено и притомъ принципіально. Чѣмъ поэтому чернѣй на Западѣ, тѣмъ свѣтлѣе у насъ на душѣ: и если бы тамъ чумы побольше — то у насъ совсѣмъ-бы Свѣтлый праздникъ на душѣ. Протоіерей Ѳоменко одѣваетъ бѣлыя ризы и поетъ „о здравіи“ себя и „своихъ“, когда всѣ на Западѣ одѣли черныя ризы при этомъ, потрясшемъ всѣ сердца извѣстіи: ибо кто-же не осматривалъ, не видѣлъ этой башни? Судите сами по тому, что онъ написалъ, а оффиціальный органъ нашего Духовнаго Вѣдомства „Церковныя Вѣдомости“ спокойно напечаталъ въ № 29. Вся статейка до того характерна, что мы перепечатываемъ ее почти цѣликомъ:

Колокольня святаго Марка въ Венеціи.

И рекоша: „пріидите, созиждемъ себѣ градъ и столпъ, его же верхъ будетъ даже до небесе: и сотворимъ себѣ имя“... (Быт. XI, 4).

Какъ въ библейскія времена, такъ и въ наши дни Вседержитель Господь сокрушалъ и сокрушаетъ теперь гордыню человѣческую. Не превозносись, смертный! Древнѣйшій памятникъ гордѣливой, хотя уже и развѣнчанной „царицы морей“—Венеціи—главная колокольня въ Венеціи пала, разрушилась, разсыпалась на

части [1]) и своими историческими обломками, своими статуями, изъ которыхъ немалое число языческія божества, какъ напримѣръ, Нептунъ, Паллада, Меркурій и Аполлонъ, наполнила площадь святаго Марка. Вся Венеція въ горѣ, скорби, траурѣ. Когда я прочелъ первую телеграмму о разрушеніи Венеціанской колокольни, я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Такъ, повидимому, былъ устойчивъ этотъ историческій памятникъ. Подробности разрушенія, сообщенныя печатью на другой день, не оставляли болѣе мѣста для колебаній и сомнѣнія. Колокольни съ именемъ святаго Марка болѣе не существуетъ въ Венеціи. „*Столпъ, его же верхъ даже до небесъ*“,— потрясся и рухнулъ. Объ этомъ глубоко скорбитъ не одна Венеція, но и весь образованный міръ.

Крушеніе колокольни святаго Марка живо напомнило мнѣ 9-е іюля 1897 г., когда, раннимъ утромъ, направляясь въ Соборъ святаго Марка, я предварительно остановился у панели этой колокольни. Впечатлѣніе получалось внушительное, грандіозное. Мнѣ кажется, не я одинъ, но и каждый русскій священникъ, при первомъ пытливомъ взглядѣ на колокольню святаго Марка въ Венеціи, прежде всего задастъ себѣ вопросъ: „знаменитыя колокольни на родинѣ, на святой Руси, уступятъ-ли мѣсто Венеціанской колокольнѣ, или представляютъ изъ себя болѣе внушительный видъ?“— Несомнѣнно, что колокольни нашихъ двухъ великихъ Лавръ: Кіево-Печерской Успенской и Свято-Троицкой Сергіевой Лавры несравненно стройнѣе, изящнѣе и въ архитектурномъ отношеніи недосягаемо выше Венеціанской колокольни святаго Марка. Къ сей послѣдней, по архитектурному стилю, наиболѣе приближается у насъ на родинѣ колокольня Ивана Великаго въ Москвѣ. Только правильный четыреугольникъ Венеціанскаго памятника гораздо обширнѣе фундамента колокольни Ивана Великаго. Потому-то такъ и неожиданна была вѣсть о томъ, что основаніе Венеціанской колокольни не выдержало тяжести башни, хотя тяжесть эта равнялась 700,000 пудовъ вѣса. Думается, что еслибы привести въ извѣстность вѣсъ нашихъ знаменитыхъ большихъ колоколенъ, то онѣ по своему вѣсу оказались-бы гораздо больше 700,000 пудовъ

[1]) Точно сѣчетъ: „разъ, два, три“, „пала, разрушилась, разсыпалась на части“... Ну, я думаю, отъ этого еще поднялась и засвѣтилась колокольня въ Царевококшайскѣ, гдѣ получалъ образованіе авторъ?—*В. Р—въ.*

И еще одна замѣтка: наши Лаврскія и Московскія колокольни блестятъ своей чистотой и пріятнымъ колоритомъ покраски и побѣлки, а Венеціянскій монументъ выглядѣлъ сѣрой, не отштукатуренной, поросшей мхомъ башней. Но въ извиненіе памятника Венеціанской гордыни должно замѣтить, что это одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ зодчества во всей Европѣ. Чрезъ 80 лѣтъ этотъ памятникъ, если бы онъ не разрушился, то имѣлъ бы право праздновать свой 1000-лѣтній юбилей. Юбилей почтенный!

Венеція имѣла у себя 3 историческіе памятника, которые въ хронологическомъ порядкѣ занимаютъ мѣста такъ: первое мѣсто должно быть отведено колокольнѣ, теперь уже не существующей; второе—храму святаго Марка, и третье—дворцу Дожей.

Венеція основана на островахъ лагунъ Адріатическаго моря въ 819 году дожемъ Ангеломъ Participaco. Башня Венеціанская заложена въ 911 году, т. е. въ то еще время, когда на Руси княжеская власть была въ рукахъ Олега.

Я не безъ цѣли помѣтилъ годы основанія Венеціи, колокольни въ Венеціи и Собора святаго Марка. Изъ сопоставленія этихъ годовъ видно, что колокольня святаго Марка основана прежде храма святаго Марка. Колокольня основана въ 911 году, а храмъ въ 976 году. Это не въ порядкѣ дѣла. Что это означаетъ?...

Венеціанская башня не была даже увѣнчана крестомъ, какъ обыкновенно увѣнчиваются церковныя зданія въ Православныхъ странахъ. На вершинѣ башни стоялъ ангелъ, сдѣланный изъ дерева и покрытый золоченою мѣдью. И водруженъ онъ Венеціанскимъ скульпторомъ Сансовино только въ XV столѣтіи...

Само собою разумѣется, что не одно любопытство, но и другія моральныя причины побуждаютъ насъ, въ заключеніе нашей замѣтки, поставить вопросъ: гдѣ причина разрушенія колокольни святаго Марка?!—„*Аще не Господь созиждетъ градъ, всуе трудишася зиждущіе*“, поучаетъ племена и народы царь Давидъ... Не подходящее дѣло ставить на христіанской колокольнѣ статуи Аполлона-Паллады и другихъ языческихъ идоловъ. И стрясъ Господь сихъ идоловъ въ прахъ... Венеція и Неаполь—это самые свѣтскіе города въ Италіи, даже болѣе свѣтскіе, нежели Парижъ и разные европейскіе курорты. Соборъ Марка безъ молящихся [1]), какъ и вообще

---

[1]) Я самъ былъ тамъ: не то чтобы полно *до давки* молящимися,—но очень полно.—*В. Р—въ.*

большинство храмовъ въ Западной Европѣ. [1]) Эти храмы для туристовъ, а не для богомольцевъ.

„*И стрясетъ Господь пустыню Каддійскую*... (Псал. 28, 8). Вразумляющій Господь потрясъ области [2]), сосѣднія съ Венеціей. Вѣковой памятникъ, какъ лишенный дозора, далъ трещины. „*Господь съ небесе возгремѣ*". Молнія пронизала колокольню [3]). Ду-

---

[1]) Въ Ригѣ и въ Берлинѣ я видалъ храмы *переполненными*, и притомъ не простонародьемъ только, какъ у насъ -но почти сплошь людьми школы, образованія.—*В. Р—въ.*

[2]) Никакого землетрясенія не было!!! Кстати: не такъ-ли, въ исторіи, произошли „нравоучительныя" легенды. Пишетъ-пишетъ „лѣтописецъ-Несторъ", католическій или нашъ; торчитъ въ головѣ текстъ, который таланту-богослову хочется примѣнить, напримѣръ „и стрясетъ Господь пустыню Каддійскую" или подобный. И онъ пишетъ: „вразумляющій Господь потрясъ области, сосѣднія съ Венеціей," т. е. буквально и только *красиво* пишетъ, будто-бы было землетрясеніе, хотя ей-ей, ей-Богу его не было, и никто объ немъ не говорилъ!!! Но теперь есть телеграфъ, почта и газеты: ну, а въ XIII, IX, VI, III, I-мъ вѣкѣ кто мѣшалъ производить въ „лѣтописяхъ" сотрясенія земли, молніи и пр., просто по тому, что въ головѣ безпокоится подходящій текстъ? Такъ пишется, т. е. писалась исторія:

... Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный...
Засвѣтитъ, онъ какъ я, свою лампаду...
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ...

Такъ Ѳоменко-Несторъ и Несторъ-Ѳоменко „тихо" сочиняли свои „лѣтописи," откуда почерпали вдохновеніе, умиленіе и чаще всего „страхъ Божій" не одни „помѣщики" фонъ-Визина въ идиллическомъ деревенскомъ уединеніи.—*В. Р—въ.*

[3]) Просто удивительно: ничего подобнаго не было! Башня рухнула разомъ и сама, рухнула страшно *поздно*, выстоявъ столько лѣтъ, сколько ни одно зданіе на Руси!! Но (см. дальше): „мудрые объюродѣша". И сколько злости у человѣка, *лично все это посмотрѣвшаго:* то-то „сущность Восточнаго вѣроисповѣданія, въ про-

малось, что широкій и устойчивый фундаментъ выдержитъ высоту колокольни. Но здѣсь-то и обнаружилась ошибка архитектора Центръ тяжести оказался слишкомъ высоко надъ фундаментомъ башни. *„Мудріи объюродѣша“*. И на основаніи совокупности сихъ всѣхъ причинъ вѣковой памятникъ исчезъ и болѣе не существуетъ.

Протоіерей Кл. Ѳоменко.

Характерно! Умираютъ-ли на Западѣ—„отъ грѣховъ умираютъ“... Но *мы* отчего? и отчего у насъ голодъ? И отъ чего мы нищи, убоги? И видъ у насъ запуганный, а сердце—оробѣвшее? „Отчего,“ „отчего,“ тысячи „отчего“... Впрочемъ, что-же мы говоримъ: судя по тому, что онъ странствовалъ въ разныхъ мѣстахъ, должно быть у протоіерея Ѳоменко и квартирка тепленькая, и на столѣ всякая рыбка, да и здоровьице еще не измѣнило: такъ что всѣ наши „почему“ для него „гласъ вопіющаго въ пустынѣ“...—*В. Р.*

Среди человѣческихъ слезъ.

Казалось бы, мы окружены филантропіей и купаемся въ ней, какъ лебедь въ озерѣ? Особенно здѣсь, въ Петербургѣ? По шуму, объявленіямъ и отчетамъ судя—это такъ. А попробуйте вы съ конкретной нуждой поискать помощи, и встрѣтите что-то тупое и недвижное, можетъ быть не столько въ лицахъ, сколько въ *строѣ*, въ *уставахъ* учрежденій, не допускающихъ никакого *приноровленія* къ частностямъ, никакой *индивидуализаціи* филантропіи. Съ прошлаго лѣта, т. е. вотъ почти цѣлый годъ, я искалъ удовлетворить маленькую просьбу: дѣвочка 7 лѣтъ (теперь—почти 8) не имѣетъ матери, отецъ,

---

тивоположность гордому Западу, заключается въ *любви*“ (Хомяковъ).—*В. Р—въ.*

отставной подполковникъ, лежитъ больной, недвижимый, получаетъ пенсіи около 18 р. въ мѣсяцъ; временно дѣвочка помѣщена дальнею своею родственницею, женщиною служащею на телеграфѣ, въ пріютъ для уличныхъ „найденышей“; братъ ея и сестра хорошо прошли курсъ ученія, одинъ—корпусъ, другая—институтъ, при родителяхъ очевидно заботливыхъ, и теперь или кончаютъ ученье, или работаютъ на телеграфѣ-же. Эта сиротка осталась послѣднею и не устроенною, и вотъ ее-то надобно было помѣстить куда-нибудь, однако—въ заведеніе приличное, пусть бѣдное, но хорошее, приблизительно съ среднимъ курсомъ образованія и на полное казенное или „филантропическое“ содержаніе. Въ теченіе 10 мѣсяцевъ, куда я ни обращался, къ людямъ то дѣятельнымъ, то сильнымъ, къ людямъ, казалось бы, очень сильнымъ, къ которымъ только „дойти и постучать“—и дѣло будетъ сдѣлано. Не тутъ-то было. „Вотъ если бы у нея ни отца ни матери—можно было бы“; „ахъ, батюшки, она изъ интеллигентной семьи, а мы призрѣваемъ только мѣщанъ и дѣтей ремесленниковъ“; „мы—подкидышей“. И, словомъ, сироткѣ-подполковницѣ, едвали что̀ понимающей въ чинѣ отца, жизнь котораго для него самого и для ближнихъ тягостнѣе смерти — всѣ двери закрыты. Кто не помнитъ великаго шума, сопровождавшаго у насъ открытіе церковныхъ школъ грамоты. Захарьинъ жертвовалъ на нихъ тогда 500.000 руб. А на повѣрку въ прошломъ году всплыла на верхъ „гласности“ заморенная въ хроническомъ голодѣ учительница таковой школы. Но эти „скорби мірскія“ становятся особенно многозначительны, когда кричитъ о себѣ не человѣкъ, а цѣлый районъ, уѣздъ. Вотъ съ одною изъ такихъ просьбъ я и хочу познакомить читателя по переданному мнѣ письму:

„Въ мѣстечкѣ Барановичи, Минской губерніи, Новогрудскаго уѣзда съ 1900 г. открылось Благотворительное Общество, которое задалось цѣлью облегчить неотложную нужду жителей мѣстечка и окрестнаго крестьянскаго населенія въ вопросахъ обученія и подані медицинской помощи. Насколько неотложна помощь въ этомъ отношеніи, можно судить по тому, что въ сельскихъ школахъ, разсчитанныхъ на 50 человѣкъ, обучается до 200. Дѣти вынуждены пристраиваться съ тетрадями и книгами не только по окошкамъ но и на полу. Воздухъ въ помѣщеніяхъ спирается до такой степени, что становится трудно дышать. Въ самомъ мѣстечкѣ Барановичи, насчитывающемъ свыше 12.000 жителей, до открытія школы Благотворительнымъ Обществомъ, не было ни одной школы; благодаря стоянкѣ въ Барановичахъ войскъ, процентъ незаконнорожденныхъ дѣтей огромный, и этотъ элементъ, не имѣющій, въ силу отсутствія отцовъ, никакого призора, часто не имѣющій ни теплаго угла, ни питанія, особенно нуждается, чтобы о немъ позаботились, чтобы его призрѣли, обучили, дали бы ему возможность зарабатывать свой хлѣбъ честнымъ трудомъ. Открытая Благотворительнымъ Обществомъ школа даетъ въ этомъ отношеніи очень мало, но и то, что дѣти получаютъ въ ней—грамотность и человѣческое къ нимъ отношеніе—велико, хотя, очевидно, недостаточно. Теперь Благотворительное Общество задалось цѣлью открыть при школѣ ремесленное обученіе, на что и собираются имъ средства. Медицинская помощь, оказываемая населенію обществомъ, выражается въ поѣздкахъ врачей, членовъ Общества, къ больнымъ по ихъ приглашенію, и выдачѣ имъ безплатно лѣкарствъ, а также въ безплатномъ же ихъ пріемѣ въ амбулаторіи общества 3 раза въ недѣлю съ выдачей недостаточнымъ лѣкарствъ. Насколько эта помощь настоятельно необходима, видно по дѣятельности амбулаторіи, въ которой въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ—наиболѣе тихихъ—было принято свыше 1.000 человѣкъ и затрачено Обществомъ на медикаменты свыше 100 р. (по аптекарской таксѣ свыше 1.000 р). Больные пріѣзжаютъ въ амбулаторію Общества за 80 верстъ и болѣе: но главный контингентъ ихъ составляютъ крестьяне окрестныхъ деревень въ районѣ 15 верстъ. На весь Новогрудскій уѣздъ, имѣющій свыше 300.000 жителей, имѣется всего одинъ крестьянскій врачъ и нѣсколько фельдшеровъ. Не говоря о томъ, что при самомъ идеальномъ отношеніи врачей, они не могли бы оказать помощи всему этому населенію, отсутствіе выдачи лѣкарствъ въ большинствѣ случаевъ и

самую помощь сводитъ къ нулю, такъ какъ наша аптекарская такса совершенно не разсчитана на крестьянскій бюджетъ; а между тѣмъ болѣзненность населенія растетъ прямо на глазахъ напр., въ деревнѣ Заброды, Даровской волости, 4 года назадъ не было ни одного сифилитика, теперь же нѣтъ двора свободнаго отъ этой ужасной болѣзни. Еще 20 лѣтъ назадъ трудно было встрѣтить крестьянина съ катарромъ желудка, теперь же рѣдкій изъ нихъ не жалуется на эту болѣзнь. Чахотка, тифъ сыпной и брюшной свили себѣ прочное гнѣздо среди крестьянскаго населенія въ окрестныхъ деревняхъ. Нынѣшней зимой тифомъ переболѣли деревни Альсевичи, Екиховичи и Дубово изъ извѣстныхъ намъ, и переболѣли такъ, что не осталось почти ни одного двора, въ которомъ бы не было больныхъ. Придти на помощь крестьянамъ въ этой бѣдѣ настоятельно необходимо, а между тѣмъ средства Благотворительнаго Общества крайне ограничены. Необходимо пригласить постояннаго платнаго врача для амбулаторіи, такъ какъ врачи, члены Общества, несущіе, сверхъ своей необязательной службы Обществу, еще казенную прямо-таки выбиваются изъ силъ; принимая во вниманіе, что казенная служба отнимаетъ ежедневно время съ 9 до 2, а пріемъ въ амбулаторіи съ 2 часовъ почти до 8, и, такимъ образомъ, работа врача продолжается почти непрерывно 10 -11 часовъ, три раза въ недѣлю, не говоря про поѣздки въ деревни, которыя тоже отнимаютъ много времени и силъ. Чтобы пригласить врача, необходимо минимумъ 300 руб. въ годъ, за каковое незначительное вознагражденіе соглашаются поступить на службу нѣкоторые изъ новогрудскихъ вольнопрактикующихъ врачей. Амбулаторія мало-по-малу обзаводится различными инструментами; но сколько еще ей не хватаетъ! Прямо дѣлается больно, когда можно было бы легко человѣку вернуть зрѣніе и приходится отказываться отъ операціи, въ виду недостатка средствъ. Можно было бы изъ калѣки сдѣлать рабочаго, но больного некуда положить, -и отъ сравнительно простой операціи приходится отказываться! Все это крайне тяжело. Въ виду этого отъ лица Общества мы обращаемся съ просьбою ко всѣмъ, кто имѣетъ хотя какую-нибудь возможность помочь ему сколько-нибудь средствами, не стѣсняясь размѣромъ суммы пожертвованія, съ обозначеніемъ, на что именно, на школу или амбулаторію жертвуется,—и направляя таковыя пожертвованія на имя казначея общества Ивана Ивановича Дачиса, или же на имя предсѣдательницы Общества Ольги Александровны Владычанской на станціи Барановичи Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ Минской губерніи".

Да, „больно читать“, какъ пишетъ авторъ письма... За 10 цѣлковыхъ зрѣніе можно вернуть и за 12 руб. поставить рабочаго на ноги или вернуть ему здоровыя руки. А у слѣпого или безногаго за спиною еще ребятишки. Вспомнимъ еще о позорной „французской болѣзни“, распространяющейся въ деревняхъ черезъ ковшъ съ водою, черезъ общее блюдо щей, черезъ употребленіе одной ложки. И тутъ дешевое лѣченіе — и спасены отъ зараженія по невѣжеству десятки людей. Мнѣ разсказывала одна сельская учительница Вятской губерніи:

— Въ одинокой брошенной банѣ нѣсколько лѣтъ гнилъ отъ этой болѣзни, гдѣ-то и какъ-то заразившійся ею (черезъ пищу, можетъ быть, или черезъ питье) мальченокъ-пастушокъ. Ему было лѣтъ шестнадцать; деревня была на половину инородческая; мальчикъ былъ русскій, христіанинъ; ему никто не помогалъ: „Ишь, гнить началъ изнутри“. Родные удалились, т. е. его инстинктивно удалили изъ жилой избы, и положили въ баню. „Не издыхаетъ, все гніетъ“. Черезъ окошко туда подавали хлѣбъ и ставили воду. Мальчику должно быть горько было—и онъ... разгнѣвался что ли на судьбу: не умѣю, какъ выразить, но онъ, сперва молчаливый и терпѣливый, позднѣе впалъ въ человѣконенавидѣніе и богохульство. „Шайтанъ въ немъ“, рѣшила деревня: „онъ—бѣсноватый, онъ—дьяволъ, Бога хулитъ“. Мальчикъ,—какъ мнѣ говорила учительница,—произносилъ дѣйствительно неслыханныя богохульства, неслыханныя ругательства, и деревня, считая его сумасшедшимъ или одержимымъ, считала проклятымъ самое мѣсто, гдѣ лежалъ несчастный.—„Да чѣмъ же онъ былъ боленъ!“—воскликнулъ я.—„Сифилисомъ“.—„Какъ, въ 16 лѣтъ?!“—„Заразился отъ кого-нибудь, отъ рукопожатія, отъ поцѣлуя, отъ слюны“.—„А докторъ?“—„Доктора не было“.—„А... кто же былъ?!!“ — „Всѣ были, люди, родные, сосѣди, священникъ въ ближнемъ селѣ, урядникъ“. — „Такъ они бы свезли до городу“.—„Всѣ они считали его одержимымъ сатаной: что въ мальчикѣ сидитъ дьяволъ, такъ какъ онъ столь страшно ругается — въ этомъ были всѣ глубоко убѣждены, говорили объ этомъ серьезно и со страхомъ; не къ болѣзни со страхомъ, а къ присутствію дьявола: и мальчика этого прямо всѣ ненавидѣли и желали, чтобы онъ скорѣе издохъ. Но онъ долго не умиралъ. Я пробыла тамъ годъ учитель-

ницей, но онъ уже давно, годы лежалъ, весь въ ранахъ, гноѣ, съ нестерпимымъ запахомъ изъ окна, потому что и естественныя отправленія онъ совершалъ подъ себя, ибо баня была ему обречена и туда никто не входилъ, а ее потомъ, по смерти его, приговорено было уничтожить вовсе".

Между тѣмъ нѣсколько подкожныхъ вспрыскиваній ртути могло бы спасти отъ такого ужаса. Бѣдная Россія, гроза міра по оружію, съ милліарднымъ бюджетомъ, и о которой Погодинъ писалъ: „безмѣрно подумать—мысль цѣпенѣетъ"!

Да... „цѣпенѣетъ", только не отъ пространства, а отъ того, „*что дѣлается* и *каково жить* на семъ неизмѣримомъ пространствѣ".

Позволительно сказать читателямъ: помогите новогрудцамъ, вѣдь и тамъ такія картины или есть, или возможны завтра.

* * *

А вотъ еще письмо, полученное мною отъ 70-лѣтней почти бабушки. Я ее видѣлъ. Сухая, высокая, черная—она правда „какъ лишенная ума": послѣднія мысли, какъ и послѣднія искры въ ней жизни, тусклы. А около нея некрасивая, внимательная дѣвочка лѣтъ 13—14 и мальчикъ лѣтъ 10—11, удивительной, меня поразившей красоты и одухотворенности. Это—внуки. Вотъ письмо: я никогда не читалъ такого. Замѣчательно, что въ благотворительномъ учрежденіи, куда я обратился объ устройствѣ внучки (черезъ годъ она была устроена) — отказались прочесть это письмо:—„Привыкли -и на насъ уже теперь ничего не дѣйствуетъ". Когда изъ кабинета директора этого учрежденія я пошелъ обратно — меня пропустили черезъ „залу совѣта": стѣны подъ мраморъ, тяжелыя съ позолотой кресла, и такое величіе обстанов-

ки, что я смутился и опустилъ голову. Эхъ, нужна намъ *демократическая* помощь, изъ *демократическихъ рукъ*, и мѣщаночками или крестьянками управляемая и распредѣляемая, а не графинями и княгинями:

Милостивый Государь, В. В.

Крайне неловко и трудно мнѣ, неизвѣстной, утруждать собою и отнимать занятое ваше время.

Простите великодушно, и снисходительно выслушайте упавшую духомъ, совершенно отчаявшуюся, полуживую женщину. Не разъ, съ зимы начинала обращеніе мое къ вамъ, и рвала въ горѣ отъ неумѣнія своего выражать мысли и чувства. Въ переживаемой мной агоніи, я мечусь и карабкаюсь, какъ мышь, попавшая въ ловушку, нигдѣ не нахожу выхода,—не знаю, что̀ дѣлать, какъ жить дальше; думала и передумывала я, 1000 разъ, гдѣ найти мнѣ человѣка съ великой душою, чтобы хоть выслушалъ милосердно и участливо,—научилъ, посовѣтовалъ что нибудь.—Вотъ и пришла мнѣ мысль писать вамъ, котораго знаю только по печати впрочемъ: и не знаю, туда-ли я стучусь. Къ кому-же, какъ не къ вамъ идти, молить о состраданіи и добромъ отношеніи къ погибающему брату-ближнему! Горе осилило меня,—захлебываюсь имъ, какъ утопающій; въ слезахъ, у ногъ вашихъ прошу прощенія;—съ добротою вашею примите меня,—протяните руку,—такъ ужасно жить какъ въ глухой пустынѣ: стукайся головой о стѣну,—кричи,—никто не услышитъ ни здѣсь, ни на небѣ. Микроскопическія былинки мы въ мятущемся живущемъ на землѣ, но тоже люди,—какъ нибудь надо жить и намъ, пока живы.

Задавятъ насъ и не замѣчаютъ,—насъ-же винятъ и клеймятъ паріями, подонками. Лично для себя мнѣ ничего отъ жизни не нужно, не обольщаюсь никакими благами ея, не вѣрю въ нихъ; дѣйствительность и опытъ вытравили всѣ мои иллюзіи. Ни на что хорошее не надѣюсь и для птенцовъ своихъ, о которыхъ и страдаю,—но что-же мнѣ дѣлать съ ними, куда укрыть ихъ! Не выбросишь, какъ щенятъ въ помойную за ненужностью, троихъ дѣтокъ, участь которыхъ связана съ моею отжитой жизнью.—Ничего опредѣленнаго я не прошу, не рѣшилась бы просить, сдѣлайте для насъ, что сами найдете возможнымъ. Вы семьянинъ и поймете,

услышите мои сокрушенія. Посовѣтуйте, укажите, помогите содѣйствіемъ въ добромъ дѣлѣ. Одно ваше участіе, мнѣ кажется, будетъ намъ уже спасеніемъ. Ваша извѣстность (? В. Р.), знакомства съ множествомъ лицъ выдающихся (?!! В. Р.), большихъ и вліятельныхъ, можетъ быть, и дадутъ вамъ возможность какъ либо помочь намъ и спасти хоть одного ребенка, висящаго надъ пропастью. Прошу объ истинно несчастнѣйшихъ ребятишкахъ, въ положеніи хуже сиротства. Виноваты-ли дѣтки, являющіяся жить въ жестокій, полный неправдою и злобою, міръ. Даже молодымъ, полнымъ силъ, въ одиночку,—невыносимо стало жить: каково-же съ дѣтками и каково дѣткамъ, въ бѣдности граничащей съ нищетою?

Нависло что-то надъ жизнью, надъ всѣми,—холодно, страшно жить! Всѣ видятъ, испытываютъ, пишутъ объ этомъ — во всѣхъ лагеряхъ. Горе рождающимъ и родящимся! Всякому только до себя и хорошимъ-то. А злодѣи-звѣри совсѣмъ осатанѣли въ злобѣ своей. Спасайся, кто и какъ можетъ,—вотъ девизъ настоящаго. Все себѣ и своимъ забрали богатые и сильные,—насъ оставляютъ червяками растоптанными, пресмыкаться; у дѣтей нашихъ отнято все: природа, воздухъ, питаніе, наука, красота, чуства; все, все рѣшительно—не для насъ, бѣдняковъ! Одному ребенку не вымолить пристанища, чтобъ выросталъ онъ безъ искушеній на пользу общую и свою. Тщеславятся,—придумали оживлять и выращивать недоносковъ, чтобъ этихъ-же несчастныхъ потомъ затравить медленною пыткою: здоровыя, сильныя дѣти гибнуть нравственно и физически подавляющими массами. Гдѣ-же искать спасенія?! Въ чемъ оно,—долго-ли ждать его?! Какъ-же жить сейчасъ? Третируютъ насъ ничтожествами, леденятъ величественною неприступностью и презрительностью, и всѣ одно говорятъ, что нуждающихся слишкомъ много и изъ насъ нужно выбирать достойнѣйшихъ. Да развѣ дѣти не всѣ достойны участія; слишкомъ много и недостойныхъ, благоденствующихъ, все отравляющихъ пошлостью и безумісмъ своимъ и никому не дающихъ жить. Но почему-же они одни, а не всѣ! Господи, Господи, гдѣ-же Ты?! Зачѣмъ-же нужны наши страданія и жизнь наша! Въ религіи нѣтъ прибѣжища. Некуда пойти услышать бодрящій привѣтъ и слово добра. Никому мы не нужны! Человѣкъ ничтожнѣе желтыхъ башмаковъ. Культивируютъ деревья, растенія, улучшаютъ породы животныхъ, а человѣкъ пропадай, какъ самъ знаешь, для него только и придумываются всѣ способы мучить въ жизни, истреблять его ужасающими разумъ войнами. Охъ,—про-

стите меня, ради Христа: наболѣвшая душа невольно высказалась и стонетъ. Вы-ли не знаете всего,—думаете за насъ, ратуете за обойденныхъ.—Дѣти, о которыхъ упоминаю,—это внуки мои. Родной отецъ ихъ существованіемъ своимъ только вредъ приноситъ имъ; мать ихъ, моя замужняя дочь, около 2-хъ лѣтъ какъ сошла съума, находится въ провинціи, въ губернской психіатрической больницѣ, имѣю объ этомъ форменное свидѣтельство завѣдующаго врача. Зять — маленькій чиновникъ, погибшій въ пьянствѣ. Дочь помѣшалась отъ мученической доли своей. Двоихъ изъ дѣтей ея мы съ умершимъ мужемъ моимъ взяли къ себѣ на воспитаніе съ рожденія ихъ. Защитницею и радѣльницею дѣтямъ осталась я одна, бабушка, съ пенсіею въ 250 р. годовыхъ.

Лелѣяла ихъ съ колыбели, въ нихъ свѣтъ жизни моей, и ничего одна не могу для нихъ сдѣлать, не нахожу никого, кто бы сжалился надъ ними и помогъ мнѣ хоть одного устроить и поставить на честную дорогу труда. Умру,—оставлю все равно что на улицѣ, несомнѣнно пропадутъ дѣтки неустроенными, малы еще: немногіе, какъ М. Горькій, спасаются и выходятъ къ свѣту изъ омутовъ.—Безъ родного дома, безъ ласки и поддержки любящихъ близкихъ, потянутъ малыши мои долгую лямку зависимости бѣдняковъ. У меня уже нѣтъ и энергіи отстаивать и бороться за этотъ 2-й мой выводокъ,—здоровье и силы (безъ преувеличенія) уходятъ отъ меня съ каждымъ днемъ, больная духомъ и тѣломъ, вдребезги разбитая пережитымъ и переживаемымъ, я только руина, обломки человѣка,—представляю собою движущіяся „живыя мощи“, мнѣ уже не дадутъ и работы ради дѣтокъ, — молодыхъ многое множество. Я отстрадала уже во всѣхъ положеніяхъ свою долюшку женскую и какъ дочь, какъ жена и мать, и вотъ все еще терзаюсь и за внуковъ.

Родилась я въ угасающемъ сословіи потомственныхъ дворянъ, видѣла и испытала ужасы крѣпостныхъ временъ и деспотизма;— отецъ мой, не вѣдая, что творилъ, взятъ былъ въ опеку за расточительность и жестокое обращеніе съ рабами, умеръ въ больницѣ; чудное имѣнье наше погибло, т. е. продано и раздѣлено между 9-ю наслѣдниками. Большая семья моя разсѣяна по Россіи. Чиновными и богатыми никто изъ насъ не вышелъ: братья—многосемейные труженики, а мы, сестры, всѣ бѣдствовали и бѣдствуемъ съ дѣтьми своими. Изъ отчаго дома я спаслась въ 17 лѣтъ, замужествомъ за дворянина-же 21 года. Покойный мужъ, ярославскій ли-

ценстъ, былъ тоже сыномъ своего переходнаго времени: кроткій и деликатный, съ открытою душою и непрактичный, какъ младенецъ, карьеры онъ не сдѣлалъ: большая часть его службы прошла въ провинціи по захолустнымъ городкамъ. Всѣ, кто близко зналъ мужа, располагались къ нему, хранимъ и мы о немъ добрую и печальную память. Жизнь наша прошла безъ большой нужды, но и не празднично, и доставалась дѣтямъ моимъ тяжелою битвой. Къ зрѣлымъ годамъ мужъ уже былъ больнымъ совсѣмъ, и недослуживъ лѣтъ 3-хъ почти—совсѣмъ ослѣпъ, представленъ былъ къ 600 р.—получилъ 500 р. пенсіи и 5 лѣтъ какъ умеръ полнымъ слѣпцомъ.—Мужа всегда притягивалъ и прельщалъ Петербургъ и въ 70-хъ годахъ служилъ онъ и здѣсь помощникомъ дѣлопроизводителя. Тогда-же мы владѣли небольшою библіотекою для чтенія, при насъ она существовала на Владимірской ул.—Мужъ былъ горячимъ поклонникомъ литературы, сотрудничалъ и самъ рисунками и мелочами во всѣхъ юмористическихъ изданіяхъ того времени, начавъ еще съ „Искры“; редактировалъ онъ и листокъ „Маляръ“, нынѣ „Шутъ“, Н—въ его фамилія. Трое дѣтей моихъ всѣ уже погибшія: сынъ давно умеръ учащимся юношею, въ лишеніяхъ получивъ чахотку. Дочери 2 хорошо прошли гимназію, были недурны собою, и нравственны; но не улыбнулась судьба моимъ безприданницамъ — не имѣли онѣ свойствъ взять свое счастье съ бою, скромныя и даже застѣнчивыя идеалистки, увлекались вѣяніями своего времени и неустанными труженицами провели лучшіе годы молодости своей.

Старшая послѣ курсовъ осталась въ Петербургѣ, замужъ не вышла, и учительствуетъ уже 21 годъ. Крайне переутомленная,—не по натурѣ ей и не по силамъ—трудною дѣятельностью, безвременно отжившая и совсѣмъ больная, съ разбитыми нервами, тянула она свой нелегкій трудъ; мѣнять дорогу ей уже поздно и безъ средствъ и протекторовъ невозможно. Младшая дочь, мать ребятишекъ, жила съ нами въ провинціи, много занималась музыкою, давала уроки, играла танцы на вечеринкахъ,—стремилась она къ простотѣ жизни по-Толстовски, и въ 27 лѣтъ пожелала хоть крошечнаго своего гнѣздышка: такъ немногаго желала и такъ жестоко поплатилась, горемычная! Жизнь ея была настоящимъ мартирологомъ всякихъ страданій и скорбей. — Въ первые годы мужъ благоговѣлъ передъ нею, считалъ счастіемъ и честью, что она повѣнчалась съ нимъ, но нужда преслѣдовала ихъ: частыя дѣти, бо-

лѣзни, неудачи и лишенія довели его до паденія. Мы взяли у нихъ 2 дѣтей на воспитаніе, помогали имъ, но съ переѣздомъ нашимъ въ Петербургъ жизнь ихъ стала совсѣмъ невозможною. Не дурной по натурѣ, зять выросъ въ грубой семьѣ мелкаго духовенства, съ 15 лѣтъ его помѣстили уже служить съ 4-мя руб. жалованья. Забитый и заброшенный въ дѣтствѣ, онъ много читалъ, но былъ замкнутъ и озлобленъ и, по обычаю среды своей, искалъ общенія съ людьми въ трактирахъ. Тамъ-же глушилъ и свои невзгоды и обиды. Буйный въ пьянствѣ, какъ разбойникъ, все онъ сталъ тащить изъ дома, и, требуя денегъ—бросался бить дочь чѣмъ попало. Всегда тревожная, сокрушаясь за участь дѣтокъ, она пріѣзжала къ намъ сюда, мы убѣждали ее жить съ нами, но она долго не рѣшалась искать разрыва съ мужемъ судомъ, а онъ не давалъ ей отдѣльнаго вида; и при первомъ-же приступѣ къ суду, послѣ ужаснаго погрома, когда мужъ чуть не задушилъ ее—вырвавшись, гдѣ-то она проскиталась ночь, и найдена была уже помѣшанною съ острыми галлюцинаціями. Страшно и вспомнить, какъ пережила я это огромное горе мое, разразившееся неожиданно. Безъ ужаса и тоски не могу и сейчасъ думать о несчастной больной своей. О случившемся съ нею меня извѣстили родственники зятя и знакомые, и умоляли сжалиться надъ дочерью, пріѣхать за нею и взять ее къ себѣ съ оставшеюся при ней третьей дочкой 5 лѣтъ. Что могла я сдѣлать въ моемъ положеніи, живя съ дѣтьми по комнатамъ? кто помогъ бы мнѣ здѣсь устроить дочь. Мнѣ и ѣхать было не на что, просить не у кого, я рвалась и билась, какъ прикованная на цѣпи. Дочь учительница лечилась тогда въ Оренбургской губерніи. И 2 года вотъ, а я все еще не могу съѣздить туда повидать дочь и взять третьяго ребенка: мои и тетки-учительницы деньги всѣ расходятся на содержаніе и на здѣшнихъ дѣтей. Просила я тогда билетъ на проѣздъ въ полиціи,—отказали безъ протекціи. Намъ ли, бѣднымъ, возможны чувства и поѣздки,—это привилегія богатыхъ! Послѣ смерти мужа чего только не переиспытала я здѣсь съ дѣтьми на рукахъ и съ вдовьею пенсіей. Мы снова перебрались сюда 8 лѣтъ назадъ, привезли съ собою и внуковъ воспитанниковъ; мужъ все надѣялся у знаменитостей глаза поправить, вѣдь такъ ужасно ослѣпнуть, и дочь у насъ здѣсь служила; планировали мы, что и мать дѣтей съ нами здѣсь устроится и найдетъ себѣ что нибудь. Но все это обернулось иначе. Имѣли мы и квартиру съ жильцами, гдѣ мужъ умеръ, кочевала я и по

комнатамъ-каютамъ въ 6—7 р.—ожидая пріѣзда дочери; закладывала и продавала оставшееся и исчерпала все до образовъ и платья. Простите, я такъ много и скомканно написала, но какъ, не объяснивъ, просить объ участіи; а дѣла мои такъ спутались и осложнились, — необходимо о столькомъ упомянуть, — сжато не выходитъ, хоть и понимаю, что могу утомить до невѣжливости. Хотѣла лично къ вамъ представиться, взять съ собой и дѣтокъ, но безъ вашего отвѣта и разрѣшенія не смѣю; самоувѣренною не была я и прежде, а теперь и совсѣмъ убитая. Смущаясь, я волнуюсь и теряюсь, и хуже письма,—путанно,—буду говорить. Теперь я живу съ дочерью учительницею, вторую зиму занимаемъ крошечную пріемную при школьной ея квартирѣ для учителей, подъ страхомъ навлечь на дочь непріятность. Она 20 лѣтъ безупречно уже прослужила городу Петербургу, по 2-мъ учрежденіямъ,—18 лѣтъ учительницею начальныхъ городскихъ училищъ,—но не всегда имѣла помѣщеніе, могущее вмѣстить насъ всѣхъ. Все время, до прошлаго лѣта, дочь получала не 50 р., а 43 р. жалованья въ мѣсяцъ — 5 р. вычиталось у нея на учителя пѣнія и 2 р. на пенсію. Послѣ юбилейныхъ торжествъ [1]), Комиссіей по народному образованію учащимъ прибавлено по 10 р. въ мѣсяцъ жалованья, но за то ихъ лишили Рождественской награды въ 50 р. Дочь помогала мнѣ и давала на дѣтей больше, чѣмъ могла. Вездѣ, гдѣ она могла, назанимала,—и запутала всѣ дѣла свои ради внуковъ моихъ, а ея племянниковъ: не на одинъ еще годъ оставалось ей выплачивать долги. Всегда она желала взять у сестры одного изъ дѣтей и усыновить, но это не состоялось вслѣдствіе помѣшательства другой дочери. Надѣялась моя учительница, что ея продолжительная педагогическая служба дастъ ей право на стипендію для воспитанника племянника; въ этомъ убѣжденіи ее поддерживали и училищные эксперты, гг. Валенсъ и Семеновъ, обѣщая свое содѣйствіе. Былъ и еще вѣрный протекторъ, устроившій ее въ городскія учительницы, — это Н. А. Варгунинъ; но всѣ они, на наше несчастіе, умерли, пока дѣти подростали еще. По нервности своей дочь не можетъ ко всѣмъ приставать съ просьбами,—вылѣзать на глаза и выхвалять себя,— не любитъ она фигурировать и на базарахъ и другихъ торжествахъ.— При ней перемѣнилось уже 5 предсѣдателей Комиссіи, — каждый

---

[1]) Юбилей 200-лѣтія основанія Петербурга въ 1903 году.

В. Р—въ.

имѣетъ своихъ новыхъ протежируемыхъ,—давнія учительницы не на виду и размѣщаются по окраинамъ Петербурга.

NN,[1]) начальникъ дочери—землякъ намъ, и когда-то отцы наши были сосѣдями и кумовьями, братья его въ одной бричкѣ ѣздили съ моимъ мужемъ,—съ каникулъ, въ гимназію,—однокурсница и я по пансіону съ его сестрою: но теперь это—олимпіецъ, недосягаемая знаменитость и величіе для большинства подначальныхъ.—Самъ онъ на празднествахъ подноситъ букеты учительницамъ-юбиляркамъ и болѣе всего поощряетъ все показное и декоративное,—повседневно-же, по личнымъ дѣламъ учительницъ, на бѣгу выслушиваетъ и двумя словами рѣшаетъ просьбы ихъ. Мы передъ нимъ—„трепещащіе пискари", страшимся попадать подъ уничтожающіе взоры его.—Просила дочь 2 года о стипендіи для старшей внуки,—сказали сначала, что нужно дѣвочку помѣстить въ учебное заведеніе и тогда просить за нее. Поступила внука въ гимназію, 2 года тетка платила за нее по 100 р., повторяя просьбы свои по начальству,—тянули-тянули и наконецъ отказали бумагою, на томъ основаніи, что воспитанница—только *племянница* просительницы и имѣетъ *отца*. Стипендіи въ Комиссіи раздаются, какъ вездѣ, по протекціи и усмотрѣнію; семейныхъ учительницъ немного, и получаютъ стипендіи вовсе даже не родственницы преподавательницъ и не сироты; львиную же долю какъ-то ухитряются получать своимъ дѣтямъ батюшки законо-учителя.—Вездѣ, гдѣ только можно было, побывала и я,—просила за внуковъ; но одни отказы получала:—„не сироты"; да и чего чего не наслушалась я,—то подъ „правила" и „уставы" не подходимъ, вездѣ не туда я зашла,—посылаютъ въ другое учрежденіе, и слова просто не скажутъ, не то что совѣта и участія. Безъ протекторовъ лучше и не показываться; не выслушавъ—уже раздражаются, и съ первыхъ словъ отказываютъ, уничтожая неприступностью и презрѣніемъ. Возвращаясь съ этихъ экскурсій, я выносила чувство такой приниженности и виноватости передъ всѣми, что и дома невольно хотѣлось, какъ побитой собакѣ, подъ столъ запрятаться и выть, выть. Все не для насъ и навсегда занято.—Не только дѣтей устроить—комнату дешевую я ищу 2 года, обошла всѣхъ наряднихъ дамъ-патронессъ, всѣ общества и общежитія для бѣдныхъ, интеллигентныхъ и престарѣлыхъ, до простыхъ богадѣленъ. Оче-

---

[1]) Имя лица, очень извѣстнаго въ Петербургскомъ городскомъ управленіи.—*В. Р—въ.*

видно и этого невозможно получить безъ протекторовъ, — отказы подъ всѣми предлогами. — Въ учрежденіяхъ Высочайшихъ Особъ просила о дѣтяхъ и о пособіяхъ, отказали; и только душу мнѣ изранили дамы, посѣщавшія меня изъ Комиссіи прошеній. Эти толстыя получательницы синекуръ только и угощаютъ назиданіями и совѣтами—для себя имъ это выгоднѣе, конечно. Въ первый разъ отказали и нашли, что я „имѣла свою квартиру съ жильцами", хотя и жила съ дѣтьми въ кухнѣ у себя,—что я „не лежу въ постели съ неизлѣчимымъ недугомъ", что „мужъ былъ не здѣшній и не заслуженный",—„что дочь моя служитъ" и проч.; у внуковъ „отецъ есть", къ нему указываютъ „отослать дѣтей, а самой жить покойно на свои 20 р." Я должна для этого переродиться, чтобъ одной благодушествовать,— а внуковъ къ отцу отослать—то все равно, что здѣсь за дверь ихъ вытолкать и сказать: „живите сами какъ знаете, дѣтки". Хорошо имъ, жирнымъ тряпичницамъ, указывать: на себѣ бы попробовали. Велятъ еще дѣтей въ пріюты раздать или ремеслу учить. Спаси Господь каждаго отъ пытки о чемъ либо просить, не защищенной привилегіями и аттрибутами состоятельности: отъ швейцаровъ—и то униженій натерпишься. Есть у меня землячка и соученица, съ одинаковымъ чиномъ мужа, съ пенсіей въ 300 р.; 2 сына ея служатъ, дочери замужемъ за чиновниками и воспитывались онѣ въ Екатерининскомъ Институтѣ. Мужъ ея не мудреный былъ полячекъ, служилъ на газовомъ заводѣ, и она ото всюду получаетъ какія то пособія, потому что дядя ея былъ и кузенъ есть фонъ-К—нъ. Это факты. Я же для всѣхъ презрѣнная, докучная старушенка, виноватая, что живу и прошу. Безъ протекцін шагу не сдѣлаешь,—не дыши на свѣтѣ; а съ этою волшебною палочкой чудеса творятся, множество знаю примѣровъ объ этомъ. Внуки мои—нищія дѣти, но по полу, въ грязи не валялись, за водкой не бѣгали, щелчка на себѣ не видали,—живутъ съ нами 8 лѣтъ здѣсь, отца своего почти не помнятъ. Рада бы я и ремесламъ ихъ учить, но на это нужны тоже деньги или протекція. А своими руками какъ погублю дѣтскую душу,—вдумчиваго, не по годамъ развитаго [1]) мальчика своего отдамъ въ мастерскую русскаго ремесленника, пьянаго, темнаго, и дикаго, какъ звѣрь,—или дѣвочку способную изъ гимназіи къ портнихамъ перемѣщу?

Моя родная сестра служила учительницею въ пріютахъ и знаетъ,

[1]) Правда—удивительный мальчикъ.—*В. Р—въ.*

видѣла, какъ въ наши дни издѣваются и тиранятъ дѣтокъ въ этихъ клоакахъ—неучи, хамы богачей, попадающіе по протекціи въ начальство. Царятъ тамъ и бо́льшіе еще ужасы. Всѣмъ извѣстно, что пріюты изготовляютъ испорченныхъ и озлобленныхъ,—на все готовыхъ, будущихъ голодныхъ хулигановъ и проститутокъ.

Обращалась я и къ частнымъ учрежденіямъ: въ „Общество попеченія о дѣтяхъ умалишенныхъ“,—не подходимъ мы. Общество спасенія дѣтей „Синій Крестъ“ исключительно помогаетъ дѣтямъ рабочаго сословія. „Общество защиты дѣтей“, учрежденное покойнымъ Г. Герардъ, тоже отказало мнѣ—сначала потому, что у нихъ спасаютъ дѣтей отъ жестокаго обращенія;—потомъ, благодаря доброй супругѣ секретаря Общества, г-на Оппель, онъ принялъ мое ходатайство, обѣщалъ содѣйствіе свое въ устройствѣ внуковъ; но два раза вызывали меня,—пока только затѣмъ, чтобы передать полученные имъ для насъ отказы въ училищахъ принцевъ Ольденбургскихъ. Завѣдующіе чиновники въ учрежденіяхъ Вдовствующей Императрицы по прошеніямъ не протежируемыхъ и хода не даютъ—это всѣ знаютъ.

Дочь-учительница была еще у покойнаго Попечителя Учебнаго Округа Г. Голови́на; участливо отнесся, призналъ за дочерью право просить объ образованіи племянника въ силу ея дѣятельности, обѣщалъ мальчика нашего освободить отъ платы за ученіе и принять потомъ живущимъ, когда онъ поступитъ въ гимназію и хорошо будетъ учиться. Теперь Попечитель новый, молодой, иначе можетъ взглянуть; да и съ конкурсными экзаменами долгія мытарства, тоже зависящія отъ протекціи и усмотрѣнія,—узнала я все это при опредѣленіи внучки,—и выдержитъ ребенокъ, да скажутъ „молодъ“ и замѣстятъ другимъ. Нашему мальчику недавно еще 10 лѣтъ минуло. Еще дочь просила протекціи у своего попечителя школьнаго Г. Г—ндъ; обѣщалъ все,—и любезнымъ письмомъ извѣстилъ, что по справкамъ его стипендій свободныхъ не оказалось. Къ слову сказать: дочери этого богатаго архитектора и домовладѣльца тоже служатъ въ Комиссіи,—одна учительницею рисованія въ многоклассныхъ училищахъ, другая завѣдующею безплатной читальни: если такія состоятельныя особы желаютъ получать жалованье, то чего же намъ то ждать, бѣднякамъ? Въ тоже время надумалась я просить о внукѣ гласнаго и члена Комиссіи, беллетриста Н. А. Лейкина: лично я не была ему извѣстна написала такъ же, какъ вамъ. Онъ одновременно съ мужемъ со-

трудничалъ въ „Искрѣ“,—и теперь былъ такъ добръ, благосклонно отнесся къ моей просьбѣ: черезъ 2 недѣли дѣвочку нашу назначили стипендіаткою города и будутъ за нее,—съ прошлой осени до окончанія курса,—платить въ гимназію за ученіе. Это было бы большимъ благомъ для насъ, но дѣло въ томъ, что дочь-то учительница разболѣвается,—въ эту зиму 3 мѣсяца не занималась, лежала, въ отпуску была. Не надѣется она и меня пережить, или быть годною попечительницею и воспитательницею племянниковъ. Я и сама уговариваю ее оставить службу: докторъ говоритъ, что у нея возможенъ нервный, или прогрессивный параличъ, или же того хуже—ипохондрія. Она уже выслужила полъ-пенсіи своей, что то около 200 р. Придется ей больной и одной-то бѣдствовать съ такимъ капиталомъ,—дешевыхъ мѣстностей нигдѣ теперь не осталось въ Россіи,—помогать же племянникамъ нечего и думать. Взять продолжительный отпускъ для лѣченія она не можетъ, жить будетъ нечѣмъ; одинъ исходъ—службу оставить. Проектируетъ она поселиться въ глухомъ монастырѣ для покоя и тишины,—но безъ пострига тамъ, вѣроятно, вкладъ спросятъ. Безъ нея и мнѣ съ дѣтьми оставаться въ Петербургѣ немыслимо: если опуститься и до подвальныхъ угловъ (которыхъ я больше смерти боюсь за дѣтей), то всетаки намъ здѣсь троимъ не прожить на мои 20 р.; съ голода уморю и себя и дѣтишекъ, они все растутъ, имъ теперь больше всего нужно. Тетка тратила на нихъ до 200 р. на одѣваніе, учебники, плату за мальчика и проч. и проч. Моя пенсія уходила только на содержаніе, и такъ уже я измучилась за дѣтокъ, и больше не вынесу такой муки-жизни: всякому видно, какія они у меня истощенныя отъ недоѣданія, искалѣчены уже катаррами и малокровіемъ. Въ эту зиму корь вынесли оба, и за то пришлось дочери поплатиться: дѣти наши отъ школяровъ заразились, но по правиламъ Комиссіи, если бы это были и родныя дѣти учительницы, то ихъ нужно было увезти изъ школы, для дезинфекціи,—и 6 недѣль я прожила съ дѣтьми въ меблированныхъ комнатахъ.

Просить пособія по болѣзни племянниковъ нельзя,—не дадутъ. Счастье еще, что внуки мои хорошо учатся, что и подтверждаютъ отмѣтки ихъ, и развитѣе они большинства своихъ соучениковъ. Начальство хвалитъ ихъ, особенно о мальчикѣ получаю самые лестные отзывы,—способный,—но огорчаетъ меня, что слишкомъ онъ тихій, серьезный и нервный. Отчаянно жаль ихъ бѣдняжекъ, совсѣмъ не дѣтскую жизнь ведутъ, безъ природы, безъ малень-

кихъ радостей и впечатлѣній; — шумнаго и счастливаго дѣтства не знали, со стариками въ тѣснотѣ всегда, — учатся и читаютъ цѣлыми днями. Вотъ и притихли, вмѣстѣ съ нами вздыхаютъ и раздѣляютъ всѣ заботы о недостающихъ копейкахъ. Тяжело ложится на нихъ и атмосфера нашего уныніе, или даже мрачности, разочарованія болѣзненнаго. Третій годъ мы и изъ города не выѣзжаемъ; по конкѣ, на пароходикѣ, на травку съѣздить—и то уже для насъ расходъ не по средствамъ. Горю какъ въ огнѣ и не знаю, о комъ думать нужнѣе, кого жалѣть больше: погибшихъ или погибающихъ моихъ. Жизнь бы отдала за счастье внуковъ, но и самое ничтожное для нихъ не въ моей волѣ.

Ясно, что уѣхать отсюда необходимо, но и ѣхать не куда,—не на что. Къ зятю отвезти дѣтей—жестоко: вездѣ имъ будетъ лучше, только не съ отцомъ. Совсѣмъ уже онъ потерянный. Иногда и служитъ, но за все время не вспомнилъ, не написалъ, не спросилъ о дѣтяхъ, не прислалъ имъ никогда 3-хъ р. на праздники. Его заботы о дѣтяхъ выразятся въ томъ, что отниметъ ихъ у меня, раздастъ куда-нибудь и будетъ пропивать ихъ заработокъ. Если бъ онъ былъ крестьянинъ, рабочій, но трезвый,—не держала я бы дѣтей при себѣ, для ихъ пользы; но никто не вѣритъ мнѣ и указываютъ, что „у дѣтей—отецъ". Есть у меня и еще заноза глубокая,—это третья, младшая внучка: чуть не стала и она калѣкою отъ испуга, въ ночь, когда матери лишилась; сжалились посторонніе бѣдняки и пріютили ее у себя, пока я за ней не пріѣду; но, не дождавшись меня, сдали родственникамъ зятя. Они всѣ многосемейные и бѣдные тоже, пишутъ мнѣ, просятъ взять малютку, ищутъ—съ кѣмъ ко мнѣ ее прислать, и передаютъ изъ дома въ домъ. Мы съ дѣтьми и вспомнить не можемъ безъ слезъ и страха объ этой брошенной нами малюткѣ несчастной,—я стону только и день и ночь, и ничего не придумаю о ней, ее то ужъ не спасешь и отъ пріюта. Первое время, когда дочь была уже въ больницѣ, отецъ, кочуя по трактирамъ, бралъ съ собою и дѣвочку эту, — пряталъ ее тамъ подъ столами и въ кухнѣ, или ребенокъ дожидался его у дверей, на улицѣ; и это несчастное, береженное матерью дитя, и дома ночь и день находилась между пьяницъ, валявшихся на полу. У меня есть письма объ этомъ полуграмотной бабушки зятя. И все что я пишу вамъ отъ слова до слова—истина самая отчаянная, которую могу доказать въ каждомъ фактѣ. Это ли еще не несчастныя дѣтки, хуже многихъ сиротъ ихъ положеніе. И что же мнѣ съ ними дѣ-

лать,—Господи! –я на улицѣ, бываетъ, готова закричать — „помогите, спасите, посовѣтуйте, люди добрые“! Вѣдь есть же добрые и добро на свѣтѣ. Пусть я смѣшная, глупая старушенка, но не за себя я прошу, для меня одна могила нужна, но дѣтки мои, дѣтки,— и за что! Чѣмъ они хуже другихъ, чѣмъ виноваты? Но ужъ знаютъ они всю горечь бѣдности, тяжело имъ и за недочеты костюма быть послѣдними между товарищами и у начальства. Бѣдность въ наши дни не только что порокъ, но и язва прокаженнаго: отъ нея сторонятся, боятся. Не преступленіе-ли бѣднякамъ дѣтьми обзаводиться?

...Словомъ, я кажется еще не сошла съума, но пишу вамъ какъ безумная, я такъ запуталась, измучилась въ дѣлахъ своихъ, что и представить себѣ не могу, что будетъ съ нами осенью,—или даже и черезъ недѣлю. Простите Бога ради меня старую, мнѣ уже 64 года, мнѣ очень больно посылать вамъ мое неумѣлое, некорректное и домашнее письмо, если примусь его сокращать и передѣлывать, лучше не напишу и никогда не кончу, а откладывать дольше уже невозможно ради дѣтокъ...

Александра Н—ва. 1904 г., 14 мая.

Вотъ, мнѣ кажется,—паѳосъ и стимулъ демократіи, какъ онъ переданъ не другими, а говоритъ самъ о себѣ и самъ за себя. *В. Р.*

* * *

Вотъ еще письмо — какъ-бы о нищей и больной деревнѣ, въ параллель этой полу-живой старухѣ. Привожу все это къ тому, чтобы спросить: время-ли намъ завидовать венеціанскимъ колоссамъ, и, сравнивая ихъ съ лаврскими колокольнями, спрашивать: „которая выше и тяжелѣе“, и радоваться, что „Богъ стрясъ башню Св. Марка за гордость“. Совсѣмъ другія темы... Орфографію письма сохраняю:

„Милостивый Государь, Г-нъ Редакторъ! Я осмеливаюсь попросить Васъ (,) нельзя ли поместить мое письмо въ Вашей много уважаемой газете (;) письмо мое следующаго содержанія. Я читалъ на первыхъ неделяхъ великово поста, что у многихъ Церквей были

наклѣены возванія на расширеніе православія въ Сибири (:) но поетому поводу я осмеливаюсь на писать (,) что есть въ нутри россій на примеръ въ Вологодской губерніи въ Тотемскомъ уѣздѣ Пятовской волости въ Новомъ Поселкѣ (,) въ которомъ на ходитца до 40-къ домовъ (:) выѣхали въ 1895 году за 40 верстъ отъ прежнево жительства и были вечные православныя Крестьянѣ (,) но теперь начинаютъ распространятця разныя Секты, какъ то Старообрясцы (,) на примеръ Семеновская вера (,) Федосеевская (,) Андреевская и такъ далее, послучаю тово (,) что не имеютъ православной Церквы на ростояніе более 25 верстъ (,) и не слыхали церковной службы съ 1895 года (;) ето только старыя люди (,) а молодыя даже не знаютъ что такое церковь, живутъ кругомъ въ лѣсу (;) бываетъ въ зимнее время на рождаитца младенецъ (:) родители должны вести для святого крещенія за 25 верстъ (,) но какъ же тутъ не быть греху, таково младенца вести въ зимнее время, а что весной когда разольютца рѣчки (,) тогда и не думай ехать, бываютъ случай кто либо помретъ и скрестьянъ въ такую распутицу (,) тогда куда же его деть (:) кладбища тоже не имѣютъ (,) должны держать дома до просухи, а чтобы исповедать и причастить больного (,) то етого нельзя и зделать некакъ, никто не согласитца съѣздить за священникомъ въ такую распутицу на своихъ клячахъ (,) которыя еле ходятъ по хорошей дорогѣ. Хотя бы кто и согласился съѣздить за священникомъ (,) но я уверенъ (,) что священникъ не осмелитца пуститца потокой дорогѣ, такъ какъ не можетъ быть не безопасной. Но какъ же тутъ здѣлать (?) крестьяне хлопочутъ уже более пяти лѣтъ (,) что бы разрешили построить церковъ и кладбище въ своемъ селѣ (,) но имъ разрешили и выслали планъ (,) но планъ оказался не правильной, отослали его переменить на следующей (,) но теперь уже три года прошло (,) а мужички не могутъ получить плану не того не другого (,) и подано прошенье (,) что бы разрешили рубить лесъ исъ казенныхъ дачъ для постройки церквы (,) но ничево досихъ поръ нету, мужички уже сколько расъ делали справки о полученіе ответа (:) на все ето получали только утешительныя ответы (,) что скоро будетъ, и ето скоро уже прошло три года (,) все еще ничево нетъ, и кто ето удярживаетъ (—) крестьяне понять не могутъ, такъ же просятъ на счетъ школы (,) имъ прислали отъ города учителя Мальчика (,) который только окончилъ городскую школу (:) какойже ето можетъ быть учитель (,) онъ только можетъ играть въ бабки съ учениками (,) а не учить крестьянской жизни. Поетому и просятъ кресть-

яне съ почтеніемъ и глубокимъ прискорбіемъ на пѣчатать въ Вашей уважаемой газеты (,) не откликнетца ли кто исъ православныхъ крестьянъ и не возьметцали за ето Святое дело своими руками по закону Божію.

Пишу сословъ Крестьянъ етово села.

Прошу перепечатать въ другія газеты." 1903 г. *Н. Б.*

Вотъ письмо, которое просится въ „Московскій Сборникъ" К. П. Побѣдоносцева. *В. Р.*

Духовенство въ училищахъ.

И вотъ, около этихъ деревенскихъ, городскихъ и столичныхъ картинъ,—что же дѣлаютъ „небесные человѣки, земные ангелы", монахи, монашествующіе, монастыри? Какъ напечатано („Богосл. Вѣстн.", 1905 г., сентябрь) въ „Запискахъ Преосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго",—Московскій митрополитъ получаетъ до 68.000 руб. дохода въ годъ: довольно много для „не возлюбившаго міра и лѣпоты мірской" отшельника. Итакъ,—и они въ станѣ тѣхъ „удовлетворенныхъ и не жаждущихъ", которымъ, увы, не накормить, не напоить голодныхъ и холодныхъ. Да и вообще все духовенство лежитъ въ сторонкѣ, лежитъ смиренько около этихъ слезъ, отчитывая свои „панихидки". Ну, какъ они по крайней мѣрѣ хоть *учатъ*? или исполняютъ вообще... *прямое* свое дѣло? И на этотъ вопросъ, кстати рѣшающій споръ и о томъ, *какъ* и *кому* и *чему* учить—отвѣчаютъ слѣдующія письма:

Въ газетѣ „Новое Время", отъ 3 апрѣля текущаго года № 10087, сообщается корреспонденція изъ Тихвина, что „незадолго до праздниковъ, по распоряженію Инспекціи народныхъ училищъ, были закрыты двѣ школы Благотворительнаго Общества: одна воскресная для дѣвочекъ, другая для нищенствующихъ дѣтей, подбираемыхъ съ улицы"; и что „причиною такого крутого мѣропріятія послужило неимѣніе въ обѣихъ названныхъ школахъ законоучителей; отсутствіе послѣднихъ произошло вслѣдствіе нежеланія

кого-либо изъ членовъ мѣстнаго духовенства преподавать учащимся Законъ Божій, не смотря на неоднократныя приглашенія сихъ лицъ Правленіемъ Общества, вслѣдствіе чего уроки Закона Божія велись тамъ учительницами, утвержденными въ своихъ должностяхъ установленнымъ порядкомъ". Школы эти были закрыты временно „впредь до назначенія туда законоучителей изъ лицъ непремѣнно духовнаго званія, а такъ какъ въ Тихвинѣ изъ духовныхъ особъ по прежнему никто не выражаетъ намѣренія принять предложенія Благотворительнаго Общества, то занятія въ школахъ послѣдняго по всей вѣроятности прекратятся надолго".

Сообщенное очень грустно и потому, что все происходитъ лишь отъ *„нежеланія"* кого-либо изъ членовъ мѣстнаго духовенства преподавать учащимся Законъ Божій: но это происходитъ въ провинціи и, быть можетъ, по причинѣ, что за труды законоучителя не можетъ быть производимо вознагражденіе. А вотъ чѣмъ же объяснить „нежеланіе" преподавать Законъ Божій законоучителемъ, приглашеннымъ спеціально съ этой цѣлью и съ вознагражденіемъ весьма приличнымъ, если это можно считать при оплатѣ годового урока въ 200 рублей. Между тѣмъ это фактъ и почти въ районѣ столицы: въ С.-Петербургской Земледѣльческой Колоніи, гдѣ число малолѣтнихъ, въ 200 человѣкъ, распредѣлено по грамотности въ девяти классахъ. Изъ нихъ четыре класса представляютъ нормальную одноклассную министерскую школу, въ которой обучается 60 мальчиковъ, не допущенныхъ еще до изученія ремесла, какъ малограмотные и недостигшіе соотвѣтствующаго возраста; пять же остальныхъ классовъ при мастерскихъ существуютъ для мальчиковъ, допущенныхъ къ изученію ремеслъ: слесарнаго, столярнаго, сапожнаго, портняжнаго и шорнаго. Эти дѣти въ свое время уже прошли вышеупомянутую школу, и впослѣдствіи явилась нужда въ повтореніи забытаго, а нѣкоторые изъ нихъ допущены къ изученію ремеслъ въ силу великовозрастности и въ тѣхъ видахъ, чтобы ихъ не выпустить безъ знанія ремесла—куска насущнаго хлѣба. Учителемъ каждой изъ пяти послѣднихъ школъ состоитъ воспитатель, который все время, съ 7 часовъ утра до 9—10 вечера, несетъ прямыя свои воспитательскія обязанности; и долженъ въ тоже время ежедневно удѣлять по четыре часа на учебныя занятія со своими питомцами, съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждаго питомца приходилось не менѣе двухъ часовъ классныхъ занятій, а также прилагать всѣ

старанія къ тому, чтобы каждый мальчикъ, въ возможно краткій срокъ, могъ основательно возстановить въ своей памяти забытое и усвоить тѣ знанія, которыя требуются программой одноклассной министерской школы. Вотъ въ этихъ то пяти классахъ и не ведутся уроки Закона Божія, несмотря на неоднократное напоминаніе законоучителю, что мальчики эти требуютъ повторенія для возстановленія знаній по Закону Божію,—не говоря уже о знаніи исторіи Ветхаго и Новаго завѣта, но хотя бы самыхъ обыденныхъ молитвъ съ объясненіями; и что сами мальчики жаждутъ этихъ знаній и неотступно пристаютъ о введеніи урока Закона Божія. По росписанію на повторительные уроки по Закону Божію, съ воспитанниками изучающими ремесла, назначено 6 часовъ въ недѣлю,—и вотъ отъ этихъ то уроковъ законоучитель совершенно уклонился, а даетъ лишь два урока въ день по 50 минутъ каждый въ первой школѣ, состоящей изъ четырехъ классовъ, и тѣмъ ограничивается вся его педагогическая дѣятельность; тогда какъ заведеніе это, имѣющее своею задачею исправленіе несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, по своеобразнымъ условіямъ, вызываемымъ этою задачею, во многомъ отличается отъ другихъ учебныхъ заведеній и, между прочимъ, требуетъ, чтобы законоучитель былъ не только настоятелемъ церкви, но и духовнымъ отцомъ и воспитателемъ. Между тѣмъ, кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ уроковъ, удѣляемыхъ на обученіе грамотѣ мальчиковъ, онъ только совершаетъ церковныя службы въ воскресные и праздничные дни, на первой, четвертой и страстной недѣляхъ Великаго поста и въ первые три дня св. Пасхи, получая содержанія 1000 рублей, имѣя прекрасную квартиру съ готовымъ отопленіемъ. Если въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія питомцевъ воспитатель долженъ „содѣйствовать“ законоучителю въ развитіи въ дѣтяхъ религіознаго чувства, то какъ же воспитателю „содѣйствовать“ законоучителю, когда послѣдній совершенно уклоняется отъ прямыхъ своихъ обязанностей? и чѣмъ же объяснить такое его отношеніе къ дѣлу воспитанія питомцевъ Колоніи!

1904 г., 7 апрѣля. *Скорбящій.*

II.

Прот. Ф. Орнатскій, говоря о Законѣ Божіемъ въ школѣ, все-таки бо́льшую отвѣтственность за дѣтей кладетъ на плечи родителей и воспитателей, а законоучителей совсѣмъ выгораживаетъ отъ

этой отвѣтственности и всю дѣятельность ихъ сводитъ на старое, т. е. на полную индиферентность. Почина въ добромъ дѣлѣ съ ихъ стороны, повидимому, не будетъ. Понятно, имъ, столичнымъ священникамъ, очень тягостно измѣнить свою сладкую, обезпеченную, плавно катящуюся, вполнѣ свѣтскую жизнь на жизнь болѣе вдумчивую, полную заботъ о „малыхъ сихъ“. Надо правду сказать, что рѣдко кто изъ нихъ умѣетъ говорить съ юношествомъ, на которое дѣйствуетъ сильно только одно искреннее, согрѣтое любовью, слово. А ихъ дѣла, ихъ жизнь частенько расходится съ ихъ словами, что замѣтно бываетъ и малымъ дѣтямъ.

От. Ф. Орнатскій говоритъ, что наше духовенство много дѣлаетъ..... между прочимъ живою проповѣдью! Но этой живой проповѣди что-то мало слышно. Набравши побольше текстовъ и связавъ ихъ кое-какъ, наши духовные воображаютъ, что продолжаютъ дѣло апостоловъ и называютъ свой наборъ фразъ „живой проповѣдью“. Вотъ гораздо лучше было бы, если бы они отнеслись съ „живымъ“ чувствомъ къ вопросу о Законѣ Божьемъ въ школѣ. Тутъ-то они все молчатъ, даже бывшіе члены комиссіи П. Н. Боголѣпова; а какъ міряне заговорили о заброшенности нашихъ дѣтей въ религіозно-нравственномъ отношеніи, такъ они тоже сочли за нужное отозваться и оповѣщаютъ „большую“ публику о томъ, что и они толкли воду въ ступѣ и пришли къ тому заключенію, что все почти обстоитъ благополучно, вотъ развѣ учебники плохи: да это дѣло поправимое, стоитъ только сократить Библію, руководясь заграничнымъ примѣромъ. Другой еще слаще говоритъ, что законоучитель „не можетъ вліять на дѣтей въ религіозно-нравственномъ отношеніи“ (Л. П. въ „СПБ. Дух. Вѣстникѣ“). Да потому и „не могутъ“, что слишкомъ отошли отъ идеала пастыря и превратились въ духовныхъ чиновниковъ. Если чувствуютъ свою слабость въ идеальномъ отношеніи, такъ у насъ есть сонмы людей, могущихъ быть поставленными въ идеалы христіанъ на всѣхъ жизненныхъ поприщахъ; почти двутысяче-лѣтняя исторія Церкви можетъ ихъ представить. Но наши „батюшки“ не очень-то любятъ знакомить учащихся съ этими образцами послѣдователей І. Христа. Ихъ симпатіями біографіи святыхъ не пользуются при обученіи дѣтей.

Третій законоучитель готовъ ставить полу-годовые баллы за религіозную настроенность (см. письмо О. Лисицына).

Повидимому эта наболѣвшая язва нашего времени не очень-то

заботила нашихъ пастырей. Общая реформа застала ихъ врасплохъ, и теперь они начали говорить что-то несуразное. Но всѣ они согласны въ томъ, чтобы ихъ не заставляли „учить“ Закону Божію, что это для нихъ невозможно, а вотъ они вмѣсто этого будутъ „приходить и читать Библію“. Нѣтъ, и учить должны и могутъ, и дѣти должны учиться, т. е. запоминать факты, связь между фактами, умѣть объяснять ихъ и разсказывать, черезъ что они навыкнутъ думать по-православному. И это вполнѣ возможно. Одинъ часъ въ недѣлю можно посвятить непринужденной бесѣдѣ дѣтей съ законоучителемъ. Этотъ часъ внесетъ оживленіе, разнообразіе въ занятія по Закону Божію. Вотъ тогда и батюшка будетъ вліять на поведеніе своихъ учениковъ, и дѣти полюбятъ священника.

От. Ф. Орнатскій въ концѣ сегодняшней статьи подводитъ итоги всему имъ сказанному: —эти итоги на практикѣ сводятся къ нулю; въ одномъ своемъ тезисѣ онъ говоритъ:

„необходимо замѣнить учебники по предметамъ Закона Божія подлиннымъ Словомъ Божьимъ, для чего желательно изданіе учебной Библіи“.

Но вѣдь Новый Завѣтъ невозможно и нѣтъ никакой надобности сокращать; поэтому остается одинъ Ветхій, т. е. курсъ I класса по теперешней программѣ. Значитъ, хлопочутъ только объ одномъ первомъ классѣ. Счастливый-же классъ! А гдѣ шесть остальныхъ? и что съ ними предполагалось дѣлать въ комиссіи П. Н. Боголѣпова? Вѣдь такое забвеніе цѣлыхъ шести классовъ болѣе чѣмъ странно!

Невольно горько вздохнется при видѣ этой холодности, этого небреженія къ святому дѣлу воспитанія.

Неужели же нашими законоучителями еще не сознается необходимость измѣнить, кореннымъ образомъ реформировать программу по Закону Божію, такъ чтобы курсъ всѣхъ семи пѣтъ составлялъ въ сущности одно стройное цѣлое, а не такъ какъ теперь, когда курсъ каждаго класса стоитъ особнякомъ, будучи ничѣмъ не связанъ ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Можно согласиться, что для нашихъ законоучителей эти скачки очень удобны: во время прохожденія одиночныхъ программъ никакой работы не требуется отъ батюшки. Но вѣдь главное то здѣсь „малые сіи“.

Изъ письма о. Орнатскаго видно, что онъ человѣкъ свѣтскій

и предъ В. Вас. Розановымъ расшаркнулся и похвалилъ его, и съ г. Н. Платоновымъ согласился, и защитилъ законоучителя Л. П., говоря, что его—довольно ясныя—слова „надо понимать въ иномъ смыслѣ“, и свящ. М. Лисицына отчасти одобрилъ. Сейчасъ сказался человѣкъ, что умѣетъ вести себя въ обществѣ. А такъ какъ г. Розановъ укорилъ законоучителей, будто они заботятся о своей выгодѣ, настаивая о прибавкѣ недѣльныхъ часовъ, то о. Философъ уже ничего не говоритъ объ этомъ. Но безъ этого не обойтись, если хотятъ серьезно поработать надъ воспитаніемъ дѣтей. Вообще, изъ всего его письма такъ и сквозитъ желаніе положить этотъ вопросъ подъ сукно, какъ, по его мнѣнію, не серьезный. Бѣдное русское, православное юношество!!

20 августа 1901 г. *Александръ Русиновъ.*

III.

Корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода.

3-го мая 1905 г. здѣсь происходило интересное засѣданіе мѣстнаго духовенства при участіи обоихъ епископовъ—Назарія и Исидора, на которомъ однимъ изъ мѣстныхъ ревнителей православія, докторомъ Апраксинымъ, былъ сдѣланъ докладъ на тему: „Просвѣтительно-воспитательное значеніе православнаго богослуженія и способъ веденія его въ настоящее время“ [1]). Указавъ на громадное просвѣтительно-воспитательное значеніе православнаго богослуженія, *при условіи правильнаго его исполненія*, содержащаго въ каждомъ церковномъ пѣснопѣніи изложеніе и разъясненіе догматовъ православной вѣры, авторъ нарисовалъ неприглядную картину современнаго веденія церковной службы. Все, что при-

[1]) Въ литературѣ былъ поднятъ вопросъ о расторженіи браковъ, уже несчастныхъ и ожесточенныхъ въ ядрѣ своемъ. Протоіерей Петропавловскаго придворнаго собора, А. Дерновъ, во главѣ многихъ другихъ изъ духовенства, выступилъ противъ всякихъ расторженій брака по какимъ-либо другимъ причинамъ, кромѣ засвидѣтельствованнаго въ консисторіи прелюбодѣянія, утверждая, что *„несчастныя семьи* и *дурные браки* вообще происходятъ отъ единственной причины—отсутствія страха Божія въ людяхъ, непослушанія голосу пастырей, и, особенно, отъ того, что *вступаю-*

даетъ церковной службѣ красоту, смыслъ и содержаніе, чѣмъ обусловливается ея великое, просвѣтительно-воспитательное значеніе, или *пропущено*, или *сокращено* до крайности. Отъ многихъ прекрасныхъ службъ осталась одна голая или съ жалкими обрывками содержанія схема, слишкомъ мало говорящая уму и сердцу. Нѣкоторыя службы сокращены настолько (отпѣваніе), что въ нихъ встрѣчаются стихи безъ подлежащаго и сказуемаго; другія службы (малая вечерня, повечеріе, девятый часъ, полунощница) не правятся вовсе даже въ нѣкоторыхъ церквахъ монастырскихъ. То, что не пропущено, исполняется крайне небрежно, безъ всякаго старанія; священнослужители проникнуты, повидимому, однимъ только чувствомъ—поскорѣе покончить тягостное для нихъ богослуженіе. Но особенно плохо чтеніе, объ улучшеніи котораго, видимо, совершенно не заботятся. Желательно, чтобы все чтеніе совершалось на срединѣ храма.

О стройности пѣнія на лѣвомъ клиросѣ тоже мало заботятся. Если прибавить еще не въ мѣру развязное поведеніе клириковъ, съ ихъ невниманіемъ къ службѣ, постоянными разговорами,—часто, повидимому, на довольно веселыя темы,—то картина получается прямо безотрадная. Выходишь нерѣдко изъ храма не съ радостнымъ и умиленнымъ сердцемъ, а съ разочарованнымъ и негодующимъ.

Какъ на причины этого печальнаго явленія, докладчикъ указалъ на общій упадокъ религіознаго духа, охватывающій и со-

---

щіе въ бракъ женихъ и невѣста, какъ и сопутствующіе имъ въ храмъ родные и друзья—*невнимательно, небрежно и легкомысленно относятся къ великому таинству вѣнчанія*. И что еслибы этого не было, то браки вообще и всякіе были бы счастливы, какъ были счастливы у людей стараго времени и теперь у благочестиваго сословія духовенства". Къ этой точкѣ, какъ нѣкоей „виѳлеемской звѣздѣ", сводились всѣ его разсужденія, какъ печатныя, такъ и устныя въ Религіозно-философскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ (въ 1903 г.). Такимъ образомъ не нужно никакихъ реформъ въ воззрѣніяхъ на бракъ, никакого измѣненія законодательства о бракѣ—а только внимательное присутствованіе на богослуженіяхъ. Куриная логика. Но, главное: а правда гдѣ? Докладъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ присутствіи двухъ архіереевъ, и притомъ сдѣланный *ревнителемъ православія*, вдругъ на упрекъ духовенства: „исцѣлитесь", отвѣчаетъ: „о, врачъ! исцѣлися самъ"...—*В. Р—въ.*

временныхъ священно-церковно-служителей, на чрезмѣрное совмѣстительство должностей и проч. Послѣдствія всего этого таковы: лишенное своихъ красотъ и содержанія, богослуженіе перестаетъ производить надлежащее впечатлѣніе на присутствующихъ въ храмѣ, посѣщеніе храма превращается въ тяжелую обязанность, вмѣсто восторга и умиленія православный нерѣдко выноситъ отъ такой службы горькое чувство недовольства и разочарованія. Просвѣтительно-воспитательное значеніе такого богослуженія сводится почти къ нулю. Богослуженіе перестаетъ быть школой. Въ результатѣ то ужасное религіозно-богословское невѣжество, соединенное съ равнодушіемъ, коими характеризуется современное общество. Несомнѣнно, что отпадающіе отъ православія теперь въ расколъ, для которыхъ „внутреннее“ раскола непонятно, соблазняются неприглядностью главнымъ образомъ нашего „внѣшняго“, а это „внѣшнее“ есть богослуженіе и образъ жизни и поведеніе нашего духовенства. Въ заключеніе докладчикъ высказалъ взглядъ, что богослуженіе не есть только молитва или собраніе молитвъ, оно есть цѣльное художественное произведеніе, которое должно заставить присутствующихъ переживать тѣ великія событія, которыя въ немъ воспроизводятся и воспоминаются.

Собраніе затянулось до 12-ти часовъ ночи и вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній. Большинство присутствующихъ признало приведенные въ докладѣ факты безусловно вѣрными, взятыми изъ жизни, и дополнило ихъ нѣкоторыми другими, весьма неблаговидными, касающимися поведенія діаконовъ за богослуженіемъ и дерзости псаломщиковъ. Преосвященный Назарій благодарилъ докладчика, просилъ іереевъ впредь совершать службу возможно ближе къ „Уставу“, а псаломщиковъ и діаконовъ повелѣлъ собрать къ нему отдѣльно для личной бесѣды съ ними. Постановлено: все чтеніе вести не на клиросѣ, а на срединѣ храма; 2) ограничить своеволіе регентовъ и псаломщиковъ; 3) устраивать время отъ времени пастырскія совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго, для обсужденія насущныхъ вопросовъ церковной жизни.

* * *

Но, можетъ быть, разбредшееся стадо—по пастуху? Каковы пастухи? Вотъ замѣтка изъ № 72 „Гражданина“,

именно — *Дневникъ* его редактора отъ 9-го сентября 1905 года:

Пятница, 9-го сентября 1905 г.—Я получилъ отъ одного священника изъ губернскаго города письмо, въ которомъ, между прочимъ, значатся слѣдующія строки: „Владыко принимаетъ всѣхъ священниковъ въ передней, возлѣ вѣшалки и галошъ,—принимаетъ всѣхъ заразъ и при публикѣ; и если кто оробѣетъ или не совсѣмъ гладко изложитъ свою просьбу, то такого священника на смѣхъ поднимаетъ: такъ что нѣкоторые любители комичныхъ представленій нарочно заходятъ въ пріемные часы позабавиться, глядя, какъ это Владыко-Архипастырь надъ своими священниками издѣвается".

Эти строки рисуютъ достаточно живописно отношеніе Архипастыря къ своимъ священникамъ и взглядъ его на священника.

Не скажу, чтобы онѣ сообщали что-либо новое, какъ бытовую картину въ печальной жизни нашего духовенства. Еще въ годы моей молодости, когда я много ѣздилъ по Россіи,—только въ видѣ рѣдкихъ исключеній я встрѣчалъ іерарховъ, которые принимали священниковъ съ уваженіемъ къ ихъ сану, а общимъ обычаемъ было обращеніе іерарха съ священниками именно такое, какое изображаетъ харьковскій священникъ.

Слѣдовательно, удивительнаго въ томъ, что пишетъ священникъ, ничего нѣтъ.

Но удивительно вотъ что: сколько десятилѣтій прошло такъ-называемаго прогресса въ Россіи, худого или хорошаго—это другой вопросъ, но все же вызвавшаго извѣстныя, болѣе уважительныя отношенія къ людямъ низшихъ положеній, къ подчиненнымъ, даже къ крестьянамъ; но въ отношеніяхъ архіерея и, слѣдовательно, секретаря консисторіи къ священникамъ ничего не измѣнилось: то же неуваженіе къ личности, та же грубость въ обращеніи, тотъ же тяжелый грѣхъ забвенія, что та самая божественная благодать, которая „проручествуетъ" епископа, лежитъ на священникѣ и дѣлаетъ его достойнымъ служить Богу у Его алтаря и совершать тайны!

Этому нельзя не удивляться, и съ горечью и съ грустью удивляться, ибо именно этимъ объясняется, почему тому или другому архіерею, принимающему священника въ передней, совершенно все равно, кто этотъ священникъ: такой-ли, что уйдетъ отъ него съ этого оскорбительнаго для него пріема со слезами, вырвавши—

мися со дна души на свободѣ, или такой, который скажетъ себѣ „если ты на меня плюешь, то и я на тебя и на все остальное плюю"; тотъ-ли, который всю свою жизнь посвящаетъ съ любовью и вѣрою служенію Богу и паствѣ своей, перенося покорно и нищету, и страданія, и униженія, или тотъ, который живетъ только для своего брюха и для своего благополучія, не брезгая самыми гнусными поборами.

Жертвенникъ стоитъ. Духовныя укоряютъ мирянъ: „отчего" тѣ не „молятся"? Но гдѣ-же на жертвенникѣ огонь?! *В. Р.*

Новый свѣтъ изъ „Маяка".

Чудные осенніе дни. Со станціи Теріокъ вхожу въ вагонъ и вижу добраго моего знакомаго, врача Н. П. С—ва, котораго я зналъ еще студентомъ, безплатно лечившимъ и учившимъ рабочихъ на Выборгской сторонѣ. Всегда любилъ я слушать его мягкій баритонъ и смотрѣть въ его глубокіе глаза съ загадочнымъ мерцаніемъ, происходящимъ отъ какого-то двусмысленнаго прищуриванья вѣкъ. Разговорились самымъ дружелюбнымъ образомъ. Но, оставляя разговоры о погодѣ, дачѣ и японцахъ, онъ вытащилъ изъ боковаго кармана какую-то пачку бумагъ и еще изъ портфеля тоже пачку бумагъ:

— Я основываю среди членовъ общества „Маякъ", что̀ на Литейной, особую фракцію, подъ названіемъ: „Лучъ Маяка, занимающійся исполненіемъ седьмой заповѣди..."

— „Занимающійся"? — переспросилъ я съ удивленіемъ. —Но вѣдь именно для вашей цѣли требуется „*не* заниматься" въ особой, вами избранной сферѣ! Я понимаю „общество любителей хорошей ѣды", но, напримѣръ, „общество *не* ѣды" никакъ не могу понять. „Об-

щество, занимающееся *не* ѣдою"... брр., это что-то безсмысленное.

Онъ пытался поправиться.

— И къ чему,—продолжалъ я,—вамъ собираться въ „общество"? Ну, *не* ѣлъ бы каждый про себя и для себя. Но я не могу себѣ представить, чтобы вотъ—вечеръ, зажигаютъ свѣчи, собираются члены и одинъ за другимъ начинаютъ „реферировать":

— Я ничего не ѣлъ.

— Я тоже ничего не ѣлъ.

— Я весь день воздерживался отъ пищи.

— Я не обѣдалъ, не завтракалъ и не ужиналъ, а только пилъ чай, притомъ не съ булкой, а съ сухой просфорой, ибо былъ на-тощакъ.

И прочее. Просто—*нѣтъ* содержанія! Я не понимаю, для чего „общество", а не каждый порознь „исполняетъ 7-ю заповѣдь", зачѣмъ *содружество* людей—во-первыхъ, и громкая *аттестація* себя—во-вторыхъ?!

— Но вы прочтите,—возразилъ онъ мнѣ,—вотъ эти признанія, какія мнѣ дѣлаютъ молодые люди, эти излія-нія сердца, эти автобіографическія признанія.

Я прочиталъ нѣсколько писемъ. Большею частью безъ соблюденія буквы „ѣ". Общій смыслъ ихъ: „ѣлъ, обжирался, нажилъ катарръ желудка и теперь хочу на пищу св. Антонія". Это въ переносномъ смыслѣ; въ письмахъ трактовалось, конечно, не объ ѣдѣ, а о тѣхъ спеціальностяхъ, которыя относятся до 7-й заповѣди и въ печати „неудобь сказуемы".

Я отдалъ своему vis-à-vis эти письма.—„Скучно! Кому все это нужно знать? Съ кѣмъ этого не бываетъ, но всѣ объ этомъ молчатъ. И это скромно. Тутъ сказывается воля. А это какіе-то неврастеники, которые полѣзли къ вамъ съ слабонервными изліяніями и плачутъ

о томъ, чтобы вы ихъ вытащили изъ нарушеній 7-й заповѣди. Вѣдь вы докторъ?"

— Докторъ.

— Ну, пропишите имъ обтиранье холодной водой по-утру и на ночь, и припадки какъ неврастеніи, такъ и зуда по части „7-й заповѣди" пройдутъ. Тутъ нужны вовсе не лекціи, не рефераты, и не „общество", а гигіена, трудъ и свѣжій воздухъ.

— Да, но это будетъ безрелигіозно. Мы же именно хотимъ не просто быть здоровыми, а хотимъ поднять въ нашемъ обществѣ знамя „исполненія седьмой заповѣди", и образовали съ этой цѣлью кружокъ, который вы такъ осмѣиваете.

— Пикантное занятіе у этого кружка, т.-е. пикантно собственно сосредоточеніе мысли и воображенія на такой интересной темѣ „не дѣланія". Постники, какъ и гастрономы, вѣдь одинаково думаютъ о желудкѣ, одни вслѣдствіе тяжести переполненія его, другіе—отъ зуда пустоты. „Что-то подъ ложечкой сосетъ", говорятъ оба. Я боюсь за членовъ вашего „кружка", что они будутъ имѣть нездоровое воображеніе; и въ концѣ-концовъ я боюсь, что посѣтители засѣданій вашего „кружка" будутъ иногда видѣть передъ собою въ качествѣ референтовъ объ „успѣхахъ" кружка блѣдныхъ юношей съ безпокойнымъ блескомъ глазъ и синими кружками подъ вѣками. Ей-ей, это нездоровое общество. Вода, воздухъ, лѣсъ—вотъ путь! А не „кружокъ" на Литейной. Впрочемъ, Богъ съ вами. А тарелочка есть?

— Какая тарелочка?

— Въ „кружкѣ". Вѣдь вы „съ истинно-христіанскими цѣлями"? А я замѣчалъ, что „съ истинно-христіанскими цѣлями" только то дѣло идетъ успѣшно, въ которомъ поставлена тарелочка. Вѣдь вы же будете соби-

раться, нужны свѣчи, залъ, т. е. наемъ зала и покупка свѣчъ. Не изъ своего же кармана такимъ благовоспитаннымъ юношамъ. Приливъ посѣтителей, я думаю, будетъ значителенъ, и особенно изъ барышень: такой цвѣтникъ не распустившихся бутоновъ! Положимъ, тутъ будутъ и цвѣты съ облетѣвшими лепестками, и которые уже не могутъ расцвѣсть. Но вѣдь не всѣмъ же извѣстны предварительныя письма и горестныя признанія. Всѣ-то, вся публика будетъ принимать вашихъ „молодыхъ людей“ съ утомленными глазами именно за нераспустившіеся бутоны, и это понятно интересно для барышень, а паче—для пожилыхъ дамъ „истинно-христіанскаго настроенія“. И вотъ тутъ—тарелочка.

— Что-о-о?!

— Очень просто. Будутъ класть полтинники, четвертаки и даже рубли... „на пропаганду исполненія 7-й заповѣди“. Какое же „Общество“ безъ капитала? На что, „Армія спасенія“... и та имѣетъ средства и отъ пожертвованій не отказывается. У васъ тоже „Общество...“ само-спасенія что́ ли. Вѣдь въ то время, въ тѣ вечера и ночи, когда вы будете „заниматься исполненіемъ 7-й заповѣди“, вамъ нужно же что-нибудь опредѣленное дѣлать, какъ-нибудь тренировать себя, чѣмъ-нибудь занимать, наполнять досугъ. Кромѣ воды и воздуха, знаете, есть еще отличное средство—карты. Очень отвлекаетъ. Такъ что если вы спеціально только надъ 7-й заповѣдью трудитесь, то лучшее средство—винтъ по маленькой. На веревкѣ не оттащишь. И ни въ какой вертепъ не пойдутъ. Да и синихъ круговъ подъ глазами не будетъ.

— Но это не по христіански...

— Зато здоровье цѣло будетъ. Повѣрьте цѣлѣе, чѣмъ въ вашемъ кружкѣ. Кстати, вы все хотите „по-

христіански", тогда какъ 7-я заповѣдь—Моисеева закона, а въ Евангеліи сказано: „прости грѣшницу". и ужъ конечно „грѣшника". Напоминаю, что вы—ветхозавѣтнаго происхожденія. Въ Евангеліи тоже сказано и о тѣхъ „фарисеяхъ", которые любятъ „останавливаться на перекресткахъ улицъ, передъ народомъ", и громогласно читать молитвы. Христосъ такой выставки изъ себя не одобрялъ и указалъ, наоборотъ, все дѣлать безмолвно и скрытно: „ты же войди въ комнату свою, и затвори дверь за собою, и тамъ помолись". Такъ что вы перепутали Завѣты,—и это едва ли хорошій знакъ вашихъ будущихъ успѣховъ. Кстати, 7-я заповѣдь ни малѣйше не запрещаетъ того, отъ чего вы предполагаете *вполнѣ* „воздерживаться", ибо Богъ, давшій заповѣдь „размножаться", при томъ въ Раю, *до* перваго *грѣха* человѣковъ,—конечно не могъ поставить въ грѣхъ этого самаго размноженія и естественныхъ орудій и способовъ его. Изъ заповѣдей же каждая запрещаетъ какой-нибудь грѣхъ: и „7-я" изъ нихъ запрещаетъ строжайше все ненормальное, всякое уклоненіе отъ естественныхъ способовъ размноженія, сопряженное обыкновенно съ вредомъ для здоровья и съ нездоровымъ направленіемъ воображенія. И я думаю, ваше „Общество *полнаго* воздержанія" можно скорѣе назвать „Обществомъ *нарушенія* седьмой заповѣди", а ужъ никакъ—не исполненія.

1904.

ЛЕВЪ XIII и КАТОЛИЧЕСТВО.

I.

Высокій талантъ или геній всегда внушаетъ къ себѣ уваженіе, кому бы онъ ни принадлежалъ,—встрѣтится ли онъ въ своихъ рядахъ или даже въ рядахъ враждебныхъ. Католичество къ Россіи и Россія къ католичеству стоятъ уже много вѣковъ въ положеніи недружелюбномъ. Но это едва ли лишаетъ права чистосердечнаго русскаго человѣка высказать чистосердечно похвалу и уваженіе главѣ враждебнаго или во всякомъ случаѣ недружелюбнаго намъ міра.

Всего за нѣсколько дней до его предсмертной болѣзни, въ иллюстраціяхъ помѣщался рисунокъ встрѣчи его съ германскимъ Императоромъ. Сухая еле-дышущая фигура 90-лѣтняго старца, въ характерномъ нѣсколько женственномъ одѣяніи, низко согнулась передъ цвѣтущею фигурою Императора и Короля, молодцеватаго, сильнаго, въ военныхъ доспѣхахъ, съ каскою, ловко взятою въ руку. Какъ, вѣроятно, шумно вошелъ Кесарь и тихо сидѣлъ, еще за минуту, ожидая его входа, Первосвященникъ! Въ лицѣ Вильгельма, какъ главнаго на землѣ представителя лютеранства и лютеранскихъ народностей, входилъ къ папѣ въ сущности главный его врагъ, преемникъ и Гогенштауфеновъ и Лютера, силъ матеріальныхъ и духовныхъ, поднявшихся на Римъ изъ-за Альпъ. Нѣмецкая добросовѣстность бросилась на латинскій умъ, геній, прозорливость, хитросплетенія. Но паутина была только прорвана, а не изорвана: и на Тридентскомъ соборѣ латиняне попра-

вили или обрубили всѣ тѣ свои явные пороки и злоупотребленія, которые вооружали противъ себя Гуса и Лютера. Затѣмъ, хотя католичество потеряло территоріально Германію и страны германскаго корня, но внутренно за то оно сплотилось и окрѣпло, какъ никогда дотолѣ. Теперь и представить себѣ нельзя увоза папы въ провинціальный городокъ чужой страны. Авторитетъ папскій неизмѣримо выросъ и времена Авиньона не повторимы. Папство, правда, теряетъ иногда матеріальныя частицы католическаго міра: но папство и католицизмъ, какъ *система мысли и духа*, такъ же не разрушимы сейчасъ, какъ въ самыя цвѣтущія свои времена. Мальчики могутъ не изучать философіи Канта. Во время Бюхнера и Молешотта на имя Канта плевали: матеріально философія Канта въ то время все потеряла, ибо не имѣла вовсе учениковъ. Но чѣмъ это задѣвало философію Канта въ ея существѣ, сплетеніи? Она стояла неразрушимою, одинокою. Настали другіе дни,—„нео-кантіантства“,—и она встала въ полныхъ объемѣ и силѣ. Гоненія на католицизмъ во Франціи и Италіи суть чисто матеріальныя, военныя или военно-полицейскія: и они ни мало не сокрушаютъ католицизмъ, какъ *систему*. Ее могла бы тронуть только *критика*. Но именно теперь критика религіозная или, въ частности, критическое разсмотрѣніе католицизма—слабѣе, чѣмъ когда-нибудь.

И вотъ на рисункѣ, представлявшемъ Папу, тихо и согбенно стоявшаго передъ Императоромъ, можно было прочесть именно въ склоненномъ необъятное упорство воли, почти заранѣе торжествующей побѣду. „Я все переживу, я терпѣливъ; я склоняюсь и буду склоняться: но никогда—до земли, въ которую сойдете вы всѣ, и ты, и твой отецъ и дѣдъ, мои современники, и Бис-

маркъ, такъ кичившійся предо мной и умершій забытымъ въ Фридрихсруэ. Всѣ вы пройдете и сойдете въ землю, каждый прогремѣвъ свой часъ, износивъ свои шпоры и растерявъ перья на каскахъ: но *камень* Петровъ, на которомъ сижу *Я* въ этой женоподобной мантильѣ, останется цѣлъ по обѣтованію моего и вашего Спасителя: *врата адовы не одолѣютъ его.* Я вѣрю слову этому: и сижу и просижу до конца міра на этомъ самомъ мѣстѣ, въ Ватиканѣ, около костей св. Петра и близъ casa Romuli на Палатинѣ".

Могучая *приспособляемость,* и сохраненіе единства, такъ сказать, *темы* при всѣхъ варіантахъ *бытія* своего —составляютъ сущность католицизма. Такъ, какъ *онъ* росъ, столь же медленно и, главное (самое главное!) *органично*—росли только могущественнѣйшіе организмы всемірной исторіи. Католицизмъ нельзя сравнивать съ другими церквами или съ царствами. Его можно сравнивать только съ *категоріями* историческаго существованія, наприм. съ эллинизмомъ, съ римской государственностью (юриспруденціею), съ наукою въ ея цѣльномъ сложеніи. Но католичество есть совершенно новый около всего этого порядокъ вещей, res nova sui generis. Его часто сравниваютъ съ государствомъ, но это ошибочно: что за „государство", помѣщающееся центромъ своимъ на площади чужого и даже враждебнаго народа?! Не менѣе основательно было бы католицизмъ назвать „наукою", какъ государствомъ: ибо католическое богословіе, начиная со схоластики, съ трудовъ еще Ѳомы Аквинскаго и Альберта Великаго, занимаетъ въ католичествѣ не меньшее мѣсто и имѣетъ не меньшее вліяніе, чѣмъ всяческія ватиканскія канцеляріи и административныя скрѣпы. Нельзя броненосецъ назвать „электричествомъ" (по освѣщенію), „паромъ" (по силѣ дви-

жущей), „командой", „артиллеріей": все это частности и обнимаютъ только стороны явленія. Броненосецъ есть только броненосецъ: прочія опредѣленія не вѣрны. Такъ всѣ частныя опредѣленія католицизма, какъ „церкви", „государства", даже какъ „папства"—не вѣрны. Католицизмъ есть просто католицизмъ—вотъ и все, и достаточно. А въ имени этомъ—безконечность; безконечность и духа, и матеріи.

II.

Левъ XIII снова установилъ твердо корабль католичества, сильно качнувшійся при Піѣ IX. Онъ прибѣгъ въ этомъ случаѣ къ постоянному средству всѣхъ папъ, приспособляемости,—вѣчному средству всего живого и живучаго. Возьмите организмъ: въ свѣжемъ воздухѣ онъ глубоко вдыхаетъ; въ душномъ, отравленномъ—дышетъ короче; противъ ядовъ онъ вырабатываетъ самъ въ себѣ противоядія, необыкновенныя, странныя, не сотворимыя въ обыкновенныхъ лабораторіяхъ. И все живетъ и живетъ среди опасностей и неудобствъ.

Такъ и папство: во всякую новую фазу исторіи оно входило и входитъ новымъ существомъ, но почерпнувъ „новизну" не черезъ внѣшнее усвоеніе, и такимъ образомъ не покорившись обстоятельствамъ, а взявъ ее въ обновленіи *своихъ* силъ и извлекши новыя теоріи и новыя точки зрѣнія изъ необозримаго арсенала *своихъ* собственныхъ ученій. Папа нисколько не пересталъ быть „Pontifex Maximus", соединившись или начавъ подавать руку соціализму и отвернувшись значительно отъ королей или принцевъ. Онъ не велъ рискованные переговоры съ Лассалемъ или съ его преемниками, какъ Бисмаркъ; не велъ ихъ ни папа, ни кто

либо изъ кардиналовъ. Зола онъ не допустилъ до себя, принимая въ то же время самыхъ незначительныхъ лицъ. „Sum ut sum aut non sim“—остается девизомъ папства и въ самоновѣйшую его фазу. Онъ рекомендовалъ Ѳому Аквинскаго, какъ рекомендовалъ подумать и объ обездоленномъ рабочемъ пролетаріатѣ: такимъ образомъ онъ обнималъ умомъ, какъ бы равно близко стоя къ нимъ, вѣка XIII и XIX. Въ осторожности Льва XIII, какъ и въ пылкости Пія IX, при всей ихъ повидимому противоположности, мы въ сущности наблюдаемъ лицъ не столько индивидуально-великихъ, какъ великихъ-коллективно: великъ тотъ холмъ на берегахъ Тибра, mons Vaticanus, на которомъ сидятъ и трудятся эти... люди съ языческимъ еще титуломъ у себя: ибо „Pontifex Maximus“ или сокращенно „P. M.“ подъ изваяніями — титулъ еще Римской республики, до Христа бывшій.

Удивителенъ не *индивидуально*—папа, но—*папство*. Съ первыхъ временъ западнаго христіанства оно начало расти и выдѣляться, какъ росъ и выросъ изъ casa Romuli—Римъ: также незамѣтно, мало-по-малу, но такъ же постоянно, неустанно, точно имѣя „звѣзду надъ собою“. Папство было и останется какъ бы нервною системою въ организмѣ католичества; безъ него католичество, какъ церковь, богословіе, мораль, богослуженіе, мигомъ разсыпалось бы въ ничтожество, въ трупъ. Такъ теперь велика уже сила исторической къ нему привычки, отнесенія всего въ католичествѣ къ личности папы. Это единственная церковь—*личная:* тогда-какъ остальныя церкви, сперва по неудачѣ и потомъ принципіально, не только безъ-главны, но и безъ-*личны*: обобщены, смутны въ выраженіи своемъ, и являютъ духовныя и священныя *учрежденія* и *установленія*, конечно,

не безъ *администраторовъ*. Однако это огромное развитіе „олицетворенія“ въ западномъ христіанствѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ безъ-соборностью: напротивъ, во всѣ трудные моменты или въ моменты новые, новой фазы существованія, католичество собиралось на соборы, имена которыхъ всемірно извѣстны. И хотя теперь папы объявили себя „непогрѣшимыми ex cathedra въ догматической сферѣ“—но почти навѣрное можно предвидѣть, что они и впредь не перестанутъ собирать, въ сомнительныя минуты или въ минуты торжественныя, „соборы“, почерпая въ нихъ такой источникъ силы, оживленія, красоты и вліянія, какихъ нельзя же найти въ глухихъ и темныхъ канцеляріяхъ, безъ всемірной видимости ихъ, безъ вѣковой о нихъ памяти. Слишкомъ они мудры, чтобы выронить хотя малѣйшую драгоцѣнность изъ рукъ: а соборы, несомнѣнно, въ общемъ придали необыкновенный цвѣтъ и оживленіе какъ въ общемъ всему католичеству, такъ въ частности и личности руководившихъ ими папъ. Въ формулѣ папской „безошибочности“ (infabillitas) вовсе не перечислена рубрика предметовъ, къ какимъ она относится: и достаточно папѣ объявить какое-нибудь затрудненіе, вовсе не „догматическаго“, напр., характера, внѣ своей „мудрости“,—чтобы поводъ для собора, когда онъ станетъ нуженъ, вновь явился. Да и Ватиканъ, съ громадной массой пребывающаго тамъ духовенства, при отсутствіи вообще въ послѣднемъ раболѣпія и подавленности, не есть ли въ сущности скрытая форма постоянно пребывающаго собора „parvae et privatae speciei“: кадръ уже готовый собора явнаго и на глазахъ міра.

Выборъ новаго папы не принадлежитъ предъидущему: это одно проводитъ рѣзкую и вѣчную границу „олицетворенія“ католичества и сохраняетъ въ немъ

колоритъ—употребимъ политическіе термины—скорѣе духовной аристократической республики, нежели монархіи. Тутъ есть двѣ стороны: обладая „infabillitate ex cathedra“, папа въ высочайшей степени олицетворяетъ Церковь. Такимъ образомъ Церковь тамъ не есть „строй“, „система органовъ“, вообще какой-либо „институтъ“, а—именно и непремѣнно лицо, глазастое, слушающее, ласкающее, яростное, *человѣческое*: къ которому и относится все благоговѣніе вѣрующихъ. Но это лицо служитъ Церкви, а не себѣ; олицетвореніе—*для* церкви, *для* вѣрующихъ, а не изъ своекорыстнаго *интереса* самого лица. Умеръ папа—и съ послѣднимъ вздохомъ абсолютно все его, ему лично принадлежавшее, умерло: выступаетъ respublica Romana, mons Vaticanus, „патриціи“ католичества въ красныхъ мантіяхъ съ шлейфомъ (у кардинальскаго параднаго одѣянія — длинный, чисто женскій же шлейфъ, при узкой обтянутости вокругъ туловища). Наконецъ, если принять во вниманіе, что санъ священства съ послѣдняго „curé“ не можетъ снять самъ папа, даже при своей „непогрѣшимости“,—хотя бы священникъ этотъ отступилъ отъ папы и проклялъ самое католичество („его будетъ судить Богъ: но судить именно какъ священника“, говорятъ въ такомъ случаѣ его начальники, не рѣшающіеся снять съ него сана), то мы увидимъ, что коллективная *соборная* личность милліонно-головаго католичества обезпечена такъ незыблемо, какъ бы тамъ существовало „liberum veto“. Въ самомъ дѣлѣ, „свободное слово“, съ страшной абсолютностью этой свободы, не отнято у нижайшаго члена служебной „арміи Христу“ (беремъ ихъ понятія): и послѣдній что́ бы ни говорилъ и какъ бы ни былъ наказанъ (вѣдь и носителя liberum veto можно было убить)—имѣетъ однако за собою и у себя слово съ авторите-

томъ непоколебленнаго своего священства. Невольно вспомнишь опять же античный Римъ съ его comitia patria, centuriata и tributa, съ его reges и диктаторами: странная смѣсь, гдѣ столь оригинально и неповторимо сплелись въ одинъ канатъ элементы цезарскіе, республиканскіе и даже охлократическіе. Но въ Ватиканѣ это качество *смѣшанности* повторилось безъ подражанія,—вторично выросло изъ ветхой земли, какъ новое дерево аналогичнаго сложенія. Все это сотворялось вѣками, въ сложнѣйшемъ католическомъ богословіи, безъ малѣйшей собственно мысли что-нибудь взять изъ государственныхъ учрежденій стараго Рима. Можно сказать, Римъ папскій такъ же *приспособлялся* ко всему, какъ никогда ничему *не подражалъ*: онъ всегда росъ изъ себя, убѣжденно и вдохновенно; шелъ — слѣдуя „звѣздѣ своей".

III.

Касательно католичества у насъ, русскихъ, можно сказать существуютъ одни предразсудки и коротенькіе смѣшки. Новая наша полемика противъ него есть только серьезная форма развитія этихъ же смѣшковъ. „Тамъ все поглотилъ папа: начала *соборности* тамъ не существуетъ вопреки *намъ*, у которыхъ начало соборности сохранено". Такъ писали не только славянофилы, полемисты ex professo, но мнѣ пришлось формулу эту услышать въ аудиторіи Московскаго университета отъ такого знатока исторіи и убѣжденнаго западника, какъ В. И. Герье. Между тѣмъ кто же не знаетъ, что именно западная-то церковь и собиралась всегда на соборы въ затруднительныхъ случаяхъ: Клермонскій, Флорентійскій, Базельскій, Констанцскій, Латеранскій, Ватиканскій? И здѣсь „соборовавшіе" представители духовной

и свѣтской властей были такъ независимы отъ личности папъ, что порою папѣ приходилось бѣжать съ собора. Это была революція, такъ сказать, введенная въ душу церкви, какъ ея принципъ, какъ liberum veto въ конституціи Польши. И папство не только не погибло отъ этихъ революціонныхъ въ себѣ принциповъ, но черезъ нихъ увеличился блескъ и объемъ католицизма, а отъ него все это, т. е. блескъ и сила, перешли на папство. Второе столь же частое обвиненіе католичества заключается въ томъ, что они „не позвали насъ“ на эти свои совѣщанія. Тутъ сказывается обида „дальняго родственника“, котораго обошли приглашеніемъ на именины; обида, всегда особенно язвящая и никогда не прощаемая. Но дѣло въ томъ, что первое время насъ звали туда, но мы сами не пошли по чванству, по узкому провинціализму своей мысли, изъ страха провраться и загородить околесицу передъ лицомъ цѣлаго міра. Извѣстны споры Грознаго съ Поссевиномъ, гдѣ онъ огорошилъ „западника“ вопросомъ, для чего они бреютъ подбородокъ; и еще другой случай, гдѣ невѣжливо отвѣчавшему кардиналу Великій Князь Московскій велѣлъ прибить шляпу гвоздемъ къ головѣ. Такимъ „богословамъ“ съ гвоздями и интересомъ къ подбородку было трудно выступить передъ лицомъ міра. И вотъ обидчивый „дальній родственникъ“ протестуетъ: зачѣмъ же они собирались и совѣтовались, когда „насъ тамъ не было“ (взглядъ Хомякова). Но вѣдь надо же было католикамъ что-нибудь отвѣтить на критику Лютера и Кальвина; надо было исправить неясности въ доктринѣ и злоупотребленія въ практикѣ, которыя вызвали ополченіе реформаціи. И они собрались на Тридентскій соборъ. Ибо рѣшительно невозможно было напр. на сомнѣнія Лютера о спасеніи *вѣрою* или *добрыми дѣлами*

отвѣтить постановленіями Никейскаго собора. Какъ Никейскій соборъ собрался и вынужденъ былъ собраться въ виду критики и сомнѣній Арія, такъ Тридентскій соборъ собрался и не могъ не собраться въ виду критики и сомнѣній Лютера,—не меньшей, чѣмъ у Арія, силы и искренности. Вѣдь это у насъ только передъ лицомъ купцовъ, обмѣривающихъ покупателя въ товарѣ, для вразумленія ихъ читаются громовыя проповѣди Іоанна Златоустаго, поносившаго развратный Константинополь за пороки роскоши и разврата. Такого неумнаго расхожденія вопроса и отвѣта, нужды и удовлетворенія на Западѣ не допускается, не допускалось.

Есть еще упрекъ католичеству, повидимому болѣе основательный: что это давно уже только *политика* и *дипломатія*, а не *вѣра*, не *молитва*. Онъ не можетъ быть отнесенъ къ мірянамъ-католикамъ, ибо съ кѣмъ же имъ вести политику и дипломатическую игру, когда они не имѣютъ, такъ сказать, партнера? Какъ и нашимъ мірянамъ,—имъ предоставлено въ религіи только вѣрить и молиться. Колоритъ религіи этихъ простыхъ людей тотъ же простой и теплый, чистосердечный и наивный, какъ и у насъ. Посмотрите на солдатъ поляковъ и литвинъ, приходящихъ къ исповѣди въ церковь св. Екатерины на Невскомъ. У католиковъ только больше лиризма въ вѣрѣ, у насъ—эпическаго, красиваго спокойствія. Итакъ, политика и дипломатія—удѣлъ собственно іерархіи католической, начиная отъ священника и восходя до папы. Но сказать, что и у нихъ „вѣра свелась къ политикѣ“—невозможно, какъ невозможно было бы сказать о Филаретѣ московскомъ, что у него занятія дѣлами епархіи и вообще дѣлами Россійской церкви (какъ члена Синода) совершенно подавили подвигъ монашества и память христіанина. И для Филарета и для папы сутки

имѣютъ 24 часа: и если всѣ часы разобраны на „дѣла“, разобраны нетерпѣливо и требовательно, то зрителю со стороны представляется, что на верху церковной іерархіи стоитъ какой-то чиновникъ или дипломатъ, а не молитвенникъ. И о Кутузовѣ, видя что онъ не скачетъ передъ войсками на полѣ, а все подписываетъ какія-то бумажки, съ не меньшимъ правомъ, но и не съ большею основательностью, можно было бы сказать: „это столоначальникъ, а не полководецъ“. Тутъ миражъ и, пожалуй, несчастіе главенствующаго положенія, а не принципъ Церкви. Можно было думать о Богѣ и молиться 18 часовъ въ сутки въ Ѳиваидѣ, на Монте-Кассино; но съ тѣхъ поръ какъ у Церкви возникли „дѣла“ и „дѣлопроизводства“, вообще механизмъ и механика,—и она приняла въ себя невольно всѣ недостатки, бездушіе и формализмъ механическаго существованія. Центръ тяжести этой механичности падаетъ невольно и непремѣнно на главу или главы церквей, которые не „*не умѣютъ*“ молиться, но ихъ молитва кратка, тороплива, едва видна, можетъ быть не такъ тепла, какъ у простыхъ священниковъ, и во всякомъ случаѣ не такъ наивна и пламенна, какъ у мірянъ. И какой нибудь солдатъ, взрывающій въ нужную минуту пороховой погребъ и въ немъ гибнущій, тоже храбрѣе и болѣе выражаетъ въ себѣ картинную идею: „война“, чѣмъ Кутузовъ или Наполеонъ, люди не безъ эгоизма и привычки къ нѣкоторой тѣлесной холѣ. Здѣсь вообще печаль исторіи, прогресса и усложненія культуры, а не недостатокъ личности и не принципъ учрежденія.

IV.

Сказаннымъ мы ни мало не хотимъ утвердить, что католицизмъ не имѣетъ недостатковъ. Но тѣ недостатки,

въ какихъ привычно и стереотипно именно русскіе упрекаютъ ихъ, суть дѣйствительно кажущіеся. Вполнѣ поразительно, что при всемъ огромномъ умѣ и тонкости какъ администраціи католической, такъ и богословія католическаго, они точно не видятъ, что стимулъ главный возмущенности противъ нихъ народовъ и странъ есть небрежное и частью преступное отношеніе ихъ къ семьѣ и всѣмъ колизіямъ брака. Вѣдь, въ сущности, это именно было главнымъ вещественнымъ и нервнымъ толчкомъ, подвигнувшимъ германцевъ и англичанъ пойти за Лютеромъ и Генрихомъ VIII. И не можетъ же укрыться отъ католиковъ, что можетъ быть германцы и англичане во всемъ проиграли, оторвавшись отъ Рима,—но что въ семейномъ отношеніи они несомнѣнно черезъ это выиграли: стали чище, здоровѣе, нравственнѣе, словомъ—біологически крѣпче латинской расы. A in corpore sano и mens sana: они и духовно, культурно поднялись выше католическихъ народностей вслѣдствіе оздоровленія семьи, вышедшей изъ подъ убійственнаго католическаго режима. Проходя въ Римѣ на Corso мимо дворца конгрегаціи De propaganda fidei, этого почти второго Ватикана, не могъ я не думать и часто думалъ: „вотъ если бы такимъ же *громаднымъ и всемірнымъ учрежденіемъ*, столь же *геніально* организованнымъ, зоркимъ, мудрымъ и дѣятельнымъ, католичество отвѣтило на смиренныя нужды семейныхъ рабовъ своихъ, если бы съ такимъ же безконечнымъ милосердіемъ и дальнозоркостью и примѣняемостью къ индивидуальнымъ положеніямъ оно относилось въ области семьи и брака, съ какимъ въ *Пропагандѣ* примѣняется къ особенностямъ вѣры и національности индусовъ, японцевъ, негровъ, американцевъ: то безъ сомнѣнія оно сохранило бы религіозную цѣлость Западной Европы, да и вообще

стало бы непобѣдимо, неуязвимо". Но они лишь картинно привѣтствовали семью, черезъ Мадоннъ и св. Юліана съ младенцемъ на рукахъ: а законодательно и административно и они судятъ ее не во дворцѣ, какъ Propaganda fidei, а на какихъ-то задворкахъ, въ какой-то лакейской конурѣ, едва ли не хуже еще, чѣмъ наши пресловутые „бракоразводные столы" въ консисторіяхъ. Семейныя сцены изъ Библіи они изваяли въ чудныхъ изображеніяхъ бронзовыхъ дверей во Флорентинской баптистеріи (крестильнѣ), но дальше бронзы дѣло не пошло: всѣ нормы семьи взяты изъ римскаго языческаго о ней законодательства, т. е. въ сущности отъ Венеры Капитолійской (ибо бракъ вездѣ часть религіознаго культа), но ничего для брака не взято изъ неоспоримаго Слова Божія о немъ, записаннаго въ Библіи. Здѣсь, какъ и у насъ, у католиковъ дѣйствуетъ та же самая непостижимая слѣпота, fatum mentis,—таже короткость мысли, отсутствіе догадокъ и какого-либо предвидѣнія.

Пій IX, который у насъ оцѣнивается очень не высоко, въ католическомъ сознаніи ставится наряду съ самыми знаменитыми въ исторіи папами: при немъ произошло формулированіе двухъ догматовъ, которые—безъ формулъ только—давно уже, много вѣковъ назадъ, вошли въ вѣру и почитаніе у всѣхъ католическихъ народовъ: о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы и о „непогрѣшимости съ каѳедры" римскаго епископа. Первымъ догматомъ словесно завершился давно сложившійся „культъ Мадонны", „религія Небесной Дѣвы",—въ которой въ сущности очень мало евангельскаго образа Божіей Матери; вторымъ догматомъ завершилось ученіе о „камнѣ Петровомъ", на которомъ Христосъ „основалъ Церковь". „Паси овцы Мои"—это Іисусъ сказалъ не всѣмъ апостоламъ, но одному Петру, т. е. однимъ пре-

емникамъ Петра, каковыми считаютъ себя папы, утвердившіеся на мѣстѣ его мученической кончины. Для насъ, русскихъ, все это чуждо и посторонне; но католичество имѣетъ свою исторію сознанія, исторію своихъ убѣжденій, и въ ней-то Пій IX занимаетъ огромное мѣсто. На мои слова, въ Италіи, что Левъ XIII выше своего предшественника, мнѣ отвѣчали удивленіемъ: „Левъ XIII есть только политикъ, а тотъ былъ великій *вѣроучитель*“ (конструкторъ понятій).

V.

Самый *типъ святости* въ католичествѣ иной, чѣмъ у насъ. Въ то время какъ на Востокѣ культивировались идеи тихости, невозмутимости и незамутимости, а въ случаѣ страданія—покорности, на Западѣ входили въ культъ идеи *силы* и *дѣятельности*. Пассивно-терпѣливое христіанство и христіанство активно-поборающее,—такъ лучше всего можно выразить восточную и западную религіозныя идеи. Когда обрушилась Западная Римская имперія и на Европу хлынулъ потокъ варваровъ, то сама исторія для всякаго, кто имѣлъ какой-нибудь авторитетъ, силу, мудрость и святость въ себѣ, поставила задачею: заботу, устроеніе обломковъ какъ бы крушившагося поѣзда. Это приходилось дѣлать, другое—оставить въ сторонѣ. И вотъ эта-то *помощь человѣку*, энергичная, иногда насильственная, и перешла мало-по-малу изъ временной исторической задачи и нужды въ идеалъ святости, несвязанной больше съ временемъ, отвлеченный и абсолютный. Въ тихихъ пустыняхъ Египта и Сиріи, на островахъ греческихъ, на уединенной горѣ Аѳонской нечего было и не отъ кого спасать: и выработался идеалъ жизни тихой, созерцательной, уединенной, съ отложеніемъ „всякаго житейскаго попеченія“.

Вотъ отчего папы—воины и политики, которые были бы вовсе неумѣстны на Востокѣ и здѣсь не были бы возведены въ „святые“—на Западѣ были почтены какъ „архистратиги Михаилы“ человѣчества: какъ подобный образъ Ангела-*воина* введенъ и нами въ Небеса. Сообразно этому дѣятельному характеру, и Пій IX, либералъ и потомъ консерваторъ, и Левъ XIII , подавшій руку Французской республикѣ и высказавшійся за правоту недовольства рабочаго класса въ Европѣ, ничѣмъ не нарушили оба традицій римскаго священничества и не вышли изъ круга и идеала понимаемой тамъ святости. Оба, въ соотвѣтственныхъ новыхъ условіяхъ, пытались быть инженерами-архитекторами возводимаго зданія цивилизаціи, все растущей, этажъ за этажомъ. Въ знаменитыхъ своихъ энцикликахъ Левъ XIII періодически высказывался о „современномъ положеніи вещей“, и энциклики эти были всѣмъ слышны,—одними обсуждались и критиковались, другими принимались какъ „credo“. Ими Левъ XIII успѣшно или безуспѣшно вводилъ, какъ регентъ вводитъ камертономъ, „тонъ“ въ хоръ европейскихъ голосовъ, частью страстно враждебныхъ папству, католичеству, даже вообще вѣрѣ. Но это все равно: голосъ папы всѣмъ былъ слышенъ, а „будущее“ и „судьбы“, конечно, уже лежатъ внѣ его силы и предвидѣнія. Черезъ посредство энцикликъ онъ ввелъ голосъ въ ревъ мнѣній европейскихъ, какого не имѣли Викторія, Вильгельмъ или Францъ-Іосифъ. Голосъ этотъ во всякомъ случаѣ слышнѣе, обдуманнѣе, сложнѣе, и всякій отдѣльный разъ долѣе помнится, чѣмъ голосъ какого бы то ни было оратора въ Европѣ. Онъ къ тому же, обходя мелочи жизни, касается самыхъ высшихъ и принципіальныхъ пунктовъ даннаго времени. Такимъ образомъ, черезъ энциклики эти папа пріобрѣлъ

какъ бы ораторскую трибуну въ современномъ парламентарномъ строѣ Европы, но только чрезвычайно независимо поставленную, внѣ частностей странъ и будничной политики. Онъ понялъ, что вѣдь и Гладстонъ или Биконсфильдъ не имѣли силы физической, какъ и онъ,—и однако двигали арміями и флотами; „мнѣніе“ вообще управляетъ и оружіемъ въ новомъ мірѣ. И онъ, не довольствуясь владычествомъ надъ душами, которое болѣе или менѣе отвлеченно, а иногда и платонично, рѣшился тоже „имѣть мнѣніе вслухъ“ и черезъ него вліять на „мнѣнія“ же. Голосъ и мнѣніе его имѣютъ еще то преимущество, что они никогда не „проваливаются“ противною партіею, т. е. онъ всегда что-нибудь выигрываетъ и никогда не проигрываетъ.

Папство и католичество—это imperium spirituale, духовное кесарство. Глава ордена іезуитовъ не называется ни игуменомъ, ни епископомъ, а „генераломъ“. И вмѣсто классическаго „Pontifex Maximus“ къ папѣ удобнѣе было бы прилагать классическій же титулъ: „imperator“. Клиръ, духовенство во всякомъ случаѣ есть его духовное войско: черные легіоны, во всемъ послушные лозунгамъ съ Mons Vaticanus. Служеніе этой духовной имперіи привлекательнѣе, чѣмъ служеніе какому бы то ни было свѣтскому государству на Западѣ, по чрезвычайному обилію въ ней идеальныхъ элементовъ, по ея сѣдой древности, святому основанію (Евангеліе), по величію ея совершившейся исторіи. „Когда я вошелъ въ сенатъ, то мнѣ показалось, что я вижу передъ собою собраніе царей“,—передалъ свое впечатлѣніе соотечественникамъ одинъ аѳинянинъ, посолъ и риторъ. Вотъ такое впечатлѣніе, мнѣ думается, затаиваетъ въ себѣ всякій свѣтскій сановникъ или политикъ Европы, наблюдающій или находящійся среди одной изъ Ватикан-

скихъ церемоній, въ собраніи кардиналовъ или епископовъ. Все здѣсь еще царственно, и только здѣсь,— тогда какъ (я наблюдалъ въ парламентѣ, въ Вѣнѣ) въ остальныхъ мѣстахъ политика и вообще жизнь публичная и историческая захвачена пиджакомъ и блузою, спустилась въ низшіе ярусы манеръ и смысла. Блуза и пиджакъ можетъ быть займутъ весь горизонтъ будущаго,—очень можетъ быть. Они во всякомъ случаѣ имѣютъ огромное право на существованіе, на отдыхъ, на благодарность человѣчества. Культура становится все болѣе и болѣе матеріальной, вещественной; и эти гномы, около нея трудящіеся, и частью ее извлекшіе изъподъ земли,—эти другіе легіоны съ крѣпкими мускулами и маленькой добросовѣстностью, имѣютъ свое право сыграть огромную роль. Уже теперь невольно ихъ судьба, о нихъ забота болѣе и болѣе становится главнымъ содержаніемъ государственной европейской жизни. Европейскія государства всѣ національзировались. Государство—это теперь нація, съ заботами о само-прокормленіи, и, въ зависимости отъ этого, съ уловками поглощенія болѣе слабыхъ и низшихъ сосѣднихъ организмовъ. Почти вся политическая жизнь свелась къ питанію, съ значительной атрофіей головныхъ интересовъ. Но папство и католичество еще имѣютъ „голову“,—или иллюзіи „головы“, если послѣдняя, какъ утверждаютъ нѣкоторые современные философы, вообще имѣетъ въ исторіи лишь иллюзіонное значеніе (марксизмъ).

VI.

Обнимая всѣ націи, впитывая въ себя элементы изъ всѣхъ сословій, давая шапку кардинала или тіару папы только заслугамъ и достоинству, только добродѣтели.

разуму и энергіи, католичество—въ одно и то же время и республиканское и монархическое, и аристократическое и демократическое, — содержитъ въ себѣ самые сильные возбудители для соревнованія и самыя сильныя приманки для всего мечтательнаго, гордаго, героическаго и романтическаго. „Рыцаремъ“ въ средневѣковомъ смыслѣ можно еще быть только здѣсь. Вотъ отчего среди поляковъ, итальянцевъ, нѣмцевъ можно встрѣтить столько низшихъ, даже служителей этой Церкви, безъ памяти любящихъ ея гордое и древнее зданіе. Стоитъ вспомнить „дѣвотокъ“, нищихъ и служанокъ, прибѣгающихъ только къ ранней службѣ въ костелѣ, или вѣчно толкущихся на его паперти, и которыя готовы жизнь положить за своего ксендза. Стоитъ вспомнить фанатическую дѣятельность бѣлорусскаго ксендза Бѣлякевича, узы и темницу кардинала Ледоховскаго и „партію центра“ въ Германіи, которая принудила и принуждаетъ свое отечество, весьма любимое, къ уступкамъ иноземной и иноплеменной, итальянской по крови и территоріи, власти. Католицизмъ весь талантливъ и вездѣ онъ сплоченъ, единъ. Это единство было достигнуто въ чрезвычайно медленномъ и исключительно внутреннемъ процессѣ. Было время, когда Ватиканъ боролся съ Латераномъ, и два папы, одинъ въ старомъ Латеранѣ и другой въ новомъ Ватиканѣ, взаимно проклинали другъ друга. Все шло такъ же упорно и страстно, какъ въ Римѣ между сперва патриціями и плебеями, потомъ между оптиматами и пролетаріями, и, наконецъ, между старымъ сенатомъ и новой имперіей. И какъ въ старомъ Римѣ всякій вѣкъ борьбы давалъ въ итогѣ все высшее единство и еще болѣе мощную силу, такъ и въ папствѣ и католичествѣ тысячелѣтіе борьбы выковало власть безпримѣрно единую, организацію безпри-

мѣрно слитную, авторитетъ безпримѣрно могущественный. „Всюду, гдѣ есть грѣхъ, простирается власть римскаго первосвященника",—такъ вымолвилъ, почти про себя, одинъ изъ предшественниковъ Пія IX задолго до провозглашенія догмата о „непогрѣшимости". Формула эта мнѣ представляется еще притязательнѣе и несравненно поэтичнѣе, чѣмъ формальная, почти юридическая „infabillitas ex cathedra", заявленная и полученная предшественникомъ Льва XIII.

Въ не очень большой картинной галереѣ при Латеранскомъ соборѣ есть портретъ Льва XIII, подаренный сейчасъ по полученіи имъ тіары. Портретъ почти квадратный, поясной, небольшихъ размѣровъ, но только очень хорошей работы. Подъ нимъ есть подпись папы, мною скопированная, но которую я затерялъ потомъ. „Sancta Virgo",—начинается она обращеніемъ,—и содержитъ краткую, строкъ въ семь, молитву-обѣтъ. Въ ней папа-рыцарь, папа-воинъ клянется Sanctae Virgini не покладать рукъ въ борьбѣ съ врагами ея: молитва и обѣщаніе чрезвычайно личныя и одушевленныя. Намъ все представляется, что папа только политикъ; за политикою мы не видимъ идеала, и папа, конечно, не разсказываетъ намъ своихъ молитвъ, мечтаній, тихихъ ватиканскихъ думъ, которыя однако *есть*. Но онъ есть священникъ прежде всего, идеалистъ-священникъ. Въ лицѣ его священническая власть на землѣ выросла до величайшаго своего выраженія. И въ этомъ-то идеализмѣ его священническаго сознанія и укрѣпленъ фундаментъ его политики, которая настолько рѣшительна, поскольку горяча хотя бы краткая безмолвная молитва.

Въ линіи непрерывнаго религіознаго сознанія три храма мнѣ представляются кардинальными точками: Луксръ въ Египтѣ, храмъ-городъ (по обширности), от-

куда Моисей вынесъ многія изъ своихъ понятій, потребностей, психо-физіологическихъ привычекъ и законовъ, ритуальныхъ учрежденій; знаменитый Соломоновъ храмъ, подъ арками котораго пѣлась уже намъ родная Псалтырь; и, наконецъ, св. Петръ въ Римѣ. Въ послѣдній мнѣ случилось попасть какъ разъ во время службы кардинала Рамполлы. Тянули „miserere",—но храмъ до того великъ, что между тѣмъ какъ при главномъ, переднемъ алтарѣ шла служба, она именно занимала только уголъ зданія, а по самой серединѣ его было психологически такъ свободно, на столько чувствовалось здѣсь пространственно уже другое мѣсто, внѣ-богослужебное, что не только большая толпа присутствовавшихъ, но два-три и католическіе священника прогуливались взадъ и впередъ какъ по залу, разговаривая громко о своихъ дѣлахъ. Храмы древніе какъ бы одѣвали камнемъ площадь, и это перешло во многіе готическіе каѳедралы (напримѣръ св. Стефана въ Вѣнѣ) и въ св. Петра. Наши храмы тѣснѣе, субъективнѣе, провинціальнѣе. Въ нихъ больше теплоты и по крайней мѣрѣ привычнаго намъ религіознаго смысла. Я хочу и могу молиться только въ своей церкви. Это такъ. Но при всемъ этомъ провинціальномъ устройствѣ своего сердца, не могу я не сознавать, однако, что „вонъ тамъ лежатъ границы нашего уѣзда" и что съ ними міръ вовсе не конченъ. Худо или хорошо, но я уже учился географіи, и не могу погасить въ себѣ знанія, что есть иныя страны — „гдѣ все обильемъ дышетъ". Католицизмъ, какъ бы мы его ни судили и ни осуждали, во всѣхъ отношеніяхъ мысли, художества, дѣлъ совершонныхъ и задумываемыхъ,—представляетъ чрезвычайное „обиліе" и этимъ характеризуется всего точнѣе.

1903 г.

ЦЕРКОВЬ „ПРЕЖДЕ ПОЧИВШИХЪ“ и ЦЕРКОВЬ ЖИВЫХЪ.

Ἐκκλησία = народное собраніе.
Греко-русск. словарь.
Ἐκκλησία, Ecclesia = церковь.
Каноническое право.

I.

Кротость и примиренность сердца многими русскими принимается за коренную черту христіанина, за основное евангельское требованіе. Всѣ помнятъ слова Спасителя: „если ты имѣешь нѣчто *противъ брата твоего* и хочешь принести *жертву* Богу — поди и примирись прежде съ братомъ твоимъ, и *потомъ* принеси жертву“ также слова нагорной проповѣди: „блаженны миротворцы, ибо они нарекутся сынами Божіими“. *Самъ* Христосъ подалъ примѣръ величайшей степени этого качества: умирая на крестѣ, Онъ говорилъ объ іудеяхъ: „Отче, отпусти имъ грѣхъ ихъ, не вѣдятъ-бо, что творятъ“. Иногда самого Христа называютъ „Примиритель“, т. е. качество распространяютъ на существо поклоняемаго Лица и передаютъ въ Его имени, pro nomen. Въ свойствѣ кротости, такимъ образомъ, выражается какъ бы *лицо христіанства*, т. е. главная существенная часть. Если бы миссіонеровъ, ѣдущихъ въ Китай проповѣдовать Евангеліе, на границѣ „срединнаго царства“ спросили: — „Что̀ такое вы ѣдете возвѣщать желтолицымъ? что̀ такое Евангеліе и христіанство?“—то они никакъ бы не отвѣтили: „мы ѣдемъ возвѣстить, что если кто въ

болѣзни дерзнетъ призвать еврея-врача и станетъ у него лечиться, то да будетъ отлученъ, если это мірской человѣкъ, а если это священникъ—то да будетъ извержен изъ сана“ (правило VI-го Трулльскаго собора).

Этого бы не отвѣтили, потому что тогда китайцы основательно могли бы сказать, что имъ знать это вовсе не интересно, и ради этого правила они Будду не станутъ мѣнять на Христа. Напротивъ, миссіонеры сказали бы, что они ѣдутъ повторить желтолицымъ слова Учителя: „Блаженны алчущіе *правды*“... „блаженны *чистые* сердцемъ“, „блаженны *миротворцы*“... И все это они произнесли бы съ великимъ одушевленіемъ. И такое объявленіе о себѣ раскрыло бы передъ ними, да вѣдь и раскрыло подлинно, двери всѣхъ странъ и всѣхъ вѣръ.

Въ нашей религіи есть *слава* ея; и есть подробности, почти безразличныя.

Кто отрицается или пренебрегаетъ *славою* своей вѣры, тотъ намъ представляется какъ бы ренегатомъ ея, или тайнымъ внутреннимъ врагомъ;—червемъ, поѣдающимъ сердце своей Церкви. Но кто нарушаетъ множество маленькихъ ея правилъ, тотъ только перестаетъ быть фарисеемъ ея, каковая секта особенно возмущала Христа требованіемъ ригористичности въ исполненіи правилъ.

Анти-фарисейство не есть ли сущность христіанства? На такой прямой вопросъ сонмы христіанъ воскликнули бы громко: „Вѣруемъ и исповѣдуемъ, что Христосъ и фарисейство—не совмѣстимы, и что кто послѣ Христа остается еще фарисеемъ, тотъ какъ бы не слыхалъ призыва Іоанна Крестителя: *Покайтесь - сѣкира лежитъ у корня дерева... исправьте путь Господу*“.

Вотъ маленькое размышленіе, основательность котораго трудно заподозрѣть, и которое, если бы пришло

на умъ въ Вильнѣ нѣсколько времени назадъ, то предупредило бы печальный инцидентъ при похоронахъ генерала Гурчина. Инцидентъ заключался въ томъ, что когда умеръ одинъ изъ доблестнѣйшихъ вождей нашей арміи, генералъ Гурчинъ, командовавшій войсками Виленскаго военнаго округа, и подчиненный составъ войскъ хотѣлъ объ усопшемъ помолиться, то мѣстною епархіальною властью сдѣлано было распоряженіе, воспрещавшее православному духовенству служить панихиду по умершемъ, такъ какъ онъ былъ католикомъ. И желаніе множества русскихъ, ничего не знавшихъ о католичествѣ генерала Гурчина, но много лѣтъ видѣвшихъ въ немъ заботливаго о себѣ начальника, „отца командира, вѣрою и правдою служившаго царю и отечеству“, не было исполнено, — чѣмъ произведено было тягостное впечатлѣніе въ войскахъ и населеніи.

Всегда русскіе гордились и какъ бы „славились“ тѣмъ, что тогда какъ католическій ксендзъ отказывается исповѣдать и причастить безъ отреченія умирающаго русскаго, который не имѣетъ по близости православнаго священника,—православный священникъ всегда это сдѣлаетъ для католика въ часъ смертной нужды и когда по близости нѣтъ ксендза. „Мы — *добрые* другихъ, мы никого *не клянемъ*, мы — *христіане*“. Инцидентъ въ Вильнѣ какъ бы пошатнулъ эту нашу давнишнюю, нашу историческую и національную славу. Съ католиками насъ раздѣляетъ не столько догматъ, сколько эта наша всегдашняя антипатія къ ихъ нетерпимости, ригористичности, фанатизму, глядя на каковую, мы иногда позволяемъ себѣ говорить: „фу, они дѣйствуютъ точно не христіане; забыли, что духъ Христовъ — *кроткій и примиренный*“. И вдругъ въ фактѣ большомъ, крупномъ, всѣми видимомъ, оказалось, что *и мы таковы же*.

Въ газетѣ „Свѣтъ“, обильно читаемой военными, появилось нѣсколько недоумѣвающихъ статей по этому поводу. Тогда за подписью г. Врублевскаго, секретаря Виленскаго епархіальнаго Архіепископа, появилось въ этой газетѣ длинное разъясненіе, почему именно нельзя было исполнить желаніе православныхъ русскихъ войскъ. Оказалось, что это „нарушило бы постановленіе Лаодикійскаго и Антіохійскаго соборовъ, ясно и опредѣлительно запрещающихъ православнымъ имѣть какое-либо *молитвенное общеніе съ иновѣрными*“. Разъясненіе это удовлетворило редакцію газеты „Свѣтъ“, но не удовлетворило редактора „Гражданина“, и одинъ изъ своихъ „Дневниковъ“ онъ посвятилъ разбору мыслей г. Врублевскаго. Подпись г. Врублевскаго такъ мало авторитетна, а вопросъ такъ интересенъ для христіанской совѣсти, что, конечно, каждому православному позволительно остановиться на этомъ фактѣ и по возможности обвѣять его мыслью.

II.

Прежде всего—частности. Генералъ Гурчинъ не былъ *иновѣрецъ* съ нами, а только—*инославный*. Такимъ образомъ, правило Лаодикійскаго и Антіохійскаго соборовъ неправильно было примѣнено въ этомъ случаѣ. Оно неправильно было примѣнено и потому еще, что живые подчиненные сотоварищи вовсе не хотѣли „имѣть молитвенное общеніе“ со своимъ командиромъ, который умеръ и никакого уже „общенія“ ни съ кѣмъ имѣть не могъ: они хотѣли отъ себя и *только отъ себя*, въ своемъ собственномъ храмѣ, вознести молитву *о душѣ* умершаго, *по памяти* о немъ. Такимъ образомъ здѣсь есть объектъ молитвы, предметъ моленія; а субъекта, „общающагося въ молитвѣ“, вовсе нѣтъ. Тутъ не было

двухъ *разно*-родно вѣрующихъ, соединенныхъ *въ одномъ молитвообращеніи* — и формула Лаодикійскаго собора сюда не примѣнима.

Этотъ краткій разборъ показываетъ, какъ мало у насъ точности въ опредѣленіи своихъ поступковъ и въ пониманіи древнихъ правилъ.

Обратимся къ другимъ подробностямъ.

Лаодикія и Антіохія лежали въ предѣлахъ древней Римской имперіи. Раздѣленія церквей въ эпоху упомянутыхъ соборовъ еще не произошло; и „римляне“ молились тамъ вмѣстѣ, не раздѣляясь, съ „цареградцами“. Кто же былъ тогда „иновѣрцами“? Ино-церковниковъ не было, потому что была одна Церковь; христіанство и Церковь были синонимами. Иновѣрцы были *не христіане*, т. е. евреи и язычники, вовсе не признававшіе Христа: и вотъ *съ ними*-то и было запрещено духовенствомъ Антіохійскаго и Лаодикійскаго соборовъ „имѣть общеніе въ молитвѣ“, т. е. было запрещено христіанамъ ходить молиться *въ синагоги и языческія капища*. Неужели же это одно и то же, что „общаться“ съ католикомъ?! „Иновѣрецъ“ есть тотъ, который „вѣруетъ въ иное, чѣмъ я“, имѣетъ „иную вѣру“, „иного Бога“; но католики съ нами „инославны“, а не иновѣрны, ибо вѣруютъ, какъ и мы, въ Господа Іисуса Христа, Пресвятую Троицу, Дѣву Марію и семь церковныхъ таинствъ. Въ самой терминологіи православнаго богословія протестанты и католики именуются „инославными“, т. е. *иначе*, нежели мы, *славящими*, прославляющими Бога, но—Бога того же самаго, котораго славимъ и мы.

Далѣе, „общеніе въ молитвѣ“ предполагаетъ равенство положенія обоихъ общающихся: напримѣръ, что оба они живы, и вотъ оба, будучи разныхъ вѣръ,— идутъ въ единый храмъ которой-нибудь одной вѣры.

Въ таковомъ поступкѣ могло бы выражаться отреченіе отъ своей вѣры; и вотъ христіанину и запрещено это дѣлать, выходить изъ своего храма и входить въ синагогу или языческій храмъ („общаться“). Но вѣдь, молясь за умершаго, мы скорѣй какъ бы вовлекаемъ *его* въ *свой* храмъ, по крайней мѣрѣ *имя* его, *память* о немъ, и, вѣруя въ безсмертіе души—обращаемъ ее, уже сущую въ загробномъ мірѣ, вниманіемъ и любовью *къ молитвамъ въ нашемъ храмѣ*. Это есть скорѣй слабый и далекій видъ пріобщенія къ своей вѣрѣ инославнаго, какъ бы его мyропомазаніе въ свое исповѣданіе, а ужъ никакъ не пріобщеніе русской души къ католичеству. Вѣдь хотѣли совершить панихиду „по душѣ его“, *а не по его исповѣданію*, какъ католика; помолиться о *прощеніи грѣховъ* ему, совершить *милосердіе, любовь*: и неужели же русскому въ словахъ своей „славы“ (исповѣданія) нельзя молиться о душѣ католика? Клянусь, не измѣняя Православію, я чувствую себя въ правѣ молиться и за жида, и за татарина: напр., если еврей-врачъ вылѣчилъ моего ребенка и затѣмъ самъ умеръ, а татаринъ-пастухъ пасъ мой скотъ, служилъ мнѣ вѣрою и правдою, и вотъ затѣмъ тоже умеръ. Есть „грѣхи“ внѣ исповѣдныхъ разницъ, напр., грѣхъ обмана, грубости, неповиновенія старшимъ; и вотъ если татаринъ или еврей имѣютъ такіе грѣхи,—я за нихъ и объ ихъ прощеніи буду молиться моему Христу. Ибо хотя они Христа не признавали, Христосъ остается и ихъ Богомъ, Творцомъ и Владыкою; и Его можно молить за этихъ слѣпыхъ рабовъ Его, не знавшихъ своего Господина.

Нужно, чтобы Богъ ихъ простилъ, и я молюсь Богу за нихъ, хотя бы сами они и не молились этому Богу. Я виновенъ передъ начальникомъ своимъ: за меня мо-

жетъ просить не только сослуживецъ мой, но и человѣкъ другого вовсе вѣдомства, но лишь знающій меня и знающій моего начальника.

III

Но и сверхъ этого, въ данномъ вопросѣ содержатся три слѣдующія принципіальныя недоумѣнія:

1) Церковь есть *общество вѣрующихъ*. Это основное опредѣленіе Церкви, вписанное во всѣ катехизисы. Не нарушила ли своимъ запрещеніемъ епархіальная власть въ Вильнѣ желанія „общества вѣрующихъ“, т. е. мѣстной виленской „церкви“? Церковь не есть только память прошлаго. Тогда она была бы библіотекой или музеемъ. Церковь есть совѣсть вѣрующихъ, обращенная къ Богу, сейчасъ глаголющая, сейчасъ трепещущая смысломъ, могущая сейчасъ получить вдохновеніе и начать пророчествовать. „И Саулъ былъ во пророкахъ“, хотя не былъ очень угоденъ Богу. Виленцы русскіе, виленцы православные, когда заговорили: „хотимъ помолиться за стараго нашего командира“, и были „во пророкахъ“,—ибо праведно было движеніе ихъ сердца; можетъ быть, это лучшая была свѣча Богу отъ православныхъ за все время существованія православія въ Вильнѣ. По крайней мѣрѣ, на прямой вопросъ: „гдѣ церковь въ Вильнѣ?“ мѣстный епархіальный архіерей едва ли бы прямо отвѣтилъ: „я—церковь“. Это было бы слишкомъ по Людовику XIV. Скорѣе бы онъ сказалъ, подведя спрашивающаго къ окну и указывая на сонмы идущаго въ храмъ народа православнаго, идущаго, напримѣръ, именно помолиться о генералѣ Гурчинѣ: „*вотъ*—церковь православная, *эти* вѣрующіе“. Такимъ образомъ, именно церковь-то хотѣла помолиться въ Вильнѣ объ усопшемъ, и ей помѣ-

шала администрація, при томъ еще не точно, безъ разумѣнія прочитавшая постановленія Лаодикійскаго и Антіохійскаго соборовъ.

Переходимъ теперь къ нимъ. Наравнѣ съ правиломъ не призывать въ домъ свой „жидовина-врача“ есть (читаю я сейчасъ въ „Требникѣ“) слѣдующее: „Аще кто заставитъ боляры, да упросятъ епископа о священствѣ или санѣ—да извержется и да отлучится, и пріобщающіеся ему вси, по тридесятому правилу св. Апостолъ“. Правиломъ этимъ обезпечена совершенная свобода призыва епископа мѣстною паствою, мѣстною церковью („общество вѣрующихъ“), органомъ совѣсти которой долженъ быть епископъ,—быть, такъ сказать, трубою ихъ душъ. Сообразно этому, „изверженіе изъ сана“ или „отлученіе“ угрожаетъ каждому епископу, который былъ бы *присланъ* на паству, а не *позванъ* на нее. Епископъ какъ бы обручается съ народомъ, для жизни съ нимъ въ любви и единогласіи: и это есть такой важный принципъ, что уже съ первыхъ апостольскихъ временъ, въ предупрежденіе нарушеній его, постановлено приведенное правило. Правило это я списалъ съ „Требника“. Между тѣмъ глава виленской епархіи въ данномъ случаѣ, съ отпѣваніемъ генерала Гурчина, не только не былъ трубою своей мѣстной церкви, но онъ ею и не былъ именно потому, что не былъ позванъ ею на пасеніе себя, а былъ присланъ въ административномъ порядкѣ. Приведенное правило св. Апостолъ въ „Требникѣ“ печатается, но оно не только никѣмъ не исполняется, но не возбуждаетъ о себѣ никакого безпокойства, а просто перепечатывается изъ изданія въ изданіе, съ тою мыслью, что никто не проситъ объ его исполненіи, да и вообще никто „объ этихъ *Правилахъ*“, какъ и о правилахъ на счетъ жидовъ-врачей, не заботится. И, слѣдовательно,

припоминаніе одного правила, при похоронахъ генерала Гурчина, изъ сонма забытыхъ или не исполняемыхъ, содержитъ въ себѣ нѣчто нарочное и преднамѣренное. Само собою, если бы голосъ мѣстной живой церкви былъ исполненъ, никто не обезпокоился бы, что этимъ нарушено правило Лаодикійскаго и Антіохійскаго соборовъ.

IV.

Дѣло въ томъ, что есть двѣ Церкви: Церковь живыхъ и Церковь „прежде почившихъ“, и обѣ онѣ живутъ въ любви, но *не связаны способомъ юридическаго подчиненія*. Нужно совершенно отказаться отъ опредѣленія Церкви какъ „общества вѣрующихъ“, т. е. измѣнить всѣ катихизисы и собраться на Восьмой Вселенскій Соборъ для новаго опредѣленія этого важнѣйшаго понятія, чтобы отказать сейчасъ живущимъ сонмамъ вѣрующихъ въ правѣ назваться „Церковью“ *во всей полнотѣ и безконечности ея прерогативъ*. Отсѣчь живыхъ, убить въ нихъ голосъ, совѣсть, содѣлать изъ нихъ повинующіеся трупы вотъ къ чему привело бы, если бы опредѣлить Церковь какъ „общество *прежде почившихъ*“, какъ „сонмъ *умершихъ и правящихъ*“. Повторяемъ, Восьмого Собора для этого опредѣленія еще не собралось. Теперь: постановленія древней Церкви были постановленіями нѣкогда живой, волнующейся мыслью Церкви,—и только отъ употребленія вмѣсто слова „собраніе“ старинно-славянскаго слова „сѫборѫ“ и отъ ассоціаціи этого слова съ „соборомъ“ въ смыслѣ *храма*,—происходитъ особенное и не надлежащее отношеніе къ правиламъ, тогда выработаннымъ. Черезъ это, напр., „собраніе, сѫборѫ духовенства въ Труллѣ“ или Лаодикіи, т. е. голосъ тогдашней живой Церкви въ смыслѣ „общества вѣрующихъ“, преображается въ

представленіе еще какого-то чуть не храма Софіи Цареградской, съ золотыми маковками, въ ѳиміамномъ дымѣ, въ золотыхъ одеждахъ, въ священную минуту литургіи. Извѣстно, что первые старообрядцы такъ и понимали подъ словомъ „Церковь“ не „собраніе вѣрующихъ“, но Успенскую и Архангельскую церкви въ Московскомъ Кремлѣ. Такое представленіе, передавая его, жестоко осмѣиваетъ Гиляровъ-Платоновъ; а вдуматься въ него, такъ мы и сейчасъ всѣ подъ словомъ „Церковь“ разумѣемъ: 1) храмъ, 2) литургію, 3) священника и 4) молящійся въ ней народъ,—а вовсе не „общество вѣрующихъ“, къ каковому съ значительными прерогативами принадлежимъ и сами. Дѣло въ томъ, что „общество вѣрующихъ“, внѣ храма и не за литургіею, сейчасъ не представляется намъ чѣмъ-то особеннымъ. *Таковымъ и всегда оно было.* Но, прилагая къ прежде жившимъ и „нынѣ почившимъ“ древнимъ обществамъ вѣрующихъ старославянское слово „сѫборѫ“ и мѣшая его съ „соборомъ св. Софіи“, вообще съ храмомъ во время молитвы и священнодѣйствія,—мы думаемъ, что нарушить какое-нибудь правило этихъ „прежде почившихъ“ есть то же, что совершить дебошъ, войдя въ церковь, гдѣ происходитъ литургія. Отъ этого, хотя большинство древнихъ правилъ нарушено, и о нихъ никто не вспоминаетъ, но это сдѣлано молча, какъ бы по забвенію и нерадивости; или какъ бы временно и мѣстно, хотя едва ли кто питаетъ иллюзію, что отошедшее въ область „прежде почившаго“ опять когда-нибудь вздохнетъ свѣжимъ дыханіемъ. Явно, что евреи-доктора въ христіанскомъ обществѣ останутся, и никогда не подымется вопроса объ отлученіи отъ Церкви всѣхъ, лечившихся у нихъ. Мнѣ извѣстны случаи священниковъ (въ провинціи), которые въ случаѣ тяжкаго заболѣванія въ дому, звали

изъ трехъ докторовъ: русскаго, поляка и еврея—именно послѣдняго. Хотя „Требникъ“ каждый священникъ знаетъ.

Но достаточно для уничтоженія сбивчивости въ представленіяхъ устранить старинно-славянскій терминъ „соборъ“, сѫборъ и ввести простое слово „собраніе“, чтобы возвратить мысли своей трезвость и твердость надлежащаго сужденія. Исторія этихъ „собраній“, экклезій, написана; на нихъ были праведные благочестивые мужи, въ мѣру благочестія и сознанія своей эпохи; были и неправедные. Они *спорили*, *доказывали*, при доказательствахъ *ссылались* и вообще *искали опоры*—то въ словѣ Божіемъ, то *въ логикѣ*, то *въ авторитетѣ императора*. На этихъ „собраніяхъ“ торжествовали одни мнѣнія, *не получали торжества другія*. Говорившіе на нихъ *не всѣ имѣли равную силу*, но одни—больше, другіе—меньше; собравшіеся дѣлились, и тогда какъ одни выражали Александрійскую школу, другіе—выражали Антіохійскую, еще третьи—Римскую, и т. д. Это фактъ, записанный твердо во всѣхъ оффиціально-одобренныхъ, оффиціально-проходимыхъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ учебникахъ церковной исторіи. Не было ни одного „собранія духовенства“, въ учебникахъ именуемаго „соборомъ“, которое бы вдохновенно пророчествовало, вынесло бы рѣшеніе свое *сейчасъ*, какъ только былъ поставленъ вопросъ, *подъ наитіемъ Св. Духа*, его *не отыскивая* своимъ умомъ, о немъ *не споря*. Но въ христіанствѣ всегда „прежде почившее“ становилось особенно авторитетно, окружалось ореоломъ неприкосновенности. Мы замѣчаемъ, что покойнику въ гробѣ кадятъ, передъ нимъ зажигаютъ свѣчи. Это совершилось и съ мнѣніями. Едва живые, которыхъ мнѣнія были высказаны на этихъ собраніяхъ—умерли, какъ кажденіе въ направленіи бездыханнаго тѣла ихъ

слилось *съ кажденіемъ въ направленіи мысли ихъ*. Это бываетъ и повседневно. Мысль умершаго отца становится „ненарушимою“ его волей, становится бережно хранимою истиною для дѣтей. Это—міровой фактъ, міровая тенденція. Она—вездѣ, и она почтенна. Въ предѣлахъ ея образовалось одно изъ лучшихъ церковныхъ украшеній—ученіе о такъ называемомъ „преданіи“. Въ ученіи этомъ выражается родное, роднящее черезъ вѣка, черезъ тысячелѣтія вѣяніе. Но это есть авторитетъ чисто нравственнаго характера, который тотчасъ потерялъ бы всю свою сзященность, поэтичность, ласку и глубину, какъ только живые, умеревъ, превратили бы его въ какой-то вексель на предъявителя.

Священна память отца. Но если бы кто-нибудь живописный портретъ его помѣстилъ въ божницу и сталъ на него молиться — это было бы безуміе: „не сотвори себѣ кумира“.

V.

Изъ мнѣній дѣлившихся, волновавшихся, опиравшихся на логику и тексты, и были въ послѣдующихъ вѣкахъ въ значительной степени „сотворены кумиры“. И взгляды, которые надо было благочестиво хранить, какъ вѣяніе и духъ прошлаго среди настоящаго, которые были сказаны даже и современникамъ-то какъ совѣтъ, а вовсе не какъ жестокое приказаніе, начали въ послѣдующія времена приниматься какъ вексель, какъ законъ, какъ параграфы сложнаго договора, по которому получатели суть умершіе, а плательщики суть живые.

Дань благочестія превратилась въ подать. Лѣнивые тѣмъ лѣнивѣе стали, тѣмъ болѣе замерли въ сердцѣ своемъ, тѣмъ охотнѣе начали думать, что „оброкъ Богу“

заключается просто въ „подати прежде почившимъ“, и что достаточно исполнять „правила“ первыхъ десяти вѣковъ христіанства, дабы уже всю слѣдующую тысячу и даже тысячи лѣтъ имѣть какъ бы абонированными мѣста въ обителяхъ небеснаго спасенія. Наступили времена, которыя иначе и назвать нельзя, какъ временами фарисейскаго лукавства. Все то, чѣмъ „спасались“ фарисеи: *исполнительность* въ отношеніи къ *правилу* и *смерть* живого *сердца*,—стало *методомъ спасенія* и въ новомъ мірѣ. И царство Христово черезъ этотъ сонмъ лѣнивцевъ и лукавыхъ вдругъ снова отодвинулось назадъ, какъ бы ко временамъ Іоанна Крестителя. Тѣ же молитвенники передъ нами, становящіеся на видномъ мѣстѣ, и которымъ Спаситель указывалъ: „затворись въ комнатѣ своей, когда хочешь помолиться“; тѣ же постники, которые упрекали Его, что ученики Его срываютъ колосья хлѣба въ субботу и ѣдятъ; и тотъ-же вѣчный, на всѣхъ перекресткахъ христіанства споръ о субботѣ: можно ли въ субботу извлекать овцу изъ ямы, исцѣлять слѣпого, или нужно подождать до понедѣльника?

Такъ докатилось и до Вильны въ недавнемъ ея эпизодѣ. „Хотимъ помолиться за умершаго командира своего“, вопили души простыя, души какъ у рыбаковъ галилейскихъ. „Они невѣжды въ законѣ“, отвѣтилъ о нихъ архіерей виленскій черезъ секретаря,—обои ученики не Іисуса, видимо, а законниковъ и фарисеевъ: „ясно и опредѣленно запрещено православнымъ имѣть какое-либо общеніе съ иновѣрцами“.

Въ статьяхъ, печатавшихся въ „Свѣтѣ“, было указано, что когда умираетъ на кораблѣ матросъ или офицеръ инославный, все же его не выбрасываютъ въ воду, безъ всякаго напутствія. Владыко виленскій отвѣтилъ на это,

что надъ тѣломъ инославнаго покойника на православномъ кораблѣ поютъ только „Святый Боже“, а полнаго отпѣванія не происходитъ. Но вѣдь въ пѣніи этомъ или черезъ него русскій священникъ все же молится объ инославномъ?! Кн. Мещерскій припоминаетъ, что митрополитъ московскій Филаретъ дозволилъ разъ молиться „о здравіи“ одного лютеранина; виленскій архіерей отвѣтилъ на это, что о здравіи можно молиться, а за упокой нельзя. Но доблестнѣйшій православный священникъ Іоаннъ Кронштадтскій молится о здравіи даже евреевъ и татаръ, и Богъ по этой молитвѣ *видимо помогаетъ*: стало быть Богъ принимаетъ молитву даже за магометанина и жидовина. Да что, развѣ виленскій архіерей забылъ, что Авраамъ молился даже о Содомѣ и Гоморрѣ, и Богъ нѣсколько разъ уступалъ передъ силою молитвы Авраама? Что, эта страница Библіи,—каноническая или не каноническая? Библія боговдохновенна во всѣхъ своихъ строчкахъ, или только въ нѣкоторыхъ? Архіерей виленск., не отличившій „общенія въ молитвѣ“ живыхъ отъ молитвы объ усопшемъ, едва ли отвѣтитъ на этотъ вопросъ; да едва ли онъ отвѣтитъ и на другіе вопросы, здѣсь поставленные. Можетъ быть, онъ даже не задумается о нихъ. Наконецъ, вотъ и „прецеденты“. Я помню хорошо, что когда умеръ извѣстный писатель О. И. Каблицъ, вмѣстѣ со мной служившій въ одномъ изъ петербургскихъ департаментовъ, то мы, чиновники, выслушали о немъ *три православныя панихиды*, а отпѣваніе тѣла производилъ *лютеранскій пасторъ* и похороненъ усопшій былъ на лютеранскомъ кладбищѣ. Также точно, когда умеръ покойный д-ръ Шперкъ, бывшій директоръ Института экспериментальной медицины, лютеранинъ, то товарищи и подчиненные служили около его гроба православныя панихиды. Очевидно, въ Вильнѣ

произошло дѣйствительно недоразумѣніе, потому что петербургское духовенство законъ тоже знаетъ.

Но такъ какъ подобные инциденты возможны на завтра же, то было бы весьма желательно, чтобы, не довольствуясь ссылкою: „исполняйте, какъ написано въ Требникѣ“, Россіи было дано услышать принципіальное и общее, такъ сказать, имперское рѣшеніе этого вопроса,—и при томъ такое, которое не расходилось бы съ совѣстью живой церкви, т. е. „общества живущихъ сейчасъ вѣрующихъ русскихъ людей“.

1903 г.

О „СОБОРНОМЪ“ НАЧАЛѢ ВЪ ЦЕРКВИ и О ПРИМИРЕНІИ ЦЕРКВЕЙ.

Слова Символа вѣры: „вѣрую въ Церковь Святую *Соборную* и Апостольскую“, включаютъ уже въ себѣ мысль о постоянномъ внутреннемъ *совѣтѣ* Церкви, какъ *способѣ ея существованія и жизни*. На эту мысль Символа вѣры и отвѣчаетъ „Посланіе“ Константинопольскаго Патріарха, обращенное въ этомъ году къ Петербургскому Сѵноду. Послѣдній былъ основанъ Петромъ Великимъ съ именемъ „Духовное *Коллегіумъ*“ и съ формами дѣлопроизводства другихъ одновременно возникшихъ коллегій. Но имя „Духовное Коллегіумъ“ не удержалось исторически, хотя историческое твореніе Петра осталось цѣло и неприкосновенно до сихъ поръ. Дѣло въ томъ, что „коллегіальный“ и вообще какой бы то ни было бюрократическій способъ существованія до того не отвѣчаетъ духу и задачамъ основанія Христомъ Его Церкви, что никто какъ бы не повѣрилъ, что она стала или можетъ стать „коллегіей“, и всѣ невольно и жалостливо стали именовать коллегію „сѵнодомъ“ (терминъ собственно кальвинистической церкви),—пытаясь думать, что подъ этимъ неяснымъ именемъ сокрыто то „соборное“, соборное начало, въ которое мы „вѣруемъ“ по Сѵмволу и о которомъ слышимъ, когда этотъ Сѵмволъ поется на литургіи. Но дѣла, текущія за „номерами“, обиліе чиновниковъ въ Сѵнодѣ, способы его засѣданій, способы „вызова въ него“ для „присутствія“ очередныхъ епархіальныхъ владыкъ,—все исключаетъ приложимость къ нему обычнаго термина древнихъ соборовъ

о себѣ: „*Духу Святому* и намъ изволилось“. Нѣтъ, мы имѣемъ „Духовное Коллегіумъ“, какъ оно возникло еще при Петрѣ, но съ ореоломъ и прерогативами Собора.

Приглашеніе Вселенской Цареградской Патріархіи къ „совѣтному“, „соборному“ съ остальными вселенскими патріархіями существованію—должно-бы быть дорого намъ, русскимъ, насколько мы еще вѣруемъ. Тысячи вопросовъ и трудностей, неразрѣшимыхъ „коллегіально“, разрѣшились бы „соборно“: ибо коллегія думаетъ и „производитъ дѣла“ бюрократически, а соборъ не можетъ не думать вдохновенно, „благодатно“. Возьмемъ старовѣрческій вопросъ. Къ нему „чиновнически“ и дотронуться нельзя, до того онъ исполненъ вѣры, фанатизма, энтузіазма. Достаточно вспомнить самосожигателей, самозакапывателей. Что тутъ сдѣлаетъ мундиръ и форма? Какую силу получитъ бумага „за номеромъ“? Все это брызнетъ сюда, какъ холодная вода на раскаленную сковороду. Но „соборно“ можно подойти къ этой болячкѣ русскаго народа, болячкѣ русской исторіи. Вдохновенно и „благодатно“ она исцѣляется и исцѣлится легко и быстро. Ибо раздѣленіемъ отъ насъ терзаются раскольники, какъ раздѣленіемъ отъ нихъ терзаемся мы; и самое наше раздѣленіе противу-евангелично, противу-христіанско.

Великая *отвычка* есть собственно единственное препятствіе къ Собору, Сбору; отвычка и еще забота собственно чиновныхъ элементовъ около Церкви о сохраненіи исключительнаго и неограниченнаго престижа своего. Зиму эту шли въ печати толки и о возстановленіи патріаршества въ Россіи, и объ отмѣнѣ оберъ-прокуратуры Сунода, этой не-ясно выраженной формы опеки и опекунства надъ духовнымъ нашимъ сословіемъ, какъ нѣкіимъ малолѣтнимъ или малоумнымъ классомъ людей.

и надъ духовными дѣлами—дабы они не текли къ ущербу Церкви-же и ко вреду мірянъ. Ибо невозможно опровергнуть той исторической очевидности, что оберъ-прокуратура сдѣлала чрезвычайно много добраго, заботливаго въ отношеніи, напримѣръ, духовныхъ училищъ, мужскихъ и женскихъ, въ отношеніи сельскихъ училищъ и положенія бѣлаго духовенства. Но, хочется думать, духовенство наше не лишено сильныхъ умственныхъ даровъ, не лишено и сильныхъ характеровъ въ своихъ рядахъ: но только оно чрезвычайно несчастно поставлено, и, пожалуй—несчастно училось. Не оно безсмысленно: но мало заключаетъ въ себѣ смысла его строй и школа. Оно можетъ, всетаки, думать и вершить дѣла содружно, какъ равный съ равнымъ, съ свѣтскими и государственными элементами; т. е. *роль оберъ-прокуратуры*, по существу вѣрная и не отмѣнимая (ибо много свѣтскихъ интересовъ замѣшано въ Церкви) можетъ выразиться *многолично*, а *не единолично*, и безъ *верховенства надъ духовенствомъ*, а какъ элементъ *ему равный*.

„Церковь образуетъ не *іерархія* церковная, но самое *тѣло народа церковнаго*“,—отвѣтили восточные патріархи въ „Окружномъ Посланіи“ на посланіе римскаго епископа въ минувшемъ XIX вѣкѣ: вотъ оберъ-прокуратура и должна-бы раствориться въ такое „тѣло церковное“ въ совѣтахъ, думахъ и вдохновеніяхъ іерархіи. Вопросъ о „приходѣ“ у насъ, какъ извѣстно, туго подвигается; и даже не горитъ надеждами въ будущемъ. Но это отъ того, что нѣтъ „прихода“ около Петербургской Главной Церкви, около Всероссійскаго выраженія Церкви; отъ того, что не „приходско“, и опять слѣдовательно „не соборно“, существованіе Церкви въ ея *цѣлостномъ составѣ, in corpore*. И не является, не выра-

стаетъ въ маломъ масштабѣ того, чего нѣтъ въ большомъ масштабѣ. Каковъ организмъ, таковы органы.

Теперешнее обращеніе Восточной Патріархіи къ намъ съ предложеніемъ „совѣтно“ подумать объ общихъ дѣлахъ христіанскаго міра—многоцѣнно и потому еще, что снимаетъ вѣчное подозрѣніе или отговорку, будто именно Восточные Патріархи такъ косны и консервативны, что всякій шагъ впередъ единоглавной Русской Церкви грозилъ бы нарушеніемъ цѣлости и единства Православія, древнѣйшія главы котораго будто-бы абсолютно недвижны. Теперь и этой отговорки нѣтъ. Слово движенія приходитъ съ Востока; приходитъ изъ древности; приходитъ изъ вселенскости. Помѣстная и новѣйшая Русская Церковь, въ то же время многозначительнѣйшая по обнимаемому ею Царству, не имѣетъ болѣе препятствій къ собственному могущественному движенію, именно въ соотвѣтствіи съ величіемъ Русскаго Царства. Русское Царство—не матеріальное только, но и духовное. Оно совершило великія дѣла въ земной области; но въ духовной области, съ самыхъ временъ Петра Великаго, оно болѣе существуетъ, нежели живетъ и движется и исполнено „духа“. Оно исполнено „формы“, но „духа“ оно не исполнено. И теперь, когда и въ свѣтскихъ-то областяхъ повсюду видится усиліе къ духовной надъ собою работѣ, было бы странно видѣть одно „Духовное Вѣдомство“ чуждающимся духа, матеріально застывшимъ. Нынѣ статуя Государства оживаетъ въ живого человѣка; неужели живое существо Церкви окаменѣло навѣки въ статую?

Старообрядчество, сектантство—все вберется назадъ внутрь Церкви, все перестанетъ существовать и угнетать русскій взоръ своимъ печальнымъ отдѣленіемъ,

какъ только Церковь получитъ не формально-благодатное существованіе, а существенно-благодатное. И выразитъ это въ воззрѣніяхъ благостныхъ, широкихъ, любящихъ, какъ относительно своихъ внутреннихъ членовъ (секты), такъ и внѣшнихъ для нея членовъ христіанства (иныя церкви). Въ посланіи Вселенской Патріархіи къ нашему Синоду зазвучалъ тонъ чрезвычайно новый и въ отношеніи къ этимъ внѣшнимъ членамъ христіанскаго міра. Если припомнить практиковавшееся у грековъ правило: принимаемыхъ въ православіе изъ „латинства“ перекрещивать, т. е. поступать съ ними какъ съ язычниками,—то мирныя слова Константинопольской Патріархіи не только о старо-католикахъ, маленькой горсти людей безъ значенія, но и объ исконно-враждебномъ Католицизмѣ и Протестантизмѣ, прочтутся всѣми, какъ поразительныя слова. Повѣяло *общe*-христіанскимъ духомъ, *цѣлостно*-христіанскимъ. Давно пора! Вѣдь время жгучести раздѣленія церквей, начавшагося изъ-за „опрѣсноковъ“, т. е. способа печь хлѣбы, относится къ такой незапамятной древности, и до того въ то время оно осложнилось не только образовательною темнотою, но и государственнымъ соперничествомъ и завистью, что переносить всѣ эти отрицательныя чувства въ наше время совершенно измѣнившихся обстоятельствъ—невозможно. Когда Западъ цвѣлъ, а Востокъ подпадалъ подъ власть турокъ, мучительная зависть къ счастливому сопернику вырвала крикъ: „мы мучимся, но за то—христіане, они торжествуютъ, но за то—они язычники“. Но теперь, когда Католичество гонимо въ древнѣйшихъ своихъ родинахъ, Франціи и Италіи, да даже и въ Испаніи, когда отъ него отпали всѣ германскія страны, время Востоку посмотрѣть на измученнаго брата взглядомъ великодушнымъ и спокойнымъ. Во всякомъ

случаѣ для мрака древней вражды никакого нѣтъ основанія. Вражда эта, собственно какъ религіозная, давно угасла въ сердцахъ вѣрующихъ, въ мірянахъ; и едва ли она была послѣднее время искрення даже у самой іерархіи. Нынѣ „раздѣленіе церквей“ не имѣетъ около себя психологіи раздѣленности, никакого furor'а чувствъ; никто ближняго своего не зарѣжетъ (какъ въ Варѳоломѣевскую ночь) за то, что онъ инославенъ. И, такимъ образомъ, „раздѣленіе“ это напоминаетъ собою заборъ, съ страшными шипами на немъ, съ угрожающими на немъ надписями, между дворами двухъ сосѣдей, давно мирно пьющихъ по вечерамъ чай вмѣстѣ. Все имѣетъ видъ яко бы отдѣленія „волковъ“ отъ „овецъ“, когда по обѣ стороны „раздѣленія“ пасутся равно мирныя коровы. А когда нѣтъ раздѣленности въ сердцѣ мірянъ, какое есть основаніе ему оставаться въ сердцѣ іерархіи? Она должна быть выше по созерцанію и еще примиреннѣе, нежели міряне: ибо она именно произноситъ на литургіи слова о „мирѣ всего міра“ и о „примиреніи всѣхъ“, выслушиваемыя мірянами. Вотъ почему слова Константинопольской Патріархіи объ объединеніи всего христіанскаго міра—важны. Ихъ уже не затрешь, они уже фактъ. Отъ нихъ придется отправляться далѣе, но вернуться назадъ отъ нихъ—нельзя. Русское Царство есть могущественнѣйшее и просвѣщеннѣйшее изъ всѣхъ православныхъ царствъ: и второе и послѣдующія слова великой примирительной рѣчи лежатъ отнынѣ на русской совѣсти.

Повторяемъ эту важную истину, не всѣми сознаваемую: при всѣхъ усиліяхъ возбудить въ сердцѣ какую-нибудь досаду при словахъ: „онъ—лютеранинъ“, или: „тотъ—католикъ“, досада не возбуждается. Не видалъ я человѣка, да, вѣроятно, и никто не видалъ, который

сказалъ бы: „не могу безъ отвращенія видѣть протестанта“, „видѣть безъ гнусности протестантскую кирку, католическій храмъ“; или сказалъ бы: „мутитъ сердце, когда слушаю мессу“. А нѣтъ этихъ чувствъ болѣе, нѣтъ рѣшительно ни въ комъ,—то что же въ самомъ дѣлѣ отъ стараго „раздѣленія“ осталось? осталось—реально, дѣйственно, психологично?!! „Слова, слова и слова“, какъ говоритъ Гамлетъ,—и то „слова“ въ нечитаемыхъ никѣмъ и даже въ не перепечатываемыхъ древнихъ книгахъ. Поистинѣ,—это какъ ассигнація „вышедшаго изъ употребленія стараго образца“, которую забыли сдать въ казначейство и получить въ обмѣнъ ея чистое золото. Золото это—любовь и миръ христіанскаго міра; ассигнація—ставшія давно призрачными и искусственными его „раздѣленія“.

1903 г.

Изъ католическаго міра.

По поводу этой статьи, и нѣкоторыхъ другихъ, мною были получены письма отъ католиковъ, интересныя въ томъ именно отношеніи, что знакомятъ съ *психикою* и съ *точками зрѣнія*, выросшими уже не на почвѣ Православнаго Исповѣданія. Вѣдь даже русскій „нигилистъ“, перебирающійся гдѣ-нибудь около границы черезъ болото и лѣсъ въ Австрію, и, казалось-бы, не имѣющій уже ничего общаго съ Православіемъ и проклявшій вѣру отцовъ,—на самомъ дѣлѣ продолжаетъ оставаться въ *бытѣ, тоскѣ* и *радости сердечной*, въ заботахъ *ума*, всецѣло сыномъ этой вѣры отцовъ, „семинаромъ изъ семинаровъ“, вотъ-вотъ взятымъ изъ подъ матери-бурсы, Не забуду восклицанія, вырвавшагося у Толстого (Л. Н.) въ горячемъ разговорѣ, вырвавшемся невольно и не то горестно, не то недоумѣнно. Уже прошло года

два, какъ онъ былъ „отлученъ отъ Церкви"; приблизительно онъ вовсе не сердился на это, и, какъ сказала его жена моей женѣ (мы единственный разъ были въ Ясной Полянѣ), „въ утро, какъ пришло черезъ газеты извѣстіе, что Сунодъ отлучилъ его отъ Церкви, онъ собирался гулять и уже одѣлъ пальто. Принесли газеты съ этимъ извѣстіемъ: и, прочитавъ тутъ же въ прихожей объ отлученіи — онъ подтянулъ кушакъ и, взявъ шапку — вышелъ". Такимъ обр. въ то время, какъ Россія и частью Европа столь сильно волновались этимъ „событіемъ", оно не нарушило его привычнаго моціона и, вѣроятно, пищеваренія. И вотъ мы говоримъ съ нимъ: и вижу я, что весь паѳосъ этого человѣка, все въ немъ идеальное какъ-бы лежитъ подножіемъ и поетъ славу русскому мужику въ тулупѣ и валенкахъ. Не могъ я не умилиться и не почувствовать отвѣтнаго восторга. Оба мы впали въ паѳосъ—и говорю я ему:—„Да, вѣдь, все это *смиренно-терпѣніе* (предметъ восторга Толстого) и пр. есть извѣстный мотивъ нашихъ церковныхъ службъ, вѣчный ихъ припѣвъ и вѣчное назиданіе нашихъ батюшекъ, сельскихъ и городскихъ поповъ!" Тогда, приподнявшись на креслѣ (онъ былъ очень боленъ), онъ воскликнулъ, съ какимъ-то невыразимымъ чувствомъ—кажется, болѣе всего удивленія:—„Да развѣ я не знаю, что *вся душа русскаго человѣка сдѣлана ему его Церковью*". Онъ сказалъ это иначе, другими буквами: но я абсолютно точно передалъ его мысль. Такъ какъ мы оба почти порицали духовенство и церковные порядки (но не духъ) и весь строй церкви—то оба были какъ бы поражены этимъ открытіемъ-ли, признаніемъ-ли. *Пассивная красота*, Толстого умиляющая, умилявшая долго и меня,—но которой я теперь *боюсь, какъ смерти* моей, народной, міровой! Это—красивая форма Молоха

(Духъ Небытія и Уничтоженія), ядъ въ золотомъ пузырькѣ, „родные“ пальцы, берущіе васъ за горло. Пусть все это, *съ нашей человѣческой стороны*, и невинно, по дѣтски. Но дитя, сжигающій неосторожно домъ родителей, чинитъ имъ тоже горе, какъ и воръ ночной. И вотъ другое или другія исповѣданія—*лютеранское, католическое.* **Корень** тамъ другой и на немъ выросла совсѣмъ новая *психика.* Но ее вовсе нельзя разглядѣть, читая *оффиціальные* споры католиковъ или лютеранъ съ нашими. Тутъ мелетъ жерновъ схоластической мельницы, подъ которымъ ничего не разберешь. *Муки* не видно. Мука—это *психика.* Она у католика, у лютеранина скажется *иная* и *иначе*, чѣмъ наша, въ интимномъ разговорѣ, въ частной записочкѣ, въ укладѣ домашняго обычая, въ нравахъ дома и улицы: и, въ итогѣ—скажется въ исторіи. *Активная, дѣятельная, страстная* красота—вотъ что раздѣлило ихъ съ нами, а не filioque и не „опрѣсноки“. Можетъ быть мы формулируемъ слишкомъ опредѣленно. Въ *вѣрѣ* вѣдь все тѣни и тѣни, оттѣнки и оттѣнки... Въ предлагаемыхъ ниже вниманію читателей письмахъ сказалось *кое-что*, чего и предположить нельзя было въ католическомъ мірѣ, и что для насъ, православныхъ, во всякомъ случаѣ совершенно ново и тѣмъ болѣе любопытно. Пусть зубчатыя колеса логики, въ частности богословской логики, вберутъ и это зерно въ зубцы свои—и смелютъ его въ сладкую или горькую муку. 1905 г.

I.

„Краковъ, 12 ноября 1903 г.

„Когда я перечиталъ, въ октябрьской книжкѣ „Новаго Пути“, вашу статью: „Среди иноязычныхъ“ и, особенно: „О соборномъ началѣ въ Церкви и примиреніи церквей“,—вы встали въ совсѣмъ другомъ свѣтѣ въ моихъ глазахъ!

„На первую статью [1]) я вамъ скажу, что въ Католичествѣ (не говорю въ Римско-католичествѣ, ибо есть вѣдь и Греко-католичество, и Армяно-католичество, и Халдейско-католичество, и Эѳіопо-католичество и т. д.), хотя есть и оффиціальная Церковь съ ея необходимо-ограниченными, унормированными взглядами, но *за* ней или, лучше сказать, *въ* ней есть и *неоффиціальная*. Не то, чтобы противорѣчащая первой, напротивъ, уважающая ее и уважаемая ею, и даже безъ нея не могущая существовать,—но все-таки неоффиціальная. Вотъ въ этой-то неоффиціальной сохраняются дѣйствительныя *мистеріи*, не хуже элевзинскихъ. А такъ какъ мы не знаемъ сути сихъ послѣднихъ, то, можетъ быть, даже ихъ продолженіе: подобно тому, какъ орденъ Кармелитовъ есть продолженіе ветхо-завѣтныхъ Эссеевъ съ горы Кармель, а основателемъ его считается пророкъ Илія. Къ этому предположенію я склоненъ вотъ почему. Въ Элевзинскія мистеріи принимались только люди съ „примиренною совѣстью и не запятнанною честью", значитъ, высоко-нравственные и „посвященные": то же самое — католическіе мистики, люди героически-нравственные и посвященные въ мистическое богословіе. Далѣе, Элевзинцы скрывали тайну не по запрещенію, а потому, что видѣннаго и ощущаемаго ими невозможно было передать человѣческимъ языкомъ [2]), и даже говорить о нихъ профанамъ не подобаетъ, дабы не осмѣяли святыни. Вотъ подобное происходитъ и у мистиковъ. Вѣдь можно бы собрать цѣлую библіотеку мистическихъ, чисто-католическихъ сочиненій, писанныхъ такими святыми мистиками какъ Францискъ Селезій

---

[1]) Въ, ней, разбирая до нѣкоторой степени гностическія идеи Д. С. Мережковскаго, — я коснулся неяснаго существа „Элевзинскихъ" и иныхъ древнихъ „мистерій", „таинствъ".—*В. Р—въ.*

[2]) Замѣчательно! Конечно, суть „таинствъ" заключается въ томъ, что *разсказанныя, переданныя въ словахъ человѣческаго языка* - онѣ уже ничего въ себѣ не содержатъ; хотя *не разсказываемыя, а переживаемыя* — содержатъ безконечное! *„Разскажите-ка* кровяной шарикъ".—„Что?!!" изумится ученый и профанъ. Чудовищный вопросъ: кровяного шарика *разсказать—нельзя*, а вотъ жить—онъ *живетъ*. Такъ и *жизнь* и вся тайна жизни, такъ и Богъ и вся тайна Божія: живутъ, дѣйствуютъ, но *неизрѣченны*. Обстоятельнѣе и конкретнѣе я говорилъ объ этомъ въ „Комментаріи къ одному стихотворенію Лермонтова" въ журналѣ „Вѣсы". *В. Р-въ.*

Францискъ Ассизскій, Герсонъ, Руйсброкъ предивный, Катарина Сіэннская, Кат. Генуезская, Анджель ди-Фолиньо, Маргарета а-ль-Кокъ, Франциска Фреміотъ, баронесса де-Шанталь (она свята, какъ дѣва, какъ жена, какъ вдова, какъ монахиня), Катарина Эмерихъ (описываетъ жизнь Спасителя съ удивительными подробностями, ни въ чемъ не противорѣчащими археологіи, напротивъ—объясняющими ее), Тереза [1]), П. Бальтазаръ Альварехъ и др.; но вся эта библіотека какъ будто бы не существуетъ для ученыхъ, даже для богослововъ—не мистичныхъ. Значитъ, всѣ названные мистики не скрываютъ видѣннаго ими, они говорятъ, насколько *божественное можетъ быть высказано*: но слушаютъ ихъ и читаютъ только „посвященные", посвященные же не внѣшнимъ обрядомъ, а внутреннимъ призваніемъ. А какое у этихъ мистиковъ бываетъ пламя духовной любви! Передъ нимъ кажется вялымъ самое страстное пламя любви тѣлесной; хотя, для выраженія этой любви духовной, мистики пользуются словами той же любви тѣлесной, какъ символами [2]).

„И вотъ почему нужно *примиреніе* церквей, именно чтобы сокровища духовныя (эти Божія богатства) Западной стали достояніемъ Русской, и государственная мощь Русской (церкви *В. Р.*) осѣнила бы (но не въ такомъ смыслѣ, какъ она осѣняетъ свою)—Западную. Вотъ о чемъ мечталъ Левъ XIII, и что Провидѣніе, можетъ быть, осуществитъ при Піѣ X и Николаѣ II.

„Вы говорите, что Мережковскій правъ относительно Христа и Діониса. Онъ былъ бы правъ вотъ въ какомъ смыслѣ: если бы онъ характеръ Діонисовой плотской любви признавалъ только

[1]) У насъ есть что-то еще лучше, чѣмъ приводимыя вами слова: „шопотъ, робкое дыханье", тамъ есть: „умираю отъ того, что умереть не могу". А у Іоанна отъ Креста какіе эротично-цѣломудренные стихи!.. *Примѣч. автора письма.*

[2]) Удивительно! Ничего подобнаго мы не знаемъ въ Православной Церкви; и ничего подобнаго она *не допустила-бы*. Это уже не „filioque", это что-то „въ самомъ дѣлѣ", что полагаетъ пропасть между Православіемъ и Католичествомъ. Вотъ такіе то „камешки" и надо вытащить со дна католическаго океана, что-бы что-нибудь разобрать въ немъ. А то все „filioque" да „какъ печь просфоры": и нельзя понять, почему они *ненавидѣли* и *презирали* другъ друга столько вѣковъ и такъ страстно!—*В. Р—въ.*

символомъ характера Христовой духовной любви. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, полюбить или, лучше сказать, влюбиться въ человѣка [1]) до такой степени, чтобъ, будучи Богомъ, стать человѣкомъ для того, чтобы быть распятымъ ради его спасенія — согласитесь, что это что-то въ родѣ восторга любовнаго. И такъ именно понимаютъ эту любовь мистики, и тогда неудивительными становятся ихъ ужасныя иногда страданія, и даже потребность ихъ; они чрезъ это чувствуютъ облегченіе внутреннихъ, душевныхъ страданій, которыя причиняетъ имъ неимовѣрная любовь, и этихъ страданій за весь міръ они бы не отдали. Любовь имѣетъ свою логику.

„P. S. Относительно вашего замѣчанія касательно брака: вы ошибаетесь, полагая, что у католиковъ „бракъ, повѣнчанный священникомъ *не своего прихода*, расторгается": онъ не расторгается, такъ какъ этотъ священникъ имѣлъ на то полномочіе отъ законнаго; иначе онъ бы не вѣнчалъ. А если и случится бракъ съ тѣмъ или другимъ разрывающимъ препятствіемъ, то онъ не расторгается, а испрашивается для него негласная диспенсація, и бракъ узаконенъ. Семьи законныя и незаконныя не могутъ (ceteris paribus) быть равно счастливы потому именно, что ихъ терзаетъ незаконность [2]).

Вашъ *Ж—ичъ.*

---

[1]) Совершенно необычная, *невѣроятная* для православнаго терминологія! Но нѣтъ ничего въ терминахъ, чего не было раньше въ сердцѣ: какъ-же *они, католики*, чувствуютъ Бога? И какъ чувствуютъ Его отношеніе къ человѣку? *Мы* думаемъ и увѣрены, что Богъ только „милосердъ къ человѣку" и еще что Онъ „кого любитъ, того и наказуетъ" (объясненіе страданій). Дѣйствительно, очень коротко. Католики видятъ какую-то любовь на подобіе влюбленности... Правда, и *евреи* думали и пророки ихъ выражались, что „Іегова есть *супругъ* Юницы Израильской", и Апокалипсисъ говоритъ Церкви, что она „должна быть уготована Агнцу *яко Невѣста*". Все какъ будто термины любовничества, восторговъ любви между Землею и Небомъ и отъ Неба къ Землѣ: но, не пріуготовленные православіемъ—мы *ничего* въ этомъ не понимаемъ. Только и могу сказать съ матерью-бурсою: „sum ut sum aut non sim", „да пребуду какъ *есмь* или вовсе *не буду*"—*В. Р—въ.*

[2]) Ну, это наивность, противъ которой не стоитъ спорить. Рѣжетъ мясникъ (католическое, да и восточное каноническое право) и приговариваетъ: „кровь течетъ, *потому-что* зарѣзана, и зарѣ-

Авторъ этого письма, какъ я позднѣе узналъ, священникъ „Братства Іисуса“ (іезуитъ),—человѣкъ чрезвычайно обширной учености, нѣсколько угрюмый и печальный,—чрезвычайный фанатикъ католичества и „универсальности католицизма“.

II.

Вотъ еще письмо—очевидно, судя по знаку креста надъ нимъ, какой передъ письмами и наши русскіе духовные ставятъ — отъ какого-то духовнаго лица. Оно прислано изъ Варшавы.

—|—

„Милостивый Государь, В. В. Вы, признаться, артистически владѣете критическимъ скальпелемъ въ области *человѣческаго* мышленія, — не хуже Бокля; за то въ отношеніи Божественныхъ истинъ не лучше его впадаете въ противорѣчія, по всей вѣроятности потому, что находитесь почти въ одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ. Какъ онъ, такъ и вы, получивши (съ дѣтства, путемъ внушенія) убѣжденіе въ непогрѣшимости національной церкви и въ несостоятельности всякой другой, *особенно* Римской, потомъ de jure разрушивъ главныя основы своей, de facto стараетесь иногда какъ бы залатать (? *В. Р.*) надѣланныя прорѣхи; и въ результатѣ получается лишь одна странность. Тоже самое произошло и съ гр. Л. Н. Толстымъ; тоже происходитъ и со всякимъ другимъ *не католическимъ* анатомомъ человѣческой мысли на этотъ падъ. Тоже самое произошло бы и со мною, если бы случай — точнѣе — промыслъ Божій не натолкнулъ меня на другія мысли совсѣмъ неожиданнымъ образомъ.

„Читая—въ видахъ *исканія истины*,—полное Богословіе митр. Макарія, я былъ пораженъ его невольнымъ, хотя не прямымъ, сознаніемъ,

---

зана *потому-что* долженствовала быть зарѣзаною“. Вѣдь и изгоняемымъ изъ Франціи католикамъ можно-бы тоже сказать: „Вы плачете? негодуете? Но на что? Прискорбно ваше положеніе – но *потому, что* вы *злы* и *беззаконны*“.—*В. Р—въ.*

что главный, *существенный* текстъ Евангелія отъ Матвѣя объ основаніи Христовой Церкви при переводѣ съ еврейскаго искаженъ греками„ какъ будто невзначай" (какъ и 9-ый членъ Символа искаженъ замѣною *всѣхъ* - народнаго „католичества *)" *все*-народною „собор-

---

*) Вотъ она, вѣчная католическая тенденція: говорить *всѣмъ* народамъ, orbi terrarum. Нельзя не замѣтить, что у насъ, русскихъ, этого пафоса нѣтъ: и мы если несемъ крестъ и Евангеліе къ бурятамъ или въ Японію, то не съ надеждою и мыслью о сліяніи всѣхъ народовъ когда-нибудь въ одну Церковь, а оттого отчасти, что *неловко-же* „не имѣть своей миссіи", напр., въ Японіи или Китаѣ, католики и лютеране „захаютъ", да и кой-что „намъ останется", паствы прибудетъ, доходъ увеличится. Но ничего *патетическаго* тутъ нѣтъ!! Мы совершенно не имѣемъ *умиравшихъ* на миссіи и миссіонерами героевъ среди язычниковъ, дикарей. Т. е. „апостольство *міру*" намъ чуждо! Мы глубоко *уѣздная* въ религіозномъ отношеніи нація; конечно—съ тѣмъ „милымъ и добрымъ", что всегда бываетъ въ уѣздѣ сравнительно съ „холодной столицей", „Уѣздность" и составляетъ самый нашъ пафосъ, на которомъ, напр., и строили „свое" всѣ славянофилы (Хомяковъ, Гиляровъ, Аксаковы). Филологически, кажется, авторъ правъ: дѣйствительно, греческій предлогъ „κατα", входящій въ составъ слова „кафо-лическая", „като-лическая" Церковь, обозначаетъ: „*поверхъ* (всѣхъ) и *совокупляя* (всѣхъ въ одно)", т. е. онъ обозначаетъ движеніе какъ-бы *снаружи и вокругъ, обходное* — а вовсе *не внутрь* сложнаго, дробнаго предмета направленное, напр., *внутрь* толпы, внутрь народа. И мы, русскіе (въ частности славянофилы) отъ этого невѣрнаго перевода предлога „κατα" усвоили то недостаточное представленіе о „соборности" Церкви, что напр. *управленіе* должно исходить *извнутри* народа, быть *много*-ручно, *много*-главно. *много*-сердечно и *всенародно*-умно, тогда какъ настоящее представленіе должно быть о Церкви „*сверхъ*-племенной, *круго*-язычной, *внѣ*-этнографической". Тогда объясняется пафосъ католичества, отвергающаго „племена и языки" въ Церкви, *врожденно*-враждебный „кириллицѣ и глаголицѣ", „галликанизму" и проч.,—въ глубокомъ согласіи съ Христомъ, положившимъ *первый* этому камень разверзаніемъ Іерусалимскаго „окружія", Сіонскаго „притвора", и указаніемъ Апостоламъ: „*отрясите* прахъ отъ ногъ своихъ! идите *къ язычникамъ*!! во *всѣ концы* Земли, *не оглядываясь* на Іерусалимъ!"

ностью"|. Въ еврейскомъ подлинникѣ Евангелія (который греки постарались не замѣтно устранить со сцены) текстъ объ основаніи Церкви читается такъ: „ты (говоритъ Господь Петру) скала (кифа — כֵּף) и на сей скалѣ (כֵּף же) Я осную *Кагалъ* Мой (т. е. какъ бы зданіе съ характеромъ Гибралтара для собраній верховнаго церковнаго правительства, взамѣнъ измѣннческаго — еврейскаго) и врата ада (морскія волны, бури, враждебные приступы) не одолѣютъ его". –Значитъ, здѣсь имѣется въ виду собственно *не тѣло Церкви* (какъ несправедливо утверждаютъ греческіе патріархи), которое безъ головы *всегда „погрѣшительно"* и подвержено разложенію, но *самая голова его*, руководящая симъ тѣломъ и способствующая его жизнедѣятельности, хотя въ этой головѣ мускульная и мышечная содержательность слабѣе, повидимому, чѣмъ въ тѣлѣ, и органически она здѣсь менѣе нужна А отсюда неизбѣжно придти къ совсѣмъ неожиданнымъ выводамъ. Церковь, которую имѣлъ въ виду Господь при Своемъ обѣтованіи, собственно говоря, не есть собраніе *всѣхъ* вѣрующихъ, особенно *разнообразное* (такое собраніе и невозможно на практикѣ: отсюда невозможность греко-русскихъ „вселенскихъ" соборовъ), а прежде всего—ихъ законное, *руководящее начало*,- -глава ихъ, составляющая какъ бы гарнизонъ неприступной крѣпости, охраняющій Христово Царство (получившее *отъ нея*, отъ главы названіе Церкви) отъ враговъ и спасающій отъ нихъ всѣхъ прибѣгающихъ къ этой главѣ. Но это Царство есть въ тоже время продолженіе ветхозавѣтнаго, только съ перемѣною состава его администраціи [1]) и нѣкоторыхъ неизбѣж-

А если мы спросимъ себя объ этомъ „первомъ камнѣ", копнемся подъ него,—то безъ труда увидимъ, что онъ есть лишь продолженіе общаго антагонизма, въ Евангеліи проведеннаго, съ *кровью* (уничтоженіе жертвъ ветхозавѣтныхъ), *родствомъ*, *племенемъ*, со всѣмъ туземнымъ и уѣзднымъ!—*В. Р—въ*.

[1]) Можно только улыбнуться... Вотъ что называется историческимъ ослѣпленіемъ! Да ужъ не объ этихъ ли людяхъ сказано, предрѣчено: „они будутъ видѣть и не *увидятъ*, будутъ слышать—и *не услышатъ*". Это отмѣна-то всего Ветхаго Завѣта, который *весь* и *безъ остатка*, Самимъ Господомъ былъ утвержденъ въ отнятіи „крайней плоти" отъ membri virilis, таинственномъ обнаруженіи и обнаженіи его „головки", –этой столь *прото-типической* формы для устроенія *головы* всѣхъ теплокровныхъ, да кажется и не ихъ

ныхъ церковныхъ порядковъ. Отсюда и ветхозавѣтныя учрежденія въ Новомъ Завѣтѣ принимаютъ совершенно иной колоритъ. Обрѣзаніе, напримѣръ, превращается [1]) въ цѣломудріе (обрѣза-

---

однихъ, животныхъ: эта-то отмѣна таинственнаго требованія, сказаннаго и повтореннаго Аврааму въ видѣніяхъ, въ явленіяхъ, съ страшными угрозами, съ дивными обѣщаніями,—есть „только перемѣна состава его администраціи и нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ церковныхъ порядковъ“!!! Бѣдные католики! Слѣпые католики!– Да и мы, и православные, и нѣмцы—всѣ такъ разсуждаемъ.—*В. Р—въ.*

[1]) Какъ бы я сказалъ: „*родство* сына съ отцомъ превращается въ *фотографію*, снятую съ сына и отца одновременно и вмѣстѣ“. Да неужели-же Богъ не могъ сказать Аврааму: „будь *цѣломудренъ*“? Да и вѣдь не Богъ, а Сарра прогнала отъ него 2-ую жену, Агарь, которую утѣшить, въ незабвенныхъ словахъ, послалъ Ангела Господь!! Да и послѣ смерти Сарры, имѣя уже много за 90 лѣтъ, Авраамъ имѣлъ Хеттуру „и еще наложницъ“, ни мало не помышляя о скопческо-католическомъ „цѣломудріи“, и ни мало не подозрѣвая, не чувствуя (ни одного нѣтъ слова объ этомъ, ни одного свидѣтельства, памятника), что черезъ сіе „ужасное нецѣломудріе“ (съ католической точки зрѣнія), напряженную, постоянную на всѣхъ или многихъ женщинъ „похоть“, онъ сколько-нибудь „разбиваетъ кольцо завѣта“, союзъ заключенный съ Богомъ! И, главное—безъ всякаго за это упрека, укора, наказанія, запрещенія отъ Бога: на каковые упреки Богъ израплевъ былъ въ Ветхомъ Завѣтѣ весьма быстръ и скоръ. Ужъ не скажутъ-ли католики „Богъ онѣмѣлъ на эти недѣли, годы“, „хотѣлъ проклясть—и заикнулся отъ ярости“. Іаковъ, *возлюбленный*-же Богомъ, такъ *благословленный* Имъ въ чадородіи—совокупляся одновременно и многогодно съ 4-мя молодыми женщинами: какъ это было по католическому „цѣломудрію“? Нѣтъ, очевидно: какова пропасть между „каторгой“ (за *много*-женство—каторга у католиковъ и у насъ) и „наградою за службу“ чиномъ или орденомъ, такова-же лежитъ, т. е. положена, пропасть между Завѣтомъ Ветхимъ, нами *опозореннымъ, затоптаннымъ*—и между нами или руководящимъ насъ Новымъ Завѣтомъ. И этой пропасти „Павловымъ словомъ“ не засыплешь Прочь реторику и софизмы. Скажемъ открыто и честно: „намъ *ненавистно*, нами *проклято* то, что *специфически* было возлюблено, благословлено у евреевъ, у Израиля, Іеговою Элогимомъ“. *В. Р—въ.*

ніе нерукотворенное въ совлеченіи тѣла *грѣховнаго*: отсюда *омыті̀е водою* въ таинствѣ Крещенія въ предупрежденіе *) *хотя-бы* нечистоты языческой проституціи съ ея дѣтоубійствомъ и отвратительными болѣзнями), назорейство **) превратилось въ монашество

---

*) Скажите, пожалуйста! Ну, и что-же: „предупрежденные" въ крещеніи мы не гніемъ въ сифилисѣ, отъ дѣтоубійства избавились? Можетъ быть въ Варшавѣ, среди католиковъ, не встрѣчается ни дѣтоубійцъ, ни дѣтоубійствъ, ни заразныхъ половыхъ болѣзней? Хорошо извѣстно, что этого „не встрѣчается" *только* у народовъ „обрѣзанныхъ"—магометанъ и евреевъ. Т. е. „обрѣзаніе"-то, сверхъ иныхъ и высшихъ, религіозно-метафизическихъ задачъ и цѣлей, имѣло однимъ изъ побочныхъ, „само-собою" вытекающихъ благодѣяній ветхаго завѣта съ Богомъ, „предупрежденіе" и дѣйствительное, „на вотъ-возьми", пресѣченіе сихъ органическихъ язвъ, вмѣстѣ—сихъ моральныхъ ужасовъ. Но „смотримъ—и *не видимъ*, слушаемъ — и *не слышимъ*". Мгла легла на очи: и пока не разсвѣтетъ—мы все равно ничего не увидимъ.—*В. Р—въ.*

**) Назорей (каковымъ былъ Самсонъ, своего назорейства не нарушившій, взявъ себѣ въ жены даже чужеземку-чужевѣрку Далилу) былъ всякій, кто, придя въ храмъ, „передъ очами Господа" остригалъ волосы, и притомъ *на всемъ тѣлѣ*, кругомъ (не на головѣ одной): причемъ они сжигались въ „благоуханіе Господу" вмѣстѣ съ приносимою сейчасъ-же тутъ жертвою. Это какъ и въ обрѣзаніи: „вотъ я передъ Тобою, Господи" (какъ мы, подавая яйцо *безъ скорлупы*, говоримъ другу, ближнему: „на вотъ *облупленное* яичко", т. е. „чистенькое", безъ роговыхъ, безъ *не живыхъ* и не съѣдобныхъ, постороннихъ частицъ). Затѣмъ, волосы наростали въ „дни назорейства", и тогда они, — какъ деревья въ заповѣдной рощѣ, какъ звѣри въ заповѣдномъ лѣсу, какъ дѣвственная плева у дѣвственницы — не были трогаемы, „бритва не должна была коснуться ихъ". *Психологія* и *метафизика* назорейства вся дана и объяснена въ словѣ Божіемъ, сказанномъ Израилю черезъ пророка Іезекіиля: „И проходилъ Я мимо тебя (Израиль-Дѣва), и увидѣлъ тебя, брошенную на попраніе въ кровяхъ твоихъ, и сказалъ:— *въ кровяхъ твоихъ живи.* Такъ Я сказалъ тебѣ: — *въ кровяхъ твоихъ живи* (вотъ *это* сохранилось-ли въ ново-завѣтной „водицѣ"?). И умножилъ тебя, какъ полевыя растенія: ты — выросла и стала большая и достигла чудной красоты: поднялись груди (дѣвствен-

(только не греко-лохматое), полигамія—въ духовныя сообщества для благотворительныхъ цѣлей [1]) и т. п.

ныя, первыя, начальныя. В. Р.) и волосы у тебя выросли (конечно, въ *этотъ* возрастъ не на головѣ они выростаютъ. В. Р.); но ты была нага и непокрыта. И проходилъ Я мимо тебя, и увидѣлъ тебя, и вотъ — это было время твое, время любви (первыя менструаціи, еще лучше—время вотъ-вотъ передъ ними, когда грезы клонятъ голову, а кровь приливаетъ къ тазу. В. Р.); и простеръ Я воскрылія Мои на тебя, и покрылъ наготу твою (спеціальное значеніе этого объясняется изъ Второзаконія, изъ словъ Божіихъ-же: „*наготы* сестры твоей *не открывай*“, „*наготы* тетки твоей не *открывай*“, съ значеніемъ: „съ сими родственницами—*не совокупляйся*“; если „не открывай наготу“ значило „не сопрягайся“, то „покрыть наготу“ обнаженной Дѣвы значило „совокупиться“ съ нею *покрывъ* ее собою. В. Р.); и поклялся тебѣ и вступилъ въ союзъ (т. е. супружескій, брачный, сексуальный) съ тобою, говоритъ Господь Богъ; и ты стала Моею“ (Іезекіиль, XVI, 6—8). Вотъ „назорейство“ и было частицею, дробью, *повтореніемъ* отъ *каждаго* израильтянина и отъ *каждой* израильтянки этого союза-супружества съ Богомъ. Ради чего обрядъ его и данъ черезъ Моисея. Едва на лобкѣ отрока или отроковицы выростали *первые три волоса* (чего уже ожидали и за этимъ слѣдили родитель и родительница, также лениты храма)—какъ вводили торжественно отрока или отроковицу въ Храмъ и обривали эти волосы и вмѣстѣ съ жертвою-овцою приносили ихъ во всесожженіе Господу. Послѣ чего волосамъ давали расти, дѣвственно, ненарушимо—и опять въ храмъ, и тоже жертвоприношеніе Богу!! Такъ изъ года въ годъ и даже изъ мѣсяца въ мѣсяцъ Дѣва-Израиль какъ-бы мысленно, да чуть-чуть даже и физически, черезъ этотъ замѣчательный ритуалъ, возводился на ложе Отчее, Небесное, къ возлюбленному и любящему Супругу своему. И это,видите-ли, по объясненію автора письма, „сохранилось и продолжается *въ монашествѣ*“!!! Остроуміе... *В. Р—въ.*

[1]) „Полигамія сохранилась, преобразовавшись, въ *духовныхъ обществахъ* для благотворительныхъ цѣлей“. Ну, послушайте: чѣмъ это богословіе—не Лейкинъ, не Боборыкинъ, не „Конекъ-Горбунокъ“, всероссійская утѣшительная сказка?! Такія-то „всекатолическія“, да и не однѣ „католическія“ сказки благочестивыми устами передавались отъ Пиренеевъ до Москвы-рѣки, и вѣдь кто имъ не

„Вы смотрите на римскій папизмъ сквозь греко-нѣмецкія очки, какъ древніе враги юдаизма—на еврейскій во главѣ съ Авраамомъ и „въ хвостѣ“ съ „Каифашемъ“ (? *В. Р.*). Попробуйте снять эти очки; авось на горизонтѣ Церкви увидите что нибудь и новое. Вдумайтесь, напримѣръ, повнимательнѣе въ притчи Христовы вообще и въ частности — въ касающіяся Его Царства Небеснаго, Церкви: и вы, быть можетъ, увидите совсѣмъ иной свѣтъ. Глубоуважающій васъ, за искренность *изысканій*,—

„Лѣсовикъ“.

„P. S. Очень прошу извиненія за свой анонимъ, вынужденный бдительностью полицейски-почтоваго аргуса. Если предыдущее и это письмо дойдутъ по адресу и заинтересуютъ васъ, тогда, быть можетъ, найду возможность открыть свое „забрало“, хотя подъ строжайшимъ секретомъ: еще и доселѣ томится въ Суздальской крѣпости свящ. Тамбов. губерніи Герасимъ Цвѣтковъ за убѣжденія нѣсколько согласныя съ моими, а отчасти и Вашими...—Значитъ: tace,—jace in fornace“...

III.

„М. г. В. В. Простите, что, не зная вашихъ имени и отчества съ полной увѣренностью, долженъ ограничиться лишь иниціалами.

„Возбуждаемые вами вопросы религіознаго характера сильно интересуютъ меня, и даже больше того,—но я не нахожу пока подходящаго для сего выраженія. Человѣкъ я вѣрующій съ дѣтства, но вѣра моя, какъ я давно уже убѣдился, не достаточно крѣпка и слабѣе, чѣмъ была въ дѣтствѣ. Тѣмъ не менѣе, повторяю, религіозные вопросы меня волнуютъ. Въ настоящее время, въ Петербургѣ учредилось Общество [1]), въ которомъ свободно обсуждаются такіе вопросы; страшно сожалѣю, что нахожусь—по службѣ,

---

повѣритъ—бывало жгутъ такихъ! Да и какъ не „жечь“, если отъ недовѣрія къ такимъ сказочкамъ дрожитъ Ватиканъ, колеблется нашъ Кремль; уходитъ почва изъ подъ ногъ и мы *тонемъ* между Ветхимъ и Новымъ завѣтомъ, не принадлежа *ни къ одному*, не имѣя *ни котораго*.—*В. Р—въ.*

[1]) Религіозно-философскія собранія, бывшія въ Петербургѣ въ 1902 и 1903-мъ году. - *В. Р—въ.*

въ командировкѣ—заграницей, такъ какъ въ противномъ случаѣ сдѣлалъ-бы попытку попасть въ число этихъ счастливыхъ избранныхъ, которые могутъ присутствовать въ этихъ засѣданіяхъ. Но, что невозможно—невозможно. Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ за разъясненіемъ нѣкоторыхъ мыслей: я православный, получилъ довольно солидное *спеціальное* образованіе (Морское Инженерское училище въ Кронштадтѣ, потомъ Михайловская Артил. академія), въ то же время у насъ, конечно, проходился и законъ Божій, а, значитъ, и Православный катехизисъ и Исторія церкви, и тѣмъ не менѣе я не вижу, не осязаю причинъ того,—т. е. причинъ *существенныхъ, непреоборимыхъ*—почему отдѣленіе церкви -нашей, Восточной, Православной, Каѳолической отъ церкви Католической существуетъ до сихъ поръ!? Мало того, какъ будто не существуетъ даже и намѣренія положить этому конецъ какъ можно скорѣе, или, если и есть какіе нибудь переговоры, то намъ неизвѣстно, въ чемъ дѣло, подвигаемся-ли мы къ разрѣшенію этого важнаго вопроса, уходимъ-ли отъ него еще болѣе въ глубь, или стоимъ въ томъ же относительномъ положеніи, какъ было въ моментъ раздѣленія или при возглашеніи Католическою церковью ея новыхъ догматовъ Непорочнаго зачатія Пресв. Дѣвы и непогрѣшимости Папы?—Вотъ именно по поводу этихъ догматовъ я и хотѣлъ спросить вашего мнѣнія. На-дняхъ случайно мнѣ пришлось прочитать сочиненіе нѣкоего адвоката (кажется, хорошенько не помню, но не священника во всякомъ случаѣ или кого-нибудь иного изъ духовной католической іерархіи) Henry Lasserre подъ названіемъ „Notre-Dame de Lourdes“ изд. 1893 года. Въ прекрасномъ изложеніи описывается явленіе въ Лурдѣ Божіей Матери простой крестьянской дѣвочкѣ, Bernadette по имени, и явленіе неоднократное, образованіе тамъ у скалы, гдѣ Она явилась, цѣлебнаго источника и пр. Описывается много чудесъ, при чемъ указываются и лица съ адресами на случай справокъ, да и самъ написавшій это сочиненіе получилъ мгновенное исцѣленіе глазъ при омовеніи ихъ водою изъ этого же источника. Такъ вотъ это видѣніе, когда дѣвочка спросила его объ его имени, отвѣтило, что оно *Непорочное зачатіе, Immaculée Conception*, при чемъ слова эти дѣвочка слышала въ 1-ый разъ, не понимала ихъ и, чтобы не забыть, твердила ихъ все время, пока добѣжала до священника, чтобы передать ему слова съ желаніемъ Пресв. Дѣвы о воздвиженіи ей часовни на мѣстѣ ея явленія. Въ этомъ католики видятъ подтвержденіе правильности принятія ихъ догмата, и считаютъ его необходимымъ;

такъ какъ только при томъ условіи Воплотившееся Слово могло стать чуждымъ первороднаго грѣха, что Пресв. Дѣва была не только Чистая Дѣва, но и—сама Чистота.—Богъ съ нимъ, съ этимъ Богословіемъ, въ которомъ я ничего не смыслю. Но сегодня утромъ мнѣ пришла въ голову мысль, которая заставила обратиться къ вамъ. Началъ я недавно — третьяго дня — читать Св. Евангеліе сначала, понемножку; сегодня утромъ прочелъ я эти, недавно приведенныя вами въ статьѣ, слова Спасителя, что Онъ „пришелъ принести не миръ на землю (я понимаю: „не только миръ на землю", т. е. не *одинъ* миръ, не *всегда* миръ), но мечъ: пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его"... и т. д., и думаю, что это относилось къ евреямъ и выражало, что „найдутся и должны найтись такіе люди, которые должны послѣдовать за Нимъ, хотя бы это совершенно раздѣлило его съ отцемъ, матерью, братомъ, мужемъ" и т. д. Мнѣ кажется, что это подтверждается смысломъ слѣдующихъ стиховъ той же главы 10-ой Ев. отъ Матѳея, ст. 37 и 38. Но я хочу обратить ваше вниманіе на ст. 11 главы 11-ой того же Евангелія отъ Мат. Спаситель, характеризуя Іоанна Крестителя, говоритъ: „Истинно говорю вамъ: изъ *рожденныхъ* женами не возставалъ большій Іоанна Крестителя; но меньшій въ Царствѣ Небесномъ — больше его". Обыкновенно я не останавливался надъ этими словами, но сегодня, вѣроятно подъ впечатлѣніемъ вышеуказанной вами мысли, мнѣ пришло на умъ: что вѣдь Спаситель не могъ же *Себя* считать меньшимъ Іоанна Крестителя,—но онъ и не былъ рожденъ отъ „жены", а отъ „Дѣвы"; а однако Пресв. Дѣва? И ее Спаситель тоже, конечно, не можетъ считать ниже Іоанна Предтечи, потому что она „превыше Херувимовъ и Серафимовъ", а Іоаннъ Предтеча „меньше меньшаго въ царствѣ небесномъ", — значитъ и Пресвятую Дѣву Спаситель считалъ рожденною не отъ „жены", а отъ „дѣвы", и, мнѣ сдается, эти слова даютъ косвенное указаніе на „непорочность зачатія". Будьте добры, многоуважаемый В. В., когда найдете свободную минутку—черкните мнѣ словечко, что̀ вамъ по этому вопросу извѣстно или что̀ вы сами думаете? Что вамъ извѣстно о ходѣ работъ и идутъ-ли таковыя для выработки соглашенія по соединенію двухъ главныхъ церквей? Премного обяжете искренно уважающаго васъ

30 декабря 1901 г. *Ѳ. Р—цева.*

France. St Chamond (Loire).
Place Notre-Dame.

IV.

„М. г. В. В. Примите мою глубокую благодарность за ваше любезное письмо, а равно и за прекрасную статью неизвѣстнаго православнаго священника [1]), которую вы мнѣ прислали для прочтенія.

„Я вполнѣ согласенъ съ почтеннымъ авторомъ этой статьи въ томъ, что" „давно пора всѣмъ намъ, католикамъ и православнымъ, забывши старые счеты, братски обняться въ единеніи духа, и въ самомъ союзѣ мира любовно воспѣть стройную и вдохновенную пѣснь общему нашему Богу".

„Вполнѣ, поэтому, присоединяюсь также и къ выраженному въ той же статьѣ пожеланію": „да разсыплется раздѣляющая насъ преграда... Долго мы подчинялись руководству богослововъ-теоретиковъ; послушаемся теперь непосредственнаго, внутренняго чувства. Пусть голосъ сердечнаго сознанія, исходящій отъ массы народной, отъ практиковъ жизни, зальетъ собою сухость и мертвенность въ воззрѣніяхъ черствыхъ схоластиковъ. Пусть восторжествуетъ истинное и подлинное начало Христовыхъ завѣтовъ роду человѣческому—взаимная любовь"...

„Мнѣ остается лишь пожелать, чтобы такихъ священниковъ, проникнутыхъ подобными, глубоко христіанскими чувствами, было на Руси съ каждымъ годомъ все больше и больше.

„Я не сомнѣваюсь, что эти проблески христіанскаго сознанія среди православнаго духовенства не мало васъ радуютъ. Съ своей стороны могу присовокупить, что аналогичные факты имѣются также и у насъ, католиковъ. Какъ доказательство, посылаю вамъ при семъ вышедшую въ прошломъ году въ Краковѣ брошюру, подъ заглавіемъ „Письма католическаго богослова къ православному". Если вы соблаговолите прочесть краткое предисловіе, а также стр. 57—61 и 109—110, то увидите, что все то, о чемъ пишетъ въ „В. Листкѣ" этотъ православный священникъ, было уже значительно раньше высказано анонимнымъ католическимъ богословомъ, только нѣсколько въ иной формѣ.

„Въ Германіи же издается даже особый католическій журналъ въ христіанско-единительномъ направленіи („Friedens-Blätter. Monatschrift zur Pflege des religiösen Lebens und Kultus"), коего два номера также при семъ прилагаю. Особаго вниманія заслужи-

---

[1]) См. „Около церковныхъ стѣнъ", т. I, статья: „Русско-католическія отношенія", стр. 414—416.—*В. Р—съ.*

ваетъ статья: „Die Einheit des Christentums“, позаимствованная изъ книги англиканскаго богослова-публициста Rev. Spencer Jones'a „Friedens-Blätter“, juli, S. 226—231).

„Дабы испросить у Господа Бога возсоединеніе раздѣленнаго христіанства, образовались въ Германіи два общества: одно, основанное 27 октября 1862 г. подъ названіемъ „Der Psalmenbund“,— другое „Der Gebetsverein zur Wiedervereinigung alter getrennten Christen“, существующее съ 1878 года. Члены перваго обязуются прочитывать ежедневно: 1) краткую молитву къ Духу Св.: „Komm heiliger Geist, erfülle die Herzen deiner Gläubigen, und entzünde in ihnen das Feuer Deiner gottlichen Liebe, auf dass sie alle Eins seien. Amen“, 2) особый на каждый день Псаломъ (отсюда и названіе общества „Der Psalmenbund“), законченный славословіемъ: „Слава Отцу и Сыну“, и 3) „Отче нашъ“. Обязанности членовъ второго общества еще проще: прочитывать ежедневно вышеприведенную молитву къ Духу Св., присоединяя къ ней „Отче нашъ“, „Радуйся, Марія“, и „Слава Отцу“.

„И такъ, какъ видите, добрыхъ, христіанскихъ чувствъ по отношенію къ христіанамъ-некатоликамъ у насъ, въ католическомъ мірѣ, найдется ничуть не меньше, а даже, пожалуй, значительно больше, чѣмъ у васъ, на „Святой“ [1]) православной Руси.

„А если это такъ, если и съ той и съ другой стороны начинаютъ проявляться добрыя христіанскія чувства и примирительныя стремленія, то всякому истинному христіанину, глубоко и искренне сочувствующему великому дѣлу возстановленія единства въ Христіанствѣ, по моему, не останется ничего иного, какъ отъ всего сердца пожелать и всѣми силами посодѣйствовать, чтобы эти голоса, призывающіе христіанскій міръ къ всецерковному любовному единенію, не оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но нашли въ окружающемъ насъ обществѣ какъ можно болѣе широкое распространеніе. Отъ этого вѣдь никому и никакого вреда быть не можетъ, напротивъ, слѣдуетъ ожидать самой настоящей, несомнѣнной пользы какъ для Церкви, такъ и для Государства.

„Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи, весьма многіе этого никакъ не понимаютъ или не хотятъ понять. Отсюда и происходитъ то, что такія статьи, какъ вашего анонимнаго батюшки, появляющіяся

---

[1]) Какъ будто есть немножко здѣсь иронія? Это уже на дѣло. Впрочемъ „не увидимъ сучка въ глазѣ брата своего“.—*В. Р—въ.*

вообще крайне рѣдко, мѣста въ большихъ столичныхъ органахъ обыкновенно не находятъ, какъ не подходящія подъ общій тонъ, и потому должны ютиться гдѣ нибудь на задворкахъ печати[1]) въ малораспространенныхъ, захудалыхъ провинціальныхъ листкахъ, и пропадать никѣмъ незамѣченными; а такого рода изданія, какъ „Письма католическаго богослова къ православному", хотя и ничего предосудительнаго и ничего обиднаго для Православной Церкви не содержащія, считаются плодомъ запретнымъ и совсѣмъ въ Россію не допускаются. Тотъ экземпляръ „Писемъ", который я вамъ посылаю, выданъ Комитетомъ Цензуры мнѣ лишь какъ профессору, вслѣдствіе поданнаго особаго на сей предметъ прошенія, оплаченнаго гербовой маркой и проч.

„Въ виду этого, посудите сами, можно ли надѣяться на широкое распространеніе въ Россіи христіанскихъ единительныхъ идей? А это тѣмъ болѣе, что, какъ вамъ должно быть небезъизвѣстно, въ Россіи есть не мало людишекъ, составляющихъ особаго рода черную сотню, занимающуюся исключительно дѣломъ бросанія грязью въ Католическую Церковь. Дѣйствовать имъ въ этомъ направленіи никто не мѣшаетъ. Проповѣдуютъ, что хотятъ, пишутъ, что угодно, печатаютъ, что пожелаютъ. Никакого запрета, никакихъ цензурныхъ стѣсненій, никакого въ періодической печати порицанія дѣятельность этой черной сотни не встрѣчаетъ. Въ виду этого охотниковъ одерживать легкія побѣды надъ беззащитными католиками находилось въ Россіи всегда изрядное количество. Меня это нисколько не удивляло, скорѣе забавляло. Но въ этомъ году представился мнѣ недавно случай на столько куріозный, что, признаюсь, не хотѣлъ глазамъ своимъ вѣрить. Дѣло въ слѣдующемъ. Нѣкій г. А. Ильинъ сочинилъ тощую брошюрку о іезуитахъ. Это, конечно, еще не бѣда. Отчего бы русскому человѣку не познакомиться ближе съ этимъ дѣятельнымъ орденомъ католической Церкви! Но бѣда въ томъ, что брошюра г. Ильина наполнена такимъ безсовѣстнымъ вздоромъ и такой колоссальной ерундой, что просто приходится недоумѣвать, кому г. Ильинъ нанесъ болѣе чувствительное оскорбленіе: Католической ли Церкви или же своей кровной русской публикѣ, преподнося ей такіе „са-

---

[1]) Статья, помѣщенная мною за подписью „Русскій священникъ", была напечатана *вовсе* безъ всякой подписи, въ качествѣ „передовой статьи" или „обозрѣнія" въ одномъ даже не губернскомъ, а *уѣздномъ* (есть такія) газетномъ листкѣ.—*В. Р—въ.*

поги въ смятку", да при томъ еще въ 10000 экземпляровъ! Если мнѣ не вѣрите, соблаговолите для примѣра прочесть хотя бы стр. 60 — 61, гдѣ г. Ильинъ излагаетъ взгляды іезуитовъ на загробную жизнь. Врочемъ, я бы и это простилъ г. Ильину, будь его брошюрка издана на свой рискъ и страхъ, подъ его личной отвѣтственностью. Ибо — мало ли всякаго вздора пишется и печатается! „Глупыхъ нѣсть числа" — это и въ Писаніи сказано. Но тутъ не то. Названный памфлетъ претендуетъ на нѣкій *научный авторитетъ*, какъ изданіе *„Исторической комиссіи учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній"* (sic!). Вотъ это обидно и больно, да и срамитъ самое Россію. Всякій иностранецъ будетъ имѣть право сказать: „Хороши же у васъ *технической знанія*!" Въ вашей войнѣ съ Японіей это обнаружилось, какъ нельзя болѣе, блистательно!..

„Вамъ, конечно, непріятно это читать. Простите! Но вмѣстѣ съ тѣмъ повѣрьте, что и мнѣ не доставляетъ удовольствія писать вамъ объ этомъ. Ахъ, какъ бы я желалъ видѣть въ Россіи побольше людей, сѣющихъ не вражду и ложные извѣты, но „разумное, доброе, вѣчное", стремящихся пробуждать вездѣ „добрыя чувства" [1]). Но, къ сожалѣнію, этихъ идеальныхъ сѣятелей добра, проникнутыхъ истинно хрпстіанскимъ чувствомъ, я признаюсь, со смертью незабвеннаго Вл. С. Соловьева, мало встрѣчалъ въ русской литературѣ, а еще меньше въ обществѣ. (Говоря это, я конечно, не дѣлаю тутъ никакихъ обобщеній; русское общество мнѣ мало знакомо; констатирую только фактъ моей личной жизни)

„По характеру я вовсе не пессимистъ. Знай я побольше такихъ людей, какъ вашъ знакомый батюшка, или такихъ писателей, какъ Вл. С. Соловьевъ,—отъ моего пессимизма не осталось бы и слѣда. Вся бѣда въ томъ, что я ихъ не знаю. Происходитъ же это отъ того, что мы долго жили и продолжаемъ жить „во взаимномъ отчужденіи", какъ пишетъ этотъ русскій священникъ. Что же нужно дѣлать? Послѣдовать доброму совѣту того же батюшки: „Познаемъ свое духовное родство и *взаимную близость другъ къ другу по вѣрѣ*". Совѣтъ вполнѣ прекрасный. Ибо, что бы тамъ ни

---

[1]) Первый стихъ изъ Некрасова, второй—изъ Пушкина. Видно, католики все же читаютъ русскую литературу: и это, конечно, полезнѣе и вразумительнѣе и дѣйственнѣе, нежели чтеніе случайныхъ брошюръ въ родѣ названной выше.—*В. Р—въ.*

говорили ваши оффиціальные полемисты, *общаго* между католиками и православными *по вѣрѣ неизмѣримо больше*, чѣмъ *разностей*. Въ самомъ дѣлѣ, если наше католическое догматическое ученіе можно выразить формулой:

$\triangle(k) = A + B + C + D + E + F + \ldots + X + Y + Z$, гдѣ отдѣльныя буквы означаютъ отдѣльные догматы, то ваше православное выразится въ видѣ:

$\triangle(n) = A + B + C + D + E + F + \ldots - X - Y - Z$, т. е. при нѣсколькихъ конечныхъ величинахъ вмѣсто *плюсовъ* будутъ стоять *минусы*. Этимъ символически выражается, что нѣкоторыя истины вѣры, которыя нами *пріемлются*, вами *отрицаются*. Такимъ образомъ обѣ формулы почти тождественны, вся разница лишь въ знакахъ при нѣсколькихъ величинахъ. Но я увѣренъ, что пожелай обѣ Церкви *во имя Христа* и *общей пользы сойтись* въ новый „Портсмутъ", вся эта разница въ знакахъ, быть можетъ, оказалась бы простымъ недоразумѣніемъ: ибо выяснилось бы, что въ извѣстныхъ условіяхъ при X, Y, Z могутъ стоять оба знака, и плюсъ и минусъ, какъ въ математикѣ. Самое же главное въ этомъ дѣлѣ, это то, чтобы обѣ Церкви въ духѣ христіанской любви и смиренія рѣшили: „„пора, молъ, сойтись намъ и переговорить по душѣ, искренне, не такъ какъ Витте съ Комурой; но по христіански"".

„А если бы даже и не дошло до церковнаго „Портсмута", то все же, отчего бы не сойтись *хотя бы частнымъ образомъ*; напр., отчего бы высоко-преосвященному митрополиту Антонію или другому русскому іерарху не навѣстить при случаѣ Его Святѣйшество Пія X въ Римѣ и не познакомиться ближе другъ съ другомъ? Я увѣренъ, что русскій іерархъ былъ бы принятъ въ Ватиканѣ съ подобающими почестями.

„Кромѣ того, по моему мнѣнію, дѣлу сближенія Церквей могла бы оказать нѣкоторую услугу и русская литература. Напр., одно изъ лучшихъ сочиненій Вл. С. Соловьева: „Великій споръ и христіанская политика", будь оно переведено на французскій или нѣмецкій языкъ, я увѣренъ, произвело бы сильное впечатлѣніе на многихъ христіанскихъ мыслителей Запада, а равно и въ самомъ Римѣ. Не найдете-ли вы, В. В., хорошаго переводчика и издателя, который бы согласился осуществить эту идею? Я былъ-бы отъ души за это благодаренъ. Годъ тому назадъ, одинъ знакомый журналистъ обѣщалъ было это сдѣлать, но потомъ бросилъ.

„Въ заключеніе позволю себѣ обратить ваше вниманіе на

тотъ отрадный фактъ, что дѣломъ соединенія церквей начинаютъ интересоваться лучшіе духовные и свѣтскіе мыслители французскіе. Недавно въ Парижѣ образовалось новое общество „Societé d'Etudes religieuse", подраздѣленное на два отдѣла: 1) section de philosophie religiese и 2) section de l'Union des Eglises. Предсѣдателемъ этого общества избранъ Victor Giraud, секретарь редакціи „Revue des Deux Monde", секретаремъ Eugéne Tavernier, одинъ изъ редакторовъ „L'Univers". Къ этому послѣднему слѣдуетъ обращаться за справками насчетъ названнаго общества. По характеру своему, насколько можно судить по краткой замѣткѣ, помѣщенной въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Chronique de la bonne presse" (№ 271 p. 50), это общество будетъ имѣть, повидимому, много общаго съ блаженной памяти петербургскими „Религіозно-философскими собраніями". Въ виду этого я надѣюсь, что многіе изъ участниковъ названныхъ собраній не замедлятъ записаться въ члены парижской „Sociéte d'Etudes religieuses". На это вѣдь, если не ошибаюсь, не потребуется ни правительственнаго разрѣшенія, ни благословенія Святѣйшаго Сунода.

„Участіе русскихъ въ помянутомъ обществѣ внесло бы въ него новую, свѣжую струю; отъ русскихъ французы узнали бы про существованіе *славянской философіи*, существующей въ формѣ двухъ цѣльныхъ, всеобъемлющихъ философскихъ системъ: поляка Hoene Wronski (1773—1853) и русскаго Вл. С. Соловьева (1853—1900). Къ этому времени, быть можетъ, въ Берлинѣ или Лейпцигѣ появится новая каѳедра славянской философіи и начнетъ выходить особый журналъ въ родѣ „Zeitschrift für slavische Philosophie". Русскіе и поляки сдѣлать это, конечно, не догадаются. Но это, разумѣется, не бѣда. Западные мыслители не будутъ ждать, скоро ли славяне заведутъ у себя каѳедры своей философіи... Однимъ словомъ закипитъ умственная работа въ Парижѣ и Берлинѣ. Перлы славянской мысли будутъ извлечены изъ подъ спуда[1]). А когда нѣмцы и французы поймутъ высоту славянской мысли, тогда, можетъ быть, и мы обратимъ на нее свое вниманіе. А теперь намъ некогда?... Не правда-ли?.. Вашъ покорный слуга проф. NN".

---

[1]) Ну, что же: дай бы Богъ—*В. Р—въ*.

О НАРЯДНОСТИ и НАРЯДНЫХЪ ДНЯХЪ КАЛЕНДАРЯ.

I.

Сколько появляется въ газетахъ статей о вывозѣ сибирскаго масла: на Стокгольмскую выставку оно было представлено въ недоброкачественномъ видѣ—посыпались статьи и письма; въ Сибири невѣжественные крестьяне приняли молочные сепараторы за издѣлія дьявольскія и поломали ихъ гдѣ-то—опять статьи. Статьи, разъясненія, недоумѣнія, вопросы, совѣты — все смѣшалось въ клубокъ, въ умный и словесный клубокъ около житейскаго интереса; и, право, эта страница нашей газетной и журнальной жизни—не изъ худшихъ. Что-бы тамъ ни говорили писатели повѣстей и комедій объ исключительной высотѣ своего призванія и особливомъ значеніи своихъ произведеній,—а хорошая статья о молочномъ скотѣ вызываетъ не только хорошее вкусовое ощущеніе, но и полное литературное удовольствіе. Нѣтъ, это и есть культура—чтобы обвѣвать словомъ и мыслью каждый свой шагъ, всякое наше дѣло, каждое новое предпріятіе.

Такъ. Соглашаемся. Одобряемъ. Однако, шесть дней—труда, а седьмой день — *отдыху;* и наименованъ онъ не просто „отдыхомъ", т. е. освобожденіемъ отъ работы, но „праздникомъ", чѣмъ-то—какъ это странно!—возвышающимся надъ днями положительной и опредѣленной работы, оцѣняемаго на деньги созиданія. Казалось бы, ничего человѣкъ не дѣлаетъ—значитъ *ноль;*

дѣлаетъ—*единица*; и полная недѣля должна бы выражаться черезъ рядъ поставленныхъ другъ около друга шести единицъ, за которыми слѣдуетъ безсмысленный, безсодержательный ноль. Но оказывается совершенно наоборотъ: шесть палочекъ стоитъ низенькихъ, плохенькихъ, изъ какого-то недоброкачественнаго олова сдѣланныхъ, а на седьмомъ мѣстѣ—высокій и золотой знакъ! Недѣланіе поставлено выше дѣланія, доброжелательнѣе, святѣе, небеснѣе. Тороплюсь указать читателю, который захотѣлъ-бы быть наивнымъ и началъ бы утверждать, что „седьмой день", „воскресенье", потому такъ много значитъ, что въ него взрослые ходятъ къ обѣднѣ, а гимназисты повторяютъ уроки за всѣ шесть дней,—итакъ, этому наивничающему читателю я тороплюсь указать, что седьмой день выдѣленъ въ особливый „Божій день" *въ* самомъ еще *сотвореніи міра*, и такимъ образомъ „пустой день" входитъ, такъ сказать, въ самую утробу міра! А во-вторыхъ, что строжайшія запрещенія совершать въ него хотя малѣйшую работу были даны во время пустыннаго странствованія евреевъ, когда колокола не звонили, церкви не были построены, и вообще „пустое мѣсто" было еще не застроено ничѣмъ праздничнымъ! Нѣтъ, мы должны понять мысль праздника, исходя не отъ идеи работы, хотя бы посвященной Богу, а совершенно наоборотъ: самая идея праздника и фактъ празднованія выросъ мало-по-малу и очень медленно просто изъ оставленнаго Богомъ *седьмого пустого промежутка* между шестью темпами положительной, движущейся жизни. Праздникъ въ первоначальномъ и можетъ быть таинственномъ смыслѣ—*пустая* область, незаполненное мѣсто времени. Это — какъ алтарь въ храмѣ и какъ прототипъ его—Святая Святыхъ въ Скиніи. Почемъ знать, это Святое Святыхъ не знаменовало ли собою

„день седьмой, субботу",—*пространственно выраженную*. Какъ въ субботу абсолютно нельзя было соломенки шевельнуть, собрать дровъ для топки печки, затопить печь, изготовить какую-нибудь пищу, а можно было ѣсть только вчера приготовленное: такъ въ эту небольшую часть храма абсолютно никто не входилъ, и тамъ было темно, было черно и пусто. Ибо ни окна и вообще никакого отверстія для свѣта не было въ странномъ, со всѣхъ сторонъ закрытомъ огромномъ кубѣ дерева, съ единственной открытой стороны завѣшанномъ густо и сложно занавѣсами. „Я тамъ, не входи туда; Я и мой законъ", сказалъ человѣку Богъ. Евреи такъ же боялись войти туда, какъ нарушить свою субботу. Единственный разъ въ году, когда входилъ туда первосвященникъ—онъ ужасно боялся; онъ не выходилъ, а почти выбѣгалъ оттуда, и народъ спрашивалъ его, восклицая: „живъ ли ты"? Странное восклицаніе! Богъ — въ пустотѣ Святая Святыхъ; но это—*пространственно*, а *временно*—Онъ въ пустотѣ седьмого дня. „Не внеси въ него работы"—это столь же строгій завѣтъ, и аналогичный повелѣнію: „не войди въ Святая Святыхъ"; въ обоихъ случаяхъ съ предостереженіемъ: „чтобы тебѣ не умереть".

Я говорю, что собственно „праздникъ", т.-е. *заполненіе нѣкоторымъ содержаніемъ* этого пустого промежутка произошло гораздо позднѣе. И послушайте, какъ оно произошло. „Промежутокъ" сталъ расти—въ нарядъ, въ наряженность, въ сверканіе драгоцѣнностями. Человѣкъ естественно догадался, что если „дѣланіе" дальше отъ Бога, чѣмъ „покой", „отдыхъ"; а этотъ „отдыхъ", т.-е. сладкая истома мускуловъ, расправляющихся въ „не-дѣланіи" отъ шестидневной работы, *ближе* къ Богу: то значитъ вообще Богъ живетъ *въ радости*, а не въ печали.

„Я живу *здѣсь*“, сказалъ Богъ о Святая Святыхъ; „Богъ живетъ *тутъ*“, подумалъ человѣкъ о своемъ *отдыхѣ*. И сталъ украшать свой „отдыхъ“; какъ разрисовалъ и Скинію (замѣтьте! замѣтьте!) не одноцвѣтными, не монотонными, не сѣрыми покровами, но то—„червленной шерсти“, то—„голубой“, цвѣтами неба и пурпура, радости и наряда. „Пустой промежутокъ“ между шестью и шестью днями работы сталъ устрояться, складываться какъ бы въ „храмъ времени“, въ ту же „скинію“, но вытянутую не по категоріи пространства, а уже по категоріи времени. Идея и существо празднества тогда родились въ исторіи; но еще предстояло найти, сосчитать, отмѣтить праздники.

Человѣкъ разбилъ годъ на темпы; а вѣка—на семилѣтія. Тотъ фактъ, что не шесть дней труда ближе къ Богу, а седьмой день „не дѣланія“,—уже въ сущности содержитъ въ себѣ глубочайшее и вмѣстѣ, конечно, древнѣйшее „опредѣленіе существа Божія“: ибо сущность „праздника“, эту вотъ бѣлую и ликующую полосу времени, а не мрачную, не унылую, распространяетъ и на Бога.

Зрѣлище людей, проводящихъ праздникъ, видъ толпы народной въ этотъ день,—не менѣе говоритъ объ ихъ вѣрѣ и „существѣ Божіемъ“, чѣмъ сколько говоритъ объ этомъ же напр. и зрѣлище храма.

Извѣстно, что передъ лицо народа Моисей, послѣ бесѣды съ Богомъ, выходилъ не иначе, какъ „закрывъ лицо покрываломъ“. Такъ записано, и это многозначительно. Извѣстныя слова: „Бога *никогда и никто не видѣлъ*“—могутъ значить не только то, что онъ *невидимъ, какъ ночь, и не осязаемъ, какъ отвлеченное понятіе*; если

Богъ „личенъ", какъ мы привыкли и обязаны думать,— то Онъ имѣетъ именно „Лицо", не похожее на отвлеченное понятіе, но, напримѣръ,—еще *гуще и непроницаемѣе занавѣшенное,* нежели оно было у Моисея, понесшаго на себѣ отраженіе сіянія Божія. Сейчасъ мы и докажемъ свою мысль. Если Богъ ближе къ празднику, чѣмъ къ работѣ, то это „покрывало Божіе" — должно быть бѣлое, и даже—сверкающее бѣлизною столь ослѣпительной, что она лучше предохраняетъ Его отъ нескромнаго любопытства человѣка, нежели могли бы всяческіе черные и толстые покровы. Говоря о „покровѣ Божіемъ" не можемъ по крайней мѣрѣ не назвать, въ видѣ намека и аналогіи, такъ привившійся, столь народный и любимый у насъ праздникъ „Покрова Пресвятой Богородицы". „Покровъ Царицы Небесной" — что̀ какъ подножіе и фундаментъ для этого праздника мы имѣемъ въ Евангеліи? Ничего! Но любовь народная и всенародная, не понимая, что̀ она дѣлаетъ, на какой почвѣ строитъ, восхотѣла „Покрова Пресвятой Богородицы". И во всенощную на этотъ праздникъ какъ хорошо пѣніе: „радуйся, радуйся Наша (Св. Дѣва), покрой насъ святымъ Твоимъ омофоромъ". Даже Некрасовъ запримѣтилъ этотъ день:

Вотъ и праздничекъ Покровъ...

II.

„Богъ въ отдыхѣ, а не въ работѣ", эта первоначальная и древнѣйшая мысль уже сама по себѣ содержитъ какой-то „союзъ между Богомъ и человѣкомъ", по коему *угодное* Богу есть *отрадное* для человѣка. Для Бога человѣкъ долженъ наряжаться и веселиться, работать—для себя. Отсюда веселье уже непремѣнно сложится въ изящ-

ныя формы, потеряетъ грубость, станетъ нѣжнымъ и религіознымъ. Народы должны ждать праздника не какъ „ничего не дѣланья“, тупого спанья или разгула, а какъ величайшаго, осмысленнаго и сложнаго народнаго удовольствія,—наряда домовъ, квартиръ, улицъ.

Темпы годового празднованія слѣдовали послѣ большихъ періодовъ годовой работы: праздники явились осенніе—послѣ жатвы, весенніе—послѣ посѣва. И еще на самомъ переломѣ лѣта и переломѣ-же зимы, какъ передышка въ зимней продолжительной и въ лѣтней трудной, изнуряющей работѣ. Ихъ всѣ однако надо было прикрѣпить къ чему нибудь; „придраться къ поводу“, чтобы поставить точку работѣ и начать „ничего не дѣлать и наряжаться“. Мы, среди нашей тусклой и скучной природы, не имѣемъ настоящаго чувства ея. Руссо хотѣлъ Европѣ дать почувствовать природу; но, вѣрно, не рости розамъ среди зимы, и, въ общемъ, попытка его, хотя и великая, благородная — была неудачна и болѣзненна. Въ Европѣ чувство природы окончательно слабо. Кой-что въ поэзіи, немного въ живописи (пейзажъ во всякомъ случаѣ не геніальная часть европейскаго художества)—вотъ и все. Главное, у насъ нѣтъ природы въ праздникѣ или, пожалуй, праздникъ не вынесенъ въ природу; у насъ природа не внесена въ храмы, за исключеніемъ прелестнѣйшихъ, душистыхъ березокъ въ Троицынъ день: но замѣтьте, какъ отъ этихъ березокъ день Пресвятой Троицы выдвинулся изо всѣхъ въ году, какой онъ сталъ сверкающій, веселый, памятный намъ отъ дѣтства, изъ милыхъ милый день. И что такое „береза“, много ли? да еще срѣзанная съ корня, несчастная? Но въ день этотъ старый и юный идетъ въ храмъ Божій съ цвѣтами въ рукахъ: и вотъ это соединеніе цвѣтка и храма, молитвы и зеленаго листочка—какъ это прекрасно,

вѣроятно угодно Богу, потому что дѣйствуетъ на душу! Замѣчательно, что единственный разъ, когда свѣжая зелень вносится въ церковь,—она вносится въ день, посвященный Св. Троицѣ, а не исключительному новозавѣтному празднику. Тутъ есть, въ этихъ уставляемыхъ въ домахъ березкахъ, нѣкоторая отдаленная аналогія, нѣкоторый поздній атавизмъ еще ветхозавѣтныхъ „кущъ" (праздникъ кущъ, т.-е. кустовъ, молодыхъ рощъ).

Мысль Руссо воскресить природу—вышла отъ того чахоточной, что, если не считать праздника Троицы и еще крещенія, гдѣ въ религію введена стихія воды,—природа исключена и отдѣлена отъ нашихъ религіозныхъ представленій. Въ католическихъ церквахъ вѣроятно всякій замѣчалъ при входѣ каменный сосудъ съ небольшимъ количествомъ налитой въ него воды. „Вѣрные" пасомые, входя въ свою церковь, обмакиваютъ въ эту воду пальцы и касаются ими лба. Все познается въ связи съ прошлымъ. Путешествуя по Италіи, я отмѣчалъ нѣкоторыя подробности въ ихъ богослуженіи, отличающіяся необыкновенной древностью. Напр., у нихъ еще не развилось позднѣйшаго (нашего) кадила, какъ и лампады не повѣшены на цѣпочкахъ, кстати всегда нѣсколько закрывающихъ, пересѣкающихъ передъ глазами образъ. Лампады у нихъ поставлены на постаментъ; а вмѣсто кадилъ—собственно ручныя кадильницы. Пожалуй, наши кадила красивѣе; но эти ихъ курильницы трогаютъ душу древностью. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ въ Римѣ и Флоренціи: онѣ такъ ярко напоминали мнѣ сходныя точка въ точку ручныя курильницы у древнихъ египтянъ, такъ же какъ и у католиковъ на короткой и толстой ручкѣ! Достаточно открыть большой атласъ Лепсіуса, Росселини и множества другихъ экспедицій въ Египетъ, чтобы вездѣ увидать этотъ католи-

ческій жестъ-образъ куренія еще за долго до христіанской эры, за тысячелѣтія! Къ числу подобныхъ же древностей относится и увлажненіе пальцевъ и лба при входѣ въ католическую церковь. Обычай этотъ также трогаетъ: ибо онъ напоминаетъ тѣ вовсе другія времена, давно погибшую эпоху, когда и священники, и Первосвященникъ прежде нежели войти въ Святое или въ Святая Святыхъ, — погружался въ такъ называемомъ „каменномъ морѣ", огромномъ сосудѣ-вазѣ или сосудѣ-ваннѣ, утвержденномъ въ такъ называемомъ „дворѣ для народа" на шести высѣченныхъ изъ камня быкахъ. Черезъ эти погруженія стихія воды, т. е. важнѣйшая изъ стихій природы, все увлажняющая, все оплодотворяющая, была введена въ храмъ, соединилась, какъ наши троицкія березки, съ молитвою. Аналогій здѣсь приходитъ на умъ бездна. Извѣстно изъ Библіи требованіе, чтобы священникъ былъ безукоризненъ физически, т.-е. здоровъ, цѣлъ, безъ уродства и болѣзней. Но я былъ пораженъ, прочтя въ переполненномъ археологическими подробностями Талмудѣ, что Первосвященникъ долженъ былъ быть выбранъ *изъ самыхъ красивыхъ* и непремѣнно *высокихъ ростомъ* евреевъ: таковъ былъ его „богословскій экзаменъ". Tempora mutantur, только и можно сказать...

Всѣ эти нарядныя стороны древняго богослуженія вытекли изъ основнаго представленія, что Богъ есть радость и что живетъ Онъ въ радости, среди радующихся людей, въ радостныхъ мѣстахъ, около нарядныхъ одеждъ.

III.

Чувство луны и особенно начинающейся луны, молодой, послужило однимъ изъ предлоговъ къ древнему веселью. „Новомѣсячій Моихъ не забывай", это

сказано было Самимъ Богомъ—какъ и о субботахъ, въ законъ празднованія. Знакомо всѣмъ то безотчетное чувство, по которому мы *любимъ* луну, и какъ то дѣлаемся при ней *нѣжнѣе*. Мнѣ кажется, въ лунную ночь нельзя сказать грубаго ругательства. Луна вовсе не бездушное свѣтило, пусть и замерзшее. Развѣ нѣтъ своей „души", т.-е. психологіи и на насъ психологическаго воздѣйствія, въ зимѣ? Что касается луны, то на рѣдкихъ, исключительныхъ людей,—а это уже все равно, потому что количество не измѣняетъ дѣла, — луна производитъ странное дѣйствіе, необъясненный никѣмъ феноменъ „лунатизма". Человѣкъ отрывается,—совершенно, окончательно,—отъ нашего міра и переходитъ въ какой-то другой, намъ вовсе неизвѣстный; и въ этой другой дѣйствительности совершаетъ движенія и поступки, которые для наблюдающаго за „лунатикомъ" кажутся сверхъестественными и необъяснимыми. Это происходитъ подъ безспорнымъ, удостовѣреннымъ дѣйствіемъ луны. Итакъ, луна имѣетъ какое-то особенное и исключительное отношеніе къ душѣ; и кто знаетъ, общее чувство какой-то миловидности, нѣжности, ласковости, какое и вообще всѣ люди испытываютъ, гуляя при лунѣ, не есть ли слабая-слабая тѣнь „сомнамбулизма"? а сами сомнамбулисты, не невѣроятно, испытываютъ въ магическомъ своемъ снѣ неизъяснимое счастье, блаженное состояніе души! Какъ бы то ни было, „рожденіе" самой „луны" входило въ кругъ древнихъ торжествъ. Въ одномъ мѣстѣ Библіи записанъ упрекъ пророка (Іезекіиля): „зачѣмъ вы *кадите* лунѣ"? Это было уже слишкомъ—служить Свѣтилу, когда можно служить одному лишь Богу. Евреи впали въ „поклоненіе Святымъ", что противорѣчило всему духу и системѣ Библіи. Однако нѣчто подобное, не смотря на запрещенія пророковъ, они дѣлаютъ и до сихъ поръ. Именно, въ

одной еврейской рукописи, случайно попавшей мнѣ въ руки и составленной солдатомъ или унтеромъ (евреемъ) Николаевскихъ временъ, гдѣ описаны разныя подробности ихъ *теперешняго* быта, разсказывается, что „въ ночь новолунія евреи выходятъ (религіозно-бытовое требованіе) на дворы свои и подпрыгиваютъ къ верху: и чѣмъ выше кто подпрыгнетъ—„тѣмъ лучше“: т. е. „богоугоднѣе“ что ли?! Обычай на взглядъ, для взора—пожалуй и комичный. Но какая-же это архаическая, еще ханаанская подробность: ибо вѣдь, очевидно, подпрыгивающіе —собственно подпрыгиваютъ какъ-бы *навстрѣчу* только-что вотъ-вотъ родившейся лунѣ; и это почти стоитъ *каждения* въ ея направленіи, что дѣлали древніе! Во всякомъ случаѣ, у евреевъ тутъ есть и сохранено то, что потеряно въ Европѣ и что не удалось воскресить бѣдному Руссо. Луна—это уже огромный фактъ природы, больше воды, больше вѣтра и троицкой березки. Это—небесный огромный цвѣтокъ, какъ бы лилія въ синевѣ небесныхъ водъ. И ввести ее въ религію, въ религіозное празднованіе—это въ самомъ дѣлѣ значило осуществить мечту Руссо! Вспомнимъ Веневитинова и его слова о природѣ, что нужно

Въ ея таинственную грудь
Какъ въ сердце друга заглянуть.

Въ „Талмудѣ“, за ученый переводъ котораго нельзя не поблагодарить прилежнаго и неутомимаго г. Переферковича, содержится множество любопытнѣйшихъ архаическихъ подробностей. И въ отношеніи къ лунѣ я нашелъ одну. Астрономіи еще не было и не было совершенно точнаго знанія, когда же, до точности сутокъ, часа и минуты, „родится“ эта ночная красота. Но вотъ ея ожиданіе проходило нервнымъ токомъ по Галилеѣ и Іудеѣ. Въ Талмудѣ сказаны подробности, какъ высылались самые сильные ходоки на возвышенныя точки

страны; имя Гаваона я хорошо помню; другое было имя Іерихона или Виѳлеема. Высланные впередъ люди сторожили первый лучъ „новомѣсячія“. Едва его завидѣвъ—и счастливъ былъ, кто его первый увидитъ—онъ спускался внизъ, бѣжалъ къ ближайшимъ толпамъ уже ожидавшаго народа и возвѣщалъ наступленіе „новомѣсячія“. Крикъ и оживленіе передавались далѣе. Вся страна ликовала „навстрѣчу лунѣ“, что опять же лишь немного отступаетъ назадъ передъ вызвавшимъ негодованіе пророка кажденіемъ; и, я думаю, этотъ праздникъ, начинающійся темнымъ-темнымъ вечеромъ (въ Ветхомъ Завѣтѣ сутки начинались съ вечера, именно съ появленіемъ первыхъ трехъ звѣздъ послѣ заката солнца) на воздухѣ, подъ небомъ съ мерцающими звѣздами—выходилъ прекраснѣ! Я замѣтилъ, что луна располагаетъ къ нѣжности: поэтому думаю, что этотъ праздникъ выходилъ особенно нѣжнымъ, деликатнымъ и какъ бы задумчивымъ. Ибо вѣдь праздники — какъ и мы чувствуемъ—имѣютъ каждый свой психологическій колоритъ, въ зависимости отъ времени года, отъ смысла праздника и ритуала его празднованія.

„Новомѣсячій Моихъ не забудьте“... Но мы все забыли и растеряли изъ этого прекраснаго Ветхаго Завѣта, т.-е. по просту — изъ завѣта *древности*, изъ завѣта *предковъ*, изъ первой своей *родины*, первоначальнаго своего *преданія*. Мы теперь только безсмысленно повторяемъ (и на этомъ твердо настаиваемъ), что „Богъ живетъ на Небѣ“. Но если это *такъ дѣйствительно*, то почтимъ же хоть нѣсколько Небо, и при томъ религіозно почтимъ, какъ жилище Бога, „дворецъ славы Его“. Будемъ послѣдовательны, будемъ цѣлостны. Если Богъ есть только отвлеченное понятіе, то къ чему говорить: „Небо — *престолъ* Его, и земля — *подножіе*“.

Къ чему эти *осязательные* термины? А если мы ихъ держимся, то почтимъ отчасти Землю и еще больше Небо, „и Оріонъ и Медвѣдицу“, какъ эти созвѣздія названы опять-же у одного пророка. Не для чего „курить“, „возсылать ѳиміамъ“ къ звѣздамъ, пусть это — слишкомъ: но *нелюожко*, но *что нибудь* позволительно въ этомъ направленіи сдѣлать и намъ. Вѣдь никакого нѣтъ въ Евангеліи основанія для „Покрова Пресвятой Богородицы“. Но мы сотворили его. Будемъ не уставать творить, по намекамъ, по указаніямъ. Вспомнимъ опять столь нужную Европѣ попытку Руссо, которая была бы благотворна, если-бъ удалась. Къ троицынымъ березкамъ и цвѣтамъ прибавимъ и реальное, осязательное и зрительное ощущеніе „Жилища Славы Божіей“ (Неба). Молитва можетъ быть вспыхнетъ еще выше, чѣмъ въ Троицу. Дѣти наши, проведя часъ празднованія подъ звѣздами, подъ луною, на воздухѣ, среди природы, еще ярче это воспоминаніе перенесутъ во взрослую, угрюмую жизнь, какъ обычно переносятъ сейчасъ воспоминанія о нарядной своей комнаткѣ, убранной березкою въ этотъ памятный и свѣтлый и невинный день. Не забудемъ никогда того, что природа невинна; что общиться съ нею—значитъ возрождаться самому въ невинности; и что соединять, смѣшивать молитву, вообще религіозное, напр. праздникъ, съ невиннымъ (природою)—не только вполнѣ позволительно, но должно бы составить и долгъ нашъ.

IV.

Всѣ высказанныя мысли, очень у меня старыя, очень болѣющія въ сердцѣ моемъ, я высказываю по поводу недавно появившейся книги г. Е. Швидченко: „Святочная хрестоматія. Литературно-музыкально-этнографиче-

скій сборникъ для семьи и школы". Она имѣетъ посвященіе: „Дорогой Россіи въ лицѣ ея юнаго поколѣнія", и подъ этимъ посвященіемъ—эпиграфъ

Чтобъ *развивалась* она (Россія) веселясь
И чтобы веселилась *благородно*.

Курсивы эпиграфа принадлежатъ автору и выражаютъ задушевную мысль, которая вдохновляла составителя книги, потребовавшей много труда. Судя по тому, что еще въ 1898 году вышло его изслѣдованіе: „Рождественская елка, ея происхожденіе, смыслъ и программа", видно, что идея эта—пролить изящество въ веселье, а самое веселье сдѣлать орудіемъ духовнаго развитія,—есть до нѣкоторой степени задача жизни молодого или во всякомъ случаѣ не стараго автора. Дай ему Богъ силъ. О вывозѣ масла изъ Сибири, о тормозахъ Вестингауза мы уже имѣемъ литературу. Но буквально ничего, кромѣ шутовства и каламбуровъ въ теоріи, и бѣшеныхъ визитовъ на практикѣ, мы не имѣемъ около великаго и святого явленія: праздникъ. Церковь сложила на праздники „особенности богослуженія". Но этимъ она выполнила *свою* часть задачи. Остается *народная* часть, *бытовая*—совершенно другая: образованная часть выразила ее въ визитахъ, простой народъ выразилъ въ кабакѣ. Ни въ визитахъ, ни въ трактирномъ чаепитіи не принимаютъ никакого участія: 1) дѣти, 2) матери семействъ. И вотъ вопросъ, какъ-же *имъ* съ своей стороны, *своимъ* участіемъ выразить отношеніе къ празднику, новизну чувства и новизну поведенія въ эти дни,—можетъ быть поведетъ къ возрожденію, а въ сущности къ созданію заново праздника. Именно, если женамъ и дѣтямъ удастся, при огромной помощи мыслящихъ людей, ученыхъ, живописцевъ, музыкантовъ, поэтовъ, разработать праздникъ въ счастливую и наряд-

ную картину,—то и гг. кавалеры, они же къ счастью и отцы семействъ, могутъ, побросавъ свои полу-идіотическіе визиты, принять участіе въ домашнемъ и красивомъ веденіи праздника.

Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серги изумрудны;

Растилали бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Приведя этотъ стихъ изъ Жуковскаго, г. Швидченко пишетъ:

„Что и говорить—красно и живописно изображено! Но ужъ больно обще и неопредѣленно. Какъ и когда пѣли? Какъ и когда гадали? Ничего неизвѣстно! Нѣкоторыя строки у Пушкина не болѣе освѣщаютъ дѣло. Не могъ я также выяснить для себя, въ какомъ соотношеніи находятся уголь, хлѣбъ и прочія вещи, употреблявшіяся при гаданьи, и поблюдныя пѣсни. Опять пришлось руководствоваться догадками да тѣми же позднѣйшими сборниками народнаго пѣсеннаго творчества г. Шейна".

Изъ словъ этихъ видна и маленькая литературная неуклюжесть автора, почти идущая къ его книгѣ: книгѣ трудолюбивой, заботливой, дѣльной, практической. „Тѣмъ лучше"!—хочется сказать о недостаткѣ у автора „стиля" и проч., когда, страницу за страницей отвертывая, мы видимъ его то въ хлопотахъ ученаго изыскателя, то въ совѣтахъ отцамъ семейства, инспекторамъ гимназій, институтовъ и корпусовъ, которымъ онъ подсказываетъ, какъ возстановить древнія „комедьки", даетъ ноты народныхъ пѣсенъ (рождественскихъ), частью имъ самимъ собранныя и тщательно выбранныя (изъ нѣсколькихъ варіантовъ); и, наконецъ, перейдя отъ роли ученаго и педагога къ роли творца, даетъ для дѣтскихъ

праздниковъ двѣ дѣтскія, скорѣе—отроческія пьески: „Елка, драматическая картинка“ (стр. 425—445) и „Овсень (Новый годъ, представленный въ фигурѣ женихабоярина) и Коляда“ (невѣста, символизирующая день Рождества),—„миѳологическая сказка, разработанная драматически“. Все это необыкновенно интересно по количеству затраченнаго труда, по зрѣлости мысли автора, его отличнымъ мотивамъ. И право, читая эту книгу и вспоминая еще другую, г. Степанова: „Народные праздники на Руси“, вышедшую въ прошломъ году, начинаешь вѣрить: да ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ намъ выпадетъ на долю счастье сотворитъ себѣ *нарядный годъ*, возстановивъ изъ обломковъ, изъ дребезговъ старины красивые древніе обряды?.. Вѣдь стоитъ къ трудолюбію г. Швидченко придти на помощь геніальному вдохновенію какого-нибудь новаго Чайковскаго или Островскаго, да образоваться „Обществу возстановленія древнихъ игръ“, число соучастниковъ котораго, вѣроятно, моментально возрастетъ до нѣсколькихъ тысячъ,—и появится сегодня „кое-что“, завтра—больше, а послѣ-завтра и совсѣмъ большое, великое!

Грустно теперешнее зрѣлище праздника. Вотъ „казенная лавка“; но еще нѣтъ двѣнадцати часовъ и двери ея заперты. Гуськомъ, почти какъ около кассы желѣзной дороги, стоитъ длинная вереница лицъ унылыхъ, скучныхъ, молчаливыхъ. Рѣдокъ тутъ говоръ. Головы опущены. Всѣ дожидаются угрюмо, упорно. „Шесть дней трудились, на седьмой—выпьемъ“! И хочется имъ крикнуть: „Нѣтъ, други! не здѣсь, не на мостовой, не въ городѣ. Если и выпьемъ, то немного, и старинной не отравляющей бражки; а главное—замѣнимъ вино движеніемъ, весельемъ, пѣснею, игрою умною, и гдѣ были

бы всѣ участниками, а не только зрителями". Вѣдь что такое „вино", какъ не перенесеніе внутрь, въ желудокъ и въ кровь *движенія*, котораго недостаетъ *членамъ*; что оно такое, какъ не поднятіе спиртомъ *настроенія* души, которое можетъ быть поднято оживленною и сложною *игрою*,—игрою веселою и сладкою, игрою запечатлѣвающеюся и вмѣстѣ заманчивою?!..

V.

Не будемъ излишне предаваться унынію и печали, и думать, что даръ творчества, напримѣръ праздничнаго и обрядоваго, данъ только первобытнымъ мужикамъ. Вѣдь возможно и намъ воскресить въ себѣ много-много наивности; будемъ сближаться съ природою, съ дѣтьми: и съ каждымъ шагомъ мы будемъ чувствовать, какъ и въ насъ самихъ черезъ эту близость возобновляется заснувшая, а не умершая простота и дѣтство. Возможно же было, что Лермонтовъ въ „Купцѣ Калашниковѣ" взялъ чисто народные тоны; что у Пушкина въ „Пѣсняхъ западныхъ и южныхъ славянъ" слышатся Балканы, Дунай, старыя княжескія усобицы. Возможно было этимъ двумъ—возможно другимъ; возможно въ такой степени—значитъ возможно и въ большей. Нужно только пожелать, чтобы творчество изъ кабинетнаго стало уличнымъ; и, далѣе, изъ городского—хоть частью полевымъ. Мы украшаемъ комнаты: отчего не украсить улицу? Мы думаемъ о благоустройствѣ тротуаровъ и мостовыхъ: отчего не разработать также прилежно, но только еще и художественно, загородную рощу или рощу насаженную въ самомъ центрѣ города въ замѣнъ никому не нужной „главной площади", всегда имѣющейся въ уѣздномъ городишкѣ и въ губернскомъ городѣ. Праздники *весенняго древонасажде-*

нія, такъ хорошо принявшіяся въ Россіи, и о которыхъ, какъ и о пролетѣ весеннихъ птицъ, приноситъ телеграфъ извѣстія изъ разныхъ городовъ въ столичную печать, — подаютъ самую большую надежду. Этимъ праздникамъ древонасажденія всего лѣтъ 5—6 росту. Это—младенецъ, но могучій и любимый. Около праздниковъ этихъ возможна музыка, поэзія; отчего первокласснному поэту не дать сюда свою дань? Возможна около нихъ пластика изящной игры и танцевъ. И мы не можемъ угадать предѣла, до котораго пойдетъ это веселое, полевое торжество. А сколько съ нимъ свяжется дѣтскихъ воспоминаній, какъ они оживятъ старость!..

Уходи, Зима сѣдая;
Ужъ красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!
Старой спорить-ли, тщедушной,
Съ ней, Царицею цвѣтовъ,
Съ цѣлой арміей воздушной
Благовонныхъ вѣтерковъ.

„Зима медленно удаляется со сцены. Елка жадно смотритъ на встрѣчу Веснѣ. Появляется Весна, съ цвѣтами въ рукахъ, веселая, радостная,—и показываетъ видъ руками, что оживляетъ природу".

Это—отрывокъ изъ дѣтской пьески „Елка" г. Швидченко. Сюжетъ и ходъ пьески выдуманъ составителемъ хрестоматіи; но онъ вставилъ въ нее отрывки стихотвореній соотвѣтственной темы изъ А. Плещеева, Некрасова, Соллогуба. Все вышло хотя и сборно, а нарядно; дѣтямъ же принесетъ неистощимую радость, да и родители порадуются на дочку 12—13 лѣтъ, которая, пріѣхавъ изъ института на Рождество домой, является изумленнымъ маленькимъ братишкамъ и сестренкамъ въ видѣ „осыпанной цвѣтами Весны, оживляющей При-

роду". Лѣтъ уже семь назадъ я былъ разъ на такой дѣтской пьескѣ. Трудно представить себѣ, что̀ играли— „Стрекозу и муравья" Крылова! Но когда въ концѣ этой ли басни, другой ли какой, но тоже не болѣе какъ басни, изъ боковыхъ дверей небольшой квартиры показалась дѣвочка лѣтъ 9-ти (старшая), одѣтая Солнцемъ, въ желтыхъ лучахъ около головы, и тоже кажется съ цвѣтами, и что-то стала медленно и торжественно декламировать,—то не было конца и смѣху и умиленію взрослыхъ, а крошки братья были поражены величіемъ сестры. И много я видалъ пьесъ потомъ, на большомъ театрѣ и съ большими актерами, но всѣ они не закрыли въ моемъ воспоминаніи этого маленькаго представленія. Кстати, каждый кто знаетъ, какія сложныя игры дѣти уже 6—7 лѣтъ устраиваютъ со своими куклами и ихъ домашнею обстановкою, какъ они водятъ куклу къ кукламъ въ гости, какіе говорятъ при этотъ длинные монологи, а иногда и діалоги,—тотъ согласится, что театръ едва ли не принадлежитъ къ „idée innée" человѣчества, „врожденнымъ идеямъ" (инстинктивнымъ) его, и что, можетъ быть, дѣти-то и суть самые естественные и самые даровитые сочинители возможныхъ въ будущемъ, необходимыхъ въ будущемъ, дѣтскихъ пьесокъ для рождественскихъ праздниковъ. Нужно начать внимательнѣе слушать ихъ игры; записывать за ними; изрѣдка и осторожно дать направленіе теченію разсказа. Хотя они чудеснѣйшимъ образомъ сочиняютъ самыя необыкновенныя приключенія для своихъ куколъ, а иногда, точно погрузившись въ экстазъ воображенія, произносятъ негромко въ слухъ цѣлый разсказъ о томъ, какъ „такая-то дѣвочка шла туда-то, гдѣ была ея мама", кто къ ней „подошелъ и ее напугалъ", или какъ „случился пожаръ, но всѣ избѣгли опасности черезъ такія-то

и такія-то" манипуляціи взрослыхъ, а иногда и при помощи дѣтей.

Книга г. Швидченко полна самаго, такъ сказать, возбудительнаго матеріала. Прежде всего отмѣтимъ научные документы. Авторъ собралъ, кромѣ великорусскихъ и малорусскихъ, еще чешскія, польскія, сербскія, румынскія, нѣмецкія, французскія, англійскія, итальянскія, американскія колядки (оригиналъ и переводъ на русскомъ языкѣ), сопроводивъ наиболѣе музыкальныя изъ нихъ нотами; а по отношенію къ великорусскимъ колядкамъ онъ разыскалъ лучше сохранившіяся въ Добруджѣ экземпляры текста и напѣва; наконецъ, или отъ себя разсказалъ, или заимствовалъ изъ писателей разсказъ о празднованіи Рождества: въ Виѳлеемѣ, въ Чехіи, въ Швеціи и Норвегіи, въ Англіи, въ Испаніи, во Франціи. Въ статьѣ „Театръ маріонетокъ" разсказалъ о средневѣковыхъ мистеріяхъ, о маріонеткахъ въ Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи, Польшѣ и Россіи, о такъ называемомъ „вертепномъ представленіи" въ Россіи и въ Сибири (большая оригинальная статья автора). Въ оригинальной же своей статьѣ „Ряженье" разсказалъ о мимахъ, агиртахъ, жонглерахъ, шпильманахъ, „дурацкихъ обществахъ" и „праздникахъ дураковъ", о карнавалѣ, скоморохахъ, „окружникахъ" и „халдеяхъ". Наконецъ, въ особомъ „Святочномъ словарѣ" даетъ филологію и исторію святочныхъ терминовъ, какъ христіанскихъ и славянскихъ, такъ и древне-римскихъ, древне-греческихъ и проч. Уже изъ перечня этого читатель увидитъ, что „Святочная хрестоматія" представляетъ сокровищницу всяческихъ свѣдѣній, рѣшительно необходимую для каждаго, кто задумалъ бы сколько-нибудь принарядить себя въ эти семь дней, принарядить себѣ эти дни. Остановимся на педагогическихъ идеяхъ книги.

Праздникъ—это торжество, радость, а въ дни торжества присуще человѣку единиться. Вотъ отчего вполнѣ сочувственна мысль автора, принципіально проведенная въ книгѣ, помѣстить „русское Рождество“ въ группу рождественскихъ обычаевъ всѣхъ странъ и народовъ, какъ бы и не было печальной грани между ними, и дабы для русскихъ дѣтей мы брали веселое и милое у кого попало, всѣмъ говоря „спасибо“. Право, доброе и ласковое отношеніе къ внѣшнимъ ни мало не расхолаживаетъ своего внутренняго, а какъ будто даже согрѣваетъ и его. Есть такая точка зрѣнія, возможна такая точка зрѣнія. Далѣе, изъ отроческаго безсознательнаго возраста авторъ переводитъ рождественскія празднества въ сознательный юношескій. Книга его въ значительной степени имѣетъ въ виду гимназіи, женскіе институты, кадетскіе корпуса, духовныя училища. Онъ даетъ руководство къ устройству школьныхъ праздниковъ, напр. литературно-музыкальныхъ вечеровъ, но спеціально-приноровленныхъ къ днямъ Рождества, къ содержанію историческихъ увеселеній въ это время.

„Въ одной книжечкѣ,—говоритъ г. Швидченко,—я прочелъ, что нужно для ролевыхъ вещей на дѣтскихъ праздникахъ выбирать только веселое и жизнерадостное,—и удалять все грустное. Я не согласенъ съ такимъ мнѣніемъ. Я понимаю, когда рѣчь идетъ о дѣтяхъ, собравшихся на лужайкѣ побѣгать, поиграть, или собравшихся въ залѣ, въ семьѣ потанцовать, или когда рѣчь идетъ о простой семейной елкѣ,—что здѣсь не должно быть слезъ: веселье — для веселья! Но на школьную или вообще общественную елку слѣдовало бы смотрѣть шире: она есть празднество, выдающееся для цѣлой школы, на цѣлый годъ. Она — не простое гулянье, но въ то же время и литературно-музыкальный вечеръ (или утро); это своего рода дѣтскій театръ — въ лучшемъ значеніи этого слова. И, какъ таковое празднество, елка должна имѣть воспитательное значеніе. А гдѣ дѣло касается воспи-

танія, то тутъ уже идетъ рѣчь о „добрыхъ чувствахъ“, которыя, по выраженію нашего великаго поэта, слѣдуетъ „пробуждать“ въ дѣтяхъ. Теперь спрашивается: что скорѣе способно пробудить въ дѣтяхъ добрыя чувства: простые веселые разсказы и стихотворенія, или такія, которыя заставятъ вздрогнуть все существо дитяти, потрясутъ глубочайшія основы духа и вызовутъ слезу умиленія“.

Далѣе авторъ приводитъ въ примѣръ извѣстный разсказъ Достоевскаго: „Мальчикъ у Христа на елкѣ“, который въ свое время вызвалъ у него слезы на глазахъ, и съ тѣхъ поръ припоминается всякій разъ при видѣ нарядной елки, и продолжаетъ:

„Иное дѣло—печальное въ жизни, и иное дѣло — въ литературѣ, въ поэзіи: несчастное событіе въ жизни слишкомъ поражаетъ, рветъ душу; печальный разсказъ дѣйствуетъ мягко, пробуждаетъ нѣжное чувство. Онъ не помѣшаетъ послѣдующему веселью дѣтей, онъ только окраситъ ихъ настроеніе, какъ нѣкоей дымкой, романтическимъ колоритомъ. А вызвать таковое настроеніе у дѣтей въ данный вечеръ— я нахожу наиболѣе желательнымъ. Веселое безпечное скользитъ по поверхности духа: печальное проникаетъ въ глубину души и оставляетъ въ ней долгій слѣдъ. Веселое больше развлекаетъ, печальное—больше воспитываетъ. Веселое скорѣе дѣлаетъ дѣтей безпечными, равнодушными къ чужому горю, къ ближнему; печальное дѣлаетъ ихъ добрѣе, отзывчивѣе къ другимъ. Говоря такъ, я лишь борюсь съ крайностями распространеннаго мнѣнія. Одно печальное, какъ и одно веселое, повторяясь долго въ одномъ направленіи, также перестаетъ производить впечатлѣніе на душу. Вотъ почему самыми сильными эгоистами иногда бываютъ люди, которыхъ жизнь протекла либо въ полномъ довольствѣ, либо въ сплошномъ горѣ“.

Наблюденія слишкомъ точныя, чтобы ихъ можно было оспаривать. Извѣстенъ мягкій, задумчивый, сочувствующій страданію людскому характеръ русскихъ людей за первыя пятнадцать лѣтъ XIX вѣка. Музы Жуковскаго и Карамзина, съ ихъ сюжетами, на нашъ взглядъ

наивными, но именно мѣшавшими печальное и веселое въ надлежащей пропорціи, были не безъ вліянія на образованіе этого общественнаго характера.

Обращаясь къ педагогамъ, г. Швидченко предостерегаетъ ихъ отъ такого устроенія дѣтскихъ праздниковъ, при которомъ играютъ игру только нѣкоторые, а остальные являются зрителями, пассивными и поэтому скучающими, во всякомъ случаѣ не такъ уже оживленными. Отъ этого въ двѣ свои пьески онъ вставляетъ обильно хоры, и при томъ не только поющіе, но и мимическіе. Не у всякаго есть голосъ, но двигаться въ процессіи уже каждый можетъ. Далѣе онъ предлагаетъ для устроенія школьныхъ праздниковъ соединять вмѣстѣ по двѣ, по три народныя школы, или, напримѣръ, мужской гимназіи соединяться съ женскою. Слишкомъ понятно, какъ это оживитъ праздникъ: и ожидать отъ этого дурныхъ послѣдствій—это такая же подозрительность, какъ ожидать вреда отъ того, что мужская и женская половины ходятъ не по разнымъ на улицѣ тротуарамъ, а смѣшанно идутъ по каждому. „Подобное соединеніе,—говоритъ г. Швидченко,—практикуется напримѣръ въ духовныхъ училищахъ: тамъ воспитанники семинарій нерѣдко приглашаются въ епархіальныя училища на литературные и танцовальные вечера, и результаты получаются прекрасные“. Ничего, кромѣ развитія деликатности отношеній, утонченности обращенія отъ этого, конечно, и ожидать нельзя.

Авторъ жалѣетъ, что по чисто экономическимъ причинамъ онъ не снабдилъ свою книгу рисунками—дѣйствительно необходимыми. И, извиняясь въ этомъ, какъ и въ другихъ недочетахъ скромнаго и прекраснаго своего труда, говоритъ: „Вѣдь это *—первый* опытъ въ своемъ родѣ; чужихъ слѣдовъ и проторенныхъ тропинокъ въ

этой области не было, и мнѣ приходилось самому прокладывать дорогу къ намѣченной цѣли. А это потребовало труда огромнаго—и умственнаго, и чисто механическаго. Гармонизація нѣкоторыхъ великорусскихъ, славянскихъ и иностранныхъ колядокъ сдѣлана г. Ю. Извѣковымъ въ Прагѣ и г. Bratshi въ Женевѣ—впервые по моей просьбѣ и подъ моимъ наблюденіемъ". Перечисливъ и другія затрудненія, испытанныя при составленіи книги, авторъ заключаетъ извиненіемъ: „Quod potui—fici". Мы же можемъ ему отвѣтить „factum est magnum et bonum".

На протяженіи книги онъ вездѣ жалуется, что вся почти старина растеряна, но нигдѣ эта растерянность такъ не велика, какъ въ Россіи, а въ ней самой—нигдѣ, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ. Отсюда странствованія его въ Добруджу и Румынію за напѣвами подблюдныхъ пѣсенъ, за текстомъ „колядъ". Въ западныхъ литературахъ существуютъ волюминозные труды, посвященные разъясненію святочныхъ празднествъ, увеселеній, обычаевъ; и члены академій наукъ посвящали этому свое время, трудъ и многостороннія знанія. У насъ празднованія Рождества съ каждымъ можно сказать годомъ погасаютъ. Я наблюдалъ, въ Петербургѣ, въ трехъ ближайшихъ къ моему мѣсту жительства церквахъ, что на поздней литургіи въ первый день Рождества даже не зажигается люстра. Въ торжественности и нарядности храмовой службы нѣтъ никакого отличія отъ обыкновеннаго воскресенья. Печально звучитъ вставленная въ литургію панихида по Александрѣ Благословенномъ: въ самый день Рождества нашего Спасителя вспоминается все-таки гробъ и смерть!! И икона Рождества Христова, къ которой молящіеся прикладываются за всенощною наканунѣ — тоже небольшой величины,

обыкновенной работы, не выразительная и не умилительная въ изображенныхъ лицахъ. У насъ не было Корреджіо, и его „Святая ночь“ неизвѣстна даже въ снимкахъ, копіяхъ или подражаніяхъ. Т. е. она извѣстна, но въ кабинетахъ, а не религіозно, не для молитвы. Вся Виѳлеемская сторона Евангелія, въ противоположность Западу, у насъ выражена тускло. Точно мы не слыхали, или услышали и забыли „Слава въ вышнихъ Богу“, пропѣтое ангелами близъ вертепа для пастуховъ. Изображенія этого пѣнія, т. е. хора ангеловъ поющихъ и толпы пастуховъ слушающихъ, я никогда не видѣлъ въ нашихъ храмахъ. Между тѣмъ слишкомъ возможно и позволительно сюда продвинуться молящемуся желанію. Никакое религіозное усердіе не напрасно, и можетъ быть эти самыя строки мои пробудятъ мысль въ живописцахъ, въ храмозиждителяхъ. Но я доскажу главную свою мысль. Отсутствіе выпуклой постановки праздника Рождества Христова (свѣча—не на подсвѣчникѣ, а плашмя положенная) отразилось и далѣе въ томъ, что дома наши тоже не разрядились, не расцвѣтились въ дни кончающагося декабря и начинающагося января. Съ этимъ въ связи и то, что ученые не занимались нашими святками. Бѣшено скачутъ „лихачи“ и медленно тянутся „ваньки“, развозя гвардейцевъ и коллежскихъ ассесоровъ „съ поздравленіемъ по начальству“. Россія не живетъ, а „служитъ“. То, что мы „великая держава“—это имѣетъ свои преимущества, но имѣетъ также и нѣкоторыя печальныя послѣдствія. Уныло около „казенной лавки“, въ то время какъ начальство спѣшитъ по визитамъ, стоитъ стѣнкой толпа „вѣрноподданныхъ“, и ожидаетъ часа, когда дверь раскроется и густой паръ повалитъ изъ нея на морозъ. И нѣтъ причины ученому взять перо, чтобы что-нибудь разсказать обществу объ

этихъ дняхъ; опустилась бандура, замолкнули мало-помалу пѣвцы; и задумчивому и нѣсколько религіозному человѣку нѣтъ причины сказать даже хоть про себя: „благословенъ Ты, Господи, что далъ намъ не только будни, когда мы наказываемся трудомъ и пòтомъ за грѣхъ непослушанія, но и далъ праздники, какъ обѣтованіе прощенія и воскресенія въ новую жизнь".

1903 г.

Исповѣданіе священника.

(По поводу споровъ о елкѣ, какъ языческо-христіанскомъ праздникѣ).

„Въ мірѣ скорбни будете".
(Іоан. XVI. 33).

Несказанно тронутъ, В. В. вашимъ вниманіемъ, пусть оно вылилось въ форму „горькой правды" мнѣ лично и вообще духовенству. „Лучше открытое обличеніе, чѣмъ скрытая нелюбовь" (Премудр. XXVII. 5). Но надо, чтобы обличеніе „было воистину правдой". „Судите судъ", внушалъ Господь І. Хр., но — „праведный" (Іоан. VII. 24). Какъ любитель правды, даже самой колючей, откровенно скажу, что въ вашемъ судѣ я не усматриваю правды. Вы пишете въ письмѣ, что замѣтка моя объ елкахъ „*понравилась*" вамъ „только въ *послѣднемъ* листочкѣ", а объ остальномъ говорите: „вы (т. е. я) просто не можете войти въ чужую, даже невинную, радость"... Тутъ печальное недоразумѣніе! на *послѣднемъ* листочкѣ я твержу, что елочное торжество надо праздновать по-нѣмецки: пѣсни, гимны, разсказы о Рождествѣ Христовомъ, подарки, побратимство. Ничего отдающаго русскимъ сквернымъ духомъ вносить на елку—дерево Христово — не слѣдуетъ. Если *это* Вамъ „нравится", то почему же все „остальное" поставили мнѣ въ упрекъ? Центръ тяжести *всей* моей замѣтки *не* въ томъ, что *всякое* веселіе — грѣхъ, а въ томъ, что противоестественно—назвавъ елку „боженькой", бросать этого „боженьку"—на полъ. „Прелестны", вы говорите, „нѣмецкіе обычаи около елки". И я тоже говорю. А мы, русскіе, искажаемъ эту „прелесть" тѣмъ, что прибавляемъ къ „нѣмецкому" религіозному, высокому — пошлыхъ „кузнецовъ", „Калину" и иное „под-

ходящее" къ пошлости: фиглярство, скоморошество [1]). И какъ еще прибавляемъ! Да,—*вплотную* къ религіозному отдѣлу придѣлываемъ свѣтскій [2]). Я вотъ и говорю, что „нелѣпо это, противно",—и при томъ всякой, а не „поповской" только—душѣ учинять такое попури, гдѣ бы вслѣдъ за поэтическимъ гимномъ: „Дѣва днесь" шелъ антипоэтическій—„Кузнецъ" или „Калина" [3]). Нѣтъ такой психологіи, которая полагала бы, что на бракѣ надо пѣть панихиду, что надо плясать около гроба. Такъ же безстыдно священный символъ, елку, счесть стимуломъ къ пляскѣ подъ „камаринскаго"!. Торговля, конечно честная торговля -вещь нужная: но почему торгашей бичемъ гналъ изъ храма кротчайшій Христосъ? Ясно почему. И я говорю:—около символа „звѣзды волхвовъ" прилично Богу въ землю поклониться, а не тащить подъ этотъ символъ неподходящее, а ужъ тѣмъ паче не позволять себѣ ничего кабацкаго, кабакомъ разящаго, какъ это у насъ бываетъ потому, должно быть, что когда-то на кабакахъ торчала ель... Значитъ ли, что я не дозволяю ничьей душѣ и ни на какомъ мѣстѣ—веселія?! Ничуть не бывало. Я „подбираю подолъ рясы (ваше выраженіе) и бѣгу" *только* отъ веселія неумѣстнаго, неблаговременнаго [4]). Вообще же — обѣими руками благо-

---

[1]) Тутъ—бѣдность сотворившаго духа, а тенденція сотворенія, тема ея — прекрасны. Не сравниться бѣлорусской пѣснѣ: „Цыня дудка моя" и пр. съ пѣснями Эллады; но и бѣлорусская пѣсня которая *утѣшила* печальный и тусклый народъ—стяжаетъ у историка такую же благодарность себѣ, какую Иліада — у Геродота. Иное солнце—иныя травы.—*В. Р—въ.*

[2]) Ахъ, вотъ въ чемъ бѣда. Ну, я правъ.—*В. Р—въ.*

[3]) Боже! Да нужно и *ногамъ* потанцовать, и *ладошамъ* похлопать — послѣ полу-года каторжнаго труда! А вѣдь не затанцуешь и не захлопаешь въ ладоши подъ *ваши* пѣснопѣнія... Дѣло въ томъ, что весь *вашъ* трудъ—не грязный, не черный: круглый годъ поете заунывнымъ голосомъ, безъ особеннаго унынія въ сердцѣ, и *потребности* въ шумномъ, яркомъ веселіи нѣтъ у духовенства. И оно, не нуждаясь, физіологически и психологически, само въ немъ —хочетъ отнять его и у народа.—*В. Р—въ.*

[4]) Да, вотъ какъ зайдетъ дѣло объ „умѣстномъ" и „благовременномъ", то и сведется все къ *панихидѣ*. На что „честенъ бракъ и ложе не скверно" (по Апостолу)—а около длинныхъ, торжественныхъ, сіяющихъ службъ поста—нельзя. Но за то можетъ

словляю [1]) всякое веселіе, всякую радость, которая, при благовременности, даетъ отдыхъ душѣ, возноситъ мысль къ высотѣ небесной, проливаетъ отраду въ сердце [2]). Люблю я музыку [3]), поэзію [4]), картины, природу, пластику. Хотѣлъ бы любить въ нихъ только радостное, бодрящее, веселое, праздничное. Но не могу пропустить мимо ушей и слезъ, и горя [5]) въ жизни и творчествѣ, если онѣ искренни, умѣстны, благовременны, а не суть—натужное нытье, фальшивыя завыванія.

Но почему же попы, какъ вы пишете, „*не дали міру ничего поэти-*

быть можно въ вифлеемскую радость опустить панихидку?—„Можно"! И въ самый *праздникъ Рождества Христова* мы нынѣ слушаемъ, на литургіи, вѣчно милое вашему слуху „со святыми упокой".

В. Р—въ.

[1]) Да, все „вообще": а какъ дойдетъ до *конкретнаго*—„тпрру"! Бываете-ли *вы* на серьезной драмѣ въ театрѣ? на оперѣ? Нигдѣ васъ не видно, гдѣ есть веселье человѣческое. И ей-ей, клянусь — вы человѣка не любите!.. Нѣтъ свидѣтельствъ этому, кромѣ словесныхъ. Но кто-же въявь и прямо скажетъ о себѣ: „не люблю человѣка"? Каждый пишетъ себѣ въ паспортъ хорошія примѣты: „бѣлокуръ, строенъ, привѣтливаго нрава".—*В.Р—въ.*

[2]) Ну, да: однимъ словомъ—„приди къ намъ и послушай наши пѣнія и чтенія"; а, въ тайнѣ: „полюбуйся на насъ", „помолись намъ".—*В. Р—въ.*

[3]) Вѣроятно фисъ-гармонію? Слыхалъ, семинаристы любятъ упражняться на ней, и все въ своихъ напѣвахъ, сводящихся къ панихидкѣ.—*В. Р—въ.*

[4]) Вѣроятно—Ломоносова? „Утреннее размышленіе о Божіемъ величіи".—*В. Р—въ.*

[5]) Да развѣ мы, свѣтскіе, ихъ пропускаемъ, не понимаемъ? Да развѣ у Шекспира, *котораго смотрѣть вы* не пойдете, напр. въ „Королѣ Лирѣ", въ „Гамлетѣ" мало горя? Какого еще вамъ надо? Развѣ черной печалью не покрывается сердце при чтеніи „Анны Карениной", „Рудина", „Дворянскаго гнѣзда", которые читать вы воздерживаетесь? Нѣтъ, все дѣло рѣшается цифрами: „по статистическимъ даннымъ короче всѣхъ оказывается — *жизнь врачей*, и *длиннѣе* всѣхъ — жизнь *духовныхъ*: отъ крайняго безпокойствія профессіи первыхъ и отъ спокойствія жизни вторыхъ". Вотъ это—*дѣло.*—*В. Р—въ.*

чески радостнаго, а дали лишь слезы и уныніе"?.—Какъ больно это слышать! Большой и очень большой вопросъ поднимаете вы въ подчеркнутыхъ мною строкахъ. О немъ надо много говорить. На страничкахъ короткаго письма всего не умѣстить. Можетъ быть, когда нибудь въ другое время и при другой обстановкѣ и удастся потолковать объ этихъ жгучихъ строкахъ: я чую въ нихъ—сжатую мысль вашу, не разъ вами печатно высказанную. Тутъ, несомнѣнно, implicite подразумѣвается вашъ взглядъ на *Церк.* законы о бракѣ и разводѣ, -на *Церковн.* богослуженіе (для стариковъ),—на то, что будто Церковь все около гробовъ, да могилъ, да мукъ здѣсь и тамъ, "превращающихъ жизнь „въ нравственный кисель (ваши слова)...

Но одно-два слова позвольте молвить. Итакъ — духовенство обвиняется въ томъ, что оно не поетъ чего-нибудь „міру угоднаго" [1]).

Чтобы судить [2]) о дѣятельности кого угодно, надо поставить

---

[1]) Да не „угоднаго", а физически и психологически нужнаго. Примите во вниманіе *усталость* міра. Выслушалъ я отъ одного, почти миссіонера, разсказъ: что въ Волынской губерніи „паробки и дѣвки—если когда случится, что къ хороводу подойдетъ скрипачъ—*стоятъ и кружатся часы, блѣдные, съ оловянными глазами—и все припопываютъ въ тактъ*". Я содрогнулся: вотъ до чего велика потребность въ усталомъ человѣкѣ (за недѣлю) хотя-бы въ мизерномъ весельи, хоть въ кое-чемъ!!! Наши алкоголь и пьянство, нашъ кабакъ — да, и онъ!—на 1/2 объясняется тѣмъ, что не допущена у насъ церковная музыка, не допущена *настоящая* храмовая живопись! Вездѣ мракъ, вездѣ слезы.—„Ну, тогда я пойду въ кабакъ". Да, ей-ей, не будь у меня оперы, романовъ, ухаживанья -и я запилъ-бы! А теперь ухаживанье и музыка и картины замѣняютъ мнѣ виноградное вино. Замѣчательно, что въ католическихъ странахъ, гдѣ есть „культъ Мадонны" — алкоголизма нѣтъ. Онъ—удѣлъ нашего Востока и всѣхъ унылыхъ, морализующихъ *протестантскихъ странъ* (Англія).—*В. Р—въ.*

[2]) Все ниже слѣдующее чрезвычайно важно. Это—исповѣданіе священника, торжественное, прекрасное, глубокое, наконецъ трогательное; ему мѣсто бы не здѣсь, гдѣ разбирается „ариѳметика цѣлыхъ чиселъ" христіанства, а въ томъ, что я называю мысленно „логариѳмами христіанства". Разумѣется, исповѣданіемъ этимъ снимается вся вина и всѣ обвиненія съ нашего добраго, народ-

предъ собою идеалъ этой дѣятельности. Духовенству, точнѣе — пастырству, идеалъ поставленъ Пастыреначальникомъ І. Христомъ и Его Апостолами. Вы, конечно, знаете, въ чемъ состоитъ этотъ идеалъ. Ограничимся пока этими рѣчами идеалоположниковъ: „шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ“ (Мѳ. XXVIII. 19). Это слова І. Христа. Вотъ слова Апостола: „гони правду (стремись къ ней), благочестіе, вѣру, любовь, кротость, подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры, молися за вѣчную жизнь, въ нюже и званъ былъ еси“ (Тимѳ. IV. 10 — 12 и VI — 12). „Нигдѣ не указано, чтобы идеаломъ священства было—создавать или давать міру тѣ радости, которыя закрывали бы для него Небо, заставляли бы веселящихся забывать, что жилище наше на Небѣ, а здѣсь—*странничество*, и то по *узкому* пути, сквозь *тѣсныя* врата. Не духовенство придумало—*крестоношеніе, распинаніе* плоти съ ея *похотью*. Не оно сочинило чудную по яркости притчу о богачѣ, свѣтло *веселившемся* во вся дни, и своими руками вырывшемъ себѣ *адскую* яму. Не духовенство сказало: „въ мірѣ *скорби* будете“ и „многими скорбями и нудностями *купуется* Царство Божіе“—эта вѣчная радость, жизнь, покой...

Вычеркните эти и другія множайшія строки и страницы, опредѣляющія цѣли и содержаніе жизни,—тогда явятся и другое *вѣро-и-нравоученіе*, другой *культъ*. Въ другомъ *тонѣ* запоетъ и заговоритъ и духовенство. А пока оно и *должно* дѣлать то, что въ лучшихъ своихъ представителяхъ дѣлало и дѣлаетъ. Не мертвечину и слезы одни оно дало міру, а то, что должно было дать и что—смогло дать: идеала вдругъ не достигнешь! Оно бросало въ мірское тѣсто ту закваску, которую приготовилъ Глава Церкви — Христосъ. Закваска, вы знаете, не въ мигъ все вскваситъ. Тѣсто-то не инертное вѣдь... „Но зачѣмъ же эта закваска не дастъ себя чувствовать *никому*, какъ нѣчто радостное“? Да развѣ это такъ? А вотъ завтра мы *съ радостію* запоемъ, вмѣстѣ съ Ан-

наго, милаго духовенства; но сердце читателя этихъ строкъ отягощается, дѣлается еще грустнѣе: ибо все отодвигается вдаль, тѣни—удлиняются, и оказывается, *какъ совершенная истина*, что въ XIX—XX вѣкѣ мы живемъ въ *начинающемся* разсвѣтѣ послѣ *19-ти вѣковъ ночи*. Священникъ говоритъ: „не *мы*, а—*Христосъ*“. Мнѣ остается отвѣтить: „*ты* это сказалъ“.—*В. Р—въ*.

гелами, „Славу Богу, даровавшему намъ миръ и благоволеніе“. Съ веселіемъ сердца будемъ почерпать и пить, и кропить себя и жилища свои св. водою богоявленскою. Съ несказаннымъ восторгомъ запоемъ поэтическія пѣсни „Пасхи красной“. Слезами радости обольемся, когда отеческая рука духовника сниметъ съ души нашей тяжкое бремя грѣха. Святая радость пройдетъ до глубочайшихъ изгибовъ души и тѣла, когда „уголь“ пречистыхъ Таинъ попалитъ терны грѣховъ... И мало ли случаевъ и поводовъ, когда „сердце и плоть наша радуются о Богѣ живомъ, душа наша горитъ радостію о Господѣ“. Есть радость и въ страданіяхъ [1]). Вспомните

---

[1]) Я не спорю. Но, Боже—это міру неподсильно... Въ Ѳиваидѣ, *въ концѣ концовъ ничего не дѣлая*, питаясь „плодами и травами“ (при хорошемъ-то климатѣ), можно было упиваться восторгами *метафизическими*; ну, а въ холодномъ климатѣ — есть только физика и физики. Нельзя-же не пожалѣть бѣднаго человѣка. Для духовенства, которое активно служитъ всѣ службы, которое знаетъ всѣ, *но молчаливо про себя произносимыя молитвы* (почему-то лучшія молитвы нашихъ богослуженій священникомъ произносятся молча, ихъ народъ не слышитъ *и не знаетъ*), наконецъ которое *это* имѣетъ своею спеціальностью,—для него можно быть насыщеннымъ этими богослужебными восторгами, высокою богослужебною поэзіею. Совершенно иначе дѣло представится отсюда, изъ міра, гдѣ мы только стоимъ и слушаемъ, и не все слушаемъ, и бездны не понимаемъ *изъ-за работы, изъ-за пота, изъ-за заботъ*. Священникъ пропѣлъ Рождественскія службы; и дожидается крещенскихъ, а тамъ—великопостныхъ, наконецъ — пасхальныхъ. Для него это сплошной кругъ торжества, художества, поэзіи. Ибо онъ только поетъ и служитъ. Но для пильщика, который согнувъ спину *монотонно* шесть дней слышитъ лязгъ стали о дерево, и въ сутки по 12-ти часовъ стоитъ въ одной и той-же *согнутой* позѣ—ей-ей эти пѣснопѣнія уже не скажутъ того-же!! Нѣтъ, дайте пощады! Хочу для пильщика рощъ, луговъ, цвѣтовъ, музыки. Буду яростенъ и скажу прямо, что пильщику нужны „языческія священныя рощи“, и смычекъ положенный на скрипку, и, наконецъ, дѣвушки, хороводомъ взявшіяся за руки,—и не меланхоличныя, а съ сочными губами, высокими бюстами, широкими бедрами. Нѣтъ, я тоже хочу быть жестокъ и закричу: „Шехеразаду! Шехеразаду сюда!“—*В. Р—въ.*

хотя ап. Павла. Мы—не Павлы, но призваны подражать ему: „подобны мнѣ бывайте, якоже азъ—Христу“... Даже и на могилѣ развѣ только—безнадежность[1]), слезы не отираемыя? А что Христосъ сказалъ: „нѣсть Богъ—Богъ мертвыхъ, но—живыхъ“ (Матѳ. XXII. 32). И апостолъ: „о умершихъ да не скорбите, якоже и прочіи, не имущіи упованія“ (1 Сол. IV, 13).

Не могу не сказать, что мы—отцы духовные—болимъ болями сердца о каждой душѣ болящей скорбію и озлобленіемъ. Боля, тщимся приложить пластырь къ ранѣ больнаго[2]). Не все міръ знаетъ, что мы дѣлаемъ для него. У насъ есть тайны съ духовными нашими дѣтьми, куда чужой глазъ глядѣть не можетъ. Конечно, тайны эти не такого свойства, о которыхъ повѣдалъ міру пресловутый Шиники или Хиникви. Не съ каѳедръ публичныхъ громить *личный* грѣхъ каждаго, не на виду у всѣхъ лечить и вонючую болячку иного сердца. Это только г-жа Лухманова хотѣла, чтобы о. Петровъ разрѣшилъ ей задачу, какая была у нея

---

[1]) Все это глубоко, и вводитъ въ самую метафизику христіанства. Объясняетъ, почему „Христосъ побѣдилъ міръ“. — Міръ *ужасно страдалъ* (первородный грѣхъ), и не было свѣта этому страданію, и не было дня изъ этой ночи. Христосъ сказалъ: „скорбные, гдѣ вы? *Я* съ вами, богъ вашъ; отнынѣ *въ самой скорби вы станете находить утѣшеніе, въ отчаяніи—радость*, въ слезахъ—*улыбку*“. Великая тайна совершилась, что слезы, скорбь, смерть не отмѣнились и не побѣдились конечно: но *какъ будто* побѣдились, ибо въ сердцѣ человѣческомъ совершилась такая діалектика, что черное и бѣлое какъ-бы смѣшалось и получилось сѣрое, уже не столь страшное.—*В. Р—въ*.

[2]) Ну, ну—а консисторіи? Когда-же *вы* противъ нихъ протестовали?! А вѣдь тамъ здорово мнутъ бока „болѣющимъ ранами“. И Амвросій Оптинскій противъ нихъ не возражалъ. И Серафимъ Саровскій о нихъ промолчалъ, и Ѳеофанъ-затворникъ. А не возражали и промолчали,—такъ, значитъ, были *въ согласіи*. И, значитъ, всѣ эти ваши слова, батюшка, хоть и чудныя, берущія за душу—однако суть благочестивая лирика, которою Церковь всегда изъ міра извлекала,—какъ ап. Петръ „неводомъ“—„хорошій уловъ рыбъ“. Нѣтъ, опять воскликну—„Шехеразаду! Шехеразаду“! Дайте намъ сады и дѣвъ, и рощи, и лѣса, и благоуханія цвѣтовъ, и манящую къ восторгамъ музыку!—*В. Р—въ*.

въ умѣ, чтобы онъ приложилъ свой перстъ къ ранѣ, которую она *не* показала ему. О. Петровъ „пѣлъ“ о другомъ и вотъ ему за это: „камнями тутъ попъ кидается, а не хлѣбомъ кормитъ“. Права-ли она? Правъ ли и тотъ, кто поставилъ бы предъ духовенствомъ *свою* цѣль, и сталъ бы осуждать его за то, что оно не даетъ міру того, чего міръ хочетъ, а „поетъ свои пѣсни“. Надо пѣть—и поетъ. Можетъ быть—плохо поетъ. Что-же? У него голосъ человѣческій. Ошибка—не фальшь злая. Ну, одинъ поетъ плохо, придетъ другой—споетъ лучше. Зачѣмъ — безнадежіе, къ чему такой пессимизмъ: „ничего попы не дадутъ: міръ уйдетъ отъ нихъ“ (ваши слова). Вѣрьте, досточтимый искатель истины, что въ *свое* время пошлетъ Богъ въ виноградникъ свой добрыхъ дѣлателей, а злыхъ, лѣнивыхъ, неумѣлыхъ—вонъ выгонитъ. Виноградникъ — это Церковь; не трупъ, а жизнь; ибо Главарь ея всегда живъ. Не уйти бы міру, отвернувшись отъ „поповъ“, и—отъ Бога поповъ, отъ того Бога, Который Самъ поставилъ поповъ въ чинѣ ихъ, далъ имъ извѣстную „овчарню“, съ наказомъ: „пасите стадо, взыщу съ васъ за каждую овцу“. Но „овцы-де васъ слушать не хотятъ“: весь міръ начинаетъ на „поповъ“ смотрѣть глазами руководителей худшихъ органовъ повременной печати, т. е. требуя, чтобы не было печатаемо „ничего отъ нихъ и ничего о нихъ“. Прискорбно! Но „чего ради ненавидитъ насъ міръ“? Прочтите въ отвѣтъ слова Христовы: Іоан. XV. 18—20. Это еще не доказательство нашей негодности, что міръ оборачиваетъ къ намъ спину. Самъ Творецъ не удержалъ твари своей въ раю, не могъ удержать въ подчиненіи Себѣ ангеловъ небесныхъ. Христосъ Господь не спасъ отъ погибели сына погибельнаго — Іуду. Мало-ли отцовъ и матерей, которые съ грустію безнадежною смотрятъ, какъ ихъ дѣтища бѣгутъ изъ-подъ роднаго ихъ крыла на „страну далечу“ и живутъ всячески „блудно“... Духъ нашъ свободенъ. Въ плоти нашей вотканъ законъ грѣховный, который и дѣетъ намъ всякія пакости. И видимъ доброе, да силъ нѣтъ сдѣлать его... И мы, попы, только съ болью сердца смотримъ, какъ міръ,—слава Богу, не весь,—читаетъ намъ отходную, какъ будто заживо сгнившимъ прокаженнымъ. „Не вмѣни имъ, Боже, грѣха сего“! Вотъ нашъ отвѣтъ,—нашимъ погребателямъ.

Но пора ставить точку. Ужъ занялась почти предпраздничная заря. Пора полностію вступить въ поэзію праздника...

Ради Христа родшагося простите меня за эти наскоро, неладно

набросанныя строки. Да пошлетъ вамъ возлюбленный міромъ Господь всяческія блага, да вложитъ Онъ въ вашу душу хотя маленькія искры снисходительности къ намъ презрѣннымъ.

Съ полнымъ почтеніемъ Протоіерей *Н. Дроздовъ.*

Полночь 24—23 Дек. (1904 г.)

Строки эти, въ ночь передъ Рождествомъ написавшіеся, я считаю лучшимъ, что было сказано и написано пастыремъ о пастырствѣ. Это—апологія, въ столь благородныхъ формахъ выраженная, какихъ (позволю себѣ сказать) напрасно ждало христіанство, Церковь, духовенство; ждало и—*не имѣло.* Я посѣтилъ замѣчательнаго священника, съ которымъ до этого его отвѣта перекинулся грубоватымъ письмомъ (изъ него наиболѣе рѣзкіе упреки приведены имъ при отвѣтѣ). Священникъ мнѣ показался угрюмъ и печаленъ: да и есть отчего—постоянный больной въ дому, сынъ-гимназистъ VI класса, который мнѣ показался, по росту и несформированности, мальчикомъ III класса. Страдаетъ неяснымъ туберкулезомъ, гнойники котораго, то здѣсь то тамъ проявляющіеся, удаляются періодически оперативнымъ путемъ! Мракъ повисъ надъ домомъ, какой мракъ!! Мальчикъ, какъ и всѣ страдающіе—съ прекраснѣйшимъ одухотвореннымъ лицомъ. Кто же запѣлъ бы около этого пѣсни, потребовалъ „трепака"?—Только извергъ, каковымъ и могъ и долженъ былъ я показаться *этому* священнику и отцу съ моими требованіями *отъ Церкви и духовенства*—радостныхъ, свѣтлыхъ, бѣлыхъ, наконецъ *веселыхъ* мотивовъ и образовъ!! Такъ были неумѣстны мои *запросы* ему, грубые *упреки* ему. Вполнѣ поразительно, что онъ отвѣтилъ въ письмѣ еще такъ мягко. Онъ лично, со своею скорбью, именно *при неясности ея конечнаго исхода* (болѣзнь всетаки не окончательно опредѣлена, можетъ быть и не туберкулезъ, „что-то", „худосочіе", „позднее развитіе") долженъ былъ

весь примкнуть къ длиннымъ тягучимъ напѣвамъ Церкви—къ ея загробнымъ обѣщаніямъ, къ ея сверхъ естественнымъ утѣшеніямъ! Словомъ—къ Голгоѳѣ и всѣмъ могильнымъ пеленамъ около нея. Такъ. И міръ съ почтеніемъ и благоговѣніемъ долженъ склонить колѣна и окружить незамутимою тишиною этотъ домъ (очень многосемейный), семью, всю улицу. Такъ. Непремѣнно. Но и пахарь есть, есть кузнецъ. Отгородившись толстой-толстой стѣной, дабы покоя скорбнаго не смутить,—онъ какъ *усталый* въ правѣ предаться всяческому „веселью", скрипкѣ, „трепаку", погулять и на „странѣ далекой" (упреки священника) и даже „блудно" погулять (его же упреки) безъ малѣйшей мысли о своемъ „окаянствѣ". Иногда думается, что есть двѣ религіи и есть и должны быть два *культа,* двѣ категоріи богослуженій: *черная* или *темная*—какъ отвѣтъ на скорбь и метафизику скорби, и свѣтлая, бѣлая—какъ продолженіе, украшеніе и дальнѣйшее развитіе тоже *врожденныхъ* намъ радостей, восторговъ, упоеній, счастья. Первая уже есть: это—наша Церковь. О второй Церкви—даже *мысли ни у кого нѣтъ.* Для отрока, для юноши, для мужа-воина, для дѣвушки-невѣсты что̀ мы имѣемъ, кромѣ этихъ же вѣчно панихидныхъ припѣвовъ, кромѣ иконъ съ желто-пергаментными ликами старцевъ? Ничего—кромѣ *испуга, пугающаго*! А нужно бы вѣдь *имъ* и *въ ихъ особенномъ сложеніи и для ихъ особливаго развитія*—тоже культуру, идеалъ, украшеніе, тайный зовъ!! Да, позовите (я требую, это моя мысль) и „похоти", спеціально юношескія, дѣвичьи; дайте имъ ростъ, свободу; дайте поливки на цвѣтокъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ и была для этого „Пѣснь пѣсней", начинающаяся строкою: „Да лобзаетъ онъ меня лобзаніемъ устъ своихъ",—и о которой древніе учителя еврейства сказали: „все сотвореніе міра не стоитъ *Пѣсни пѣсней*" (или:

„сотворенія“, „написанія“, „вдохновенія“ *Пѣсни пѣсней*). Что же у насъ есть подобнаго? Ничего!! Въ католицизмѣ еще есть „кое-что“ въ этомъ родѣ,—„культъ Мадонны“: на Востокѣ, у насъ—совершенно и окончательно нѣтъ ничего!! Поэтому упреки мои,—не этому прекраснѣйшему священнику,—но духовенству вообще и даже принципіально всей Церкви, правы и неопровержимы: она осталась холодна и безучастна къ $^{1}/_{10}$, даже къ $^{9}/_{10}$ жизни, къ труду, семейнымъ радостямъ, юношескимъ грезамъ о подвигѣ, о героизмѣ, о любви, ко всему вообще бодрому, свѣжему, смѣю сказать — лучшему и невинному! Да и не только осталась безучастна, а и содѣлалась часто, почти всегда, враждебна къ этому и злобна; и—развращающа! Ибо оттолкнутое ушло въ „блудъ“, и закутило, и завертѣлось! И не поправятъ этого никакіе вздохи, никакія поэтическія страницы, никакія святыя „исповѣданія души“...

1905 г.

Любите-ли вы человѣка?

На мучительный и роковой этотъ вопросъ, конечно нельзя получить отвѣта, прочитавъ, какъ одно-два и даже какъ десять-двадцать духовныхъ лицъ, особенно въ патетическую минуту своего существованія, какая выпадаетъ въ жизни всякаго,—„расписались въ чувствахъ“. Въ *сословіи* огромномъ можетъ-ли не быть *добрыхъ* и даже *изумительно добрыхъ* людей? Самъ я встрѣчалъ въ жизни моей священниковъ, діаконовъ и монаховъ („старцевъ“ я не видалъ) изумительной благости—и свидѣтельствую объ этомъ. Но не даромъ къ статьѣ, посвященной памяти Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія, впрочемъ не ходившаго, по „Историческому описанію Оптиной Пустыни“, 20 лѣтъ къ цер-

ковной службѣ и не занимавшагося вовсе догматическою стороною христіанства, я взялъ въ эпиграфъ эти стихи изъ Пушкина:

Изъ *темнаго лѣса* на встрѣчу ему
Идетъ *вдохновенный* (кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,)
Завѣтовъ *грядущаго вѣстникъ*.
Въ мольбахъ (и гаданьяхъ) проведшій весь вѣкъ.

Если выбросить изъ стиховъ этихъ поставленное въ скобкахъ, какъ умершую руину древности, — то останется *обстановка* древняго мудреца-предсказателя, которая донеслась до XIX в. и *дѣйствуетъ* въ этомъ XIX-мъ вѣкѣ также, какъ и въ IX-мъ. *Природа* извѣчно навѣваетъ на человѣка *доброту*, *благость*, *прощеніе*, *миръ*. Она-то и есть подлинный и неистощимый цѣлебный „Лурдъ“ человѣчества. Перенесенный въ Москву или Петербургъ и посаженный за журналистику, тотъ-же „духовный человѣкъ“ становится арх. Никономъ (см. „Около стѣны церковной“, въ концѣ I-го тома, статью „Два стана“) или Аскоченскимъ. Итакъ, если мы станемъ разсматривать *лица* и *ряды лицъ*, прибѣгнемъ къ этой бѣдной inductio per enumerationem simplicem, методу глупыхъ и невѣжественныхъ, — мы никакого *вывода*, никакого *заключенія* не получимъ на мучительный вопросъ: „какъ они любятъ міръ“? Нужно отдѣлить *санъ* отъ лица: изучать, *благъ*-ли санъ, оставляя совершенно въ сторонѣ лицо. И вотъ при этой-то постановкѣ вопроса, не патетической, а мудрой,—мы и получаемъ отвѣтъ о *равнодушіи*, *бездушіи*, *безстрадальчествѣ* и *безсостраданіи*. А люди,—они добры! Они—изъ лѣса, изъ поля; отъ солнца, луны „и всего воинства ихъ“ (выраженіе библейскихъ пророковъ о звѣздахъ, „сопутствующихъ“ ведущему ихъ Солнцу и ведущей

ихъ Лунѣ); въ концѣ концовъ священники, монахи—изъ теплаго гнѣздышка отца-матери, братьевъ-сестеръ, дяденекъ-тетенекъ и тоже „всего воинства ихъ“ (весь кругъ родства). Но *санъ* и *должность? идеалъ* и *долгъ?* Конечно—онъ говоритъ законами, въ законахъ, въ учрежденіяхъ, въ распоряженіяхъ, которые идутъ уже не отъ *лица, лѣса* и *поля,* а отъ „истолкованной буквы“, „переданной традиціи“, установленнаго взгляда, мѣрила и вѣса. И на патетическое, берущее за сердце письмо добраго священника *Н. Дроздова* я могу отвѣтить только письмомъ-же, которое можетъ быть кого-нибудь тоже возьметъ за сердце:

„Многоуважаемый Г. Розановъ! Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: разрѣшите печатно — согласенъ ли съ духомъ человѣколюбія слѣдующій фактъ, которому, какъ думается мнѣ, навѣрное имя легіонъ. Въ с. Т—но Царскосельскаго уѣзда жила дѣвица, круглая сирота, Аграфена Калинина, 24-хъ лѣтъ. Чтобы снискать себѣ пропитаніе, а такъ же и своему малолѣтнему племяннику (тоже сиротѣ), она служила въ разныхъ домахъ „находомъ“ т. е. гдѣ полы вымоетъ, гдѣ воду принесетъ, гдѣ стирку справитъ и т. д. Сынъ мѣстнаго лавочника, обѣщавъ на ней жениться, соблазнилъ ее и... ребенокъ. Отецъ ребенка отказался принять участіе [1]) въ воспитаніи своего „плода любви“, и

---

[1]) Если-бы не произошло „благого вмѣшательства“ людей духовнаго чина въ бракъ, — пришедшихъ сюда „благословить, очистить и благоустроить“ и вообще „спасти грѣшные человѣцы“, то *бракъ*, не *замѣщаясь вѣнчаніемъ*, и *состоялъ-бы* въ *сожитіи* + *блудорожденіи*. Т. е. и общество человѣческое, общество языческое и натуральное, никакъ не допустило-бы, чтобы отецъ ребенка сказалъ о немъ: „*мой*, но какъ безъ вѣнчанія -то *и не мой*! нѣтъ мнѣ до него нужды!“ и о дѣвушкѣ соблазненной:—„не знаю, *кто такая*! Со многими имѣлъ дѣла, — *не упомню*“. Выросъ-бы, изъ натуральнаго общества, натуральный законъ — дающій *права* натурѣ, *священство* натуральнымъ явленіямъ („Солнце, Луна и все воинство ихъ“, созерцаемые, возлюбленные, чуть-чуть поклоняе-

Калинина, въ виду своего бѣдственнаго положенія, по совѣту сочувствующихъ людей [1]), обратилась въ Окружной Судъ, который и присудилъ ей съ „виновника плода“ по 3 р. въ мѣсяцъ на воспитаніе ребенка [2]).

ямы — какъ *первая* Тварь Божія, какъ идолъ Вселенной). И дѣвушка не погибла-бы, ребенокъ не погибъ-бы. Но пришли „благіе человѣки“, съ широкими рукавами, высокими камилавками,—и вотъ читайте дальше, какъ устроили.—*В. Р—въ*

[1]) А, простые-то люди, что „изъ лѣсовъ и полей“, „отъ натуры“ — сочувствуютъ: гдѣ-же около нихъ „сочувствующій“ священникъ????!—*В. Р—въ.*

[2]) Очень мало, но все же что-нибудь! *Свѣтскій* судъ, гражданскій, „отъ натуры“ и „естественнаго устроенія ума и сердца“ человѣческаго, не сказалъ: „не знаю“, „отойдите прочь“, „скверна“: онъ вмѣшался, подумалъ, потрудился и присудилъ 36 р. въ годъ, все-же сумму, равную квартирному налогу въ столицѣ съ очень богатой квартиры!! Отецъ ребенка вѣрно кисло поморщился, да даже и поежился—ибо это на много, очень много лѣтъ. Но что-же „Духовный Судъ“? Судъ Епископа епархіальнаго? Сунода? Церкви? — Молчаніе. „Не вѣмы“. „Безгласны“. Можетъ быть что-нибудь о подобныхъ случаяхъ есть въ проповѣдяхъ, говоримыхъ съ амвона? Вѣдь случай-то — частый, вѣдь это — нравы, обычай? Вѣдь страдаютъ слишкомъ часто дѣвушки въ возрастѣ 24-хъ лѣтъ, и убиваются ихъ дѣти? — Молчаніе. Можетъ быть есть что-нибудь въ духовной литературѣ?—Ничего. Впрочемъ, что-же я... есть! „Въ древности такихъ дѣвицъ побивали камнями. Но какъ мы уже живемъ во-спасеніи и подзаконное существованіе, по Апостолу, окончилось съ пролитіемъ за насъ крови Спасителемъ, то, по великому милосердію нашему, мы дѣвицу нынѣ прощаемъ и отпускаемъ на всѣ четыре стороны, и со чадомъ конечно не безъ эпитеміи во искупленіе грѣховъ ея“ (см. дальше письмо). — „А молодого человѣка, сдѣлавшаго ей ребенка?“—„Молодого человѣка? какого?“—„Да отца ребенка?“—„Отца ребенка?“ (переминаются съ ноги на ногу).—„Ну?“—„Что *ну*?“—„Съ отцомъ-то ребенка какъ-же? Епитимью и ему?“—„Кому?“—„Да отцу-то ребенка“?—„Какому?“—„Да отъ котораго дѣвушка родила.“—„Какъ родила“? —„Ахъ, батюшки: да вѣдь мать ребенка вы наказали *епитимьею*, то вѣдь не одна-же она родила, а съ мущиною: и вотъ что этому-то муж-

„Пока шелъ судъ, да ряда, ребенокъ умеръ, а Калинина вышла замужъ за вдовца, потерявшаго недавно жену и оставшагося съ грудным младенцемъ [1]).

чинѣ?“—„Какому мужчинѣ“?—„Да отцу ребенка“.—„Отцу ребенка.. Не знаемъ. Не значится у насъ. Ни о чемъ не просить. Чего ему? Не награды-же. Побаловался и пусть идетъ. По пре изобыточествующей милости мы ему прощаемъ. И какъ ей сказали: *на всѣ четыре стороны, матушка,* и ему повторяемъ: *на всѣ четыре стороны, батюшка!* Ибо нынѣ равенство и Апостолъ сказалъ: *во Христѣ Іисусѣ нѣсть ни рабъ, ни свободь, ни мужескъ полъ, ни женскъ, но всѣ—одно*“.—„Да вѣдь ему то удовольствіе, а ей –безъ малаго могила: скорбь и мука на всю жизнь?“—„Не знаемъ... Текстъ вѣренъ, и мы—по тексту. А больше ничего не знаемъ“...—*В. Р—въ.*

[1]) Онъ—спрота, она—сирота: *пожалѣли* другъ друга—и *оперлись* другъ на друга: *нравственнѣйшая* форма брака! Поразительно, что *духовнымъ закономъ* этотъ *нравственнѣйшій* типъ брака, проистекающаго изъ состраданія и взаимной поддержки, вовсе запрещенъ для юныхъ семинаристовъ; и по гнусно-претенціозному, фарисейско-буквенному подражанію Ветхому Завѣту, по которому „жена священника должна быть цѣла (дѣва) и чиста непорочна“. Но тамъ это было *частью* органически-связаннаго культа физической цѣлости: священникъ долженъ быть *безъ болѣзни* и уродства, дрова на жертвенникѣ—безъ *загнившихъ сучечковъ*, жертвенное животное — абсолютно *здорово*; вообще *весь* ветхозавѣтный культъ былъ культомъ *здоровья* и *силы*, ибо въ сердцевинѣ своей былъ культомъ *жизни, біологіи, растительности, роста.* Но у насъ у христіанъ, поклоняющихся Богу не „въ силѣ и здоровьѣ“, а „въ *духѣ* и *истинѣ*“—какое-же имѣетъ значеніе забредшая дробинка, затерянный сучечекъ цѣлаго „Древа жизни“: „жена или жены священника (ибо они большею частью бывали дву-женны и много-женны), должны быть юны, здоровы абсолютно, не уродливы и не порочны (физически цѣлы), дѣвы?“ — Да вѣдь и по Апостолу, и фанатичному, страстному ученію всѣхъ богослововъ—„*обрядовый* законъ Моисея палъ“, „*ритуальныя, житейскія, бытовыя*, напр., брачныя правила Ветхаго Завѣта для насъ *не обязательны*?“ Ну, во главѣ всѣхъ „обрядовыхъ законовъ“ Ветхозавѣтнаго культа долженъ-бы пасть и этотъ, о женитьбѣ христіанскихъ священниковъ: пусть избираютъ женъ по „духу и истинѣ“ (Новый Завѣтъ), какъ

„Въ минувшемъ Великомъ посту она была на исповѣди и пріобщалась Св. Таинъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ ея замужества, она получаетъ приглашеніе къ мѣстному о. Настоятелю,

---

вотъ въ этомъ сладчайшемъ случаѣ — сироты вдовца съ сиротою-покинутою дѣвицей. Но на это страдальчески-правое указаніе въ отвѣтъ выростаетъ изъ насъ верстовой фарисей: „какъ?! Что бы въ Новомъ-то Завѣтѣ, чтобы мы-то, ново-завѣтные священники, ноляли женъ себѣ съ какою-либо *убавкою* противъ тѣхъ, какихъ брали ветхозавѣтные священники?!! Да вѣдь Ветхій-то Завѣтъ поменьше ростомъ, чѣмъ Новый, и ветхозавѣтные священники куда ниже нашихъ благолѣпныхъ семинаристовъ: сіи послѣдніе должны брать невѣстъ не по нижайшей оцѣнкѣ, чѣмъ тѣ. Тамъ—дѣвы, дѣвственницы: и у насъ пусть такожде",—да еще и съ реестромъ салопцевъ, платьевъ шелковыхъ и шерстяныхъ, и ложекъ столовыхъ, десертныхъ и чайныхъ, и всего приборца, и тестинаго домика (обыкновенно зять-семинаристъ поступаетъ въ домъ тестя, уступающаго ему мѣсто, и завладѣваетъ этимъ домомъ; обычная форма новозавѣтнаго брака). Да и не считать приданаго нельзя: ибо бракъ новозавѣтный полагается безъ „грѣховной" любви, безъ грѣховнаго воззрѣнія на „лѣпоту лица", да, конечно,—и безъ воззрѣнія на „уродство или не уродство" (не понятныя для насъ части ветхозавѣтнаго культа): лишь-бы была 1) дѣва и 2) богата. И гонятся семинаристы на такой бракъ, гонятся—стадомъ, захватывая торопливо, по окончаніи {семинаріи, свободныя ваканціи священническихъ и діаконскихъ мѣстъ. Тестюшкѣ еще сорокоустъ не минулъ: а доченька его, по архіерейскому распоряженію, уже свадьбу играетъ. И въ дому слезы и смѣхъ, вздохи и танцы, трауръ и невѣстинъ уборъ, перемѣшиваются позорнѣйшимъ образомъ, жесточайшею и грязною, наглою картиною!! То-то „меньшій въ царствѣ новозавѣтномъ больше большаго изъ рожденныхъ женами въ царствѣ ветхозавѣтномъ". Ну, что объ этомъ скажетъ намъ священникъ Н. Дроздовъ, епископы Никонъ и Антоній (волынскій)? Увѣренъ, впрочемъ — найдутся много сказать, на то и гомелетикѣ учились, — и ни въ какомъ случаѣ не закроютъ ладонями лица. „Намъ-ли совѣститься? Мы всегда правы". Это въ Ветхомъ Завѣтѣ былъ „духъ сокрушенъ и сердце уничиженно". Мы съ румянцемъ, здоровы, не покашливаемъ, не покрякиваемъ. И гудимъ октавкой или баскомъ—„проходите къ закусочкѣ".—*В. Р—въ.*

который заявляетъ, что она по рѣшенію СПБ. Окр. Суда [1]) отлучается на 4 года отъ Св. Причастія". Баба она неграмотная, одинъ младенецъ на рукахъ (пріемышъ) а другой во чревѣ: и это рѣшеніе Окружного Суда поразило ее какъ громомъ. Какъ же она, въ ея мысли, *„Богомъ отвергнутая*—готовится матерью быть".

„Народъ темный, не могущій отличить дѣлъ человѣческихъ отъ дѣлъ Божескихъ, но въ Бога искренно вѣрующій.

„Хочетъ хлопотать о снятіи съ нея запрещенія и достала отъ священника бумагу.

Копія.

„По указу Е. И. В.—Изъ 1 Экспедиціи С.-Петербургской Духовной Консисторіи, отъ 28-го Іюня 1902 года за № 4267, на имя помощника Благочиннаго, свящ. Конст. Самсоньевскаго,—на основаніи отношенія Окружнаго Суда о преданіи отлученія отъ Св. Причастія на 4 года крестьянки слободы Т — но Агрипины Никифоровой Калитиной. *„Свящ. А. Западаловъ".*

По моему разумѣнію, это распоряженіе далеко отъ словъ Христа, говорившаго: „блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя". А эта удрученная горемъ молодая женщина, два года тому назадъ въ грѣхъ впавшая, за который и болѣла и скорбѣла [2]), стыдъ дѣвическій приняла и за ребенка

---

[1]) Конечно, тутъ Окружной свѣтскій судъ чисто формально примѣнилъ требованіе духовныхъ законовъ, примѣнилъ *исполнительно*, а не *распорядительно*. Это по правилу Св. Василія Великаго „прелюбодѣица или прелюбодѣй четыре года да не причастится". Это, впрочемъ, касательно паденія свѣтскихъ: если-же инокъ (см. „Чинъ исповѣданія иноковъ") соблудитъ даже со скотиною—то о таковомъ... умолчено въ „Правилахъ", а въ „Чинѣ исповѣданія" указано—„отпустить грѣхъ". Себѣ—соломки, а чужака—на рогатину вотъ *дѣла* духовнаго чина, сана, Церкви.—*В. Р—въ.*

[2]) До чего трогательно! до чего трогателенъ весь тонъ письма! Нѣтъ, хочу воскликнуть: „не надо намъ *васъ*, и вашихъ *совѣтовъ, руководства*! И *очищеній* вашихъ, и *прощеній*! Не нуждаемся! не нуждаемся, отойдите!! Останемся *одни, совѣстью одни*: съ грѣхомъ, скорбью, съ молитвою Богу о помощи и прощеніи, но молитвою—на Востокъ или Западъ обращенною, съ взоромъ въ облака мутныя (по нашему климату) упертыя. И Господь услышитъ насъ, Господь—Ко-

на судъ вышла—она истинно „малая сія“, да и видъ у нея какъ у младенца.

Помогите, многоуважаемый Вас. Васильевичъ (простите, если ошибаюсь въ отчествѣ) хотя постановкой въ печати этого вопроса.

Учит. Т—ской школы *М. Н. Знаменскій* [1]).

торый „въ бурѣ и тихомъ вѣтрѣ“, коего подножіе Земля, а престолъ—Небо, Который вездѣ и всякую скорбную душу услышитъ.

В. Р—въ.

[1]) Удивительно. И вступился какой-то „сосѣдъ“, когда о винѣ ея очевидно донесъ „по начальству“ какой-нибудь ревнитель церковнаго закона, настоятель мѣстной церкви или благочинный.

В. Р—въ.

ВЫНОСЪ КУМИРОВЪ.

А пророки ея все замазываютъ грязью, видятъ пустое и предсказываютъ имъ ложное, говоря: „такъ говоритъ Господь Богъ“,—тогда какъ не говоритъ Господь.

Іезекіиль, XXII, 28.

И повелѣлъ царь Хелкію Первосвященнику вынести изъ Храма Господня всѣ вещи, сдѣланныя для Ваала и для Астарты, и отставилъ жрецовъ ихъ. И вынесъ Астарту изъ Дома Господня за Іерусалимъ, къ потоку Кедрону... и разрушилъ домы блудилищные, стоявшіе при Храмѣ, въ которыхъ женщины ткали одежды Астартѣ...

IV кн. Царствъ, XXIII.

I.

Исторія католичества едва-ли не занимаетъ собою до половины европейскую исторію. То сочувствіемъ, то борьбой и противодѣйствіемъ, она входитъ въ исторію государствъ, наукъ, искусства, даже войнъ — какъ завоеваніе Англіи норманами. Католицизмъ сплелся со всѣмъ. Только въ немъ, въ силу особыхъ историческихъ обстоятельствъ, мы наблюдаемъ христіанство *свободнымъ*, тогда какъ во всѣхъ другихъ своихъ развѣтвленіяхъ, во всѣхъ остальныхъ странахъ оно является связаннымъ, обусловленнымъ, частью внутренно не смѣлымъ, придерживаемымъ за края одеждъ. Одинъ папа и его слуги говорятъ открыто свою волю, переча государствамъ, обществу, иногда игнорируя науку. До

какой степени идеей свободы для себя, для „своихъ“ проникнутъ католицизмъ, можно видѣть изъ того, что священника католическаго не можетъ лишить его сана даже папа: ставъ еретикомъ, ренегатомъ, онъ не теряетъ „благодатныхъ даровъ“ однажды полученнаго священства. Это—царь безъ развѣнчанія, вѣчный. Уже у мальчиковъ-семинаристовъ на макушкѣ головы пробривается маленькій, съ величину монеты, кружокъ; и я не безъ удивленія прочиталъ въ католическомъ катехизисѣ, что это—очищенное отъ волосъ *мѣсто для тіары-короны*, общее отличіе и обозначеніе всего католическаго духовенства. На этой неразрушимой царственности его членовъ основано замѣчательное явленіе: на Западѣ образовалось какое-то общество людей, служащихъ „черную обѣдню“ („черную мессу“)... бѣсу, что-ли, а всего вѣрнѣе какому-нибудь шуту и въ какомъ-нибудь шутовствѣ. Ее какъ „мессу“ можетъ только служить священникъ: и это дѣлаетъ перебѣжчикъ, „продавшій душу дьяволу“. И администрація католическая объ этомъ знаетъ... но не чувствуетъ себя въ силахъ отнять у него священство. „Онъ удесятеренно отвѣтитъ за это на томъ свѣтѣ, онъ будетъ страшно судимъ какъ священникъ; но какъ *именно священникъ*, а не частный человѣкъ: благодати священства онъ не можетъ быть лишенъ ни въ здѣшнемъ мірѣ, ни въ загробномъ“. Это—послѣдовательность. Католическая исторія сильна, ярка и послѣдовательна. Тѣмъ интереснѣе она для наблюденія. Чтобы постигнуть поэзію, надо изучать поэта на волѣ, а не то чтобы слушать его темничныя „воздыханія“, не перечитывать главы изъ „I miei prisoni“ (Сильвіо Пеллико)... Такія-то „свободныя пѣсни“ христіанства мы и слушаемъ на Западѣ, въ странахъ лиловыхъ епископовъ и красныхъ кардиналовъ.

Года три назадъ я пересѣкалъ Рижскій заливъ. Пароходъ „Императоръ Николай II“ проходилъ, по самой серединѣ залива, мимо крошечнаго островка Руно, чуть-чуть виднѣвшагося купами деревъ на водяномъ горизонтѣ. Среди пассажировъ слышался говоръ о немъ:

— Онъ населенъ почти одичавшимъ населеніемъ, латышами ли, или нѣмцами. Они ловятъ рыбу и занимаются огородничествомъ. Только разъ въ годъ, въ самую стужу зимы, они пріѣзжаютъ по льду въ Ригу, и, закупивъ что нужно на цѣлый годъ—возвращаются. Такъ какъ островъ малъ и бѣденъ, то пароходы никогда туда не заходятъ, а владѣльцы острова не имѣютъ ничего кромѣ рыбачьихъ лодокъ, на которыхъ нельзя отважиться въ море. Поэтому никто ихъ никогда не видитъ, не посѣщаетъ, и они сами никого не видятъ, кромѣ Риги и рижанъ единственный разъ въ годъ.

Удивленный такимъ страннымъ существованіемъ, я спросилъ:

— Ну, однако-же тамъ есть исправникъ?

Я не умѣлъ сразу назвать другой должности, и назвалъ первую, попавшую на умъ, какъ бы защищаясь отъ идеи: „городъ безъ начальника“, „страна безъ начальства“.

— Ну, какой же тамъ исправникъ, когда это поселокъ? Нѣтъ никого. Подати они привозятъ сами, и исправно, когда бываютъ въ Ригѣ. Съ материка, не туземецъ тамъ живетъ одинъ только пасторъ; живетъ по самоотверженной любви къ Богу и изъ жалости къ человѣку. Но и ему иногда приходится плохо.

— Плохо?!.

— Жители острова совершенно задичали, безчинны, самоуправны, и не понимаютъ ни того, что такое ре-

лигія, ни что такое господинъ пасторъ, herr Pastor. И былъ однажды случай, что они его за что-то протащили подъ лодкой.

Я не понялъ. Тогда мнѣ объяснили ѣхавшіе на пароходѣ нѣмцы, что протаскиваніе подъ лодкой есть единственное практикующееся на островѣ,—да и вообще въ этихъ приморскихъ мѣстностяхъ, гдѣ подичѣе,—наказаніе. Оно состоитъ въ томъ, что не нравящагося или провинившагося человѣка, какого у насъ выслали бы изъ деревни по мірскому приговору, эти латыши берутъ на лодку, недалеко отъѣзжаютъ отъ берега, спускаютъ съ борта въ воду, захватываютъ съ другого борта за ноги и, погружая въ воду—протаскиваютъ подъ днищемъ. Наказываемый захлебывается, и вообще терпитъ много непріятнаго, но ничего опаснаго. Операція длится минуты полторы, и онъ въ полной цѣлости обратно отвозится на берегъ. Такую шутку продѣлали на островѣ Руно его жители со своимъ духовнымъ отцомъ.

Я не могъ не почувствовать впечатлѣнія отъ разсказа, и все ежился, представляя себѣ, какъ это такъ тащатъ человѣка въ полномъ костюмѣ подъ днищемъ лодки. Затѣмъ я началъ думать, чѣмъ бы это могъ пасторъ раздражить такихъ Робинзоновъ, едва-ли свирѣпыхъ, ибо и самое наказаніе ихъ болѣе похоже на школьную забаву; и остановился, наконецъ, на мысли, что вѣрно онъ былъ добрый, но нѣсколько педантичный, заботливый и фанатичный лютеранинъ-піетистъ. Ничего въ немъ худого не было, но вся жизнь рыбаковъ ужасно не согласовалась, не соотвѣтствовала формами и духомъ своимъ его отвлеченному и вмѣстѣ упорному проповѣдничеству. И они съ чувствомъ надоѣдливости, какъ великовозрастные шалуны, выкупали его. Вышла

краткая реплика, въ отвѣтъ на годъ упорнаго, возвышеннаго и одушевленнаго краснорѣчія.

Потомъ я въ книгѣ прочелъ о фактахъ въ Пруссіи, въ сущности не такъ далекихъ отъ происшествія на Руно:

„Упадокъ церковной жизни необыкновенно великъ", писалъ въ концѣ минувшаго вѣка берлинскій суперъ-интендентъ въ пастырскомъ посланіи къ подчиненному ему духовенству. „Множество церквей посѣщается лишь немногими, и большинство населенія заботится исключительно о временномъ и земномъ. Молитва въ домахъ замолкла. Слово Божіе не читается и еще менѣе исполняется. Число некрещенныхъ дѣтей и не вѣнчанныхъ браковъ до ужаса велико. Благочестіе и уваженіе къ божественному и человѣческому порядку сокрушаются, и суды Божіи не принимаются въ соображеніе и не понимаются. Теперь вопросъ не о *богословскихъ размышленіяхъ*, а о томъ, *есть* ли Богъ? *есть* ли у человѣка безсмертная душа и *предстоитъ* ли Вѣчный Судъ?"

Но эта жалоба очень обща, и даетъ скорѣй религіозную статистику, чѣмъ религіозную картину. Но вотъ конкретный фактъ, въ которомъ мы можемъ разсмотрѣть почти психологію дѣла. Онъ представляетъ вырѣзку изъ одной провинціальной нѣмецкой газетки:

„Нѣсколько сотенъ рабочихъ, работающихъ на одномъ заводѣ въ Вестфаліи и живущихъ съ своими семьями въ одномъ поселеніи, *никогда не ходятъ въ церкви* и, пользуясь правами, предоставленными въ Германіи гражданскимъ бракамъ, *не вѣнчаются и не крестятъ своихъ дѣтей*. Однажды пришелъ къ нимъ мѣстный пасторъ. Собравшись, они выслушали его увѣщанія, и одинъ старикъ отъ лица всѣхъ отвѣчалъ ему: „Господинъ пасторъ, мы не обижаемся на васъ за ваши слова: это ваше призваніе и вы говорите въ своемъ родѣ хорошо. Но мы покорнѣйше просимъ васъ не безпокоиться заходить къ намъ болѣе. Мы, большіе и малые, не вѣруемъ въ Бога и не желаемъ ничего знать о Немъ; мы хотимъ работать, пріобрѣтать деньги, ѣсть и пить и дозволять себѣ иногда удовольствія. Мы вѣримъ въ лучшее

будущее, но не на Небѣ, а на землѣ; мы вѣримъ въ Евангеліе и спасеніе: но это есть соціальная демократія, которую принесъ Іисусъ Христосъ и введъ бы, если бы этому не помѣшали его неблагоразумные ученики“ [1]).

Мы замѣтили выше, что всякій разъ, когда имѣемъ въ разныхъ вѣтвяхъ христіанства параллельныя теченія, то теченіе Католической Церкви далѣе другихъ идетъ и ярче выражено. Борьба съ конгрегаціями и, наконецъ, изгнаніе ихъ изъ Франціи, о чемъ такъ много шумѣла печать всей Европы за это лѣто, есть тотъ-же фактъ, о которомъ мы разсказали на Руно и въ Германіи. Но въ то время какъ Церковь и народъ въ лютеранскихъ странахъ лишь *поворачиваются другъ къ другу спиною*, во Франціи они *яростно бросаются другъ на друга*. Что за явленіе? гдѣ оно видано? Кто читалъ въ исторіи о борьбѣ язычниковъ со своими „жрецами“ или находилъ въ газетахъ свѣдѣнія о борьбѣ евреевъ съ раввинами, мусульманъ—съ муллами? Явленіе собственно „клерикализма“ и „клерикальной борьбы“ есть *спеціальный* фактъ Европы и *христіанства*. Здѣсь только почему-то міръ, люди не ладятъ съ представителями религіи. Въ разныхъ степеняхъ,—но они почти вездѣ не ладятъ [2]).

---

[1]) Цитаты заимствованы мною изъ соч. проф. Бѣляева: „О безбожіи и антихристѣ“, 1898 г. Огромная книга эта въ 1040 стр. изобилуетъ многими любопытными фактами, но едвали сильными мыслями.

[2]) Здѣсь, въ цѣляхъ *разъясненія*, нельзя не припомнить чрезвычайно важной поправки, сдѣланной католикомъ-„Лѣсовикомъ (см. выше стр. 259) къ переводу съ еврейскаго языка на греческій словъ Спасителя объ основаніи Церкви: „созиждется *кагалъ* моихъ приверженцевъ“, „*кагалъ* мой“,—„и міръ, люди, врата адовы не одолѣютъ его“. Лично я совершенно согласенъ съ этимъ объясненіемъ католика, и беру назадъ все, что на почвѣ невѣрной филологіи (*Ἐκκλησία=народное* собраніе) пытался говорить о Церкви. Гово-

Эпизодъ съ конгрегаціями прежде всего нуждается въ освобожденіи отъ реторики, „въ упрощеніи“. Напримѣръ, прежде всего устранимъ этотъ ложный пафосъ. „Свобода умерла“, писали на плакатахъ католическія монахини въ Парижѣ и выдвигали эту сентенцію на длинныхъ шестахъ для чтенія народа. „Мы выдавали завтраки бѣднѣйшимъ жителямъ“, „мы отлично ухаживали и ухаживаемъ за больными“, яростно кричали въ другихъ мѣстахъ „сестры“. „Папа—соціалъ-демократъ: для чего-же правительство съ соціалъ-демократическими тенденціями идетъ противъ насъ и Святѣйшаго Отца“. Дѣйствительно, если бы во Франціи—да и во всемъ мірѣ, ибо это всемірное явленіе—происходилъ только торгъ *выгодъ* и *невыгодъ*, то филантропіи французской надо бы соединяться съ филантропіей католической, одной свободѣ съ другою, и Либкнехтъ долженъ бы имѣть въ Львѣ XIII перваго своего друга. Но вѣдь тутъ, очевидно, движутся *разные историческіе процессы*, разные *отъ корня и до вершины!* Это какъ бы минутная встрѣча на одной ступенькѣ лѣстницы двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ восходитъ, другой—нисходитъ, и они только сейчасъ стоятъ рядомъ, тогда какъ никогда ранѣе не были вмѣстѣ, да и родились, можно сказать, съ намѣреніемъ задушить другъ друга. Очевидно по всѣмъ обстоятельствамъ, что Левъ XIII, берлинскій суперъ-интендентъ, пасторъ на островѣ Руно спускаются внизъ. Они слабѣютъ. И если Левъ XIII и

рилъ я это, желая куда-нибудь дѣваться отъ тоски, смущенія. Но лучше взглянуть опасности *прямо* въ глаза: „*кагалъ*“, „сонмъ“, „заговоръ“ противъ человѣка и человѣческаго, противъ рода и сѣмени и этнографіи и народовъ. Ближе къ Апокалипсису и суду „Блудницы“, „сѣвшей“ царственно на „водахъ многихъ“ (=народахъ).

хотѣлъ бы дружить съ Либкнехтомъ, папство — съ французской республикой, „сестры“ съ свободой новаго общества, то Либкнехтъ, Франція и свобода не хотятъ съ ними дружить. Нигдѣ не сказано печатно, но можно прочитать во всѣхъ сердцахъ такой отвѣтъ имъ:

„Свобода... вы ее тѣснили 1800 лѣтъ, и хотите только *теперь*, *сейчасъ* свободы, потому что вамъ тѣсно... не скроемъ, *отъ насъ* тѣсно. Вы ее ищете *для себя*, а *не для человѣчества*, и *въ ущербъ* именно *свободѣ человѣчества*. Мы васъ и тѣснимъ, — только однихъ васъ, — не надѣясь отъ васъ ни на завтра, ни на послѣ-завтра ни для кого свободы. Отмѣните Index запрещенныхъ книгъ, предайте торжественной анаѳемѣ всѣхъ кардиналовъ, епископовъ и папъ, вводившихъ инквизицію въ Европѣ: и тогда мы повѣримъ, что вы за свободу. Но вы рвете клокъ свободы изъ нашихъ рукъ, нашей *спеціальной* свободы, *нами* въ исторіи *начатой* и у насъ въ карманѣ лежащей, нисколько не вынимая другой и тоже *спеціальной* свободы изъ собственнаго кармана, весьма и весьма нужной бы міру. Въ спеціальныхъ вашихъ областяхъ вы нетерпимы и фанатичны совершенно такъ, какъ этого требовалъ и это проповѣдовалъ Ѳома Аквинатъ, творенія котораго вы предлагаете изучать своимъ современникамъ, предлагаете ихъ намъ. Вы даете завтраки бѣднякамъ: пустите лучше бѣдняковъ въ ваши великолѣпные историческіе сады и парки, удѣлите въ монастыряхъ вашихъ мѣсто больницамъ, словомъ—слейтесь съ нами чистосердечно и полно, и тогда мы признаемъ васъ частью себя или, пожалуй, себя частью васъ. Будемъ съ вами одно. Но единства нѣтъ и оно невозможно и никогда не будетъ, потому что мы посажены *въ разную почву*, да и сами—*разныя растенія*. Слова, какъ „свобода“,

„любовь къ человѣку", „состраданіе къ несчастію", будучи филологически тѣми же въ вашихъ устахъ и въ нашихъ, на самомъ дѣлѣ имѣютъ у васъ и у насъ совершенно разный смыслъ. Напр., эти завтраки. Это — лицемѣріе: вѣдь вы ничего не работаете, вы выманиваете или выманили въ старину изъ населенія милліоны, и изъ нихъ отсчитываете нѣсколько десятковъ или сотенъ франковъ на завтраки. Намъ полезнѣе сохранить милліоны, на которые мы и сами сумѣемъ устроить завтраки: но устроимъ ихъ на полный милліонъ, безъ вычета въ вашу пользу. То же и о сестрахъ милосердія въ больницахъ: мы можемъ нанять своихъ, не хуже ухаживающихъ, но ухаживающихъ *безъ всякихъ побочныхъ цѣлей*, каковыми руководятся ваши сестры".

И конгрегаціи уходятъ. Съ яростью, съ неописуемымъ гнѣвомъ, но уходятъ. Можно сказать, у нихъ есть связи съ французами, съ частными людьми; но связи съ Франціей нѣтъ. Якорь цѣпляется за слишкомъ маленькія величины, и срывается. Какъ и у берлинскаго суперъ-интенданта есть связь съ Правительствомъ прусскимъ, есть связь съ духовенствомъ, съ благочестивыми нѣмцами. Но за глобусъ „Германія" онъ не зацѣпливается. И этимъ рѣшаетъ все.

Но что же остается или останется въ Европѣ послѣ ихъ ухожденія? Что, вообще, это за всемірное явленіе какъ бы прощанія пасомыхъ съ пасущими? Ибо никто не усомнится, что это огромный моментъ исторіи. Даже Робеспьеръ признавалъ Etre Supreme. Наполеонъ заключилъ конкордатъ съ Ватиканомъ. А теперь само Правительство, цѣлая Франція, рабочіе, простолюдины въ Вестфаліи идутъ дальше Робеспьера, вѣрятъ менѣе Бонапарта, оставаясь въ то же время совершенно мирными тружениками и семьянинами.

II.

Европа разстается собственно съ *пасторатомъ* своимъ: но Бога она не покидаетъ. Обратимся къ явленію, гдѣ оно всего ярче, къ Католичеству. Если къ нѣмецкому пасторству населеніе равнодушно, то къ французскому или итальянскому духовенству оно гнѣвно. Изгоняемые или оскорбленные, они кричатъ: „народъ остается *безъ Бога*, онъ *не хочетъ Бога*“. Но на это нѣтъ доказательствъ. Или, точнѣе, изъ самой формулы: „отказываются отъ *насъ*, значитъ отказываются отъ *Бога*“—вытекаетъ одно ужасное подозрѣніе, гдѣ, быть можетъ, мы и найдемъ ключъ къ разгадкѣ всего этого печальнаго и мучительнаго явленія.

Распредѣлительная линія, раздѣляющая Бога и пасторство, стерлась до „нѣтъ“. Но она стерлась въ сознаніи пасторства, или чрезвычайно близкихъ къ нему частей населенія, но не стерлась въ полѣ зрѣнія всѣхъ, кто стоитъ сколько-нибудь по-одаль. „Будете яко *бози*“, этотъ соблазнъ Змія-Искусителя Евѣ незамѣтно въ вѣкахъ, но очень полно къ концу вѣковъ осуществился. А изгнаніе конгрегацій тоже безсознательно, но едва ли оспоримо является реакціей къ возстановленію строгаго монотеизма, — какъ выносъ „статуй ваалова и астартъ“ изъ Соломонова храма, какое время отъ времени совершали реставраторы чистоты Библейской вѣры, цари и первосвященники. „У насъ нѣтъ другихъ боговъ, кромѣ Бога: а какъ вы содѣлали себя *богами* и требуете *поклоненія* себѣ, отношенія къ себѣ, вовсе *не подобающаго людямъ смертнымъ и ограниченнымъ и грѣшнымъ*: то мы не хотимъ *васъ* болѣе, просто не хотимъ вашего *присутствія*. Вы, какъ *экранъ*, принимаете на себя *молитвы наши*. Вы *затѣнили*, *застѣни* (стали стѣною) отъ

насъ Бога. Но мы *хотимъ видѣть Бога* и *отодвигаемъ экранъ, васъ*".

Вотъ самая сердцевина дѣла. Она лежитъ въ глубокихъ неосторожностяхъ, вѣковыхъ, тысячелѣтнихъ, допущенныхъ въ обращеніи съ понятіемъ „служитель Божій" и „благодать". Что такое „служитель Божій"? Ну—„служи". Но не требуй *себѣ* служенія, которое принадлежитъ и приличествуетъ одному Богу. Служитель и имѣетъ отношеніе къ Тому Одному, Кому онъ служитъ. Больше ни къ кому и ни къ чему; *къ людямъ, къ міру, къ государству онъ отношенія не имѣетъ*,—иначе какъ *дружелюбія, равенства, одинаковости природы*. „Первосвященникъ" Соломонова храма *выбирался*, былъ *временемъ*; они *чередовались*, какъ еще во времена Іисуса—Каіафа и Анна. А папа любитъ отожествлять себя съ Ветхозавѣтными Первосвященниками. Садокъ, первосвященникъ израильскій, былъ низложенъ юношей Соломономъ при самомъ его восшествіи на престолъ, и не жаловался, не ропталъ; и Соломонъ не былъ Богомъ за это наказанъ,—а, напротивъ, Богъ уже послѣ этого говорилъ ему въ извѣстномъ видѣніи слова Свои и наставленія. Такимъ образомъ въ безспорномъ и истинномъ богослуженіи, каково было Ветхозавѣтное, служитель Божій — примѣняя терминологію Ницше — не становился „сверхчеловѣкомъ". Мы употребили терминъ Ницше не безъ антипатіи—единственно, чтобы выпукло объяснить читателю мысль свою. Произошло нарушеніе трехъ заповѣдей: „да не будутъ тебѣ *бози инии* развѣ Мене", „не сотвори себѣ *кумира*", „не пріемли имени Господа, Бога твоего, *всуе*". Отмѣна-то этихъ трехъ заповѣдей и образуетъ почти все тѣло Католицизма, всю его *реальную* и *положительную* ткань, такъ что остающихся семи заповѣдей и нащупать

нельзя сквозь покровъ отвергнутыхъ этихъ трехъ. Едва всѣ рванулись къ чистому монотеизму, къ „Азъ есмь Господь Богъ твой", какъ потянули одежду, много или мало, но непремѣнно потянули царственный пурпуръ съ живого и всѣхъ умершихъ папъ и до послѣдняго приходскаго каноника. Всѣ они стоятъ „иными богами", „драгоцѣнными кумирами", передъ изображеніями которыхъ въ храмахъ возжигаются лампады, свѣчи, кадится ѳиміамъ. Сколько бы ни говорили, что это „въ аллегорическомъ смыслѣ", „по заимствованному отъ Бога свѣту", „потому что они (почившіе святые католичества) суть посредники", и что кланяются ихъ изображеніямъ все же не такъ низко какъ Богу: это будутъ только смягченія, оговорки, софизмы. Ваалы и астарты не допускались Богомъ около себя ни въ качествѣ младшихъ братьевъ Іеговы, ни племянниковъ, ни товарищей, ни даже служителей, просто—никакъ! Богъ и—человѣкъ, solus Deus—solus homo: и всѣ человѣки передъ Богомъ уравниваются въ пылеобразной малости своей. Тутъ-то лежитъ условіе свободы человѣка, ужасно важное для Земли условіе! Однажды и навсегда для человѣка есть единая господствующая и абсолютная точка: *Богъ*. Между тѣмъ въ Католичествѣ Онъ окруженъ и почти затѣненъ міріадами точекъ: католикъ слушаетъ не одну струну (моно-теизмъ), а тысячи струнъ. Молитва его, вниманіе его разсѣяны: некогда и подумать о Богѣ—столько духовенства! Развѣ не священникъ былъ Авраамъ? Съ нимъ Богъ заключилъ союзъ: кажется послѣ такого „посвященія" онъ долженъ бы покинуть и дубъ Мамврійскій, и Сарру, и стада—и одѣться въ какой-нибудь усѣянный звѣздами хитонъ. Но этого не случилось. Какъ былъ Авраамъ до Завѣта пастухомъ и мужемъ, такъ мужемъ и пастухомъ остался и послѣ Завѣта.

Можно ли было Моисею-законодателю не стать Первосвященникомъ? или не надѣть ризы Псалмопѣвцу и пророку? Но послѣдній оставался семьяниномъ и воиномъ, а первый чисто храмовую и служебную должность первосвященника отдалъ брату. Никакой магіи на Ааронѣ не лежало: онъ не отколупнулъ отъ Бога частицы и не прикрѣпилъ ее на себя, онъ былъ монотеистъ, т. е. совершенно простой, частный человѣкъ, „дяденька“ каждому жиду въ пустынѣ. Апостолъ Павелъ не убрался въ хламиду и не надѣлъ тіару, а былъ просто странникомъ, странствующимъ учителемъ; а Петръ продолжалъ оставаться рыбакомъ, будучи ученикомъ Спасителя, избраннымъ „апостоломъ“. Монотеизмъ и въ Новомъ Завѣтѣ не разрушался, какъ и въ Ветхомъ. Есть чреда службы, чреды „священничества“: но „священникъ“ помогалъ Первосвященнику держать заколаемаго въ жертву козла или собиралъ въ чашу его кровь, или кропилъ кровью, или кадилъ: то, что у насъ дѣлаютъ „служители храма“, „причетники“, трудящіеся почти физически, безъ всякой магіи въ себѣ.

III.

Отъ Бога идутъ лучи, содѣлывающіе свѣтлыми всѣхъ человѣковъ; и какъ Давидъ въ одномъ псалмѣ называетъ людей (всѣхъ) „сынами Божіими“, такъ въ Новомъ Завѣтѣ упоминается, что всѣ люди суть „священники“. Бого-*усыновленность* человѣчества и *священство міра* есть самая дорогая часть религіи; потому я и въ „religio“, что черезъ сыновность и священство нахожусь in religione, „въ соединеніи, *связи*“ съ Богомъ. Какая-же это есть *моя* „религія“, когда я только смердъ, чисто свѣтская вещь, какая-то раціональная, гладкая; а непс-

стижимость существа и связь съ Богомъ, „religio", начинается лишь съ каноника, одѣтаго придуманнѣе и избраннѣе, чѣмъ ап. Петръ, Моисей и Авраамъ. Я сказалъ, что монотеизмъ потянулъ-бы одежды со всего католическаго священства; обратно: насколько священство существуетъ—оно потянуло *сіяніе съ Бога,* а затѣмъ и *красоту, святость съ міра, съ человѣчества.* Человѣкъ остался нагимъ, санкюлотомъ, безъ связи съ Богомъ. Что такое Богъ въ отличіе отъ человѣка; что такое божественное? Опять прибѣгаю къ языку крупныхъ словъ, чтобы сдѣлать мысль свою понятнѣе. Богъ—магія, божественное—магично, а человѣческое—просто. Конечно, „магіи", т. е. языческаго понятія, я не хочу приписать нашему Богу; моя мысль состоитъ въ томъ, что *сверхъестественное* и *естественное* раздѣляютъ и очерчиваютъ *божеское* и *человѣческое.* Вотъ эту-то долю „сверхъестественнаго", „магическаго" и приписало себѣ духовенство. Незамѣтно въ вѣкахъ (для себя незамѣтно) оно стало какъ *малые* маги, *помогающіе* маги, около великаго мага-Бога, естественно вѣдь тогда нѣсколько *безпомощнаго.* Часть Его *существа* и *свойствъ* они перенесли на себя; они *отколупнули* что-то отъ Бога. „Бога" стало меньше въ мірѣ отъ патеровъ. Но сія „магія" -не истинная: и сколько ни поднялось „боговъ", „кумировъ" передъ человѣчествомъ, „вѣра въ Единаго Бога" въ человѣчествѣ стала съ тѣхъ поръ неудержимо гаснуть. Всѣ ее ищутъ, но нигдѣ не находятъ. Пелена тумана протянулась по небосклону; солнца стало не видно; на землѣ сдѣлалось темно.

Всѣ поступки Франціи противъ Католицизма, какъ и Италіи,—конечно, грубы, плоски, безвкусны. Эти полицейскіе сержанты, конвоирующіе монахинь — отвратительны. Но есть, всегда есть „raison d'être" и въ грубомъ. Есть „идея волоса" (мелкаго, пошлаго), какъ

говорилъ Платонъ. Конечно, католическое духовенство уже само-гипнотизировалось въ вѣкахъ, въ тысячу лѣтъ; оно немножечко „почувствовало себя Богомъ", и ведетъ себя гордо и смѣло, „царственно", соотвѣтственно этому само-внушенію. Французскіе полицейскіе ведутъ себя замѣчательно не „царственно". Но вѣдь въ этомъ и состояла самая суть явленія, что *чѣмъ болье навивалось священство и царственная красота на духовенство*, тѣмъ болѣе это *священство и величіе свивалось съ людей „не духовныхъ"*, пока оно не очутилось простымъ *„санкюлотомъ"*, *„варваромъ"*. Когда этотъ процессъ дошелъ до конца, санкюлотъ и началъ поступать со священниками по-„санкюлотски", ничего въ нихъ не замѣчая, просто— ничего не чувствуя. Они сдернули красоту съ міра. Дивиться-ли, что міръ сталъ безобразенъ? На кого-же имъ жаловаться? Они сами выдѣлали себѣ палача, безпощаднаго потому, что онъ глухъ ко всему святому, священному.

Вотъ почему, такъ сказать, „безбожіе" свѣтскихъ государствъ Европы не вѣчное. Они только отдохнутъ отъ „боговъ" и возвратятся къ Богу (Единому),—но къ Католичеству уже никогда не вернутся, не вернутся вообще къ „магическому" на землѣ и въ человѣкѣ. Что такое „каѳоличность"? Универсальность. Образуютъ-ли „тѣло церковное" народы? На прямой этотъ вопросъ всѣ скажутъ — „да"! Но вотъ провѣрка этой каѳоличности. Извѣстно, что папа, раньше чѣмъ избираться кардиналами, выбирался народомъ — да, прямо чернью, криками горожанъ римскихъ! То былъ законъ и обычай, *до магіи*. Вотъ если-бы вмѣсто „завтраковъ бѣднымъ" папа сказалъ:—„Я *въ союзъ* съ народомъ, и хочу быть *любимымъ отъ народа пастыремъ*, а ради этого распу-

скаю дипломатическую канцелярію — и пусть меня *по-прежнему, по-древнему выбираетъ добрый римскій народъ*". Тогда въ демократизмъ его можно было-бы серьезно *повѣрить*. Скажутъ: „невозможно, трудно". Но отвѣтимъ излюбленною формою, текстомъ: „развѣ есть что невозможнаго для Бога". На то и существуетъ подлинное „магическое" въ исторіи, „сверхъестественное". Если-бы Левъ XIII, распустивъ или понизивъ коллегію кардиналовъ, „непогрѣшимо ex cathedra" изрекъ:—„Преемникъ мнѣ да будетъ избранъ *добрыми римлянами, моими возлюбленными дѣтьми*", то онъ тотчасъ изъ ложной и иллюзіонной магіи, поднявшейся до неба, и перешелъ-бы въ настоящее „священство", не большое, не высокое, но подлинное. „На всѣхъ людей падаетъ по лучу отъ Бога, а на меня—два луча". Это вовсе не то, что сказать: „на меня падаютъ всѣ лучи отъ Бога, а на человѣчество—ни одного".

Нужно отмѣнить „Index librorum" — вотъ иная, міру нужная и міромъ требуемая, свобода. Но *ее*, эту *отъ себя* свободу папа скупится дать, протягивая руку къ *общегражданской, не своей, чужой „свободѣ"*. Надо отлучить отъ теперешней Церкви всѣхъ иниціаторовъ инквизиціи: тогда и Франція, и Италія воскликнутъ: „мы слышимъ голосъ нашего возлюбленнаго отца". Вотъ соединеніе съ человѣчествомъ. Не для чего омывать, „аллегорически" омывать нищимъ ноги въ такой-то торжественный день въ торжественной церемоніи: надо просто на просто въ точности начать омывать ноги человѣчеству. Ибо ноги эти—усталыя, ибо ноги эти изъязвленныя. Тогда онъ (Левъ XIII) можетъ молиться усерднѣе Франциска Ассизскаго; и безъ дружбы съ Либкнехтомъ,—народныя массы отъ Лабы до Сены закричатъ: „онъ *сошелъ къ намъ*, онъ *среди насъ*, онъ *нашъ*". И какъ для папы ни одинъ теперь блуз-

никъ не перекрестится, и тѣмъ гордо и честно выдерживаетъ свою, можетъ быть, минутную природу, убѣжденіе, предразсудковъ; такъ папа пусть молится св. Маріи съ прежнимъ тысячелѣтнимъ усердіемъ, вовсе не подражая блузнику. А то дѣлаются попытки къ какому-то взаимному переодѣванію: „я немножко переодѣнусь блузникомъ — ну чуть-чуть, для виду; и пусть обратно блузникомъ читаетъ каждый день по разу Ave Maria, да громко читаетъ, чтобы это короли и министры слышали". Но эта „комедія переодѣваній" какъ-бы не перешла, да ужъ и переходитъ, въ „комедію ошибокъ".

IV.

Мнѣ хочется вернуться отъ тяжелыхъ французскихъ событій къ болѣе мирной сценѣ въ Вестфаліи, переданной московскимъ ученымъ. Ну, а что если-бы пасторъ, выслушавъ холодный, но не враждебный отвѣтъ отъ старика-рабочаго, не повернулъ спину къ нему и не пошелъ „докладывать о видѣнномъ" (а въ сущности — о „ничего не видѣнномъ") берлинскому суперъ-интенденту, а вмѣсто этого сказалъ-бы: „я не хочу васъ *учить*, но хочу съ вами говорить, какъ братъ съ братьями, на полномъ равенствѣ",—и вошелъ-бы туда: то что же бы онъ тамъ увидѣлъ?!! Намъ не досказанъ фактъ, и недосказанъ въ любопытнѣйшей своей части. Дѣло въ томъ (и здѣсь причина всего „раздѣленія силъ", „шапки врозь" человѣчества), что пасторъ пришелъ въ точности *только со своимъ* и *только для своего*, безъ малѣйшаго любопытства *собственно къ человѣку, къ деревнѣ, куда онъ пришелъ*. И отъ этого эгоизма (столь явнаго!) деревня эгоистически отвернулась! Но пусть—эгоизмъ отложенъ, за околицей деревни пасторъ оставляетъ весь ящикъ

наставительныхъ книгъ: и идетъ туда одинъ, какъ зритель (по проф. Бѣляеву) „наступающаго Царства Антихриста". Можно быть увѣреннымъ, это слышится изъ всего тона рѣчи старика-представителя, рѣчи сдержанной и представительства скромнаго, что онъ вовсе не увидѣлъ-бы тамъ зрѣлища буйной и пьяной улицы, парней „подъ ручку" съ пятью-шестью „растерзанными дѣвицами", и вообще не увидѣлъ-бы довольно знакомыхъ намъ картинъ, примѣръ которыхъ я приведу ну хоть изъ слѣдующей газетной вырѣзки:

„Въ день Троицы въ нашей мѣстности, въ деревнѣ Гречина Гора, собрались по обычаю человѣкъ до 200 мужиковъ, бабъ, парней и дѣвушекъ. Пѣлись скабрезныя пѣсни, разгулъ былъ полный. Пьяные мужики начали установлять какія-то межи и подрались. Одинъ молодой парень раздѣлся до нага и непозволительно велъ себя по отношенію къ сельскимъ дѣвушкамъ. Безобразника едва не закололи вилами. А въ сосѣдней деревнѣ Стохновѣ разгулявшіеся парни разломали по дорогѣ изгороди, вынесли изъ избы квашню съ тѣстомъ и посадили въ нее старика". (Изъ „Бирж. Вѣд.", сообщеніе „Изъ мѣст. Жигова" г. *Ив—скаго*).

Такой случай не занесенъ и *не занесетъ*, какъ „знаменіе пришествія Антихристова", г. Бѣляевъ въ свою тысяче-листную, внимательную книгу. Т. е. *почему* же не занесетъ? *Обыкновенно*, *привыкли*, такъ *всегда было*, и ничего тутъ *новаго* нѣтъ, какъ есть *новое* въ докладѣ пастора объ отказѣ принять его Вестфальскою деревнею. Но въ деревнѣ—явная тишина, спокойствіе, благообразіе; какъ и на остр. Руно, гдѣ безъ исправника и при одномъ пасторѣ, безъ свидѣтелей цѣлый годъ жители перерѣзали-бы другъ друга, заведи они *первую-же ссору*, *подними кто-нибудь на кого-нибудь первый руку*. Есть такія условія полной свободы и уединенія, гдѣ или — полная тишина, или всеобщее и быстрое каннибальство.

Но если на Руно съ незапамятныхъ временъ, можетъ быть еще до Ливонскихъ рыцарей, рыбачили какъ рыбачатъ сейчасъ,—то вѣроятнѣе, что тамъ пронеслись вѣка, не возмущенные и легкимъ вѣткомъ „нравовъ". Во всякомъ случаѣ тамъ не сердились такъ сильно, какъ сердится папа въ слѣдующемъ *оффиціальномъ* документѣ:

„На-дняхъ „Messager de Bruxelle" сообщилъ, что Леонъ Таксиль отлученъ папою отъ церкви. Текстъ этого отлученія сохранилъ средневѣковый характеръ. Вотъ онъ:

„„Во имя всемогущаго Бога-Отца, Сына и Святого Духа, Священнаго Писанія, Святой и безпорочной Дѣвы Маріи, Матери Бога,—во имя всѣхъ славныхъ добродѣтелью Ангеловъ, Архангеловъ, Престоловъ, Могуществъ, Херувимовъ, Серафимовъ, во имя патріарховъ, пророковъ, евангелистовъ, святыхъ преподобныхъ, мучениковъ и исповѣдниковъ, и всѣхъ прочихъ спасенныхъ Господомъ, Мы провозглашаемъ, что отлучаемъ отъ Церкви и анаѳематствуемъ того злодѣя, который именуется Леономъ Таксиль, и изгоняемъ его отъ дверей Святой Божіей Церкви.

„„И Богъ-Отецъ, который сотворилъ міръ, его проклинаетъ, и Богъ-Сынъ, который пострадалъ за людей — его проклинаетъ, и Святой Духъ, который возродилъ людей крещеніемъ— его проклинаетъ, и святая вѣра, которою искупилъ насъ Христосъ—его проклинаетъ. И Святая Дѣва, Матерь Божія — его проклинаетъ. И святой Михаилъ, ходатай душъ—его проклинаетъ. И небо и земля и все, что на нихъ заключается святого—его проклинаетъ. Да будетъ онъ проклятъ всюду, гдѣ-бы онъ не находился: въ домѣ, въ полѣ, на большой дорогѣ, на лѣстницѣ, въ пустынѣ и даже на порогѣ церкви.

„„Да будетъ проклятъ онъ въ жизни и въ часъ смерти. Да будетъ проклятъ онъ во всѣхъ дѣлахъ его, когда онъ пьетъ, когда онъ ѣстъ, когда онъ алкаетъ и жаждетъ, когда онъ постится, когда онъ спитъ, или когда бодрствуетъ, когда гуляетъ, или когда отдыхаетъ, когда онъ сидитъ, или лежитъ, когда онъ ѣстъ, когда раненый онъ истекаетъ кровью.

„„Да будетъ проклятъ онъ во всѣхъ частяхъ своего тѣла, внутреннихъ и внѣшнихъ.

„„Да будетъ проклятъ волосъ его и мозгъ его, мозжечекъ его, виски его, лобъ его, уши его, брови его, глаза его, щеки его, носъ его, кисти рукъ и руки его, пальцы его, грудь его, сердце его, желудокъ его, внутренность его, поясница его, пахъ его, бедра его, колѣни его, ноги его, ногти его.

„„Да будетъ онъ проклятъ во всѣхъ суставахъ членовъ его. Чтобы болѣзни грызли его отъ макушки головы до подошвы ногъ.

„„Чтобы Христосъ, Сынъ Бога Живого, проклялъ его всѣмъ Своимъ могуществомъ и величіемъ. И что-бы Небо и всѣ живыя силы обратились на него, чтобы проклинать до тѣхъ поръ, пока не дастъ онъ намъ открытаго покаянія. Аминь. Да будетъ такъ, да будетъ такъ. Аминь".

Замѣтьте, что это формула *древняя*, т. е. тоже въ своемъ родѣ привычная, какъ и „праздничный разгулъ" въ нашихъ деревняхъ: и *ее* также не пришло-бы на умъ проф. Бѣляеву внести въ рубрику „особенно ясныхъ свидѣтельствъ близящагося Царства Антихриста"; да и если онъ будетъ издавать вторымъ изданіемъ свою книгу, или напишетъ къ ней второй томъ, онъ не послѣдуетъ моему указанію и не занесетъ ее въ „признаки". Т. е. это ему не кажется, какъ и шутки мужиковъ нашихъ, *анти-божественнымъ*. Съ этой точки зрѣнія вся его книга можетъ быть принята какъ-то „наоборотъ". Ему не кажется анти-божественнымъ то, что явно анти-божественно; а рабочимъ въ Вестфаліи, да можетъ быть и французамъ, потребовавшимъ удаленія „конгрегацій", можетъ быть давно уже кажется „анти-божественнымъ" то, что проф. Бѣляеву вмѣстѣ съ нашимъ, съ протестантскимъ и съ католическимъ духовенствомъ кажется такъ „просто", „обыкновенно" и „простительно". Невозможно не замѣтить, что начало „какъ-бы свѣто-преставленія" относится всѣми ими къ моменту *выпада власти изъ ихъ рукъ*, паденія *авторитета ихъ*; въ послѣднемъ анализѣ—„сведенія" ихъ къ простотѣ и ясности

„раба Божія Моисея, кротчайшаго ихъ людей", „странниковъ Петра и Павла", „первосвященника Садока", которые служили, всѣ служили, но Единому Богу (тогда еще *Единому*), и служили плечо съ плечомъ съ человѣками, не получая поклоненія *себѣ* отъ нихъ. Но я вернусь къ вестфальскимъ рабочимъ, да и къ болѣе общей судьбѣ Франціи. Что-же осталось имъ, что-же *станется?* Пройдутъ десятилѣтія, можетъ быть два-три вѣка дѣйствительной пустынности или малорослости души; въ родѣ новаго Moyen Age, Mittel Alter, — но не вѣчнаго! отнюдь не окончательнаго!! Отростутъ ростки души, спеціально доселѣ атрофированные. Описываютъ зоологи, что въ пещерныхъ озерахъ, вѣчно темныхъ, у рыбы есть глаза, но они *не видятъ*. У европейскаго человѣчества, у души европейской есть почти несомнѣнно множество такихъ-же еще „закрытыхъ" способностей, начаточныхъ или *подавленныхъ* силъ, главнымъ образомъ въ отношеніи къ природѣ, но также и къ Богу: которымъ проснуться возможно и которыя проснутся! Рыбы, вынесенныя изъ такого вѣчно темнаго озера, индивидуально, можетъ быть, и умрутъ не зрячими; но въ дальнѣйшихъ генераціяхъ зачаточный глазъ—*увидитъ*. „Мы не вѣруемъ въ Бога и не желаемъ ничего знать о Немъ", — этотъ отвѣтъ вестфальца есть только *за себя* отвѣтъ; ну, за своего сына, наконецъ — внука; но не за внука этого внука! Шевельнутся ростки души, теперь совершенно не видные. Кто знаетъ, какъ будетъ внукъ его внука смотрѣть на зеленѣющее дерево? Мнѣ пришлось прочесть о „безбожной Франціи" извѣстіе, которое тронуло меня въ Петербургѣ, потому что здѣсь оно невозможно: самые бѣдные парижане, вотъ такого-же достатка какъ и вестфалецъ-рабочій, цѣлою семьею (всегда семьею!) выбираются загородъ, отъѣзжаютъ нѣсколько станцій

по желѣзной дорогѣ, и, забравшись въ лѣсъ или расположившись на лугу, имѣя привезенную съ собою провизію, проводятъ цѣлый день среди зелени! Это—характерно. Извѣстно, до какой степени оголены отъ растительности наши несчастныя великорусскія деревни и села. Сказать, что у крестьянъ нѣтъ ни времени, ни силъ посадить дерево, — невозможно уже отъ того, что находятъ-же они время посадить старика въ опару. Но чувства *природы* и *зелени* совершенно нѣтъ у него, и это я не могу не связывать чуть-ли не съ „природнымъ“ его алкоголизмомъ, какъ и съ „разгуломъ 200 мужиковъ“ до такой степени удали, что одинъ парень показалъ себя голымъ дѣвицамъ. Природа трезва, чиста и деликатна; а вмѣстѣ—она и возбудительна, живительна. Посадить дерево, раскинуться семьею на лугу — это все равно какъ потянуть вина изъ тонкаго горлышка древняго сосуда, но вина благороднаго, не отравляющаго. Алкоголизмъ и отсутствіе зелени въ нашихъ селахъ я считаю застарѣлыми „знаменіями пришествія Антихристова“; ибо это явно анти-божественно; да и дикій видъ деревни, описанный выше, являетъ полное забвеніе Бога, хотя-бы они и „клялись Богомъ“ пьяными устами. Въ вестфальской деревнѣ — тишина; у насъ — гамъ. Что зрѣетъ въ тиши, что готовится въ гамѣ — никто не знаетъ. Но вѣрится, что тамъ, въ тишинѣ, въ благообразіи вызрѣетъ, ну пусть черезъ вѣка—но вызрѣетъ слово, понятіе, образъ: „Богъ“; вызрѣетъ и молитва къ Нему,—ну, пусть новая, необычайная. А около квашни, съ посаженнымъ въ нее старикомъ, какъ и около исключительнаго гнѣва папы, все будетъ ломаться, меньшиться, опадать до совершенной пустыни, до непереносимаго голода...

1903 г

А. С. ХОМЯКОВЪ и Вл. С. СОЛОВЬЕВЪ.

ПАМЯТИ А. С. ХОМЯКОВА.

(1-ое мая 1804—1-ое мая 1904 г.).

Столѣтіе, исполняющееся 1-го мая со дня рожденія Хомякова, пробудитъ о немъ если не въ цѣломъ русскомъ обществѣ, то въ спеціальныхъ литературныхъ и общественныхъ кругахъ, теплую память и нѣкоторое движеніе мысли. Личность покойнаго, мы знаемъ, для нѣкоторыхъ русскихъ людей едва ли не первенствуетъ на всемъ небосклонѣ русскаго XIX-го вѣка. Его признаютъ геніемъ (мы слыхали опредѣленія именно въ этихъ словахъ). Заслугу его передъ Россіей признаютъ неисчерпанной и неисчерпаемой. Онъ „былъ Колумбомъ, открывшимъ Россію“. Такъ именно о немъ писали и говорили. Но такихъ энтузіастовъ очень немного; ихъ наберется нѣсколько десятковъ, у насъ и у западныхъ славянъ—людей уединенныхъ, кабинетныхъ, книжныхъ, не весьма внимательныхъ къ живой исторіи своихъ дней. Напротивъ, изъ самого состава почитателей мы заключаемъ, что въ А. С. Хомяковѣ была большая историческая нужда, но только нужда своего времени, тѣхъ 40-хъ и 50-хъ годовъ XIX-го вѣка, которымъ принадлежитъ расцвѣтъ его дѣятельности; но что, по минованіи этой надобности, выполнивъ какую-то спеціальную миссію, онъ присоединился къ великимъ книжнымъ сокровищамъ русскимъ, но не вошелъ живою

частицею души въ живую русскую жизнь. Онъ, который писалъ такъ много о „любви“,—увы, не объятъ любовью народной въ ея обширномъ значеніи. Около „Пословицъ русскаго народа“ (В. И. Даля), „Толковаго словаря великорусскаго языка“ (его же), и еще далѣе—около „Слова о Полку Игоревѣ“, или позднѣе—около Крылова, Лермонтова, Пушкина, Кольцова, даже около Некрасова—имя его блѣдно, образъ тусклъ, слова какъ-то не запоминаются, спутываются. Только его слова о Европѣ: „страна святыхъ чудесъ“—вошли почти пословицею въ живой оборотъ новаго русскаго языка: какая насмѣшка исторіи, если принять во вниманіе, что во всѣхъ своихъ трудахъ онъ усиливался оспорить этотъ яркій афоризмъ. Теперь, когда прошло 44 года послѣ его смерти, идеи его не представляютъ высокаго и цѣльнаго зданія. Онѣ похожи на разсыпавшуюся башню св. Марка въ Венеціи. Было прекрасное зданіе, прекрасный планъ, отъ котораго осталось много щебня. Но щебень этотъ есть, но зданіе это было, но есть много людей, хранящихъ о немъ благоговѣйное воспоминаніе. Въ общемъ все принадлежитъ исторіи, а не дѣйствительности. Такъ и Хомяковъ. Онъ все же упорною и монотонною (все въ одномъ направленіи) своею дѣятельностью покачнулъ все русское сознаніе въ сторону народности, земли, въ сторону бо̀льшаго вниманія къ своей исторіи и нашей Церкви. Цѣльнаго строя его мысли, кромѣ спеціалистовъ, никто не хранитъ. Но отзвукъ, но „запахъ“ его мысли распространился почти на всѣхъ. Дѣло въ томъ, что широкая жизнь, съ ея множествомъ практическихъ задачъ, съ ея „нудностью“, скорбью, болью, утороплeнностью — прошла мимо Хомякова. Но онъ бросилъ въ ея багажъ (а многіе говорятъ — ей подъ колеса) нѣчто такое, чего она не

могла вовсе избыть. И вотъ она идетъ къ другимъ цѣлямъ, не Хомяковскимъ; но нѣчто Хомяковское имѣетъ у себя, въ богатствахъ или дефицитѣ — это не совсѣмъ и не для всѣхъ ясно.

* * *

Мнѣ кажется, начала „любви“, имъ проповѣдуемой, не такъ много было у него самого. Онъ былъ слишкомъ индивидуалистъ, слишкомъ особнякомъ стоявшій человѣкъ (для сравненія припомните Некрасова). Съ окружающей жизнью онъ не сливался. Такимъ образомъ въ „мірское“, „хоровое начало“ (его термины, его любимыя идеи) онъ не вошелъ согласнымъ съ другими голосомъ, и именно отъ недостаточной въ немъ любви къ другимъ, простоты и скромности. Всѣ свидѣтельства о немъ современниковъ, какъ и его литературныя полемики, говорятъ о немъ, какъ объ умѣ гордомъ, характерѣ высокомѣрномъ; что, вслѣдствіе примѣси къ этому шутливости, оставляло впечатлѣніе заносчивости. Это до того противорѣчитъ всей программѣ его проповѣди, что стоитъ задуматься. „Что имѣемъ — не хранимъ, потерявши — плачемъ“. Его противники, западники, были гораздо проще его, любвеобильнѣе, смиреннѣе: но потому-то именно, что они имѣли эти дары души, они и не придавали имъ вовсе никакого значенія, восхищались „гордой музой Байрона“ и проч. Напротивъ, гордая и высокомѣрная натура Хомякова „вѣчно плакала о томъ, чего не имѣла“: о смиренномудріи, простотѣ, гармоніи съ ближнимъ. Это составило его извѣстные идеалы. Но какъ самый плачъ о нихъ былъ нѣсколько искусственный, то все это и пало на русскую ниву нѣсколько искусственнымъ и плохо принявшимся посѣвомъ.

Во всякомъ случаѣ, не у Хомякова русскіе научились простотѣ, смиренію и любви. Если хотите, они этому больше научились даже у Бѣлинскаго и Грановскаго (съ послѣднимъ Хомяковъ велъ ученую полемику). Осмѣлюсь сказать, что простотѣ и смиренству они даже научились больше у Некрасова. Какъ и любовь къ народу, подлинное реальное народничество, неистощимый трудъ для него и около него—они взяли вовсе не изъ славянофильскихъ теорій. Мы вообще научаемся изъ примѣровъ, а не изъ словъ. И вотъ рядъ людей, сонмъ людей, къ которымъ Хомяковъ и его школа стояли во враждебномъ отношеніи, самымъ примѣромъ, жизнью, а также и безыскусственнымъ словомъ (безъ теорій) показали примѣръ вообще добраго, скромнаго и внимательнаго отношенія и къ землѣ родной, и ко всѣмъ чужимъ странамъ.

Домъ—не телѣжка у дядюшки Якова

въ этомъ стихотвореніи Некрасова больше чувства народности, непринужденнаго, само собою сказавшагося, чѣмъ во всѣхъ стихотвореніяхъ Хомякова. Этой несчастной истины кто же не видитъ.

„Любовь“, говоримъ мы часто. Но тогда ли, когда больше всего любимъ? Любовь разлагается на вниманіе, на заботу, на ласку, на шутку, на прибаутку, на веселый духъ, все сопровождающій. И когда этого пестраго спектра нѣтъ, подозрительна и „любовь“. Напротивъ, когда человѣкъ поетъ пѣсни и работаетъ—думается, что онъ любитъ весь міръ, хотя этого не высказываетъ и не доказываетъ. Много вообще антиномій кроется въ странной душѣ человѣка.

* * *

Перейдемъ къ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ частныхъ идей у Хомякова. „Только любовь (къ предмету, къ лицу) открываетъ намъ истину (лица или предмета): безъ этого анализъ нашъ, какъ бы ни былъ остеръ, скользитъ по поверхности вещей". Это—исходная точка его воззрѣній. Хорошо. Но была ли она имъ примѣнена къ лютеранству и католичеству, на оспариваніе которыхъ, на пониженіе уровня которыхъ онъ положилъ значительную часть жизни? Вотъ—Лютеръ. Не нужно имѣть братской любви всечеловѣчества, чтобы не отвергнуть, что этотъ одинокій монахъ былъ точь въ точь тоже, что нашъ родной Гусъ, что пламенный Саванаролла, но только счастливый, получившій наконецъ удачу послѣ столькихъ историческихъ неудачъ. Католичество, не знавшее себѣ возраженій, заволокшее все небо тогдашней цивилизаціи, да частью и родившее изъ себя это небо, представляло авторитетъ, о какомъ рѣшительно въ наши времена разрозненности нельзя себѣ составить понятія. Будучи истиною сердечною (вѣрою, „religio"), оно владѣло и пользовалось силами государственнаго подавленія, преслѣдованія. Представьте, что губернаторъ, полицеймейстеръ, полиція и всѣ мѣстныя войска повинуются мановенію архіерея, съ характеромъ и претензіями Никона. Да что Никона... Представьте самаго невозможнаго, несговорчиваго, неуступчиваго, самонадѣяннаго, и вмѣстѣ самаго корыстолюбиваго, тщеславнаго и властолюбиваго протоіерея, какого знавали вы въ своей жизни: и представьте, что умерла вся земля, умеръ или замеръ міръ, и вотъ онъ одинъ на немъ среди послушныхъ, отупѣлыхъ отъ рабства и испуга поселянъ: и вы получите нѣкоторое подобіе средневѣковаго строя послѣ Иннокентія III, при Григоріѣ VII и его преемникахъ. Это такія душныя потемки, какихъ

міръ не видѣлъ со временъ Калигулы и Нерона: но построенныя на золотомъ престолѣ Евангелія, и якобы—какъ „продолженіе“ его, какъ „укрѣпленіе“ его. Все, что говорятъ намъ о талмудизмѣ и Талмудѣ, якобы дающихъ только разработку Библіи, было въ папствѣ и Католичествѣ,—которые также смѣшались и были неотдѣлимы (въ то время) отъ Христа и Его Евангелія, какъ для правовѣрнаго еврея Талмудъ неотдѣлимъ отъ Моисея и пророковъ. Распутать эту паутину, разлѣпить эту слѣпленность, конечно, никому не было бы подъ силу („гдѣ тутъ разобраться“!). Послѣ великихъ личныхъ страданій, великихъ колебаній и сомнѣній вѣры, только опираясь—ужъ если хотите—на простоту, смиреніе и доброту своего сердца, простой августинскій монахъ навалился всѣмъ грузнымъ тѣломъ (темпераментомъ, характеромъ своимъ) на эту паутину: и изорвалъ ее всю собою, разломилъ, можно сказать, всю Европу, какъ мина—броненосецъ, и произвелъ такое волненіе въ исторіи, какого отъ начала міра было не слыхано. Ибо цивилизація-то средневѣковая была почти закончена; университеты, житія святыхъ, память Колизея, чудныя (дѣйствительно чудныя!) богослуженія, сонмъ орденовъ монашескихъ—все являло въ дивной красотѣ и гармоніи эту Венецію всемірной исторіи, волшебную, всемогущую, страшную, очаровательную. Какъ малъ передъ его подвигомъ подвигъ Колумба! Лютеръ, какъ и крестоносцы, тоже шелъ завоевывать „св. Землю“, только не территоріально, а идейно. Во всякомъ случаѣ, если тутъ и были ошибки (а онѣ несомнѣнно были, и очень большія), — какъ однако не понять — и именно любовью не понять — великое, до извѣстной степени единственное въ исторіи лицо, стоящее въ центрѣ этого невыразимаго волненія евро-

пейской цивилизаціи? Хомяковъ подходитъ къ нему (именно къ лицу Лютера) съ какими-то вопросами кіевскаго семинара, съ какой-то схоластической тетрадкой „вопросовъ“ и „отвѣтовъ“, спрашиваетъ его по „вопросамъ“ и, не слыша отъ него „отвѣтовъ“, значущихся въ кіевской тетрадкѣ, творитъ надъ нимъ судъ до того неуклюжій и не въ соотвѣтствіи съ событіемъ и лицомъ, что читателя по кожѣ деретъ. Это былъ судъ Бенкендорфа о „Капитанской дочкѣ“ („въ родѣ романовъ Вальтеръ-Скотта, только слабѣе“), судъ докторовъ надъ Гоголемъ: что-то раціональное и не умное, какъ будто благожелательное—а въ сущности злое, ученое—и однако невѣжественное. Видите ли, всѣ они, и лютеране и католики, „не имѣли законнаго преданія“, которое сохранилось только въ Кіевѣ: лютеране вовсе отвергли кіевское преданіе, по той простительной причинѣ, что не знали его, а католики—по той, что „откололись“ отъ Кіева, стали „раскольниками“. „Преданія“ и именно чистаго, апостольскаго, конечно всѣ искали, особенно Лютеръ: о „filoque“ (о немъ одномъ и помнитъ Хомяковъ) они просто забыли, не постигая, какой жизненный и практическій, душеполезный и душегубительный смыслъ соединяется съ этимъ. Ихъ интересовали болѣе жизненныя ученія: о правѣ или безправіи личности судить о вопросахъ вѣры; о томъ, своимъ ли подвигомъ или заслугами Церкви спасается человѣкъ; объ авторитетѣ іерархическомъ (папскомъ),—да и о тысячѣ вопросовъ, которые возникли, но которые проспали въ Кіевѣ. „Какъ они смѣли, на Западѣ, думать, страдать и мыслить, когда мы на Востокѣ дремали и въ частности я видѣлъ золотые сны о славѣ моего Кіева“: вотъ удивительно мѣстный, придирчивый, эгоистическій и высокомѣрный вопросъ, сквозь призму котораго про-

ходитъ вся богословская критика Хомякова. „Эгоистъ! ты только о себѣ и думаешь“,—могли ему отвѣтить равно лютеране и католики; „весь твой методъ сужденій напоминаетъ разсужденія теперешней армяно-грегоріанской церкви“. Они, видите ли, эти армяне посылали своихъ представителей на вселенскіе соборы до IV-го включительно, но за мѣстными дѣлами не послали представителей на V, VI и VII вселенскіе соборы. И не то, чтобы отвергаютъ ихъ, оспариваютъ: но остаются въ сторонѣ отъ позднѣйшихъ утвержденій и вообще наслоеній, какіе привнесли въ жизнь христіанскаго міра эти три послѣдніе собора. Но армяне, довольствуясь своею четыре-соборностью, и не претендуютъ на вселенское значеніе. Между тѣмъ какъ съ этимъ же армянскимъ сужденіемъ Хомяковъ мнилъ себя быть Колумбомъ христіанскаго міра.

„Въ 1847 году, плывя на пароходѣ по Рейну, я вступилъ въ разговоръ съ однимъ почтеннымъ пасторомъ, человѣкомъ образованнымъ и серьезнымъ. Разговоръ мало-по-малу перешелъ на предметы религіозные и, въ частности, на вопросъ о догматическомъ преданіи, котораго законность пасторъ отвергаетъ. Я спросилъ его, къ какому исповѣданію онъ принадлежитъ? Онъ былъ лютеранинъ. На какихъ основаніяхъ онъ предпочитаетъ Лютера Кальвину? Онъ предложилъ мнѣ весьма ученые доводы. Въ эту минуту слуга, его сопровождавшій, подносилъ ему стаканъ лимонада. Я просилъ пастора сказать мнѣ, какому исповѣданію принадлежитъ его слуга? Тотъ былъ также лютеранинъ. Почему онъ предпочитаетъ Лютера Кальвину? Пасторъ остался безъ отвѣта и показалъ недовольный видъ. Я увѣрилъ его, что не имѣю въ мысляхъ ни малѣйшаго желанія его оскорбить, но думалъ только показать ему бытіе преданіе въ протестантствѣ. Смутясь нѣсколько, но тѣмъ не менѣе дружелюбно, пасторъ сказалъ мнѣ, что, онъ надѣется, невѣжество, условливающее эту видимость преданія, разсѣется передъ свѣтомъ науки. „А люди съ слабыми способностями,—спросилъ я

его,—а большая часть женщинъ, а рабочій, которому время едва достаетъ для добыванія насущнаго хлѣба, а дѣти, а незрѣлые юноши, чье сужденіе о вопросахъ, столь ученыхъ, каковые раздѣляютъ міръ реформатовъ, не выше дѣтскаго сужденія""?

„Пасторъ замолчалъ и послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія сказалъ: „„Да, да, тутъ есть кой-что, ist etwas farin,—я объ этомъ подумаю". Мы разстались. Не знаю, думаетъ ли онъ до сихъ поръ"".—И т. д.

Алексѣй Степановичъ побѣдилъ. Но какъ побѣждалъ Пигасовъ Рудина или Рудинъ Пигасова, какъ побѣждали вообще на Собачьей площадкѣ [1]) въ Москвѣ въ 40-хъ годахъ, и даже какъ вообще побѣждаютъ люди безъ исторіи, горящіе въ пустомъ жарѣ словъ, людей исторіи, въ словѣ не всегда искусныхъ и находчивыхъ. Ну, да, конечно, и *преданіе*, и *авторитетъ* есть у лютеранъ, какъ у католиковъ; дѣти слѣдуютъ за родителями, неученые за учеными, какъ и у насъ „приходъ за попомъ: ибо попъ ученъ". И „преданіе", и „авторитетъ" есть даже у революціонеровъ: ибо и для нихъ Мирабо авторитетнѣе Людовика XV, а дни 93-го года памятнѣе и священнѣе дней Тріанона и Версаля. Но заключимъ ли изъ сходства словъ, что эти „преданіе" и „авторитетъ" есть тоже у нихъ, что у католика? а у послѣдняго—какъ у лютеранина и революціонера? Да, есть „преданіе", у каждаго, но *свое*, другое: и ни одно изъ нихъ уже не повторяетъ великаго священнаго римскаго преданія, страшнаго и опаляющаго, убившаго собою „я" въ человѣкѣ. Въ Лютерѣ родился дѣйствительно новый человѣкъ, ничего общаго не имѣющій съ католикомъ Варѳоломѣевской ночи, и за Лютера держится („преданіе") лютеранинъ—но уже въ

[1]) Мѣстожительство Хомякова и Аскаковыхъ.

облегченіе себя, а не въ *отягощеніе* себѣ: Лютеръ не давитъ, а освобождаетъ. И, можетъ быть, каждый своими слабыми силами не удержался бы противъ римскаго авторитета и преданія, но, держась за Лютера, но слыша въ исторіи его могучій голосъ, видя его правдивую фигуру—всѣ удерживаются противъ вихря съ Ватикана. Лютеръ уничтожилъ *фетишизмъ* преданія — и только. Маленькій слѣдуетъ за большимъ—да, но насколько онъ малъ и пока малъ, и пока не можетъ и не хочетъ иному слѣдовать *самъ*. Выростетъ онъ, станетъ большимъ: пусть тогда выбираетъ лично для себя, что ему нужно. Лютеръ какъ бы обратился къ человѣчеству со словомъ:—„Возлюбленные дѣти! я открылъ, что признававшееся всемірною и окончательною истиною — есть всемірная и изначальная ложь. Передъ Небомъ мы—сироты. Я сильнѣе васъ—но и я слабъ. Истина—не въ истинѣ, а въ способѣ отношенія къ истинѣ. Человѣку ничего не дано, кромѣ удѣла—исканія, въ этомъ—грѣхопаденіе, въ этомъ наставшая послѣ Адама слабость. Я пойду, куда влечетъ меня ограниченное, но честное мое сердце; идите и вы всѣ, но не за мною, а послѣ меня, и какъ увидите, что я заблуждаюсь, не идите за мною вовсе, а идите за собою, и куда вамъ укажетъ ваше болѣе зрячее сердце“. Фетишъ палъ. Фетишъ безсмысленный, безсмысленно поклоняемый; фетишъ, передъ которымъ не слабые только дѣти, не „слуга, подававшій лимонадъ“, а всѣ были слабы, и Абеляръ, и Галилей. А, это—разница: неужели Хомяковъ ея не видѣлъ?! Религія — очеловѣчилась. Человѣкъ скромно призналъ скромную свою земную ограниченность,— которую вовсе забылъ Римъ, и въ этомъ-то, въ этомъ-то забвеніи и заключался главный порокъ средневѣковой, почти законченной и страшной цивилизаціи.

„Возлюбленныя дѣти—мы слабы, и я, и римскій первосвященникъ": небо средневѣковое потряслось и раскололось отъ этихъ скромныхъ словъ на Вормскомъ сеймѣ; „и я, и папа, и императоры, и князья—мы всѣ сироты передъ Небомъ и у Неба".

И потрясся Олимпъ многохолмный

какъ говорится часто въ Иліадѣ.

Какъ, не посмотрѣвъ сердцемъ и любовью, Хомяковъ не понялъ великой драмы протестантизма,—также, безъ любви отнесясь къ католикамъ, онъ не понялъ великой драмы Рима. О „римскихъ заблужденіяхъ" слишкомъ часто приходится говорить, слишкомъ естественно говорить православному, который, какъ извѣстно, „чуждъ римскихъ заблужденій". „Римскія заблужденія" всѣ суть проступки страстнаго (и геніальнаго) игрока, который, видя на рукахъ козырный тузъ, мечетъ карты смѣло, изумительно, долго — успѣшно: пока послѣ невѣроятныхъ выигрышей ему вдругъ не начала мигать проклятая „пиковая дама", оказавшаяся на послѣдокъ на рукахъ вмѣсто безпроигрышнаго туза. Настоящее отношеніе къ Риму есть отношеніе состраданія. Въ предѣлахъ человѣческихъ папство совершило все возможное, какъ въ смыслѣ святости, такъ и мудрости; но никогда у него не было скромнаго сознанія и своей человѣческой участи—погрѣшать, быть слабымъ, ошибаться; и идти вспять, дабы разыскать новую дорогу. Оно все шло прямо, безъ поворотовъ. Послѣ Варѳоломѣевской ночи оно не повернулось. Послѣ инквизиціи—не повернулось же. „Все свято: ибо все—отъ Христа, и—начиная съ Христа" по несомнѣнному, провѣренному преданію, съ дачею людямъ всѣхъ правъ сомнѣнія и отрицанія, но съ необходимостью же для

нихъ согласиться, и уже тогда согласиться твердо и окончательно, когда сама свобода ничего не могла сказать въ отрицаніе истины. Извѣстно, что передъ каждымъ возглашеніемъ новаго святого католики „давали слово адвокату дьявола“: каждый могъ, безъ насмѣшки надъ собою, безъ угрозы себѣ, войти на каѳедру и начать отрицать заслуги предлагаемаго святого, критиковать его жизнь или „житіе“ и вообще отрицать его. Нѣтъ, у насъ на Востокѣ этого бы не дозволили. О рабствѣ въ Католицизмѣ навраны горы пустяковъ: нѣтъ, такое гордое и долговѣчное зданіе на рабствѣ не основывается. Католицизмъ зналъ (и знаетъ) безграничную свободу,—но не вѣковѣчную, не переходящую въ анархію: послѣ свободы *сегодня* и для *меня*—на завтра и для дѣтей моихъ выросталъ столь же необыкновенный авторитетъ, какъ была необыкновенна свобода, на сегодня данная. „Съ чѣмъ отецъ согласился — да не отрицаютъ того дѣти; но они въ свою очередь суть тоже отцы, и для нихъ есть свой удѣлъ свободы: однако только въ отношеніи внуковъ, которымъ будетъ уже обязательно это рѣшеніе теперешнихъ дѣтей“. Пока, съ прогрессомъ, поле свободы не суживалось болѣе и болѣе—и ко временамъ Лютера, Коперника, Галилея, Колумба—не дошло до удушенія, до не возможности для всего человѣчества дышать. Нѣтъ, католичество творило геніально и свободно; въ самихъ дѣлахъ вѣры оно было свободно до атеизма (бывали такіе папы), до бунта, до революціи (и такіе папы были); послѣдуя и Ѳомѣ, который усомнился въ воскресеніи Христа, и Петру, который отъ Него отрекся: и сохраняя во всемъ этомъ апостольство, т. е. необыкновенную преданность Христу, Который именно о преемникахъ Петра сказалъ необыкновенное и спеціальное слово, ни къ кому иному

не отнесенное: „паси овцы Мои“. Пастырство всемірное—вотъ мечта Рима; пастырство по слову Христа, т. е. увѣренное до самозабвенія, не сомнѣвающееся о себѣ и въ Варѳоломѣевскую ночь. Какъ мы не можемъ сравнивать съ Москвою Калуги,—хотя Калуга тоже хорошій городъ,—такъ папы не могли уравнять съ Римомъ ни Константинополь, ни Аугсбургъ, ни Москву, ни Берлинъ. Папы, можно сказать, связаны съ Римомъ, и несутъ на себѣ его трагедію, а не то, чтобы папы ввели Римъ въ трагическую судьбу. Римъ больше папъ—вотъ въ чемъ секретъ; въ Авиньонѣ папы были уже ничто, и только пока были въ Авиньонѣ. Вернулись въ Римъ—и все опять стало мощно, необыкновенно, стало опять значительно и вліятельно, несмотря на пережитыя униженія (пощечина Бонифацію VIII). За Римомъ стоитъ Петръ, таинственно пришедшій туда и тамъ умершій, способомъ—предсказаннымъ Христомъ; за Петромъ—Христосъ... Папамъ ли было не замутиться въ умѣ, не ослабѣть передъ такими обѣщаніями и соблазнами... пока скверная „пиковая дама“ не замигала изъ сданныхъ картъ. Разумѣю все теперешнее положеніе папства передъ лицомъ европейской цивилизаціи: уже открытой Америки, вертящейся около солнца земли, рабочаго вопроса, передъ лицомъ свѣтскихъ королей, невѣрующихъ парламентовъ, отнятой у нихъ Италіи, отрекшейся отъ нихъ Франціи, не думающей соединяться съ ними Россіею, и т. д. и т. д. Признаковъ „пиковой дамы“ слишкомъ много, и только азартъ мѣшаетъ Ватикану замѣтить то, что всѣ видятъ. Да вѣковѣчная невозможность ему—„повернуть“.

Исторія Католицизма вся въ этой великой игрѣ страстей и сокрытой за нею таинственной магіи, которая управляла папами, какъ гипнотизеръ своею сом-

намбулою, или, пожалуй, какъ луна управляетъ лунатикомъ. Всѣ знаютъ безнравственное ученіе іезуитовъ (о чемъ писалъ Самаринъ): повѣримъ ли мы, что всѣ іезуиты лично и за себя безнравственны? Но они всѣ и лично этого не чувствуютъ, какъ и инквизиторы вовсе не чувствовали своей жестокости. Вотъ примѣръ сомнамбулизма, безответственности сомнамбулы, безстрашія сомнамбулы. Тутъ именно шалости „пиковой дамы“: невѣроятнаго, чему пришлось повѣрить Герману, потому что умершая или убитая имъ старуха дѣйствительно всегда выигрывала и вообще имѣла секретъ картъ. „Какъ неоспоримо Христосъ повелѣлъ намъ пасти своихъ овецъ: такъ несомнѣнно мы и при томъ только мы одни правы, когда пасемъ и посколько пасемъ человѣчество“. Признакъ власти, невѣроятной, несбыточной—у нихъ въ рукахъ: кромѣ зрѣлища, что никто имъ не повинуется (на послѣдокъ временъ). „Ну, такъ *должны* повиноваться! Ну, такъ *будутъ* повиноваться!“ Не это-ли та вѣра, о которой сказано: „если съ вѣрою скажете горамъ—двиньтесь, они двинутся“?

Хомяковъ какъ въ личную сердечную драму Лютера не заглянулъ глубоко (безъ любви) и не постигъ ея земной великой правды,—такъ и на трагедію папства онъ посмотрѣлъ поверхностно, не открывъ въ ней этого небеснаго магическаго момента (сомнамбула). Все представилъ онъ какъ борьбу самолюбій. Перечтемъ такую же центральную у него страницу о папствѣ, какую привели о лютеранствѣ:

> „Со времени основанія своего апостолами Церковь была едина. Это единство, обнимавшее весь извѣстный міръ (не папы ли и папство и объединили, къ X-му вѣку, этотъ „міръ“?), связывавшее Британскіе острова и Испанію съ Египтомъ и Сиріею, не было нарушаемо. Когда возставала ересь (т. е. раздѣленіе? а когда же она не „возставала“?), христі-

анскій міръ посылалъ своихъ представителей, своихъ высшихъ сановниковъ (ну, вотъ такъ католичество и собралось при появленіи „ересей“ Гуса и Лютера, на соборы Констанцскій и Вормскій) на эти священно-важныя собранія, называемыя соборами,—собранія, которыя несмотря на безпорядки и иногда даже насилія (гдѣ же тутъ „цѣлокупная любовь“?), затмѣвавшія ихъ чистоту (значитъ есть „пятна“? но посмотрите—въ итогѣ безъ „пятенъ“), представляютъ своимъ мирнымъ (?) характеромъ и возвышенностью вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію, благороднѣйшее изъ всѣхъ зрѣлищъ исторіи. Церковь всецѣло принимала или отвергала опредѣленія этихъ собраній („слуга“-то, „принесшій лимонадъ пастору“, не также ли безмолвно съ нимъ соглашался?), смотря по тому, находила ли ихъ сообразными или противными своей вѣрѣ и своему преданію, и называла „вселенскими“ тѣ изъ соборовъ, которые признавала выраженіемъ своей мысли. Временный авторитетъ въ вопросахъ дисциплины (почему „временный“, если рѣшенія абсолютно вѣрны? а если они не абсолютны вообще, почему для слѣдующаго, второго поколѣнія, также имѣющаго право судить, они авторитетны?)—они становились неопровержимымъ и непоколебимымъ свидѣтельствомъ въ вопросахъ вѣры. Они были голосъ Церкви. Ереси не нарушали этого божественнаго единства: онѣ были заблужденіями личными (да аріанство обнимало почти весь Востокъ; прочія ереси увлекали царства и во всякомъ случаѣ провинціи), а не расколами провинцій или епархій. Таковъ былъ порядокъ церковной жизни, внутренній смыслъ котораго скоро забытъ былъ на Западѣ“.

Всякій понимаетъ, что „расколы“ перестали подниматься не отъ отсутствія возможности ихъ, а отъ потери интереса къ предметамъ ихъ. Все, цѣлое море мысли и вопросовъ, стало относиться къ области „схоластики“: и когда образованные слои европейскаго человѣчества обратились къ другимъ вопросамъ, политическимъ, философскимъ, экономическимъ,—то „перестали быть и ереси“, а народы, какъ подавшій лимо-

надъ пастору слуга, пассивно пошли за большинствомъ и за прошлымъ. Этотъ-то вожделѣнный „миръ“, который былъ миромъ равнодушія, Хомякову представляется достигнутымъ „организмомъ цѣлокупной любви“ и „не подлежащимъ пересмотру рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ“. И вотъ онъ начинаетъ критиковать, въ мотивировкѣ— слащавый, а въ цѣли— безпощадный:

„Предположимъ, какой-нибудь путешественникъ, въ концѣ или въ началѣ IX вѣка, пришелъ съ Востока въ одинъ изъ городовъ Франціи или Италіи. Полный мысли объ этомъ древнемъ единствѣ, полагая себя среди братьевъ, онъ входитъ въ храмъ, дабы освятить (!) седьмой день недѣли. Полный искренности и любви, онъ присутствуетъ при богослуженіи. Онъ слышитъ эти высокія молитвы, наполнявшія его сердце радостію съ самаго ранняго дѣтства. Онъ слышитъ слова: „Возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа“. Онъ слушаетъ. А вотъ въ церкви возглашается Символъ вѣры христіанской и каѳолической,— Символъ, для котораго каждый христіанинъ долженъ жить, и за который долженъ умѣть умереть (да почему за одинъ Символъ вѣры, а напр. не за слова Христа: „паси овцы Мои“, или не за слово апостола, соблюдаемое въ англиканской церкви: „епископъ долженъ быть единыя жены мужемъ“? Но на Востокѣ оба эти слова выслушаны были глухо). Онъ слушаетъ... это Символъ измѣненный, Символъ неизвѣстный (т. е. вставлено filioque). На яву или во снѣ онъ это слышитъ? Онъ не вѣритъ своимъ ушамъ[1]), сомнѣвается въ своихъ чувствахъ. Онъ освѣдомляется, проситъ поясненій. Онъ полагаетъ, что зашелъ въ собраніе сектантовъ, отвергнутыхъ мѣстною церковью. Увы, нѣтъ.

[1]) Замѣчательно, до чего во всемъ этомъ мѣстѣ гнусно-ханженской тонъ у Хомякова! Вотъ ужъ московская просфирня, вздумавшая поступить въ охранное отдѣленіе, и для „удобствъ службы“ одѣвшая захваченный со стороны „стихарчикъ“. Увѣренъ, не инымъ тономъ пытали подсудимыхъ въ московскихъ застѣнкахъ и въ „святѣйшемъ судилищѣ“ (инквизиція) Рима, этихъ „охранныхъ отдѣленіяхъ“ Іисусова „кагала“ (см. выше стр. 259).

Онъ слышитъ голосъ самой мѣстной церкви. Весь патріархатъ, и наиболѣе обширный, цѣлый міръ произвелъ расколъ... Удрученный печалью (!), путешественникъ жалуется; его утѣшаютъ. „Мы прибавили самую малость“,—говорятъ ему, какъ не перестаютъ намъ повторять это латины до сихъ поръ.—„Если это малость, зачѣмъ же вы прибавили?“—„Это вопросъ совершенно отвлеченный“.—„Почемуже знаете вы, что вы его поняли?“—„Но это наше мѣстное преданіе“.—„Какъ оно могло найти мѣсто во́ вселенскомъ Символѣ, вопреки формальному (да что за „формальности“, и съ прокурорской строгостью, въ вѣрѣ, да еще основанной на „цѣлокупной любви“?) опредѣленію вселенскаго собора, воспретившаго всякое измѣненіе Символа?“—„Но это преданіе общее, и мы выразили его смыслъ по мѣстному мнѣнію“.—„Мы не знаемъ этого преданія; да и во всякомъ случаѣ, какимъ образомъ мѣстное мнѣніе можетъ найти мѣсто во всеобщемъ Символѣ? Познаніе божественныхъ истинъ развѣ уже не есть даръ, ниспосылаемый всеобщности Церкви? Чѣмъ заслужили мы такое исключеніе? Не только не подумали вы съ нами посовѣтоваться, но даже не приняли на себя труда увѣдомить насъ! Ужели мы такъ глубоко пали! И однако, едва ли вѣкъ прошелъ, какъ Востокъ произвелъ величайшаго изъ христіанскихъ поэтовъ и, можетъ быть, блистательнѣйшаго изъ богослововъ, Дамаскина! И мы считаемъ еще среди себя исповѣдниковъ, мучениковъ вѣры, ученыхъ, философовъ, полныхъ знаніемъ христіанства, подвижниковъ, чья вся жизнь есть молитва (и у католиковъ, даже у іезуитовъ, все это было и есть, нисколько не прекратилось послѣ „раздѣленія церквей“). За что вы насъ отвергли (за что *мы* ихъ „отвергли?“)... Но сколько бы ни говорилъ бѣдный путешественникъ, расколъ былъ сдѣланъ. *Міръ римскій* (курсивъ Хомякова) *совершилъ дѣйствіе, въ которомъ подразумѣвалось объявленіе, что міръ Восточный есть не болѣе, какъ міръ илотовъ въ вѣрѣ и ученіи. Церковная жизнь* (т. е. основанная на любви, согласіи) *кончилась для половины Церкви*“.

Такъ Хомяковъ похоронилъ весь Западъ: не говоря о лютеранахъ, „церковная жизнь кончилась и въ католичествѣ“. Она осталась на Востокѣ, гдѣ на фунда

ментѣ „цѣлокупной любви“ не позволили даже напечатать это и другія его богословскія сочиненія, изданныя въ Прагѣ. „Путешественникъ, зашедшій въ римскій храмъ“, въ дѣйствительности зашелъ туда не чтобы „единомыслiемъ исповѣдать Отца и Сына и св. Духа“, а съ довольно каверзною и уже заранѣе рѣшенною мыслью — найти тамъ что-нибудь, что бы отвергнуть, осудить; и осудить молящихся въ немъ по тому собственно мелочному мотиву, что его „въ свое время не увѣдомили“. Здѣсь, во всемъ этомъ „армянскомъ“ методѣ разсужденія, разверзается такая сухость сердца, придирчивость ума, такое жестокое отношеніе къ ближнему, къ страдальцу западному во время нашего вѣкового сна, какіе возможны именно въ странѣ, гдѣ только *спорили*, а не *жили*, и даже гдѣ только снизу посматривали на чиновниковъ, которые одни все и дѣлали. Ядовитый путешественникъ забылъ, что у католиковъ не одно „filioque“, а и культъ Мадонны,—безъ всякихъ подобій его у насъ; что у нихъ иное все понятіе о Церкви, все *чувство Церкви;* что у нихъ однако на церковно-религіозной почвѣ вылилось такое великое созданіе какъ „Divina Comedia“, когда у насъ на той же почвѣ появилась у безспорно геніальнаго человѣка только „Переписка съ друзьями“, и проч. Католики вовсе не „забыли насъ увѣдомить“: а просто, между Гибралтаромъ и Эльбой (пространство довольно обширное, составъ народовъ довольно сложный) продолжали жить по своему, совершенно поглощенные внутренней своей работой. „Илотами“ они насъ не называли; а Хомяковъ съ такимъ наслажденіемъ назвалъ ихъ „илотами вѣры“ („потеряли церковную жизнь“), что практическій споръ: у кого сохранилась жемчужина простоты, любви и мира — этимъ рѣшается безповоротно.

1904.

Еще о славянофилахъ и о г. Ник. Соколовѣ.

На вопросъ, отчего мало читаемые журналы и газеты говорятъ въ полемикѣ такимъ картиннымъ языкомъ, какого остальная литература не выдерживаетъ, онъ нигдѣ не принятъ,—можно отвѣтить: „они оттого и употребляютъ невозможный языкъ, что ихъ приблизительно никто не читаетъ“. Плеснуть сѣрной кислотой въ лицо человѣку—это ужасно! А выплеснуть ее на дворъ?—это ничего не значитъ.

Безъ коментаріевъ, безъ доказательствъ, безъ цитатъ, г. Ник. Соколовъ въ статьѣ „А. С. Хомяковъ и Н. Я. Данилевскій“ такъ отвѣчаетъ на мою статью, написанную по поводу столѣтія со смерти Хомякова:

> „Г-нъ Розановъ, отбросивъ всякій стыдъ передъ читателями, которыхъ онъ должно быть считаетъ сущими невѣждами, клеветнически оболгалъ Хомякова, приписалъ ему мысли, какихъ у него никогда не было (да вѣдь я взялъ *цитаты!!*) и для борьбы съ Хомяковымъ обворовалъ Хомякова, т.-е, мыслями Хомякова мечталъ его прикончить. Онъ говоритъ, что въ проповѣди любви у Хомякова мало любви и это любовь не настоящая, а что настоящая любовь только у него, г. Розанова, и что только онъ, г. Розановъ, сверхъ-блудникъ и сверхъ-босякъ, весь татуированный хитрыми узорами растлѣваемаго имъ богословія, любить умѣетъ.. Про какую любовь говоритъ г. Розановъ, можно видѣть по его совершенно непристойной статьѣ объ еврейской мнквѣ и объ индивидуальной физіономіи всякаго, даже совершенно негоднаго фаллуса“.

Такъ „крѣпко“ говорятъ не только мальчики въ сапожныхъ мастерскихъ, но и заслуженные чиновники Министерства Внутр. Дѣлъ, пописывающіе въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Оставимъ брань въ сторонѣ. Упрекая не одного Хомякова, но и весь московско-аристократическій кружокъ славянофильства въ недостаткѣ простой

и *непосредственной* любви къ народу, я имѣлъ въ виду совершенно опредѣленный документъ, именно предсмертное письмо, написанное Т. Н. Грановскимъ къ К. Д. Кавелину. Умирающій професоръ диктовалъ его своей женѣ; не только собственное личное тяжелое положеніе, но и страшныя минуты, переживаемыя тогда всею Россіею (паденіе Севастополя, вѣсть о которомъ только что разнеслась) — все это исключаетъ мысль о не серьезномъ тонѣ письма. Въ немъ онъ, между прочимъ, сильно порицаетъ и Герцена, только-что начавшаго тогда издавать „Полярную Звѣзду“:

> „Личность осталась та же, нестарѣющая, горячая, благородная, остроумная, но дѣятельность—ничтожная и пониманіе вещей самое дѣтское“.

Но вотъ что онъ говоритъ о славянофилахъ, и не забудемъ, что это — непосредственное нравственное впечатлѣніе отъ людей, которыхъ онъ *лично зналъ и видѣлъ:*

> „...Самаринъ, поступившій въ ополченіе, доказываетъ всю важность теперешнихъ событій тѣмъ, что по окончаніи войны офицерамъ, служившимъ въ ополченіи, можно будетъ носить бороду: слѣдовательно, кровь севастопольскихъ защитниковъ не даромъ пролилась и послужила къ украшенію лицъ Аксаковыхъ, Самариныхъ и братіи. Эти люди противны мнѣ какъ гробы. Отъ нихъ пахнетъ мертвечиною. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда“. (Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина“, томъ XIV, стр. 183).

Что же дѣлать, если таковы впечатлѣнія? Если разсужденія, что паденіе Севастополя способствовало къ украшенію бороды,—напоминаютъ о чемъ-то среднемъ между французскими кокотками и Нероном, во время пожара Рима воспѣвавшимъ паденіе Трои?! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это—мелочь, но какъ она важна, до чего характерна!! У людей, у партіи очевидно нѣтъ *обще-*

русскаго чувства, нѣтъ трудовой и нравственной солидарности *съ народомъ*, если по поводу бѣдствія Россіи, при видѣ слезъ Россіи (кто тогда не плакалъ?) люди заговорили только о куафюрѣ! Письмо—предсмертное, писанное за два дня до кончины, и крикъ: „противны какъ *гробы*, ни одного *благороднаго* взгляда"—выражаетъ именно этическое и именно непосредственное, почти физическое, зрительное и слуховое впечатлѣніе отъ хорошо узнанныхъ людей... Письмо это не могло не запечатлѣться и въ моей душѣ. И когда пришла минута сказать о Хомяковѣ свое слово, я сказалъ: „въ нихъ не было любви, они никого, кромѣ *своей партіи* и *своихъ предубѣжденій*—не любили".

Вотъ и все. Пусть г. Соколовъ справится не со мною, а съ Грановскимъ (это—документъ, изъ исторіи этого письма не вычеркнешь); пусть порицаетъ въ разныхъ нравственныхъ порокахъ не меня, а его.

Кстати, и о впечатлѣніи его отъ моей литературной дѣятельности. Это впечатлѣніе конечно каждый можетъ имѣть свое. Но уже доведя до широкой публики аттестацію изъ не читаемаго журнала, напоминающаго мнѣ „петербургскія катакомбы", я въ правѣ уравновѣсить этотъ отзывъ другимъ, во всякомъ случаѣ морально и научно-компетентнымъ: приведя взглядъ Дарвина на законы наслѣдственности и на предложеніе его государственною властью запрещать браки между „производителями" недостаточно здоровыми, проф. Московской Духовной Академіи М. М. Тарѣевъ пишетъ:

> „Нельзя не упомянуть съ глубочайшею благодарностью о литературной дѣятельности нашего В. В. Розанова на пользу этики зачатія (слѣдуетъ ссылка на книгу „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго"). Сравните съ этимъ голосомъ разума (sic!) безчувственность въ этомъ отношеніи народной религіозной совѣсти, которая однако очень чувствительна

къ ритуальнымъ мелочамъ, окружающимъ таинство брака“ („Религія и нравственность“, „Богословскій Вѣстникъ“, ноябрь).

Г-нъ Соколовъ можетъ выругать и проф. Тарѣева. Между тѣмъ онъ (т.-е. Тарѣевъ, а не Соколовъ) понялъ ту простую мысль, которой не понимаютъ почти всѣ читатели книги „Въ мірѣ неяснаго“: что я существенно сгущаю и продолжаю мысль Церкви, какъ она выразилась въ III—IV вв. по Р. Х. (время происхожденія обряда теперешняго вѣнчанія) относительно супружества и семейной вообще жизни. Объясню все сравненіемъ. Корабль выплываетъ изъ гавани для далекаго, невѣрнаго и опаснаго путешествія. Не подобна ли ему всякая супружеская чета? На берегу служатъ молебенъ мореплавателямъ, по особому содержащемуся въ „Требникѣ“ чину „отходящимъ въ путь“. Добрый обычай, счастливый законъ. Ободреніе и нѣкоторая надежда странствователямъ. Но не надежнѣе-ли, однако, *взять священника на бортъ корабля и непрерывно слушать молитвы и тѣніе, и всѣ слова утѣшенія и ободренія, на самомъ кораблѣ и во все время пути?* Кто изъ одобряющихъ молебенъ на берегу имѣлъ-бы право и основаніе порицать этотъ *другой способъ того же отношенія къ той же вещи?* Вѣдь въ III—IV вѣкѣ мысль могла наклониться и къ одному способу, и къ другому. Между тѣмъ взгляните на результаты. Вѣдь, напримѣръ, девять мѣсяцевъ беременности закладываютъ *фундаментъ души* будущаго новорожденнаго; и, въ концѣ-концовъ, и у всего населенія — закладываютъ, образуютъ и нѣсколько воспитываютъ *душу цѣлаго народа*. „Каковъ въ колыбельку—таковъ и въ могилку“—это рѣшило 1,000-лѣтнее наблюденіе. Это ли не мѣсяцы *особаго настроенія* будущихъ матерей? И не можемъ ли мы, не могла ли бы, напр., религія, уступивъ хоть моимъ словамъ, сообщить имъ въ это *уси-*

ленно важное время усиленно возвышеннаго настроенія? Далѣе, если мы имѣемъ (въ Петербургѣ) „Соборъ всей гвардіи", „Соборъ всей артилеріи", съ знаменами, развѣшанными по стѣнамъ, съ пушками возлѣ паперти, съ молитвами о „воинствѣ" и „побѣдахъ": то отчего же не быть *отдѣльному храму* и нѣкоторымъ *особымъ молитвословіямъ*, со своими напѣвами, съ созерцаніемъ особой стѣнной живописи (библейскія картины) для матерей, для беременныхъ, для зачинающихъ?! гдѣ было бы вовсе исключено все аскетическое и раздвинуто и выражено все жизне-*творческое*, семейно-*домашнее*! Совершенно позволительная мысль, о которой мечталъ, путешествуя на Аѳонъ, уже знаменитый епископъ Порфирій Успенскій. Легко догадаться, что душа человѣка, столь неотдѣлимая (увы!) отъ его физіологіи, отъ таинственнаго особаго сложенія его организма, будучи *въ самой физіологіи сплетена въ одинъ клубокъ съ религіею*—стала бы вообще болѣе чутка и впечатлительна ко всему нездѣшнему, ко всему загробному, ко всему пре-мірному. Ибо вѣдь что же такое „пѣсня Ангела", которую „слышалъ и полу-забылъ, но забылъ не вовсе" человѣкъ до своего рожденія?! Конечно, это только настроенія матери, особо передающіяся ребенку! Ребенокъ, еще изъ темной могилки своей, видитъ душу матери съ такой особой стороны, какая никому не открыта, да и она сама о себѣ всего не знаетъ. Все, что мы именуемъ „врожденными идеями". до-временными предчувствіями,—Богъ, загробный міръ. Послѣдній Судъ, грѣхъ и правда, идеалы терпѣнія и подвига—все „врожденное" и есть просто *переживанія* матери, думы и пѣсенки ея, пѣсенки и молитвы, и страхъ о возможности смерти (въ родахъ), своеобразно отразившіяся на плодѣ въ ея чревѣ, *толкнувшія* его,

обласкавшія его, согрѣвшія... Вотъ религія-то, черезъ *соотвѣтственное чтеніе, обряды, службы, музыку, живопись*, наконецъ черезъ соотвѣтственныя легенды и *воспоминанія*, могла бы сотворить *чудные по высотѣ и нѣжности мотивы для душевной жизни* беременныхъ, грядущихъ матерей! И вмѣсто того, чтобы уже *потомъ дѣлаться* (воспитаніе, судъ) благородными, — вмѣсто того, чтобы *пріучаться* къ благородству,—люди (младенцы) уже *рождались-бы благородными*, съ *естественною* („врожденною") *склонностью къ добру и отвращеніемъ ко злу*. Вотъ это я и называю: взять священника на корабль вмѣсто того, чтобы отслужить напутственный молебенъ [1]). Мнѣ кажется, этого уже инстиктивно ищутъ теперь; матери въ это время *избѣгаютъ дурныхъ впечатлѣній*; родные, ближніе, друзья боятся *испугать*, *разстроить* беременную. Но это только *азбука*, когда есть *цѣлая книга!* Если есть эта тенденція у частныхъ людей въ хорошихъ семьяхъ,—отчего религіи не выступить ей могущественно на помощь, навстрѣчу? И звать къ этому,— неужели „развращать богословіе"?! Если оно *принципіально* внѣ жизни, тогда, пожалуй—*да*. Но я считаю богословіе *жизненнымъ*; и позволительно *глубже* звать его въ жизнь. 1904 г.

---

[1]) Теперешняя форма брака, обнимающая лишь *часъ* времени передъ 30—40 годами семейной жизни. Иногда думается: ну, пусть-бы остался, какой есть теперь, обрядъ вѣнчанія, *но пусть-бы онъ для супруговъ повторялся черезъ извѣстные темпы времени*, по *полугодіямъ*, во всякомъ случаѣ *ежегодно* (какъ исповѣдь напр.), дабы продолжать и возобновлять свое дѣйствіе, „благодать" что-ли, или (по моему: ибо въ вѣнчаніи я отрицаю „таинство") молитву и художественное воздѣйствіе. Еще: есть въ „Требникѣ" чинъ молебна, служимаго надъ колодцемъ, изъ котораго вытащена дохлая мышь. Это очищается питьевая вода. Но отчего-же Церковь не сложила молебна, особеннаго трогательнаго богослуженія, для семей *начавшихъ ссориться*? Только и есть одинъ на это отвѣтъ: да Церковь

ОБЪ ОДНОЙ ОСОБЕННОЙ ЗАСЛУГѢ Вл. С. СОЛОВЬЕВА.

Всѣ, слушавшіе въ 80-хъ годахъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, сохраняютъ, вѣроятно, длительную и теплую память о покойномъ профессорѣ церковной исторіи, протоіереѣ Иванцовѣ - Платоновѣ. Человѣкъ европейской науки, онъ по характеру и всему внѣшнему облику былъ кровно-русскій человѣкъ. А я давно уже наблюдалъ, что, кажется, нигдѣ не находишь столько свѣта, какъ въ этомъ, къ сожалѣнію—рѣдкомъ, сочетаніи русской сметки, добродушія, благожелательности, прямого отношенія къ дѣлу, съ европейскою освѣдомленностью и заинтересованностью. Европа даетъ темы; но когда къ рѣшенію ихъ подходитъ русскій характеръ, не измѣнившій землѣ своей и силѣ этой земли, получается волнующее по интересу зрѣлище. Таковъ-то и былъ нашъ покойный наставникъ въ Москвѣ, въ простой коричневой рясѣ, съ грубымъ выговоромъ на „о“, но посвятившій насъ, между прочимъ, во всѣ тонкости германскаго философскаго идеализма, сплетшагося съ протестантскимъ богословіемъ, изъ какового сплетенія выросла чудовищная по объему и значительности германская наука объ исторіи Церкви, о судьбахъ и характерѣ христіанства. И вотъ Иванцовъ-Платоновъ, кончивъ за годъ обзоръ католическаго и протестантскаго богословія, переходилъ къ роднымъ нивамъ на той же почвѣ, около тѣхъ же религіозныхъ

никогда о семьѣ не думала и никогда о ней не заботилась, ибо она *-дѣвственная, монашеская, аскетическая, скопческая, анти*-супружеская и *анти*-семейная!

вопросовъ. Онъ привставалъ отъ волненія и неуклюже обдергивалъ на себѣ рясу. Также голосъ звучалъ на густое „о“. Лицо его дѣлалось унылымъ и стыдливымъ: „что касается до насъ, русскихъ, то грустно и стыдно становится за родную литературу, за родное наше богословіе“... Я, конечно, не могу передать сейчасъ дальнѣйшей его рѣчи: но ее слушали десятки русскихъ филологовъ, и вѣрно всѣ они сохраняютъ воспоминаніе объ этомъ переломѣ въ лекціяхъ почтѣннаго ученаго, переходившаго отъ глубокой заинтересованности, отъ великаго почтенія, пока шла рѣчь о западномъ мышленіи и эрудиціи, къ унынію, разочарованію и скукѣ, когда онъ переходилъ къ книгамъ отечественнымъ.

Тотъ же отзывъ далъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ: „наше отечественное русское богословіе дальше компиляцій не шло; возьмешь лучшіе труды,—и все же это только компиляція, безъ знакомства съ первоисточниками“.

Еще раньше его Ю. Ѳ. Самаринъ тотъ же взглядъ высказалъ въ извѣстной диссертаціи „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ“ (опубликованной много позднѣе послѣ написанія): „Прокоповичъ и Яворскій выражали: одинъ—протестантскія тенденціи, другой—католическія; безъ всякаго подозрѣнія, что можетъ быть русское направленіе“.

И вотъ, суммируя эти взгляды трехъ равно русскихъ, равно свѣтлыхъ душъ, спрашиваешь: „да отчего-же, отчего?“

Находишь отвѣтъ на это, косвенный, въ знаменитомъ (по удачности) мнѣніи, какое высказалъ о Вл. Соловьевѣ профессоръ Московскаго университета, г. Лопатинъ: „онъ (Соловьевъ) первый у насъ сталъ заниматься *темами* или *предметами самой философіи*, а не

мнѣніями объ этихъ темахъ западныхъ философовъ; и черезъ это сталъ первымъ русскимъ философомъ". Опредѣленіе это необыкновенно удачно. По безсилію ли, по скромности ли, по какой ли иной причинѣ, русскій „философъ" никогда не брался за изслѣдованіе самого предмета, самой темы, бывшей интересною уже начиная съ Ѳалеса; но съ Ѳалеса и до нашихъ дней онъ зналъ всѣ *мнѣнія*, высказанныя объ этой темѣ греками, итальянцами, французами, голландцами, нѣмцами, англичанами. Всѣ они, русскіе философы до Соловьева, были какъ бы отдѣлами энциклопедическаго словаря по предмету философіи, безъ всякаго интереса и безъ всякаго рѣшительнаго взгляда на что бы то ни было. Соловьевъ, можно сказать, разбилъ эту собирательную и бездушную энциклопедію и замѣнилъ ее правильною и единоличною книгою, мѣстами даже книгою страстною. По этому одному онъ и сталъ „философомъ". Теперь,—если эту удачную мысль г. Лопатина перекинуть на богословіе, то и ея судьбы, надъ которыми плакались Иванцовъ-Платоновъ, Самаринъ и Гиляровъ-Платоновъ, можно очень объяснить тѣмъ, что наша литература здѣсь тоже „занималась не предметами, а мнѣніями". Уныніе своего профессора, когда онъ перешелъ отъ иностранныхъ литературъ къ русской, я могу пополнить глубокимъ собственнымъ унынiемъ, какое испыталъ, читая обширную статью проф. Б. Тураева въ первомъ томѣ „Православной богословской энциклопедіи" объ... абиссинской церкви! Посмотрите, напримѣръ, о чемъ спорили:

„Они (часть абиссинцевъ) право вѣрили, что Сынъ существенный есть Христосъ по человѣчеству, и въ признаніи различія этой человѣческой стороны заходили дальше всѣхъ монофизитовъ. Въ связи съ этимъ они говорятъ о

трехъ рожденіяхъ Спасителя: предвѣчномъ — отъ Отца, во времени—отъ Матери, и—отъ св. Духа; второе есть соединеніе, третье—„помазаніе“ („помазаніемъ—Сынъ благодати“). Оно совершено Отцомъ въ моментъ соединенія, т. е. воплощенія, но явлено міру во Іорданѣ. Какъ прямая противоположность этому близкому къ православію ученію, выдѣлилась въ Тигрэ (столица Абиссиніи) изъ ученія „кебатъ“ наиболѣе крайняя монофизическая доктрина, заслонившая годжамскую. Она учитъ, что Христосъ помазалъ Самъ Себя Самимъ Собою, что человѣчество Его поглощено Божествомъ, что при вознесеніи Онъ совлекъ съ Себя даже плоть. Этотъ толкъ получилъ названіе „вѣры ножа“. Въ связи съ этими крупными вопросами стоятъ еще другіе, волнующіе абиссинцевъ: 1) о природѣ человѣка новорожденнаго и 2) о почитаніи Божіей Матери. Держась воззрѣнія о возможности грѣха лишь при сознаніи, одна партія утверждаетъ, что младенцы рождаются безгрѣшными; но другая, къ которой примыкаетъ и партія „соединенія“, считая сознательное съ перваго мгновенія существованія человѣческой души—единственно достойнымъ Богочеловѣка, изъ этого выводятъ сознательность вообще утробной жизни всякаго младенца, а слѣдовательно и о возможности грѣха до рожденія (т. е., что 1) Христосъ пережилъ всѣ фазы утробной жизни при воплощеніи; 2) но какъ Божеству, Ему нельзя приписать когда-либо безсознательности; 3) слѣдовательно—и въ утробѣ младенецъ сознаетъ, а значитъ и можетъ согрѣшить). Съ другой стороны, послѣдователи „вѣры ножа“ боятся неумѣреннымъ чествованіемъ Богоматери напоминать объ единосущіи намъ Спасителя по человѣчеству, тогда какъ враждебная имъ партія утверждала, что Божіей Матери подобаетъ вмѣстѣ съ Ея Сыномъ божеское поклоненіе. Борьба толковъ происходила и на соборахъ, и при дворѣ, и отражалась въ политикѣ. На соборѣ 1681 г. годжамцы были преданы анаѳемѣ и изгнаны; при царѣ Іясу, царствовавшемъ отъ 1682 по 1706 г., было три собора, окончившихся также въ пользу партіи „соединенія“. И т. д.

Три церковные собора за одно царствованіе! Спорятъ не только въ народѣ, но при дворѣ, и это отражается въ „политикѣ“, т. е. непремѣнно это было серьезно,

реально, это не ошибка мнѣній, краснорѣчій, а энтузіазмъ и убѣжденіе! Да о *чемъ* спорятъ, не о *пустякахъ* ли? Ну, кто же рѣшится сказать, что это то же, что вопросъ объ „аллилуіѣ сугубой и трегубой“ (вопросъ о томъ, пѣть ли дважды: „аллилуія, аллилуія“, или три раза: „аллилуія, аллилуія, аллилуія“) или о хожденіи „посолонь или противъ солнца“ (т. е. по направленію вправо обходить престолъ или обходить его же по направленію влѣво при богослуженіи), писать ли „Исусъ“ или „Іисусъ“. Мы не хотимъ отнять глубины и интереса въ нашемъ сектантствѣ: но это уже привходящая сюда глубина народнаго *характера* и интересы *быта*, которые осложнили собою собственно *религіозныя* мнѣнія. А послѣднія... Да они никогда и не были мнѣніями „религіозными“, относящимися до „religio“, т. е. „связи“ человѣка съ Богомъ: ибо какая же это „religio“, „отношеніе“ къ Богу, ходить такъ и этакъ, два или три раза произносить одно и то же слово? Всякій скажетъ, что абиссинцы спорили о *предметахъ*, вникали въ Существо Божіе, искали не ошибиться въ своемъ отношеніи къ этому Существу (споры о поклоненіи Божіей Матери); и, какъ лѣстницу къ Божеству — испытывали грѣхъ, размышляя: когда и откуда онъ начинается. Это—споры о *вещахъ*, а не о *мнѣніяхъ* И всякій же скажетъ, что „вещи, до религіи относящіяся“, даже и не приходили вовсе на русскій умъ, занимавшійся исключительно „мнѣніями“, именно—какія были составлены еще въ Греціи задолго до начала Русскаго государства. Родилось наше царство: но ничего о Богѣ не подумало, а только объ этихъ греческихъ о Богѣ мысляхъ, пугаясь не точно ихъ скопировать, радуясь, когда копія выходила точна. Здѣсь, въ этомъ единственномъ страхѣ, Никонъ и его противники слились до тожесловія.

И вотъ послѣдствіе этого — религіозная картина страны, лежащая передъ нами. Отъ споровъ о „двугубой и трегубой аллилуія“ русскій безъ всякой ступени, безъ всего промежуточнаго переходилъ къ атеизму. Уже черезъ 50 лѣтъ послѣ того, какъ Аввакумъ сгорѣлъ въ деревянномъ срубѣ, у насъ появляются въ XVIII вѣкѣ полные атеисты. Народъ нашъ и общество или волновались около „аллилуія“, или не вѣрили вовсе ни во что. Какъ и въ философіи до Соловьева русскій или знаетъ мнѣнія отъ Ѳалеса до Канта, или просто поступаетъ не на тотъ факультетъ, идетъ въ медицину или адвокаты, и уже тогда равно считаетъ вздоромъ и Ѳалеса, и Канта, считаетъ вздоромъ самую философію. Но здѣсь и тамъ, въ религіи и въ философіи, лежитъ одна причина этихъ ужасныхъ скачковъ: незаинтересованность *вещами* и исключительно энциклопедическое, формальное и бездушное вращеніе въ сферѣ „мнѣній“ и подражательности.

Отсюда—бѣдность и всей богословской литературы; отсюда, въ частности, холодъ къ ней образованнаго общества. Пусть литература, философія, политика ниже религіи; однако все же русская литература занимается *подлинною* русскою дѣйствительностью, политика наша относится до *существенныхъ* интересовъ Россіи. Здѣсь темы подлинны, а слѣдовательно и интересъ реаленъ. Но не хочетъ ли кто-нибудь принять участіе въ спорѣ о четырехконечномъ или восьмиконечномъ крестѣ? „Право, не интересно“, скажетъ всякій; „право, не интересно“, вторитъ литература; и вторитъ этому общество, засаживаясь—въ полной матеріализаціи духа—за винтъ, за маленькую интрижку, за послѣдній газетный листъ, за служебную сплетню.

Между тѣмъ что̀ бы такъ могло поднять силы страны

какъ религія? Что такъ могло бы обновить силы народныя? Посмотрите на Германію до реформаціи, и на нее же послѣ нея? Чѣмъ было пресвитеріанство для Англіи и Шотландіи! Мы напоминаемъ факты, конечно, ни малѣйше не маня Россію повторить ихъ. Но Англія, Германія, какъ, впрочемъ, и Абиссинія, проникали въ самое существо религіи, занимались „божественными вещами", чѣмъ заняться никогда не было удѣломъ Россіи.

* * *

Острый, волнующійся, вѣчно досадующій умъ Вл. Соловьева оказалъ и на этой почвѣ огромныя заслуги нашему обществу, нашей Россіи. Споривший съ Хомяковымъ, онъ въ существенномъ продолжалъ его. И онъ, какъ Хомяковъ, но съ несравненно большимъ вліяніемъ и успѣхомъ, началъ выводить русскую мысль къ подлиннымъ темамъ религіи, разрушая царящій вокругъ религіи формализмъ; хочется добавить: „формализмъ почтенія", который такъ родственъ съ тайнымъ и полнымъ отрицаніемъ. И здѣсь ему приходилось трудно. „Вы разрушаете форму, когда мы формою-то только и живемъ", „когда кромѣ формы и формальнаго отношенія—у насъ и нѣтъ ничего"! Но Соловьевъ былъ подлинно религіозенъ; теперь, когда онъ умеръ и извѣстны (изъ посмертнаго разсказа кн. С. Трубецкого) его послѣдніе дни, ни у кого нѣтъ сомнѣнія, что это былъ подлинно религіозный человѣкъ и даже человѣкъ благочестивый. Итакъ, онъ прошелся „ледоколомъ" по нашему религіозному формализму именно отъ того, что въ немъ уже загорѣлся энтузіазмъ къ подлиннымъ религіознымъ темамъ, къ самому „существу" религіи, а не „мнѣніямъ" около нея.

Онъ вошелъ спокойно и твердо въ слѣдующій этажъ

религіознаго сознанія, вошелъ сюда вмѣстѣ съ Хомяковымъ и Самаринымъ, хотя и споря до гнѣва съ ними. Это—уже все равно. По тому одному, что раздались споры о „подлинныхъ религіозныхъ вещахъ",—все необозримое компилятивное наше богословіе, „безъ вѣры, любви и вдохновенія", очутилось разомъ въ нижнемъ этажѣ. Все еще опровергаютъ здѣсь „раскольниковъ", шпыняютъ „штундистовъ", подсмѣиваются надъ „хлыстовствомъ". Но какъ-то безъ уговору всѣмъ становится ясно, что это — мужичьи оспариванія мужиковъ; что полемика здѣсь въ уровень съ объектомъ нападенія, что это — до-петровскій бояринъ и его мужикъ, оба равно безграмотные, равно милые, но равно не видавшіе голландскихъ верфей. Собственно всѣ наши секты, безграмотныя въ своихъ темахъ, и не возникли бы вовсе, не будь у насъ самихъ ужъ слишкомъ элементарнаго анаѳематствованія — „Исуса безъ И", „двуперстнаго" перстосложенія, и т. п. По полю—и травки, по климату—и флора. И какъ весь небосклонъ нашъ былъ занятъ формализмомъ, то и прорывы его были и могли быть только формальнаго же, пустого и безсодержательнаго, смысла. Всегда это такъ бываетъ, что какова „система", таковы и „изъяны" въ ней, каковъ тезисъ—таковъ и антитезисъ.

У Соловьева есть прекрасный взглядъ на старообрядческій вопросъ, именно переводящій его въ тотъ „нижній этажъ" религіозныхъ темъ, гдѣ возможна о немъ улыбка, и невозможно ни 1) сочувствіе къ сектантамъ, ни 2) борьба съ ними.

„Въ *Дѣяніяхъ московскаго собора 1654 г.* разсказывается, какимъ образомъ патріархъ Никонъ началъ то исправленіе церковныхъ книгъ, изъ-за котораго произошелъ нашъ расколъ. Здѣсь съ полною ясностью

можно видѣть сущность тѣхъ воззрѣній, которыхъ держался московскій патріархъ, и дѣйствительный характеръ нашего церковнаго спора.

„Войдя въ книгохранительницу"—разсказывается тамъ,—„Никонъ обрѣте ту грамоту, въ ней же писано греческими письмены, како и коимъ образомъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ начались патріархи поставлятися; написана же сія грамота въ лѣто 7097 (т. е. 1589). И обрѣте еще книгу, написанную съ Собору вселенскихъ патріарховъ греческими же письменны: бѣ же Соборъ той въ Новомъ Римѣ, въ Константинополѣ, въ лѣто 7101 (т. е. 1593 г.). Въ коей книзѣ соборные глаголы сицевы: „*Яко понеже убо совершеніе пріятъ православныхъ Церковь не токмо по благоразумія и благочестія догматамъ, но и по священному церковныхъ вещей уставу* (курс. Вл. Соловьева),—праведно есть и намъ всякую церковныхъ огражденій новизну потреблять,—и яже наученная невредима, безъ приложенія же коего-либо и отнятія, пріемлющимъ (Вл. Соловьевъ подстрочно переводитъ: „т. е. такъ какъ православная церковь завершена или достигла совершенства не только со стороны догматическаго ученія, но и со стороны церковной дисциплины и обряда, то" и т. д.).. И яко да *во всемъ* (курс. С—ва) великая Россія православная со вселенскими греческими патріархи согласна будетъ". Прочетши же сію книгу Государь Святѣйшій патріархъ Никонъ *въ страхъ великъ впаде: не есть ли что погрѣшено* отъ ихъ греческаго закона (т. е. „нѣтъ ли у насъ какого-нибудь уклоненія отъ греческаго закона"). И нача въ нужныхъ разсмотряти, еже есть Сумволъ православныя вѣры: „Вѣрую во единаго Бога" и прочая, и узрѣ въ *Санѣ святительскомъ*, его же отъ грекъ въ царствующій градъ Москву прежде 250 лѣтъ принесе Фотій, россійскій митрополитъ, Сумволъ праведныя вѣры воображенъ шитыми письмены, во всемъ согласующая Святѣй Восточной Церкви: потомъ узре той же Сумволъ въ московскихъ въ новыхъ въ печатныхъ книгахъ, и многая обрѣте несогласія".

„Извѣстно,—продолжаетъ Соловьевъ,—въ чемъ состояли эти несогласія, испугавшія патріарха Никона. Во второмъ членѣ символа вмѣсто „рожденна, не сотво-

ренна" въ московскихъ книгахъ было напечатано: „рожденна, *а* не сотворенна"; въ седьмомъ членѣ вмѣсто: „Его же царствію *не будетъ* конца"—въ московскихъ книгахъ стояло: „Его же царствію *нѣсть* конца"; въ восьмомъ членѣ вмѣсто: „и въ Духа Святаго, Господа животворящаго", въ московскихъ печатныхъ книгахъ читалось: „и въ Духа Святаго, Господа *истиннаго* и животворящаго"...

„То же и святую литургію разсмотрѣвъ", продолжаютъ „Дѣянія собора 1654 г.",—„обрѣте въ ней святѣйшій патріархъ Никонъ ово прибавлено, ово же отъято и превращено. По семъ и во иныхъ книгахъ узрѣ многая несходства".

Всѣ эти „многія несходства" (говоритъ Соловьевъ) въ чинѣ литургіи и въ иныхъ книгахъ—были того же самаго рода, какъ и указанныя выше въ Символѣ. Никонъ, будучи, какъ онъ самъ заявлялъ, „по вѣрѣ грекомъ",—вполнѣ раздѣлялъ то основное заблужденіе византизма (начинается центръ возраженія Соловьева), что будто бы уже „совершеніе пріятъ православныхъ Церковь". И хотя онъ совершенно не могъ бы опредѣлить, когда же именно она „пріятъ совершеніе", тѣмъ не менѣе онъ твердо вѣрилъ, что это произошло когда-то въ Византіи, и что это „совершеніе" обнимаетъ собою безусловно все въ Церкви и не допускаетъ измѣненія въ малѣйшихъ подробностяхъ. Такъ, по его (Никона) словамъ, въ скрижали

„страшная заповѣдь ихъ, Св. Вселенскихъ Соборовъ, равнѣ подлагаетъ анаѳемѣ и прилагающаго, и отъемлющаго и примѣняющаго наименьшее письмо, даже едину черту, или іоту, еже есть *і*, въ Символѣ... Яко отнюдь не подобаетъ въ Символѣ вѣры или мало что, или велика, или гласа, ни склада тамо положеннаго, передвигати, или премѣнити, но цѣло подобаетъ хранити со всею силою и вниманіемъ, аки зѣницу ока, да не подъ анаѳему толикихъ и толь великихъ

Святыхъ Отецъ себя подложимъ". („Византизмъ и Россія"— статья, написанная въ 1896 г., см. „Сочиненія" Вл. Соловьева, т. V, стр. 546 и слѣд.).

Въ состояніи „старообрядчества" пребываетъ до 10 милліоновъ русскаго народа, которые томятся отдѣленіемъ отъ нихъ остального населенія, томятся пренебрежительнымъ на нихъ взглядомъ всей державной, исторической, движущейся впередъ Россіи: и позволительно намъ здѣсь привести это ясное изложеніе историческаго начала спора съ ними. Въ чемъ былъ *испугъ* Никона, та первоначальная *психологія*, которая положила начало всему *послѣдующему* движенію, вѣковому и кровавому? Да это была та же самая психологія и тотъ же самый испугъ, какой издревле и поднесь владѣетъ старообрядцами: тотъ же кругъ интересовъ, вопросовъ, страха, наивной вѣры, что „къ IX вѣку все уже совершеніе пріятъ". Вся эта область — вербальная (verbum = слово), словесная, а — не *эссенціальная*, не существенная, до вещи, до „religio" относящаяся. Только въ пространствѣ пустомъ, гдѣ вовсе не было „вещи" религіи, rei religionis, или, что то же, при явно покинувшемъ насъ Богѣ, могъ возникнуть этотъ споръ о словахъ. Ну, вещей нѣтъ, тогда будемъ заниматься словами; нѣтъ золота, довольствуемся „кредитными знаками". Но страшно, что „кредитные-то знаки" (въ полѣ нашего религіознаго сознанія) не обезпечивались никакимъ позади лежащимъ фондомъ золота. Итакъ, пора сознаться, что Никонъ имѣлъ всю структуру коренного керженскаго старообрядца, не имѣя ни вершка роста противъ него. Какую онъ книгу читалъ, поразившую его? Какъ и темные наши старообрядцы, онъ читалъ книгу „большую, старую", безъ всякаго вопроса о происхожденіи ея, достовѣрности, значительности. Просто:

„прочелъ и испугался“: исторія множества „испуговъ“ нашихъ несчастныхъ сектантовъ. И какъ близко его разсужденіе къ разсужденію латинянъ о невозможности переводить Св. Писаніе съ латинскаго на какой-нибудь другой языкъ: если не позволительно написать вмѣсто: „рожденна, не сотворенна“ — „рожденна, *а* не сотворенна“, то по тому же разсужденію еще грѣшнѣе и еще страшнѣе написать вмѣсто „pater“ — „отецъ“: ибо несходство буквъ еще больше, „гласъ и складъ“ еще болѣе „передвинуты“: а что смыслъ остался тотъ же, то вѣдь онъ и при вставленіи „а“ („рожденна, *а* не сотворенна“) не измѣнился?! Наконецъ, мысль Никона, что „все уже въ Византіи совершеніе пріятъ не токмо по догмату, но и по священному церковныхъ вещей уставу“: вѣдь теперь ученикъ старшаго класса духовнаго училища знаетъ, что правила такъ называемой церковной „дисциплины“ нигдѣ и никогда характера универсальности и вѣчности не принимали; что мѣстныя церкви (какова была и русская при Никонѣ) всегда имѣли свободу сохранять оттѣнки своего исторически сложившагося обычая, законовъ (дисциплинарныхъ) и т. п. Да и что говорить объ „іотѣ“, за премѣненіе которой будтобы угрожаетъ вѣчная гибель и „анаѳема“, когда во всѣхъ изданіяхъ Евангелія (съ посланіями апостольскими) ясно значится текстъ: „Но епископъ долженъ быть непороченъ, *одной жены мужъ*, трезвъ, цѣломудренъ, благочиненъ, страннолюбивъ“ (Посланіе ап. Павла къ Тимоѳею, гл. III, ст. 2),—и между тѣмъ только одна англиканская церковь исполняетъ этотъ текстъ. Когда, однажды, посѣтило меня нѣсколько старообрядцевъ, приглашая придти и послушать ихъ словопреніе съ миссіонерами, — я, отказавшись отъ этого словеснаго пиршества, спросилъ ихъ, какъ они примиряютъ „вѣр-

ность іотѣ“ съ тѣмъ, что у нихъ все-таки епископы непремѣнно не женаты. Учено, тонко и лукаво они отвѣтили: „Мы не отметаемъ текстъ апостола: епископъ можетъ быть семейный. Но только мы (міряне, завѣдующіе у нихъ практическими дѣлами церкви) ради своего удобства и потому, что они намъ болѣе любы—приглашаемъ на епископское *служеніе* (т. е. къ исполненію обязанностей, что есть иное, нежели санъ) людей не семейныхъ. Это наше соизволеніе и обычай, и онъ намъ не запрещенъ никакимъ текстомъ“. Во всякомъ случаѣ это учено и тонко, и не напоминаетъ аляповатыхъ статей въ родѣ: „Раскольникъ, а не старообрядецъ и не старовѣръ“, г. Гринякина въ „Миссіон. Обозрѣніи“. Вообще теперь можно наблюдать, до чего мысль старообрядцевъ тоньше, острѣе и научнѣе (отъ осторожности), нежели ихъ неуклюжихъ полемистовъ: послѣднихъ ничто не стѣсняетъ и они несутъ, на смѣхъ своимъ противникамъ, невообразимую околесицу [1]).

---

[1]) Прошлую зиму здѣсь, на Стремянной, я посѣтилъ „религіозно-нравственныя собесѣдованія“ съ народомъ, имѣвшія полемическую окраску. Къ сожалѣнію, я не слыхалъ краснорѣчиваго миссіонера Булгакова, а услышалъ молоденькаго и неопытнаго миссіонера г. Боголюбова. Онъ говорилъ о „преданіи и писаніи“, что на нихъ „все основывается“, забывъ совершенно, что самая *суть* проповѣди Христовой на стогнахъ іерусалимскихъ заключалась въ *отметеніи* „преданія старцевъ“, т. е. въ зыблемости вообще почвы „преданія“, когда оно не тождесловитъ *со словомъ Божіимъ*. Если бы кто-нибудь, изъ слушавшихъ мужичковъ, всталъ и напомнилъ г. Боголюбову о *текстѣ* Апостольскомъ („епископъ *долженъ* быть единыя жены мужемъ“) и спросилъ его, какъ же теперь православному соединить и *повиновеніе* тексту, и *повиновеніе* преданію, его отметшему, то краснорѣчивому оратору пришлось бы покраснѣть и сойти съ каѳедры. Можетъ быть, ни передъ чѣмъ не пасующій Гринякинъ разрѣшилъ бы вопросъ, подавшій поводъ въ 60-хъ годахъ спросить съ высотъ власти: „Какое подлинное основаніе *монашества*

Я посмѣялся софизму старообрядцевъ, „отцѣдившихъ комара и поглотившихъ верблюда“, т. е. „не отметшихъ“ букву апостольскаго посланія, но измѣнившихъ весь духъ его; ибо весь тонъ и колоритъ Церкви, конечно, является не тотъ, смотря по тому, будетъ ли весь высшій слой духовенства—семейный или монашествующій. Между тѣмъ апостолъ вложилъ прямо сердце свое въ приведенную мысль, повторивъ ее—и какъ лирически—и въ „Посланіи къ Титу“: „Если кто не порочен, мужъ одной жены, дѣтей имѣетъ вѣрныхъ, неукоряемыхъ въ распутствѣ или непокорности; ибо епископъ долженъ быть непороченъ, какъ Божій домостроитель“ (гл. I, стихъ 6—7). Взору апостола, устре-

---

у насъ епископовъ“. Въ виду компетентности вопроса, митрополитъ Филаретъ поручилъ смоленскому епископу Іоанну написать диссертацію: „О монашествѣ епископовъ“, но тоже совершенно компетентный въ богословіи Н. П. Гиляровъ-Платоновъ называетъ (въ статьѣ-некрологѣ объ Іоаннѣ смоленскомъ) это разсужденье-диссертацію наполненною софизмами. Развѣ что вотъ надежда на Гринякина; авось подопретъ Іоанна своими аргументами. Но вообще говоря, въ виду яснаго текста Апостола, и еще въ виду того, что изъ самихъ Апостоловъ нѣкоторые были женатыми (Ап. Петръ), и никогда никто этого въ упрекъ имъ не ставилъ и брака не считалъ несовмѣстимымъ съ его трудомъ и заботами даже *апостольской миссіи* (путешествія, страданія, мученичество),—нельзя, иначе, какъ блудодѣйствуя языкомъ, отвергать допустимость и для нашего времени, и для всѣхъ временъ, семейныхъ епископовъ. Люди, занимающіеся разсмотрѣніемъ вопроса о нашемъ примиреніи, сближеніи или соединеніи съ англиканскою церковью, должны бы начать раньше всего говорить о *нашемъ приближеніи къ нимъ въ этомъ важномъ пунктѣ разъединенія:* ибо характеръ епископства, монашескаго или семейнаго, ярче всего кладетъ печать на весь строй церкви, на оттѣнокъ религіознаго духа. Мы же вѣримъ, что высокій, идеальный типъ англійской семьи (лучшей въ Европѣ; съ этимъ всѣ соглашаются) объясняется болѣе всего изъ семейственности у нихъ епископата: ибо въ немъ міряне почер-

мленному въ будущее, очевидно предносилась живая картина созидаемой Церкви; и изъ приведенныхъ словъ видно, какъ эта теплая, домашняя, „съ покорными дѣтьми“ и „заботливыми родителями“ Церковь (строй ея) не походилъ на сухой и чисто административный порядокъ, установившійся отъ Гибралтара до Артура подъ вліяніемъ того повсюду однороднаго факта, что семья снята со всего верхняго слоя церковныхъ людей.

Толкуя слова Никона: „по роду я русскій, но по вѣрѣ и мыслямъ — грекъ“, Вл. Соловьевъ говорилъ: „Если можно быть по вѣрѣ *грекомъ* вмѣсто того, чтобы быть просто христіаниномъ, то отчего же не быть по

—

ваютъ практическіе образцы, наглядные, всегда воочію, семейныхъ добродѣтелей. И это могущественнѣе поученій издали. Кстати тутъ и „преданія“ одно другому противорѣчатъ: напр., „преданіе“ *шести* первыхъ вселенскихъ соборовъ было *за* семейный епископатъ, а „преданіе“ *одного седьмого* собора *противостало* ему? И какъ тогда примѣнить сюда ту удобную и лукавую схемку мысли, движущейся *безъ примѣровъ*, въ пустомъ пространствѣ, будто въ „доктринѣ нашихъ упованій ничего не перемѣнялось, новаго ничего не входило, но только вѣкъ послѣдующій *вскрывалъ дотолѣ подразумѣвательно содержащіяся и исповѣдуемыя истины*“, какъ-де и солнце выгоняетъ стволъ и листья изъ зерна. Красивыя построенія, удобныя схемки. Ну, какъ это изъ „зерна“: „епископъ *долженъ* быть женатъ“, „епископы до 7-го собора *имѣли право* жениться, безъ упрека и возраженія“—выгнать *стебель:* „епископъ долженъ быть *не* женатъ“, и, далѣе, листочки, „а если который епископъ женится безъ снятія сана—то подлежитъ“ чуть не „ссылкѣ въ Сибирь“. Гг. Рункевичъ и Лепорскій, утверждавшіе на Религіозно-философскихъ собраніяхъ, что „у насъ истины остаются безъ измѣненія, и мы только растимъ пшеницу изъ зеренъ, причемъ и пшеницу, и зерна вкушали *всѣ, всегда и всюду*“, и это есть отличительная черта „нашихъ непоколебимыхъ истинъ“,— можетъ быть разсѣютъ мое недоумѣніе?! Впрочемъ, можетъ быть имъ поможетъ „Алеша Поповичъ“ изъ „Миссіонер. Обозрѣнія“, т. е. все тотъ же безусый миссіонеръ г. Гринякинъ?!

вѣрѣ *русскимъ? Старая русская вѣра* не должна имѣть силы передъ всемірною христіанскою вѣрою, но передъ *старой греческой вѣрой* (курсивъ вездѣ Соловьева) она въ данномъ случаѣ имѣетъ равныя съ тою права" (т. V, стр. 546).

Полемизирующія стороны, въ жару спора, часто не видятъ самой очевидной истины, давно ставшей ясною для всѣхъ, кто смотритъ на нихъ со стороны. До настоящаго времени все еще ищутъ люди квадратуры круга, какъ другіе вѣрятъ въ мудрость столоверченія, и третьи повторяютъ сказку о „бѣломъ бычкѣ", сколько ихъ ни увѣряютъ со стороны въ безсодержательности такой сказки. Споры съ старообрядцами все еще интересны для составителей старыхъ полемическихъ книгъ; но для всѣхъ, взирающихъ со стороны, они относятся къ курсу среднихъ классовъ духовнаго училища. Никто серьезнаго сердца къ этому приложить не можетъ. Побѣда или пораженіе которой-либо стороны равно здѣсь не интересны. Съ научной ли точки зрѣнія, съ исторической, съ логической—обѣ партіи суть равно партіи „стараго обряда" и „исполненной буквы", при не исполненіи духа. Обѣ партіи однако не откажутся отъ надежды побѣдить; такова логика спора. Но время ихъ переростетъ. Время ихъ забудетъ. Время не можетъ не расти, не переходить къ новымъ интересамъ. Одна изъ большихъ заслугъ Вл. Соловьева заключается въ томъ, что, показавъ интересъ и значительность религіозныхъ „вещей", онъ тѣмъ самымъ, безъ всякой особенной полемики, перевелъ дву-вѣковые споры о словахъ въ область нижняго этажа, откуда слова уже раздаются глуше, невнятнѣе. Забвеніе есть высшая сила исторіи. Забвеніе все сможетъ. Посыпавъ землицею могилы когда-то горячіе споры, все еще и теперь по недора-

зумѣнію длящіеся, она создастъ почву для лучшей религіозной жизни: для той жизни, которая выростетъ около подлинныхъ религіозныхъ вещей, около отношеній къ Богу, а не книгъ „никоновой“ и „іосифовой“ печати.

И въ заключеніе—вспомнимъ объ абиссинцахъ и ихъ болѣе счастливой, болѣе завидной исторической долѣ: и три собора при одномъ царѣ, и великіе, истинно интересные споры о грѣхѣ, о Божествѣ.

1904.

ВНУТРИ ОГРАДЫ ЦЕРКОВНОЙ.

ПРЕКРАСНЫЙ ІОСИФЪ и ЕГО БРАТЬЯ.

И сказали другъ другу:—Вонъ, идетъ нашъ сновидѣцъ!

Бытіе XXXVII, 19.

И съ восхищеніемъ, и съ негодованіемъ я слѣжу за полемикою противъ священника о. Гр. Петрова, вокругъ священника о. Гр. Петрова, ведущеюся всю эту зиму и въ Петербургскихъ, и въ Московскихъ журналахъ и газетахъ, отчасти въ свѣтскихъ, но главнымъ образомъ въ духовныхъ. Змѣинымъ кольцоммъ сомкнулись его недруги. Рѣчи ихъ тихи, но въ тишинѣ этой—буря ненависти. Прислушайтесь къ тону: „мы увѣрены, что наступитъ время, когда о. Петровъ внемлетъ братскимъ (?) совѣтамъ нашимъ и откликнется на нашъ призывъ... Не вотще же онъ носитъ благодать священства!..“ „Съ грустью въ душѣ (почему „съ грустью“, а не съ ненавистью?) отмѣчаемъ эти рѣзко выраженныя въ сборникахъ статей его крайность увлеченія, односторонности и заблужденія молодого автора-священника, намѣренно или ненамѣренно имъ творимыя“... „Мы были поражены при чтеніи *Евангелія какъ основы жизни* своеобразной манерой изложенія, небывалой и непринятой у лицъ духовнаго сана“. „Авторъ не умѣетъ вести разсказъ въ спокойно объективномъ тонѣ, онъ не занимаетъ читателя цѣпью длинныхъ разсужденій и выводовъ, а даетъ и часто мастерски рисуетъ картину того

или иного явленія жизни, приковавшаго его вниманіе". „Въ очеркахъ о. Петрова преобладаютъ краткія картины текущей жизни на Руси и при томъ самаго неприглядnаго характера, за рѣдкими исключеніями". „Сильно бросается въ его книжкахъ въ глаза какое-то намѣренно замалчиваніе о православно-христіанской *догмѣ* и *культѣ* и съуженіе христіанскаго жизненнаго идеала и превращеніе требованій этого идеала въ одну лишь моральную доктрину". Все это пишетъ авторъ-рецензентъ, разбирая въ московскомъ журналѣ *„Вѣра и Церковь"* вредоносныя книжки отца Г. С. Петрова: „Долой пьянство", „Къ свѣту", „Божьи работники", „Зерна добра", „Божій путь". Въ самыхъ заглавіяхъ книжекъ уже содержится призывъ, лозунгъ. Вся Россія разомъ оглянулась на смѣлаго священника. Неожиданно и также сразу у всѣхъ другихъ священниковъ вытянулись лица, потускли глаза, искривились губы. Не будь, къ несчастію, наши духовные писатели такъ глубоко безталанны, какъ это мы наблюдаемъ въ текущую историческую минуту,—да они на рукахъ подняли бы и понесли бы о. Григорія, который съ такою необоримою силою и поразительнымъ успѣхомъ подъялъ на плечи свои и несетъ священническое въ мірѣ служеніе, оздоровленіе міра словомъ Божіимъ, укрѣпленіе силъ народныхъ голосомъ бодрымъ, вѣрующимъ. „Того, чего мы *не умѣли* — ты сдѣлалъ: *слава* тебѣ!" Вотъ братское отношеніе, какого мы ждали бы. Но есть братья и „братья". Вспоминается исторія Іосифа и „братьевъ" его. Идетъ вдали караванъ измаильтянъ. „Продадимъ брата нашего, а одежду его вымочимъ въ крови ягненка, и скажемъ отцу, что хищный звѣрь растерзалъ его". Такъ разсуждаютъ Рувимъ, Завулонъ, Іуда, всѣ эти Гринякины, Гобчанскіе, Козицкіе (какія скверныя фамиліи), В. М. Скворцовы (этотъ,

вѣримъ, по неразумію, какъ младшій братъ Веніаминъ).— „Братья, не продавайте меня: что я вамъ сдѣлалъ?“— „Что сдѣлалъ?!! Ты любимъ, мы—ненавидимы. Ненавидимъ тебя утроенною, гробовою ненавистью“.

И караванъ торговцевъ близится. Брата связываютъ братья. И переговариваются, сколько за него взять и какъ доложить отцу.

Восхитительное въ о. Петровѣ—его какая-то вѣра, что Богъ ему поможетъ и его защититъ, и неумѣнье или нежеланіе защищаться самому. Многія слова о немъ были сказаны такъ язвительно (напр., старой амазонкой, г-жею Лухмановой, которая пріѣхала къ нему на чтеніе въ Артиллерійское училище „искать утѣшенія“ и „не нашла“!!) что самая боль ихъ выслушанія вызывала немедленный и острый отвѣтъ. Но о. Григорій отъ отвѣта удержался. Въ его молчаніи есть какая-то почти физіологическая неловкость, какъ именно у людей очень чистыхъ и молодыхъ. Сколько, бывало, случалось мнѣ наблюдать такихъ въ ученическіе годы. Товарища разумнаго и скромнаго что называется „цыганятъ“ циники-товарищи. Ему больно; онъ ёжится. Насмѣшки такъ остры; и онъ покрылся румянцемъ и подымаетъ руку къ лицу, чтобы закрыться, но—молчитъ, неуклюже и вмѣстѣ восхитительно. Въ концѣ концовъ благородство побѣждаетъ. Когда толпа цыганъ-бурсаковъ выйдетъ изъ комнаты, подойдешь къ зардѣвшемуся юношѣ—и уже дружба съ нимъ становится неразрывною. Нѣчто подобное мы наблюдаемъ въ о. Петровѣ. Его чистая и наконецъ великая любовь къ Христу, къ Евангелію, къ евангелизму въ жизни—такъ непорочны, и наивны, и прекрасны. Я думаю, въ душѣ онъ спрашиваетъ себя и о себѣ: „ я люблю Христа, я—христіанинъ; *чего* они отъ меня хотятъ“? Дѣйствительно, *чего* хотятъ эти цыгане безъ Христа, безъ-

Евангелія, съ какими-то только „манерами“ (см. выше) протоіерейскими, съ улыбочками умильными и хитрыми, съ словечками тихими и язвительными, съ „любовью“ на устахъ и ненавистью (о, какою ненавистью!!) въ сердцѣ—невозможно понять! Но язвящіе о. Петрова дѣйствительно „старшіе братья“. Прочтя брошюрку-язву г. Преображенскаго, чувствуешь умъ, ловкость, дальновидность—но только вовсе безъ вѣры въ Христа. Чувствуешь какую-то языческую мудрость. Точно гладіаторъ изъ цирка. Вступи (какъ они и вызываютъ) о. Григорій въ полемику съ ними—они его запутаютъ, собьютъ и обвинятъ; обвинятъ не въ недостаткѣ христіанизма (до этого имъ и дѣла нѣтъ), а въ недостаткѣ знакомства съ схоластическою ерундою, которою ихъ пичкали и въ семинаріи и въ академіи, и каковую они всѣ почитаютъ гораздо выше, значительнѣе и цѣннѣе Евангелія. Они всѣ—талмудисты, отецъ Григорій—какъ бы караимъ, чтущій Писаніе, но презирающій талмудическія къ нему прибавленія. Споръ печатный поднялся бы именно около европейскаго средневѣковаго Талмуда,—ибо никто о. Григорія въ незнаніи или въ нелюбви къ Евангелію и не подозрѣваетъ,—и, вѣроятно, о. Григорій былъ бы дѣйствительно „сбитъ“, „уличенъ и обвиненъ“.—„Ну, вотъ, мы говорили же, что Іосифа надо или убить, или продать измаильтянамъ; онъ не можетъ быть братомъ нашимъ, ни сыномъ отца нашего Іакова“.

Но дѣло вовсе и не въ схоластической премудрости. Мало ли кто ея не знаетъ? Прекрасный Іосифъ въ Библейскомъ разсказѣ былъ возненавиденъ братьями за то, что онъ *былъ наиболѣе изъ нихъ любимый*. И причина ненависти къ о. Григорію лежитъ въ замѣчательной къ нему *любви его слушателей*, которыми, кажется, мало-

по-малу дѣлается весь Петербургъ. Началъ онъ свою дѣятельность на Выборгской сторонѣ, около фабрикъ; перенесъ ее въ манежъ Мраморнаго дворца;—уже позднѣе всего, и едва ли съ наибольшимъ вниманіемъ открылъ чтенія для интеллигенціи сперва въ маленькой комнатѣ при церкви Артиллерійскаго училища, а затѣмъ въ большой физической аудиторіи его. И гдѣ бы онъ ни появлялся, около него образуется тѣснота, сквозь которую продраться невозможно. Долго я наблюдалъ и долго размышлялъ надъ причинами поразительнаго людского тяготѣнія къ о. Григорію. Я зналъ всю силу *его любви* къ простонародью, къ русскому человѣку, русской натурѣ, такъ прекрасно и благотворно сплетшейся съ любовью къ Евангелію и Христу. Но мало-ли кто любитъ народъ: не всѣхъ такихъ любитъ *самъ* народъ. Причина тяготѣнія здѣсь въ той чертѣ о. Григорія, которую я не умѣю лучше выразить, какъ слѣдующимъ двустишіемъ гр. Алексѣя Толстого, которымъ онъ оканчиваетъ очеркъ любимаго ученика Христова:

Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья
И взоръ въ грядущее глядитъ.

Не по одному сходству отношенія къ нему „братьевъ“ я назвалъ о. Григорія Іосифомъ; но и потому, что этотъ народный любимецъ Петербурга дѣйствительно „прекрасенъ какъ Іосифъ“, и *этимъ самымъ типомъ красоты*, отмѣченнымъ въ Библіи. Страховъ, въ одномъ мѣстѣ описанія наилучшихъ Аѳонскихъ иноковъ, упоминаетъ о „прозрачномъ и спокойномъ цвѣтѣ ихъ глазъ, какъ признакѣ удивительной плотской чистоты“. Этотъ признакъ глазъ я распространилъ бы, какъ характеристику, на все лицо и наконецъ на всю фигуру о. Григорія, которая и содѣлалась для всѣхъ людей прекрасною и привлекательною своею плотскою чистотою, своею духовностью

въ высшемъ смыслѣ, своею безучастностью къ „сору земному". Такъ и хочется еще повторить:

Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья...

Приманки славы, богатства, наконецъ хотя легкаго физическаго кокетства такъ понятны были бы, были бы почти извинительны (хоть онѣ и не извинительны) въ о. Петровѣ. Признаюсь, я долго почти инквизиціонно слѣдилъ за этимъ: и поразился, до чего это все даже не приходитъ ему на умъ.

Имѣя много денегъ, имѣя много славы, имѣя, наконецъ, столь явное притягательное дѣйствіе вообще на людей, но особенно—на женщинъ, онъ всему этому радуется, но какою-то задумчивою радостью, разсѣянною, имѣя фиксацію взгляда совсѣмъ на другихъ предметахъ...

И взоръ—въ грядущее глядитъ.

Никогда я не видалъ, чтобы онъ посмотрѣлъ на женщину „какъ женщину"; или съ *тщеславіемъ* сказалъ объ успѣхѣ трудовъ своихъ (хотя онъ объ этомъ говоритъ: „уже девятое, уже одиннадцатое, уже тринадцатое изданіе" такой-то книги); или жадно упомянулъ о деньгахъ. И что поразительно: никогда не говоря о женщинахъ, не считая *своею* ихъ красоту, онъ, однако, ни о деньгахъ, ни о любви къ нему народной, ни о славѣ и не молчитъ, какъ Плюшкинъ молчалъ о своихъ богатствахъ. Но онъ только *упоминаетъ* объ этомъ всемъ, „безъ пристрастія". Вотъ эта безстрастность къ земнымъ и суетнымъ вещамъ, у человѣка стоящаго въ самомъ центрѣ суеты и толчеи, и составляетъ магію притяженія о. Григорія. Всѣ тянутся, чтобы пожать его чистую руку. „Говори намъ о Христѣ, ибо уста твои чисты": вотъ что безмолвно несется къ нему изъ тысячи взоровъ. Всѣ, весь Петербургъ, а наконецъ и вся читающая Россія почувствовали въ о. Григоріѣ чистаго человѣка, „не заин-

тересованнаго“—въ особомъ и утонченномъ смыслѣ; „не интересанта“, какъ говорятъ приказчики о торговцѣ. Онъ не „интересантъ“. Вотъ отчего имъ всѣ заинтересовались. Ибо всѣ мы „интересанты“ и самая эпоха наша—лукавая и эгоистическая, но, конечно—съ плачемъ

...великой души надъ погибшей великою мыслью.

Я хочу сказать, что душа у человѣка—великая и святая; и всегда она плачетъ о своемъ паденіи, своей суетѣ, о своемъ загрязненіи.

Будемъ же слѣдить, съ волненіемъ, съ замираніемъ за перипетіями интереснѣйшаго повторенія „исторіи о Іосифѣ и его одиннадцати братьяхъ“. Это—интереснѣйшій эпизодъ нашего времени. Можетъ быть, Іосифъ „будетъ проданъ въ Египетъ“; но тамъ-то именно и совершится многозначительнѣйшая часть его странной и драматической судьбы. Все у Бога уже написано на Его скрижаляхъ исторіи. Но листъ за листомъ этихъ скрижалей медленно отвертывается. Будемъ терпѣливы. Будемъ ждать.

Я уже кончилъ эти строки, когда, открывъ Библію—перечелъ исторію, которую напоминаетъ мнѣ современный эпизодъ съ добрымъ русскимъ священникомъ. Не могу удержаться, чтобы не процитировать нѣсколькихъ стиховъ, обычно такъ обезцвѣчиваемыхъ въ „Краткихъ исторіяхъ Ветхаго Завѣта“. Если все примѣнить къ Спасителю, пославшему въ міръ учениковъ своихъ,—то выйдетъ поразительная аналогія съ эпизодомъ, разыгравшимся на нашихъ глазахъ внутри ограды церковной.

„И сказалъ отецъ Іосифу: *„пойди, посмотри, здоровы ли братья твои, и цѣлъ ли скотъ*, и принеси мнѣ отвѣтъ“. И послалъ его изъ долины Хевронской. И вотъ онъ пришелъ въ Сихемъ.

И нашелъ его нѣкто *блуждающимъ въ полѣ*, и спросилъ его тотъ человѣкъ, говоря, *„чего ты ищешь“*?

Онъ сказалъ: *„я ищу братьевъ моихъ; скажи мнѣ, гдѣ они пасутъ?“*

И отвѣтилъ тотъ человѣкъ: *„они ушли отсюда,* ибо я слышалъ, какъ они говорили: пойдемъ въ Дѳѳанъ“. И пошелъ Іосифъ за братьями своими и нашелъ ихъ въ Дѳѳанѣ.

И увидѣли они его издали, и прежде нежели онъ приблизился къ нимъ, стали умышлять противъ него, чтобы убить его.

И сказали другъ другу: *вотъ идетъ сновидѣцъ*; пойдемъ теперь и убьемъ его, и бросимъ его въ какой нибудь ровъ, и скажемъ, что хищный звѣрь съѣлъ его, и увидимъ, что будетъ изъ его словъ . . . . . .

. . . . . .

Когда Іосифъ приблизился къ братьямъ своимъ, они *сняли съ Іосифа одежду его, одежду разноцвѣтную*, которая была на немъ, и взяли его и бросили его въ ровъ, ровъ же тотъ былъ пустъ, воды въ немъ не было.

И сѣли они ѣсть хлѣбъ. И, взглянувши—увидѣли: вотъ идетъ изъ Галаада караванъ измаильтянъ...“

Пока—мы въ періодѣ „снятія разноцвѣтныхъ одеждъ“ съ свящ. Петрова, убійства—имени его, чести его. Посмотримъ, что и какъ будетъ далѣе.

1903 г.

ВОЗДЫХАНЦЫ.

— Чѣмъ спасаетесь?

— Воздыханіями...

Этотъ краткій діалогъ между двумя старцами, подслушанный мною лѣтъ семь назадъ, глубоко запалъ мнѣ въ душу. Сколько я ни присматривался потомъ, ища, гдѣ сердцевина „нашей вѣры“, въ чемъ сердцевина „русскаго основного религіознаго настроенія“—я постоянно приводился и наблюденіями, и размышленіями къ идеѣ и факту постоянныхъ, повсюдныхъ „воздыханій“. Религіознѣе человѣкъ—больше „воздыхаетъ“, религіознѣе мѣсто—слышнѣе „воздыханія“; приходитъ время года усиленно религіозное—опять же и опять это выражается въ томъ, что „воздыханія“ становятся громче и переходятъ въ всхлипиваніе, въ плачъ или въ „скрежетъ зубовный“. Такъ что въ „воздыханіяхъ“ очевидно содержится наше не оффиціальное, но интимное „credo“.

Въ дни поста, какъ теперь, эти „воздыханія“ учащаются, сгущаются. Ихъ приходится услышать не только тамъ, куда спеціально приходятъ ихъ послушать, или сами приходятъ туда спеціально повоздыхать, но они переходятъ, наконецъ, въ политическую печать, являя здѣсь довольно необычайное зрѣлище. Одно изъ такихъ „воздыханій“ мнѣ только-что пришлось прочесть.

Это—помѣщенное въ № 60 „Москов. Вѣдом.“ „Слово о Страшномъ Судѣ и о современныхъ событіяхъ“ одного

изъ нашихъ южно-русскихъ епископовъ. О немъ, сейчасъ же послѣ появленія въ газетѣ, заговорили въ Петербургѣ и, какъ я слышалъ, очень видные литераторы собираются на него возражать. Въ газетахъ уже появились именно возражающія замѣтки объ этомъ въ нѣкоторомъ смыслѣ достопамятномъ „Словѣ".

Конечно, епископское слово священно и никому не придетъ на умъ оспаривать его, когда оно движется въ предѣлахъ Св. Писанія или излагаетъ догматическое ученіе Церкви о предметахъ вѣры. Но если бы коснулось дѣло географіи, исторіи, то какъ можно согласиться напримѣръ съ невѣрной хронологіей или съ приписаніемъ Наполеону Каталаунской битвы? Тутъ наша робость отваживается на возраженія. Равно нельзя сказать, чтобы политическія и общественныя дѣла, напр. хоть Земскій Соборъ, толки о которомъ кажется вызвали достопамятное „Слово", были пріурочены къ спеціальному епископскому вѣдѣнію или „досмотру". И разъ уже епископъ отважился въ сіе бурное море, то онъ самъ же и подвергъ себя возможности бурь, мелей и невидимыхъ скалъ. Не доходя пока до темы, остановлюсь на подробностяхъ. Епископъ предсказываетъ, что у насъ, „если все такъ пойдетъ далѣе", то

> „жестокіе и упорные начнутъ съ того, что отнимутъ у народа возможность изучать въ школахъ Законъ Божій, а кончатъ тѣмъ, что будутъ разрушать храмы и извергать мощи угодниковъ Божіихъ, собирая ихъ въ анатомическіе театры".

Съ послѣднимъ предвидѣніемъ или предсказаніемъ никакъ нельзя согласиться, ибо „мощи угодниковъ Божіихъ" весьма мало представляютъ интереса и важности съ анатомической стороны. Но здѣсь не одна научная ошибка. Пылкія предсказанія народъ принимаетъ уже

за сущее. Вѣдь нужно же вѣдаться съ психологіей толпы! Если „будетъ“, „наступаетъ время“, то можетъ кое-гдѣ уже и есть, уже наступило теперь. Надвигается на насъ холера. Будутъ врачи лечить холерныхъ. И вотъ какъ-то въ деревняхъ примутъ такихъ людей, которые „собираются“ или „будутъ“ анатомировать... св. угодниковъ!!! Вѣдь епископскому гласу, раздавшемуся съ „Московск. Вѣд.“, могутъ начать въ неосторожныхъ проповѣдяхъ подражать губернскіе, уѣздные и сельскіе батюшки.

Да и къ чему такое недоброжелательство въ предвидѣніяхъ? Ну, когда „будутъ“, тогда и судите. Какъ же судить вора, прежде чѣмъ онъ укралъ? По-истинѣ „страшный судъ“...

Въ другомъ мѣстѣ епископъ говоритъ, что Руси грозитъ расхищеніе и разореніе

> „отъ руки такихъ народностей, о которыхъ наши газетные писаки даже ничего и не знаютъ, каковы, напримѣръ, татары казанскіе, крымскіе и кавказскіе, такъ смѣло проявляющіе себя за послѣднее время“.

Какъ же они „не знаютъ ихъ“, если почти ежедневно о нихъ пишутъ? Да одинъ изъ „газетныхъ писакъ“, покойный Евг. Марковъ, далъ классическое описаніе древностей, этнографіи и быта Крыма, а о татарахъ казанскихъ и кавказскихъ тоже освѣдомляли Россію вовсе не архіереи и другія духовныя особы, а путешественники, этнографы, собиратели народныхъ пѣсенъ и обычаевъ, т. е. все люди свѣтскіе и писатели или, по „воздыханію“, писаки.

Перехожу къ темѣ.

Авторъ „Слова“ по истинѣ „судитъ живыхъ и мертвыхъ“ и предваряетъ собою Страшный Судъ. Суть горькихъ его упрековъ образованному обществу заключается

въ томъ, что послѣднее живетъ въ „мрачномъ самооправданіи“. Что, напримѣръ, доктора лечатъ народъ—и увѣрены, что приносятъ народу пользу, учителя учатъ и тоже вѣрятъ въ пользу этого. Въ этомъ корень зла. Обращаясь къ читателямъ-слушателямъ, авторъ громитъ:

„Вы смутно чувствуете, что не устоять вамъ на этомъ допросѣ Небеснаго Судіи, что ваше правдолюбіе было лишь личиной вашего мятежнаго духа, вашего внутренняго человѣко-ненавистничества, что о любви къ меньшей братіи вы только говорили, а любили исключительно себя самихъ и пышныя слова, которыми питали свое тщеславіе и подъ которыми укрывали свою себялюбивую праздность“.

Перефразируя „писакъ“ и общественныхъ дѣятелей,—ораторъ говоритъ какъ-бы отъ ихъ имени:

„Помилуйте, мы ли не работали для общественной правды и для меньшей братіи? Мы ли не старались о введеніи равенства, участвуя въ современномъ освободительномъ движеніи, мы ли не боролись противъ чиновническаго произвола?“ Такъ заговорятъ представители передовыхъ слоевъ общества, оправдывая себя отъ нашихъ обвиненій... О, если бы они не говорили такъ! О, если бы эти несчастные безумцы такими словами не осуждали невольно самихъ себя прежде, чѣмъ услышатъ осужденіе отъ Господа! Вѣдь тѣ блаженные праведники, которыхъ Онъ призоветъ въ Свое царство, не найдутъ въ своей памяти дѣлъ любви, а будутъ въ смиренномъ покаяніи только грѣхи свои вспоминать, и скажутъ Христу: „Господи, когда мы видѣли Тебя алчущимъ и накормили, и жаждущимъ и напоили?“ и проч. (Матѳ., глава 25, стихъ 37). Напротивъ того, нечестивые будутъ проникнуты тѣмъ же духомъ мрачнаго самооправданія, какимъ исполнены наши несчастные современники... Да, чѣмъ болѣе самооправданія у людей, тѣмъ ближе они подходятъ къ изображенію осужденныхъ на вѣки“.

Но вѣдь, отлагая великопостное время и „воздыханія“, какъ же и не почувствовать себя бодрымъ и въ настроеніи „слава Богу!“, когда въ самомъ дѣлѣ съ утра

не покладаешь рукъ и хоть по малому разумѣнію все трудишься около людей. Внѣ монашеской обстановки ей-ей намъ, не монахамъ, монашеское настроеніе непонятно. Работаемъ, а къ вечеру веселимся, а то отдыхаемъ въ семьѣ, и—„слава Богу!“ Все „слава Богу!“ Какъ трудъ, такъ и „слава Богу!“ Нѣтъ ничего веселѣе труда, счастливѣе труда. И просто монашествующіе потому слишкомъ скорбятъ и „воздыхаютъ“, а наконецъ нѣсколько и злобятся на міръ, что слишкомъ предаются созерцаніямъ и мало имѣютъ физическаго моціона, въ частности—работнаго моціона, ну, хоть по ухаживанію за больными въ деревнѣ, за ранеными на Востокѣ. Извѣстно и не разъ сообщались въ печати свѣдѣнія, какъ „утружденно“, съ „воздыханіями“ растворяютъ обители двери для пріема даже раненыхъ, и чаще этихъ дверей не отворяютъ вовсе, ссылаясь, что стоны умирающихъ нарушатъ ихъ „молитвенный покой“.

Ораторъ упрекаетъ образованныхъ, что они „не любятъ слушать и говорить о Страшномъ Судѣ“. Напротивъ, очень любимъ. Вѣдь авторъ сократилъ притчу и переставилъ въ ней предметы въ обратномъ порядкѣ указанному Христомъ. Къ счастью, великая эта притча извѣстна всѣмъ до малыхъ ребятъ. Грѣшные и праведные приходятъ передъ І. Христа и Онъ отдѣляетъ овецъ отъ козлищъ. Добрые плачутъ, но Христосъ утѣшаетъ ихъ: „Я жаждалъ—и вы дали мнѣ пить, алкалъ—и дали ѣсть, былъ въ темницѣ— и вы посѣтили Меня“. Изумленные праведники спрашиваютъ: „Когда же это было? Мы Тебя не видѣли“. Тутъ Онъ и разъясняетъ: „Такъ вы поступали *съ людьми*: и слѣдовательно со Мною поступили такъ“. Это вѣдь общеизвѣстно. Общеизвѣстно это великое, грядущее обѣтованіями, отождествленіе Себя Христомъ съ человѣчествомъ. Сколько надеждъ-то,

сколько надеждъ! Войдутъ ли въ это обѣтованіе доктора, лечащіе отъ холеры, войдутъ ли сельскіе учителя—пусть судятъ объ этомъ читатели. Евангелистъ продолжаетъ:

„Тогда скажетъ и тѣмъ, которые по лѣвую сторону: идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Ибо алкалъ Я и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ—и вы не напоили Меня; былъ странникомъ—и не приняли Меня; боленъ и въ темницѣ—и не посѣтили Меня". Тогда скажутъ Ему въ отвѣтъ: „Господи, когда же мы видѣли Тебя жаждущимъ и алчущимъ, или нагимъ, или въ темницѣ,—и не послужили Тебѣ"? Тогда скажетъ имъ въ отвѣтъ: „Истинно говорю вамъ: такъ какъ вы не сдѣлали этого одному изъ сихъ меньшихъ: то не сдѣлали Мнѣ". И пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную".

Вотъ полное-то обѣтованіе! Безъ урѣзокъ и комментаріевъ, дословное. Отчего же работающимъ и унывать? Вѣдь безспорно же, вѣдь это фактъ же, что они кормили въ голодъ (народныя столовыя), лечили въ болѣзняхъ, а вотъ добрый Пругавинъ и посѣтилъ узниковъ „въ Суздальской темницѣ". Правда, имя Божіе не частитъ у нихъ на языкѣ. Да вѣдь и „оправданные" на „Страшномъ Судѣ" сперва испугались было за себя: „Когда мы Тебя видѣли, Господи Христе? Видали *только людей*". Т. е. они какъ бы забыли Бога: но сынъ Божій нарекаетъ ихъ „возлюбленными Отца" Своего! Ну, ораторъ можетъ быть доскажетъ, кто же пошелъ налѣво, не кормивъ, не лечивъ, и иногда, какъ въ Суздалѣ, держа въ оковахъ? Не нужно разъясненія. Читатель знаетъ, всѣ знаемъ.

О чемъ „воздыхаете"? О себѣ вздохните!

1905 г.,
1-ая недѣля Великаго Поста.

„Слово“ до того характерно и все такъ исторически важно, что я перепечатываю его цѣликомъ, для пополненія иллюстраціи „Двухъ становъ“ (см. т. I, стр. 390—403).

„Слово о Страшномъ Судѣ и о современныхъ событіяхъ“[1]).

„Господь, долготерпящій о нашихъ грѣхахъ, сподобилъ насъ дожить до преддверія Св. Четыредесятницы и еще разъ услышать въ храмѣ Божіемъ Его предсказанія о Своемъ второмъ пришествіи.

„Страшный Судъ! О, горестное слово для сыновъ суетной современности.

„Страшный Судъ! Какъ *они* не любятъ напоминанія объ этомъ Судѣ! Даже тѣ, которые согласны тебя слушать, пока ты говоришь о нѣкоторыхъ евангельскихъ заповѣдяхъ, лишь только услышатъ о Страшномъ Судѣ, или о неизбѣжной для каждаго смерти, сейчасъ же омрачаютъ свои лица, стараются перемѣнить разговоръ или даже отвѣтить тебѣ какимъ-нибудь грубымъ кощунствомъ.

„Увы, они испытываютъ при этомъ то же настроеніе духа, какъ нѣкогда нечестивый язычникъ Феликсъ, любившій слушать Апостола Павла; но когда послѣдній *говорилъ о правдѣ, о воздержаніи и о будущемъ Судѣ, то Феликсъ пришелъ въ страхъ и отвѣчалъ: „теперь пойди, а когда найду время, позову тебя“*“ (Дѣян. 24, 25),

„Иначе, братіе, относились къ мысли о Страшномъ Судѣ древніе христіане. Не страшнымъ, а вожделѣннымъ представлялся онъ имъ. Они не отворачивались съ ужасомъ отъ представленія Суда Божія, но радостно простирали къ нему руки. Когда Господь вознесся на небо, и обликъ Его исчезъ изъ глазъ Святыхъ Апостоловъ, то они не могли отвести своихъ взоровъ отъ небесныхъ высотъ до тѣхъ поръ, пока не явились два свѣтлые ангела и удостовѣрили ихъ въ томъ, что—*„сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имъ же образомъ видѣсте Его, идуща на небо“* (Дѣян. 1, 11).

„Тогда святые Апостолы обратили къ земнороднымъ свое слово и имъ посвятили свои труды, но свою силу и свое терпѣніе почерпали въ томъ блаженномъ ожиданіи грядущаго съ небесъ Вѣчнаго Судіи, каковое они завѣщали и своимъ ученикамъ изъ поколѣнія

---

[1]) Произнесено въ Исаакіевскомъ соборѣ 20 февраля 1905 года

въ покоѣніе. Этимъ же ожиданіемъ жили первые христіане, безропотно перенося житейскую неправду, тяготясь данною въ удѣлъ людямъ многострастною плотью и созерцаніемъ человѣческихъ беззаконій. Они утѣшали себя увѣренностью, что придетъ конецъ сему безбожному вѣку, что возвратится на землю сладчайшій Господь Іисусъ и Своимъ нелицепріятнымъ судомъ посрамитъ возносящееся нечестіе, вознесетъ и прославитъ угнетаемую правду. Подобное ожиданіе по временамъ охватывало христіанскія общины съ такою нетерпѣливостью, что люди оставляли свои обычныя занятія и ни о чемъ не хотѣли слышать, кромѣ какъ объ ожидаемомъ Спасителѣ и *наступающемъ днѣ Его*, такъ что Апостолъ Павелъ принужденъ былъ особымъ посланіемъ охлаждать ихъ неумѣренный пылъ (2 Солун.). Да и та книга, въ которой заключены слова нашего спасенія, т.-е. Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа, заканчивается мольбой къ Нему о скорѣйшемъ возвращеніи на землю для послѣдняго суда. „*И духъ и Невѣста говорятъ: пріиди! и слышащій да скажетъ: приди! Ей, гряди Господи Іисусе!*“ (Апок. 22, 17. 20).

„Скажи теперь, современный христіанинъ, почему же ты испытываешь иныя чувства при мысли о второмъ пришествіи Господнемъ, почему они болѣе подобны чувствамъ врага Христова Феликса, а не Его блаженныхъ Апостоловъ и ихъ учениковъ? почему ты содрогаешься, когда слышишь о томъ, какъ небеса съ шумомъ падутъ, какъ будутъ распадаться гробы и возставать умершіе по трубному звуку Архангела, какъ море отдастъ своихъ мертвыхъ, и всѣ нагими предстанутъ предъ Сына Человѣческаго? Вѣдь не для тебя должно казаться все это страшнымъ, вѣдь тебѣ, какъ христіанину, сказано иное: „*когда же начнетъ это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавленіе ваше*“ (Лук. 21, 28). Зачѣмъ же ты трепещешь, слыша то, чему долженъ радоваться? Не тебѣ должно страшиться и плакать, а врагамъ Христовымъ, язычникамъ; не будь же подобенъ тѣмъ, о коихъ сказано: „*тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небѣ, и тогда восплачутся всѣ племена земныя*“ (Мѳ. 24, 30), и еще: „*се, грядетъ съ облаками, и узритъ Его всякое око, и тѣ, которые пронзили Его; и возрыдаютъ предъ Нимъ всѣ племена земныя*“. (Апок. 1, 7).

„Ты тоже страшишься и плачешь? Плачь же, но не о Судѣ Божіемъ, а о своемъ отступленіи. Исповѣдай Богу, что сердце твое

отступило отъ Его Евангелія, что возлюбилъ ты нынѣшній вѣкъ съ его неправдой, что отвратился ты дѣлами своими отъ Христа и Его правды, что ты ложно носилъ Его имя, а служилъ Веліару, у котораго нѣтъ общенія со Христомъ. Принеси покаяніе Богу, вступи въ предстоящее поприще поста и молитвы, какъ возвращающійся въ домъ отца блудный сынъ, бей себя въ перси, какъ кающійся мытарь,—и тогда не потеряна твоя надежда, ибо небесное царствіе восхитили и благоразумный разбойникъ, и покаявшаяся блудница, и мытарь, отрекшійся отъ своего стяжанія. Спѣши и ты подражать ихъ примѣру.

„Но увы, еслибъ ты былъ близокъ къ нимъ по духу, то не отвращалъ бы ушей своихъ отъ слушанія о Страшномъ Судѣ. А если, слыша о немъ, нахмуриваешь лицо свое, то вижу въ немъ не покаянное чувство, столь мало доступное сынамъ нашего горделиваго, лживаго вѣка, но злобное упорство, выражающееся въ попыткѣ найти отговорку своему невниманію. Кто изъ насъ, духовныхъ, не знаетъ этихъ отговорокъ, чьи уши не были поражаемы ими, какъ ударами бича? „„Мы не суда грядущаго боимся““, такъ говорятъ теперешніе люди: „„мы не союзники враговъ Христа и Его ученія, но мы беремъ изъ послѣдняго лишь высокія заповѣди о правдѣ и любви къ меньшей братіи, а туманными предсказаніями о концѣ міра мы не интересуемся, и потому не любимъ слушать этихъ мрачныхъ предвѣщаній, сжимающихъ сердце безотрадными ужасами““.

„Но зачѣмъ же вамъ ужасаться, если такъ? Вы любите правду и милосердіе? Тогда Страшный Судъ будетъ днемъ вашего торжества. Тамъ откроется высшая правда, тамъ упразднится разность между людьми по сословіямъ и состоянію: цари предстанутъ вмѣстѣ съ рабами, іерархи съ простецами, старцы съ юношами, богачи и нищіе вкупѣ. А если вы избрали милосердіе къ бѣднымъ знаменемъ своей жизни, то для чего боитесь суда Божія? Вѣдь на немъ только объ этомъ и будетъ спрашивать Господь. Ни о благочестіи, ни о молитвахъ, ни о постахъ, ни даже о цѣломудріи,—вообще ни о чемъ, что вамъ такъ не по душѣ, не спроситъ васъ Небесный Судія, а только о напитаніи алчущихъ, о посѣщеніи больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ.

„Или вы смутно чувствуете, что не устоять вамъ на этомъ допросѣ, что ваше правдолюбіе было лишь личиной вашего мятежнаго духа, вашего внутренняго человѣконенавистничества, что о

любви къ меньшей братіи вы только говорили, а любили исключительно себя самихъ, и пышныя слова, которыми питали свое тщеславіе, и подъ которыми укрывали свою себялюбивую праздность?

„„Помилуйте, мы ли не работали для общественной правды и для меньшей братіи? Мы ли не старались о введеніи равенства, участвуя въ современномъ освободительномъ движеніи, мы ли не боролись противъ чиновническаго произвола?“ Такъ заговорятъ представители передовыхъ слоевъ общества, оправдывая себя отъ нашихъ обвиненій.

„О, еслибъ они не говорили такъ! О, еслибъ эти несчастные безумцы такими словами не осуждали невольно самихъ себя прежде, чѣмъ услышатъ осужденіе отъ Господа! Вѣдь тѣ, которыхъ Онъ признаетъ исполнившими заповѣдь любви, тѣ блаженные праведники, которыхъ Онъ призоветъ въ Свое царство, не найдутъ въ своей памяти дѣлъ любви, а будутъ въ смиренномъ покаяніи только грѣхи свои вспоминать, и скажутъ Христу: „*Господи, когда мы видѣли Тебя алчущимъ и накормили, или жаждущимъ и напоили?*“ и прочее (Мтѳ. 25, 37). Напротивъ того, нечестивые будутъ проникнуты тѣмъ же духомъ мрачнаго самооправданія, какимъ исполнены наши несчастные современники: „*когда мы видѣли Тебя алчущимъ или жаждущимъ, или странникомъ, или нагимъ, или больнымъ, или въ темницѣ,—и не послужили Тебѣ?*“ (44).

„Да, чѣмъ болѣе самооправданія у людей, тѣмъ ближе они подходятъ къ изображенію участи осужденныхъ навѣки.

„Горе, горе вамъ, лукавые, хвастливые лжецы! Не столь ужасны ваши беззакоція, вашъ развратъ, ваша черствость, ваше забвеніе Бога и вѣчности, сколько пагубный духъ самооправданія, закрывающій предъ вами всѣ пути къ исправленію себя, всѣ двери къ покаянному воплю.

„А духомъ этого горделиваго оправданія и осужденія другихъ проникнута вся современная жизнь; ему научаютъ дѣтей отъ школьнаго возраста, имъ извращаютъ русскій народный характеръ, народный духъ, тотъ духъ смиренномудрія, терпѣнія и любви, въ которомъ Русскіе познавали Христа, въ которомъ пребывалъ Христосъ, какъ принято говорить, родившійся въ Виѳлеемѣ и живущій въ Россіи.

„Но этотъ духъ смиреннаго самоосужденія давно вытравленъ изъ нашего общества языческимъ бытомъ (культурой) еретическаго Запада, и оттуда общая ненависть къ слышанію о Страшномъ

Судѣ Божіемъ, когда никакая ложь не поможетъ самооправдывающейся гордынѣ, но она будетъ изобличена, посрамлена и осуждена предъ лицомъ цѣлой вселенной.

„Но чтобы и теперь явить безотвѣтными носителей сего горделиваго духа въ глазахъ людей искреннихъ и благоразумныхъ, подвергнемъ безпристрастной оцѣнкѣ предметъ ихъ ложной похвальбы, то-есть ихъ общественную дѣятельность, ихъ общественныя стремленія. Это ли дѣло любви? Исполненные исконною злобой, ненавистью ко всему русскому, руководители этого движенія не останавливаются ни предъ чѣмъ, чтобы такою же злобой исполнить сердца юношей-студентовъ и тѣхъ слоевъ простолюдиновъ, которые могутъ быть доступны ихъ вліянію. Пользуясь легкомысленною неопытностью однихъ и обманывая другихъ чрезъ разнаго рода переодѣтыхъ самозванцевъ, они влекутъ ихъ къ участію въ уличныхъ безпорядкахъ, подъ пули и плети [1]), имѣя въ виду лишь ту единственную цѣль, чтобы потомъ кричать о строгой расправѣ начальства и поселять озлобленіе противъ Правительства.

„Разгоряченные, разочарованные юнцы, какъ учащіеся, такъ и фабричные, дѣйствительно не могутъ разобраться въ томъ, кто виновники ихъ бѣды, и готовы вѣрить, со словъ своихъ лукавыхъ руководителей, будто неизбѣжная строгая расправа съ ними есть произволъ Правительства, на которое они озлобляются еще болѣе, и затѣмъ еще болѣе слѣпо отдаются во власть зачинщиковъ мятежа, какъ кролики, бросающіеся въ пасть удава.

„А что сказать о преобразовательныхъ толкахъ въ нашей печати и въ различныхъ общественныхъ собраніяхъ?

„Можетъ быть, здѣсь видно попеченіе о благополучіи Родины? Увы, нѣчто совершенно противоположное! О чемъ хлопочутъ они во всѣхъ своихъ постановленіяхъ? Только о томъ, что выгодно для самихъ мятежниковъ. О томъ, чтобы раздѣлять власть съ законнымъ Правительствомъ, да о безпрепятственномъ распространеніи мятежныхъ идей чрезъ печать и другія средства, такъ чтобы никто не имѣлъ права ограничивать такихъ преступниковъ иначе, какъ посредствомъ судебной волокиты. Вотъ что легко уразумѣть подъ криками о свободѣ печати и объ отмѣнѣ административной высылки и административныхъ арестовъ.

---

[1]) Намекъ на 9-е января 1905 г., только-что совершившееся, съ небольшимъ за мѣсяцъ, передъ произнесеніемъ „Слова“.

„Больше они ни о чемъ и говорить не имѣютъ, да и что сказать имъ о Россіи, о Русскомъ народѣ, котораго они не знаютъ, котораго изучать не хотятъ, котораго въ душѣ своей глубоко ненавидятъ?

„И вотъ такіе люди пользуются теперь самымъ широкимъ вліяніемъ на наше юношество, на наше общество. Попущеніемъ Божіимъ оно предано *„въ нечистоту умъ творити неподобная и исполнено всякой неправды“* (Рим. 1; 29).

„Не такъ, совсѣмъ не такъ совершилось въ сегодняшній день февраля сорокъ четыре года тому назадъ дѣйствительное освобожденіе меньшихъ нашихъ братій отъ крѣпостной зависимости. Тамъ не было ни скандаловъ, ни крамолы, ни борьбы за свое собственное право, а нѣчто совершенно обратное, возможное только въ жизни Русскаго Государства: тамъ былъ государственный и общественный, добровольный и самоотверженный *подвигъ*. Царь и лучшіе люди просвѣщеннаго общества, никѣмъ не понуждаемые, руководимые единственно Божіею правдой и милосердіемъ, напомнили помѣщикамъ о томъ, какъ незаконно держать въ рабствѣ православный народъ—своихъ братьевъ, за которыхъ умеръ Христосъ, и котораго многіе изъ нихъ не только мучили непосильнымъ трудомъ и жестокимъ обращеніемъ, но и калѣчили нравственно, заставляя сыновъ народа, вмѣсто любезныхъ ему священныхъ молитвословій, заниматься кривляніемъ на своихъ театрахъ,—растлѣвая чистоту дѣвъ и разрушая священные узы брака.

„И вотъ помѣщики, въ огромномъ большинствѣ своемъ, дружно откликнулись на Царскій призывъ, и народъ, получивъ свободу не домогаясь ея, получилъ не какъ завоеванное право, но какъ добровольный даръ. Вотъ это по-нашему, это по-русски, это достойно Россіи, объединенной не черезъ формальное право, но посредствомъ правды Божіей и добровольнаго послушанія.

„Не то мы видимъ теперь. Теперь почти всѣ слои общества, какъ голодные волки, требуютъ себѣ всякихъ правъ и льготъ, не желая знать нашей общей бѣды на Дальнемъ Востокѣ, да и собственныхъ своихъ правъ, своей настоящей пользы, вовсе не разумѣя.

„Да, воистину, это общественное помраченіе, эта нравственная эпидемія, охватывающая просвѣщенные слои русской жизни, достойны многихъ слезъ, если у кого еще остались слезы по прошествіи нынѣшней печальной годины. Всегда холодные къ своей Родинѣ, передовые сыны Россіи обрушились на свою мать, увидѣвъ

ея угнетенною внѣшнимъ врагомъ. Чего не сдѣлалъ бы ни одинъ болѣе благородный непріятель страны, на то дерзаютъ ея неблагодарные сыны. Они злорадствуютъ всякой малѣйшей неудачѣ нашей на войнѣ въ то время, какъ ихъ самоотверженные братья, измученные, истомленные продолжительнымъ походомъ, видятъ постоянную смерть предъ глазами и спокойно бросаются въ ея холодныя объятія за Вѣру, Царя и Отечество.

„Итакъ, смотрите, какое право имѣютъ хвалиться правосудіемъ и братолюбіемъ наши безумные современники. О, печальное, горестное время! О, непростительное, жестокосердное легкомысліе! Поистинѣ, мы видимъ нѣчто напоминающее послѣдніе дни земной жизни Спасителя, когда народъ, возглашавшій Ему сегодня: *„осанна“*, черезъ пять дней кричалъ: *„распни Его, кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ“*. Не подобную ли противоположность представляютъ собой народныя шествія въ нашей столицѣ: въ началѣ прошлаго года патріотическія и вѣрноподданническія, а въ началѣ нынѣшняго года мятежныя, исполненныя себялюбивыхъ требованій.

„И пусть бы сходили съ ума уже давно-опьяненные мятежнымъ духомъ крайніе либералы, люди никогда не имѣвшіе ни общественной почвы, ни вѣры, ни воспитанія, ни Отечества: но вѣдь теперь слова ихъ повторяютъ и мирные граждане, которые сами ужаснулись бы, еслибъ услышали отъ кого-нибудь подобныя рѣчи полтора года тому назадъ. Тьма общественнаго одурманенія сгустилась до такой степени, что если Самъ Господь не умилосердится надъ бѣдною, оскверненною, оплеванною страной нашей, то неоткуда намъ ждать избавленія. Многіе старые люди, любящіе свою Родину и свой народъ, при видѣ возносящагося нечестія, молятся теперь только объ одномъ,—чтобы Господь послалъ имъ скорѣе смерть, дабы не видѣть нравственнаго растлѣнія своей Отчизны: *„довольно уже, Господи, возьми душу мою, ибо я не лучше отцовъ моихъ“* (3 Цар. 19, 4).

„И вотъ, среди такихъ печальныхъ размышленій, дожили мы до недѣли Страшнаго Суда. Теперь мы понимаемъ, почему о немъ не желаютъ слышать современные люди, почему и вовсе невѣрующіе среди нихъ, и тѣ, которые еще не отрѣшились отъ нѣкоторыхъ вѣрованій, одинаково смущаются и злобятся, когда вспоминаютъ о томъ, что нѣкогда долженъ придти день, когда Господь *„во свѣтъ приведетъ тайныя тьмы и объявитъ совѣты сердечные“* (1 Кор. 4, 5). Они чувствуютъ, что все ихъ поведеніе, всѣ ихъ рѣчи

есть сплошная ложь, что имъ чужды всякая любовь и сочувствіе къ братьямъ, что они дышутъ себялюбіемъ, ненавистью и злорадствомъ, и что обманывать людей возможно лишь въ продолженіе недолгаго времени, а вѣчность откроетъ для всѣхъ ихъ злодѣйское настроеніе.

„Но что переживаемъ, что думаемъ о Страшномъ Судѣ мы, хотя грѣшные, но вѣрующіе христіане? Скорбь о томъ, что приходится слышать и видѣть, переспливаетъ въ насъ страхъ предъ Праведнымъ Судіей, и мы снова испытываемъ то нетерпѣливое желаніе дождаться Его пришествія, которымъ исполнены были древніе христіане. *Ей, гряди Господи Іисусе,* посрами свѣтомъ Твоей правды, обнажи сердца и помышленія развратителей народа и юношества. Пусть труба Твоего Архангела пробудитъ уснувшую совѣсть общества, дабы оно воспользовалось послѣдними минутами земного бытія для покаянія въ своемъ себялюбіи, въ своей гордынѣ, въ своемъ развратѣ, бывшихъ причинами его теперешняго помраченія.

„Такова наша первая молитва: но если Господь еще будетъ медлить Своимъ праведнымъ судомъ, то будемъ умножать свои молитвенныя воздыханія о томъ, чтобы Онъ не попустилъ простому Русскому народу заразиться общественнымъ омраченіемъ,—чтобы народъ продолжалъ ясно сознавать, кто его враги, и кто его друзья, чтобы онъ всегда хранилъ свою преданность Самодержавію, какъ единственной дружественной ему Высшей Власти, чтобы народъ помнилъ, что, въ случаѣ ея колебанія, онъ будетъ несчастнѣйшій изъ народовъ, порабощенный уже не прежнимъ суровымъ помѣщикомъ, но врагами всѣхъ священныхъ ему и дорогихъ ему устоевъ его тысячелѣтней жизни,—врагамъ упорнымъ и жестокимъ, которые начнутъ съ того, что отнимутъ у него возможность изучать въ школахъ Законъ Божій, а кончатъ тѣмъ, что будутъ разрушать святые храмы и извергать мощи Угодниковъ Божіихъ, собирая ихъ въ анатомическіе театры.

„Предвѣщанія такихъ ужасныхъ дѣйствій обнаруживались неоднократно на глазахъ у всѣхъ въ послѣдніе годы нашей печальной дѣйствительности.

„Впрочемъ, конечно, прежде чѣмъ они успѣли бы это сдѣлать, сама Россія, черезъ какія-нибудь 25 лѣтъ послѣ отмѣны Самодержавія, перестала бы существовать, какъ цѣлостное государство, ибо, лишенная своей единственной нравственно-объединяющей

силы, она распалась бы на множество частей, начиная отъ окраины и почти до центра, и притомъ даже отъ руки такихъ народностей, о которыхъ наши газетные писаки даже ничего и не знаютъ, каковы, напримѣръ, Татары Казанскіе, Крымскіе и Кавказскіе, такъ смѣло проявившіе себя за послѣднее время. Такого распаденія нетерпѣливо желаютъ наши западные враги, вдохновляющіе мятежниковъ, чтобы затѣмъ, подобно коршунамъ, броситься на разъединенные предѣлы нашего Отечества, на враждующія его племена и обречь ихъ на положеніе порабощенной Индіи и другихъ западно-европейскихъ колоній.

„Вотъ то печальное будущее, которое ожидаетъ Россію, еслибъ она довѣрилась внутреннимъ врагамъ своимъ, желающимъ сдвинуть ее съ вѣковѣчныхъ устоевъ.

„Не забывай же о нихъ, Русскій народъ, берегись богохульниковъ, кощунниковъ, мятежниковъ, желающихъ оторвать тебя отъ вѣчной жизни, отъ ожиданія грядущаго Суда Божьяго и Царствія Христова, котораго да не лишитъ насъ Господь, котораго память да хранитъ Онъ въ насъ,—котораго памятью да оградитъ Онъ насъ отъ современнаго развращенія. Аминь.

Антоній, епископъ волынскій“.

Съ этимъ „Посланіемъ къ русскому народу“ грознаго волынскаго епископа,—не безполезно сопоставить полученное мною въ 1902-мъ году одно любопытное „Исповѣданіе“. Изъ него епископъ увидалъ-бы, до какой степени обезсилѣли перуины, которыми онъ грозитъ людямъ; а читатели увидятъ, до какой степени у „невѣровъ“ сохраняется болѣе благодушія и привязанности къ человѣку, заботы о человѣкѣ, нежели у держателей земныхъ и загробныхъ перуновъ. Авторъ письма — еврей, тотъ самый, который въ февралѣ 1877 г. написалъ Ѳ. М. Достоевскому письмо въ защиту евреевъ, и которое вызвало у Достоевскаго, въ мартовскомъ номерѣ „Дневника писателя“, знаменитое разсужденіе о

еврейскомъ вопросѣ („Еврейскій вопросъ", „Pro и contra", „Statusin statu", „Сорокъ вѣковъ бытія", „Но да здравствуетъ братство!"). У Достоевскаго приведены и отрывки изъ „длиннаго и прекраснаго письма" этого еврея, по которымъ можно судить, что онъ и въ старости („Почему я не вѣрю" писано уже на 61-мъ году возраста) сохранилъ ту-же манеру сужденія, жаръ его, какую имѣлъ въ молодости, 25 лѣтъ назадъ. Еврея этого я потомъ видѣлъ одинъ разъ (онъ случайно пріѣзжалъ въ Петербургъ). Онъ во 2-ой разъ женатъ, на русской, сравнительно молодой, женщинѣ типа „курсистки", ради которой (т. е. чтобы получить право жениться) принялъ христіанство. Очень (до рѣдкости) семейно счастливъ, очень любитъ русскій народъ, страшно какъ и всегда болѣетъ за еврейскій народъ подавалъ, еще при Сипягинѣ, ему и другимъ министрамъ „записки" о снятіи „черты осѣдлости". Но какъ *еврейство*, такъ и *христіанство*, и всякую вообще *религію* и самую *религіозность* онъ считаетъ *предразсудкомъ*, *суевѣріемъ* и *темнотою*. Между прочимъ, отъ него я услышалъ замѣчательную фразу, сказанную о чиновникахъ-сослуживцахъ: „всѣ они къ Рождеству, къ Пасхѣ просятъ *наградныхъ*, и въ году тоже стараются получить *пособія*: а откуда взять русскому народу?? Онъ нищъ. Но самые образованные чиновники точно не понимаютъ, что казначейство и народная котомка—это одно: и народъ они жалѣютъ, а себѣ все-таки просятъ". Это онъ отвѣтилъ на вопросъ мой о наградныхъ-ли или пособіи ему, на что онъ отвѣтилъ, что никогда ихъ не получалъ и никогда не просилъ (жалованье его 150 р. въ мѣсяцъ). По воззрѣніямъ онъ — либералъ съ оттѣнкомъ радикализма,—„Писаревъ" еврейства или „Русское Богатство" среди евреевъ. Вотъ письмо, при которомъ онъ прислалъ мнѣ тетрадь свою:

В—ка, 31 декабря 1902 г.

Дорогой В. В.!

„... Посылаю вамъ мой этюдъ: *Почему я не вѣрю*? Не думаю, чтобы вы его могли гдѣ нибудь помѣстить, хотя бы съ цѣлью опроверженія... Хотя самъ Псалмопѣвецъ полемизировалъ же съ *негодяемъ (новолъ)*, который въ сердцѣ своемъ говорилъ, что „нѣтъ Бога". Во всякомъ случаѣ, я ужасно хотѣлъ бы, чтобы вы, по крайней мѣрѣ, указали мнѣ, въ двухъ-трехъ строчкахъ, въ чемъ *главная* моя ошибка [1]),—а что я въ чемъ то ошибаюсь—это самъ отлично *чувствую*. Рукопись предоставляю въ полное ваше распоряженіе.

Вашъ *А. К—ръ*.

„Почему я не вѣрю?

I.

„Въ чемъ сущность вѣры, религіи?

„Всякая вѣра основана на убѣжденіи (или предположеніи) людей въ существованіи личнаго Бога, имѣющаго связь (religio), завѣтъ и опредѣленныя отношенія къ человѣку, которыя вызываютъ опредѣленныя обязанности человѣка къ Богу.

„На этой почвѣ выросли: библія, Веды, Евангеліе, Коранъ и и прочіе религіозные законы и уставы.

„Но существуютъ ли въ дѣйствительности эти отношенія между Богомъ и людьми, и должны ли существовать какія либо обязанности человѣка къ Богу?

„Логическій и правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ выясненія самаго главнаго вопроса:

---

[1]) *Главная* ошибка — въ *физическомъ* представленіи вещи *не физической;* еще скажу (и да проститъ мнѣ авторъ) — что его ошибка вообще въ поверхностности сужденій. Примѣнюсь къ дочерямъ Лира: „вотъ—не Корделія"!.. Я не хочу сравнить его ни съ Реганою и Гонерильею, а просто онъ сторонній „батюшкѣ" человѣкъ, лишь присутствовавшій при драмѣ дѣленія отца съ дочерьми...

В. Р—въ.

„Что такое, по нашему представленію, **Богъ**?

„Убѣжденные послѣдователи существующихъ религій Откровенія говорятъ:

—„Богъ есть живой творецъ міра и міровъ, безначальный, безконечный, всемогущій, всеблагій, вездѣсущій, всевѣдующій,—словомъ верховное *живое* существо, которое даетъ жизнь всему существующему, и *сознательно* управляетъ всѣмъ на землѣ, во всей солнечной системѣ, во всей вселенной, доступной и не доступной человѣческому представленію и разуму.

„Представители же религій, основанныхъ на философіи разума, утверждаютъ, что „„сознающаго, живого Бога—нѣтъ, но несомнѣнно существуетъ великая, намъ непонятная, міровая **Сила**, которая безсознательно и невѣдомо для чего вѣчно творитъ и разрушаетъ, которая составляетъ источникъ жизни всего существующаго, цѣль и смыслъ котораго намъ непостижимы"".

„О томъ, что нѣтъ никакой причинной и сознательной связи между божествомъ-Силой и человѣкомъ, и что не могутъ быть никакія обязанности у человѣка къ этой Міровой Силѣ, кажется, и говорить не стоитъ. Мы видимъ, что силы природы: свѣтъ, тепло, движеніе, электричество, разныя космическія соединенія — вѣчно дѣйствуютъ и творятъ безъ всякой сознательной связи съ творимымъ [1]). Мы знаемъ, что цѣлыя планеты, солнца, солнечныя системы зарождаются изъ космическаго эфира и исчезаютъ безслѣдно [2]). Было бы нелѣпо думать, что эта Міровая Сила, которой постичь не можемъ, имѣетъ какія-либо сознательныя отношенія

[1]) Т. е. что есть *послѣдствія*, а *цѣлей* нѣтъ. Глубокое и важное возраженіе. Но откуда *красота* и *смыслъ* міра, отчего міръ *не сумасшедшій*, отчего нельзя сказать (даже филологически „языкъ не гнется"): „міръ какъ *съ ума сошелъ*: точно горохъ, который кто-то бросилъ (сумма причинъ), но никто не собралъ" (цѣли). Нѣтъ, міръ—*собранъ* собранъ—въ *систему*: и отъ этого одного о немъ возможны наука, философія, предвидѣніе, какъ возможно отъ этого же и *любованіе* имъ.—*В. Р—въ.*

[2]) Слишкомъ малъ срокъ исторіи и возрастъ науки, чтобы хотя объ одной планетѣ или звѣздѣ сказать: „родилась такъ-то, умерла такъ-то". Все—гипотезы астро-физики, безъ единаго *наблюденія*.

В. Р—въ.

къ человѣку-инфузоріи [1]), предъявляетъ къ нему какія-либо требованія, и что человѣкъ-инфузорія имѣетъ какія-либо обязанности къ этой Силѣ. Если человѣческій разумъ не допускаетъ больше поклоненія (т. е. сознательной связи) солнцу, этому видимому источнику всей жизни всей солнечной системы, признавая, что у этого видимаго творца жизни нѣтъ никакого сознательнаго отношенія къ творимому,—то тѣмъ менѣе можно допустить какую-либо причинную связь между ничтожнымъ атомомъ, называемымъ человѣкомъ, и величайшею Силой [2]), творящей по непостижимымъ для насъ законамъ самое солнце, всѣ солнца, безконечную вселенную; тѣмъ менѣе могутъ быть какія-либо обязанности у безконечно малаго существа, человѣка, къ безконечно великой творящей и разрушающей Міровой Силѣ [3]).

---

[1]) Отъ *объема* авторъ заключаетъ къ *важности*. Этакъ разсуждать, то придешь къ мысли, что лошадь *важнѣе* человѣка, *дубъ* — лошади, *скала* — дуба, и проч., и что не въ Шекспирѣ или Моисеѣ важность, а въ племени кафровъ, пожирающихъ плѣнника.

В. Р—въ.

[2]) Авторъ письма имѣетъ жену и ребенка: въ одной $2^3/_4$ аршина роста, въ другомъ 1 аршинъ. Итого $3^3/_4$ арш. человѣческаго мяса. Ну и что же: онъ не имѣетъ никакой интимной, любовной и разумной, святой и страшной связи съ этими существами, ибо вѣдь онъ „не имѣетъ связи даже съ цѣлымъ селомъ въ 1.000 человѣкъ, черезъ которое проѣзжаетъ, позвякивая колокольчикомъ“? Связь имѣетъ съ малымъ и дорогимъ: и Богъ *имѣетъ* же или *можетъ* имѣть связь (religio) съ человѣкомъ, не смотря на его объемистую, вообще физическую, малость, *вслѣдствіе безконечности его души*. Автору надо бы показать *ничтожество, микроскопичность, соръ* души человѣческой: чтобы на этомъ фундаментѣ доказывать, что Богу „не стоило связываться (religio) съ человѣкомъ“. Но онъ этого не доказалъ и, повидимому, даже не хочетъ доказывать.

В. Р—въ.

[3]) Весь этотъ тезисъ, вся первая глава, *космологическая*—слаба. Она принимаетъ за *существенность* дѣла физику, тогда какъ вся трактуемая область (religio) имѣетъ своею существенностью *нравственную красоту* и *психическую глубину*. Связь черезъ „religio“ часто уподобляется „nuptiis“, браку (у пророковъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ *Откровеніи* Іоанна — въ Новомъ Завѣтѣ). Вотъ у автора

II.

„Но связывающаго и обязывающаго начала между творцомъ и творимымъ немыслимо допустить и при предположеніи о существованіи Бога, управляющаго вселенною цѣлесообразною волею.

этой записки есть жена, и мнѣ извѣстно (по другимъ его письмамъ), что онъ именуетъ и чувствуетъ ее „Единственною“. Я, ставъ на его точку зрѣнія и аргументируя его доказательствами, могъ бы съ пафосомъ этой его записки противъ религіи говорить, что она, его положимъ Анна Павловна, не только не есть „Единственная“,— ибо таковой „единственной“ и быть не можетъ среди совершенно подобныхъ ей женщинъ, не хуже ея лицомъ и душою, даже выше ея ростомъ и толще объемомъ (аргументація г. К—а),—но что „ея даже и *нѣтъ вовсе* въ качествѣ супруги“ г-на К—а, что „онъ *вовсе не женатъ*“. Авторъ бы замахалъ руками, а я сталъ бы его убѣждать: „1) ну, какъ можно *предпочесть* единственную женщину среди десятковъ милліоновъ другихъ во всемъ ей подобныхъ, а по оцѣнкѣ другихъ людей (другихъ мужей) и лучшихъ? 2) Да и не только предпочесть, а стать къ ней въ необыкновенно близкое отношеніе, до безстыдства голое, до ужаса интимное, до пожертвованія за нее жизнью—дорогое, когда всѣ другія женщины поставлены имъ на почтительно далекое разстояніе, и онъ къ нимъ абсолютно холоденъ и безучастенъ“? *Религія во всемъ подобна браку и есть такое же чудо, какъ онъ,—и такая же, какъ онъ, существенность и очевидность.* Она основана и состоитъ на *избраніи* Богомъ человѣка „въ союзъ“ (religio) съ Собою: и на *открытіи* этому дорогому существу, Невѣстѣ или Супругѣ (Апокалипсисъ, пророки), истинъ изумительной важности, чреэмѣрной интимности, для всего остального міросозданія оставленныхъ сокрытыми. Да, но для этого надо „уневѣститься“ Богу: истина, особо непостижимая для православныхъ, въ Православіи, съ его духомъ постничества, сухости и оскопленія. Православные *не въ силахъ* мыслить Бога иначе, какъ скопцомъ, и себя въ отношеніи Его скопцами же, скопцами и скупцами, сухонькими, тощенькими, безобразненькими. И вся „религія“ для нихъ есть только планъ и послѣдовательность „смирительнаго“ воспитанія человѣка Богомъ. По этой концепціи Земля населена была звѣрьми-людьми; но милостивый Богъ-смиритель сжалился надъ

„Не говоря о томъ, что всякая воля, желаніе, хотѣніе, радость блаженство, удовлетвореніе, милость, какъ свойства ограниченнаго существа, не мыслимы у Бога-совершенства, Самоисточника всѣхъ силъ и всей жизни вселенной, — просто нелѣпо полагать, что эта всеобъемлющая, живая, всемогущая Сила-Богъ, эта всемірная Воля чего то желаетъ, чего-то требуетъ отъ ничтожной пылинки-человѣка, удовлетворена или не удовлетворена мыслями и поступками этого ничтожнаго творенія. [1]).

„Если человѣкъ не чувствуетъ и не замѣчаетъ милліардовъ инфузорій [2]), которыя онъ глотаетъ съ воздухомъ, которыя живутъ въ его организмѣ и которыя онъ уничтожаетъ милліонами каждымъ своимъ движеніемъ,—то тѣмъ менѣе мыслимы сознательныя отношенія всемогущаго Божества къ инфузоріи-человѣку, копошаще-

---

людьми, и въ замѣнъ зеленыхъ луговъ и дикихъ лѣсовъ устроилъ имъ Смирительный Домъ — „Ecclesiam“. Это построеніе есть планъ и задача смиряющей, укрощающей Церкви: главный принципъ которой есть *страхъ* и *покорность*. „Начало премудрости есть страхъ Божій“, а послушаніе духовенству есть первенствующая добродѣтель. При наличности этихъ двухъ качествъ въ „вѣрующихъ“, въ рабахъ „спасеніе“ обезпечено. Но едва рабы заглядываютъ черезъ заборъ „спасительнаго острога“, въ глубь темныхъ лѣсовъ и нескончаемыхъ луговъ, какъ „смирители“ приходятъ въ ужасъ, крича узникамъ: „Развѣ вы не слышите, какъ тамъ воетъ вѣтеръ? Развѣ вы не знаете, что тамъ бродитъ хищный звѣрь? Перепрыгните черезъ заборъ — и вы будете разорваны, а мы лишимся жалованья“. Не эта ли бѣдная концепція „религіи“ подняла наѣосъ автора противъ *существа* ея, котораго онъ вовсе не видитъ.—*В. Р—въ.*

[1]) Здѣсь продолжается все та же ошибка о „маломъ“ и „большомъ“, „макрокосмѣ“ и „микрокосмѣ“. Да почему же „совершеннѣйшему“ не радоваться и не скорбѣть: развѣ эти феномены *уничижительны?* Тогда авторъ будетъ доказывать, что мухи вѣчно ревутъ, а слонъ прыгаетъ отъ радости, или что оселъ волнуется гамлетовскими скорбями, а „несравненно совершеннѣйшій“ „Шекспиръ пребывалъ въ спокойствіи сытаго осла.—*В. Р—въ.*

[2]) Ну, опять наивности! И ваша жена—„инфузорія“ въ человѣчествѣ: а вы *ее одну* любите больше всего остального человѣчества - *В. Р—въ.*

муся ничтожный мигъ [1]) въ видимомъ нами мірѣ. Мысль же о томъ, что Божество направляетъ жизнь и поступки человѣка, едва выскочившаго изъ животнаго состоянія и безслѣдно исчезающаго, какъ пылинка въ воздухѣ; что этому Божеству нужны какія-то обязанности къ нему человѣка,—прямо противорѣчитъ и несовмѣстима съ понятіемъ о Божествѣ, какъ абсолютѣ и всесовершенствѣ въ самомъ себѣ.

„Думать же, что этому Творцу вселенной, этому Источнику всѣхъ силъ нужны жертвы, молитвы, обрѣзаніе, крещеніе, посты, совершеніе таинствъ и вообще какія бы то ни были внѣшнія проявленія любви, благоговѣнія, повиновенія, благодарности, раскаянія и умиленія человѣка,—не только нелѣпо, но и кощунственно съ богословской же точки точки зрѣнія, -ибо при такомъ предположеніи выходитъ, что Божество уже не абсолютное совершенство, а ограниченная субстанція [2]).

[1]) Взять „микрокосмъ“ времени: да вѣдь иногда *одна минута* или *часъ* жизни, *день*, *мѣсяцъ* важнѣе всего безсмысленнаго и безполезнаго „хвоста“ ея. Ньютонъ жилъ 80 лѣтъ: а *законъ тяготѣнія* открывалъ годъ, и этотъ *годъ* былъ важнѣе *79*-ти лѣтъ!! Есть *святыя* минуты даже у народовъ: Бородино у русскихъ, Саламинъ и Платея у грековъ, Синай у евреевъ. *Краткость* какъ и *физическій объемъ* суть человѣческія категоріи, и едва ли что значатъ они въ божественномъ созерцаніи, гдѣ можетъ вѣкъ быть какъ секунда и секунда растянуться въ вѣкъ.—*В. Р—въ.*

[2]) Туть есть *полу*-истина. Мнѣ тоже кажется, что *множественность* и *дробность* всего перечисленнаго авторомъ излишня въ религіи. Человѣкъ долженъ быть только безмѣрно привязанъ къ Богу, „вѣренъ“ Ему (именно — какъ Невѣста), не впадая въ эту деталь вѣчныхъ „обнаруженій“, „манифестацій“ и „доказательствъ“ своей любви и вѣрности. А то выходитъ какая-то „юридичность“ отношеній „законной супруги“, которая послѣ каждой ночи свидѣтельствуется у нотаріуса. Что-то плоское и религіи недостойное. Вспомнимъ Эдемъ, гдѣ не было постовъ и ритуаловъ, а *близость* къ Богу была какъ никогда потомъ. Человѣкъ долженъ только вѣчно *помнить* и *въ сердцѣ* чтить Бога: изъ „обрядовъ“, и то при вдохновеніи, выбирая лишь кое-что для исполненія, и даже если совсѣмъ *ничего* (Эдемъ)—то и это не важно и не нарушаетъ обрученности съ Богомъ (Апокалипсисъ).—*В. Р—въ.*

III.

„Но богословы и нѣкоторые философы утверждаютъ, что Божество—несомнѣнно абсолютное совершенство, внѣшніе же признаки любви, повиновенія и благоговѣнія человѣка нужны не Божеству, а самому человѣку для достиженія послѣднимъ какого-то высшаго идеала; что человѣкъ, когда онъ молится и преклоняется передъ Творцомъ, становится самъ лучше, идеальнѣе и приближается къ совершенству творца.

„Разсужденіе это не имѣетъ разумнаго основанія.

„Во-первыхъ, мы не знаемъ—и не можемъ знать—ни цѣли и смысла личной жизни, ни цѣли и смысла существованія всей вселенной, -слѣдовательно, всякое стремленіе къ невѣдомому идеалу, всякое исканіе невѣдомаго совершенства, всякая вѣра, что такія-то и такія-то дѣйствія и помыслы приведутъ насъ къ намѣченной Божествомъ цѣли и къ невѣдомому совершенству—не имѣютъ человѣческой логики и здраваго смысла.

„Во-вторыхъ, нелѣпо и прямо смѣшно предполагать, что неизвѣстнаго и непонятнаго для насъ совершенства можно достигнуть черезъ обрѣзаніе, крещеніе, причастіе, созерцаніе, путемъ постовъ и молитвъ.

„Въ третьихъ, разнородность способовъ достиженія, предлагаемыхъ намъ представителями разныхъ религій, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что самого совершенства нѣтъ. Евреи утверждаютъ, что совершенство, т. е. приближеніе къ Богу, достигается черезъ обрѣзаніе и субботу, христіане—черезъ крещеніе и совершеніе таинствъ, буддисты—черезъ созерцаніе и отреченіе, магометане—черезъ посты и молитвы, язычники—черезъ жертвоприношеніе и дикіе обряды,—при чемъ многое, что допускается одной религіею, строго запрещается другою—и наоборотъ. Такъ не ясно ли, что если требуемое совершенство такъ разно понимается представителями разныхъ религій; если къ предполагаемому совершенству ведутъ такіе, находящіеся въ противорѣчіи между собою пути и поступки,—то нѣтъ и самого совершенства [1]).

[1]) Тутъ кое-что есть правильное, и кое-что ложное. Авторъ уже слишкомъ *бѣгло* всего касается, пошатнувъ (какъ думаетъ) фундаментъ: но и фундаментъ цѣлъ, и подробности можетъ быть

IV.

„Но многіе мыслители говорятъ, что если въ человѣческой натурѣ есть стремленіе къ идеалу, если многіе вѣчно ищутъ его, а нѣкоторые находятъ полное удовлетвореніе, даже блаженство, въ отреченіи отъ всего земного, въ воображаемомъ сліяніи съ великой Волей, называемой Богомъ,—то это самое доказываетъ существованіе идеала, совершенства и Бога,—ибо къ „Ничто“ никто не стремился бы, никто не искалъ, не алкалъ и не жаждалъ бы познанія его.

„Увы! это исканіе, это стремленіе къ невѣдомому идеалу не болѣе, какъ самогипнозъ.

„Психологія и психіатрія знаютъ безчисленные примѣры развитія въ ненормальныхъ [1]) мозгахъ душевнобольныхъ фантастическихъ представленій, грандіозныхъ плановъ, поэтическихъ комбинацій, которые не имѣютъ никакой реальной почвы. Если вообще трудно опредѣлить точную грань между больной и здоровой мыслью [2]), то въ отношеніи представленія о Божествѣ, религіи,

---

тоже имѣютъ въ себѣ разныя *интимныя* основанія, не видныя автору. Авторъ вообще *не* „супругъ“ въ вѣрѣ: а *не* супругу какъ и объяснить детали семейнаго отношенія? О всемъ онъ скажетъ: „пустое“, „пустяки“, но мы, поёживившись отъ его порицанія, повчерашнему приберемъ домъ, устроимъ постельку, тамъ поставилъ герань, здѣсь олеандръ, развѣшаемъ любимыя занавѣсочки, и словомъ, устроимся въ подробностяхъ тепло и уютно, не придавая имъ исключительной важности, но помни и думая, что такъ угодно, *мило, дорого* Небесному Посѣтителю нашему. *В. Р—въ.*

[1]) Ну, вѣдь нельзя-же 100.000.000 „вѣрующихъ“ признать съ „ненормальными мозгами“, и только одного г. К—а съ „нормою человѣческаго мозга“. Почему онъ думаетъ, что не можетъ быть „самогипнозомъ“ атеизмъ, какъ и вѣра? Если браниться и называть другого „дуракъ“,—то неизвѣстно, *который*-же дуракъ: *я*-ли, которому онъ это говоритъ, или *онъ*, которому я это говорю. Это разговоръ, а не философія. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, не такъ трудно: здоровое и *ведетъ послѣдствія здоровыя*, а больное влечетъ *больныя послѣдствія*. Люди и цѣлые народы съ *ясною и спокойною вѣрою* были и лично и народно здравомыслящи,

взаимной связи между Божествомъ и людьми—человѣческая логика находится въ полномъ хаосѣ. Логика эта, правда, съ вѣками оздоровляется: отъ грубыхъ представленій первобытнаго человѣка о фетишахъ, о многобожіи, о загробной жизни, она перешла къ болѣе утонченнымъ фантазіямъ, къ поэтическимъ и псевдо-философскимъ объясненіямъ непонятныхъ человѣку явленій. Но послѣднія, въ области сверхъ-чувственнаго, всегда оставались—и останутся — неразрѣшимыми; и объяснять ихъ фантазіями религій, гипотезами мудрецовъ и самообманомъ глупцовъ столь же безсмысленно, какъ попытка *логически* объяснить бредни и фантазіи душевно-больныхъ [1]).

V.

„Что у человѣка, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть никакихъ обязанностей къ Божеству—это вытекаетъ изъ самой человѣческой природы. Человѣкъ рождается не по своей волѣ, всѣ его свойства и наклонности, какъ бы индивидуальны они ни были, составляютъ продуктъ эволюціи множества предковъ: онъ не только рабъ окружающихъ условій, но и не свободенъ въ своихъ помыслахъ,—слѣдовательно, онъ не долженъ отвѣчать за свои понятія и мысли. Вся природа человѣка, вся его умственная и душевная дѣятельность, зависящая, въ сущности, отъ безконечной цѣпи причинъ и условій, направляется, по словамъ богослововъ же, высшей Волей, Божествомъ („велось не падаетъ“ и т. д.). Какъ же онъ можетъ отвѣчать за свои поступки (и помыслы) передъ этимъ Божествомъ,

---

нрѣпки, добродѣтельны. Это можно сказать объ язычникахъ, евреяхъ, буддистахъ, магометанахъ, христіанахъ. Только нужно выбросить эксцессы религіозныя, юродство и уродство. Сократъ былъ вѣрующій, Ньютонъ тоже, Моисей и Авраамъ—тоже: неужели они всѣ „психопаты“? А еслибы *религіозность*, и притомъ *всякая*, была непремѣнно психопатична: то она *на каждомъ индивидуумѣ отражалась-бы непремѣнно болѣзненно*, ломала-бы его, какъ лихорадка организмъ. Но этого нѣтъ. И слѣд. религія есть норма, а не отступленіе отъ нея. *В. Р—въ.*

[1]) Все это—пустяки, на которыхъ не будетъ настаивать добросовѣстный авторъ, пробѣжавъ предыдущія мои возраженія ему.—*В. Р—въ.*

которое слѣдитъ за каждымъ дыханіемъ и движеніемъ [1]) человѣка?

V.

„Наконецъ, если допустить, какъ утверждаютъ богословы и нѣкоторые философы, что и человѣку, и самому Божеству нужно, для невѣдомыхъ намъ цѣлей, познаніе Бога человѣкомъ, исполненіе такихъ-то и такихъ-то заповѣдей, такое-то повелѣніе,—то почему это всемогущее и всеблагое божество не внушаетъ человѣку полнаго убѣжденія въ существованіи Его, Божества, не указываетъ настоящаго, единственнаго пути [2]) къ идеалу? Человѣкъ, желая,

---

[1]) Можетъ быть аналогія между женихомъ и невѣстою, супругою и мужемъ—опять отвѣтитъ на это. И жена въ правѣ сказать „я—*потомокъ* своихъ предковъ", но не говоритъ этого мужу и чувствуетъ виновною передъ нимъ, являясь дурною хозяйкой, или лживою, или лукавою, или измѣнницею. Есть *законы* надъ человѣкомъ, но и есть *свободная* воля въ человѣкѣ; есть „обстоятельства", горестныя, но есть и „идеалъ", вѣчноприсущій человѣку. „Грѣховная" (какъ всѣ) дѣвушка, обручаясь жениху, какимъ-то гигантскимъ порывомъ точно сбрасываетъ съ себя всю „власть предковъ" и говоритъ: „вотъ—я *твоя, вѣрная, правдивая, любящая*. Любовь къ тебѣ исцѣлила меня: и со всѣми я буду гадкая („первородный грѣхъ", слабость), а съ тобой и въ отношеніи тебя—только хорошая". Такъ и всѣ религіи. Любовь даетъ *силы*, религія тоже рождаетъ *новыя силы* въ человѣкѣ: и посмотрите, какъ въ самомъ дѣлѣ „возрождаются" народы, принимая „новую религію", т. е. по-просту переходя *къ вѣрѣ* изъ фазы *потухшей, похолодѣвшей* прежней вѣры.—*В. Р—въ.*

[2]) Было-бы слишкомъ машинно, ариѳмечически „вѣрно". А любовь не такъ достовѣрна, какъ $2\times2=4$, но *слаще* этого. Я думаю, авторъ не захотѣлъ-бы выбрать въ невѣсту себѣ такую дѣвушку, которая лишена *механической* возможности измѣны, *физической* способности обмана и лжи, которая ему была-бы „вѣрна" какъ доска и сидѣнье „вѣрно" кучеру, который на немъ сидитъ. *Такую-бы* онъ *не полюбилъ*. И Богъ не выбралъ себѣ въ „связь", „religio" рабскаго, и даже хуже — механическаго существа, которому бы „разъ указалъ" то-то и то-то: и онъ потекъ-бы туда-мертво и механично, какъ вода изъ опрокинутой бутылки. Зачѣмъ

чтобы низшія существа (животныя и проч.) его понимали и любили [1]), употребляетъ для этого опредѣленные способы, которыми онъ, въ концѣ концовъ, достигаетъ своей цѣли. Высшая человѣческая воля (царь, полководецъ, мудрецъ) употребляетъ прямые, понятные и разумные способы, чтобы люди ее цѣнили и любили, поклонялись и повиновались [2]). Если познаніе, любовь и повино-

такой Богу? Избираютъ свободное и геніальное, „привязываются“ къ капризному и мучительному. Человѣкъ, безвѣріемъ и пороками, *измучилъ* Бога; но и умилилъ Его восторгами, жертвами и любовью. „Такого-то“ и нужно было Богу. Вспомнилъ-бы авторъ Іаковъ „боролся съ Богомъ“ (ночью), Іовъ—*роптали* на Него: и оба были *любимцами, избранными, драгоцѣнными* Богу. Великая черта религіи, „знаменіе“ ея. Но мы, русскіе, правда ничего въ этомъ не понимаемъ, зная и пріучась лишь къ „рабству вѣры“ (вина нашего духовенства, едва-ли что въ религіи понимающаго). *В. Р въ.*

[1]) То-то „низшія существа“: вотъ и проговорился авторъ. Собаку онъ *пріучаетъ* къ покорности, а у жены постарается *возбудить* ее. А не „возбудилъ“—то примирится, по любви, и съ непокорностью. Богъ *мучимъ* человѣкомъ (непослушаніе, пороки) и любитъ его: и въ этомъ суть религіи. Мы отъ того и любимъ восторженно религію, эту „связь“ свою съ Богомъ, любимъ ее не какъ царство и правительство, но именно какъ *любовь свою*—что при всѣхъ заблужденіяхъ своихъ, во всякихъ „забвеніяхъ“ Бога, все-же напослѣдокъ видѣли и видимъ: вонъ Онъ, любящій Глазъ—опять смотритъ на насъ съ нѣжностью, и бережетъ, и заботится. Тогда-то мы и кричимъ „осанна“, кричимъ не Начальнику Небесному, а какой-то этой небесной любви, небесному сліянію своему съ Творцомъ міровъ и человѣка. *В. Р—въ.*

[2]). Ну, „мудрецъ“ употребляетъ не такіе „прямые“ способы, какъ „полководецъ и царь“, и отъ этого Декарта и Ньютона чтутъ больше, чѣмъ Веллингтона и Наполеона. Богъ, *какъ непремѣнное условіе* religionis,—взялъ способы *еще менѣе прямые,* еще болѣе нѣжные, гибкіе и хрупкіе, вовсе исключивъ „доказательства“, ариѳметику и научность изъ свидѣтельствъ *бытія, могущества* и *любви* своей. Можно такъ сказать, что все міросознаніе *знаетъ научно Бога,* управляемое „прямыми“ законами Его, неодолимыми. Но одному человѣку Онъ „открылся“ съ гибкой и разрушимой для вѣры стороны, чтобы пріобрѣсти его „въ любовь“, а не „въ по-

веніе человѣка для чего-то нужны Божеству, то Оно, понятно, имѣетъ для достиженія этого болѣе возможности и средствъ, чѣмъ царь, полководецъ и мудрецъ. Почему же Оно не дѣлаетъ этого прямо и просто, безъ всякихъ мудрствованій и чудесъ? А разъ находится хотя бы одинъ человѣкъ, который не признаетъ какихъ-бы то ни было обязанностей къ Божеству,—то этимъ самымъ доказывается, что Божество не требуетъ [1]) этихъ обязанностей, что никакихъ обязанностей и нѣтъ. Отвѣчать же чѣмъ бы то ни было—на этомъ или на томъ свѣтѣ—за непризнаніе и неисполненіе обязанностей къ Божеству человѣкъ, во всякомъ случаѣ, не долженъ, такъ какъ въ этомъ виновато, если можно такъ выразиться—само Божество, которое не вложило сознанія ихъ въ самую природу человѣка.

VII.

„Но гордый умъ человѣка, поднимающійся на высочайшія вершины мысли и генія, погружающійся въ самыя бездонныя глубины такъ называемой души, повелѣвающій законами природы, создающій чудеса техники, достигающій такого совершенства въ области поэзіи, искусства, музыки [2]), не можетъ мириться съ мыслью о томъ, что человѣкъ есть продуктъ минуты, что вся его жизнь есть „даръ напрасный, даръ случайный“, что онъ исчезаетъ, какъ мыльный пузырь, и потому онъ мнитъ себя частицей какого-то Божества, вмѣстилищемъ божественной души, будущимъ небожителемъ.

„Самомнѣніе похвальное, что и говорить; но, къ прискорбію, фантастическое и безцѣльное. Свойственное избраннымъ натурамъ

корность“. И міру Онъ—Хозяинъ, а человѣку — Женихъ. Вотъ тайна. *В. Р—въ.*

[1]) И не „требуетъ“, а ждетъ: что на это скажетъ К—ръ?—*В. Р—въ.*

[2]) А, вотъ то-то: гдѣ-же теперь „инфузорія“, „пылинка“, „чепуха и соръ“, не могущая быть взятою въ „союзъ“ съ Богомъ? Нѣтъ, автора любитъ Богъ; хоть онъ и брыкается отъ „союза“. Вѣдь есть и „односторонніе“ любви; но зачѣмъ эта грусть? Богъ и безъ нашей любви къ Нему будетъ насъ любить: но для чего эта мука, и не лучше-ли „вернуться къ Жениху своему“ изъ странствія и ошибокъ? *В. Р—въ.*

стремленіе къ какому-то высшему идеалу и желаніе быть въ непосредственной связи съ божествомъ столь же непонятно и необъяснимо, какъ смыслъ существованія земли, солнца, всей вселенной, самого Божества. Никакіе мудрецы, никакія умствованія не въ состояніи уразумѣть цѣль и смыслъ міроваго процесса. Мы видимъ только явленія, но смыслъ ихъ для насъ сокрытъ. Понятія о Божествѣ, которыя намъ даютъ существующія религіи, слишкомъ наивны, чтобы удовлетворить пытливый умъ. Гипотеза о существованіи сознательнаго Бога-творца въ сущности ничего не объясняетъ. Законъ тяготѣнія—гипотеза, движеніе земли вокругъ своей оси и вокругъ солнца—гипотеза, теорія эфира—гипотеза, теорія свѣта—гипотеза. Но всѣ эти гипотезы все же что нибудь объясняютъ; на основаніи этихъ гипотезъ люди науки открываютъ законы природы, предсказываютъ извѣстныя явленія, которыя сбываются. Гипотеза же о существованіи Бога-творца, напротивъ, все спутываетъ въ умѣ мыслящаго человѣка, ничего логически и разумно не объясняетъ; ибо, разъ намъ не дано понять свойства Божества, является примитивный, съ перваго взгляда—дѣтскій, но въ сущности самый глубокій и самый проклятый вопросъ кто создалъ самого Бога?

„Приписываемыя же Богу свойства менѣе всего могутъ объяснить цѣль и смыслъ существованія всей вселенной, а существующія религіи своими сказками и фантазіями о Синаѣ, чудесахъ, Троицѣ, Голгофѣ, Воскресеньѣ, видѣніяхъ Магомета и проч., и проч. представляются слишкомъ первобытными и... дѣтскими [1]).

„Богословы и мудрецы, въ концѣ концовъ, говорятъ намъ: Божество и его пути непостижимы человѣческому уму. Ну, и прекрасно. Непостижимы, такъ непостижимы. Какое же дѣло человѣку къ Божеству? Между тѣмъ эти же мудрецы и святоши пишутъ милліоны томовъ, чтобы объяснить непостижимое [2]). Какая нелѣпость!

[1]) Все это—поверхностно, „наскоро". И мы пропускаемъ это безъ возраженій. Человѣкъ не входитъ *въ подробности*; зачѣмъ мы станемъ тащить его туда? Пришлось-бы отъ „аза" до „ижицы" писать книгу:—*В. Р—въ.*

[2]) Конечно, религія превратилась въ „многотомность", и это не изъ второстепенныхъ причинъ ея теперешняго упадка. Религія должна быть проста и ясна какъ цвѣтокъ, и какъ онъ (его жизнь)—тайна.—*В. Р—въ.*

VIII.

„Поразительно, что всѣ богословы и философы, вовсе не затрагиваютъ вопроса о, такъ сказать, младенчествѣ религій Откровенія. Казалось бы, что еслибы какая нибудь вѣра въ Божество была истинною, то она должна была существовать, во всей своей истинности и правдѣ, споконъ вѣковъ [1]), съ колыбели человѣчества, безъ всякихъ измѣненій и реформъ, какъ ясно для всѣхъ существуетъ солнце. Между тѣмъ мы видимъ, что раціональное лютеранство существуетъ всего около 400 лѣтъ, магометанство—около 1300 лѣтъ, самое христіанство—около 1900 лѣтъ, іудейство—около 4000 лѣтъ, буддійство—столько же. И всѣ считаютъ свою религію истинною, и никто изъ исповѣдующихъ эти религіи не задаетъ себѣ вопроса: почему признаваемая ими *истина* открылась міру тогда то„[2]) а не раньше и не позже? Если религіи установлены во времени, если всѣ якобы истинныя религіи такъ юны въ сравненіи съ человѣчествомъ, то не доказываетъ ли это, что ни одна изъ нихъ не божественна, а слѣдовательно ни для кого не обязательна?

IX.

„Вопросъ о безсмертіи, т. е. о загробной жизни послѣ смерти, тѣсно связанъ съ отвѣтственностью человѣка за свои поступки. Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе этого вопроса, котораго не могутъ рѣшить окончательно и величайшіе мыслители. Я допускаю, что отсутствіе причинной связи между человѣкомъ и Божествомъ не исключаетъ возможности человѣческаго бытія послѣ смерти въ какой нибудь формѣ. Не имѣя никакихъ данныхъ для точнаго опредѣленія этой формы, можно однако съ полною увѣренностью ут-

[1]) Ну, т. е. какъ истина, что $2 \times 2 = 4$? Такая матерія скучна и для Бога и для человѣка. *В. Р—въ.*

[2]) Почему ваша „Единственная" (авторъ въ самомъ дѣлѣ такъ, и никогда иначе, называетъ жену свою) „открылась вамъ на 45-мъ году вашей жизни, а вы не молились на нее сразу и даже съ самаго рожденія?" Позволю себѣ эти аналогіи, чтобы короче убѣдить автора. *В. Р—въ.*

верждать, что ни одна форма бытія по ту сторону жизни, которую рисуютъ намъ представители той или другой религіи, не можетъ считаться истинною. Уже одно то, что конфуціанство, буддійство, еврейство, христіанство, магометанство—рисуютъ разныя формы загробной жизни, доказываетъ, что ни одна изъ нихъ не истинна, ибо Истина можетъ быть только одна [1]). Возможно только логически допустить, что такъ какъ ни матерія, ни энергія (сила) никогда не уничтожаются, а вѣчно измѣняются и принимаютъ новыя формы, то и человѣческій организмъ и дѣйствующая въ немъ сила, вѣроятно, также принимаютъ послѣ смерти какую-нибудь форму бытія, которой мы не знаемъ.

„Но само собою разумѣется, что это невѣдомое намъ новое бытіе ни къ чему насъ не обязываетъ въ осязаемой жизни. Не по нашей волѣ мы получаемъ жизнь, не по нашей волѣ она прекращается (самоубійство въ счетъ не идетъ), и не отъ насъ зависитъ продолженіе бытія въ какой бы то ни было формѣ послѣ смерти,—слѣдовательно, мы ничего въ этомъ процессѣ измѣнить не можемъ.

„Многіе мыслители, не допуская, чтобы геніальные люди, поэты, праведники, мудрецы превращались въ прахъ наравнѣ съ животными, фантазируютъ о томъ, что съ прекращеніемъ видимой жизни они превратятся въ болѣе совершенные организмы, сохраняя при томъ сознаніе и связь съ земною жизнью.

„Подобныхъ иллюзій нельзя окончательно отрицать; подобную мысль можно допустить, какъ гипотезу; но, повторяю, разъ эта новая форма бытія будетъ продолжаться безъ нашего согласія, разъ мы не можемъ способствовать ни улучшенію, ни измѣненію ея, безполезно о ней думать, надѣяться, радоваться, сокрушаться. Не наше это дѣло, не намъ о немъ заботиться.

„Думать же, что отъ нашихъ молитвъ и постовъ, отъ исполне-

---

[1]) Авторъ (всюду) имѣетъ только ариѳметическія представленія объ „Истинѣ“: 2×2 *не* 5 и *не* 3, а *единственно* 4. Но, напримѣръ, у меня 5 человѣкъ дѣтей, и я ихъ всѣхъ (дѣйствительно) люблю *разно*, не сливая привязанности и любованія въ одну линію, въ одну непрерывную нить!! Напротивъ, нити—разныя, отъ каждаго ребенка идетъ своя ко мнѣ нить. Припоминая и друзей своихъ, все „уважаемыхъ“, я нахожу, что нѣтъ двухъ изъ нихъ, къ коимъ я имѣлъ бы одно и даже схожее чувство. Чувствъ—*много*, и всѣ — *разныя*, и однако всѣ—истинныя!!! *В. Р–въ.*

нія тѣхъ или другихъ обрядовъ, отъ тѣхъ или другихъ поступковъ можетъ измѣниться цѣль и смыслъ нашего бытія послѣ смерти,—это все равно, какъ если бы муха, залетѣвшая въ вагонъ курьерскаго поѣзда, подумала, что отъ того, что она сядетъ на ту или другую точку, зависитъ быстрота и направленіе локомотива, везущаго поѣздъ.

X.

„Многіе въ полномъ безсиліи доказать существованіе Божества и продолженіе сознательной жизни человѣка послѣ смерти, ссылаются на то, что и въ томъ и въ другомъ убѣждены милліоны людей; поэтому они требуютъ, чтобы это убѣжденіе было принято всѣми какъ нѣчто непреложное, безъ всякихъ размышленій и философствованій.

„Къ счастію, одинъ зрячій видитъ больше, чѣмъ милліонъ слѣпорожденныхъ; одинъ взрослый человѣкъ въ одно мгновеніе обнимаетъ и обхватываетъ больше явленій, чѣмъ тысяча дѣтей въ продолженіе года. Мыслящимъ людямъ извѣстно, что стадное вѣрованіе въ Божество, въ загробную жизнь, въ возмездіе имѣетъ свое начало въ доисторической эпохѣ, когда люди, едва вышедшіе изъ животнаго состоянія, видѣли во всякой силѣ, которой они не могли себѣ объяснить, Божество: боготворили мертвецовъ, поили и кормили ихъ и связывали свою жизнь со смертью родителей и родоначальниковъ. Путемъ эволюціи это вѣрованіе, съ вѣками, приняло болѣе утонченную форму. Но изъ дегтя, какъ его ни очищай, душистое вино не выйдетъ; какъ ни облагораживай суевѣріе, оно не можетъ превратиться въ откровеніе и просвѣтленіе. Умственный мракъ никакихъ утѣшеній дать не можетъ.

XI.

„Но представляется вопросъ громаднѣйшей важности:

„Какъ жить, какія будутъ и должны быть отношенія между людьми и обязанности людей другъ къ другу безъ вѣрованія въ правящую волю Божества и въ продолженіе сознательной жизни за гробомъ?

„Исторія культуры насъ поучаетъ, что жизнь человѣка становится легче и удобнѣе при помощи союзовъ: семейныхъ, общинныхъ, государственныхъ. Союзы эти возникли и окрѣпли не во имя Божества и безсмертія, а на почвѣ самосохраненія и пользы

личности, рода и племени. Еще до появленія человѣка на историческую сцену, подобные союзы выработались среди нѣкоторыхъ группъ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ (пчелъ, муравьевъ), которые путемъ эволюціи и подбора стали инстинктами. У людей эти союзы не превратились въ инстинкты, но съ вѣками они все улучшаются и совершенствуются. Съ полной увѣренностью можно, поэтому, предсказать, что и безъ всякой идеи о Божествѣ и безсмертіи, которой, конечно, нѣтъ у пчелъ и муравьевъ [1]), люди со временемъ выработаютъ такой modus vivendi, такія формы и условія общежитія, которыя будутъ основаны исключительно на законахъ разума и справедливости. Разумъ же говоритъ, что если человѣкъ, какъ членъ общества (союза), желаетъ пользоваться благами, вытекающими изъ существованія послѣдняго, то онъ долженъ нести опредѣленныя къ союзу обязанности, безъ которыхъ немыслимъ самъ союзъ. Затѣмъ съ развитіемъ культуры, съ накопленіемъ знанія и опыта, неизбѣжно увеличивается сумма благъ, которыя возможно извлечь изъ силъ окружающей природы, а съ улучшеніемъ условій жизни, личность получаетъ высшее развитіе и возможно полное удовлетвореніе потребностямъ ея физической и умственной природы. Если же обязанности личности къ союзамъ будутъ основаны на правдѣ и справедливости, то онѣ не потребуютъ отъ нея большихъ жертвъ, не будутъ ее стѣснять и не уничтожатъ ея индивидуальныя особенности и наклонности.

XII.

„По законамъ разума и справедливости, руководящимъ принципомъ поведенія человѣка въ союзѣ должна быть не заповѣдь:

---

[1]) Это еще вопросъ: они „исполняютъ“ Бога, человѣкъ Его „ищетъ“ (*законъ* и *любовь*). Тѣло мое химію не знаетъ, а живетъ—по химіи. Такъ весь міръ „по Богу“: кромѣ человѣка, страшнаго, неизмѣримаго, „какъ еще божество“, который одинъ только и смогъ и съумѣлъ какъ-бы оторваться отъ сотворившаго его Солнца, чтобы затѣмъ тяготѣть къ нему порывами геніальными и свободными,—„ангелоподобными“. Поѣздъ идетъ по рельсамъ, и рельсы „знаютъ“ поѣздъ, но поѣздъ не „любитъ“ рельсовъ. А дорожка лѣсная и не ждала, что на нее вступлю вотъ *я*: а какъ я *люблю* ее!! *В. Р—въ.*

„люби своего ближняго, какъ самого себя", высказанная Моисеемъ неоднократно (Левитъ, гл. 19, ст. 18 и 34) и повторенная Христомъ, которая не соотвѣтствуетъ человѣческой природѣ, а жизненная мудрость, высказанная, какъ главное правило поведенія, еврейскимъ же мудрецомъ Гиллелемъ, жившимъ до Рождества Христова, именно:

„*Не дѣлай ничего того, что вредно твоему ближнему*" [1]).

„Въ это правило, какъ глубоко опредѣлилъ великій гуманный равви, укладывается все ученіе, вся этика, а по моему—и всѣ соціальные принципы человѣческаго общества. Если А. допуститъ себя сдѣлать то, что могло бы быть вредно для Б., то онъ долженъ согласиться, что и Б. можетъ дозволить себѣ то, что вредно ему, А. Ясно, что при такомъ порядкѣ не мыслимъ никакой разумный прогрессъ, никакія условія улучшенія человѣческой жизни.

„Что касается положительнаго добра, въ которомъ люди по своей физической природѣ и организаціи такъ часто нуждаются (каково учрежденіе больницъ, пріютовъ и убѣжищъ для больныхъ, дѣтей, безпомощныхъ) и которое, съ перваго взгляда, связано съ признаніемъ Божества и безсмертія,—то при устройствѣ общества на началахъ разума и справедливости, оно можетъ осуществиться и безъ религіозныхъ импульсовъ [2]). Во первыхъ, при *невѣжествѣ зла*

---

[1]) Я бы сказалъ: „со всѣми благодушествуй". И прибавилъ: „а козни враговъ обращай въ комизмъ".

[2]) Со всѣмъ этимъ я глубоко согласенъ. Это Достоевскій наклеветалъ на человѣка, что „безъ Бога и вѣры въ загробную жизнь люди начнутъ пожирать другъ друга". Прежде всего, они при „вѣрѣ" и „въ Бога, и въ загробную жизнь" жгли другъ друга,—что едва-ли лучше пожиранія; и жгли вѣками, не индивидуально, а церковно. Но оставимъ эти старыя исторіи. Для меня совершенно очевидно и изъ непосредственныхъ фактовъ мнѣ извѣстно, что люди совершенно невѣрившіе въ Бога и въ загробную жизнь были людьми въ тоже время изумительной чистоты жизни, полные любви и ласки къ людямъ, простые, не обидчивые, не завистливые. Мнѣ ужасно грустно сказать, — ибо это есть страшное испытаніе для всякой вѣры,—что этихъ особенно чистыхъ и особенно добрыхъ, правдивыхъ и ласковыхъ людей, я встрѣчалъ почти исключительно среди атеистовъ. Это до того страшно и непонятно, что я растеряваюсь: но долженъ сказать, что видѣлъ. И у этихъ людей нѣтъ

люди менѣе будутъ нуждаться въ общественной помощи; во вторыхъ, при лучшемъ устройствѣ общества, всякая необходимая членамъ общества помощь будетъ организована такъ разумно, что она не будетъ въ зависимости отъ побужденія и произвола той или другой личности. Наконецъ, если будетъ меньше зла, то потребуется и меньше положительнаго добра, которое теперь совершается какъ жертва, и потому оно произвольно и такъ несущественно.

XIII.

„Но какъ устроить, чтобы отдѣльныя личности не имѣли власти и возможности дѣлать вредное и зло другимъ личностямъ? Рѣшеніе этого вопроса составляетъ болѣе задачу соціологіи, чѣмъ религіи. Послѣдняя въ теченіе тысячелѣтій ничего почти не сдѣлала для облегченія страданій человѣчества. Напротивъ, всѣ религіи божіею милостью, въ томъ числѣ и религія любви и сострадавія, христіанство,—санкціонировали дѣленіе людей на касты, рабство во всѣхъ его видахъ, религіозныя войны, инквизиціо, пытки, казни, неравномѣрное распредѣленіе труда и богатства, безпричинное человѣконенавистничество и всякій деспотизмъ [1]). Все это зло совер-

никакой меланхоліи, такъ что они „не отъ грусти добры“, напротивъ—превеселые. Веселые, здоровые, другъ къ другу изумительно *внимательные* и *споспѣшествующіе*: и безъ всякой вѣры „въ чохъ“ и „глазъ“, „рай“ и „адъ“, „Бога“ и „душу“. Такъ что очевидно соціальное строительство можетъ или могло-бы произойти вовсе безъ религіи и чувствъ къ Богу. Я думаю, только, что это *индивидуально грустно было-бы*. Мнѣ было бы грустно! *Я*, если бы и одинъ остался вѣрующимъ на землѣ—остался бы вѣрующимъ; и если бы мнѣ сказали, что я „никому не нуженъ съ моею вѣрою“, все же я остался бы съ нею. Можетъ быть отъ того, что я худъ? Можетъ быть. Но и говоря такъ, я всетаки подтверждаю, что невѣрующіе люди почему то лучше вѣрующихъ. Все это ужасно грустно. Чтобы, однако, не обидѣть и вѣрующихъ, я долженъ сказать, что и среди ихъ наблюдалъ людей изумительной отзывчивости, красоты и тишины души: но только это бывало какъ *личное исключеніе*, а у невѣровъ это—въ *толпѣ, толпою.—В. Р—въ.*

[1]) Внѣ всякаго сомнѣнія, еслибы „типично религіозные люди“ были „типично добрые“, то и „религія“ была-бы типично „доб-

шилось и совершается во имя религій, проходитъ красной ниткой по всей всемірной исторіи и составляетъ главную суть. Между тѣмъ всѣ освободительныя начала, всѣ великія дѣла, совершающіяся для блага человѣчества, всѣ попытки сокрушить деспотическій строй государствъ, всѣ гуманныя инициативы въ пользу трудящихся массъ—выросли и развиваются на почвѣ разума и справедливости, помимо бредней религіи о Божествѣ.

„И замѣчательно, что идеи, основанныя на разумѣ и справедливости, сдѣлали такіе, сравнительно, колоссальные успѣхи въ какіе нибудь полтора вѣка, въ теченіе второй половины XVIII и XIX столѣтій,—тогда какъ религіи на протяженіи тысячелѣтій не только не принесли никакой осязаемой пользы человѣчеству, но творили и творятъ положительное зло, порабощая умъ и волю человѣка [1]).

„И если горсточка людей науки и разума, вопреки яростному сопротивленію оффиціальныхъ представителей религій, достигла въ короткое время такихъ полезныхъ результатовъ въ благоустройствѣ хотя бы рабочихъ массъ, каковы: школы, больницы, эмеритуры, взаимное страхованіе, сокращеніе числа рабочихъ часовъ,—то вполнѣ можно расчитывать, что съ упраздненіемъ религіозныхъ предразсудковъ и бредней, съ расширеніемъ знанія и опыта, съ просвѣтленіемъ умовъ, сумма положительнаго добра превзойдетъ сумму царствующаго теперь зла, и что идея справедливости, хотя бы въ формулѣ: „Не дѣлай ничего того что вредно твоему ближнему“ —сдѣлается регуляторомъ человѣческихъ судебъ [2]).

рою“, „благодѣющею“. Но на самомъ дѣлѣ этого никогда не было, и „религія“ никогда не возмущалась никакимъ зломъ (исключенія не въ счетъ), потому-что „религіозные люди“ всегда были изумительны равнодушны къ добру и злу. Типичные примѣры: докторъ Гаазъ и митрополитъ Филаретъ, папы и ученые. Между тѣмъ наука никакой особенной морали не проповѣдуетъ. Но она оставляетъ человѣка „самимъ собою“ (язычникомъ). И человѣкъ „самъ собою“ и растворилъ (или растворяетъ) темницы, кормитъ, поитъ, лечитъ, въ тоже время шутя, забавляясь, веселясь („религіозные“ обычно плачутъ, или „раздумываютъ о чемъ-то“).—*В. Р—въ.*

[1]) Все это грустная истина *В. Р—въ.*

[2]) Мысли эти (всѣ вообще) „противъ религіи“ имѣютъ въ себѣ ту долю правды и очевидности, что религія дѣйствительно нуж-

XIV.

„Остается сказать еще нѣсколько словъ по вопросу о такъ называемой нравственности, о половыхъ отношеніяхъ между людьми при отсутствіи нормирующихъ ихъ религіозныхъ правилъ.

„Если нѣтъ Божества, если у человѣка нѣтъ никакихъ обязанностей къ Божеству, не воцарится ли въ человѣческомъ обществѣ полный развратъ, отъ котораго послѣдуетъ вырожденіе человѣческого рода?

„Не говоря о томъ, что ни одна религія не уничтожила такъ называемаго разврата, а лишь слегка, едва замѣтно смягчила его; что нѣкоторыя религіи, какъ извѣстно, даже поощряли культъ любви; что нѣкоторыя религіи вызвали въ жизнь аскетизмъ, который, въ концѣ концовъ, также ведетъ къ вымиранію,—слѣдуетъ уразумѣть разъ на всегда, что правильныя и раціональныя половыя отношенія между людьми могутъ быть урегулированы не религіозными бреднями и таинствами, а научными законами физіологіи и гигіены, а также соціологіи въ широкомъ ея значеніи.

„Несвоевременность половыхъ функцій (въ незрѣломъ возрастѣ), ихъ излишества, происходящія отъ нихъ болѣзни, истощеніе человѣческаго организма, половая неврастенія и извращеніе—все это составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ физіологіи и гигіены, но ничуть не религіи, какъ и функціи питанія, которыя также до-

дается въ огромномъ упрощеніи. Пусть растетъ „какъ цвѣтокъ", у человѣка и народовъ; и хоть вовсе не растетъ у кого и гдѣ—то все равно. „Томы" о ней рѣшительно надо выбросить. Но вотъ *вздохнетъ* кто-нибудь: умирая кто-нибудь посмотритъ съ грустью на закатъ солнца: „больше его не увижу". И кто нибудь старымъ воспоминаніемъ вспомнитъ слова нашей всенощной: „видѣвши *свѣтъ вечерній* поемъ Отцу, Сыну и Святому Духу—Богу". А не вспомнитъ онъ этого—пусть и не вспомнитъ. Будемъ расти какъ цвѣты у Бога. Гиллель всетаки былъ „вѣрующій", и такой—добрый. Можетъ быть когда-нибудь, черезъ тысячу перерожденій и возрожденій, мы дождемся-же такой мѣры и вѣры и добра, что „вѣровать" и будетъ значить только „быть добрымъ", а „всякій добрый" будетъ и „вѣровать",—не утомленно и напряженно, а ясно и покойно, какъ „растетъ" цвѣтокъ. *В. Р—въ.*

пускаютъ всевозможныя вредныя отклоненія,—и которыя, однако, не нормируются религіозными предписаніями и не составляютъ предметъ „таинствъ".

„Если и животныя, у которыхъ половыя функціи не регламентируются ни идеею о Божествѣ, ни законодательствомъ, не вырождаются: то тѣмъ менѣе можно опасаться за свободный ростъ человѣчества, тѣмъ менѣе можно допустить вырожденіе его отъ свободныхъ половыхъ отношеній, при урегулированіи ихъ законами физіологіи и гигіены.

„Что касается возможности, при устраненіи вмѣшательства религіи въ половыя отношенія, разрушенія существующаго среди культурнаго общества семейнаго начала, а вмѣстѣ съ нимъ и общественнаго,—то это уже прямая задача соціологіи, какъ и всѣ другія начала этики и взаимныя отношенія между членами одного и того же союза. Божество тутъ уже не причемъ.

„Поэтому, если прельщаемся мыслью, что при устройствѣ общества на началахъ разума и справедливости, жизнь станетъ радостнѣе и цѣлесообразнѣе, то позволено также надѣяться, что тогда поведеніе человѣка въ отношеніе половыхъ функцій будетъ нормировано тѣмъ же принципомъ, который долженъ регулировать поведеніе человѣка вообще среди членовъ союза:

„Не дѣлай ничего того, что вредно другому".

„Резюмирую все вышеизложенное:

„1) Существованіе Божества, какъ сознательнаго Творца вселенной и сознательно ею управляющаго, ничѣмъ не доказано.

„2) Міровая сила, все творящая, непонятна и непостижима для насъ.

„3) Ни Божество, какъ сознательный Творецъ вселенной, ни Міровая Сила—не имѣютъ никакой живой, непосредственной связи съ человѣкомъ.

„4) Человѣкъ не имѣетъ никакихъ обязанностей ни къ тому, ни къ другому Божеству, если бы оно и существовало.

„5) Идея о Божествѣ не врождена человѣку, а привита ему средою и воспитаніемъ.

„6) Разнородныя формы и требованія разныхъ религій доказываютъ, что ни одна изъ нихъ не истинная, ибо **истина** только одна.

„7) Если бы Божеству для чего бы то ни было нужны были познаніе, повиновеніе и любовь къ нему человѣка, то оно вложило бы эти свойства въ самую природу человѣка.

„8) Возможное продолженіе бытія человѣка послѣ смерти въ какой-нибудь формѣ ни къ чему его не обязываетъ.

„9) Благія отношенія между людьми скорѣе установятся законами разума и справедливости, чѣмъ правилами религій.

„10) Религіи до сего времени санкціонировали всякое зло.

„11) Крупица добра, встрѣчаемая въ обществѣ людей, есть дѣло науки и разума, а не религіи.

„12) Половыя отношенія должны регулироваться законами физіологіи и гигіены, а не правилами религій.

„13) Разумное устройство семейнаго начала есть дѣло соціологіи, а не религіи.

„14) Главное—и единственное — правило поведенія человѣка среди себѣ подобныхъ:

„Не дѣлать ничего того, что вредно другому“.

А. К—ръ.

Вездѣ у автора въ рукописи „божество“ вмѣсто „Божество“.—Уже изъ замѣчательнаго недоумѣнія его (ни отъ кого изъ русскихъ я не слыхалъ): „какъ просить прибавки къ жалованью, когда народъ такъ бѣденъ?“— видно, что писавшій — добрый человѣкъ и хорошій членъ всякаго возможнаго „союза“ (общества, корпораціи, государства). Но и кромѣ того, кто умѣетъ по *стилю* письма судить о человѣкѣ,—увидитъ, что это— правдивая и ясная душа, „какихъ дай Богъ“. Если-же эту атеистическую записку сопоставить съ злобною рѣчью волынскаго „владыки“ о Страшномъ Судѣ, то контрастъ выйдетъ поразительнымъ: того очевидно нельзя пустить ни въ какой „союзъ“, корпорацію, государство, да онъ *угрюмо* и самъ никуда не войдетъ иначе, какъ съ условіемъ и цѣлью сѣсть всѣмъ на головы и стать надъ всѣми „владыкою“ (такъ и именуютъ себя: „мы—владыки“). Вотъ, можетъ быть, лучшее объясненіе и гонимаго теперь всюду папства, и нашихъ русскихъ „оберъ-прокуроровъ“, этой незамѣтной и вкрад-

чиво-ласковой формы „со всѣмъ этимъ покончить“. Но если папство даже вовсе пропадетъ, и „владыкъ“ не останется иначе какъ „въ ливреѣ“ на запяткахъ государственной кареты: то все-же останусь я, мой *сосѣдъ*, *кто-нибудь*, маленькіе, незамѣтные, кто иначе, чѣмъ всѣ, взглянетъ на великую Божію *тайну* — міръ, поймет ъ какъ неисповѣдимость — *судьбу* свою, почуетъ какую-то связь межъ-звѣздныхъ безднъ съ своею совѣстью, какъ стрѣлка компаса, „такая крохотная“ (возраженіе К-ра), чуетъ-же перемѣны на поверхности солнца, неизмѣримыя и въ неизмѣримой дали; и скажемъ мы всѣ, братьямъ и братья: „не хорошо намъ теперь однимъ, грустно, тяжело; мы хороши и Богъ, правда, не необходимъ намъ: но оттого именно, что мы хороши и счастливы, допустимъ-ли мысль, чтобы никто не полюбовался нами, не утѣшился нашимъ видомъ, какъ дѣти наши играя—не думаютъ, чтобы кто-нибудь за ними слѣдилъ: и однако мы именно и непрерывно любуемся ими. Такъ и цвѣты не знаютъ, что человѣкъ ими наслаждается: а онъ—наслаждается однако. И все въ мірѣ смотрится другъ въ друга, все связано, не рабствомъ и господствомъ, но вотъ этимъ соединеніемъ, religio, nuptiae. Соединенъ и человѣкъ съ цѣлымъ міромъ—супругъ его, и самъ онъ—Невѣста Бога. Вотъ корень наукъ и философіи, и корень вѣры и вѣръ“. Папы похолодѣютъ, но *эта* вѣра—никогда не похолодѣетъ. Скажу послѣдній совѣтъ и К-ру: „не дѣлай ничего того, что вредно другому“ (Гиллель) — „не дѣлай этого и Богу“.

В. Розановъ.

ВЪ „РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКИХЪ СОБРАНІЯХЪ“ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 1902—1903 Г. Г.

А вы не называйтесь *учителями*: всѣ вы — братья. И *отцомъ* не называйте никого на землѣ: Ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ.

Матѳ., XXIII, 8—9.

О СВЯЩЕНСТВѢ И „БЛАГОДАТИ“ СВЯЩЕНСТВА.—ОБЪ ОСНОВНОМЪ ИДЕАЛѢ ЦЕРКВИ.—О ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ЖЕРТВАХЪ *).

Споры наши, имѣя темою расхожденіе Церкви и общества, спустились въ очень невысокую сферу взаимныхъ хоть и не прямыхъ упрековъ. При этомъ мы, интеллигенція, имѣли поучительный примѣръ со стороны представителей духовенства: отъ него мы не слышали еще ни одного укора, тогда какъ сами высказали, съ первыхъ-же словъ нѣсколько. Ходъ дебатовъ невольно пріобрѣлъ публицистическую окраску. „Исправьтесь“!—„Мы постараемся начать вѣрить, а они пусть начнутъ дѣлать“, и—„все окончится благополучно“. Между тѣмъ стоитъ такъ поставить вопросъ: да отчего-же тысячу лѣтъ *духовенство не дѣлало*, и опять-же тысячу лѣтъ *интеллигенція* была или *скептична*, или *еретична*, — чтобы разсѣять наши публицистическія надежды и заставить спуститься ниже, глубже. На поставленный здѣсь тревожный вопросъ: „отчего мы разошлись?“ въ поверхностномъ слоѣ публицистики вовсе нѣтъ никакого отвѣта, или есть отвѣты—пустые. Подобно тому, какъ нѣкоторые запутанные вопросы ариѳметики, наприм. о

*) Прочитано во 2-мъ „Рел.-фил. собраніи“, посвященномъ обсужденію доклада В. А. Тарнавцева: „Церковь передъ великою задачею“ (Церковь и русская интеллигенція).

непрерывныхъ дробяхъ, находятъ рѣшеніе свое только въ высшемъ алгебраическомъ анализѣ, такъ и тема, конечно публицистическая, о „расхожденіи интеллигенціи и Церкви“ имѣетъ рѣшеніе не въ собственной своей сферѣ, — а въ религіозной или, точнѣе, въ философско-религіозной.

Присмотримся къ духовенству, вдумаемся, оцѣнимъ. Не есть-ли это личный и живой, ходящій фетишизмъ. Говоря это, я не укоряю, а опредѣляю. Ибо очевидно каждое духовное лицо, принимая санъ, вступаетъ въ ячейку, не имъ приготовленную, и въ которой онъ не можетъ пошевелиться. И такъ, укорамъ здѣсь нѣтъ мѣста. Въ ризахъ священникъ, въ эпитрахили, и онъ-же просто въ рясѣ—какъ-бы различное бытіе. Онъ въ ризѣ какъ-бы икона въ окладѣ; безъ ризы — живопись безъ отнесенія къ ней молитвы. Отъ царя до нищаго передъ священникомъ въ эпитрахили мы всѣ безмолвны, безропотны, покорны. Нельзя не замѣтить на литургіи, что мы, конечно, молимся святому мѣсту (храма), святой службѣ въ немъ, но немножко также молимся и священникамъ. „Adoratio“ въ отношеніи лица священническаго и даже, ослабляясь, всего служащаго причта — неизгладимо выгравировано во всемъ кругѣ церковныхъ службъ, ихъ пластикѣ, жестахъ, словахъ, взаимо-обращеніяхъ. Въ архіерейской службѣ, самой торжественной, это становится уже очевидно, неоспоримо. Самое слово „священникъ“ = „священная вещь“, „священное существо“, „священный, не касаемый человѣкъ“. Почему-то одѣяніе ихъ, именно ризы, получили тотъ-же металлическій, золотистый или серебристый отливъ, какъ и оклады на образахъ: тенденція, невольная и безсознательная, къ сліянію — очевидна. Усопшій архіерей часто переходитъ на икону: Святители Николай, Фи-

липпъ, Алексій, Петръ. И, конечно, жизнь и всего духовенства тянется сюда, всѣ они узкою тропою, „тѣснымъ путемъ“, идутъ какъ-бы на алтарную стѣну. Не доходятъ, падаютъ, но это все равно: важна верхняя площадка, на которой стоятъ избранные. Въ попеченіи объ этомъ „узкомъ пути Маріи“ духовенство и забыло міръ, широкіе пути Марѳы, заботъ, трудовъ, реальной помощи реальному міру. Священники и особенно черное духовенство суть поклоняемые dii minimi, нижній ярусъ христіанскаго Олимпа; да это ясно и выражено въ словахъ: „земные ангелы, небесные человѣки“. Откуда такъ все сложилось? Пошло все отъ *таинства священства*. Уже въ первыя апостольскія времена священники „рукополагаются“ (Дѣянія, 14, 23: „рукоположивъ пресвитеры въ каждой церкви“). Какое это имѣло значеніе? И Авраамъ, посылая слугу отыскать жену Исааку, и другіе ветхозавѣтныя лица, посылая слугу или сына на какое-нибудь дѣло, возлагали руки имъ на голову. Также сдѣлалъ Іаковъ, благословляя дѣтей. Это знакъ *отечества* рукополагающаго; знакъ *учительства*, жестъ *заботы*, *повелѣнія*, *порученія*. Но „посланный“, „получившій порученіе“, „учитель“ еще не суть „священники“. Въ вѣкахъ установилось и развилось понятіе объ особой „благодати священства“. И вотъ тутъ, мнѣ кажется, произошло въ исторіи одно странное и мучительное обстоятельство.

Когда древній законъ былъ разрушенъ ап. Павломъ, какъ „не нужный для спасенія“ (*Къ Галатамъ*:—„а если закономъ оправданіе, то Христосъ напрасно умеръ“), а jus canonicum еще не родилось, то въ эту пору, такъ сказать, „между-царствія“ двухъ законовъ для человѣчества, которому нужно-же было чѣмъ нибудь руководствоваться въ подробностяхъ жизни, создано было

понятіе и чувство „благодати“, какъ какого-то *внѣ*-законнаго, *поверхъ*-законнаго вѣянія. „Благодатью спасаемся“, данъ былъ имъ лозунгъ, плачущимъ, что Синай скрывается подъ водою, тонетъ въ волнахъ небытія;—и обрѣзаніе, и субботы, о коихъ Богъ сказалъ: „даю вамъ это въ *законъ вѣчный*“. Изъ такихъ выраженій, какъ, напр. во 2 посл. Іоанна: „да будетъ съ вами *благодать*, милость, миръ“, или „*благодать* вамъ и миръ отъ Бога-Отца“ (I Коринѳ.), и множества подобныхъ, видно, что благодать представляетъ высшую степень человѣческо-божеской духовности, какого-то вѣянія, рѣянія съ небесъ на землю, или восторговъ человѣческаго сердца,—безъ всякой принадлежности кому-нибудь, безъ всякой спеціализаціи, безъ всякой классификаціи. Теперь, что-же совершилось далѣе? „Благодать сердца“, неуловимая и не матерьялизируемая, какъ и „миръ сердца“ въ приведенныхъ выше выраженіяхъ, стала какой-то уловляемой, помѣщаемой, перемѣщаемой, дѣлимой и классифицируемой духовной эссенціей, несомнѣнно пространственно-ограниченнаго значенія. И, кажется, это возникло въ моментъ сложенія новозавѣтнаго закона, когда спасительный лозунгъ „благодать“ просто пересталъ быть нуженъ и даже сталъ опасенъ, какъ характерное внѣ-законное и поверхъ-законное „вѣяніе въ сердцѣ“. Стала благодать „браться“ и „даваться“; и подѣлилась іерархически; и въ тоже время пологъ благодати, нѣкоей природной святости, врожденнаго бого-общенія, былъ сдернутъ съ міра. Міръ сталъ голъ; свѣтскъ, нищъ; безъ-благодатенъ; за то священство и вообще іерархія стала утроенно благодатна: при томъ такъ матеріально благодатна, что глаголъ Предтечи: „*покайтесь*, ибо приблизилось царствіе Божіе“ — замолкъ для него, замолкъ отъ Пиренеевъ до Вятки.

Лично духовенство, я думаю, прекрасно. Но именно въ золотящихся одеждахъ оно, иконообразное—ужасно потому, что непоправимо, неисправимо, нераскаянно. Я не преувеличиваю чувства и идеи грѣха: но безъ нея слабому человѣку трудно-бы прожить. Согрѣшилъ — и стараешься добрымъ маленькимъ дѣльцемъ поправить занозу въ сердцѣ. Я видалъ студентовъ кающихся, гимназистовъ, чиновниковъ, сказывающихъ вины свои другъ передъ другомъ. Всѣ мы знаемъ, какъ черною полосою проходитъ четвертая и седьмая недѣли Великаго поста для мірянъ: они каются, и это видно, замѣтно въ обществѣ, это маленькій духовный трауръ въ странѣ. Совѣсть очевидно растревожена. Но видалъ-ли кто и замѣтно-ли вообще покаяніе духовенства? Нельзя не обратить вниманіе, что это таинство какъ-бы ослаблено для нихъ, стало не чувствительно, разрѣжено *). Теперь сейчасъ вы поймете, какъ это важно: свѣтская литература полна самобичеванія; но возьмите духовные журналы: это сплошное счастье и самоувѣренность, самодовольство. Такимъ образомъ духовенство почти

*) Лично я—не за „таинство *исповѣданія*“, въ его ритуальныхъ формахъ,въ каковое мало-по-малу превратилось или, точнѣе,духовенствомъ-же *переработано* было всемірно-человѣческое—и прекрасное, и необходимое –чувство *раскаянія*, чувство *угрызеній* совѣсти, муки, темноты, скорби. Въ этомъ „переработанномъ“ видѣ оно потеряло и остроту и цвѣтокъ въ себѣ. Все стало слишкомъ механично, просто и „уже заранѣе извѣстно, что будетъ отпущено“ вотъ положимъ къ 11-ти часамъ ночи этого дня (когда кончается исповѣдь). У насъ вѣдь тѣ-же „индульгенціи“, только дешевле католическихъ. Оставимъ полемику. Но дѣло въ томъ, что когда у духовенства ослабилось въ значимости и впечатлѣніи „таинство исповѣданія“ то нисколько не вернулось общечеловѣческое и натуральное раскаяніе, ибо все-таки форма и процедура „покаянія“ сохранилась и у нихъ. Но безъ „рыданій“ и „біеній въ грудь“, что у мирянъ все-таки хоть иногда бываетъ.

потеряло въ укорахъ совѣсти жгучій моментъ къ подвигу, о недостаткѣ коего здѣсь въ собраніяхъ говорилось: оно не побѣжало къ голодающимъ, оно не предстательствовало предъ Грознымъ, не волновалось отъ Аракчеева; не торопилось учить дѣтей въ школахъ. Греки называли боговъ „блаженными“, *οἱ μακαρες*; вотъ такіе „счастливые боги“ суть эти „земные ангелы, небесные человѣки“, „священники“, „святыя существа“, и, словомъ, весь чинъ духовенства въ эпитрахили. Въ рясѣ онъ—*другъ*: *человѣкъ*, *ученый*, въ душѣ—иногда *поэтъ*, часто—*гражданинъ*. Но онъ надѣлъ ризу: а, теперь вы къ нему не достучитесь, теперь умерло его сердце и умеръ его умъ.

Какъ только благодать матерьялизировалась и распредѣлилась между духовенствомъ, міръ сталъ рабомъ его, отъ царя до нищаго. От. Матвѣй Ржевскій говоритъ Гоголю: „не подходишь подъ мое благословеніе, бѣгаешь *благодати*“. Благодать ему представляется электричествомъ, струящимся съ его рукъ — какъ съ иголки громоотвода. Гоголь пусть и геній, но все-же человѣкъ, а от. Матвѣй, каковъ-бы онъ ни былъ лично—по простой способности каждый день надѣть эпитрахиль и идти по „узкому пути“, на алтарную стѣну, въ кіотъ, подъ ризу — вовсе не человѣкъ, а нѣкоторая божественная вещь, божественное существо. У него ни тоски, ни горя; *θεοι μακαρες*, „блаженные боги“. Наука, жизнь, трудъ, заслуга, геній—все померкло, понизилось передъ „возложеніемъ рукъ“, непосредственно отъ апостоловъ до от. Матвѣя: то „возложеніе“, которое кажется первоначально имѣло характеръ просто доброты и заботы посылающаго о посылаемомъ. Сколько праведниковъ, какъ Бруно, погибло отъ духовенства, на сколько праведныхъ дѣлъ, событій, жизни—прямо плю-

нуто съ „узкаго пути Маріи“ (мученичество, инквизиція, у насъ -сектантство). Странно: семьдесятъ толстовцевъ и полторы тысячи пашковцевъ заставило духовенство „разодрать ризы на себѣ“. Но вотъ нарисуйте картинно, ярко, какъ жгли Джіордано Бруно: ни Боссюэтъ, ни пасторъ Штекеръ, ни В. М. Скворцовъ не посыплютъ пепломъ головы отъ зрѣлища. И до сихъ поръ католичество вѣдь нисколько не раскаялось въ инквизиціи; Восточная Церковь не раскаялась, что около V—VI вв. почти повально вырѣзывались жиды за печать Ветхаго Завѣта на себѣ. И когда спрашиваешь себя: „да какъ на это все духу хватало?“ — то и находишь отвѣтъ въ этомъ преобразованіи ученія о благодати: передъ „богами“ все человѣческое — ничто, и геній, и заслуга, и жизнь. Въ тоже время христіанское человѣчество, какъ то лишенное *доли собственности* въ благодати, подпало или, точнѣе, подведено было духовенствомъ подъ „иго закона“ гораздо жестче, неумолимѣе и мелочнѣе, чѣмъ подъ какимъ стояло, до „искупленія“, ветхозавѣтное человѣчество. Духовенство подвело людей подъ „иго“ своихъ спеціальныхъ, „духовныхъ“ законовъ — активно: а пассивно оно же подвело ихъ подъ ужасное „иго“ черезъ допущеніе государству издавать для „стада“ какіе угодно законы. Въ этомъ стадѣ, у каждой овцы, у насъ, отнято всякое внутреннее сопротивленіе, всякій упоръ, твердость — противъ внѣшняго давленія. Твердость—*правая*, упорство—*святое*, которое опиралось-бы на листочекъ общаго вѣнца: благодати, *всему человѣчеству данной*. Это безсильное и безправное стадо, со сломанными у него костями (отнята точка упора) естественно повело себя нервно, патологично, немощно и буйно, повело какъ санкюлотъ. Идея царственнаго достоинства, священства „по чину Мельхисе-

декову" (внѣ іерархическаго порядка, чьего-либо назначенія), откуда въ Ветхомъ Завѣтѣ и родилось пророчество,—эта благороднѣйшая и замѣчательная идея была снята съ человѣчества: и угасло пророчество. Осталась только публицистика, мелкая, сорная, блеклая. Но, хоть и по-мѣщански, общество все-же дѣлаетъ добросовѣстно свою грубую работу. Тогда какъ его „старшій братъ", духовенство, и не пророчествуетъ, и не дѣлаетъ, а только, ссылаясь на „благодать Христову", зажимаетъ носъ отъ пороковъ младшаго брата. И обвиняетъ, упорнѣе всего обвиняетъ его передъ Отцомъ своимъ, „богомъ *щедротъ*", какъ мы продолжаемъ и будемъ вѣрить.

И, повторяю и кончаю: я далекъ отъ того, чтобы порицать, а призываю только слушателей къ историческому разсмотрѣнію.

* * *

Сверхъ этого, обратимъ вниманіе на основной идеалъ Церкви и основной мотивъ жизни въ ней, — и придвинемъ къ этому идеалу и мотиву тѣ реальные факторы, которыми живетъ живое общество.

Церковь есть поклоненіе *прошлому* — вотъ основной фактъ и коренной духъ ея, который произвелъ разрывъ между нею и интеллигенціей, представительницею и выразительницею *настоящаго* и, особенно, *будущаго*. Нельзя не замѣтить, что *глубочайшими* своими принципами Церковь неумолимо, гнѣвно и, наконецъ, мстительно разошлась съ *глубочайшими*-же принципами интеллигенціи. Ей противенъ не только фактъ интеллигенціи, но самый *духъ* ея; духъ *недовольства*, духъ *движенія* и *исканія*, духъ сомнѣнія относительно настоящаго и лучшихъ надеждъ въ будущемъ. *День* церкви—

прошелъ: это Христосъ, это — святые; окрестъ себя и особенно впереди себя она видитъ только *Ночь*, которой не умѣетъ сочувствовать, съ которою не можетъ не бороться. Отсюда разумъ она называетъ „лжеименнымъ (излюбленное слово), искусство—развращающимъ; прогрессъ—„бѣсовскимъ", языческимъ явленіемъ. Церковь есть поклоненіе гробамъ. Оттуда смотрятъ ея великіе авторитеты: во главѣ всѣхъ—Христосъ въ гробу, „плащаница" коего такъ поклоняема; окрестъ Его — мощи, благоухающія изъ ракъ. Ничто изъ бытія Христа не взято въ такой великій и постоянный символъ, какъ смерть. Уподобиться мощамъ, перестать вовсе жить, двигаться, дышать, въ особенности — волноваться, есть общій и великій идеалъ Церкви. Всякое волненіе—„отъ Лукаваго". А прогрессъ есть волненіе, а цивилизація есть движеніе. Поверхностно, на минуту, ради любезности между духовенствомъ и интеллигенціей какъ будто есть миръ, согласіе, взаимопониманіе; но это миръ и любезность двухъ смертельно разошедшихся враговъ: нѣчто въ родѣ „трубки мира", выкуриваемой вождями индѣйскихъ племенъ, изъ которыхъ мысленно каждый снимаетъ скальпель съ другого. Кто-же не знаетъ, что занимающійся или слѣдящій за „прогрессомъ" священникъ есть измѣнившій своему знамени, своей „хоругви" и своему стану человѣкъ, а богомольный ученый есть „святоша", „ханжа" — лицо антипатичное и гонимое въ обществѣ.

Изъ „житій" и изъ картинъ мы знаемъ, что чистый типъ святого есть сидящій въ своей пещерѣ, безмолвный человѣкъ, смотрящій въ гробъ; а чистый интеллигентъ — это Эдиссонъ, забавляющій насъ своими штуками, по правдѣ сказать—довольно презрѣнными, но коекому нужными, или Фультонъ и Стефенсонъ, изобрѣ-

татели парохода и локомотива. Вспомнилъ смерть — и сталъ христіаниномъ; забылъ о смерти — и выпорхнулъ въ интеллигенцію. Но что-же значитъ это ужасное явленіе, какъ не то, что сущность Церкви и даже Христіанства опредѣлилась какъ поклоненіе смерти, какъ трепетъ и ужасъ, а вмѣстѣ и тайное влеченіе къ Смерти-Богу; тогда какъ интеллигенція сонмомъ „боговъ“ своихъ имѣетъ классифицированную жизнь. Возьмите живопись церковную, возьмите музыку церковную: страстное начало, живое, движущееся до такой степени устранено изъ нихъ, что нарисованы, собственно, мощи съ открытыми глазами, а поютъ— точно лики усопшихъ изъ драгоцѣнныхъ ракъ. Ни одна фигура на образѣ церковномъ — не идетъ. Всѣ — стоятъ. Почему? Развѣ святые не ходили? Да, но это было въ нихъ недостатокъ, они должны были лежать, и собственно на иконахъ они представлены лежащими, и только какъ-бы приподнятыми отъ спинки, поставленными для поклоненія. Всѣ святые имѣли молодость; но они всѣ представлены старыми, предсмертно. Предсмертно—это *свято*; живуче—*грѣшно*. Жизнь есть грѣхъ, смерть есть святость: какъ при этомъ было интеллигенціи и Церкви не разорваться, не опротиворѣчиться, какъ тетива и лукъ; а стрѣла этого—въ сердцѣ нашемъ, въ душѣ каждаго здѣсь священника, каждаго здѣсь интеллигента. Мы пришли „мириться“... Будто-бы? Мы пришли позвать другъ друга съ его „вышки“, оторвать отъ его идеала. Священники ждутъ, насколько мы можемъ отрѣчься отъ науки, искуства, прогресса; интеллигенція ждетъ, насколько духовенство можетъ „отрясти прахъ отъ ногъ своихъ“,—прахъ святой, прахъ недвижимый; точно безсмертный въ вѣкахъ, въ бытіи, и вмѣстѣ столь смертный, „умерщвляющій“ дыханіемъ.

* * *

Кромѣ этихъ частныхъ, *внутрь*-христіанскихъ причинъ смущающаго насъ явленія, есть и *внѣ*-христіанская, міровая. Вѣдь о чемъ мы тоскуемъ? О *не реальности* христіанства. Объ этомъ *всѣ* плачи, въ цѣлой Европѣ. Человѣкъ-бы долженъ *бѣжать* къ Богу, а миссіонеры, инквизиція, католическая „De propaganda fide", Боссюэтъ и Штекеръ явно *ухаживаютъ* за „невѣрными", прямо — волочатся за публикой. Явленіе и комичное и страшное. Волокитство вѣрующаго за невѣрующимъ есть общій фактъ цѣлой Европы, и притомъ начиная съ Тертулліана. А евреи, напримѣръ, прямо не пускаютъ въ свою вѣру, грозятъ, пугаютъ: и все-же „отъ Израиля быть спасеніе" и Библію никому не нужно навязывать, ее иллюстрируетъ Доре, изучаетъ невѣръ Ренанъ, всѣ ее чтутъ, о ней плачутъ, и съ изумленіемъ мы формулируемъ—„*бого-вдохновенно*" о страницахъ исторіи, повелѣніяхъ закона, о повѣствовательныхъ разсказахъ (Руѳь и Товія).

Европа *не* „боговдохновенна". Отъ того и нужно всякаго недовѣрка ловить лесою Петра. Отсюда „De propaganda fide" и даже отчасти, пожалуй, наши собранія. Что за фактъ?

Да есть-ли *реализмъ*, *реальность*, *реалистическій моментъ* въ самомъ христіанствѣ? Возьмите картину. Одинъ и тотъ-же ея узоръ можно начертать *карандашемъ*, *чернилами*, *акварелью*, *масляными красками*. Мнѣ думается, христіанство есть истина, начертанная карандашемъ, и самое большее—акварелью, а ни въ какомъ случаѣ не масляною краскою. Опять, значитъ, истина *остается* истиною, я ее *не оспариваю*; а указую только на отсутствіе налитости *кровью* и *сокомъ*. Безъ-*кровное* и безъ-*сочное*—вотъ что такое наши религіозныя понятія. Даже дико

сказать: „понятія". Почему религія должна быть *понятіемъ*, а не фактомъ? Книга „*Бытія*", а не книга „*разсужденія*" — такъ началось ветхое богословіе. — „Въ началѣ-бѣ *Слово*" — такъ началось богословіе новое. *Слово* и разошлось съ *бытіемъ*, „слово"—у духовенства, а *бытіе*—у общества; и „слово" это безкровно, а бытіе это не божественно. Но, повторяемъ, гдѣ-же корень этого расхожденія?

Перемѣна жертвъ. Какъ часто и любовно мы повторяемъ изрѣченіе псалма: „*жертва* Богу — *духъ сокрушенъ, сердца уничиженнаго* Богъ не уничижитъ". Но отчего *это* слово Давида намъ такъ понравилось, а разныя слова другихъ мѣстъ Писанія о „принесеніи жертвы Богу въ *сладкое благоуханіе*" — мы не помнимъ, пренебрегли ими. Я читалъ у Златоуста о древнихъ жертвахъ: „конечно — не надо, конечно — гадость, потому что воняетъ этотъ убитый скотъ". Онъ только и понялъ, что дурной запахъ отъ древнихъ жертвъ. Но вѣдь кровь есть не запахъ, кровь есть *мистицизмъ* и *фактъ*. Златоустъ даже не вспомнилъ словъ Писанія: „кровь (животнаго) — не проливай, а закапывай въ землю: ибо *въ крови — душа животнаго*". Златоустъ уже ничего не понимаетъ въ жертвахъ, и съ новыхъ точекъ зрѣнія долбитъ слушателямъ: „жертва Богу — духъ сокрушенъ". И сокрушились мы „въ духѣ", т. е. пали, разрушились, потерявъ *кровный, родной* путь къ Богу въ таинственныхъ древнихъ жертвахъ. Настали безъ-кровныя жертвы, водянистыя, риторическія; мы будто-бы „сокрушены въ сердцахъ", а на самомъ дѣлѣ обдѣлываемъ свои дѣлишки. Просто—мы не дѣлаемъ *сладкаго Богу*, и Богъ *насъ забылъ*, а Европа потеряла Бого-*ощущеніе*, оставшись при одномъ Бого-*понятіи*. Отсюда потекла атеистическая наука, атеисти-

ческое искусство; отсюда-же -полемика духовенства, и печальныя „волокитства“. Европа въ религіозномъ отношеніи просто являетъ отвратительное зрѣлище, и я уже въ Тертулліанѣ-риторѣ чую носомъ перваго стилиста прошлаго вѣка, Ренана-историка. Всѣ они одной категоріи: или риторы, или политики. И ни у кого изъ новыхъ, а у древняго Давида вырвался глаголъ: „жертва Богу — духъ сокрушенъ“ и проч., ибо около таинственныхъ-то древнихъ жертвъ вспыхнулъ и фосфоръ вѣры, молитвы, пѣнія, музыки сердечной.

Повторяю и формулирую: кровь есть *жизнь*, кровь есть *растущій* фактъ, кровь есть *источникъ силъ* и *сильнаго*. Религія, взявшая кровь въ нить соединенія своего съ Богомъ—и была *жизненна*, *растуща* и *реальна*.

А вода—она и есть вода. И всѣ наши религіозныя представленія и чувства и слова и усилія — водянисты. Думая о перемѣнѣ жертвъ въ древнемъ и новомъ мірѣ, я невольно обращаюсь къ „изгнанію торгующихъ изъ храма“,—сцена, которую мы такъ слабо понимаемъ. Не было-ли это иносказательнымъ „не нужно“ противъ установленныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ жертвъ? Но въ такомъ случаѣ отчего Іисусъ прямо и вразумительно для людей не сказалъ, что ветхія и кровныя и животныя жертвы Онъ отмѣняетъ по праву *Бога*-же: ибо тѣ были даны и указаны вѣдь *Богомъ?* Почему сцена вся названа и описывается въ учебникахъ какъ „изгнаніе *торгующихъ* изъ храма“, съ удареніемъ на „торгъ“, съ обвиненіемъ въ торгѣ, и какъ будто съ умолчаніемъ о жертвѣ животной. Тутъ, въ нашихъ учебникахъ, содержится порицаніе: „они *торговали* въ храмѣ, брали *деньги*“, какъ будто у насъ за восковыя свѣчи въ предѣлахъ храма не берутся тоже деньги. И какъ-же бы не брать деньги, если торговать? а когда исчезнетъ

торгъ—не будетъ и *товара*, т. е. жертвъ. Явно, что „изгнаніе торгующихъ“ было собственно отмѣною древнихъ жертвъ и приказаніемъ убрать изъ „мѣста Божія“ голубочковъ, овечекъ, козленочковъ: всякой *твари* Божіей, всего *универсализма* Божія, и *тепленькой, родной* лѣсенки съ земли на Небо. Жертву и отъ Авеля Богъ принялъ; принялъ овна отъ Авраама; Моисею предписалъ, прямо предписалъ и именно Самъ Богъ — обширный ритуалъ жертвоприношеній. Насколько это подробнѣе, длиннѣе, настойчивѣе дано, чѣмъ „десятословіе“ (10 заповѣдей). И если мы жертвы отмѣнили, то кто меня заставитъ исполнять: „не убій“, „чти родителей“, „не прелюбодѣйствуй“? Да я и не хочу слушаться тѣхъ, кто отмѣнилъ *болѣе сего*. Это я говорю на тотъ случай, если не Іисусъ, а *мы сами* отмѣнили древнія жертвы. Если-же Іисусъ ихъ отмѣнилъ, то непостижимо: для чего Онъ не сказалъ этого *прямо?* Это-бы важнѣе знать и болѣе было-бы понятно человѣчеству, въ смыслѣ „новой эры“, нежели знать которую-нибудь изъ множества *притчей*, ничего особенно новаго, никакой „эры“ не обѣщающихъ и не начинающихъ.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло: *теизмъ* нашъ—не *реаленъ*. И если Богъ есть *Существо* и притомъ *Реальное*, а не одно „наше понятіе“ религіозное: то мы потеряли реалистическое къ нему отношеніе. Кстати: если Богъ не есть Существо, физически *зрящее* и физически *обоняющее*, то для кого въ церквахъ мы жжемъ *свѣчи* и *ладонъ?* Для *себя?* себѣ угождаемъ? Ибо очевидно „Богу-Духу“ ни свѣта, ни запаховъ (ладана) не нужно. Между тѣмъ погасите въ церкви свѣчи и лампады и загасите курильницы: какъ глубоко померкнетъ храмъ! А и свѣчи, и ладонъ—явный *остатокъ*, уже безсмысленный у насъ, древняго, реально-кровнаго теизма.

ОБЪ ОТЛУЧЕНІИ ГР. Л. ТОЛСТОГО ОТЪ ЦЕРКВИ*).

Актъ Сунода относительно Толстого я считаю невозможнымъ теоретически, а потому и въ дѣйствительности какъ бы не состоявшимся вовсе. Это по слѣдующимъ причинамъ. „Similia similibus expellitur“ („подобное подобнымъ изгоняется“)—равно въ органической и духовной природѣ. Нельзя алгебру опровергать стихами Пушкина, а стихи Пушкина нельзя критиковать алгебраически.—Сунодъ можетъ быть святымъ, и, вѣроятно праведенъ по личностямъ, его составляющимъ: но нужно же всмотрѣться во все его учрежденіе, въ рожденіе его и исторію, въ механизмъ его устройства въ смыслѣ вызова епископовъ засѣдающихъ и въ самый процессъ засѣданія, и, наконецъ, въ постоянныя двухъвѣковыя темы его сужденій, чтобы понять, что это есть строгое, точное, такъ сказать, алгебраическое учрежденіе, безъ всякой собственной души въ немъ, волненія, совѣсти, свободы, — непремѣнныхъ элементовъ религіозности. Сунодъ не есть религіозное учрежденіе, почти не есть, очень мало есть. И не имѣетъ ни традицій, ни формъ, никакихъ способовъ религіозное религіозно судить. Отсюда прозаичность бумажки о Толстомъ, имъ выпущенной: Сунодъ не умѣетъ религіозно

*) Прочитано въ 3-мъ Рел.-фил. собр.

говоритъ. Митрополитъ Антоній въ отвѣтномъ письмѣ графинѣ Толстой не назвалъ Сунодъ „Святѣйшимъ“, что тогда же меня поразило, какъ правда, какъ примѣръ невозможности употребить сей эпитетъ въ языкѣ неоффиціальномъ, серьезномъ, частномъ, сердечномъ. Сунодъ, не говоря о лицахъ, а говоря объ учрежденіи, не имѣетъ сердца и вообще никакихъ признаковъ личнаго и живого и свободнаго существа. А Богъ—личенъ, живъ, свободенъ—и отъ Бога и именемъ Божіимъ что нибудь сказать Сунодъ просто не можетъ, не умѣетъ, не имѣетъ формы по отсутствію въ самомъ немъ „образа и подобія Божія“. Между тѣмъ Толстой при полной наличности ужасныхъ и преступныхъ его заблужденій, ошибокъ и дерзкихъ словъ, есть огромное *религіозное* явленіе, можетъ быть—величайшій феноменъ религіозной русской исторіи за 19-ый вѣкъ, хотя и искаженный. Но дубъ, криво выросшій, есть дубъ, и не его судить механически-формальному учрежденію, которое никакъ не выросло, а сдѣлано человѣческими руками (Петръ Великій съ серіей послѣдующихъ распоряженій). Посему Сунодъ явно не умѣетъ подойти къ данной темѣ, долго остерегался подойти; и сдѣлалъ, можетъ быть, роковой для русскаго религіознаго сознанія шагъ—подойдя. Актъ этотъ потрясъ вѣру русскую болѣе, чѣмъ ученіе Толстого. „А, такъ вотъ *въ чемъ наша* вѣра“, могли воскликнуть русскіе въ параллель толстовской „Въ чемъ *моя* вѣра“. Тамъ, у Толстого — тоска, мученія, годы размышленій, Іово страданіе, Іова буря противъ Бога. Даже бѣсы видѣли Іисуса и трепетали, но Сунодъ вовсе не видѣлъ никакого Іисуса и похожъ на рожденныхъ до Христа: ни мученій, ни слезъ, ничего, а только способность написать „бумагу“, какую могъ бы по стилю и содержанію написать каждый учитель семина-

ріи или гимназіи. Толстой—какъ бѣсъ передъ Іисусомъ (допустимъ), но поступокъ Сунода просто есть рѣшеніе византійскаго или римскаго юрисконсульта, до рожденія Христа высказанное: до такой степени въ характерѣ и методѣ и тонѣ его не отражается ничего христіанскаго.

Толстой написалъ: „Чѣмъ люди живы". Онъ какъ бы видѣлъ Ангела у мужика; я настаиваю на словѣ „видѣлъ": густота размышленій уплотнилась до осязательности этого образа. Скажите: какія „видѣнія" видѣлъ когда либо Сунодъ? Никакихъ. Покажите мнѣ „знаменія" Сунода,—ибо вѣрующіе требуютъ „знаменій", когда философы спрашиваютъ „доказательствъ". У Сунода есть доказательства, а вотъ „знаменій"—нѣтъ; и онъ въ одной части есть административное учрежденіе, а въ другой—философская академія, безъ всякаго „помазанія". Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, еще терминъ: каждый изъ членовъ Сунода — помазанъ, но вѣдь не *каждый* отдѣльный членъ Сунода судилъ Толстого отъ себя и за себя, а судило учрежденіе, которое ни на коллективныя сужденія, ни на коллективныя рѣшенія помазанія не имѣетъ.

Всѣ это чувствовали и всѣ остались холодны къ рѣшенію, безотчетно чувствуя, что въ немъ нѣтъ ни святости, ни религіозности, а исключительно свѣтскость, мірской характеръ.

Это—мірское дѣло, только совершенное не мірянами.

1902 г.

P. S. Толстого могла бы осудить, „отлучить отъ Церкви" толпа закричавшихъ мужиковъ, бабъ,—вѣру и даже „суевѣрія" которыхъ онъ оскорбилъ. Пусть и „суевѣрія", но подъ ними вѣка, кровь, и умиленіе. Я хочу сказать, что „отлученіе" понимаю и даже допускаю (вѣдь

отлученіе—„отъ *себя*“ только, отъ вѣрующихъ, безъ универсальнаго тезиса): но нужны эти воспламененныя лица, горячо дышущія груди, поднятыя руки, загорѣвшіеся глаза. Нужно „съ кровью“ оторвать такое явленіе, такого человѣка отъ своей груди, отъ народной груди; а вотъ „крови“-то мы и не видѣли, а только бумагу и номеръ. Это кощунство, а не серьезный фактъ; и менѣе всего—фактъ „церковной жизни“. Отлученіе было *а*-экклезіастично, *внѣ*-церковно.

1902—1906 г.г.

ОБЪ А-ДОГМАТИЗМѢ ХРИСТІАНСТВА.

Есть догматы, и мы о нихъ спорили, допуская или не допуская ихъ приращеніе. Но есть еще *догматизмъ*, какъ такое устроеніе ума, связанное съ надеждами сердца, изъ котораго произрастаютъ самые догматы, какъ изъ вдохновенія произрастаетъ поэзія. Вотъ объ этомъ-то „вдохновеніи Церкви“ отъ IV и приблизительно до VII вѣка, когда было построено догматическое христіанство, я и хочу здѣсь говорить.

Евангеліе нѣчто утратило бы въ себѣ,—и утратило бы *существенное*, въ чемъ и открылся людямъ его небесный характеръ,—если бы мы исключили изъ него тѣ нѣсколько словъ Спасителя, гдѣ Онъ начерталъ цѣлостный образъ угоднаго Ему человѣка, далъ фигуру ученика своего, „вѣрнаго“ Своего:—„Взгляните на лиліи полевыя: онѣ не имѣютъ одеждъ, но истинно говорю вамъ, что и Соломонъ не былъ прекраснѣе ихъ въ убранствахъ своихъ; взгляните на птицъ небесныхъ, которыя не сѣютъ, не жнутъ,—и Отецъ Небесный питаетъ ихъ“. Въ 33 года жизни Спасителя воздушныя облачныя сферы какъ бы свились надъ землею, и небо и земля коснулись другъ друга осязательно, непосредственно. Но не удовольствовался человѣкъ этимъ. Ему захотѣлось „одеждъ“. Онъ вознамѣрился стать несравненно красивѣе этихъ евангельскихъ лилій, рыбаковъ Петра и Андрея, Нафанаила

и Іоанна; и вотъ, какъ Адамъ, не послушавшійся Господа, началъ шить себѣ одежды, такъ, не послушавшись предостереженія Спасителя о лиліяхъ и птицахъ, христіане начали шить полотнища догматовъ между IV-мъ и VII-мъ вѣками. На мѣсто Галилейскихъ рыбаковъ выступили такъ называемые „учители церквей“: Петръ и Андрей смѣнились Оригеномъ и Климентами. Ни одинъ изъ представителей Церкви не отвергаетъ, что за *золотымъ* вѣкомъ христіанства наступилъ по крайней мѣрѣ *серебряный*, а я думаю—и меньше, хуже.

Растительное христіанство начало преобращаться въ *каменное*; повидимому—*болѣе твердое*, но—*не живое*. Свеаборгъ хорошъ, не спорю, но ни финскій художникъ не срисуетъ съ него картинъ, ни птица гнѣзда не совьетъ въ немъ и не выведетъ дѣтенышей. Работу *догматическую* надъ своимъ устроеніемъ я называю *саморазрушеніемъ* христіанства, и проистекшимъ изъ какого то не то отчаянія о Богѣ, не то изъ простого уличнаго легкомыслія. На базарахъ Византіи торговки и торговцы заспорили объ „единосущіи“ или „единокачественности“ Отца и Сына. Къ чему? Я думаю, это было уличное легкомысліе! Но когда эти же споры внеслись подъ своды императорскихъ дворцовъ и въ нихъ приняли участіе такъ называемые „учители церкви“, я не могу назвать это иначе какъ отчаяніемъ о Богѣ. Въ словахъ проф. Лепорскаго [1]) о догматѣ я нахожу признаніе ненужности вообще догмата. Во-первыхъ, онъ ска-

---

[1]) Профессоръ догматическаго богословія въ С.-Петербургской Дух. Академіи, только что передъ этимъ говорившій о догматахъ: что они никогда ничего *новаго* не вносили въ ученіе Церкви, и что самый предметъ ихъ—вовсе непостижимъ.

залъ, что догматъ „*непостижимъ*“; во вторыхъ, онъ сказалъ, что догматъ „*уже содержится въ Евангеліи*“. Позвольте, что же это такое, зачѣмъ же великолѣпное слово Евангелія передѣлывать въ сравнительно гнилое слово догматики? Ибо кажется весь міръ призналъ, что чудеснѣе Евангелія, во-первыхъ, *по простотѣ*, и, во-вторыхъ, *по мудрости*—не появлялось ничего. Изъ словъ профессора догматики Лепорскаго я заключаю, что Вселенскіе Соборы занимались гнилымъ дѣломъ передѣлки простого въ непростое и мудраго, можетъ быть, въ не очень мудрое. Лилію полевую, съ цвѣточками, съ листочками, срѣзали, размочили въ водѣ плохого краснорѣчія и ссучили изъ него веревку, на которой можно только удавиться. Я говорю,—тутъ прошло отчаяніе о Богѣ и легкомысліе относительно Евангелія. Возьмите „ученіе о о Троицѣ“. Въ Евангеліи это—чудныя рѣчи Спасителя объ „Отцѣ Небесномъ“, и рѣчи Самого Отца Небеснаго: „Сей есть Сынъ мой Возлюбленный: Его послушайте“. И въ видѣ голубя Духъ Св. сходитъ на крестящагося Спасителя. Все картина! Все умиленіе! И вотъ умиленныя земныя травки склоняются передъ Небесной Лиліей, въ простотѣ грядущей на ослицѣ: „Осанна Сыну Давидову! благословенъ Грядый во имя Господне“! — Я говорю -небо и земля касались осязательно. Теперь, что же сдѣлано было потомъ, по каѳедрѣ догматическаго богословія, такъ сказать, „въ снѣдь“ профессору Лепорскому? Изъ всего этого человѣческаго умиленія, и слезъ и картинъ, изъ неяснаго и безконечнаго богатства евангельскихъ словъ выстрогали логическимъ рубанкомъ доску: „Богъ есть Духъ поклоняемый во Св. Троицѣ“. Да позвольте, для чего мнѣ это знать „какъ догматъ“, когда я это читаю въ Евангеліи: но тамъ я читаю это *въ богатствѣ такихъ подробностей*, въ такихъ *тѣняхъ*

и полутѣняхъ, въ звукахъ такой *нѣжности* Сына къ Отцу, *любви* Отца къ Сыну, такой живой и *органической* между Ними связи, отъ которой въ доскообразномъ „догматѣ“ ничего не сохранилось. Вѣдь это все равно, что вмѣсто Пушкина читать какое-то разсужденіе Скабичевскаго о Пушкинѣ: одно и тоже, но только хуже, блѣднѣе, въ нищенскомъ безобразіи. Иногда поднимается вопросъ или слышатся намеки на какую-то реформу Церкви: нѣтъ для этого болѣе надежнаго и краткаго средства, какъ закрыть въ академіяхъ и семинаріяхъ двѣ каѳедры, догматическаго богословія и каноническаго права, а книги по наукамъ этимъ помѣстить въ списокъ „не разрѣшенныхъ къ чтенію“. Это значитъ сразу закрыть для публики сотни Скабичевскихъ и открыть ей Пушкина; въ отношеніи къ христіанству—это значитъ начать вдыхать „душу живу“ въ красную глину, изъ которой слѣпленъ, ожилъ было и снова умеръ — „во грѣхахъ“—Адамъ христіанства.

Во Вселенскихъ Соборахъ, ихъ догматизированіи, ихъ примѣненіи логическаго начала къ нѣжному и неизъяснимому евангельскому изложенію,—и привзошло смертное начало, „неодушевленная глина“ къ юному тѣлу первозданнаго христіанства. Какъ было не поразиться тѣмъ, что *Самъ* Спаситель, за исключеніемъ минуты въ храмѣ наединѣ съ грѣшницею, *ни разу* не взялъ *пера* и не написалъ ни одного слова. Вѣдь догматъ—нѣчто каменное, твердое. И ни одного такого каменнаго, недвижнаго догмата Спаситель не оставилъ людямъ. „Идите ко Мнѣ, человѣцы: Я научу васъ догматическому богословію“,—такого слова не сказалъ Спаситель людямъ, а если бы такое безобразное слово помѣстить въ Евангеліе, то страница съ этимъ словомъ вдругъ потухла бы, перестала бы свѣтить привычнымъ намъ небеснымъ смы-

сломъ. Поэтому, когда проф. Лепорскій, заглядывая въ корридоръ академіи, говоритъ: „студенты, идите — я буду преподавать вамъ догматическое богословіе“, то онъ послѣдуетъ во всякомъ случаѣ не Спасителю, а скорѣе всего Скабичевскому.

Итакъ, Спаситель не далъ *догмата*, самого *духа* его, этой „таблицы умноженія“ религіозныхъ истинъ. Но и вотъ еще доказательство *а-догматизма*, такъ сказать, *души христіанской*. Вѣдь христіанство въ глубинѣ его, въ чарующихъ его особенностяхъ создано уже никакъ не умами отъ Оригена до Лепорскаго, труды которыхъ знаютъ только академика, а оно вышло все изъ *народныхъ* вздоховъ, народнаго умиленія къ Богу, изъ такихъ молитвъ, какъ Херувимская, изъ такихъ житій преподобныхъ „аввъ“, трогательные примѣры которыхъ, напримѣръ, разбросаны въ „Лугѣ духовномъ“ Іоанна Москва. Жили въ пещерахъ, въ кельяхъ на далекихъ разстояніяхъ эти „аввы“; и изрѣдка перекидывались другъ съ другомъ краткимъ словомъ, краткимъ „здраствуй“ привѣтствія, или коротенькимъ въ три строчки поученіемъ. Эти „аввы“-отшельники—еще *продолженіе* евангельскихъ лилій, также *просты и мудры*, а не учены и не велерѣчивы, какъ стали послѣдующіе Златоусты, Кириллы Александрійскіе и вообще строители большихъ томовъ и библіотечнаго христіанства. Все слово Божіе Новаго и Ветхаго Завѣта умѣщается въ одномъ томѣ, а Кириллъ Александрійскій одинъ написалъ гораздо больше Бога. Вся эта вода краснорѣчія, потребовавъ къ себѣ вниманія, углубленія въ себя, разбора своихъ мнѣній и примиренія своихъ противорѣчій, отвлекла души отъ вѣчнаго и исключительнаго умиленія словомъ Божіимъ. Архимандритъ Антонинъ говорилъ намъ объ „экскоммуникативности“ христіанства;

примѣняя его слова, мы скажемъ, что Евангеліе и такъ называемые „учители Церкви“ экскоммуникативны по отношенію *другъ къ другу*: въ нихъ *духъ* различный, *методъ* не тотъ, противоположенъ способъ дѣйствія на душу, орудія дѣйствованія. И все „свято-отеческое“ *а-евангелично*, а все евангельское — *а-святоотечественно*. Это—какъ Валаамъ: и „пророчество“—да не то, и горячее слово—но уже *не отъ Бога, а отъ себя*.

Всѣ ереси и самое *ересничество* и произошло *изъ этого догматизированія*, догматизма. Просто нельзя себѣ представить еретика среди полевыхъ лилій, въ ихъ запахѣ, среди ихъ цвѣтовъ. Не было ни одного еретика изъ „аввъ“ Ѳиваиды. Ересь—городское явленіе. Это въ торговой Александріи, въ шумномъ Константинополѣ, по Сирійскому торговому побережью, вообще въ условіяхъ библіотечности начали появляться еретики. Каждый изъ нихъ есть неудавшійся „отецъ Церкви“, „учитель Церкви“; или, скорѣе, скажемъ такъ: что *еретики* суть учителя Церкви, на которыхъ было посмотрѣно какъ *на транспорантъ съ яркимъ освѣщеніемъ позади его*, такъ что всѣ ошибки выступили *въ явь*, тогда какъ остальные учители Церкви не получили въ свое время освѣщающей лампы позади и похожи на транспоранты, не вынутые изъ ящика. Года три назадъ я взялъ 6 томовъ Кирилла Александрійскаго и началъ читать. Это гораздо хуже чѣмъ у Скабичевскаго: такого неуваженіе къ Слову Божію, такихъ почти каламбуровъ въ отношеніи къ нему цензура бы не пропустила сейчасъ. Изъ множества подробностей приведу одну. Онъ останавливается на вопросѣ: „отчего Богъ шелъ передъ Израилемъ въ видѣ *столба* огненнаго“. И разрѣшаетъ: „*для того*, чтобы знаменовать *выраженіе* Апостола Павла о Церкви: Церковь есть *столбъ* и утвержденіе истины“. Это все

равно какъ еслибы спросить: „*для чего* была война 12-го года". И отвѣтить: „*для того*, чтобы на циферблатѣ часовъ цифра 12 знаменовала *середину дня*". Несоотвѣтствіе, разнокатегоричность явленія Божія Израилю и простого литературнаго выраженія, словооборота въ одномъ изъ апостольскихъ писаній—поразительна. Богъ явился *грамматическою фигурою* для строки, имѣвшей быть написанной черезъ 2.000 лѣтъ. Такъ можно объяснить, что Іаковъ въ ночь, когда онъ боролся съ Богомъ, легъ *на камень*, дабы пророчественно предсказать слова Христа: „Ты—Петръ и на семъ *камнѣ* воздвигну Церковь Мою". И много такихъ „разъясненій" могли-бы сдѣлать семинаристы въ свободную перемѣну между уроками, но отъ нихъ удержался бы, я думаю, студентъ Академіи. Но вотъ Арія *всѣ* читали и имъ *волновались*; позади *транспоранта* былъ поставленъ *свѣтъ*; Кирилла Александрійскаго читали мало, его смутныя и неважныя мысли никого не волновали, ничего опредѣленнаго не задѣвали,— и на заглавной страницѣ его трудовъ пишется: „Иже во святыхъ Отца нашего Кирилла Александрійскаго творенія". Наконецъ, недавно мнѣ пришлось прочесть нѣсколько статей Аѳанасія Великаго. Да, серьезно все, хорошо, основательно. Но ничего поразительнаго, трогающаго, умиляющаго; все въ высшей степени обыкновенно, человѣчно,—и только непріятна постоянная желчность страницъ, чисто логическая воспаленность противъ Арія, торопливость въ наборѣ текстовъ противъ его ученія объ „единоподобіи", а не объ „единосущіи" Слова и Отца. Наконецъ — и здѣсь я закончу—я прочелъ у Василія Великаго разсужденіе о постничествѣ и постѣ:

„Постъ—даръ древній", убѣждаетъ Отецъ древнихъ и новыхъ слушателей: „даръ не ветшающій, не старѣющійся, но непрестанно обновляемый и цвѣтущій во всей красотѣ. Ду-

маешь-ли, что древность его считаю со времени происхожденія закона? Постъ старше и закона. Не думай, что День Очищенія, установленный для Израиля въ мѣсяцъ седьмый, въ десятый день мѣсяца, есть начало поста. Углубись въ въ исторію, и ищи древность его происхожденія. Постъ—не новое изобрѣтеніе, но драгоцѣнность отцовъ. Онъ современенъ человѣчеству. **Постъ узаконенъ въ раю.** Такую первую заповѣдь принялъ Адамъ: „*отъ древа, еже разумѣти доброе и лукавое — не снѣсте*“ (Бытіе, II, 17). А сіе: „*не снѣсте*“ — есть узаконеніе поста и воздержанія“.

Можно-ли сильнѣе глумиться надъ текстомъ Св. Писанія? поверхностнѣе, ничтожнѣе понимать это удивительное мѣсто о Древѣ Жизни и Древѣ познанія добра и зла? И, между тѣмъ, никто не говоритъ: „онъ объясняетъ Писаніе какъ Лейкинъ“, а всѣ говорятъ: „вотъ *ученіе* иже во святыхъ Отца и нашего Василія Великаго“.

Отцы и учители Церкви, они же сотворители всего догмата, вмѣсто умиленія къ Писанію стали его *изслѣдовать, расчленять, анатомировать*, разстригать на строчки („тексты“)—и изъяли весь его ароматъ и смыслъ. Это были мало-логическіе предшественники Канта и малоученые предшественники Штрауса, но работавшіе *ихъ* пріемами *мысли* и *знанія*. Христіанство въ нихъ потеряло наивность и сердечность, противъ чего ни у кого, кромѣ разбойника, не поднялась бы рука. Дитя беззащитно, но вмѣстѣ оно и защищено этою самою своею беззащитностью и одновременно миловидностью. Въ Отцахъ Церкви и съ построеніемъ догмата оно потеряло *наивность* и *прелесть*, трогательность и силу *привлеченія*. Оно стало *мужикомъ*, превратилось въ *Свеаборгъ*; ну, а есть такія пушки, которыхъ ядра и черезъ Свеаборгъ перелетаютъ, и на всякаго *здороваго* мужика найдется *сицъ болѣе* здоровый. Началась *борьба* противъ Церкви,

умственная, умная, ученая; выступили Штраусы и Гарнаки, передъ которыми Оригены оказались неучеными мальчиками. Выступилъ Вольтеръ и его смѣхъ, Ренанъ и его скептицизмъ. Ну, поставлю я передъ Вольтеромъ младенца: онъ станетъ серьезенъ, нѣтъ предмета для шутки; пропою передъ Ренаномъ колыбельную пѣсню —онъ умилится; прочту Гарнаку входъ въ Іерусалимъ: и сухой нѣмецъ воскликнетъ съ израильтянами: „благословенъ Грядый во имя Господне".

Христіанство перестало быть *умилительно* „съ догматомъ": и на него *перестали умиляться*. Просто—его *перестали любить*. Вотъ великій фактъ, противъ котораго „догматисты" зажгли на Западѣ костры, у насъ срубы, не понимая, что дѣло не въ ереси и не въ еретикѣ, а въ томъ, что самими догматистами введенъ былъ въ христіанство главный и первоначальный ядъ: срывъ момента *умиленія* и замѣна его моментомъ мнимой *убѣдительности, доказательности*. Право, у меня можетъ быть такой учитель геометріи, что въ теоремѣ-то его я убѣждусь, а затѣмъ возьму учебникъ, да и ударю имъ самого учителя по головѣ. Бываютъ всякіе несносные люди, даже изъ самыхъ умныхъ.

Никто не падаетъ за литургіей при пѣніи „Вѣрую", да и самое-то пѣніе *прозаично*. Но когда запоютъ Херувимскую,—хотя смыслъ ея никому не изъяснимъ всѣ *сами* склоняютъ колѣна, главное — *сами!* И *счастливы* склонить главы.—Передъ Евангеліемъ *все* человѣчество и было *счастливо склонить главу*. Вѣдь за что нибудь умирали-же мученики, вѣдь не по „повелѣнію Бога": это слишкомъ сухо, да и повелѣнія такого никогда не было. Ну, вотъ теперь стоитъ „догматическое зданіе" Церкви: Свеаборгъ штурмуется, а люди проходятъ *мимо*, одни *посмѣиваясь*, другіе немного *жалѣя*, но никто—до

муки, до *принятія* терноваго вѣнца за Свеаборгъ. И вѣдь всѣ чувствуютъ, что онъ падетъ, падаетъ. Жалѣютъ, качаютъ головами, находятъ опаснымъ это для цивилизаціи, для народа, для устойчивости правительственной, и вообще по тысячѣ утилитарныхъ соображеній, замѣтьте — *все* утилитарныхъ, все *именно* не небесныхъ. Небеснаго-то, „херувимской"-то „пѣсни" въ Церкви и не чувствуется; „души"-то въ ней и нѣтъ, а одно тѣло. Ну, представьте, на виду всей цивилизаціи, народовъ, человѣчества какой нибудь Полиѳемъ до неба поднялъ-бы тысяче-пудовую дубину противъ беззвинно и довѣрчиво на него смотрящаго младенца: *нашлись*-бы мученики, *бросились*-бы подъ дубину и своей *кровью* заплатили-бы за счастье *выхватить* беззащитнаго изъ *опасности*. На пожарахъ вѣдь и бываетъ это, бываютъ *чудеса* самопожертвованія. *Отчего*-же ихъ нѣтъ около великаго, божественнаго зданія Церкви? Мнѣ кажется, Богъ есть *милое изъ милаго*, *центръ* міроваго умиленія: и вотъ съ потерею Церковью „милаго", мнѣ брезжится, что Богъ *отлетѣлъ* отъ нея. Что какъ только начали догматики „строить" съ мыслью, что Христосъ *не съумѣетъ* Самъ защитить Свое дѣло, такъ Христосъ невидимо и *заплакалъ*, и отошелъ отъ строющихъ. Свеаборгъ потому и берется, что вѣдь онъ пустъ. Онъ только хитро построенъ, а Защитника-то и нѣтъ, „Помощника и Покровителя"—скажемъ словомъ Іоанна Дамаскина.

„Духъ дышетъ идѣ же хощетъ", и еще: „истинно говорю вамъ: хула на Сына Человѣческаго простится вамъ, но хула на Духа Святаго не простится ни въ жизни сей, ни въ будущей". Кстати, эти слова Спасителя подрываютъ одинъ изъ „основныхъ" догматовъ: о *равенствѣ* лицъ Пресвятой Троицы. Въ какомъ-то одномъ отношеніи, здѣсь указанномъ Христомъ, Духъ Святый

имѣетъ преимущество передъ Сыномъ Божіимъ. Вообще „Троица“ вся божественна, но она вовсе неисповѣдима, и, равная въ Себѣ, равна вовсе не *ариѳметическимъ равенствомъ*, какъ это по-мужичьи *„умѣряно“* въ догматѣ, а имѣетъ *выпуклости, органическое сцѣпленіе, горы* и *пропасти* въ себѣ. Словомъ, Троица — *глубъ* міровъ, передъ которою малъ и простъ и *не сложенъ* нашъ видимый міръ. Возвращаюсь къ Духу Святому: вотъ проступкомъ противъ него и является *догматизмъ*, какъ методъ. И дитя-Христосъ и удалился изъ нашего Свеаборга не только отъ того, что мы не повѣрили слову Его о полевыхъ лиліяхъ: это еще хула на Сына Божія, и за Себя Христосъ намъ простилъ-бы, но мы похулили Духъ Святой, который „дышетъ идѣ же хощетъ“, задумавъ дать этому Святому Духу мѣдныя латы для защищенія. Отсутствіе *надежды* на Бога, да и не ея одной: „вѣры, надежды и любви“—вотъ что сказалось въ догматизмѣ христіанскомъ. Теперь эти три добродѣтели—только присловіе въ разговорахъ. Какъ и „догматъ о Троицѣ“—это какой-то ариѳметическій треугольникъ, изъ котораго не мерцаетъ ни которое въ сущности Лицо.

Мы угасили духъ пророчества въ себѣ. Бытіе догмата угасило возможность пророчества. Мы чрезвычайно обѣднѣли даже сравнительно съ ветхозавѣтнымъ еврействомъ. Въ Евангеліи Троица свѣтится такимъ особеннымъ, богатымъ и безконечнымъ свѣтомъ, что и я и всякій могли-бы *еще* обратиться къ Отцу Небесному въ нужномъ случаѣ жизни, не повторяя слова Іисуса, „не приводя текста“, но свое новое творя слово. Ибо Іисусъ говорилъ къ Отцу, но Онъ не закрылъ Отца передъ людьми. Я говорю, что слово каждаго изъ насъ могло-бы быть *вдохновенно*, и неужели, напр., въ случаѣ

Повалошвейковскаго[1]) этотъ человѣкъ въ защиту дѣтей своихъ не смогъ-бы воззвать къ Отцу Небесному такъ сказать „въ силѣ Иліи". „Отче Вседержитель! Ни въ глубинѣ океана, ни у людоѣдовъ—нигдѣ и никто злой не отнимаетъ дѣтей у родителей! Только въ христіанскомъ обществѣ и только именемъ Твоимъ Церковь, именующаяся Твоею, беретъ изъ подъ отца и матери любящихъ и любимыхъ дѣтей, цѣлыхъ вотъ семеро,— и выбрасываетъ ихъ хуже, чѣмъ въ пустыню и въ лѣсъ — на поруганіе и презрѣніе этихъ твоихъ христіанъ, злѣйшихъ и безпощаднѣйшихъ, нежели гіены и шакалы въ пустынѣ". Что-нибудь въ этомъ родѣ могъ-бы онъ сказать. Но теперь, когда есть „догматъ о Троицѣ", безглагольный, безъ пульса въ себѣ—Повалошвейковскому вовсе даже и не пришелъ на умъ Отецъ Небесный. Догматъ вообще закрылъ всѣ три лица Пресвятой Троицы, самого Христа обративъ въ начетчика, который принесъ на землю только кучу текстовъ. Изъ этихъ текстовъ выбрали нужный и припечатали имъ мокрую петербургскую курицу такъ, что у нея спина по гробъ болѣла. Вотъ одно изъ дѣяній Свеаборга. Да

---

[1]) Случай расторженія брака сперва Псковскою духовною консисторіею, а потомъ (послѣ апелляціи родителей)—и Св. Сѵнодомъ въ царствованіе императора Николая I. Родители воззвали къ самому Государю. Государь пожалѣлъ и вступился было: но Сѵнодъ употребилъ всѣ усилія, чтобы настоять на своемъ, и расторгъ бракъ: всѣ 7 человѣкъ были признаны „незаконнорожденными", потеряли имя и фамилію отца, а этотъ отецъ былъ объявленъ „холостымъ" съ правомъ новой женитьбы, а жена его, мать семерыхъ дѣтей, была объявлена „дѣвицею" съ правомъ выйти замужъ за другого. При бракѣ не была соблюдена какая-то подробность изъ „Правилъ иже во святыхъ Отца нашего Василія Великаго", каковыя „Правила" до сихъ поръ служатъ единственнымъ закономъ у насъ при заключеніи браковъ.

и все-то такъ стало. На текстахъ и на „соборныхъ уложеніяхъ“ зажгли костры, отняли свободу, заставили повиноваться властямъ предержащимъ, включительно до звѣря-помѣщика и чиновника-казнокрада, ну и дальше, все въ томъ-же родѣ, все безъ противорѣчія „догмату“,— пока не поднялся штурмъ на цѣлостный Свеаборгъ, при равнодушіи, а частью и при язвительныхъ насмѣшкахъ проходящихъ. Повалился „Духъ Святой“ въ латахъ, какъ у Александра Невскаго—какъ херувимъ картонный съ рождественской елки. Но и неужели-же въ самомъ дѣлѣ на землѣ религія падаетъ, религіозное исчезаетъ, Небо закрывается? Слышимъ Слово Спасителя, на этотъ разъ какъ-бы *уклончивое* и уже *издалека* раздающееся: „Духъ дышетъ идѣ же хощетъ“, и другое, вѣщее: „Я вамъ пошлю Утѣшителя, Духа истины, который наставитъ васъ всему“.

Вопросъ о „догматѣ“ поднялся въ связи съ вопросомъ *о творчествѣ* въ христіанствѣ. Настаивая и доказывая а-догматичность христіанства, я только говорю, что это творчество можетъ быть безконечно, и какъ-бы отворяю ворота въ это творчество. *Но нужно*-ли оно? Здѣсь я долженъ измѣнить тонъ своихъ словъ и, обратившись къ слушателямъ, какъ братьямъ по вѣрѣ, по сердцу, спросить: „братья, да какъ-же мы *можемъ*, хотя *на минуту*, удерживаться передъ мыслью о *творчествѣ*, когда признать status quo христіанства окончательнымъ это значитъ сейчасъ-же усомниться въ божественности, въ самомъ *мессіанствѣ его*“. Вотъ это лѣто вышла книжка,—имя автора забылъ,—о мессіанскихъ мѣстахъ прор. Исаіи. Покупаю и приношу домой, раскрываю: извѣстныя слова, что вотъ „ляжетъ овца около льва и волкъ около ягненка“ — „суть несомнѣнныя“, по автору, „слова мессіанскаго характера, указующія на

личность Христа, ибо Христосъ принесъ на землю эру такого мира". Слова эти какъ-бы заставили меня пасть на полъ. Всѣ богословскія книги такъ написаны. Всѣ эти книги суть какая-то красивая сомнамбула. Быть богословомъ — значитъ спать и видѣть видѣнія. Дѣло въ томъ, что авторъ книги на томъ основаніи и изъясняетъ мессіанскій смыслъ даннаго пророчества Исаіи, что вся эра наша, т. е. уже фактически, есть эра небывалаго до Христа мира на землѣ, каковой только и можно сравнить съ лежаніемъ овцы около льва. Тутъ поразителенъ тонъ книги. И не спитъ авторъ, ибо вѣдь писалъ: но онъ хуже, чѣмъ спитъ. Его невозможно пробудить отъ догматическаго сна. Такъ въ „догматахъ" формулировано: „примирилъ", „искупилъ", „загладилъ грѣхи", и „Оригенъ изъяснилъ, что овца легла около тигра" и, значитъ—„Мессія пришелъ". Это связь уравненій, связь словъ; въ задачахъ ариѳметическихъ пишется: „купецъ купилъ столько-то сукна, подѣлилъ пяти сыновьямъ и осталось столько-то", хотя всѣ знаютъ, что никакого купца нѣтъ, сукна нѣтъ и дѣлежа не было. Все для „примѣра"; вотъ и догматы построены для какого-то „словеснаго примѣра", съ полнымъ убѣжденіемъ самихъ догматиковъ, что ничего соотвѣтствующаго имъ нѣтъ. Формулировано: „миръ на землѣ", и онъ говоритъ—„миръ". Указываютъ на старообрядцевъ, разсаженныхъ по тюрьмамъ, на инквизицію, на вырѣзаніе перуанцевъ и инковъ; онъ это знаетъ хорошо и говоритъ: „это по каѳедрѣ исторіи церкви, а я читаю догматику: по моей каѳедрѣ стоитъ на землѣ миръ". Ну, а въ христіанствѣ какъ? „Каѳедра догматики", отвѣчаетъ онъ, — „основная, а исторія церкви—прикладная каѳедра, иллюстрирующая. Поэтому на землѣ вообще долженъ быть миръ и есть миръ, не принимая во вни-

маніе бывающихъ исключеній". — Я здѣсь напоминаю вамъ объ ученикѣ по геометріи, который послѣ доказанной ему теоремы разбиваетъ голову учителю. Положеніе христіанства не только не окончено, но оно полно рѣшительнаго отчаянія, уже не отъ нападокъ на него, не отъ равнодушія къ нему: а потому, что внутри его собственныхъ стѣнъ сидитъ нѣсколько Акакіевъ Акакіевичей и нѣсколько Собакевичей, которые спорятъ о какихъ-то мертвыхъ душахъ и что-то между собою дѣлятъ.

По моему представленію, историческія судьбы христіанства тайна. Тайна эта заключается въ такой великой иллюзіи, выше которой никогда не создавалась; и въ такой не отвѣчающей этому комической дѣйствительности, ниже которой, пожалуй, тоже ничего не создавалось. Взять только дивныя пророчества мессіанскія, о сѣмени жены — стершемъ главу Змія, о конечной побѣдѣ надъ діаволомъ: посмотрите—вѣдь это небо стелется въ словахъ и земля вся зацвѣтаетъ въ какомъ-то невыразимомъ обиліи[1]), счастьи, красотѣ, славѣ. И представьте,

---

[1]) Трудно вообразить и было-бы невозможно повѣрить, если бы мы не читали по печатному, какъ „разъясняется" въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ по-истинѣ несчастнымъ отрокамъ и юношамъ Слово Божіе. Вотъ образцы. „Благодатное Царство Мессіи характеризуется ниспосланіемъ членамъ сего Царства безчисленныхъ милостей и разнообразныхъ даровъ Св. Духа. 6 ст. прор. Исаіи читается: *и сдѣлаетъ Господь Саваоѳъ на горѣ сей для всѣхъ народовъ трапезу изъ тучныхъ яствъ, трапезу изъ чистыхъ винъ, изъ тука костей и самыхъ чистыхъ винъ.* Здѣсь выраженіе: *для всѣхъ народовъ* подтверждаетъ идею универсальности мессіанскаго царства. Трудно отрицать (?!!), что въ семъ пророчествѣ подъ символами *тука* и *вина* любвеобильный Небесный Отецъ обѣщаетъ искупленнымъ теперешнее таинство евхаристіи"... „Дальнѣйшія слова этого пророчества (7-й стихъ) по еврейскому тексту читается такъ: *и уничтожитъ* (Саваоѳъ) *на горѣ сей покрывало, покрывающее всѣ*

эти Собакевичи намъ твердятъ, что все уже сбылось, что патока течетъ по землѣ, и нѣтъ ни пьяницы, рѣжущаго ради 3-хъ цѣлковыхъ товарища—„чтобы опохмѣлиться“, ни скопцовъ съ отрѣзанными органами, ни ежевыхъ рукавицъ миссіонерства, ни пресловутыхъ „дѣлъ“ духовныхъ консисторій. Легла овца около тигра! сбылось! Да позвольте, не въ правѣ-ли робкое и честное сердце сказать: „не сбылось! ничему не вѣрю! „Маленькій я человѣкъ и маленькое во мнѣ сердце: но и имъ я сужу, что на землѣ—Содомъ и Гоморра, а не „миръ и искупленіе“, и что передо мною не „ягненокъ около льва“, а

народы,—покрывало, лежащее на всѣхъ племенахъ. По переводу-же Семидесяти-толковниковъ и нашему славянскому: *помажутся мѵромъ на горѣ сей: предаждь сія вся языкомъ: той бо совѣтъ на вся языки.* Чтеніе LXX толковниковъ въ данномъ мѣстѣ имѣетъ то безспорное преимущество передъ еврейскимъ, что глубже проникаетъ въ смыслъ всего мессіанскаго пророчества. По замѣчанію блаж. Іеронима, еврейскіе переводчики, призванные Птоломеемъ для перевода еврейскихъ книгъ на греческій языкъ, выраженіемъ: *помажутся мѵромъ на горѣ сей* — указывали на установленное позднѣе въ Церкви таинство мѵропомазанія“. („Пророчества Исаіи о Мессіи и его царствѣ. Библейско-экзегетическое изслѣдованіе проф. Казанской дух. академіи *И. Григорьева*, Казань, 1902 г.). Вотъ и „сниметъ Богъ покрывало *со всѣхъ племенъ*“ (у евреевъ *покрывало* на голову надѣвается во всякомъ *горѣ, несчастіи*—какъ *трауръ*), когда „соборуютъ“ (мѵропомазаніе) какого-нибудь умирающаго титулярнаго совѣтника въ Костромѣ или Калугѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь „соборующій“ священникъ при этомъ получаетъ рубля два, и какъ-же ему не воскликнуть: „мессіанское царство!“ сбылось рѣченное Исаіей: *се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ*, и еще: *и помажутся мѵромъ на горѣ сей*“. И все это—*безъ всякаго страха*, безъ всякаго религіознаго *ужаса*, и у священниковъ, и у семинаристовъ, и у профессоровъ... Между тѣмъ до чего просто это мѣсто Исаіи. „Снимется покрывало, лежащее на всѣхъ племенахъ“=„снимется трауръ со всѣхъ людей“=„отретъ Богъ всякую слезу человѣческую“ (Апокалипсисъ). *Прим. 1906 г.*

нѣсколько злобныхъ крысъ, пожирающихъ одна другую въ зловонной клѣткѣ. Я веду слово къ *творчеству*. Вѣдь *ничего, ничего* этому маленькому честному сердцу не отвѣтятъ всѣ догматики, самые мудрые люди, ни Гарнаки и Ренаны, ни Отцы святые. Представьте, можетъ отвѣтить только вотъ наше собраніе и этимъ роковымъ вопросомъ, который оно поставило. Въ эту минуту наше собраніе велико: „утѣшься", можетъ оно сказать: „ничего нѣтъ, но.. *можетъ быть*". Конечно, это то же— слово, тоже отодвиганіе дѣла впередъ, можетъ быть обманъ, можетъ быть иллюзія. Но это *не немедленное, не сейчасъ отчаяніе*. А то вѣдь сейчасъ только равнодушные, похожіе на алкоголика, рѣжущаго для опохмѣленія товарища, живутъ внѣ отчаянія. Эти алкоголики иногда утѣшаютъ насъ: „что-же, мало сбылось, пожалуй! Но старайтесь, но упражняйтесь! Возрастайте въ добродѣтели и близьте Царство Небесное". — Какъ будто Мессіанство и не состоитъ все во „вдругъ, разомъ, сейчасъ", не состоитъ въ Тайнѣ и таинственномъ преобразованіи вещей. Что это такое за „мессіанство", которое зависитъ отъ хорошаго расположенія моего духа? И Сократъ училъ, что „послушаютъ его — будетъ хорошо", и Спенсеръ такъ училъ. Тайна мессіанства во „вдругъ", „по всей землѣ", „противъ желанія людей". Это какъ дуновеніе вулкана на Мартиникѣ. Секунда - и не стало ничего. Вотъ и Мессіанство содержитъ обѣщаніе *таковаго*-же дуновенія, но *благодатнаго*: секунда — и выросло все, деревья стали давать вмѣсто ста тысячу плодовъ. Такъ вѣдь въ Апокалипсисѣ объ открытіи Древа Жизни и сказано. Мессіанство — магія, святая сказка, но могущественнѣе всякой реальности, во-очію имѣющая наступить, дневная, очевидная. Поэтому, когда говорятъ, что оно „не

исполнилось отъ того, что въ добродѣтели мало упражняются"—то просто уравниваютъ Христа со Спенсеромъ: и такъ поступаютъ богословы, моралисты, писатели безчисленныхъ духовныхъ статеекъ. — Говоря такимъ образомъ о творчествѣ, я не говорю о „мало-по-малу" въ христіанствѣ, не предлагаю вновь этого успокоительнаго опіума, а о томъ, что мы и вообще весь христіанскій міръ стоитъ передъ дилеммой: 1) или признать, что что-то намъ всѣмъ еще *не открылось въ христіанствѣ*, что народы просто прошли мимо Христа, завернули по ошибкѣ въ какой-то закоулокъ, когда площадь, озаренная огнями, находилась передъ ними, или 2) что некуда идти, незачѣмъ идти; нѣтъ вообще никакой площади, а только закоулки и ихъ путаница въ какомъ-то скверномъ уѣздномъ городишкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ—отчаяніе; въ первомъ—какое-то „можетъ быть".

ТАБЛИЦА ВОПРОСОВЪ РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКИХЪ [1]).

А. Серія вопросовъ, касающихся **сужденія** въ Церкви.

1) о *матеріалѣ* сужденія. *Писаніе и Преданіе*

2) о *методѣ* или *средствахъ* сужденія: своею мыслью судили и судимъ, или—Св. Духомъ?

3) о *лицахъ судящихъ:* „святые“ и „духовенство“.

Б. Серія **объектовъ** сужденія (см. ниже).

А, 1—а, Св. Писаніе. Слово Божіе. **Ветхое. Новое.** Почему ветхое обветшало и что́ это значитъ? *Устарѣло? Практически не нужно* (обрѣзаніе и отсутствіе у обрѣзанныхъ дѣтоубійства; права обрѣзаннаго, предупредившія дѣтоубійства, и обязанности его же, предупредившія половое загрязненіе)? *Ошибочно?* Но тамъ сказано: „завѣтъ *вѣчный* даю вамъ“. *Азбучно?*

---

[1]) Когда духовныя лица, съ епископомъ Сергіемъ, ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи, во главѣ, и свѣтскія лица условились собираться вмѣстѣ для обсужденія, съ полною свободою, религіозно-философскихъ вопросовъ, то, думая, что для 1-го собранія ихъ естественно не будетъ темы и всѣ почувствуютъ неловкость незанятаго времени, я накидалъ серію вопросовъ, о которыхъ намъ, свѣтскимъ, интересно было бы узнать мнѣніе духовныхъ лицъ, и которые могли бы намѣтить планъ годовыхъ дебатовъ. Но 1-е же засѣданіе было очень оживленно и, вообще, полно содержаніемъ, — почему этотъ набросокъ мной и не былъ предложенъ къ прочтенію.

въ цѣляхъ „дѣтоводства“ дано? Но, вѣдь, таблица умноженія не отрицается логариѳмами, она сохраняется и при нихъ, а „ветхое“ или „обвѣтшавшее“ слово не сохраняется нами. Можетъ быть оно *жестоко?* Но развѣ Богъ жестокъ? Не содержится ли въ этомъ клеветы и упрека на Ветхій Завѣтъ?

Искать математически-точнаго и совершенно-чистосердечнаго отношенія къ Ветхому Завѣту, — каковое для насъ, мірянъ, не ясно у Церкви и въ устахъ и ученіи духовенства.

Слово Божіе **полно** ли? и почему *нѣтъ* пророковъ? и можно ли ихъ *ожидать?*—Пониженіе *одушевленія* въ Евангеліи: нѣтъ восторга и порыва ветхозавѣтнаго. Слезливый піетизмъ, какъ черта христіанства, отъ спокойствія Евангелистовъ потекшая. Апокалипсисъ—опять порывъ. Его роль и положеніе въ новозавѣтныхъ книгахъ: *одного* ли они духа? къ *одному* ли устремлены? Нѣкоторыя главы Апокалипсиса, какъ, напр., о „Женѣ, облеченной въ Солнце и кричащей въ мукахъ рожденія“ — *не вписуемы* вовсе въ Евангелія, и, если бы ихъ вписать въ ихъ текстъ, стали бы, повидимому, разрушать его.

А, 1—б. Св. Преданіе. *Новизны.* Они были необходимы, и въ будущемъ необходимы: ибо о погребеніи, о трудѣ, о семьѣ въ Евангеліяхъ—или умолчанія, или отрицанія. Отсюда: Церковь имѣетъ право быть творческою и не на почвѣ Слова Божія (нашъ чудный обрядъ погребенія). Praesens, perfectum и plusquamperfectum въ Церкви: Церковь шла не по *прямой* линіи въ своемъ „преданіи“, а были въ ней „теченія“, „направленія“, и они образуютъ всѣ вмѣстѣ „ломаную линію“

ея развитія: напр., въ вопросахъ объ аскетизмѣ, о монашествѣ, о бракѣ. *Одни* соборы (первые)—допускали бракъ епископовъ, *другіе* (позднѣйшіе)—запрещали: которымъ же намъ слѣдовать? и почему, слѣдуя, напр., позднѣйшимъ, мы будемъ увѣрены въ правотѣ своей, т.е. увѣрены въ *неправотѣ* вѣро-созерцанія, вѣро-ученія древнѣйшихъ учителей Церкви и Соборовъ церковныхъ? Вообще, что такое „новое“ и „древнее“, „прежнее“ и „теперешнее“ въ Церкви, когда она „вѣчна и абсолютна“ и притомъ „отъ основанія и всегда“? Въ истинахъ, какъ математики, такъ и нравственнаго порядка, нѣтъ „новизны“ и „старины“, а только *худое* и *доброе*, *ложное* и *правильное*.

А, 2. О методѣ или средствахъ церковнаго сужденія. **Мыслью своею** судили и судимъ въ Церкви? или **Св. Духомъ?** *Споры* и *сомнѣнія* не причастны Св. Духу, а они суть исторія соборовъ, исторія самыхъ догматовъ. — Св. Духъ не колеблется. Святый Духъ пророчествуетъ, а на Соборахъ *разсуждали* и *доказывали*. Флорентійскій соборъ формально былъ правленъ, но его рѣшеніе не было принято въ Москвѣ, и Москва осталась и чувствуетъ себя „православною“. Какія же, внѣ вкуса вѣка и предпочтенія націи, абсолютные критеріумы „истиннаго собора“, „руководившагося Св. Духомъ?“ Эту послѣднюю санкцію, въ правѣ ли были примѣнить къ себѣ люди спорившіе, колебавшіеся, не пророчествовавшіе, доказывавшіе: а если не въ правѣ, что почти очевидно,—то какъ понять „всуе“ („не пріемли имени Господа Бога твоего всуе“, „кто произнесетъхулу“—напр., приписавъ несовершенное личное мнѣніе Ему — „на Духа Святого—тому не

простится ни въ вѣкъ сей, ни въ будущій") на пространствѣ столькихъ вѣковъ? относительно такихъ темъ сужденія? и изъ устъ людей, которыхъ мы почтили (тоже, конечно, „всуе") такимъ авторитетомъ?

А, 3. О лицахъ судящихъ. а. **Святые.** Они были святы по *жизни*, а не по infallibilitate („непогрѣшимости") сужденія. Они разумомъ погрѣшимы. Василій Блаженный—праведникъ, а не догматикъ. Святые суть свѣточи жизни, бытія, а не творцы *непремѣнно руководственныхъ* книгъ.

б. **Духовенство.** Не есть ли это личный и живой, ходячій фетишизмъ? Въ ризахъ священникъ, въ эпитрахили, и онъ же въ рясѣ— какъ бы разное бытіе. Онъ въ ризѣ—какъ бы икона въ окладѣ; безъ ризы—живопись безъ отнесенія къ нему молитвы. Священники суть поклоняемые dii minimi. Откуда это? *Таинство священства.* „Руки накладывать" — знакъ отечества, учительства. Учитель еще не священникъ. Благодать „священства"; но эта благодать священности дана міру; и не произошло ли какъ бы матеріализаціи благодати, присвоенія ей пространственныхъ почти особенностей, „берется" она, „дается": и іерархически подѣлилась и въ тоже время, какъ пологъ, сдернулась съ міра. Мы — подлы, свѣтски, камни, безблагодатны. А, вѣдь, по существу-то весь міръ священенъ и всѣ люди — „священники по чину Мельхиседекову". Это бы сдѣлало насъ серьезными, отвѣтственными. Безблагодатный въ идеѣ человѣкъ есть безъ-идеальный in re. Отсюда—нравственное паденіе міра.

Слѣдовательно, одна изъ „пророчественныхъ" задачъ Церкви — разжиженіе ставшей матеріальною почти благодати, овоздушеніе ея и разліяніе ея на міръ.

Б. Серія объектовъ сужденія.

1. Духъ — вѣяніе — законъ. Откуда у насъ (въ Церкви) законы, когда ап. Павелъ сказалъ: „а если закономъ оправданіе, то Христосъ напрасно умеръ“ *(Къ Галатамъ)*. Онъ умертвилъ не законы ветхіе, а *принципъ законности, юридичности, точности, математики*, какъ *анти-благодатный*.

Что умерщвленъ именно *принципъ* законности, а не которые-нибудь законы Ветхаго Завѣта, видно изъ гордаго и уничижительнаго, въ отношеніи Ветхаго Завѣта, самопревознесенія христіанъ: „*подзаконное* человѣчество“ (іудеи), „*подзаконная* Церковь“ (ветхозавѣтная). Между тѣмъ, мы имѣемъ каноническое право, котораго—томы, и за несоблюденіе мельчайшаго параграфа котораго священники лишаются сана, архіереи удаляются отъ служенія („на покой“). И эти архіереи и священники говорятъ о „подзаконномъ“—тамъ, и о „благодатномъ“—у себя, и все цитируютъ изъ „Посланія къ Галатамъ“ слова ап. Павла. Что это—дрозды наученые? которые не разумѣютъ человѣческаго, заученнаго слова, ибо оно не ихъ и не родное имъ, дроздамъ, слово. Явно, что Церковь, принявшая каноническое право, *согласившаяся* на него (а она, вѣдь, еще и *сама* выработала его, чему трудно повѣрить!!)—тѣмъ самымъ сдѣлала, что „Христосъ напрасно умеръ“; и 1.500 лѣтъ хвастается богатствомъ, котораго не имѣетъ („подъ благодатью живемъ, а не подъ закономъ“).

2. Недоумѣнія объ исторіи христіанства. Христіанство—не реализовано, не реально. Да и имѣетъ ли оно реальныя цѣли? Начала *реализма* въ Новомъ Завѣтѣ: въ Ветхомъ—любятъ и рождаютъ, влюбляются, какъ Давидъ—въ Мелхолу, какъ Амнонъ, сынъ Давида — въ Ѳамарь; въ Новомъ не рождаютъ и въ этомъ смыслѣ не любятъ. Въ Ветхомъ смѣются: Сарра на слова Божіи о рожденіи отъ нея; въ Новомъ Завѣтѣ, во всемъ, нигдѣ нѣтъ улыбки, *ни о комъ не сказано, что онъ—улыбнулся*. Тонъ его совершенно другой, болѣе *печальный* и *меланхолическій*.

Въ Евангеліи есть ли *обычай, бытъ, нравы?* Оно слишкомъ небесно, отвлеченно; и трудно его связать съ землею, съ *подробностями*.

3. Метафизическая нереализуемость Евангелія. *Обрѣзаніе* касается центра реализма и беретъ міръ съ серединки: черезъ обрѣзаніе Ветхій Завѣтъ схватилъ и обычай, и нравы, и привычки. Обнялъ человѣка.

Черезъ *ученіе*, и только *ученіе*, Евангеліе подчиняетъ себѣ учащіеся въ человѣкѣ части, умъ, вниманіе, прилежаніе. Оно школьно, а, такъ сказать, не базарно, не бытійственно.

1902 годъ.

Post-scriptum. Еще „таинства“,—крещеніе, причащеніе, муропомазаніе,—всѣ *уже Церковью*, т. е. *потомъ* и *исторически* установленные, сообщаютъ нѣкоторую реальность христіанству: безъ нихъ оно буквально превратилось бы въ школу и проповѣдь, въ чтеніе книгъ и бесѣды, во что то *поверхностное и наносное*; ибо, во всякомъ случаѣ, не „бесѣдами“ и не „книгами“ „живъ будетъ человѣкъ“ (у Іезекіиля Богъ человѣку говоритъ: „въ *кровяхъ* твоихъ живи“, и опять повторно: „*кровью* твоею живи“). Но какъ связь съ *бытомъ*, *жизнью*, *организмомъ* человѣка „таинствъ“ причащенія, крещенія, муропомазанія и проч. не ясна, вопросительна и какъ то лишь „духовна“, то опять вопросъ о *реализмѣ*, *реализуемости* и *реальности* въ христіанствѣ и, наконецъ, даже самого христіанства уходитъ въ неясность, мнимость и аллегоричность. Мы больше *утѣшаемся*, что у насъ есть что то „реальное“: вотъ „хлѣбъ“, вотъ „вино“, „вода“ и „елей“. Прекрасно и пріемлемъ. Но когда спрашиваемъ себя: какое же это отношеніе имѣетъ къ *дому*, въ которомъ я живу, къ *семьѣ*, съ которою живу, *дѣтямъ*, *женѣ*, *хозяйству*, *экономикѣ*, *чистоплотности*, *гигіенѣ*, *здоровью*—что все довольно необходимо для человѣка — то размышленіе переходитъ въ безбрежность, загадочность и разсѣивается какъ облако, котораго не было. Очевидно, въ „таинствахъ“ Церковь сдѣлала *попытку* (гигантскую!) къ реальности, и—неудачную: все же это не „серединка“ и даже не кусочекъ съ „периферіи“, а „что-то“ „гдѣ то“ и, въ общемъ—„духовно“, „благодатно“, „исцѣляетъ“ и „спасаетъ“—на словахъ и „во-утѣшеніе“. Разрушеніе „завѣта съ Авраамомъ и домочадцами его и слугами (иноплеменники для евреевъ, напр., и *мы*) до того очевидно раскололо, раздробило *реальный теизмъ*, реализмъ въ теизмѣ и теизмъ въ реализмѣ, — что человѣкъ тоскливо началъ собирать дробинки, песчинки, „фетиши“. И этою тоскою исканія можно объяснить весь благородный *культъ* христіанскихъ общинъ и церквей, въ которомъ, собственно, и содержится вся *теплота* христіанства. Лютеръ, потрясшій *культъ* (только культъ) — точно отнялъ „религію“ у своихъ послѣдователей, сведя все къ проповѣди, морали и, вообще, разумному и добропорядочному въ поведеніи и мышленіи, что, конечно, не есть „тайна“, „религія“, „Бо

жіе у человѣка и въ человѣкѣ". Такимъ образомъ, „культъ"-то въ христіанствѣ (какъ очевидно изъ попытки Лютера) и составляетъ, къ удивленію, „метафизику" его, зерно, теплоту и хоть приблизительную „кровь". И отнимите отъ него „суевѣрія", готику, „обряды", „непонятные и ненужные жесты и слова" (требованія раціоналистовъ, требованія штундистовъ) — то оно останется безъ „зерна", „крови" и „кровообращенія". Отсюда чрезвычайная (и вѣрная!) привязанность народовъ, христіанъ, Церквей (западной и нашей), духовенства и духовныхъ профессоровъ именно къ культу, „обрядности" и даже „суевѣріямъ": все это—суррогатъ „обрѣзанія", какъ реализма, кусочки павшаго дѣйствительнаго—Неба. Но все, однако же, не „обрѣзаніе", все это — *послѣдующая* (тоскливая) работа Церкви, а не „по слову" *Божію*, „завѣту" *Божію*; и, словомъ, все это не документально и не достовѣрно, все это не есть *Самимъ Богомъ указанный, какъ Ему нужный, реализмъ* („обрѣзаніе"). И обряды эти даютъ реализмъ кажущійся, поэтическій, утѣшающій, но именно *не спасающій*.

Опытъ штундистовъ и лютеранъ указываетъ, что внѣ *культа* нѣтъ зерна подлинной религіозности въ христіанствѣ: открытіе страшное, если принять во вниманіе, что культъ все же сотворенъ людьми, сотворенъ *послѣ Евангелія* и *послѣ Христа*. Гдѣ же евангельское и Христово „зерно"? Или согласиться со штундистами, что неустанно читая Евангеліе, ведя о немъ бесѣды, не куря, не пьянствуя и не ссорясь—они нашли „религію",—„истинную и универсальную"? Но тогда врожденно добрый и нравственный человѣкъ, не пьющій, не курящій и мирно живущій съ сосѣдями, скажетъ: „Я всего этого достигъ и безъ Евангелія: на что̀ оно"?

4. Метафизика христіанства—не въ штундизмѣ и не въ культѣ (тамъ ея, очевидно, нѣтъ, какъ *подлинной*, а не „утѣшительной" только). Она и притомъ подлинная и *новая* („*Новый*" Завѣтъ) лежитъ въ **гробѣ, смерти и монашествѣ.**

Смерть—ужасъ, подлинность, очевидность, всеобщая и вездѣсущая.

Смерть—непостижимое, „тайна"!

О смерти — всѣ думаютъ, всѣ ею испуганы, томятся, тоскуютъ!

Смерть—также метафизична, какъ зачатіе. Это—другой *полюсъ* міра, черный, противолежащій бѣлому полюсу—*обрѣзанію*. Евреи отвратительно хоронятъ своихъ мер-

твецовъ, бросая ихъ въ землю и съ ужасомъ убѣгая; о смерти, какъ „таинствѣ",—ничего въ Библіи; „смерть" въ Словѣ Божіемъ—только *наказаніе* (Бытіе, 4). Христіанство „смерть" преобразовало въ **гробъ.**

Гробъ—это поэзія, а не голый ужасъ; не испугъ—а что-то и „надѣющееся".

Гробъ — красота грусти, воспоминаній, сожалѣнія, любви оставившихся на землѣ къ „ушедшему туда".

Гробъ—новые звѣздные міры, поднявшіеся надъ плачущею землею послѣ того, какъ „звѣздные міры" (совсѣмъ другіе) закатились съ Голгофою за горизонтъ.

Монастырь есть длинная мантія гроба; красивый крепъ, вѣющій на тоскующемъ человѣкѣ, плачущемъ надъ своимъ гробомъ и о своемъ гробѣ, какъ *неизбѣжности.*

Монастырь есть вся душа и вся поэзія христіанства; его реальная метафизика; единственное въ немъ „таинство"; зерно, изъ котораго все оно, какъ историческое явленіе, выросло.

Тѣни монастыря—въ каждой чертѣ христіанства, въ живописи, иконахъ, музыкѣ, напѣвахъ, въ законахъ, ритуалахъ, характерѣ духовенства, нравахъ, обычаяхъ, политикѣ, во всемъ, во всемъ!!! Гдѣ нѣтъ монашескаго духа и монастыря—нѣтъ христіанства; гдѣ онъ есть—христіанство на лицо и дѣйствуетъ!

Какъ „гробъ" есть преобразованіе смерти „въ поэзію", такъ монастырь есть преобразованіе „гроба" въ цѣлую цивилизацію—поэтически-грустную, меланхолически-возвышенную. Смерть — секунда, ударъ; гробъ - уже сутки и даже трое сутокъ, наконецъ, сорокоустъ молитвъ и воспоминаній; монастырь уже обнимаетъ всю жизнь. Такимъ образомъ, „секунда ужаса", метафизическая, какую не перенести человѣку—какъ бы размазалась кисточкою на пространство годовъ, жизни, всего зрѣлища цивилизаціи. Въ кусочкѣ отъ нея—умереть; въ этомъ „раскрашиваніи" ею—только *грустно* жить, даже—возвышенно-прекрасно, и даже истинно-прекрасно!! Смерть создала лучшія вдохновенія въ христіанствѣ—гимны Дамаскина: сердце плачетъ, слушая ихъ, но уже не убито, не ушиблено, не упало мертвымъ. И что „христіанство побѣдило самую смерть"—это не аллегорія, не „лишнее слово", а чудесная

въ немъ дѣйствительность. Только поэтому, и притомъ единственно поэтому, оно и есть „новая религія", не буддизмъ и не стоицизмъ, не мораль и „улучшеніе быта", но именно „религія", со своею новою тайною и магіею.

Новый Завѣтъ относится къ Ветхому, какъ смерть къ зачатію, или похороны къ рожденію, или монастырь—къ семьѣ, гарему (у Давида и Соломона) и площади (базару). Это не „развитіе", не „переходъ къ возмужалому послѣ педагогической подготовки", не „благодать вмѣсто закона", а—совсѣмъ другой и противоположный метафизическій міръ! Христіане дружатъ съ язычниками: но съ держащимися „Ветхаго Завѣта" евреями и „измаильтянами" они—какъ вода и пламя, взаимно пожираются, безъ возможности сожитія, разговора, психологическаго пониманія. Греки и римляне, даже японцы и китайцы—уважаемы, изучаемы, постигаемы у насъ; „обрѣзанцы" жиды и турки—только ненавидимы! Ни одной легенды о нихъ; ни одной граціозной оперетки („Гейша"), ни шутки, ничего кромѣ гробовой, черной ненависти. Именно—какъ зачатіе и смерть, свадьба и похороны, базаръ и монастырь. Два неба, два полюса.

5. Отсюда—*„мощи Св. Угодниковъ"* и положеніе ихъ въ христіанствѣ. Гдѣ нѣтъ „мощей"—нѣтъ христіанства, какъ метафизики, а есть только его физика (слова и „мораль"). Замѣчательно соотношеніе между „мощами" и монастыремъ: гдѣ (у народовъ, въ странахъ, церквахъ) есть монашество, монастырь—непремѣнно есть и мощи, какъ ученіе о нихъ, легенды около нихъ, самый фактъ ихъ; а гдѣ есть мощи—непремѣнно тамъ есть и монастырь; и гдѣ котораго-нибудь нѣтъ (лютеранство, пуританство)—нѣтъ и другого. Все это указуетъ, что метафизика въ христіанствѣ—вездѣ одна, и что каждая „буква" этой метафизики — изъ алфавита смерти. На самомъ дѣлѣ соборы, догматы, „filioque", папство, самые „отцы и учители" и все даже „вѣроученіе" и, наконецъ, само Писаніе есть для насъ „уборъ" въ одной части и „предлогъ" въ другой; а **сущность** вездѣ одна: что мы — умираемъ, и боимся что умираемъ, и не понимаемъ—что̀ такое это что мы умираемъ, и восторгъ—что „съ нами и за насъ умеръ, наконецъ, и Господь"! „Кончина Бога", „Голгоѳа"—вотъ невѣроятное *случившееся*, что и образуетъ зерно, изъ котораго выросло *все* христіанство. Богъ „вѣчно живъ", „Сущій", „Сый", „Который *есть* и который *будетъ*", „Я—то, что *было, есть* и *будетъ*" (надпись на статуѣ Нейтъ въ Саисѣ): и

вдругъ—умеръ, „кончается“, „страдалъ и погребенъ“! самъ Богъ!!! Это такой **переломъ** всѣхъ древнихъ представленій, разрушеніе всей Библіи — что небеса затрещали, исторія разломилась и вышелъ въ самомъ дѣлѣ „новый Завѣтъ“, новое громовое явленіе, задвинувшее даже и Синай отъ павшаго въ ужасѣ человѣка.

Мощи — непремѣнно „святыхъ угодниковъ“. Кто „угодилъ“ въ христіанствѣ „Богу“? Въ Ветхомъ Завѣтѣ—это рождающіе отъ 3—5—10 женщинъ дѣтей; живущіе не съ женою, а съ женами, и еще лучше, если при нихъ—и съ возлюбленными. Вообще -тутъ maximum, и непремѣнно — *бытія, роста.* Ибо и „Богъ“ то — „Сый“, и основная книга — „Бытіе“, „Genesis“. У грековъ и римлянъ, не „обрѣзанныхъ“ — все это пошло въ „уборъ“, въ ростъ не человѣка и людей — а *исторіи* и *дѣлъ*: „святой“ („полубогъ“) - не многоженецъ, а герой, сперва миѳическій, потомъ историческій, сперва Тезей, а потомъ Ѳемистоклъ, Периклъ, Цезарь, Августъ. Такъ выросла цивилизація, какъ *религіозная радость* (греки, римляне), или совершилось *религіозное размноженіе*, появилось „Божье племя“ (евреи). Но у насъ, при „скончавшемся и погребенномъ Богѣ“, очевидно и „угодный Богу человѣкъ“ есть умаляющійся, хилѣющій, мало-вкушающій, мало-пьющій, вовсе не дѣятельный, всего лучше даже не живущій среди людей человѣкъ, старающійся остаться всѣмъ неизвѣстнымъ и ни для кого не видимымъ, ничего не совершившій: *минусъ* и *минусъ* бытія, *отрицаніе* и *отрицаніе* его, но не активное, не бурное, что вышло бы опять „героизмомъ“, т. е. возвращеніемъ къ „язычеству“ и „Ветхому Завѣту“, а это новое тихое отрицаніе, безшумное, безкровное, бездѣятельное, попадающее въ самое сердце жизни и побѣждающее ее побѣдою неотразимою!! Побѣдило (христіанство) смерть, побѣдило и жизнь! Еще бы оно не „метафизично“! Еще бы „царства не поклонились Ему“ (Іисусу): что „царства“ -поклонилась самая Смерть, поклонилась — и Жизнь! И поклонился весь „созданный міръ“, коему создавъ его Богъ заповѣдалъ: „расти! множись! вкушай отъ всѣхъ плодовъ земныхъ“ и „будешь со Мною и передо Мною“. Все отвернулось и повернулось съ поворотомъ какъ бы оси міра: „вкуси смерти, и вкушая смерть—радуйся; а поскольку живешь и за то одно, что живешь — скорби, страдай и сожалѣй“.

Это совершенно невѣроятное убѣжденіе, внушенное человѣку, и въ которомъ убѣдить его казалось невозможнымъ не только по прямому противорѣчію съ Завѣтомъ отъ Бога полученнымъ (въ

раю), но и по противорѣчію со всѣмъ „костнымъ и кровянымъ", живымъ и дышащимъ его составомъ,—совершилось черезъ чудо Евангелія, какъ *Слова* и черезъ чудо *Лика* Христова: что открыло человѣку новый міръ, - не реальный, но затмившій собою реальный,—міръ идеализма, духовныхъ восторговъ, чаяній, грезъ, ожиданій, измѣнивъ вовсе весь характеръ души человѣческой. Отношеніе можно выразить такъ:

1) Богъ *сотворилъ* міръ („Бытіе", „Genesis", „Бара Элогимъ...") и человѣка въ немъ, какъ вѣнецъ всего, возлюбленнѣйшую тварь Свою; и заключилъ съ человѣкомъ этимъ союзъ; и человѣкъ стоялъ, міромъ очарованный, и въ немъ начавшій самъ творить, созидать, „украшать", безпечально и безпечно (дѣти, генерація, исторія)...

2) Сошелъ Христосъ на землю и, обративъ очи человѣка на смерть, которою дѣйствительно несчастнымъ образомъ умиралъ человѣкъ, „согрѣшивъ" и „наказанный", сказалъ: „за этою смертью и даже въ этой смерти скрываются новые міры, сладчайшіе всего созданнаго міра; но чтобы стать причастнымъ имъ имъ—надо начать своеохотно умирать, при жизни уже возненавидѣть жизнь, отвергнуться отъ міра" („кто не возненавидитъ отца, братьевъ, дѣтей и *самую жизнь свою*—не можетъ быть Моимъ ученикомъ"—Его слова, записанныя у евангелиста...).

Человѣкъ попытался. Со смертью какъ фактомъ и „наказаніемъ" привзошла въ него и „наказующая психологія"—какъ фактическая способность души отдаваться отрицанію, какъ „аппетитъ небытія".

Едва, живя — онъ пожелалъ не жить: какъ отъ тренія этихъ двухъ міровыхъ колесъ въ немъ, дѣйствительно чудовищныхъ осей міра (бытіе и небытіе, жизнь и смерть) — фосфорически засвѣтились въ немъ такія картины, образы, иллюзіи, надежды, сожалѣнія, скорби, отчаяніе, жестокость съ нѣжностью, любовь и ненавидѣніе, что въ самомъ дѣлѣ „умеръ ветхій человѣкъ" и родился „новый", который вербально только помнитъ о сотвореніи міра и себя, вербально только и повинуется „Отцу міровъ"; а на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ совершенно иному именно игрѣ фосфористыхъ видѣній, въ немъ субъективно открывшихся. Такъ художникъ *за картиною* забываетъ накормить себя; бываетъ даже, что забываетъ дѣтей и родину.

Церковь, въ ея историческомъ великомъ движеніи, съ „соборами" и „догматами", и появилась какъ средній соединительный цементъ между двумя кусками расколовшагося Неба; Церковь есть

фактъ, но она вмѣстѣ была и *задачею*: „словесно и идейно“, „вѣрою и правдою“ показать, что все въ этихъ двухъ мірахъ „вышло одно изъ другого“ и „продолжалось одно другимъ“ и что „не произошло ничего изъ того, что произошло“. Но, наконецъ, пораже дѣйствительности мужественно взглянуть въ глаза.

1906 годъ.

„ВЕТХІЕ“ ТЕЗИСЫ И „НОВЫЕ“ АНТИТЕЗИСЫ.

Расхожденіе „новаго“ съ „ветхимъ“ всего лучше усматривается изъ простого сравниванія:

Исходъ, XXIII. „*Даровъ не принимай*: ибо дары дѣлаютъ зрячихъ слѣпыми“!.. „Шесть дней дѣлай дѣла твои, а въ седьмый день покойся, чтобы отдохнулъ волъ твой и оселъ твой и успокоился сынъ рабы твоей и пришлецъ“... „*Наблюдай праздникъ жатвы первыхъ плодовъ труда твоего, какіе ты сѣялъ въ полѣ, и праздникъ собиранія плодовъ въ концѣ года, когда уберешь съ поля работу твою*“... „*Начатки* плодовъ земли твоей *принеси въ домъ Господа, Бога твоего*“ (ст. 8, 12, 16, 19).

Второзаконіе, XXVI. „И скажи передъ Господомъ Богомъ твоимъ такъ:—Вотъ я принесъ начатки плодовъ отъ земли, которую ты, Господи, далъ мнѣ.—И поставь это передъ Господомъ Богомъ твоимъ, и поклонись передъ Господомъ Богомъ твоимъ“... „И веселись всякимъ благомъ, которое Господь Богъ твой далъ тебѣ, и дому твому, — ты, и священникъ, и новообращенный, и пришелецъ иновѣрный, который будетъ у тебя (стихи 5, 10, 11).

„Правила Святыхъ Апостоловъ, Святыхъ Соборовъ Вселенскихъ и помѣстныхъ, и Святыхъ Отецъ“.

Правило 3. „Аще кто епископъ или пресвитеръ, вопреки (?!?) учрежденію Господню о жертвѣ, принесетъ къ олтарю иныя нѣкоторыя вещи, или *меда*, или *млеко*, или вмѣсто вина приготовленный изъ чего-либо другого напитокъ, или *птицы* или нѣкоторыя *животныя* или *овощи*, вопреки (?!?) учрежденію, кромѣ новыхъ классовъ или винограда въ надлежащее время: *да будетъ извержена отъ священнаго чина*. Да не будетъ же позволено приносити къ олтарю что-либо иное, развѣ елей для лампады

Числа, XVIII. „Все лучшее изъ *елея* и все лучшее изъ *винограда* и хлѣба, *начатки* ихъ, которые они даютъ Господу,—я отдалъ тебѣ“(левитамъ, потомству Левія). „Всѣ *первыя произведенія земли* ихъ, которыя *они принесутъ Господу*,—да будутъ твоими“. „*Все разверзающее ложена у всякой плоти, которое приносятъ предъ Господа, изъ людей и изъ скота*,—да будетъ твоимъ; только первенецъ изъ людей долженъ быть выкупленъ, и первородное изъ скота нечистаго должно быть выкуплено“ (стихъ 12, 13, 15).

и ѳиміама, во время святого приношенія“.

Правило 4. „Всякаго иного плода начатки да посылаются въ домъ епископу и пресвитерамъ, *но не ко олтарю* (сравни *Исходъ*, XXIII, ст. 8 — о „дарахъ“, что ихъ „не принимай“). Разумѣется-же, яко епископъ и пресвитеръ раздѣлятъ съ діаконами и прочими причетниками“.

Т. е. что, „нужно, выгодно намъ“—сохранили, а что Богъ Себѣ спросилъ—упразднили.

А вотъ еще цѣлостное разсужденіе Іоанна Златоуста о всемъ пространствѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, о всѣхъ тамъ законахъ, о всей *первой*, *древнѣйшей* волѣ Божіей. До чего все дышетъ злобою и презрѣніемъ:

Іоанна Златоуста — „Слово о Синайскомъ законодательствѣ и завѣтѣ Бога съ Авраамомъ“.

„Нашею цѣлью служитъ доказать, что дѣлаемое теперь іудеями есть беззаконіе и нечестіе, брань и война людей противъ Бога. Ибо, если бы они и имѣли надежду опять получить свой городъ, возвратиться къ прежнему устройству и видѣть свой храмъ возстановленнымъ, чего впрочемъ никогда не будетъ, то и въ такомъ случаѣ не могли бы ничѣмъ оправдать того, что теперь дѣлаютъ. Можетъ быть, кто скажетъ: „ужели обрѣзаніе такъ вредно, что при немъ безполезно для евреевъ все домостроительство Христово“? Точно, обрѣзаніе такъ вредно не само по себѣ, а по неразумію обрѣзывающихся. Было нѣкогда время, когда законъ былъ полезенъ и необходимъ; но теперь онъ прешелъ и остался безъ

дѣйствія [1]). Посему, если бы ты принялъ его не во-время, онъ бы сдѣлалъ для тебя безполезнымъ даръ Божій. Потому-то и Христосъ іудействующихъ ничтоже пользуетъ,—что они не хотятъ придти (къ Нему). Если бы кто, за прелюбодѣяніе и (другіе) гнуснѣйшіе пороки, заключенъ былъ въ темницу, а потомъ, когда уже надлежало бы произнести судъ и произнесть ему обвинительный приговоръ, пришло отъ царя письмо объ освобожденіи всѣхъ заключенныхъ въ темницѣ [2]), безъ всякаго допроса и изслѣдованія, между тѣмъ тотъ (человѣкъ), не захотѣвъ принять (царской) милости, сталъ бы настаивать на томъ, чтобы его подвергли допросамъ и розыскамъ: то онъ, конечно, уже не можетъ пользоваться этой милостью. Предавъ самъ себя суду, розыску и приговору, онъ добровольно лишилъ себя царской милости. Тоже случилось и съ іудеями. Смотрите, все человѣчество уличено въ самыхъ гнусныхъ порокахъ. *Вси согрѣшиша*, говоритъ апостолъ (Рим. 5, 12), и заключены были подъ проклятіемъ грѣха, какъ бы въ темницѣ; надлежало уже произнести приговоръ надъ ними, какъ пришло съ небесъ посланіе Царя, или лучше—пришелъ самъ Царь и освободилъ всѣхъ отъ узъ грѣха, не произведя ни изслѣдованія, ни допросовъ [3]).

---

[1]) „Въ законъ *вѣчный* даю вамъ“,—сказано рѣшительно послѣ всякаго учрежденія ветхо-завѣтнаго, прежде всего—объ обрѣзаніи, по затѣмъ—о субботахъ, жертвахъ, всѣхъ праздникахъ, всѣхъ великихъ общественныхъ и семейныхъ установленіяхъ. *В. Р—въ.*

[2]) Т. е. приводится параллель тому, что „Христосъ уже безъ всякаго закона всѣхъ освободилъ“ и „избавилъ“ *В. Р—въ.*

[3]) Ну, хорошо; зачѣмъ-же потомъ-то *законы*? зачѣмъ потомъ возникло *каноническое право?* да для чего вообще, вопреки этой мысли Іоанна Златоуста, Соборы и Св. Отцы трудились составлять „правила“, да еще такой непремѣнной, несокрушимой твердости? Да, то—Богъ, и Онъ—не великъ; а это уже мы, „епископы и весь облаченный чинъ“; „аще кто преслушается нашихъ правилъ—да будетъ изверженъ“—вѣчная присказка. Что-же вотъ насъ-то никого не „избавилъ“ Христосъ?! Не избавило никого сіе „царское письмо съ Неба“? Вспомните *свои* расторженія счастливыхъ браковъ, недопущеніе для несчастныхъ развода, и тогда очевидна будетъ эта Іоаннова ложь. Не золотые уста говорили ее, а хладные и бездушные. *В. Р—въ.*

„Посему всѣ, прибѣгающіе къ Спасителю, пользуются даромъ и спасаются благодатію; а тѣ, которые хотятъ оправдаться закономъ, лишаются и благодати. Стараясь спастись собственными силами, они не могутъ воспользоваться царскимъ человѣколюбіемъ и привлекаютъ на себя проклятіе закона, *зане не оправдится отъ дѣлъ закона всяка плоть* (Гал. 2, 16). Посему-то апостолъ и говоритъ: *аще обрѣзается—Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (5, 2): ибо усиливающійся спастись дѣлами закона не имѣетъ никакого общенія съ благодатію. То же самое разумѣлъ Павелъ, когда говорилъ: *аще ли по благодати—то не отъ дѣлъ: зане благодать уже не бываетъ благодать. Аще ли отъ дѣлъ—ктому нѣсть благодать: зане дѣло уже нѣсть дѣло* (Рим. XI, 6). И опять: *аще бо законъ правда—убо Христосъ туне умре* (Гал. II, 21). И еще: *упразднистеся отъ Христа, иже закономъ оправдается: отъ благодати отпадосте* (V, 4). Ты умеръ для закона, сдѣлался мертвымъ и уже не находишься подъ игомъ и неволею его. Къ чему же всуе и напрасно усиливаешься безпокоить самъ себя? Но для чего Павелъ поставилъ здѣсь свое имя и не сказалъ просто: „се азъ глаголю вамъ“? Онъ хотѣлъ напомнить галатамъ о той ревности, какую самъ прежде показалъ въ пользу іудейства. „Если бы я былъ изъ язычниковъ“,—какъ-бы говоритъ онъ,— „и не зналъ іудейства, то иной, можетъ быть, сказалъ бы, что я потому изгоняю обрѣзаніе изъ церковныхъ догматовъ, что не знаю силы его, такъ какъ самъ не жилъ въ іудействѣ“. Вотъ для чего онъ поставилъ свое имя,—чтобы напомнить имъ о томъ, что сдѣлалъ онъ для закона. Какъ бы такъ говоритъ онъ: „это дѣлаю не по враждѣ къ обрѣзанію, но по знанію истины: это говорю я, Павелъ, тотъ Павелъ, который обрѣзанъ осмидневно, отъ рода Израилева, колѣна Веніаминова, еврей отъ евреи, по закону фарисей, по ревности гонихъ Церковь (Филл. III, 5, 6); въ домы входя и влача мужи и жены и предаяхъ ихъ въ темницу (Дѣян. VIII, 3); все это можетъ убѣдить самыхъ безразсудныхъ, что я постановилъ этотъ законъ (объ упраздненіи обрѣзанія) не по враждѣ какой, или по незнанію іудейства[1]),

---

[1]) Изъ того, что онъ съ такою жестокостью гналъ Христіанъ, не зная ихъ, можно заключить только о томъ, что, съ такою-же жестокостью начавъ гнать потомъ обрѣзаніе и весь Ветхій Завѣтъ — онъ также мало *проникалъ внутрь и его* (какъ первоначально во внутрь Христіанства). Вспомнишь горькое его самосознаніе:

но по знанію высочайшей Христовой истины. *Свидѣтельствую же паки*, говоритъ онъ, *всякому человѣку обрѣзающемуся, яко долженъ есть весь законъ творити* (Гал. V, 3). Для чего не сказалъ: „возвѣщаю же“, или „заповѣдую же“, или „говорю же“, но: „свидѣтельствую“? Для того, чтобы [1]) этимъ выраженіемъ напомнить намъ о будущемъ судѣ: ибо гдѣ свидѣтели, тамъ судъ и приговоръ. Такъ онъ устрашаетъ слушателя, напоминая ему о царскомъ престолѣ, и показывая, что эти слова будутъ ему свидѣтелями въ тотъ день, когда каждый долженъ будетъ дать отчетъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ, что сказалъ, и что слышалъ. Эти слова апостола слышали нѣкогда галаты, а теперь пусть послушаютъ и страждущіе болѣзнію галатовъ. „Свидѣтельствую же всякому человѣку обрѣзающемуся, яко долженъ есть весь законъ творити“. Т. е. не говори мнѣ, что обрѣзаніе составляетъ только одну заповѣдь: эта одна заповѣдь налагаетъ на тебя все иго [2]) закона. Если ты хотя частію подчиняешь себя владычеству закона, то необходимо долженъ повиноваться и прочимъ повелѣніямъ его; если же не исполняешь ихъ, то по всей необходимости подлежишь наказанію и навлекаешь на себя проклятіе. Исполняющій одну заповѣдь закона, объ обрѣзаніи ли то, или о постѣ, изъ-за этой одной заповѣди отдалъ всего себя во власть закона, и не въ состояніи уже освобо-

---

„дано мнѣ *жало* въ плоть, аггелъ *Сатаны*“ (*2 Коринѳ.*, 12,7) — и имъ „ужальный“, онъ поднималъ бичи то на право, то на лѣво, но въ обоихъ случаяхъ именно — бичи, гоненія, „въ домы входя и влача мужи и жены“, сперва—крещеныхъ и потомъ обрѣзанныхъ. Этой грустной реальной правды нельзя затушевать никакого силою и никакимъ величіемъ слова. „Втунѣ слова, когда жестоко дѣло“— перефразируемъ его слова о законѣ и о благодати. *В. Р—въ.*

[1]) Какое пустословіе! *В. Р—въ.*

[2]) Да „обрѣзаніе“ и огромныя права и преимущества, съ нимъ неразрывно данныя человѣку, есть вовсе не „иго“, а—*облегченіе*. Такъ вѣдь можно и объ крещеніи, и объ хожденіи на исповѣдь и къ обѣднѣ тоже сказать: „къ чему это *иго*“? Да, кажется, такъ и поговариваютъ въ людяхъ,—такъ что „отозвались медвѣдю коровьи слезы“. „Какъ вы съ ветхимъ, обветшавшимъ, не нужнымъ вамъ словомъ,—такъ вотъ теперь и съ вашимъ новымъ, которое къ XIX—XX-му вѣку тоже обветшало, и менѣе занимаетъ насъ, чѣмъ заработная плата и Карлъ Марксъ“. *В. Р—въ.*

диться отъ нея, пока имѣетъ желаніе повиноваться ему, хотя отчасти. Мы говоримъ это не съ тѣмъ, чтобы обвинять законъ, нѣтъ [1]); но чтобы показать преизобильное богатство благодати Христовой. Законъ не противорѣчитъ Христу [2]); да и какъ это можетъ быть, когда онъ данъ Имъ [3]) и къ Нему руководитъ насъ? Но говорить обо всемъ этомъ мы вынуждаемся неумѣстною ревностію тѣхъ, которые пользуются закономъ не такъ, какъ должно. Они-то и оскорбляютъ законъ, когда тѣ повелѣваютъ отстать отъ него и приступить ко Христу, тѣ снова держатся его. Согласенъ и я, и никогда не буду отрицать, что законъ принесъ очень много пользы нашему роду; но ты, держась его не во-время, не даешь (вполнѣ) обнаружиться его великой пользѣ. Какъ для воспитателя самою великою похвалою бываетъ то, что воспитанный имъ юноша уже не имѣетъ нужды въ его надзорѣ для сохраненія цѣломудрія, потому-что уже довольно укрѣпился въ этой добродѣтели, такъ и для закона величайшею похвалою является то, что мы уже не

---

[1]) Интересно! Вотъ что называется истиннымъ остроуміемъ *В. Р—въ*.

[2]) Но если „не противорѣчитъ“, то для чего-же „городить огородъ“ всего этого разсужденія? и для чего ап. Павелъ потребовалъ „не обрѣзывайтесь“? и, отдаленно и таинственно—для чего умеръ Христосъ? Но *таинственно* Онъ умеръ конечно не по поводу 30 серебренниковъ („но для *часа* сего и пришелъ Я въ міръ“, т. е. настоящая цѣль, τέλος пришествія Христа на землю—и есть Голгова, въ которой 30 серебренниковъ не играли въ сущности никакой роли, ибо все уже было „предопредѣлено“ и „предусмотрѣно“), но вотъ для того именно, чтобы съ высоты Креста и страшною силою его („Богъ, умершій за наши грѣхи“) пронзить обрѣзаніе; и установить „новый завѣтъ“, съ Собою, съ Крестомъ Своимъ; и чтобы пріявшіе печать этого новаго завѣта вѣчною ненавистью ненавидѣли тотъ первый завѣтъ, какъ мы „жидовъ“ и вотъ Іоаннъ Златоустъ—весь древній законъ, сказавши прямо: „кто слушается велѣній Іеговы—тотъ ведетъ *брань съ Богомъ*“. *В. Р—въ*.

[3]) Законъ *ветхій*, о которомъ говорится во всей этой статьѣ, законодательство *Синайское*, держащіеся коего объявляются „воюющими съ Христомъ“, въ этой-же статьѣ приписываются Христу!! Это даже не Боборыкинъ пишетъ, а просто Ноздревъ передвигаетъ ташку рукавомъ. *В. Р—въ*.

имѣемъ нужды въ его помощи [1]). Ибо этимъ-то самымъ мы и обязаны закону,—что душа наша сдѣлалась довольно способною къ принятію высшаго любомудрія. Значитъ, кто доселѣ остается при законѣ и ничего не можетъ видѣть больше того, что тамъ написано, тотъ не получилъ отъ него большой пользы, а я, который оставилъ его и возвысился до высочайшихъ догматовъ Христовыхъ, могу восхвалять его особенно за то, что онъ сдѣлалъ меня способнымъ возвыситься надъ мелочностью написаннаго въ немъ и взойти на высоту ученія, преподаннаго намъ Христомъ. Законъ много принесъ пользы нашей природѣ, если только приблизилъ насъ къ Христу; а если нѣтъ, то повредилъ еще тѣмъ, что, привязавъ насъ къ меньшему, лишилъ большаго, и доселѣ держитъ въ безчисленныхъ грѣховныхъ ранахъ [2]).

Его-же—„Слово о праздникахъ ветхозавѣтныхъ“.

„Праздники ихъ, скажете, имѣютъ въ себѣ что-то важное и великое? И ихъ сдѣлали они нечистыми. Послушай пророковъ,

---

[1]) Ну, хорошо: вотъ и я, предки коего всѣ крестились и знали законъ евангельскій: „возлюби ближняго своего“ и проч., самъ по себѣ и безъ напоминанія Евангелія люблю всѣхъ ближнихъ своихъ. *Дозволилъ*-ли бы мнѣ Іоаннъ Златоустъ, какъ константинопольскій епископъ, или, положимъ, митрополитъ петербургскій Антоній, не ходить болѣе къ обѣднѣ и даже не крестить дѣтей? да и не только „позволилъ“-бы, а и *запретилъ*-бы весь „новозавѣтный обрядъ“, ибо я теперь и безъ обряда водки не пью и съ ближними не дерусь. Таково-же разсужденіе Златоуста, что „законодательство Синайское не нужно“ для жителей Цареграда, ибо они уже „созрѣли въ добродѣтели“. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ то-то „держитъ въ грѣховныхъ ранахъ“. То „созрѣли и перезрѣли“, то „не дозрѣли“,—все смотря по надобности краснорѣчія, абсолютно не заинтересованнаго въ истинѣ, абсолютно растерявшаго всѣ концы, да и не интересующагося ими нисколько. „Шапка на мнѣ золотая, жезлъ правленія — въ рукахъ, стою на амвонѣ, слушатели разинули рты: и не все-ли ровно, что̀ буду говорить? За все—вознесутъ, почтутъ, возведутъ въ *икону*“—и... „поклонятся Иконѣ всѣ, живущіе на землѣ, которыхъ имена *не написаны въ книгѣ жизни*“ (по поему—„которые *не обрѣзаны*“) (Апокалипсисъ, XIII). *В. Р—въ.*

или, лучше послушай Самого Бога, какое сильное отвращеніе показываетъ Онъ къ нимъ: *возненавидѣхъ и отвергохъ праздники ваши* (Амос. V, 21). Богъ ненавидитъ ихъ [1]), а ты принимаешь въ нихъ участіе? Не сказано, что ненавидитъ такой-то и такой-то праздникъ, но вообще всѣ [2]). Хочешь знать, что Богъ ненавидитъ (іудейское) служеніе [3]) Ему? *Отстави отъ Мене*, сказалъ Онъ, *гласъ пѣсней твоихъ, и пѣснь органовъ твоихъ—не послушаю* (ст. 23). Не мерзки-ли [4]) самыя жертвы ихъ и приношенія? *И аще при-*

---

[1]) Да вѣдь *Богъ* ихъ установилъ? Какъ-же *Онъ* ихъ возненавидѣлъ?! Передъ безграмотными гуляками (игры въ циркѣ) Константинополя Златоустъ могъ скрыть, что Богъ, конечно, не о *праздникахъ*, Имъ установленныхъ, сказалъ черезъ пророка Амоса, а объ *дурномъ*, *пошломъ*, *сальномъ*, *легкомысленномъ* настроеніи духа, въ какомъ или съ какимъ евреи осмѣливались праздновать праздники Господни. Вотъ и у насъ за свадьбою часто напиваются, и былъ-бы понятенъ возгласъ священника: „ненавижу ваши свадебныя гулянья“, или сокращенно: „ненавижу ваши свадьбы“ „что ваши способы торжествовать бракъ“. Но значило-ли бы это въ устахъ его: „чинъ вѣнчанія—*отмѣняется*“?! *В. Р—въ.*

[2]) Да для чего-же тогда Онъ, Богъ, установилъ ихъ? Нужно-бы по крайней мѣрѣ не полѣниться объяснить это. Но, впрочемъ что-же я: вѣдь ветхозавѣтные праздники всѣ, какъ напр. въ особенности многодневный праздникъ кущей, были *полевые* или *семейные*, съ вайями и тимпанами въ рукахъ, *глубоко счастливые* и *радующіе народъ, подымавшіе въ немъ сердце.* Какъ-же тутъ можно разревѣться-то? А поревѣть надо, безъ этого нѣтъ христіанства И „праздники ветхозавѣтные возненавидѣлъ Богъ“, т. е. возненавидѣло новое духовенство—собственно чтобы опростать мѣсто для своихъ „средъ“ и „пятницъ“, для своихъ „постовъ“ и, словомъ рыданій и „панихидки“. *В. Р—въ.*

[3]) ?!! Просто—страшно читать; или ужъ очень забавно. Но во всякомъ случаѣ это — сплошное кощунство надъ Св. Писаніемъ и всѣмъ вообще Закономъ Божіимъ. *В. Р—въ.*

[4]) Прямо страшно читать. Можно подумать, что Златоустъ никогда не раскрывалъ Библію, чтобы прочесть тамъ *тысячи нѣжнѣйшихъ строкъ* именно о праздникахъ, объ этихъ радостяхъ человѣческихъ. Но если онъ читалъ Библію, то для дерзости его только и найдешься, что отвѣтить изъ той-же главы Апокалипсиса: „И от-

несете Ми семидалъ—всуе: кадило—мерзость Ми есть! (Исаія I, 13) Кадило ихъ—мерзость, а мѣсто—не мерзость? И когда же мерзость? Прежде чѣмъ они совершили самое главное злодѣяніе, прежде христоубійства. Такъ не гораздо-ли болѣе мерзко ихъ кадило теперь? Что можетъ быть благовоннѣе кадила? Но Богъ судитъ о приношеніяхъ, обращая вниманіе не на свойство даровъ, а на расположеніе приносящихъ. *Призрѣ на Авеля*—и потомъ уже на дары его; *увидѣлъ Каина*—и потомъ отвратился отъ жертвъ его. *На Каина*, сказано, *и на жертвы* его—*не внялъ* (Быт. IV, 4, 5). Ной принесъ въ жертву Богу овецъ, тельцовъ и птицъ, и *обоня Господь*,—говоритъ Писаніе,—*воню благоуханія* (Быт. VIII, 21), то есть принялъ принесенное. У Бога конечно нѣтъ ноздрей: Божество—безтѣлесно. Съ жертвенника возносится кверху запахъ и дымъ отъ сожигаемыхъ тѣлъ, а зловоннѣе этого запаха ничего не можетъ быть; однако-жъ, чтобы ты зналъ, что Богъ то̀ принимаетъ жертвы, то̀ отвращаетъ ихъ, смотря по расположенію духа приносящихъ. Писаніе называетъ этотъ запахъ и дымъ вонею благоуханія, а кадило мерзостію, потому что душа возносящихъ его исполнена великаго зловонія. Хочешь ли знать, что Богъ отвращается, вмѣстѣ съ жертвами, органами, праздниками, ѳеміамомъ, и отъ храма изъ-за людей, которые собираются въ немъ? Лучше всего Онъ показалъ это на дѣлѣ, когда въ извѣстное время предалъ храмъ іудейскій въ руки варваровъ [1]), а потомъ и совершенно разрушилъ. Какъ же глупо и безумно праздновать вмѣстѣ съ людьми, покрытыми безчестіемъ, оставленными Богомъ и раздражившими Господа? Если бы кто убилъ твоего сына, скажи мнѣ: ужели ты могъ бы смотрѣть на такого человѣка, слушать его [2])

верзъ онъ (и такіе, какъ онъ) уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его и живущихъ на небѣ“ (XIII, 6). *В. Р—въ.*

[1]) Такъ вѣдь и о Цареградѣ можно замѣтить, что онъ „попалъ въ руки турокъ“, и о Москвѣ—что она даже при собственныхъ государяхъ „сошла на нѣтъ“ въ смыслѣ столицы; а теперь, послѣ японской войны, и о насъ, вообще „православныхъ христіанахъ“, что насъ „предадѣ Богъ въ руцы язычниковъ, яко Ахаза и Ахава“. И вообще краснорѣчію этому нѣтъ конца. На то и гомелетика, чтобы не уставать. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ тутъ, пожалуй, тайный и *настоящій* смыслъ Голгоѳы. „О сѣмени твоемъ благословятся всѣ народы земные“, сказано

разговоръ? Не избѣжалъ-ли бы ты его, какъ злого демона, какъ, самого діавола? Іудеи умертвили Сына твоего Владыки, а ты осмѣливаешься сходиться съ ними въ одномъ и томъ же мѣстѣ? Умерщвленный (Іисусъ Христосъ) почтилъ тебя такъ, что сдѣлалъ Своимъ братомъ и сонаслѣдникомъ, а ты столь безславишь Его, что уважаешь убійцъ и распинателей [1]) Его и угождаешь имъ участіемъ въ ихъ праздникахъ, ходишь въ скверныя мѣста ихъ собраній, вступаешь въ нечистыя преддверія и учавствуешь въ бѣсовской [2]) трапезѣ? У нихъ нѣтъ ни опрѣсноковъ, ни пасхи. Что у нихъ нѣтъ опрѣсноковъ, выслушай объ этомъ слова законодателя (Моисея): *не возможеши жрети пасхи ни въ единомъ отъ градовъ твоихъ, яже Господь Богъ твой дастъ тебѣ: но токмо на мѣстѣ, еже изберетъ Господь Богъ твой, призывати имя Его ту* (Втр. XVI, 5, 6), разумѣя здѣсь Іерусалимъ. Видишь, какъ Богъ, привязавъ этотъ праздникъ къ одному городу, впослѣдствіи разрушилъ и самый городъ, чтобы и по-неволѣ отклонить ихъ отъ прежняго порядка жизни [3])? Всякому извѣстно, что Богъ предвидѣлъ будущее. Для чего-же Онъ собралъ ихъ туда со всей вселен-

---

о народѣ-любимцѣ, народѣ избранномъ. Какъ-же было *все человѣчество поднять противъ этого народца* до такой силы ненавидѣнія, чтобы изъ него только „остатокъ малый сохранился“ (Апокалипс.) Какъ любимое Богомъ сдѣлать отвратительнымъ для человѣчества? Но Златоустъ договариваетъ: и намъ нечего разъяснять. „Ты избранъ Богомъ? Вотъ съ тебя съ живого будутъ сдирать шкуру, за то, что ты сдѣлалъ“ то-то и то-то, „потому что ты—демонъ, дьяволъ“ (слова Златоуста).—*В. Р—въ.*

[1]) Вотъ-вотъ!! Здѣсь уже совершенно духъ средневѣковыхъ преслѣдованій, духъ и нашихъ Кишенева и другихъ городковъ. „Распни ихъ“—воскликнуть о тысячахъ, „распни“—сказать о народѣ Божіемъ, какъ объ этомъ удостовѣрено, какъ объ этомъ сказано въ Писаніи, и воскликнуть это на основаніи тоже, но другого, „Писанія“. Смыслъ Голгоѳы совершенно становится ясенъ: что ею *ноуменально* возводилось на Голгоѳу вступившее съ Богомъ въ завѣтъ племя, дрожжи и масло человѣчества. *В. Р—въ.*

[2]) Страшно читать: это сказано о **Бого**-учрежденномъ праздникѣ!! Нѣтъ, нельзя повѣрить, чтобы Златоустъ когда-нибудь читалъ Библію. *В. Р—въ.*

[3]) ?!!? *В. Р—въ.*

ной, если предвидѣлъ, что этотъ городъ погибнетъ? Не ясно-ли, что Онъ хотѣлъ отмѣнить и самый праздникъ [1])?

„Богъ отмѣнилъ его, а ты послѣдуешь іудеямъ, о которыхъ пророкъ говоритъ: *и кто слѣпъ, развѣ рабы Мои; и глуси, развѣ владѣющіе ими?* (Ис. XLII, 19). Въ самомъ дѣлѣ, къ кому не были они неблагодарны и безчувственны? Къ апостоламъ-ли, къ пророкамъ-ли, къ учителямъ-ли своимъ? Но что и говорить объ учителяхъ и пророкахъ, когда они убивали даже дѣтей своихъ! Они, вѣдь, закалали въ жертву демонамъ своихъ сыновей и дочерей (Пс. CV, 37). Они не познали самой природы и усердствовали соблюдать дни. Попрали родство, забыли дѣтей, Самого Бога, создавшаго ихъ: *Бога, рождшаго Тя, оставилъ еси, и забы Бога питающаго тя* (Втр. XXXII, 18). Оставили Бога и усердствовали соблюдать праздники? Кто-бы могъ сказать это? И Христосъ праздновалъ (съ іудеями) пасху, не для того, чтобы мы праздновали ее съ ними, но чтобы посредствомъ тѣни ввести истину [2]). Онъ и обрѣзыванію подвергся, и наблюдалъ субботы, и совершалъ ихъ праздники, и вкушалъ опрѣсноки, и все это дѣлалъ въ Іерусалимѣ; но мы ни къ чему этому не обязаны; напротивъ, Павелъ взываетъ къ намъ: *аще обрѣзаетеся—Христосъ васъ ничтоже поль-*

---

[1]) Слишкомъ сложно и похоже на схоластика: „чтобы отмѣнить еврейскіе праздники“—Богъ не сказалъ: „не празднуйте ихъ“, а привелъ Тита съ войскомъ и побилъ тысячъ 60 народа. Эта тенденція представляетъ Бога—Аракчѣевымъ земли, весьма любопытна и тоже почти *ноуменальна* у Отцовъ и благоговѣйныхъ ихъ слушателей. Богъ ненавидитъ и гонитъ всѣхъ „не-христіанъ“—это непремѣнно; но, затѣмъ, и у самихъ христіанъ онъ не очень любитъ католиковъ—у православныхъ, „схизматиковъ“ (грѣковъ и русскихъ)—у католиковъ, у нихъ обоихъ и согласно — лютеранъ, у лютеранъ—православныхъ и католиковъ. Наконецъ, если взять тѣсное стадо напр. однихъ православныхъ, то окажется, что и изъ нихъ Онъ почти всѣхъ не любитъ „за тяжкіе грѣхи“. И если выбрать послѣдній, ничтожный остатокъ праведныхъ и удостовѣренно „угодныхъ“ то и относительно ихъ сохраняется всетаки розга моральной аксіомы: „Богъ кого любитъ — *того и наказуетъ*“. Такъ что кого собственно „любитъ“ „Богъ любви“, безъ двусмыслицы („любитъ — наказуетъ“) и экивоковъ—совершенно непонятно. *В. Р—въ.*

[2]) ?!!? *В. Р—въ.*

зуетъ (Гал. V, 2). И опять объ опрѣснокахъ: *ниижде да празднуемъ, не въ квасѣ всетѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (I Кор. V, 8). Наши опрѣсноки состоятъ не въ замѣшанной мукѣ, но въ безукоризненномъ поведеніи и добродѣтельной жизни [1]).

„Для чего-же Христосъ совершилъ тогда пасху? Такъ-какъ древняя пасха была образомъ будущей, а за образомъ надлежало слѣдовать истинѣ, то Христосъ, напередъ показавъ тѣнь, потомъ предложилъ на трапезѣ и истину. Іудейская пасха есть образъ, а христіанская — истина. Смотри, какая между ними разность: та избавляла отъ тѣлесной смерти, а эта прекратила гнѣвъ (Божій), которому подпала вся вселенная; та избавляла нѣкогда отъ Египта, эта освободила отъ идолослуженія; та погубила фараона, эта — діавола, послѣ той — Палестина, послѣ этой — небо. Что-же ты идешь со свѣчею, когда уже взошло солнце? Зачѣмъ хочешь питаться молокомъ, когда дается тебѣ твердая пища? Для того тебя и кормили молокомъ, чтобы ты не оставался на молокѣ; для того и свѣтила тебѣ свѣча, чтобы ты пришелъ къ солнцу [2]). А съ появленіемъ истины, тѣнь уже скрывается и дѣлается неумѣстною. Итакъ, не представляй мнѣ этого въ возраженіе, а докажи, что Христосъ повелѣлъ дѣлать это и намъ. Я, напротивъ, докажу, что

---

[1]) Скажите, пожалуйста! Ну, а однако когда дѣло дошло до *точнаго способа печенія просфоръ*, изъ прѣснаго или кислаго тѣста (такъ, кажется) ихъ печь, то и раскололся весь христіанскій міръ. Отъ Гибралтара до Эльбы и отъ Шотландіи до Сициліи поднялись кулаки за „кислую квашню“, и отъ Дуная до Месопотаміи поднялись другіе кулаки „за квашню прѣсную“. А изъ-за „поведенія и добродѣтельной жизни“ не только въ семъ случаѣ, но и ни въ какомъ христіане не раздѣлялись, не поссорились никогда, и не выдѣлили ни одной секты. Такъ что во всѣ дни христіанства и во всѣхъ уголкахъ міра христіанскаго это всегда и для всѣхъ было „все равно“.—*В. Р—въ.*

[2]) Удивительно: подъ „солнцемъ“ — а такъ ссорятся. И самъ Златоустъ до того „укусливъ“ былъ въ своихъ проповѣдяхъ, что его пришлось силой выпроводить изъ Константинополя. А все — „небо“, „солнце“, „добродѣтели и безукоризненное поведеніе“. Тогда для чего-же кусать и кого кусать? Но „кусались“ въ христіанствѣ всегда.—*В. Р—въ.*

Онъ не только не повелѣлъ намъ наблюдать дней Моисеева закона, но и освободилъ насъ отъ этой необходимости. Послушай, что говоритъ Павелъ (а когда назову Павла, разумѣй Христа, потому что Онъ движетъ душою Павла). Такъ что-же говоритъ онъ? *Дни смотряете, и мѣсяцы и времена, и лѣта. Боюся о васъ, еда како всуе трудихся въ васъ* (Гал. IV, 10, 11). И опять: *елижды бо аще сте хлѣбъ сей, и чашу сію піете—смерть Господню возвѣщаете* (I Кор. XI, 26). А словомъ—*елижды* (всякій разъ) апостолъ отдалъ на волю (христіанину, когда) приступать (къ таинству евхаристіи) и, такимъ образомъ, вовсе освободилъ его отъ наблюденія временъ [1]). Итакъ, когда настало совершеннѣйшее состояніе, не будемъ возвращаться къ прежнему, — не будемъ наблюдать дней, временъ и годовъ, но во всемъ неуклонно послѣдуемъ Церкви, всему предпочитая любовь и миръ“.

(„Слово противъ іудеевъ и іудействующихъ“ I — III. Творенія Іоанна Златоуста, т. I, кн. 2. 1895 г. стр. 646—662).

Однимъ словомъ: „мы—лучше, и все наше—лучше“. И хоть это противъ Бога, но „это ничего не значитъ, ибо мы всетаки—лучше“. Счастливое убѣжденіе, „благодатная“ психологія!

КОНЕЦЪ.

---

[1]) Зачѣмъ-же тогда пасхалію-то ввели, если „не нужно наблюдать временъ“? Но собственно черезъ „не надо временъ“ оттолкнулись отъ сроковъ Божіихъ, отъ сроковъ еще Синайскихъ, отъ этихъ прекрасныхъ „новомѣсячій“, „жатвъ“, „посѣвовъ“, *природы*,— дабы ввести свои „усѣкновенія главы“ и разныя „успенія“, — все частицы гроба и гроба, все слезы и слезы: и вотъ эти новые „гробовые сроки“ уже никто не посмѣлъ-бы и до сихъ поръ не смѣетъ никто сдвинуть. *В. Р—въ.*

Рожновъ, Н., привать-доцентъ Московскаго Университета и преподаватель Практической Академіи коммерческихъ наукъ.

Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904 г. **1 р. 10 к. (№ 15).**

Тэнъ, И.

Происхожденіе современной Франціи. Томъ I. Старый порядокъ. Т. II. Новый порядокъ. Перев. съ франц. **(№ 10)** [печатается].

Файфъ, Ч.

Исторія Европы XIX вѣка. Перев. со второго англійскаго изданія *М. В. Лучицкой* подъ редакціей проф. *И. В. Лучицкаго.* Одобрена для ученическихъ библіотекъ среднеучебныхъ заведеній (1-е дополненіе каталога учебн. библіотекъ средн. уч. заведеній 1897 г., № 496). Съ 2 раскрашенными картами Европы и алфавитнымъ указателемъ именъ. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. **5 р. 50 к. (№ 8).**

Франке, Куно.

Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ. (Съ V вѣка до настоящаго времени). Съ 39 портретами. Переводъ съ англ. *П. Ватина.* Спб. 1904 г. **3** р. **(№ 9).**

Эндрузъ, Веньяминъ.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—62 гг. и до нашихъ дней. Переводъ съ англійскаго *Е. А. Гурвичъ.* Спб. 1905 г. **2 р. 50 к. (№ 17).**

II. Изящная литература, исторія, критика и публицистика

Бѣлозерскій, Н. (Ив. Порошинъ).

Записки учителя. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1905 г. **75 к.**

Мельхіоръ де-**Вогюэ.**

Максимъ Горькій. Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ. Переводъ А. Б. Ф. Спб. 1902 г. **25 к.**

Горинъ, Н.

Основныя идеи произведеній Максима Горькаго. Съ портретомъ. Спб. 1902 г. **30 к.**

Гуревичъ, Л.

„Сѣдокъ" и другіе разсказы. Спб. 1904 г. **1 р. 50 к.**

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ).

„Встрѣчи и воспоминанія". Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 1903 г. **1 р. 75 к.**

Лемке, Мих.

Думы журналиста. Спб. 1903 г. **1 р. 25 к.**

Мережковскій, Д. С.

Грядущій Хамъ. Спб. 1906 г. **1 р.**

Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на островѣ Лезбосѣ. 2-е изд. Спб. 1904 г. **1 р. 25 к.**

Л. Толстой и Достоевскій. Т. I. Спб. 1903 г. **2 р.** — Т. II. Спб. 1903 г. **3 р.**

Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV в. 2-е изд. Спб. 1904 г. **1 р. 25 к.**

Содержаніе: Любовь сильнѣе смерти. — Наука любви. — Микель-Анжело.—Святой Сатиръ.

Петръ и Алексѣй. Историческій романъ. Спб. 1905 г. **3 р.**

Морсье, де-,А.

Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Переводъ съ франц. Эльтъ. Спб. 1904 г. **50 к.**

Якимовъ, Василій, авторъ книги *„По слѣдамъ голода".*

Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы. Спб. 1904 г. **1 р. 25 к.**

Выписывающіе изъ Склада за пересылку не платятъ.—Каталогъ высылается за 7-микоп. марку по первому требованію.

Цѣна за оба тома 4 р.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія

сочиненія В. В. РОЗАНОВА:

О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки, какъ цѣльнаго знанія. Москва, 1886 г. Цѣна **5** р.

Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изданіе 2-ое. С.-Петербургъ, 1902 г. Цѣна **1** р.

Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Изданіе П. Перцова. С.-Петербургъ, 1899 г. Цѣна **1** р.

Литературные очерки. Изданіе П. Перцова. С.-Петербургъ, 1899 г. Цѣна **1** р.

Природа и исторія. Изданіе 2-ое, П. Перцова. С.-Петербургъ, 1902 г. Цѣна **1** р.

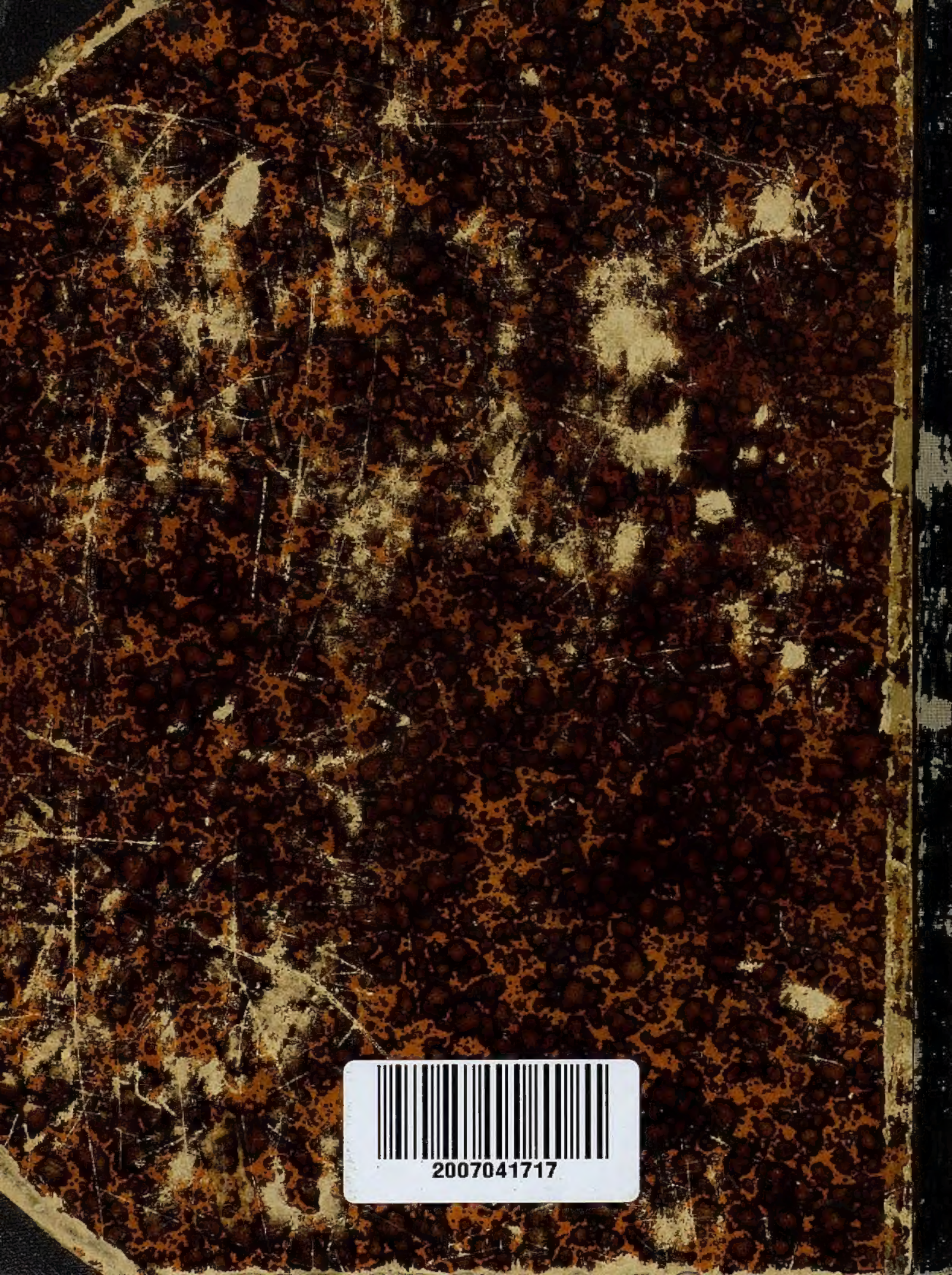
Религія и культура. Изданіе 2-ое, П. Перцова. С.-Петербургъ, 1902 г. Цѣна **1** р. **20** к.

Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-ое. С.-Петербургъ, 1904 г. Цѣна **1** р. **50** к.

Семейный вопросъ въ Россіи.—Дѣти и родители.—Мужья и жены.—Разводъ и понятіе незаконнорожденности.—Холостой бытъ и проституція.—Женскій трудъ.—Законъ и религія.—Съ рисунками въ текстѣ. Два тома. С.-Петербургъ, 1903 г. Цѣна за оба тома **4** р. **50** к.

Мѣсто христіанства въ исторіи. Изданіе 2-ое. С.-Петербургъ, 1904 г. Цѣна **15** коп. (выпускъ 1-й „Религіозно-философской библіотеки").

Выписывающіе изъ Склада М. В. ПИРОЖКОВА *(Спб., В. О., 2 л., д. 13)* **за пересылку не платятъ.**


2007041717